

S $\frac{72}{523}$

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!

✱

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

✱

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

✱

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

✱

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

✱

Возвращайте книги в установленные сроки.

✱

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

✱

Лица, виновные в злостной порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

S $\frac{72}{523}$

П. А. Никольскій.

БУМАЖНЫЯ ДЕНЬГИ

ВЪ РОССІИ.

КАЗАНЬ.
Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.
1892.

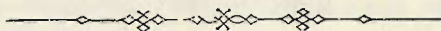

С $\frac{72}{523}$

П. А. Никольскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ
БУМАЖНЫЯ ДЕНЬГИ

ВЪ РОССІИ.

КАЗАНЬ.

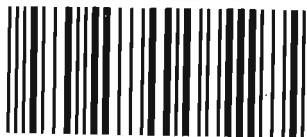
Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета

1892.

По определению юридического факультета ИМПЕРАТОРСКОГО Казан-
ского Университета печатать дозволяется.

Деканъ *А. Осиповъ*.

2007051530

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Глава I. Деньги	1.
Глава II. Денежные суррогаты	43.
Глава III. Бумажные деньги	77.
Глава IV. Первый периодъ исторіи русскихъ ассигнацій (1768—1786 г.г.): ассигнаціи — денежный суррогатъ.	140.
Глава V. Второй периодъ исторіи ассигнацій (1786—1812 г.г.): ассигнаціи утрачиваютъ размѣнность	165.
Глава VI. Третій периодъ исторіи ассигнацій (1812—1843 г.г.): ассигнаціи становятся дѣйствительными деньгами	222.
Глава VII. Первый периодъ исторіи государственныхъ кредитныхъ билетовъ (1843—1856 г.г.): кредитные билеты—денежный суррогатъ	258.
Глава VIII. Второй периодъ исторіи государственныхъ кредитныхъ билетовъ (съ 1856 г.—до нашихъ дней): кредитные билеты — дѣйствительныя деньги.	294.
Глава IX. Бумажные деньги и народное хозяйство	336.

ГЛАВА I. ДЕНЬГИ.

Исторія человѣческихъ обществъ начинается организаціей, извѣстной подъ именемъ натуральнаго хозяйства. При этой первобытной организаціи каждое хозяйство производитъ само для себя все нужное; другими словами, при такомъ порядкѣ единственнымъ способомъ пріобрѣтенія благъ является тотъ, что каждому приходится своими руками производить нужное ему благо, если природа не даетъ его даромъ. Первобытное народное хозяйство, такимъ образомъ, распадается на многочисленный рядъ отдѣльныхъ хозяйствъ, которыя не нуждаются другъ въ другѣ и не находятся потому въ тѣсной зависимости между собой. Эти многочисленные отдѣльныя хозяйства первобытнаго общества, естественно, не отличаются другъ отъ друга характеромъ имущества и дохода; другими словами, въ первобытномъ хозяйствѣ нельзя встрѣтить того, что одно хозяйство владѣетъ землей, другое капиталомъ, что одно хозяйство получаетъ доходъ въ видѣ ренты; другое—въ видѣ процента, а еще третье получаетъ заработную плату. Такихъ различій въ натуральномъ хозяйствѣ нѣтъ: всѣ отдѣльныя хозяйственные единицы съ качественной стороны похожи другъ на друга; именно: всякое самостоятельное хозяйство должно имѣть и имѣеть въ своемъ распоряженіи всѣ факторы производства (землю, капиталъ и трудъ). Равнымъ образомъ доходъ каждаго изъ этихъ хозяйствъ качественно одинъ и тотъ же: это — сумма потребительныхъ цѣнностей, явившихся результатомъ труда самихъ членовъ даннаго хозяйства. Между отдѣльными хозяйствами той первоначальной стадіи развитія можетъ и нерѣдко дѣйствительно существовать не качественное, а только количественное различіе, хотя и не рѣзкое.

Натуральное хозяйство отличается однимъ весьма существеннымъ недостаткомъ: оно отличается малою производительностью. Малая производительность натурального хозяйства обуславливается самыми различными причинами. Во-первыхъ, нельзя себѣ представить, чтобы одинъ человѣкъ владѣлъ одинаковыми естественными способностями для самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, которыя ему приходится совершать при изолированной продукціи. Поэтому, ежели существуетъ спеціализація занятій, то для отдѣльнаго человѣка открыта возможность выбирать занятія по своимъ способностямъ или по своей склонности, черезъ что общій результатъ труда всего народа (или всѣхъ людей) чрезвычайно увеличивается. Кромѣ того, всякій, конечно, видитъ, что для успѣшности труда весьма необходимо воспитаніе въ человѣкѣ ловкости, искусства и пріобрѣтеніе знаній. Чтобы совершать разнообразныя дѣла съ достаточнымъ совершенствомъ, изолированный производитель долженъ бы изучить многія прикладныя науки и воспитать въ себѣ искусство для совершенія столь же многихъ дѣлъ, что, конечно, для силъ одного человѣка невозможно. Во-вторыхъ, малая производительность натурального хозяйства объясняется еще такой причиной. Всякому извѣстно, что успѣшность человѣческаго труда находится въ самой тѣсной зависимости отъ того содѣйствія, которое оказываетъ человѣку окружающая природа. Ежели бы въ человѣческомъ обществѣ постоянно господствовало натуральное хозяйство, то человѣкъ оставался бы постояннымъ рабомъ окружающей его природы: невыгодныя стороны его естественной обстановки всегда отражались бы на его хозяйствѣ. Но и естественныя преимущества занимаемой человѣкомъ территоріи не дали бы ему всей той выгоды, которую они способны дать при иной общественной организаціи; такъ, если бы человѣкъ занималъ поверхность земли, неспособную давать пшеницу, то онъ и оставался бы постоянно безъ пшеницы; но, если бы въ то же время въ его землѣ было много желѣза, то это обстоятельство повело бы только къ тому, что онъ хорошо бы удовлетворилъ свою потребность въ желѣзѣ, но и только. Между тѣмъ при другомъ хозяйственномъ строѣ, основанномъ на раздѣленіи занятій, человѣкъ, находящійся въ только что описанномъ положеніи, могъ бы производить желѣза больше, чѣмъ нужно ему самому, и излишекъ его отпирать въ тѣ страны, въ ко-

торыхъ много пшеницы, и тамъ обмѣнять желѣзо на пшеницу. Очевидно, что натуральное хозяйство и въ разсматриваемомъ отношеніи, т. е. со стороны эксплуатаціи человѣкомъ естественнаго фактора, отличается большими невыгодами.

Наконецъ, въ-третьихъ, мы можемъ отмѣтить еще одну причину, по которой натуральное хозяйство отличается опять невыгодой со стороны производительности. Для успѣшности своего труда человѣкъ создаетъ различныя приспособленія (капиталь, какъ техническая категорія!), которыя сокращаютъ количество труда или даже являются необходимымъ условіемъ самой возможности совершить какой-нибудь трудъ. Но если человѣкъ производить самъ всѣ нужные ему предметы, то онъ долженъ бы для успѣшности своего труда сдѣлать, между прочимъ, и самыя разнообразныя орудія и машины; но его единичныя силы способны здѣсь дать ему весьма немногое.

По всѣмъ указаннымъ причинамъ натуральное хозяйство отличается малой производительностью, и потому замѣна его такимъ хозяйственнымъ порядкомъ, при которомъ существовало бы раздѣленіе занятій (общественное раздѣленіе труда) является фактомъ самой глубокой важности съ точки зрѣнія экономическаго благосостоянія людей. Въ дѣйствительности мы видимъ, что всякій народъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи переживаетъ болѣе или менѣе скоро стадію натурального хозяйства и переходитъ въ стадію трудораздѣльнаго хозяйства или, какъ обыкновенно выражаются, въ стадію мѣнового хозяйства. Въ этомъ переходѣ обнаруживаетъ свое дѣйствіе властный для людей законъ хозяйственности, а не мистическая „склонность людей къ обмѣну“ (А. Смитъ).

Процессъ образованія трудораздѣльнаго хозяйства обязанъ своимъ происхожденіемъ не предписанію закона или не всеобщему согласію, вызванному яснымъ пониманіемъ великой полезности общественнаго раздѣленія труда ¹⁾; наоборотъ, раздѣленіе труда развивалось очень медленно подъ вліяніемъ пониманія личнаго интереса отдѣльными хозяевами. Сначала самое небольшое число индивидовъ и притомъ только до нѣкоторой степени специализировалось на производствѣ какого-

¹⁾ Ср. *Menger*, Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften etc., S. 130.

нибудь предмета; положимъ, одинъ охотникъ, искусно дѣлающій луки, производилъ и лукъ, который собственно не былъ нуженъ для него самого, а другой, ловкій въ охотѣ, убивалъ дичи болѣе, чѣмъ нужно; обмѣнявшись излишнимъ лукомъ и излишней дичью, наши два охотника видѣли, что на каждого изъ нихъ пришлось дичи болѣе, чѣмъ если бы каждый изъ нихъ дѣлалъ лукъ и убивалъ дичь только для себя самого. Разъ начавшись, процессъ раздѣленія труда распространялся затѣмъ и экстенсивно, и интенсивно: съ одной стороны, онъ распространялся на большій кругъ лицъ, съ другой, каждое лицо все болѣе и болѣе специализировалось въ своей хозяйственной дѣятельности.

Но процессъ раздѣленія труда предполагаетъ необходимо развитіе другого соотносительнаго явленія, именно развитіе обмѣна ¹⁾: конечно, общественное раздѣленіе труда возможно только тогда, когда тѣ предметы, которые при раздѣленіи труда производятся въ количествѣ, излишнемъ для производителя, могутъ быть обмѣнены на предметы дѣйствительной надобности. Исторія всѣхъ народовъ показываетъ намъ, что, дѣйствительно, развитіе общественнаго раздѣленія труда и развитіе обмѣна шло параллельно съ взаимной обусловленностью. Первоначально обмѣнъ, естественно, принимаетъ форму натуральную: каждый отдаетъ свой предметъ въ обмѣнъ за такое благо, которое нужно ему для непосредственнаго потребленія; равнымъ образомъ и другой участникъ обмѣна беретъ тоже только товаръ, который долженъ итти на его непосредственное потребленіе. Но натуральный обмѣнъ наталкивается на весьма значительныя затрудненія. Именно: для достиженія цѣли обмѣна нужно, чтобы встрѣтились и пришли къ соглашенію два лица, изъ которыхъ каждое владѣетъ предметомъ, нужнымъ для другого. Легко себѣ представить, что такіа встрѣчи случаются не весьма часто. Но даже если и встрѣтились такіа два лица, которые имѣютъ взаимно нужныя блага, то всетаки

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что, говоря о необходимости обмѣна (сначала натурального, а потомъ денежнаго) при общественномъ раздѣленіи труда, мы предполагаемъ существованіе частной собственности на средства производства и самостоятельнаго предпринимательства: можно себѣ представить такую организацію народнаго хозяйства, при которой существуетъ раздѣленіе труда, но нѣтъ обмѣна (по крайней мѣрѣ, обмѣна въ обычномъ значеніи этого слова) и нѣтъ денегъ (соціалистическій строй).

между ними не всегда произойдетъ обмѣнъ, такъ какъ не всегда возможно количества наличныхъ товаровъ привести въ такое положеніе, чтобы они соотвѣтствовали точно другъ другу по цѣнности; такъ, если А имѣетъ лошадь, а В корову, причемъ извѣстно, что цѣнность 3-хъ коровъ равняется цѣнности 2-хъ лошадей, то никогда нельзя обмѣнять одну корову на одну лошадь, ибо нельзя лошадь раздѣлить на части и за одну корову отдать $\frac{2}{3}$ лошади. Правда, чрезъ увеличеніе такихъ недѣлимыхъ безъ нарушенія цѣнности объектовъ можно всегда получить уравненіе въ цѣлыхъ величинахъ и такимъ образомъ окажется возможнымъ обмѣнъ; такъ, если нельзя было въ нашемъ примѣрѣ обмѣнять одну корову на одну лошадь, то можно обмѣнять три коровы на двѣ лошади; при такомъ обмѣнѣ, разумѣется, не встрѣчается препятствія въ недѣлимости предметовъ; но зато подобный обмѣнъ и не часто возможенъ по условіямъ владѣнія или по условіямъ потребности. Чтобы былъ возможенъ обмѣнъ въ такихъ увеличенныхъ пропорціяхъ, необходимо, чтобы два лица, вступающихъ въ обмѣнъ, владѣли обмѣниваемыми предметами въ соотвѣтственныхъ количествахъ; въ нашемъ примѣрѣ возможенъ обмѣнъ, если одно лицо владѣетъ, по крайней мѣрѣ, тремя коровами, а другое, по крайней мѣрѣ, двумя лошадьми; если бы первое владѣло только двумя коровами, то обмѣнъ былъ бы невозможенъ. Сверхъ того препятствіемъ для обмѣна въ увеличенныхъ размѣрахъ служатъ весьма часто и условія потребности: каждый, конечно, желаетъ вымѣнивать только такое количество другихъ предметовъ, которое ему дѣйствительно нужно; а съ своей стороны отдать только то, что излишне для удовлетворенія его потребностей; можетъ оказаться, что владѣлецъ двухъ лошадей имѣетъ надобность только въ двухъ коровахъ, но этого онъ не можетъ сдѣлать, такъ какъ предметъ, который онъ даетъ въ обмѣнъ, не дѣлимъ; конечно, онъ можетъ отдать и за двухъ коровъ двѣ лошади, но это значило бы, что онъ даромъ отдалъ значительную часть своего богатства. Равнымъ образомъ можетъ оказаться и то, что владѣлецъ двухъ лошадей не могъ бы отдать въ обмѣнъ одной изъ своихъ лошадей, потому что она нужна ему самому; обмѣнъ опять не можетъ состояться, если другой участникъ не согласится для полученія одной лошади отдать двѣ коровы и такимъ образомъ не согласится отдать даромъ часть своего богатства.

Итакъ, первое неудобство, которое мы замѣчаемъ въ натуральномъ обмѣнѣ, это то, что *Джевансъ* называетъ „недостаткомъ двойного совпаденія“, причемъ совпаденіе подразумѣвается какъ качественное, такъ и количественное. Это неудобство вызываетъ сильную потребность обмѣнивать предметъ предварительно на такое благо, которое хотя и не нужно для непосредственнаго потребленія, но зато является такимъ, которое требуется сравнительно обширнымъ кругомъ потребителей, и за которое поэтому гораздо легче вымѣнять впоследствии уже дѣйствительно нужное благо; конечно, при этомъ изъ наиболѣе распространенныхъ благъ выбирается такое, которое отличается возможной дѣлимостью, чтобы облегчено было полученіе количественнаго совпаденія при обмѣнѣ.

Второе неудобство натурального обмѣна состоитъ въ слѣдующемъ. Тотъ, кто произвелъ благо для другихъ, долженъ обмѣнять его необходимо на чужой товаръ. Если это лицо (А) нуждается въ чужомъ предметѣ для того, чтобы удовлетворить уже *существующую* потребность, то оно достигнетъ цѣли обмѣна, если найдетъ другое лицо, имѣющее нужное ему благо и желающее вступить въ обмѣнъ. Но если для взятаго въ примѣръ лица чужія блага нужны будутъ только въ будущемъ, то для него является необходимость беречь свой предметъ до того времени, когда дѣйствительно возникнетъ потребность въ предметѣ, котораго оно не имѣетъ, и только тогда отыскивать лицо, владѣющее нужнымъ благомъ. Однако такое откладываніе не всегда возможно; оно выполнимо тогда только, когда имѣющійся на лицо предметъ не портится отъ времени. Правда, А могъ бы теперь обмѣнять свой предметъ на чужое нужное ему благо и беречь уже это послѣднее до возникновенія потребности; но и такой исходъ осуществимъ только тогда, когда нужное благо съ своей стороны не портится отъ времени. Очевидно, что для производителей предметовъ, скоро портящихся, возникнетъ потребность въ обмѣнѣ своихъ предметовъ на такой товаръ, который хотя и не нуженъ имъ для непосредственнаго потребленія, но зато отличается прочностью; чрезъ такой предварительный обмѣнъ приобретаетъ возможность послѣдующаго вымѣна уже дѣйствительно нужнаго блага.

Указанныя неудобства натурального обмѣна повели къ тому, что постепенно во всѣхъ прогрессирующихъ обществахъ

развивается привычка дѣлать обмѣнъ черезъ посредство третьяго товара, назначеніе котораго состоитъ не въ томъ, чтобы идти на непосредственное потребленіе лица, вымѣнявшаго его, а въ томъ, чтобы черезъ дальнѣйшій обмѣнъ легче и удобнѣе доставить этому лицу дѣйствительно нужное благо. Этотъ товаръ назвали деньгами. Такимъ образомъ, употребленіе денегъ, этого благодѣтельнаго орудія экономическаго оборота, возникло не вслѣдствіе предписанія закона или не вслѣдствіе взаимнаго общаго уговора ¹⁾, основаннаго на пониманіи полезности денегъ, а, какъ во многихъ другихъ важныхъ общественнохозяйственныхъ институтахъ, главнымъ двигателемъ здѣсь былъ личный интересъ отдѣльныхъ хозяевъ. Разъ возникли начатки обмѣна, то уже скоро наиболѣе проницательныя лица замѣчаютъ, что гораздо удобнѣе производить обмѣнъ черезъ посредство третьяго товара, который отличался бы наибольшей сбываемостью, прочностью и дѣлимостью. Это первоначально единичное употребленіе какого-нибудь товара распространяется затѣмъ черезъ подражаніе, вызываемое личной выгодой, все болѣе и болѣе, пока наконецъ употребленіе въ обмѣнѣ посредника не сдѣлается общераспространеннымъ явленіемъ.

Функция орудія обращенія, выполняемая деньгами, заслуживаетъ съ нашей стороны еще одного разъясненія. Быть средствомъ обращенія значитъ слѣдующее: на деньги сначала промѣнивается тотъ товаръ, который является ненужнымъ для владѣльца его въ качествѣ потребительной цѣнности и который произведенъ съ цѣлью обмѣна; затѣмъ, когда вымѣнены деньги, начинается вторая половина денежнаго обмѣна, именно на деньги вымѣнивается уже дѣйствительно нужный товаръ. Такимъ образомъ, простой актъ натурального обмѣна замѣняется двумя мѣновыми актами: 1) съ одной стороны, обмѣномъ товара на деньги или тѣмъ, что называютъ продажей; 2) съ другой стороны, обмѣномъ денегъ на товаръ или тѣмъ, что называется покупкой. Когда денежное обращеніе развилось, то стало всеобщимъ правиломъ, что всѣ товары обмѣняются на деньги или что деньги стали всеобщимъ товаромъ,

¹⁾ Cp. *Meuser*, Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, S. 253. Его же *Untersuchungen*, S. 173. *Kries*, Geld und Credit, I Abth., S. 9—10.

который всё желают приобрести; ту же мысль можно бы выразить словами: деньги обладают всеобщей продажной силой или деньги являются такимъ товаромъ, за который можно продать всякій другой товаръ. Когда денежное обращеніе развилось, то стало обычнымъ явленіемъ и то, что деньги промѣниваются на всё товары или что деньги стали такимъ товаромъ, который чаще всѣхъ другихъ предлагается къ сбыту; ту же мысль экономисты выражаютъ въ слѣдующихъ распространенныхъ терминахъ: деньги обладают всеобщей покупательной силой или деньги являются такимъ товаромъ, за который можно купить всякій другой товаръ. Изъ только что представленнаго разъясненія той услуги денегъ, за которую онѣ называются орудіемъ обращенія, видно, что нельзя считать за особенныя услуги денегъ ихъ всеобщую продажную и ихъ всеобщую покупательную силу, что эти два свойства денегъ есть только подробное обозначеніе функціи денегъ, какъ орудія обращенія. Поэтому, если разъ сказано, что деньги исполняютъ функцію посредника мѣны, то неправильно говорить, что онѣ исполняютъ еще функцію всеобщаго продажнаго или всеобщаго покупательнаго средства. Нѣкоторые экономисты считаютъ однако за особенную услугу денегъ то, что онѣ являются платежнымъ средствомъ. Правда, эти экономисты считаютъ свойство денегъ быть средствомъ платежа за особенную услугу только въ тѣхъ платежахъ, которые составляютъ передачу равноцѣнности въ деньгахъ за товаръ, уже давно полученный (въ кредитныхъ сдѣлкахъ), а не въ тѣхъ платежахъ, въ которыхъ передача денегъ совершается одновременно съ купленнымъ товаромъ (въ наличныхъ сдѣлкахъ). Изъ наиболѣе видныхъ экономистовъ этого мнѣнія придерживаются *Маркс* ¹⁾ и *Книси* ²⁾. Но это мнѣніе не можетъ быть принято. Въ самомъ дѣлѣ, то, что названными экономистами считается платежнымъ средствомъ, встрѣчается неизмѣнно въ каждомъ мѣновомъ актѣ, все равно, относится ли онъ къ сдѣлкамъ наличнымъ или къ сдѣлкамъ кредитнымъ. Платежъ есть передача равноцѣнности въ деньгахъ при покупкѣ товара, т. е. необходимая составная часть того процесса, въ ко-

¹⁾ Капиталъ, I, 78 и слѣд.

²⁾ Geld und Credit, I Abth., 211 и особенно 216 и слѣд. (Первая часть труда *Книси* вездѣ цитируется по второму изданію 1885 г.).

торомъ деньги являются орудіемъ обращенія; поэтому, если въ наличныхъ сдѣлкахъ передача въ деньгахъ равноцѣнности за товаръ не считается и не можетъ считаться за особую функцію денегъ, то не можетъ она считаться за таковую и въ кредитныхъ сдѣлкахъ, ибо то, что деньги передаются за товаръ не сейчасъ, а черезъ нѣкоторое время, ничего не измѣняетъ въ роли денегъ ¹⁾.

Тотъ предметъ, который сталъ средствомъ обращенія, одновременно начинаетъ выполнять еще одну важную услугу: этотъ предметъ становится обыкновенно еще измѣрителемъ цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ. Когда имѣетъ мѣсто производство на обмѣнъ, производитель долженъ знать мѣновую цѣнность товара, производствомъ котораго онъ специально занимается. Знаніе мѣновой цѣнности нужно, во-первыхъ, еще до начала производства товара, чтобы имѣть рѣшимость начать это производство при данномъ расходѣ трудовой силы и капитала; затѣмъ, во-вторыхъ, это знаніе нужно и тогда, когда товаръ уже произведенъ ²⁾, ибо только чрезъ это знаніе опредѣляется объемъ тѣхъ другихъ товаровъ, которые могутъ быть получены производителемъ за его товаръ. Первоначально такое измѣреніе цѣнности производилось чрезъ посредство цѣлага ряда другихъ товаровъ: напр., производитель хлѣба говорилъ себѣ, что 100 суд. хлѣба, при данныхъ условіяхъ производства и обилія ³⁾ его товара и другихъ, онъ можетъ обмѣнять на 2 лошади, на 5 коровъ, 20 барановъ и т. д. Кромѣ того неудобства, что нужно было такимъ образомъ запоминать весьма длинный рядъ мѣновыхъ отношеній, встрѣчалось здѣсь еще другое болѣе существенное: лицо, нуждающееся въ оцѣнкѣ своего товара, не имѣло никакой возможности знать условія производства и обилія множества другихъ товаровъ, а потому не могло выразить отношеніе своего товара къ этимъ многочисленнымъ другимъ товарамъ. Кромѣ того, оцѣнка одного товара въ рядѣ другихъ затруднялась еще тѣмъ, что условія

¹⁾ Ср. *Коссовскій*, Цѣнность и цѣна, стр. 110. *Федоровичъ*, Теорія денежнаго и кредитнаго обращенія, 47 и слѣд.

²⁾ Это второе знаніе нужно потому, что цѣнность, принятая въ расчетъ до производства, можетъ быть не точной или можетъ измѣниться.

³⁾ Подъ обиліемъ я подразумѣваю отношеніе количества предлагаемаго наличнаго товара къ количеству, дѣйствительно спрашиваемому.

производства и обиліе большинства товаровъ почти постоянно мѣняются, а слѣдовательно, постоянно мѣняются ихъ мѣновныя пропорціи. Очевидно, что чрезвычайно удобно выражать цѣнность всѣхъ товаровъ чрезъ какой-нибудь одинъ товаръ, цѣнность котораго была бы возможно болѣе постоянной и возможно болѣе общеизвѣстной. До сихъ поръ мы говорили о потребности въ идеальныхъ измѣреніяхъ цѣнности, т. е. такихъ измѣреніяхъ, при которыхъ измѣряемая цѣнность не входила въ дѣйствительное обращеніе. Если бы была потребность только въ такихъ идеальныхъ измѣреніяхъ, то было бы возможно избрать для орудія измѣренія цѣнностей не тотъ товаръ, который служитъ посредникомъ обращенія. Но огромное большинство оцѣнокъ приходится на дѣйствительныя оцѣнки ¹⁾, т. е. на такія, при которыхъ оцѣниваемый товаръ входитъ въ дѣйствительное обращеніе; а такъ какъ войти въ дѣйствительное обращеніе значитъ быть обмѣненнымъ на посредника мѣны, то поэтому посредникъ мѣны чаще всего служатъ и долженъ служить орудіемъ измѣренія цѣнности. Очевидно, что функція измѣрителя цѣнностей должна быть возложена на тотъ же товаръ, который дѣлается орудіемъ обращенія, и что посредникъ мѣны долженъ отличаться одновременно и тѣми качествами, которыя дѣлаютъ его хорошимъ орудіемъ мѣны, и тѣми качествами, которыя дѣлаютъ его хорошимъ орудіемъ измѣренія цѣнностей. Если бы для идеальныхъ оцѣнокъ былъ избранъ одинъ товаръ, а для дѣйствительныхъ другой, то не было бы достигнуто единство измѣрителя цѣнностей, такъ какъ дѣйствительное обращеніе всетаки по необходимости пользовалось бы орудіемъ мѣны, какъ измѣрителемъ цѣнности. Естественное развитіе денежнаго обращенія и привело на самыхъ же первыхъ ступеняхъ къ тому, что всеобщимъ измѣрителемъ цѣнностей сталъ тотъ товаръ, который приобрѣталъ функцію орудія обращенія ²⁾.

¹⁾ Утвержденіе Маркса (Капиталъ, I, 46), а за нимъ и Коссовскаго (Цѣнность и цѣна, стр. 46), что деньги *только идеально* выполняютъ роль измѣрителя цѣнности, нельзя считать вѣрнымъ.

²⁾ Изъ только что сказаннаго видно, что не отличаются справедливостью слѣдующія слова Джевонса: «Мы привыкли считать почти за необходимое указанное соединеніе функцій, хотя его основаніе слѣдуетъ искать

Функции орудія обращенія и измѣрительности есть основныя функции товара, называемаго деньгами; если товаръ исполняетъ только эти двѣ функции, то онъ уже деньги. Но кромѣ этихъ главныхъ функций, на деньги возлагаются и другія, которыя можно назвать производными. При перечисленіи и разъясненіи этихъ производныхъ функций денегъ экономисты до значительной степени расходятся между собой: одни насчитываютъ ихъ много, другіе мало; одни извѣстную услугу признаютъ самостоятельной задачей денегъ, другіе не признаютъ. Для цѣлей настоящаго сочиненія нѣтъ надобности входить въ подробное разсмотрѣніе споровъ о дальнѣйшихъ функцияхъ денегъ, кромѣ двухъ указанныхъ, о которыхъ существуетъ почти полное единогласіе. Достаточно—кратко указать на тѣ производныя услуги, которыя оказываются деньгами уже по тому самому, что онѣ являются орудіемъ обращенія и мѣриломъ цѣнности. Собственно заслуживаютъ упоминанія двѣ производныхъ функции денегъ: это, во-первыхъ, та услуга, за которую принято называть деньги орудіемъ переноса цѣнности во времени или орудіемъ сбереженія. Уже на самыхъ первыхъ ступеняхъ ощущается потребность въ откладываніи цѣнностей до будущаго времени; какъ бы члены извѣстнаго народа ни были мало предусмотрительны, они скоро приходятъ къ необходимости дѣлать запасы для будущаго, такъ какъ скоро замѣчаютъ, что производительная дѣятельность часто не удается по стихійнымъ (пожаръ, болѣзнь и т. п.) или по общественнымъ причинамъ (произведено благо, которое никому не нужно), и потому потребности безъ запасовъ остаются не удовлетворенными. Въ натуральномъ хозяйствѣ запасы дѣлаются въ предметахъ непосредственнаго потребленія, но это неудобно, во-первыхъ, потому, что неизвѣстно, какая потребность не будетъ удовлетворена въ будущемъ, и потому неизвѣстно, ка-

только въ удобствѣ, которое оно представляетъ, и хотя оно иногда даже нежелательно. Мы могли бы вполне удобно пользоваться однимъ предметомъ, какъ средствомъ обращенія, другимъ, какъ измѣрителемъ цѣнностей и т. д. (Money and the mechanism of exchange, 9 ed., 1890, 16—17). Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь *Джевонсъ* говоритъ о такомъ разъединеніи функций денегъ, при которомъ одна ихъ роль вполне и постоянно исполняется однимъ товаромъ, другая—другимъ (напр., одна функция выполняется золотомъ, а другая пшеницей).

кія именно потребительныя цѣнности откладывать; откладывать же въ запасъ столько видовъ потребительныхъ цѣнностей, сколько существуетъ видовъ потребностей, невозможно и по обыкновенному недостатку такого большого количества запасныхъ благъ, и по бесполезности держать такой большой запасъ, такъ какъ въ дѣйствительности потребовались бы только нѣкоторыя изъ отложенныхъ потребительныхъ цѣнностей. Затѣмъ, другая затруднительность натуральныхъ запасовъ состоитъ въ томъ, что очень многія потребительныя цѣнности портятся отъ времени и теряютъ часть своей потребительной цѣнности. Уже по одному этому только обстоятельству существенно важно дѣлать запасы не въ натурѣ, а въ такомъ товарѣ, который отличался бы прочностью; такъ какъ тотъ товаръ, который слѣдался посредникомъ, обыкновенно болѣе или менѣе отличается свойствомъ прочности ¹⁾, то естественно дѣлать сбереженія въ немъ, а не въ иномъ какомъ-нибудь товарѣ; тѣмъ болѣе естественно, что посредникъ мѣны, обладая всеобщей покупной силой, даетъ возможность приобрести всякій товаръ; такимъ образомъ, избирая орудіемъ сбереженія тотъ товаръ, который сталъ всеобщимъ средствомъ обращенія и измѣрителемъ цѣнности, люди устраняли оба неудобства натуральныхъ запасовъ.

Вторая производная функція есть та услуга денегъ, за которую онѣ называются орудіемъ переноса цѣнности въ пространство. Переносъ цѣнности въ пространство безъ особаго для того орудія былъ бы затруднителенъ или часто даже совсѣмъ невозможенъ; въ самомъ дѣлѣ, вещи движимыя, хотя и допускаютъ натуральное перенесеніе съ одного мѣста на другое, но всетаки этотъ переносъ стоитъ значительнаго труда въ зависимости отъ большей или меньшей массивности ихъ; поэтому даже переносъ движимости выгодно выполнять чрезъ посредство такого третьяго товара, который не отличался бы массивностью. Такъ какъ посредникъ обмѣна болѣе или менѣе отличается свойствомъ удобства въ передвиженіи, то естественно и эту услугу возложить на него же. Едва ли слѣдуетъ упоминать, что употребленіе денегъ въ разсматриваемомъ отно-

¹⁾ Какъ посреднику мѣны, товару нужна прочность для того, чтобы онъ сохранялъ свою цѣнность, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе того времени, которое обыкновенно протекаетъ между первымъ промѣномъ (продажей) и вторымъ промѣномъ (покупкой) при денежномъ обмѣнѣ.

шеніи не въ состояніи отстранить необходимости самаго многочисленнаго ряда передвиженій товаровъ съ одного мѣста на другое; именно деньги не отстраняютъ необходимости тѣхъ передвиженій конкретныхъ потребительныхъ цѣнностей, которыя состоятъ въ движеніи товаровъ отъ мѣстъ ихъ производства въ мѣста потребленія. Здѣсь идетъ рѣчь только о тѣхъ переносахъ цѣнностей, въ которыхъ владѣлецъ потребительнаго запаса долженъ почему нибудь перенести его въ другое мѣсто, гдѣ онъ же самъ явился бы потребителемъ этого запаса; въ этомъ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ потребительнаго запаса въ одномъ мѣстѣ продаетъ его, а въ другомъ покупаетъ такіе же предметы. Что касается недвижимостей, то со введеніемъ денегъ онѣ тоже приобрѣли возможность мобилизаціи своей цѣнности: лицо, имѣющее недвижимость въ одномъ концѣ страны, можетъ при помощи денегъ сдѣлаться владѣльцемъ такой же (вообще, не той же) недвижимости въ другомъ концѣ ¹⁾).

Всѣ указанныя функціи денегъ развились постепенно въ свободномъ экономическомъ оборотѣ. Но съ теченіемъ времени государство вмѣшивается въ денежную сферу и объявляетъ одинъ изъ видовъ денегъ, обращающихся на рынкѣ, законными деньгами; другими словами, государство съ своей стороны объявляетъ, что, если возникнетъ надобность въ измѣреніи цѣнности или въ средствѣ обращенія, или въ средствѣ сохраненія цѣнности, и если между частными лицами между собой или между частными лицами и казной не возникнетъ или не можетъ даже возникнуть добровольнаго согласія о томъ, какой изъ предметовъ или какія изъ обычно обращающихся денегъ избрать для этихъ цѣлей, то пусть такими деньгами считается такой-то видъ денегъ. Такъ, государственная власть можетъ встрѣчать на рынкѣ различные виды металлическихъ денегъ: мѣдныя, серебряныя или золотыя. Очевидна необходимость въ опредѣленіи со стороны государственной власти того, какія же изъ этихъ денегъ должно употреблять въ тѣхъ случаяхъ, когда не возникаетъ соглашенія между извѣстными лицами или когда сама государственная власть должна остановиться на какихъ-нибудь деньгахъ (въ судебныхъ рѣшеніяхъ, напр.). Когда государственною властью сдѣланъ выборъ, тогда

¹⁾ Ср. *Kries, Geld und Credit*, I Abth., S. 234.

однѣ изъ денегъ становятся законными деньгами (валютой). Но когда извѣстный сортъ денегъ сталъ законными деньгами, то, конечно, онъ не пересталъ выполнять всѣхъ тѣхъ функцій, которыя выполнялъ и раньше, до этой государственной санкціи. Такимъ образомъ, законныя деньги становятся законнымъ орудіемъ обращенія (слѣдовательно, и законнымъ платежнымъ средствомъ), законнымъ средствомъ измѣренія цѣнности, законнымъ орудіемъ сбереженія и т. д. Изъ предыдущаго видно, что совершенно неосновательно при перечисленіи функцій денегъ считать деньги орудіемъ обращенія, мѣриломъ цѣнности и законнымъ платежнымъ средствомъ. Въ такомъ способѣ выраженія заключаются двѣ неправды: во-первыхъ, та, что будто деньги не бываютъ законнымъ мѣриломъ цѣнности или законнымъ средствомъ сбереженія, а только законнымъ средствомъ платежа, а во-вторыхъ, та, что будто исполнять извѣстную функцію по предписанію закона значить нѣчто иное, чѣмъ исполнять ту же функцію по свободному соглашенію лицъ. Послѣдняя ошибка почти очевидна: выполнение функціи платежа нисколько не измѣняется отъ того, что оно совершается по предписанію закона вмѣсто свободнаго соглашенія. Но и первую ошибку легко показать; напр., легко показать, что деньги являются въ роли законнаго мѣрила цѣнности; таеъ, если государство экспроприруетъ какой-нибудь видъ частной собственности, то для измѣренія цѣнности отчуждаемаго употребляются, конечно, законныя деньги, и онѣ функционируютъ здѣсь въ роли законнаго мѣрила цѣнности ¹⁾).

Товаръ съ указанными функціями въ народномъ хозяйствѣ будетъ всегда называться деньгами. Но какой товаръ въ извѣстную историческую эпоху исполняетъ роль денегъ, это зависитъ отъ того, какое изъ конкретныхъ благъ, дѣйствительно обращающихся на рынкѣ даннаго народа и въ данное время, отличается въ наибольшей степени качествами, существенно необходимыми для товара-денегъ. Эти качества напередъ опредѣлены тою ролью, для которой деньги предназначены. Поэтому нельзя думать, что деньгами можетъ быть

¹⁾ *Knies* посвятилъ много страницъ опроверженію обычнаго взгляда, по которому деньги являются «законными» только въ качествѣ средства платежа. См. *Geld und Credit*, I, гл. 11 и 12.

всякій товаръ. Качества, которыми должны отличаться деньги, съ одной стороны—физическаго характера, съ другой—общественнаго. Такъ, изъ физическихъ свойствъ товара - денегъ важны слѣдующія: а) дѣлимость, нужная при выполненіи деньгами функціи измѣрителя цѣнности. Необходимость этого свойства денежнаго товара объясняется тѣмъ, что измѣряемые деньгами цѣнности могутъ быть самой различной величины, и потому денежный товаръ долженъ быть способенъ къ многочисленнымъ дѣленіямъ; причѣмъ предполагается, что онъ отличается другимъ физическимъ свойствомъ—б) однородностью состава, позволяющей ему дѣлиться безъ потери своей потребительной цѣнности. Кромѣ того, денежный товаръ долженъ отличаться с) высокой цѣнностью при маломъ объемѣ, такъ какъ это свойство облегчаетъ пространственныя передвиженія и, слѣдовательно, чрезвычайно облегчаетъ выполненіе той функціи денегъ, которая названа выше орудіемъ переноса цѣнностей въ пространствѣ. Наконецъ, d) прочность физическаго существованія товара составляетъ также важную принадлежность денегъ, такъ какъ она является необходимымъ условіемъ для удовлетворительнаго выполненія деньгами функціи сбереженія цѣнностей.

Какъ выше было сказано, кромѣ физическихъ свойствъ, товаръ-деньги долженъ отличаться еще нѣкоторыми свойствами общественнаго характера. Къ числу этихъ свойствъ относится прежде всего наибольшая сбываемость, которая обозначаетъ то, что товаръ, избранный въ качествѣ денегъ, составляетъ предметъ всеобщаго желанія, предметъ самой распространенной и потому обыкновенно необходимой потребности. На первыхъ ступеняхъ развитія денежнаго обмѣна только это свойство денегъ давало прочную гарантію, что товаръ, принятый въ качествѣ посредника, дѣйствительно выполнитъ свою роль, т. е. дѣйствительно будетъ взятъ кѣмъ-нибудь въ обмѣнъ за товаръ, предназначенный для непосредственнаго потребленія. Съ упроченіемъ же сознанія необходимости въ деньгахъ и съ упроченіемъ привычки къ денежному обмѣну могъ избираться въ качествѣ денегъ и такой товаръ, который хотя и не составлялъ предмета всеобщаго *дѣйствительнаго спроса*, но тѣмъ не менѣе избирался въ деньги и постепенно упрочивался въ этомъ качествѣ до извѣстной степени только на томъ основаніи, что всѣ нуждаются въ товарѣ-деньгахъ и что, если

подъ вліяніемъ потребности въ деньгахъ одинъ беретъ товаръ, какъ деньги, то есть увѣренность, что и другой ощущаетъ такую же потребность. Особенно же свойство товара-денегъ, какъ предмета всеобщаго желанія, стало отступать на второй планъ, когда государственная власть начала своимъ авторитетомъ подкрѣплять значеніе извѣстнаго товара въ качествѣ денегъ и такимъ образомъ расширяла сферу обращаемости товара-денегъ. Только что указаннымъ значеніемъ свойства сбываемости объясняется то, что сначала народы для денежныхъ цѣлей избирали обыкновенно предметы необходимости, а у современныхъ цивилизованныхъ народовъ могли войти во всеобщее употребленіе драгоцѣнные металлы ¹⁾. Такимъ образомъ, тотъ товаръ, который сталъ деньгами, обыкновенно удовлетворяетъ по крайней мѣрѣ двѣ потребности, весьма мало похожихъ другъ на друга: во-первыхъ, онъ удовлетворяетъ потребность общества въ деньгахъ, а во-вторыхъ, онъ удовлетворяетъ какою нибудь непосредственную потребность (напр., потребность въ одеждѣ, когда деньгами были мѣха у нѣкоторыхъ сѣверныхъ народовъ, или потребность въ украшеніи, когда деньгами стали драгоцѣнные металлы). Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что современные металлическія деньги безъ особеннаго труда могутъ терять свою денежную форму (монетную) и обратиться въ матеріалъ для предметовъ украшенія или для издѣлій. Это обстоятельство

¹⁾ Экономисты обыкновенно стараются доказать (см. особенно *Th. Hertzka*, *Das Wesen des Geldes*, 3), что потребность людей въ драгоцѣнныхъ металлахъ, какъ предметъ украшенія и роскоши, есть потребность всеобщая и «неограниченная»; сколько извѣстно изъ наблюденій надъ различными народами, потребность въ украшеніи есть дѣйствительно старая человѣческая потребность и довольно распространенная, но она *не часто удовлетворяется*, ибо предметы украшенія (напр., изъ драгоцѣнныхъ металловъ) обыкновенно дороги; поэтому бѣднѣйшій слой населенія (обыкновенно самый распространенный) не можетъ принимать драгоцѣнные металлы въ качествѣ посредника мѣны только съ той гарантіей, что если онъ не обмѣняетъ его на дѣйствительно нужные для него предметы, то всетаки полученный металлъ обратитъ въ предметъ украшенія; для человѣка, имѣющаго возможность удовлетворять только необходимыя потребности, эта большая вѣроятность получить вмѣсто предмета необходимости предметъ роскоши или украшенія не должна казаться пріятной.

имѣть то выгодное послѣдствіе, что, если деньги превосходятъ временно потребность въ нихъ, то онѣ могутъ быть передѣланы въ предметы непосредственнаго потребленія; такимъ образомъ, благодаря этому обстоятельству, цѣнность денегъ не можетъ падать слишкомъ низко или на долгое время. Въ указанномъ сейчасъ обстоятельствѣ заключается выгода двойного употребленія того матеріала, изъ котораго дѣлаются деньги. Однако нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы денежный матеріалъ непременно имѣлъ какое-нибудь иное употребленіе, кромѣ денежнаго. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай подробно доказывать это положеніе.

Самымъ же главнымъ общественнымъ свойствомъ товара-денегъ нужно считать то, что онѣ должны отличаться сравнительнымъ постоянствомъ своей цѣнности для удовлетворительнаго выполненія функции денегъ, состоящей въ измѣреніи цѣнностей. На этомъ свойствѣ денегъ мы остановимся нѣсколько дольше какъ вслѣдствіе важности яснаго представленія о немъ для нашего дальнѣйшаго изслѣдованія, такъ и вслѣдствіе значительной неустойчивости взглядовъ на этотъ предметъ.

Что сами деньги имѣютъ мѣновую цѣнность, подобно другимъ товарамъ, это въ настоящее время является общепризнаннымъ положеніемъ ¹⁾. Но нельзя считать установленнымъ и безспорнымъ взглядъ на факторы, опредѣляющіе мѣновую цѣнность денегъ. Разнорѣчіе во взглядахъ здѣсь обусловливается, во-первыхъ, различіемъ теоретическихъ объясненій мѣновой цѣнности вообще, а во-вторыхъ, тѣмъ, что нѣкоторые экономисты считаютъ деньги товаромъ, настолько отличнымъ отъ другихъ видовъ товаровъ, что будто онѣ не подчиняются общему закону цѣнности. Наше дальнѣйшее изложеніе должно показать, во-первыхъ, въ чемъ состоитъ общій законъ цѣнности, а во-вторыхъ, доказать, что цѣнность денегъ подчинена этому общему закону цѣнности.

¹⁾ Если бы деньги не имѣли собственной мѣновой цѣнности, то онѣ не только не могли бы быть измѣрителемъ цѣнности, но и дѣйствительнымъ средствомъ обращенія: тотъ, кто мѣнялъ бы на деньги, не получалъ бы еще равноцѣнности; поэтому мѣновой актъ промѣномъ на деньги не завершался бы окончательно; онъ требовалъ бы еще какого-нибудь продолженія. Но такъ какъ деньги, по общему теперь мнѣнію, должны обладать цѣностью и дѣйствительно обладаютъ ею, то онѣ обладаютъ «атрибутомъ дѣйствительнаго эквивалента». Ср. *M. Chevalier, Cours d'économie politique, t. 3, p. 3* (последнее выраженіе принадлежит *Шевалье*).

По цѣли настоящаго сочиненія мы не можемъ долго останавливаться на общей теоріи цѣнности. Достаточно будетъ, если мы изложимъ теорію цѣнности въ такомъ видѣ, въ какомъ, по нашему мнѣнію, она можетъ наиболѣе соотвѣтствовать фактамъ дѣйствительности. Равнымъ образомъ мы не можемъ останавливаться долго на изложеніи и критикѣ различныхъ теорій цѣнности.

Извѣстно, что въ наукѣ въ настоящее время борются три теоріи цѣнности: одна видитъ основаніе и мѣру мѣновой цѣнности въ полезности хозяйственныхъ благъ ¹⁾, другая—въ трудѣ, который общественно необходимъ для созданія извѣстнаго блага ²⁾. Третья группа теорій цѣнности полагаетъ, что оба элемента, т. е. полезность предмета и его трудовая стоимость, являются факторами, опредѣляющими мѣновую цѣнность, и что задача теоріи цѣнности состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить истинное значеніе обоихъ факторовъ въ явленіяхъ мѣновой цѣнности. На нашъ взглядъ, основная мысль этихъ дуалистическихъ теорій вѣрна. Но мы не можемъ указать экономиста, къ теоріи цѣнности котораго со всеѣми ея деталями мы могли бы вполне присоединиться и ссылкой на котораго могли бы отстранить отъ себя обязанность съ нѣкоторой подробностью излагать положительную сторону теоріи цѣнности. Поэтому намъ придется сейчасъ заняться этимъ изложеніемъ и притомъ такимъ изложеніемъ, въ которомъ отдѣльныя положенія не только передаются, но вмѣстѣ доказываются и разъясняются.

Для разъясненія явленій мѣновой цѣнности обратимся сначала къ болѣе простымъ условіямъ первобытнаго изолированнаго хозяйства. Въ первобытныхъ условіяхъ изолированнаго хозяйства человѣкъ со своими потребностями стоитъ лицомъ къ лицу съ природой и ищетъ въ ней сперва готовыхъ предметовъ для удовлетворенія своихъ потребностей; онъ находитъ въ природѣ нѣкоторыя уже готовые блага и, если обиліе этихъ готовыхъ благъ превосходитъ всю надобность

¹⁾ Въ послѣднее время это направленіе получило особенно рѣзкое выраженіе въ такъ называемой «австрійской школѣ» (*Карль Менсеръ, Вемъ-Басеркъ* и др.).

²⁾ Какъ извѣстно, этотъ взглядъ особенно энергично поддерживается школой *Маркса*.

въ нихъ для человѣка, то человѣкъ не начинаетъ проявлять никакой заботы о нихъ; онъ, напр., не бережетъ ихъ, не старается овладѣть ими, не сравниваетъ полезность одного блага съ полезностью другого, чтобы затѣмъ къ болѣе полезному относиться такъ, а къ менѣе полезному иначе и т. д. Но не всѣ готовыя блага даны въ такомъ обильномъ количествѣ; уже и на первыхъ ступеняхъ нѣкоторыя блага настолько ограниченны, что человѣкъ начинаетъ вглядываться въ ихъ полезность и, сообразно со степенью полезности, опредѣлять свое поведеніе; такъ, къ благамъ, наиболѣе полезнымъ, онъ начинаетъ относиться особенно бережно, старается упрочить свою власть надъ ними; если ему почему-нибудь приходится лишиться какого-нибудь изъ двухъ благъ, то онъ, конечно, предпочитаетъ лишиться наименѣе полезнаго; ежели бы ему представился случай промѣнять такое даровое, но ограниченное въ количествѣ благо своему сосѣду, то онъ, несомнѣнно, не отдастъ бы его даромъ и не промѣнялъ бы на такой другой предметъ, который для его благосостоянія имѣлъ бы меньшее значеніе, меньшую полезность, чѣмъ отдаваемое благо. Итакъ, явленіе оцѣнки благъ можетъ возникнуть уже тогда, когда нѣтъ еще въ нихъ признака стоимости, т. е. когда въ нихъ еще не заключалось никакое количество человѣческаго труда.

Но природа не даетъ даромъ и въ готовомъ видѣ всего нужнаго для человѣка или не даетъ всего нужнаго въ такомъ видѣ, который человѣкъ могъ бы назвать совершеннымъ; поэтому уже въ самомъ началѣ своей жизни человѣкъ проявляетъ трудъ для созданія благъ или для передѣлки ихъ естественнаго вида въ болѣе подходящій для удовлетворенія его потребностей; тогда огромное большинство благъ начинаетъ отличаться, кромѣ полезности, еще однимъ свойствомъ—стоимости. Когда человѣкъ начинаетъ создавать нужныя ему блага, то онъ скоро замѣчаетъ, что по естественнымъ причинамъ нѣтъ соответствія между количествомъ труда, которое требуется для созданія блага, и между степенью его полезности; онъ замѣчаетъ, что многія блага, отличающіяся наивысшей полезностью, вовсе не требуютъ труда, ибо природа дала ихъ въ слишкомъ обильномъ количествѣ (воздухъ, вода); замѣчаетъ, затѣмъ, что блага, которыя по роду удовлетворяемой ими потребности занимаютъ первое мѣсто, напротивъ,

по количеству труда, которое по естественнымъ причинамъ на нихъ нужно потратить, не занимають перваго мѣста (напр., иной предметъ пищи для дикаря, занимающаго богатую мѣстность, часто достается легче, чѣмъ предметъ украшенія). Но первобытный человѣкъ, насколько уже дѣло отъ него самого зависитъ, начинаетъ тратить свой трудъ, сообразуясь со степенью полезности благъ, что и естественно, такъ какъ количество его труда есть тоже вещь ограниченная; онъ, прежде чѣмъ потратить извѣстное количество труда, рѣшаетъ, будетъ ли предметъ стоить этого труда; при иномъ поведеніи нашъ дикарь впалъ бы въ плачевное состояніе, ибо, не соразмѣряя трату труда со степенью полезности производимаго предмета, онъ могъ бы имѣть какія-нибудь бездѣлушки, въ то время какъ у него не хватило бы труда на пріобрѣтеніе предметовъ необходимости. Отсюда очевидно, что при самомъ созданіи благъ то количество труда, которое нужно потратить на благо, опредѣляется степенью полезности этого блага; при первомъ своемъ возникновеніи элементъ стоимости занимаетъ подчиненное мѣсто, а элементъ полезности имѣетъ главное и опредѣляющее значеніе. И однако этотъ второстепенный элементъ стоимости способенъ оказывать замѣтное вліяніе на отношеніе человѣка къ вещамъ, на оцѣнку ихъ: человѣкъ склоненъ цѣнить благо не по полезности его, а по тому, что оно ему стоитъ, т. е. по тому количеству труда, которое нужно потратить на его производство; но это только тогда, когда данное благо всегда можно получить, потративши извѣстное количество труда. Такимъ образомъ, элементъ стоимости можетъ получить и дѣйствительно получаетъ значеніе опредѣлителя оцѣнки благъ вмѣсто полезности, ибо это очень естественное поведеніе, когда человѣкъ начинаетъ цѣнить вещь не болѣе того, за что ее всегда можно получить. Однако такое значеніе элемента стоимости продолжается только до тѣхъ поръ, пока не возникаетъ явнаго противорѣчія между стоимостью и полезностью, пока существуетъ то соотвѣтствіе между этими элементами, которое было установлено человѣкомъ при созданіи блага; разъ это соотвѣтствіе нарушено, первостепенное значеніе элемента полезности опять даетъ себя знать, и человѣкъ начинаетъ оцѣнивать благо уже по полезности, а не по стоимости, ибо всетаки самое важное въ благахъ то, что они удовлетворяють потребности, а это ихъ свойство не

зависятъ отъ того, много или мало пошло на нихъ труда; такъ, если номадъ вскормить стадо барановъ, то при обыкновенныхъ условіяхъ онъ склоненъ цѣнить каждаго барана постольку, сколько стоитъ труда вскормить его; но если половина его стада вдругъ вымерла, то оставшихся барановъ онъ уже не согласенъ будетъ оцѣнивать по количеству труда, дѣйствительно потраченнаго на вскармливаніе ихъ; онъ будетъ цѣнить ихъ дороже, такъ какъ степень полезности оставшагося небольшого числа барановъ для благосостоянія номада возвысилась; поэтому, если прежде номадъ мѣнялъ одного барана, напр., на пудъ соли ¹⁾, по расчету стоимости, то теперь онъ не согласится мѣнять одного барана на одинъ пудъ соли, а потребуетъ за одного барана, можетъ быть, два пуда соли, хотя стоимость обоихъ предметовъ не измѣнилась. Слѣдуетъ однако замѣтить, что случаи такихъ рѣзкихъ нарушеній соотвѣтствія между полезностью и стоимостью въ изолированномъ хозяйствѣ встрѣчаются не часто, такъ какъ тамъ производитель, будучи вмѣстѣ и потребителемъ своихъ собственныхъ продуктовъ, довольно правильно соразмѣряетъ количество продуктовъ съ потребностью въ нихъ; только случайныя и непредвидѣнныя стихійныя событія иногда разрушаютъ часть запасовъ и такимъ образомъ внезапно увеличиваютъ полезность оставшагося запаса готовыхъ продуктовъ. Подводя итогъ всему сказанному о взаимномъ отношеніи элементовъ полезности и стоимости въ изолированномъ хозяйствѣ, мы имѣемъ право утверждать, что установили слѣдующія правила: а) оцѣнка благъ возникаетъ раньше стоимости и имѣетъ мѣсто еще безъ стоимости; б) при самомъ созданіи благъ человекъ соразмѣряетъ съ полезностью ихъ количество труда, которое онъ можетъ потратить на ихъ производство; в) человекъ склоненъ обыкновенно оцѣнивать благо по стоимости вмѣсто полезности; г) но когда случается рѣзкое нарушеніе равновѣсія между стоимостью и полезностью вслѣдствіе неблагоприятнаго отношенія наличнаго запаса благъ къ потребности въ нихъ, тогда человекъ опять начинаетъ цѣнить эти блага по полезности ихъ, а не по стоимости ²⁾.

¹⁾ Предположимъ, что обмѣнъ изрѣдка всетаки имѣлъ мѣсто.

²⁾ Разумѣется, эти правила для изолированнаго хозяина обнаруживаютъ свою силу не въ тѣхъ случаяхъ оцѣнки, когда ему приходится срав-

Правила, установленныя для изолированнаго хозяйства, проявляютъ свою силу и въ сложныхъ отношеніяхъ современнаго мѣноваго хозяйства; и въ современномъ народномъ хозяйствѣ на явленія оцѣнки благъ въ обмѣнѣ вліяютъ оба элемента (полезность и стоимость) и притомъ такъ, что элементу полезности принадлежитъ главное мѣсто, а элементу стоимости—мѣсто второе, подставное значеніе; только установленныя выше для изолированнаго хозяйства правила нѣсколько затемняются современными сложными условіями. Обмѣнъ совершается нынѣ именно слѣдующимъ образомъ. Каждый товаръ въ современномъ народномъ хозяйствѣ производится цѣлой группой самостоятельныхъ предпринимателей, специализировавшихся на производствѣ именно этого одного блага, которое сами они, быть можетъ, вовсе не будутъ потреблять; потребителями блага явятся другая группа лицъ, все общество; предприниматели, создавши благо, предлагаютъ его потребителямъ, потребители спрашиваютъ это благо; въ столкновеніи спроса и предложенія обнаруживается дѣйствительное отношеніе наличнаго количества блага къ общественной потребности въ немъ, обнаруживается дѣйствительная общественная полезность блага; если блага произведено слишкомъ много по сравненію съ потребностью въ немъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, предложеніе блага велико, то это тотчасъ неблагопріятно отражается на его мѣновой цѣнности, за него даютъ въ обмѣнъ меньше другихъ благъ. Если, наоборотъ, предложеніе блага мало, а общественная потребность въ немъ велика, или, какъ обыкновенно говорятъ, спросъ великъ, то это отражается на цѣнности (мѣновой) въ томъ, что она идетъ кверху. Итакъ, первымъ опредѣлителемъ мѣновой цѣнности и въ современномъ хозяйствѣ будетъ полезность блага, только общественная полезность. Но и здѣсь элементъ стоимости оказываетъ вліяніе на мѣновую цѣнность; и современный предприниматель (производитель) при обмѣнѣ своихъ благъ, естественно, беретъ въ расчетъ то, что для него самого стоитъ благо;

нивать два различныя блага, изъ которыхъ одно онъ самъ отдастъ въ обмѣнъ за другое благо, получасное отъ втораго лица; обмѣна въ изолированномъ хозяйствѣ, по общему правилу, нѣтъ; но тѣмъ не менше цѣнность благъ выступаетъ наружу вслѣдствіе необходимости опредѣлить отношеніе между различными благами, хотя и принадлежащими одному лицу.

только слѣдуетъ замѣтить, что стоимость, опредѣлявшаяся въ простыхъ условіяхъ натурального хозяйства трудомъ, въ современной организаціи принимаетъ сложный видъ издержекъ производства; современный предприниматель, высчитывая стоимость товара для него самого, беретъ въ расчетъ собственно не количество труда, которое пошло на товаръ, а то количество мѣновой цѣнности, которое онъ самъ издержалъ при производствѣ товара. Эти издержки производства (частнохозяйственныя), замѣнившія несложное понятіе стоимости натурального хозяйства, вліяютъ на мѣновую цѣнность въ томъ смыслѣ, что даютъ минимальную границу для мѣновой цѣнности товара; очевидно, что предприниматели не могли бы заниматься производствомъ, если бы они обыкновенно получали за свои товары меньше, чѣмъ эти товары стоятъ имъ самимъ. Издержки производства въ ихъ общественно необходимомъ для даннаго товара объемѣ представляютъ единственную объективную величину, болѣе или менѣе правильно опредѣляющую движеніе цѣны; продолжительныхъ и притомъ значительныхъ отклоненій цѣны товара кверху отъ величины издержекъ производства его не бываетъ, такъ какъ тогда производители этого товара стали бы получать необычно высокую прибыль, и потому другіе предприниматели не замедлили бы обратиться (при предполагаемой экономической свободѣ) къ производству этого же товара и такимъ образомъ увеличили бы его предложеніе. Подобнымъ же образомъ не отклоняются надолго цѣны отъ издержекъ производства и внизу, такъ какъ въ этомъ случаѣ было бы сокращено производство и предложеніе товара. Слѣдуетъ отмѣтить то различіе во вліяніи элемента стоимости, которое онъ имѣлъ въ изолированномъ хозяйствѣ или въ первыя времена мѣнового хозяйства, когда мѣна была непосредственной¹⁾, и которое онъ пріобрѣлъ въ современномъ хозяйствѣ. Когда два лица, изъ которыхъ одно имѣетъ, напр., барановъ, а другое соль, желаютъ обмѣняться нѣкоторымъ количествомъ этихъ благъ, то пропорцію между ними они устанавливаютъ и могутъ устано-

¹⁾ Непосредственной мѣной я называю такую, при которой производитель вымѣниваетъ за свое благо другое, которое нужно ему для непосредственнаго потребленія, причемъ второй участникъ мѣны имѣетъ такую же цѣль.

вить въ согласіи со стоимостью; если одинъ баранъ стоитъ двухъ дней труда, и 5 пудовъ соли стоятъ тоже двухъ дней труда, то одинъ баранъ будетъ обмѣниваться на 5 пудовъ соли. Смысль такого обмѣна состоитъ въ томъ, что каждый участникъ обмѣна пріобрѣтаетъ потребительную цѣнность такого конкретнаго вида, въ которомъ онъ ее до обмѣна не имѣлъ. Но если господствующій видъ обмѣна потерялъ эту свою первобытную форму, если обмѣнъ состоитъ въ томъ, что накупается одинъ рядъ цѣнностей и по превращеніи его въ другой рядъ цѣнностей пускается въ обмѣнъ, то, очевидно, лицо, берущее на себя такой оборотъ цѣнностей, не можетъ по окончаніи этого сложнаго обмѣна получить ту же цѣнность, которую оно имѣло и до обмѣна; нельзя сказать, что при такомъ обмѣнѣ мѣновая цѣнность будетъ точъ въ точъ соотвѣтствовать издержкамъ производства; если, напр., лавочникъ купилъ пудъ муки за 1 руб., и если притомъ оплата его лавочническаго труда даетъ еще расходъ въ 5 коп. на пудъ, то всетаки онъ не продаетъ пудъ муки за 1 р. 5 коп., т. е. по „своей цѣнѣ“. Очевидно, что та посредническая роль, которую выполняютъ предприниматели въ современномъ хозяйствѣ и которая состоитъ въ томъ, что они тратятъ свои средства на производство товаровъ, которые потреблять сами не будутъ,—эта роль не могла бы быть взята ими на себя, если бы она не давала дохода; а если обыкновенно предприниматели получаютъ доходъ, то это значитъ, что они обыкновенно сбываютъ свои товары за цѣны, нѣсколько превосходящія издержки производства. Поэтому-то мы говоримъ, что въ современномъ народномъ хозяйствѣ издержки производства даютъ только обыкновенную минимальную границу для цѣны товара, а не точную цѣну его ¹⁾).

Однако этотъ объективный опредѣлитель цѣнъ (издержки производства) играетъ по сравненію съ полезностью благъ второстепенное, подставное значеніе. Такое значеніе издержекъ производства выражается, во-первыхъ, въ томъ, что уже при

²⁾ А. Смитъ ввелъ въ обыкновеніе вносить «обычную прибыль» въ издержки производства, а потому онъ самъ и его послѣдователи могли просто говорить, что издержки производства опредѣляютъ цѣну товара. Но введеніе дохода отъ производства въ составъ издержекъ производства совершенно противорѣчитъ представленіямъ о доходѣ и издержкахъ.

самомъ производствѣ товаровъ предприниматели рассчитываютъ, можно ли истратить столько-то на данные товары въ зависимости отъ предполагаемой потребности въ нихъ со стороны общества; только современные предприниматели чаще въ этомъ отношеніи ошибаются, чѣмъ изолированный хозяинъ. Современный производитель не знаетъ въ точности, какое будетъ имѣть значеніе для общества производимое имъ благо; онъ иногда можетъ произвести благо, которое совсѣмъ никому не нужно; или, такъ какъ предприниматель не одинъ занимается производствомъ извѣстнаго товара и не знаетъ, сколько этого товара произвести его сотоварищи, то онъ часто ошибается въ количествѣ товара, нужнаго для общества: блага производится то очень много, то очень мало. Затѣмъ, второстепенное значеніе издержекъ производства выражается и въ томъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда значеніе товара для общества усилилось, а при этомъ пропорціонально не увеличились издержки его производства, то товаръ начнетъ цѣниться не по издержкамъ, а по полезности; такъ, если часть домовъ въ городѣ сгорѣла, остальные дома пріобрѣтаютъ высокую мѣновую цѣнность. Это же правило, впрочемъ, осуществляется въ безчисленныхъ случаяхъ, когда количество даннаго товара не вполне соответствуетъ почему бы то ни было запросу на него со стороны общества; или всѣмъ извѣстно, что предметы, которые отличаются свойствомъ рѣдкости и не могутъ быть вовсе воспроизведены по естественнымъ или общественнымъ причинамъ (предписанія закона), въ своей мѣновой цѣнности не опредѣляются издержками производства.

Таковы въ существенныхъ чертахъ правила, опредѣляющія мѣновую цѣнность хозяйственныхъ благъ. Мѣновая цѣнность денегъ подчинена тѣмъ же правиламъ. Въ самомъ дѣлѣ, деньги являются такимъ же товаромъ, какъ и всякіе другіе товары; такъ же, какъ другіе товары, онѣ производятся безпрепятственно или почти безпрепятственно лицами, которыя находятъ выгоднымъ ихъ производить. Въ старыя времена правительства стѣсняли производство денегъ ради полученія дохода при монопольномъ дѣланіи денегъ; но въ современныхъ благоустроенныхъ государствахъ такая политика оставлена, и каждый гражданинъ можетъ, если находитъ выгоднымъ, заняться добываніемъ золота, а золото обратить въ деньги, правда, чрезъ посредство казны, но казна при этомъ

обязана или даромъ обратить частное золото въ монетную форму, или только взять издержки чеканки; но отказать казна въ передѣлкѣ металла частнаго лица въ деньги не можетъ. Все это я говорю для того, чтобы показать, что деньги общественнымъ условіямъ своего производства не отличаются или почти не отличаются отъ другихъ товаровъ. Равнымъ образомъ деньги не отличаются отъ другихъ товаровъ и со стороны полезности; онѣ, подобно другимъ товарамъ, имѣютъ потребительную цѣнность, которая состоитъ въ томъ, что ими удовлетворяется одна изъ существеннѣйшихъ потребностей современныхъ обществъ. Историческое развитіе привело современныя общества къ весьма интенсивному раздѣленію труда при частной собственности на средства и продукты производства; при такихъ условіяхъ является существенно необходимымъ одновременное существованіе товара, который служилъ бы средствомъ передвиженія благъ изъ одного хозяйства въ другое, причемъ измѣрялъ бы цѣнность обращающихся благъ. Эту важную потребность современныхъ обществъ деньги и удовлетворяютъ; въ этомъ состоитъ ихъ полезность.

Здѣсь уместно обратить вниманіе на то, что мѣновая цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ, наилучшаго матеріала для денегъ, и мѣновая цѣнность денегъ не одно и то же, хотя смѣшеніе ихъ есть самое обыкновенное явленіе. Различіе между цѣнностью драгоцѣнныхъ металловъ и цѣнностью денегъ выводится не только изъ наблюденія, но и путемъ априорнымъ. Изъ наблюденія мы знаемъ, что металлъ обращается въ монету или монета переливается въ слитки и затѣмъ, можетъ быть, обращается на предметъ украшенія. Очевидно, что подобныя явленія возможны только при предположеніи, что цѣнность металла ниже цѣнности денегъ или цѣнность денегъ ниже цѣнности металла. То же самое мы должны утверждать безъ всякаго наблюденія дѣйствительныхъ фактовъ, если только припомнимъ, что стоимость и полезность денегъ не есть стоимость и полезность металловъ; чтобы обратить металлъ въ деньги, нужна еще нѣкоторая затрата труда и капитала, и, когда металлъ принялъ монетную форму, его полезность стала состоять совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ она состояла прежде. Зная такимъ образомъ, что стоимость и полезность, эти два основныя фактора, опредѣляющихъ мѣновую цѣнность, не одно и то же въ деньгахъ и въ металлѣ,

мы должны сказать, что движенія мѣновой цѣнности денегъ и металловъ могутъ не совпадать. Правда, что цѣнность денегъ и металловъ часто *фактически* совпадаетъ ¹⁾ или, крайней мѣрѣ, разнится только на небольшую величину издержекъ чеканки, но намъ важно знаніе *принципа*, о которомъ однако мы не можемъ сказать, что онъ совсѣмъ не осуществляется въ дѣйствительности. Принципъ этотъ: деньги имѣютъ свою собственную цѣнность, независимую отъ цѣнности матеріала, изъ котораго онѣ сдѣланы.

Итакъ, цѣнность денегъ, подобно цѣнности другихъ товаровъ, опредѣляется двумя факторами: стоимостью и полезностью или, употребляя термины, болѣе распространенные и болѣе соответственные условіямъ современной экономической жизни, цѣнность денегъ опредѣляется издержками производства и спросомъ и предложениемъ. Вліяніе и взаимное отношеніе этихъ факторовъ можно описать слѣдующимъ образомъ. Это особенное описаніе вызывается здѣсь нѣкоторой сложностью явленій, а не тѣмъ, что вліяніе указанныхъ факторовъ на цѣнность денегъ отличается въ чемъ-нибудь существенно отъ ихъ вліянія на цѣнность другихъ хозяйственныхъ благъ.

Общественная полезность денегъ, какъ и всякаго другого товара, опредѣляется отношеніемъ ихъ наличнаго количества къ потребности въ нихъ или, все равно, отношеніемъ ихъ предлагаемаго въ данный моментъ количества къ количеству, въ тотъ же моментъ спрашиваемому. Количество денегъ, спрашиваемое въ извѣстный періодъ, напр., въ годъ, зависитъ отъ массы товаровъ, въ этотъ періодъ переходящихъ изъ одного хозяйства въ другое, и отъ степени полезности этихъ товаровъ, ибо деньги должны привести всю эту массу товаровъ въ обращеніе и притомъ измѣрить ихъ цѣнность ²⁾. Такимъ образомъ, потребность въ деньгахъ увеличивается съ ростомъ богатства народа и уменьшается съ его обѣднѣніемъ; или потребность въ деньгахъ можетъ увеличиваться въ одномъ и томъ же обществѣ отъ временнаго оживленія или вялости

¹⁾ Если въ странѣ частныя лица не оплачиваютъ издержки чеканки.

²⁾ Для простоты я оставляю пока въ сторонѣ элементъ быстроты обращенія денегъ.

его оборотовъ. Съ увеличеніемъ же или уменьшеніемъ потребности въ деньгахъ *одно и тоже количество* ихъ должно или возвышаться, или уменьшаться въ своей мѣновой цѣнности; такъ, если при неизмѣнившемся количествѣ денегъ увеличится масса обращающихся товаровъ, то мѣновая цѣнность денегъ возвышается; то же количество денегъ должно привести въ обращеніе большее количество товаровъ, и потому за каждую денежную единицу нужно будетъ отдавать большее количество другихъ товаровъ. Если бы мы могли себѣ представить такое положеніе вещей, при которомъ количество денегъ не измѣнялось бы, а богатство народа росло, то цѣнность денегъ непрерывно падала бы; одно и то же количество денегъ выполняло бы все большую и большую работу до тѣхъ поръ, пока бы оборотъ не натолкнулся на то препятствіе, что въ среднемъ для страны оборотѣ должно бы участвовать микроскопическое количество вещественнаго денежнаго матеріала (металла), неудобное для храненія, ношенія и т. п. Легко себѣ представить и обратный случай, когда при *данномъ количествѣ денегъ* богатство страны уменьшается и потому цѣнность денегъ падаетъ.

До сихъ поръ мы обращали вниманіе только на измѣненія въ спрашиваемомъ количествѣ денегъ, а ихъ наличное количество предполагали даннымъ и неизмѣннымъ. Но измѣненія могутъ происходить и на сторонѣ количества, предлагаемаго при данной и неизмѣнной потребности въ деньгахъ. Такъ, открытіе богатыхъ рудниковъ даетъ увеличеніе денегъ, непропорціональное росту богатства страны; при увеличившемся количествѣ денегъ за каждую денежную единицу нужно отдавать меньшее количество другихъ товаровъ, чтобы дать работу всему новому количеству денегъ. Если бы мы могли представить себѣ такое положеніе вещей, при которомъ количество денегъ могло бы произвольно быть увеличено и дѣйствительно увеличивалось бы при неизмѣнности богатства и энергіи его обращенія, то цѣнность денегъ могла бы пасть до чрезвычайно малой величины. Но подобнаго случая при деньгахъ металлическихъ, господствующихъ у современныхъ народовъ, не можетъ быть, такъ какъ по естественнымъ причинамъ нельзя произвольно увеличивать количество золота и серебра. Легко представить себѣ и обратный случай, когда при *данномъ богатствѣ* страны количество денегъ уменьшается; таковъ случай, когда истощаются рудники или когда правительство ставитъ препятствія свободному производству денегъ.

Изъ предыдущаго изложенія видно, что, если бы мѣновая цѣнность денегъ опредѣлялась только однимъ элементомъ полезности, то она могла бы падать или возвышаться вмѣстѣ съ полезностью денегъ безъ всякаго опредѣленнаго предѣла. На самомъ же дѣлѣ такихъ безпредѣльныхъ колебаній въ цѣнности денегъ не бываетъ, такъ какъ другой факторъ, опредѣляющій мѣновую цѣнность, препятствуетъ такимъ колебаніямъ. Издержки производства денегъ, какъ и всякаго другого товара, даютъ объективную границу, около которой и колеблется дѣйствительная цѣнность денегъ: если подъ влияніемъ усилившагося богатства страны или уменьшившагося количества денегъ возвысилась ихъ цѣнность, то становится выгоднымъ увеличить производство денегъ (добывать металлы или переливать въ металлы предметы украшенія и издѣлія), а если возвышеніе цѣнности денегъ имѣло мѣсто только въ одной странѣ, то выгодно ввозитъ деньги для обмѣна ихъ на товары этой страны. Такое увеличеніе денегъ будетъ имѣть мѣсто до тѣхъ поръ, пока мѣновая цѣнность денегъ не будетъ превосходить издержки производства только на такую величину, которая обыкновенно встрѣчается при производствѣ всѣхъ товаровъ для доставленія обычной прибыли предпринимателямъ. Если же, наоборотъ, подъ влияніемъ уменьшившагося богатства страны или увеличившагося количества ихъ пала цѣнность денегъ, то становится выгоднымъ обращать деньги въ предметы непосредственнаго потребленія, а если паденіе цѣнности денегъ было мѣстнымъ явленіемъ, то вывозитъ деньги въ другія страны и тамъ обмѣнивать на товары; чрезъ это количество денегъ приводится въ нормальное отношеніе къ потребности въ нихъ и ихъ мѣновая цѣнность въ обычное соотношеніе съ издержками производства.

Все предыдущее изложеніе о цѣнности денегъ имѣло цѣлью показать, что цѣнность денегъ опредѣляется тѣми же законами, какъ и цѣнность всякаго другого товара. Поэтому всѣ теоріи, желающія построить цѣнность денегъ на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ цѣнность всякаго товара, не выдерживаютъ критики. Какъ извѣстно, по отношенію къ цѣнности денегъ издавна построена такъ называемая количественная теорія. Послѣдовательное развитіе этой теоріи приписывается *Рикардо*; но, собственно говоря, его нельзя считать приверженцемъ чистой количественной теоріи. Правда, у него мы встрѣча-

емъ такія слова, какъ: „что товары возвышаются или падаютъ въ цѣнности пропорціонально увеличенію или уменьшенію количества денегъ, это я считаю фактомъ, не подлежащимъ опроверженію“. ¹⁾ Но у него же мы встрѣчаемъ и такое, напр. мѣсто: „золото и серебро, подобно другимъ товарамъ, имѣютъ внутреннюю цѣнность, которая не отличается характеромъ случайности, но зависитъ отъ ихъ рѣдкости, отъ количества труда, употребленнаго на добычу ихъ, и отъ цѣнности капитала, затраченнаго на производство ихъ въ рудникахъ“. ²⁾ Изъ этого мѣста ясно, что *Рикардо* признавалъ вліяніе на цѣнность всѣхъ тѣхъ факторовъ, которые, по его мнѣнію, опредѣляютъ цѣнность всякаго товара. Можно сказать только одно, что *Рикардо* придавалъ преувеличенное значеніе количеству денегъ въ движеніи цѣнности ихъ. Но металлическая школа (*Currency School*) уже была наиболѣе строгой послѣ-

¹⁾ *Рикардо*, Соч., 357, примѣч. Или: «но, вѣдь, обезцѣненіе не зависитъ отъ того, представляютъ ли деньги главное или вспомогательное орудіе обращенія, но зависитъ цѣлкомъ отъ излишка ихъ въ количествѣ» (*ibid.*, 237). Еще: «если бы употребляемое во всемъ мірѣ количество золота и серебра было чрезвычайно ограничено или излишне велико, то это обстоятельство не оказало бы въ послѣднемъ счетѣ вліянія на тѣ пропорціи, въ которыхъ металлы эти распределяются между различными странами, и измѣненіе въ ихъ количествѣ сопровождалось бы лишь тѣмъ послѣдствіемъ, что возвышалось бы или понижалось бы сравнительно цѣнность товаровъ, за которые они обмѣниваются. Меньшее количество монеты выполняло бы функцію орудія обращенія столь же хорошо, какъ и болѣе значительное. Десять милліоновъ годились бы для этой цѣли совершенно такъ же, какъ и 100 милліоновъ» (*ibid.* 277—278). «Обращеніе никогда не можетъ быть чрезмѣрнымъ», такъ какъ болѣе количество денегъ вскорѣ поглощается рынкомъ вслѣдствіе уменьшенія его цѣнности (304. 305).

²⁾ *Ibidem*, стр. 277. Или: «подобно всѣмъ другимъ товарамъ, золото и серебро имѣютъ цѣнность только въ соотвѣтствіи съ количествомъ труда, необходимаго на производство и на доставку ихъ на рынокъ» (*ibid.* 224). А на стр. 433 (въ «Предложеніяхъ въ пользу экономическаго и прочнаго обращенія») совсѣмъ хорошо сказано: «цѣнность денегъ не волиѣ зависитъ отъ абсолютнаго ихъ количества но отъ количества ихъ по отношенію къ платежамъ, которые предстоитъ имъ выполнить; и одни и тѣ же послѣдствія отъ каждой изъ слѣдующихъ двухъ причинъ — отъ увеличенія размѣровъ употребленія денегъ на $\frac{1}{10}$ и отъ уменьшенія ихъ количества на ту же дробь, ибо въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаевъ цѣнность ихъ возрастаетъ на одну десятую».

довательницей количественной теоріи. Среди современныхъ экономистовъ трудно найти такого, который былъ бы чистымъ послѣдователемъ количественной теоріи. Такъ, *Джевансъ* приписываетъ количеству денегъ такое вліяніе, которое не дается никакимъ другимъ экономистомъ, но и *Джевансъ* формулировалъ свое положеніе такъ: „временно цѣны могутъ падать и возвышаться, независимо отъ количества золота въ странѣ; окончательно онѣ должны опредѣляться этимъ количествомъ“. ¹⁾ Въ этой формулѣ всетаки признана зависимость цѣнности денегъ отъ другихъ факторовъ, кромѣ количества, хотя эта зависимость и названа временной.

Въ чистой количественной теоріи, ¹⁾ если бы она могла существовать, мы имѣли бы только одностороннюю теорію цѣнности денегъ, которая обращаетъ вниманіе только на одинъ факторъ, именно на объемъ предложенія денегъ. Обыкновенно же приверженцы количественной теоріи преувеличиваютъ этотъ факторъ въ образованіи цѣнности денегъ и одновременно, хотя и вскользь, должны упоминать и о другихъ факторахъ. Но хотя преувеличеніе менѣе грѣшитъ противъ истины, чѣмъ полная односторонность, но тѣмъ не менѣе и оно ошибка. Въ самомъ дѣлѣ, количеству денегъ принадлежитъ извѣстное вліяніе въ образованіи мѣнсовой цѣнности денегъ, но его вліяніе, во-первыхъ, не сильнѣе вліянія другихъ факторовъ, а во-вторыхъ, вліяніе количества по отношенію къ деньгамъ не представляетъ ничего особеннаго по сравненію съ его вліяніемъ въ другихъ товарахъ. Прежде всего замѣтимъ, что абсолютное количество не имѣетъ ровно никакого значенія въ образованіи цѣнности денегъ (какъ и другого товара): если намъ говорятъ, что въ одной странѣ обращается милліардъ рублей, а въ другой два милліарда, то мы никоимъ образомъ не можемъ заключать отсюда, что во второй странѣ цѣнность денегъ ниже въ два раза, чѣмъ въ первой; ибо богатство второй страны можетъ быть выше вдвое

¹⁾ Цитировано по *Федоровичу*, 121. Это мѣсто взято изъ сочин. *Джеванса*, *Investigation in currency and finance* (1884), котораго я не имѣлъ подъ руками.

²⁾ Я прошу не забывать, что пока рѣчь идетъ о чисто металлическомъ обращеніи, что предполагается отсутствіе бумажнаго орудія обращенія.

богатства первой страны. Количество оказывает влияние только тогда, когда оно превосходит или не достигает потребности в деньгах, а это значит, что наряду с количеством (предложением) такое же влияние имеет другой соотносительный элемент—потребность (спрос). При *данной потребности* в деньгах количество их иногда может превосходить эту потребность, иногда не достигать ее; это отразится в томъ, что цѣнность денегъ на известное время упадетъ или возвысится. Но совершенно въроятенъ и въ дѣйствительности бываетъ другой случай, когда при *не измѣнившемся* количествѣ денегъ усиливается или уменьшается потребность в деньгахъ; въ такомъ случаѣ цѣнность денегъ тоже повышается или понижается, но, конечно, уже не подъ влияніемъ ихъ количества, а подъ влияніемъ другого элемента, именно подъ влияніемъ измѣнишагося спроса на нихъ.

Количественная теорія какъ будто предполагаетъ, что количество денегъ, появляющихся на рынкѣ, ничѣмъ не ограничено. Разсужденія ея признапаго главы (т. е. *Рикардо*) о томъ, что оборотъ можетъ поглотить какъ 10 милліоновъ, такъ и 100 милліоновъ, и что какъ при томъ, такъ и при другомъ количествѣ денегъ потребность общества в деньгахъ удовлетворялась бы одинаково хорошо, ¹⁾—эти разсужденія какъ будто предполагаютъ, что количество денегъ произвольно увеличивается, что будто деньги неожиданно въ томъ или другомъ количествѣ падаютъ съ неба. Пока рѣчь идетъ о деньгахъ металлическихъ, является несомнѣннымъ, ²⁾ что послѣднее предположеніе не имѣетъ никакого основанія: металлическія деньги въ своемъ количествѣ обусловлены трудностью изготовленія ихъ или, все равно, издержками производства; при данныхъ издержкахъ производства, по общему правилу, будетъ изготовляться только такое количество денегъ, при которомъ онѣ при обмѣнѣ на другіе товары, по крайней мѣрѣ, могли бы получать цѣнность, равную этимъ издержкамъ; въ противномъ случаѣ изготовленіе денегъ

¹⁾ *Рикардо*, Соч., 278.

²⁾ Впослѣдствіи увидимъ, что школа *Рикардо* (*Currency theory*) въ противоположность школѣ *Тука* (*Banking principles*) признаетъ банкноты (даже и разнѣнные) деньгами; невозможность произвольнаго увеличенія такихъ денегъ не является очевидной съ перваго взгляда.

или было бы уменьшено, или было бы увеличено. Ту же мысль мы могли бы выразить и другими словами: количество денег, могущее войти въ обращеніе, опредѣляется собственной цѣнностью денегъ: чѣмъ выше цѣнность денегъ, тѣмъ меньше ихъ нужно для приведенія въ обращеніе данной массы товаровъ и данной ихъ цѣнности, ¹⁾ и наоборотъ. Итакъ, если количество денегъ есть вещь обусловленная, то это будетъ напрасной тратой времени доказывать, что одна и та же страна и при одномъ и томъ же богатствѣ можетъ поглотить какъ 10 милл., такъ и 100 милл. фунт. стерл.: пока рѣчь идетъ о деньгахъ металлическихъ, нельзя себѣ представить случая, когда бы странѣ вмѣсто 10 милл. предлагалось вдругъ 100 милл. Но если мы допустимъ такой невѣроятный случай, то всетаки нельзя утверждать, что 100 милл. могутъ такъ же хорошо удовлетворять потребность въ деньгахъ, какъ прежде 10 милл., или наоборотъ. Выше мы видѣли, что деньги должны отличаться нѣкоторыми физическими свойствами, необходимыми имъ для хорошаго выполненія ихъ обязанностей; такъ, деньги должны отличаться удобствами для перевоза, переноса, храненія, счета и т. п. Но если бы вслѣдствіе паденія цѣнности денегъ вмѣсто 10 милл. стало употребляться 100 милл., то, вѣроятно, деньги изъ даннаго матеріала перестали бы отличаться этими качествами, и потому явилась бы потребность дѣлать деньги изъ другого матеріала. На этомъ основаніи народы переходили отъ мѣдной валюты къ серебряной или отъ серебряной къ золотой. Мы оставляемъ еще безъ вниманія тѣ потрясенія, которыя будутъ вызваны внезапнымъ и сильнымъ паденіемъ цѣнности денегъ.

Количественная теорія нашла себѣ сильныхъ противниковъ въ послѣдователяхъ школы *Тюка*. Самъ *Тюк* и его послѣдователи (особенно *Фуллертонъ*) оспаривали ту основную

¹⁾ Эта мысль была не чужда и самому *Рикардо*; такъ, онъ говоритъ: «количество денегъ, которое можетъ быть употреблено въ странѣ, должно зависѣть отъ цѣнности ихъ: если бы для обращенія товаровъ употреблялось одно только золото, то требуемое количество его было бы въ 15 разъ менше того, которое было бы необходимо, если бы для той же цѣли употреблялось серебро» (*Рикардо*, Соч., 224). Или: «количество (денегъ) совершенно зависитъ отъ цѣнности. Если бы рудники были въ десять разъ болѣе производительны, то въ десять разъ болѣе денегъ употреблялось бы на одну и ту же торговлю» (*ibid.*, 373—374).

мысль количественной теории, что количество денегъ опредѣляетъ ихъ цѣнность. Эта школа, наоборотъ, преувеличивала другой элементъ въ образованіи цѣнности денегъ, именно элементъ спроса. Основная мысль упомянутой сейчасъ школы состоитъ въ томъ, что количество денегъ, дѣйствительно обращающихся на всемірномъ рынкѣ или на рынкѣ отдѣльной страны, опредѣляется цѣнами товаровъ ¹⁾, что, если цѣны товаровъ подъ вліяніемъ условій ихъ производства возвысились, то появится нужное добавочное количество денегъ на рынкѣ, а не понизится цѣнность существующаго ихъ количества и, слѣдовательно, не понизятся цѣны на товары. Очевидно, эта школа предполагаетъ, что разъ возникла потребность на деньги, то она будетъ всегда удовлетворена, что, слѣдовательно, есть какой-то источникъ, изъ котораго безпрепятственно черпается это по условіямъ оборота нужное количество денегъ. Этимъ источникомъ, по мнѣнію школы, служатъ тѣ запасы золота и серебра ²⁾, которые есть въ каждой странѣ и которые не составляютъ активнаго денежнаго обращенія страны.

Ученіе о запасахъ золота и серебра есть только преувеличеніе одной изъ функцій денегъ, дѣйствительно выполняемой ими. Деньги, какъ мы знаемъ, выполняютъ функцію сбереженія цѣнности. Для выполнения этой функціи извѣстное количество денегъ изымается изъ активнаго обращенія страны. На первоначальныхъ ступеняхъ общественнаго развитія, когда безопасность внутри страны не была прочной, и частныя обязательства были рискованными, накопленные для этой цѣли деньги прятались отдѣльнымъ хозяйствомъ возможно дальше и дѣйствительно извлекались изъ активнаго обращенія. Когда поэтому являлась потребность въ деньгахъ, когда, другими словами, деньги становились дороже, былъ интересъ вынимать деньги изъ кубышекъ и пускать въ оборотъ.

¹⁾ См. *Tooke und Newmarch*, Die Geschichte und Bestimmung der Preise, нѣмецк. пер. *Ascher'a*, II, 623. Во II томѣ сейчасъ названнаго перевода *Ascher'a* приложены (Anhang XV) 17 положеній *Тука*, въ которыхъ онъ (*Тукъ*) излагаетъ окончательные результаты своихъ изслѣдованій о денежномъ обращеніи.

²⁾ Эти запасы называются школой *Тука*—*hoards*, а *Ватеръ* (*Die Geld- und Credittheorie der Peel'schen Bankacte*, S. 97) предложилъ называть ихъ *Geldhorte*.

Но и для этихъ первоначальныхъ временъ общественнаго развитія нельзя утверждать, что накопленныя сокровища всегда и вполне могли удовлетворить усилившуюся потребность въ деньгахъ, какъ орудіи обращенія, ибо сокровища накаплились не для этой цѣли, а для другой; потому накопленныя сокровища не могли всегда быть пропорціональными увеличеніямъ потребности въ деньгахъ; усилившаяся потребность денегъ могла высосать всѣ накопленія и не быть насыщенной, или же накопленіе сокровищъ въ данное время цѣнилось настолько высоко, что никто не хотѣлъ разставаться съ ними или, по крайней мѣрѣ, никто не хотѣлъ разставаться съ ними до тѣхъ поръ, пока цѣнность денегъ значительно не повышалась; другими словами, деньги сохраняли форму сокровищъ, пока обращающееся количество денегъ значительно не достигало потребности въ нихъ.

Въ современномъ экономическомъ быту накопленіе сокровищъ не имѣетъ широкаго распространенія; въ наше время, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе распространяется цѣлесообразный обычай сбереженную цѣнность передавать банкамъ, которые отъ своего имени эти сбереженія пускаютъ въ обращеніе. Благодаря этому, вмѣсто огромнаго количества сокровищъ у предусмотрительнаго и богатаго народа получается сравнительно небольшой резервъ въ банкахъ. Но и эти банковые резервы, во-первыхъ, по своей величинѣ не могутъ удовлетворять всякую излишнюю противъ нормальнаго обращенія потребность въ деньгахъ, а во-вторыхъ, они не могутъ быть выпущены банками, такъ какъ держатся для единственной цѣли—удовлетворять требованія частныхъ лицъ, предъявляемыя къ банку ¹⁾.

Туже съ особенной силой настаивалъ на томъ, что не всякое количество золота и серебра, ввезенное въ *извѣстную отдѣльную* страну или вывезенное изъ нея, равнозначительно съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ активнаго обращенія этой страны ²⁾. Онъ тщательнымъ наблюденіемъ фактовъ показалъ, что часть металловъ въ извѣстной странѣ является простымъ капиталомъ торговаго класса или, выражаясь проще, товаромъ, который торговцы имѣютъ въ виду сбыть

¹⁾ Ср. Федоровичъ, назв. с., стр. 9 и слѣд.

²⁾ См. оп. с., II, S. 621.

дома или въ другой странѣ¹⁾, и, быть можетъ, этотъ металлъ пойдетъ даже не на деньги, а на издѣлія. Справедливо, что золото и серебро, какъ капиталъ, не входятъ въ активное обращеніе страны, а потому ввозъ или вывозъ ихъ не отражается на цѣнности внутренняго денежнаго обращенія. Справедливо и то указаніе *Тука*, что часть металла хранится банками различныхъ странъ въ слиткахъ для международныхъ расчетовъ, и что этотъ металлъ также не входитъ во внутреннее обращеніе²⁾. Все это справедливо; но нельзя доказать, что запасы золота и серебра въ обоихъ указанныхъ *Тукомъ* состояніяхъ настолько велики, что могутъ удовлетворить всегда и всякую потребность въ деньгахъ, или нельзя доказать, или даже совсѣмъ невѣроятно, что всякое излишнее количество денегъ можетъ быть закуплено купцами или прибавлено банками къ тѣмъ слиткамъ, которые употребляются для международныхъ расчетовъ; купцы и банки могутъ имѣть только такое количество металловъ, которое соотвѣтствуетъ ихъ спеціальнымъ цѣлямъ, а не произвольное количество. За всѣмъ тѣмъ, всякій переливъ металловъ изъ состоянія капитала у торговца и изъ состоянія международного слитка въ активное внутреннее обращеніе совершается только тогда, когда наличное количество денегъ (активное обращеніе) *не вполне удовлетворяетъ потребность въ нихъ*, ибо иначе не было бы смысла въ такомъ переходѣ металловъ изъ одного состоянія въ другое. А если такъ, то мы уже совершенно спокойно можемъ утверждать, что школа *Тука* напрасно не придаетъ никакого значенія количественному элементу въ образованіи цѣнности денегъ.

Кажется, теперь мы имѣемъ право утверждать, что деньги имѣютъ цѣнность, и что цѣнность ихъ подчиняется тѣмъ же правиламъ, которыя прилагаются къ цѣнности всякаго другого товара. Чтобы выполнить вполне общаинное выше, намъ слѣдуетъ еще показать, что лучшія изъ извѣстныхъ людямъ денегъ — деньги металлическія — отличаются сравнительнымъ постоянствомъ цѣнности.

Сравнительное постоянство цѣнности денегъ объясняется главнымъ образомъ сравнительнымъ постоянствомъ издержекъ производства ихъ или, можно сказать, постоянствомъ издержекъ производства металловъ. Въмѣсто издержекъ производства де-

¹⁾ *Tooke und Newmarch*, op. c., I, 663—664.

²⁾ *Ibidem*, 664—665.

негъ мы можемъ подставить издержки производства благородныхъ металловъ потому, что главнѣйшая статья въ издержкахъ производства денегъ есть цѣнность металла, а превратить металлъ въ деньги стоитъ уже сравнительно ничтожныхъ издержекъ или даже никакихъ издержекъ. Издержки производства благородныхъ металловъ мало измѣняются или, по крайней мѣрѣ, мало измѣняются въ близкіе періоды времени. Внезапныя измѣненія въ издержкахъ производства благородныхъ металловъ происходятъ только отъ открытія новыхъ мѣстъ, богатыхъ золотомъ и серебромъ, но въ настоящее время нельзя предвидѣть такихъ неожиданныхъ открытій, такъ какъ весь свѣтъ уже болѣе или менѣе извѣстенъ людямъ. Равнымъ образомъ болѣе или менѣе извѣстна людямъ земная кора со стороны залежей въ ней золота или серебра, такъ какъ при открытіи и изученіи новыхъ земель люди, кажется, всегда и прежде всего искали въ нихъ золота и серебра. Въ длинный періодъ исторіи, протекшій отъ открытія Америки до нашихъ дней, можно указать только два случая, когда цѣнность благородныхъ металловъ (а слѣдовательно, и денегъ) быстро понизилась подъ вліяніемъ легкости ихъ добыванія. Это было именно открытіе богатыхъ росышей золота и серебряныхъ рудъ въ Америкѣ вскорѣ послѣ того, какъ она стала извѣстна европейцамъ. Подъ вліяніемъ наступившей дешевизны добыванія металловъ цѣнность денегъ въ 1570—1640 г.г. значительно понизилась; по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, она понизилась на 150—200%. Затѣмъ, другой случай замѣтнаго пониженія цѣнности благородныхъ металловъ подъ вліяніемъ легкости ихъ добыванія имѣлъ мѣсто въ недавнее время: въ 50-хъ годахъ настоящаго столѣтія открыты были богатые золотыя росыши въ Калифорніи и Австраліи; поэтому производство золота весьма усилилось въ это время, и въ 1850—1875 г.г. повсюду было замѣтно паденіе цѣнности денегъ. По мнѣнію ученыхъ, въ этотъ періодъ цѣнность денегъ (собственно золотыхъ) понизилась на 18—20%. Съ тѣхъ поръ ежегодная добыча золота во всемъ свѣтѣ не увеличивается, а даже нѣсколько убываетъ¹⁾. Что касается серебра, то его производство растетъ,

¹⁾ Такъ, въ пятилѣтіе съ 1871 г. по 1875 добывалось ежегодно среднимъ числомъ 171 тыс. килограммовъ золота, съ 1876 по 1880 г. — по 170 тыс., а въ пятилѣтіе съ 1881 по 1885 г. только 149 тыс. килоргр. См. *Schönberg's Handb. d. p. Oek* (2. Aufl.), I, 356.

по безъ особенныхъ скачковъ ¹⁾). Въ убывающей трудности производства серебра лежитъ причина удешевленія его по сравненію съ золотомъ ²⁾).

Изъ предыдущей коротенькой исторіи добыванія металловъ видно, что цѣнность ихъ мало колебалась подѣ влияніемъ элемента издержекъ производства: въ три столѣтія можно отмѣтить только два замѣтныхъ случая въ измѣненіи ихъ цѣнности. Конечно, нельзя отрицать, что въ техникѣ добыванія благородныхъ металловъ въ наши дни сдѣланы улучшения, подобно тому, какъ они сдѣланы въ другихъ отрасляхъ производства; но эти улучшения не въ состояніи отразиться замѣтнымъ образомъ на цѣнности металловъ (а слѣдовательно, и денегъ), такъ какъ ежегодное производство благородныхъ металловъ слишкомъ незначительно по сравненію съ общей массой благородныхъ металловъ, накопленныхъ людьми вѣками, и потому нѣкоторое облегченіе или затрудненіе въ производствѣ ихъ ежегодной добычи не можетъ повліять на цѣнность всей массы металловъ.

Сравнительная устойчивость цѣнности денегъ объясняется, какъ было уже замѣчено, главнымъ образомъ отсутствіемъ рѣзкихъ колебаній въ издержкахъ ихъ производства. Но и другой факторъ, опредѣляющій цѣнность денегъ, также помогаетъ этой устойчивости. Спросъ на деньги обусловливается массой товаровъ, цѣнностью этихъ товаровъ и быстротой обращенія денегъ. Эти три фактора, опредѣляющіе величину потребности въ деньгахъ у народа прогрессирующаго, обыкновенно возвышаются правильно и медленно, безъ всякихъ внезапныхъ толчковъ въ ту или другую сторону. Незначительныя колебанія въ ту или другую сторону, конечно, могутъ быть, но, во-первыхъ, самая незначительность этихъ колебаній гарантируетъ уже отъ сильныхъ измѣненій въ цѣнности денегъ, а во-вторыхъ (и это главное), и на эти колебанія правильно устроенное денежное обращеніе отвѣчаетъ такимъ повышеніемъ предложенія, при которомъ обыкновенно не происходитъ или почти не происходитъ измѣненій въ цѣнности денегъ. Такъ, если увеличился спросъ на деньги, то можетъ одновременно

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Отношеніе между цѣнностью золота и серебра въ XVII и XVIII ст. было 1: 14¹/₂, въ началѣ настоящаго столѣтія 1: 15¹/₂, а въ 1876—1880 г. 1: 17,89. См. *ibidem*.

увеличиться предложенеі орудій обращенія однимъ изъ слѣдующихъ многихъ способовъ: а) чрезъ усиленіе быстроты обращенія денегъ, б) введеніемъ въ обращеніе части запасовъ, с) переливомъ въ деньги металла изъ другихъ его употребленій, d) увеличеніемъ добыванія драгоценныхъ металловъ, е) если усиленіе спроса на деньги имѣло мѣсто только въ одной странѣ, то чрезъ ввозъ денегъ и, наконецъ, f) чрезъ увеличеніе денежныхъ суррогатовъ или g) чрезъ улучшение ликвидационныхъ банковыхъ операцій, дѣлающихъ излишнимъ употребленіе денегъ или ихъ замѣстителей. Въ слѣдующей главѣ мы покажемъ, какъ много послѣдніе два способа увеличенія орудій обращенія способствуютъ тому, что деньги болѣе или менѣе сохраняютъ свою цѣнность на одномъ уровнѣ.

Цѣль настоящей главы достигнута: показано, какой предметъ и съ какими народнохозяйственными задачами называется деньгами; кромѣ того, показано, какими свойствами деньги должны отличаться для хорошаго выполненія своихъ задачъ. Теперь уместно резюмировать все вышесказанное о деньгахъ и существенное особо подчеркнуть.

Когда развилось раздѣленіе труда на основѣ частной собственности на средства производства, для обмѣна благъ, производимыхъ отдѣльными хозяйствами, сдѣлалось необходимымъ особенное учрежденіе; сталъ необходимымъ именно опредѣленный способъ удостовѣренія мѣнновой цѣнности тѣхъ благъ, которыя пустило въ оборотъ данное хозяйство и за которое оно могло бы изъ оборота само съ своей стороны взять то, что ему нужно и что одинаковой цѣнности съ прежде отданнымъ. Последнее условіе очень важно: если бы отдѣльное хозяйство давало обществу такую-то цѣнность, а взаменъ получало цѣнность болѣе или меньшей величины, то, очевидно, при этомъ предположеніи страдало бы или общество, или отдѣльное хозяйство. Слѣдовательно, при развитомъ трудораздѣльномъ хозяйствѣ необходимо, чтобы происходило удостовѣреніе, что такое-то хозяйство произвело для общества и передало ему такую-то цѣнность, взаменъ которой оно имѣетъ получить равноцѣнность въ томъ или иномъ конкретномъ благѣ. Но это удостовѣреніе въ современномъ народномъ хозяйствѣ дается и можетъ быть дано не на бумагѣ, а товаромъ, который и называется деньгами. Въ самомъ дѣлѣ, при господствѣ свободнаго предпринимательства отдѣльное хозяйство только тогда можетъ

спокойно отдавать свои произведения обществу, когда взамен их оно получает тоже товаръ, производимый при условіяхъ, общихъ съ условіями производства всѣхъ другихъ товаровъ, и потому имѣющей собственную мѣровую цѣнность. Имѣя собственную цѣнность, этотъ товаръ-посредникъ можетъ, слѣдовательно, выражать и обозначать цѣнность того, что отдано обществу даннымъ хозяйствомъ. Кроме того, такой товаръ даетъ гарантію въ томъ, что лицо, отдавшее взаменъ его свои произведения, дѣйствительно получить отъ общества равноцѣнные блага. Гарантія эта обуславливается тѣмъ, что деньги, какъ товаръ, имѣющей собственную цѣнность, нельзя получить даромъ, что всякій, кто владѣетъ въ данный моментъ деньгами, получилъ ихъ не иначе, какъ чрезъ передачу обществу какого-нибудь равноцѣннаго имъ конкретнаго предмета; такимъ образомъ, владѣльцы денегъ могутъ быть увѣрены, что на рынкѣ есть товары, ибо всѣ они потому и имѣютъ деньги, что пустили въ обращеніе товары, хотя каждый (что и хорошо для нихъ) отдавалъ неодинаковые товары ¹⁾. Обстоятельство, что деньги производятся при тѣхъ же условіяхъ, какъ всѣ другіе товары, имѣетъ то послѣдствіе, что ихъ цѣнность образуется по общимъ законамъ ея и не зависитъ отъ чьего-нибудь произвола (напр., правительственнаго), и что никто не будетъ получать цѣнность въ деньгахъ иначе, какъ доставивши обществу съ своей стороны равноцѣнность или оказавши обществу извѣстную услугу.

Идеальными деньгами должна бы служить цѣнность сама по себѣ, цѣнность вообще, если бы она существовала независимо отъ проявленія въ какомъ-нибудь матеріальномъ предметѣ. Но такъ какъ она не существуетъ въ такомъ не материализованномъ видѣ, то необходимо людямъ создавать особый матеріальный предметъ, единственное назначеніе котораго измѣрять цѣнности и переносить ихъ отъ одного лица къ другому. Такимъ предметомъ у современныхъ народовъ служатъ металлы въ монетной формѣ или даже въ слиткахъ. Трудовая теорія цѣнности въ лицѣ ея крайнихъ представителей увѣ-

¹⁾ Это пониманіе денегъ весьма близко къ тому, которое развито *Родбертусомъ* въ его *Zur Erkenntniss unserer Staatswirthschaftlichen Zustände*, 147—155.

ряетъ, что современныя деньги дѣйствительно представляютъ *цѣнность вообще*. Эта теорія, какъ извѣстно, цѣнность товаровъ видятъ въ общественно необходимомъ количествѣ труда, воплощенномъ въ данномъ товарѣ: согласно съ этимъ основнымъ положеніемъ теоріи, представлять *цѣнность вообще* значитъ представлять *трудъ вообще*, т. е. не какой-нибудь специальный трудъ ткача, кузнеца, а абстрактный, родовый человеческій трудъ; деньги, по мнѣнію этой школы, и есть именно представитель такого абстрактнаго труда ¹⁾. Но такъ какъ ни одно изъ созданій человеческихъ рукъ не можетъ представлять родового труда, а непременно заключаетъ въ себѣ какой-нибудь частный видъ труда, то послѣдователи *Маркса* должны были впасть въ неясности и противорѣчія при разъясненіи той теоріи, что деньги представляютъ трудъ вообще, а слѣдовательно, и абстрактную цѣнность (цѣнность въ смыслѣ этой школы); они должны были заявить, что свойство денегъ представлять абстрактный трудъ есть только фикція, есть нѣчто предполагаемое только, а не дѣйствительно существующее ²⁾. Но тогда не слѣдовало и заводить рѣчи о такомъ свойствѣ денегъ, котораго въ сущности нѣтъ. Итакъ, вслѣдствіе физической невозможности для существованія абстрактной цѣнности люди должны создавать особый матеріальный предметъ, который, владея своей собственной цѣнностью, будетъ служить въ качествѣ денегъ. Поэтому всѣ народы на опредѣленной ступени развитія, кромѣ массы различныхъ благъ, служащихъ непосредственно для потребленія или непосредственно для производства, владѣютъ еще значительнымъ богатствомъ въ видѣ денегъ. Деньги будутъ составлять національный капиталъ страны, причемъ мы называемъ ихъ капиталомъ потому, что онѣ, будучи результатомъ человеческого труда, являются вмѣстѣ однимъ изъ важнѣйшихъ изобрѣтеній, способствующихъ усилению производительной дѣятельности ³⁾, хотя это вліяніе

¹⁾ У *Маркса* см., напр., въ «Капиталѣ», стр. 41.

²⁾ См. *Зибера*, Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ, стр. 245.

³⁾ Какъ извѣстно, а) матеріальность предмета, б) то свойство, что предметъ стоить труда и в) что онъ предназначенъ для производства или дѣйствительно употребляется въ производствѣ,—суть три признака «народно-хозяйственнаго капитала». *Roscher* относитъ деньги къ капиталу (см. *System*

оказывается деньгамъ не столь непосредственно, какъ, напр., машинами. Кажется, послѣ всего сказаннаго выше будетъ излишнимъ добавлять, что институтъ денегъ, подобно всѣмъ общественнымъ институтамъ, отличается „историчностью“. Этимъ терминомъ принято обозначать то свойство явленій общественнаго міра, что они не отличаются постоянствомъ или во всякомъ случаѣ отличаются замѣтно меньшимъ постоянствомъ, чѣмъ явленія естественныя, что они, слѣдовательно, являются только исторической стадіей въ развитіи человѣческихъ обществъ и смѣняются медленно, но непрерывно другими общественными формациями. Таковъ же и институтъ денегъ, предполагающій въ качествѣ сосуществующихъ явленій раздѣленіе труда (общественное) и частную собственность на средства производства.

der Volkswirtschaft, I, § 42,—14-е издание), но *Knies* неправильно не находить ничего общаго между деньгами и иными средствами производства, потому не соглашается отнести ихъ къ капиталу, а придумываетъ новую группу благъ, именно средствъ распредѣленія, и къ этой группѣ относить деньги (см. оп. с., I, 22).

ГЛАВА II. ДЕНЕЖНЫЕ СУРРОГАТЫ.

Въ экономической литературѣ подъ бумажными деньгами подразумѣвались и подразумѣваются весьма различныя вещи. Бумажными деньгами называли векселя, облигаціи и другіе подобныя кредитныя знаки; бумажными деньгами называли и называютъ банковые билеты и чеки; наконецъ, бумажными деньгами называютъ безпроцентныя долговыя обязательства государства, носящія монетныя наименованія, снабженныя принудительной обращаемостью и неразмѣнныя на монету. При такомъ разнообразіи въ пониманіи бумажныхъ денегъ для изслѣдователя явленій бумажноденежнаго обращенія установленіе правильнаго понятія бумажныхъ денегъ становится трудной задачей, но, конечно, неизбѣжной. Настоящая глава и слѣдующая имѣютъ своей задачей отвѣтить на вопросъ: что же такое бумажныя деньги? Первоначально мы займемся тѣмъ, чтобы показать, что не слѣдуетъ считать бумажными деньгами (предметъ настоящей главы), а затѣмъ будемъ говорить о томъ, что слѣдуетъ считать настоящими, дѣйствительными бумажными деньгами (предметъ слѣдующей главы).

Раздѣленіе труда при частной собственности на средства производства необходимо требуетъ обмѣна. Но обмѣнъ можетъ совершаться въ двоякой формѣ: или обмѣниваемыя вещи передаются одновременно, или одна изъ обмѣниваемыхъ вещей передается сейчасъ, а другая въ будущемъ; отдѣльные мѣновыя акты перваго типа называются наличными, а ихъ совокупность наличнымъ оборотомъ. Отдѣльные мѣновыя акты втораго типа называются кредитными сдѣлками, а ихъ совокупность кредитнымъ оборотомъ. Кредитный оборотъ начинается еще въ натурально-мѣновомъ хозяйствѣ: отдѣльное хозяйство, ощущающее временную нужду въ предметѣ непосредственнаго потребленія, брало этотъ предметъ во вре-

менное пользование съ тѣмъ, чтобы возвратить чрезъ извѣстный промежутокъ его старому владѣльцу или *in specie*, если занятый предметъ былъ *res non consumptibilis*, или *in genere*, если предметъ былъ *res consumptibilis*. Такая временная передача на первыхъ ступеняхъ развитія имѣла цѣлью главнымъ образомъ возстановлять временные пробѣлы въ предметахъ потребленія или, какъ принято выражаться, первоначальный кредитъ былъ главнымъ образомъ потребительнымъ кредитомъ. Но, конечно, хотя и не часто встрѣчались переносы во временное чужое пользование и такихъ благъ, которыя служили не для цѣлей непосредственнаго потребленія, а для цѣлей производства. Въ натурально-мѣновомъ хозяйствѣ встрѣчались и другого типа кредитныя сдѣлки, именно такія сдѣлки, въ которыхъ кредитъ являлся облегченіемъ обмѣна; такъ, если владѣлецъ барана хотѣлъ обмѣнять его на лисій мѣхъ профессиональному охотнику, то обмѣнъ могъ встрѣтить препятствіе въ томъ, что охотникъ могъ не имѣть въ данное время на лицо лисьего мѣха; обмѣнъ однако могъ совершиться при томъ условіи, что владѣлецъ барана, передавши его сейчасъ охотнику, соглашается подождать полученіе мѣха до нѣкотораго времени, напр., до того, когда охотникъ убьетъ лису. Въ натурально-мѣновомъ хозяйствѣ кредитная сдѣлка обыкновенно не оставляла послѣ себя никакого матеріальнаго слѣда; должникъ давалъ только словесное обѣщаніе уплатить вещь, взятую во временное пользование, или уплатить условленную равноцѣнность предмета, уже взятаго имъ у кредитора. Однако въ натурально-мѣновомъ хозяйствѣ кредитныя сдѣлки не могли достигнуть сколько-нибудь значительнаго развитія, какъ не особенно былъ развитъ и обмѣнъ вообще. Съ возникновеніемъ денегъ кредитъ достигаетъ весьма широкаго распространенія, хотя основныя его цѣли остаются тѣми же самыми, что и въ натурально-мѣновомъ хозяйствѣ. | Огромное большинство кредитныхъ сдѣлокъ, встрѣчающихся въ современномъ народномъ хозяйствѣ, имѣютъ цѣлью: а) или дать извѣстному хозяйству недостающій ему временно предметъ непосредственнаго потребленія или какой-нибудь видъ реального капитала, в) или имѣютъ цѣлью облегчить обмѣнъ тѣмъ, что допускается одновременная передача равноцѣнностей; только въ денежномъ хозяйствѣ эти операціи совершаются при участіи денегъ; здѣсь передается въ чужое пользование

не самый предмет непосредственного потребленія или не самое средство производства, а нѣкоторое количество денегъ, за которое затѣмъ должникъ и покупаетъ нужныя ему блага; равнымъ образомъ при кредитной куплѣ-продажѣ равноцѣнность, передача которой откладывается до будущаго, обыкновенно состоитъ въ извѣстной денежной суммѣ. По общему правилу, въ современномъ экономическомъ быту кредитная сдѣлка оставляетъ послѣ себя знакъ, который состоитъ въ письменномъ документѣ, удостоверяющемъ, кто, кому и что долженъ, какія условія возврата долгаго и т. п. Такъ какъ конкретныя условія каждой сдѣлки могутъ быть различными, то мы встрѣчаемъ различныя категоріи кредитныхъ знаковъ (векселя, облигаціи, закладные листы и т. п.).

Кредитные знаки, возникшіе изъ указанныхъ выше отношеній, отличаются однимъ общимъ признакомъ — процентностью. Въ самомъ дѣлѣ, когда передается какой-нибудь предметъ во временное чужое пользованіе или когда откладывается передача равноцѣнности, тогда часть имущества извѣстнаго лица (кредитора) не находится въ его хозяйственномъ распоряженіи, а передана въ пользованіе другого лица; другими словами, извѣстное количество частнохозяйственнаго капитала передано въ чужое пользованіе, а такое пользованіе капиталомъ всегда оплачивается опредѣленной цѣной, и эта цѣна носитъ названіе процента; процентность сдѣлки выражается въ процентности документовъ. Кромѣ процентности, всѣ кредитные знаки, возникшіе изъ указанныхъ основаній, имѣютъ и общее назначеніе: первоначальное и естественное назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы совершеннымъ способомъ удостоверить условія кредитнаго отношенія, и въ этомъ былъ главный выигрышъ при замѣнѣ устныхъ обязательствъ письменными.

Первоначально процентныя кредитныя бумаги отличались малою подвижностью: кредиторъ, получивши отъ должника удостовѣреніе въ состоявшемся обязательствѣ, держалъ его у себя до того времени, когда истекалъ срокъ кредитному отношенію, и это послѣднее прекращалось безъ того, чтобы кредитный документъ перемѣнилъ своего перваго и единственнаго владѣльца. Но такая неподвижность кредитныхъ знаковъ не была въ интересахъ оборота. Въ самомъ дѣлѣ, для кредиторовъ наступаетъ часто надобность въ освобожденіи того ихъ частнаго капитала, который находится въ

чужомъ временномъ пользованіи. Этой потребности оборота удовлетворяла постепенно развившаяся подвижность кредитныхъ документовъ, которая матеріально обозначала подвижность обязательствъ. Если кредиторъ желалъ получить денежную сумму ранѣе того срока, на который она отдана въ чужое распоряженіе, то ему оставалось только найти третье лицо, которое согласилось бы стать на его мѣсто, — вѣрителя, и выдать ему данную денежную сумму. Внѣшнимъ знакомъ такого перехода обязательственного права отъ одного лица къ другому была передача кредитнаго знака. Такимъ образомъ, обращаемость кредитныхъ знаковъ явилась средствомъ переноса обязательственныхъ правъ. Положительное право, повинувъсь требованіямъ оборота, всегда признавало законность и дѣйствительность переноса обязательствъ и кредитныхъ знаковъ, хотя съ своей стороны для дѣйствительности этого переноса всегда ставило нѣкоторыя особыя правила, притомъ различныя для различныхъ видовъ долговыхъ обязательствъ.

Итакъ, бóльшая или меньшая обращаемость процентныхъ кредитныхъ знаковъ есть явленіе довольно распространенное. Однако для нашей настоящей цѣли важно было не то, чтобы констатировать обращаемость процентныхъ кредитныхъ бумагъ, но то, чтобы видѣть послѣдствіе этой подвижности въ сферѣ денежнаго обращенія, а послѣдствіе это состоитъ въ слѣдующемъ. Переносъ кредитнаго знака (и долга) совершается не только тѣмъ путемъ, что второй кредиторъ выдаетъ первому валюту кредитнаго документа (учетъ векселя, продажа облигаціи), но еще и тѣмъ путемъ, что второй вѣритель можетъ брать кредитный знакъ прямо вмѣсто товара. Такимъ образомъ, кредитный знакъ можетъ принимать участіе въ обращеніи товаровъ и замѣнять здѣсь деньги: товаръ переходитъ отъ одного лица къ другому, но при этомъ покупателемъ не передаются деньги, какъ цѣна товара; матеріально здѣсь деньги не участвуютъ, а участвуетъ кредитный знакъ.) Это именно обстоятельство и заставляло нѣкоторыхъ экономистовъ считать различныя процентныя кредитныя знаки деньгами. Правда, что этотъ взглядъ никогда не былъ распространеннымъ: его придерживались только самыя крайніе представители денежной школы (CURRENCY SCHOOL).

Доказать, что процентныя кредитныя бумаги не есть

деньги, не представляет особой трудности. Для этого нужно вспомнить только, какія задачи выполняютъ деньги, и мы увидимъ, что процентныя кредитныя бумаги—не деньги, такъ какъ онѣ не выполняютъ всѣхъ функцій денегъ. Прежде всего очевидно, что кредитный знакъ не обладаетъ самостоятельной цѣнностью и потому не можетъ стать измѣрителемъ товарной цѣнности. Кредитный знакъ представляетъ ту сумму денегъ, на которую онъ написанъ, и кредитный знакъ, въ оплатѣ котораго нѣтъ основаній сомнѣваться (т. е. *нормальный* кредитный знакъ), естественнымъ образомъ не можетъ имѣть никакой иной цѣнности, кромѣ той, которую имѣетъ представляемая имъ денежная сумма¹⁾; поэтому, когда вмѣсто товара берется кредитный документъ, то измѣрителемъ цѣнности является тутъ не самый документъ съ какой-то своей самостоятельной цѣнностью, а та денежная сумма, которую онъ представляетъ. Одного обстоятельства, что кредитный знакъ не служитъ орудіемъ измѣренія цѣнностей, уже совершенно достаточно для того, чтобы не считать его деньгами: деньги есть хозяйственное благо, выполняющее такія-то и такія-то функціи; разъ другой предметъ, который хотятъ причислять къ деньгамъ, не выполняетъ какой-либо изъ существенныхъ ихъ обязанностей, то онъ не есть деньги.

Но между деньгами и процентными кредитными бумагами есть еще другія существенныя различія. Такъ, обыкновенно говорятъ, что кредитныя знаки являются орудіемъ обращенія и въ этомъ отношеніи замѣняютъ деньги. Это положеніе до извѣстной степени справедливо, но всетаки не вполне: нельзя

¹⁾ Въ экономической литературѣ, впрочемъ, можно встрѣтить и обратное мнѣніе. Такъ, между прочимъ, русскій послѣдователь *Маклеода* говоритъ: «правда, цѣнность кредитныхъ знаковъ различна отъ цѣнности денегъ; она не имѣетъ подъ собою почвы накопленнаго труда; но и она представляетъ собою нѣчто самостоятельное, а именно,—будущій платежъ съ тек.щей мн. цѣнностью» (курсивъ подлинника; *Гамбаровъ*, Банковый актъ Роберта Пила 1844 года, стр. 12). Очевидно, такое мнѣніе смѣшиваетъ явленіе процентности съ цѣнностью денегъ: за вексель въ 1000 руб., срокъ которому наступитъ черезъ 3 мѣсяца, не даютъ при учетѣ полной тысячи не потому, что цѣнность этой тысячи въ векселѣ имѣетъ меньшую цѣнность, чѣмъ тысяча въ наличности, уплачиваемая черезъ 3 мѣсяца, но потому, что желаютъ получить вознагражденіе за трехмѣсячное пользованіе названной суммой денегъ.

говорить, что кредитные знаки такое же совершенное средство обращенія, какъ и деньги. Быть средствомъ обращенія, какъ мы знаемъ, значитъ имѣть силу доставить собственному владѣльцу нужное благо или быть такимъ предметомъ, за который охотно отдаютъ товары; другими словами, быть совершеннымъ средствомъ обращенія значитъ быть дѣйствительнымъ покупнымъ средствомъ и дѣйствительнымъ продажнымъ средствомъ; такимъ совершеннымъ орудіемъ обращенія не можетъ быть предметъ, не имѣющій самостоятельной цѣнности; не можетъ имъ быть по той же причинѣ и какой-нибудь кредитный знакъ. Процентный кредитный знакъ дѣйствительно принимаетъ участіе въ обращеніи и дѣйствительно можетъ привести въ обращеніе то или иное количество товаровъ, но въ отличіе отъ денегъ онъ не можетъ самостоятельно и окончательно завершать мѣновыя акты; такъ, если А имѣетъ товаровъ на 1000 руб., то онъ можетъ сбыть ихъ, взявши вмѣсто денегъ вексель на 1000 руб.; затѣмъ этотъ вексель передать еще новому лицу взамѣнъ свѣжей партіи товара; здѣсь дѣйствительно произошло обращеніе товаровъ, и кредитный знакъ сдѣлалъ не нужнымъ реальное употребленіе денегъ; но на какомъ бы звенѣ мы не прервали ту цѣнь обмѣновъ, которые совершены при посредствѣ векселя, мы увидимъ, что онъ нигдѣ окончательно не завершалъ акта обращенія; всякій данный владѣлецъ векселя, только что взявшій въ уплату за товаръ вексель, считаетъ не вполне законченной реально свою продажу, такъ какъ, хотя онъ и получилъ вексель, но не получилъ дѣйствительной равноцѣнности за свой товаръ; его купля-продажа пока есть продажа въ кредитъ, т. е. такая купля-продажа, при которой равноцѣнность еще не получена, т. е. второй актъ ея еще не совершенъ; продажа дѣйствительно завершится только тогда, когда будетъ передана равноцѣнность, т. е. когда вмѣсто векселя на сцену появится та денежная сумма, которую онъ представлялъ. Только что изложенное мы имѣли въ виду, когда говорили, что, хотя процентные кредитные знаки и являются орудіемъ обращенія, но менѣе совершеннымъ, чѣмъ деньги, и, главное, всегда предполагаютъ появленіе денегъ, иначе они и не обращались бы.

За то положеніе, что процентныя бумаги — не деньги, говорятъ еще и другія обстоятельства; такъ, онѣ отличаются отъ денегъ весьма малой обращаемостью; равнымъ образомъ

онѣ не могутъ выполнять нѣкоторыхъ второстепенныхъ функцій; напр., онѣ не могутъ быть сколько-нибудь удовлетворительнымъ средствомъ сбереженія по своей срочности и по отсутствію увѣренности въ платежеспособности лицъ, выдавшихъ ихъ. Наконецъ, если процентные кредитные знаки есть настоящія деньги, то, слѣдовательно, оборотъ можетъ обойтись безъ всякихъ другихъ сортовъ денегъ; но стоитъ себѣ только представить, что въ странѣ обращаются только векселя, закладные листы, облигаціи и т. п., и что всѣ измѣренія цѣнности и всѣ платежи совершаются этими же бумагами, а ничѣмъ инымъ,—стоитъ только представить себѣ это, чтобы понять всю неосновательность теоріи, признающей процентныя бумаги деньгами. Джевонсъ¹⁾ довольно правильно говоритъ о процентныхъ бумагахъ: онѣ „указываютъ на то, что вложенъ капиталъ въ извѣстныхъ предпріятіяхъ, и потому онѣ разсматриваются участниками въ затратѣ капитала, какъ дѣйствительное имущество. Хотя онѣ продаются и покупаются за деньги, но сами онѣ—не деньги, наоборотъ вмѣсто того, чтобы быть деньгами, онѣ скорѣе создаютъ потребность въ деньгахъ, ибо не только первое возникновеніе ихъ, но уплата процентовъ въ періодически повторяющіеся сроки требуетъ денегъ“. Если бы это описаніе дополнить той чертой, что съ момента возникновенія до момента прекращенія процентныя бумаги способны замѣнять деньги чрезъ пріемъ ихъ вмѣсто денегъ при платежѣ за товары, то оно было бы совсѣмъ вѣрно.

Итакъ о процентныхъ кредитныхъ бумагахъ мы можемъ сказать слѣдующее: ихъ естественное и первоначальное назначеніе удостовѣрять установившіеся кредитныя отношенія. Удовлетворяя этому главному назначенію, онѣ могли бы остаться совершенно неподвижными, но онѣ не остались таковыми и съ большой пользой для оборота; ихъ обращаемость стала средствомъ перехода долговыхъ обязательствъ. Но, ставши подвижными, процентныя кредитныя бумаги до извѣстной степени и въ извѣстномъ смыслѣ стали замѣнять деньги въ качествѣ орудія обращенія. За это ихъ отношеніе къ деньгамъ онѣ могутъ быть названы денежнымъ суррогатомъ, но не деньгами²⁾.

¹⁾ Ор. с., 246.

²⁾ При указанномъ пониманіи роли кредита и денежныхъ суррогатомъ въ дѣлѣ обращенія товаровъ нельзя присоединиться къ слѣдующимъ сло-

Указанное истинное отношеніе кредитныхъ знаковъ къ деньгамъ остается однако не безъ вліянія въ сферѣ денежнаго обращенія: замѣняя въ извѣстномъ отношеніи деньги, они позволяютъ удовлетворить всю потребность въ деньгахъ меньшимъ количествомъ этихъ послѣднихъ; безъ обращенія кредитныхъ бумагъ народъ долженъ бы имѣть больше денегъ; такимъ образомъ, обращеніе кредитныхъ бумагъ открываетъ возможность нѣкоторую часть національнаго труда и капитала употребить на созданіе какихъ-либо иныхъ полезныхъ предметовъ, а не на производство денегъ. Затѣмъ, вторая выгода отъ обращаемости кредитныхъ бумагъ въ денежной сферѣ состоитъ въ томъ, что онѣ помогаютъ сохранять деньгамъ ихъ сравнительную постоянность въ цѣнности: при временныхъ колебаніяхъ потребности въ деньгахъ, напр., въ тѣ періоды года, когда въ странѣ производятся усиленные обороты (Нижегородская ярмарка въ Россіи), кредитныя бумаги, увеличиваясь въ своемъ количествѣ или получая интенсивную обращаемость, удовлетворяютъ до нѣкоторой степени усилившуюся потребность въ деньгахъ и отстраняютъ недостачу въ деньгахъ и, слѣдовательно, ихъ дороговизну.

Кромѣ процентныхъ кредитныхъ бумагъ, удостоверяющихъ то, что капиталъ извѣстнаго лица перенесенъ за извѣстное вознагражденіе въ пользованіе другого лица, есть еще другая группа кредитныхъ знаковъ, единственное назначеніе которыхъ состоитъ въ облегченіи денежнаго обращенія. Главнѣйшими представителями этого второго вида являются банковый билетъ и чекъ. Такъ какъ банковый билетъ и чекъ не есть знаки такого кредитнаго отношенія, въ которомъ капиталъ одного лица переносится въ хозяйственное пользованіе другого и притомъ за извѣстное вознагражденіе, то банковый билетъ и чекъ являются безпроцентными кредитными бумагами. Въ этомъ состоитъ ихъ внѣшнее отличіе отъ кредитныхъ знаковъ перваго вида.

вамъ *Br. Hildebrand'a*: «кредитъ есть увѣренность въ исполненіи даннаго обѣщанія и вмѣстѣ сумма свойствъ, которыя вызываютъ эту увѣренность. Если обѣщаніе относится къ платежу, то кредитъ становится представителемъ средства мѣны, онъ производитъ обмѣны, онъ получаетъ силу денегъ, становится самъ деньгами». См. *Naturalwirthschaft, Geldwirthsch. und Creditwirthsch.* въ *Jahrb. für Nationalök. und St.*, Bd. II, S. 19.

Мы выдѣлили безпроцентныя бумаги въ особую группу на томъ основаніи, что чаще всего въ политической экономіи придавалось имя бумажныхъ денегъ и свойства истинныхъ денегъ именно этимъ безпроцентнымъ бумагамъ и особенно банковымъ билетамъ. Поставивши себѣ задачей показать, что слѣдуетъ считать настоящими бумажными деньгами и что не слѣдуетъ считать ими, мы, очевидно, должны будемъ остановиться на тѣхъ литературныхъ мнѣніяхъ, которыя считаютъ безпроцентныя бумаги деньгами, и отстранить эти мнѣнія или присоединиться къ какому-нибудь изъ нихъ.

Банковые билеты обратили на себя вниманіе людей науки и практики вслѣдствіе тѣхъ ненормальныхъ явленій, которыя они вызвали въ Англии въ такъ называемый рестрикціонный періодъ (1797—1819), т. е. въ періодъ ихъ неразмѣнности. Отливъ металла, неблагопріятный вексельный курсъ, дороговизна слитковъ и другія подобныя явленія, указывавшія на обезцѣненіе англійскаго обращенія въ рестрикціонный періодъ, заставили задаться вопросомъ, что же такое банковые билеты, не есть ли они настоящія деньги, и не подчинено ли ихъ обращеніе тѣмъ же законамъ, которымъ подчиняется металлическое обращеніе. Особенно много занимался этими вопросами *Рикардо*, и сущность его воззрѣній можно изложить слѣдующимъ образомъ.

Рикардо очень часто, говоря о банковыхъ билетахъ, называетъ ихъ бумажными деньгами¹⁾, и уже одно это обстоятельство должно говорить за то, что онъ считалъ банковые билеты деньгами. Но дѣло не ограничивалось однимъ употребленіемъ имени бумажныхъ денегъ въ примѣненіи къ банковымъ билетамъ: и сущность воззрѣній *Рикардо* на данный предметъ состояла въ томъ, что банковые билеты подчинены тѣмъ же законамъ, которымъ подчинено металлическое обращеніе, что выпускъ банковыхъ билетовъ есть прибавка новыхъ денегъ уже къ обращающимся, что выпускъ банковыхъ билетовъ имѣетъ то же вліяніе на цѣнность орудій обращенія, какъ увеличеніе количества металлическихъ денегъ. Въ своихъ памфлетахъ о денежномъ обращеніи²⁾ *Рикардо* не разъ доказывалъ подробно эти положенія. Такъ, по его мнѣнію, выпускъ

¹⁾ Напр., Соч., 224, 434.

²⁾ Все написанное *Рикардо* по вопросу о денежномъ обращеніи находится въ собраніи его сочиненій, переведенномъ на русскій языкъ *Зибера*ль.

банковыхъ билетовъ есть то же, что добыча золота и серебра изъ рудниковъ, что обильный выпускъ банковыхъ билетовъ равнозначителенъ открытію богатаго рудника, что, словомъ, банкъ, выпуская свои ноты, дѣлаетъ деньги. На этотъ счетъ *Рикардо* выражается такъ: „если бы, вмѣсто открытія въ какой нибудь странѣ рудника, въ ней былъ учрежденъ банкъ, подобно банку Англіи, снабженный правомъ выпуска своихъ билетовъ въ качествѣ орудія обращенія, то, по выполненіи большого выпуска, посредствомъ ли займовъ купцамъ, или авансовъ правительству, который значительно увеличилъ бы сумму орудій обращенія, наступили бы тѣ же послѣдствія, какъ и въ случаѣ открытія рудника“¹⁾. Созданныя такимъ образомъ деньги представлялись *Рикардо* имѣющими собственную цѣнность. „Пока государство“, говоритъ онъ: „обладаетъ привилегіей чекана, праву взимать за него плату не можетъ быть поставлено предѣловъ, потому что цѣнность монеты, черезъ ограниченіе количества ея, можетъ быть поднята на такую высоту, какую только можно себѣ представить. Таково именно начало, на основаніи котораго обращаются бумажныя деньги: весь размѣръ платы за бумажныя деньги можетъ быть разсматриваемъ въ качествѣ платы за чеканъ (seignorage). Хотя деньги эти и не имѣютъ вовсе внутренней цѣнности, но чрезъ ограниченіе въ ихъ количествѣ цѣнность ихъ бываетъ столь же велика, какъ и цѣнность монеты того же наименованія, или слитка изъ такой монеты“²⁾. Изъ этого мѣста видно, что *Рикардо* считаетъ банковые билеты имѣющими свою цѣнность, хотя эта цѣнность и не есть „внутренняя цѣнность“. Если, такимъ образомъ, банковые билеты—деньги, то это только очень послѣдовательно, если *Рикардо* говоритъ о томъ, что при первомъ своемъ выпускѣ и при дальнѣйшихъ выпускахъ въ извѣстной странѣ банковые билеты могутъ обезцѣнивать обращеніе; другими словами, *Рикардо* думаетъ, что чрезъ выпускъ билетовъ увеличивается общее количество денегъ (т. е. вся монета плюсъ выпущенные билеты), а такъ какъ цѣнность денегъ, по его мнѣнію,

¹⁾ Соч., 279; или см. еще стр. 225 («вслѣдствіе за учрежденіемъ банковъ государство уже не исключительно обладаетъ властью чекана и выпуска денегъ»).

²⁾ Ibid., 224—225.

опредѣляется ихъ количествомъ, то она падаетъ при выпускахъ билетовъ. Если до какого-нибудь новаго выпуска билетовъ обращеніе уже было смѣшаннымъ, а билеты благодаря размѣнности были равноцѣнными, то этотъ новый выпускъ билетовъ обезцѣнитъ все обращеніе, т. е. и монету, и билеты, прежде обращавшіеся. Эти положенія высказаны и доказываются *Рикардо* въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Обратимся теперь“, говоритъ онъ: *) „къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя наступили бы отъ учрежденія банка въ такой странѣ, обращеніе которой состоитъ исключительно изъ металла. Подобный банкъ сталъ бы учитывать векселя или дѣлать авансы правительству, какъ это дѣлаетъ и нашъ нынѣшній банкъ, и если бы начало, поддерживаемое *Бозанкетомъ*, было вѣрно, то билеты банка немедленно возвратились бы въ него тотчасъ же въ слѣдъ за выпускомъ ихъ: такъ какъ металлическое обращеніе было бы первоначально достаточно для торговли страны, то нельзя было бы дать употребленіе никакому добавочному количеству денегъ. Но это находится въ противорѣчьи не только съ теоріей, но и съ практикой“. Цѣнность денегъ, доказываетъ далѣе *Рикардо*, отъ выпуска билетовъ понизилась бы, металлическія деньги стали бы вывозиться въ тѣ страны, гдѣ онѣ цѣнятся дороже, а на мѣсто ихъ остались бы банковые билеты. Таковъ путь (черезъ обезцѣненіе обращенія), которымъ первоначально помѣщаются банковые билеты. „Но предположимъ случай, когда деньги не могли бы вывозиться съ выгодой, предположимъ, что обращеніе всѣхъ европейскихъ странъ состоитъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ, и что въ каждой изъ этихъ странъ учреждается одновременно банкъ на такихъ же началахъ, какъ англійскій, — въ такомъ случаѣ могли ли бы онѣ или нѣтъ присоединить къ своему металлическому обращенію извѣстное количество бумаги? И могли ли бы онѣ или нѣтъ постоянно удерживать эту бумагу въ обращеніи? Если бы онѣ могли, то вопросъ рѣшенъ: прибавку можно было бы въ такомъ случаѣ сдѣлать къ обращенію, уже достаточному, не заставляя билеты возвращаться въ банкъ въ уплату по должнымъ банку векселямъ. Если же говорится, что онѣ не могли бы, тогда я зываю къ опыту и прошу, чтобы мнѣ разъяснили сколько-нибудь тотъ способъ, посред-

*) Ibid., 376.

ствомъ котораго банковые билеты были первоначально призваны къ существованію и какимъ образомъ они удерживаются постоянно въ обращеніи? ¹⁾). Что касается мнѣнія *Рикардо* не о первоначальныхъ, а о послѣдующихъ выпускахъ билетовъ, то можно привести слѣдующія весьма опредѣленные слова его: „если бы къ обращенію, состоящему частью изъ золота, частью изъ бумаги, было придано извѣстное количество увеличеніемъ бумаги, то цѣнность всего обращенія уменьшилась бы или, иными словами, цѣны товаровъ повысились бы по оцѣнкѣ какъ на золотую монету, такъ и на бумажныя деньги“ ²⁾). Когда банковые билеты размѣнны, они, по мнѣнію *Рикардо*, чрезъ значительные ихъ выпуски могутъ обезцѣнивать все обращеніе, но сами остаются равноцѣнными монетѣ. Но, если банковые билеты неразмѣнны, то это имѣетъ еще то послѣдствіе, что ихъ цѣнность можетъ падать ниже цѣнности денегъ металлическихъ. „Эта разность ³⁾ въ относительной цѣнности, или, иными словами, это уменьшеніе дѣйствительной цѣнности банковыхъ билетовъ имѣло причиною то слишкомъ изобильное ихъ количество, которое было выпущено банкомъ въ обращеніе. Та же самая причина, которая произвела въ цѣнности банковыхъ билетовъ сравнительно со слитками золота разность въ 15—20%, могла довести ее до 50%. Для обезцѣненія, происходящаго отъ постояннаго увеличенія количества бумаги, границъ не существуетъ. Стимуль, представляемый для вывоза монеты увеличеніемъ обращенія, приобрѣтаетъ новую силу, но онъ не можетъ, подобно прежнему, устранить самъ себя. Наши бумажныя деньги необходимо ограничиваются предѣлами одного только нашего обращенія. Всякое увеличеніе ихъ количества роляетъ цѣнность ихъ ниже цѣнности обращенія другихъ странъ“ ⁴⁾).

Всѣ приведенныя мѣста изъ сочиненій *Рикардо*, кажется, достаточно характеризуютъ сущность возрѣній этого знаме-

¹⁾ Ibidem, 276.

²⁾ Ibid., 370.

³⁾ *Рикардо* говоритъ здѣсь о разности между цѣной слитковъ въ періодъ, предшествовавшій прекращенію размѣнности билетовъ англійскаго банка, и въ періодъ ихъ неразмѣнности.

⁴⁾ Ibid., 295—296.

нитаго эконоимста на банковые билеты. Мы остановились на воззрѣніяхъ *Рикардо* еще потому, что они послужили исходной точкой и основаніемъ какъ для теоретическихъ положеній, такъ и для практическихъ требованій знаменитой англійской школы, извѣстной подъ именемъ денежной школы (*surgency theory* или *surgency principle*)¹⁾. Мы теперь нѣсколько остановимся на воззрѣніяхъ только что названной школы.

Основное положеніе этой школы по отношенію къ банковымъ билетамъ то же, что и у *Рикардо*, т. е. то, что банковые билеты есть деньги. Одинъ изъ главныхъ представителей денежной школы (*Дж. Лойдъ*) такъ доказываетъ это положеніе: „когда въ обращеніи находятся такіе билеты (т. е. банковые), то они совмѣстно съ монетою образуютъ оборотный капиталъ страны. Этотъ капиталъ имѣетъ слѣдующія отличительныя свойства: 1) размѣръ его опредѣляется законами, распредѣляющими драгоцѣнные металлы между различными странами міра. 2) Въ каждой странѣ онъ представляетъ собою общую мѣру цѣнности другихъ товаровъ, единицу, которую выражаетъ опредѣленная цѣна товаровъ, и на которую производится всѣ сдѣлки. 3) Онъ дѣлается общимъ орудіемъ обращенія для всевозможныхъ оборотовъ. Капиталъ этотъ въ состояніи выполнять постоянно и безъ перерыва всѣ вышеуказанныя функціи. Такими свойствами не обладаютъ ни вклады, ни векселя: ихъ количество не опредѣляется законами, распредѣляющими драгоцѣнные металлы между различ-

¹⁾ Къ этой школѣ принадлежали: *Лойдъ* (впослѣдствіи лордъ *Оверстонъ*), *Норманъ*, полковникъ *Торренсъ*. Они высказали свои воззрѣнія только отчасти въ специальныхъ монографіяхъ; частью же объ ихъ взглядахъ на денежное обращеніе мы узнаемъ изъ показаній, данныхъ ими передъ парламентскими комиссіями. Многочисленныя извлеченія изъ сочиненій и изъ напечатанныхъ показаній представителей денежной школы можно найти у *Тука* и *Ньюмарна* (*Die Geschichte und Bestimmung der Preise*, В. I, Cap. XX и слѣд.); на русскомъ языкѣ мы тоже имѣемъ довольно подробныя изложенія воззрѣній денежной школы, именно въ сочин. *Гамбарова* (Банковый актъ Роберта Пиля, гл. IV и V) и также въ сочин. *Федоровича* (Теорія денежнаго и кредитнаго обращенія, стр. 272 и слѣд.). Къ представителямъ денежной теоріи нужно отнести и *Роберта Пиля*, виновника банковаго акта 1844 года, основаннаго на принципахъ именно этой школы. *A. Wagner* посвятилъ этой школѣ специальное сочиненіе *Die Geld- und Credittheorie der Peci'schen Bankacte* (1862).

ными странами; они не представляют ни мѣры цѣнности, ни единицы и наконецъ они не обладаютъ способностью денегъ быть всеобщимъ орудіемъ обращенія“¹⁾.

Другое положеніе школы состоитъ въ томъ, что банки обладаютъ властью втискивать въ обращеніе произвольное количество банковыхъ билетовъ и такимъ образомъ обезцѣнивать обращеніе²⁾. Отсюда вытекаетъ дальнѣйшее требованіе разсматриваемой школы относительно способа регулированія выпуска банковыхъ билетовъ; именно она требуетъ, чтобы выпуски билетовъ регулировались по типу чисто металлическаго обращенія. Это требованіе на первый взглядъ не совсемъ понятно и потому требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій. Денежная школа считаетъ чисто металлическое обращеніе совершеннымъ; это совершенство обосновывается на слѣдующемъ свойствѣ металлическаго обращенія: когда понижается или повышается цѣнность металлическаго обращенія, то коррективъ находится въ немъ же самомъ и не требуетъ вмѣшательства со стороны банковъ или правительства, которыя (вмѣшательства) ведутъ только, по мнѣнію школы, къ ошибкамъ. Самоисправленіе чисто металлическаго обращенія совершается такъ: если въ одной странѣ понижается цѣнность денегъ, то онѣ вывозятся въ другую страну, въ которой онѣ выше цѣнятся (для покупки товаровъ); такимъ образомъ обращеніе уменьшается и цѣнность его увеличивается. Если, наоборотъ, цѣнность обращенія возвышается въ данной странѣ, то изъ другихъ странъ ввозятся деньги и такимъ образомъ цѣнность обращенія понижается до своего прежняго уровня³⁾. Такого самоисправленія при свободѣ выпуска банковыхъ билетовъ можетъ и не быть: когда понижается цѣнность внутренняго обращенія, и когда золото будетъ вывозиться, банки своими дальнѣйшими выпусками билетовъ могутъ помѣшать возвышенію цѣнности внутренняго обращенія; такимъ образомъ, можетъ случиться, что все золото уйдетъ изъ страны.

¹⁾ Цитата заимствована у *Гамбарова*, оп. с., 115—116.

²⁾ При изложеніи количественной теоріи цѣнности денегъ мы уже говорили, что денежная школа усвоила эту теорію въ наиболее рѣзкой формѣ.

³⁾ Это ученіе, какъ и многое другое, заимствовано школой у *Рикардо*. См. *Рикардо*, Соч., 77 и слѣд.

О повышеіи же цѣнности внутренняго обращенія, по мнѣнію школы, нечего даже и говорить, такъ какъ его никогда не можетъ быть, если банки обладаютъ ничѣмъ не сдерживаемой возможностью дѣлать деньги въ видѣ билетовъ. Если такъ, то необходимо обставить эмиссіонную операцію такимъ образомъ, чтобы и смѣшанное обращеніе регулировалось такъ же, какъ чисто металлическое. Эта послѣдняя цѣль будетъ достигнута, если одному привилегированному банку будетъ дозволено выпускать только опредѣленное количество билетовъ ¹⁾; а затѣмъ сверхъ этого количества банкъ могъ бы выпускать билеты подъ полное покрытіе металломъ или, иначе, черезъ покупку металла, къ которой онъ обязывается закономъ ²⁾. При такомъ порядкѣ, дѣйствительно, обращеніе будетъ регулироваться по типу чисто металлическаго. Въ самомъ дѣлѣ, пониженіе цѣнности внутренняго обращенія поведетъ къ вывозу металла, и цѣнность обращенія возстановится; банкъ не можетъ этому помѣшать, такъ какъ онъ не имѣетъ права впускать въ обращеніе билеты. Равнымъ образомъ при повышеіи цѣнности внутренняго обращенія металлъ будетъ ввозиться и цѣнность обращенія упадетъ до своего прежняго уровня. Таковъ взглядъ денежной школы на банковые билеты; какъ видитъ читатель, эта школа весьма послѣдовательно проводитъ то свое основное положеніе, что билеты—деньги.

Денежное обращеніе долгое время было любимымъ предметомъ экономическихъ изслѣдованій, и потому можно найти большое число писателей, которые занимались специально тѣми же вопросами денежнаго обращенія, на которыхъ останавливался такъ долго *Рикардо* и которые составляли главный предметъ изслѣдованія представителей денежной школы. Изъ позднѣйшихъ экономистовъ мы остановимся пока только на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ писателей, которые болѣе или менѣе примыкаютъ къ *Рикардо* и денежной школѣ или, по крайней мѣрѣ, принимаютъ то основное положеніе, что банковые билеты—деньги. Къ значительнѣйшимъ изъ такихъ экономистовъ

¹⁾ Это количество опредѣляется опытомъ: именно это такое количество, при которомъ обращеніе страны не будетъ обезцѣнено по сравненію съ обращеніемъ другихъ странъ.

²⁾ Эти именно требованія и были осуществлены въ Шилевскомъ актѣ 1844 г.

относятся *Воловскій* ¹⁾, *Джевонсъ* ²⁾, *Уокеръ* ³⁾ и *Книес* ⁴⁾.

Однако главная цѣль настоящаго сочиненія не позволяетъ намъ подробно излагать воззрѣнiя всѣхъ только что названныхъ экономистовъ; мы возьмемъ у нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей только то, что они даютъ оригинальнаго въ доказательствѣ положенiя, что банковые билеты—деньги. Такъ, въ ученiи о деньгахъ *Джевонса* заслуживаетъ быть отмѣченнымъ слѣдующий резонъ, который онъ приводитъ въ доказательство сейчасъ упомянутаго положенiя. *Джевонсъ* обращаетъ вниманiе на безпроцентность банковыхъ билетовъ (а также чековъ и нѣкоторыхъ другихъ кредитныхъ знаковъ) и говоритъ, что на этомъ именно пунктѣ основывается способность банковыхъ билетовъ быть деньгами. Монета, продолжаетъ свою аргументацію *Джевонсъ*, имѣетъ ту существенную особенность, что она простымъ сохраненiемъ не приноситъ дохода; наоборотъ, простое сохраненiе монеты ведетъ къ потерѣ тѣхъ процентовъ, которые сберегаемыя деньги дали бы, еслибъ ихъ помѣстить въ процентныя бумаги. Обращая вниманiе на эту безвыгодность простаго сохраненiя монеты, мы можемъ разсматривать деньги, какъ такой товаръ, „который подлежитъ постоянному предложенiю и постоянному спросу“ ⁵⁾. Въ этомъ существенномъ свойствѣ на монету похожи всѣ безпроцентныя кредитныя знаки вообще и въ частности банковые билеты; такъ какъ они не приносятъ процентовъ, то ихъ тоже никто не хочетъ держать въ рукахъ; они, слѣдовательно, тоже подлежатъ постоянному предложенiю и постоянному спросу; поэтому безпроцентныя знаки суть деньги ⁶⁾.

Соблазнъ считать банковые билеты настоящими деньгами такъ великъ, что его не избѣгъ столь остроумный и образованный экономистъ, какъ *Книес*. Сначала *Книес* находитъ, что между банковыми билетами и другими кредитными знаками нѣтъ существеннаго различiя. Онъ разсуждаетъ именно

¹⁾ См. его сочиненiя: *La question de banques* (1867) и *Le change et la circulation* (1869).

²⁾ *Money and the mechanism of exchange* (1-е изд. 1875, 9-е изд. 1890).

³⁾ *Francis A. Walker, Money* (1-е изд. 1878, лондонское изд. 1891 г.).

⁴⁾ *Geld und Credit*.

⁵⁾ Это опредѣленiе денегъ заимствовано *Джевонсомъ* у *М. Швалье*.

⁶⁾ *Джевонсъ*, *op.*, с. 245—246.

такъ ¹⁾: между векселемъ, чекомъ и банковыми билетами тотъ общій признакъ, что получатель какого-нибудь изъ этихъ знаковъ приобрѣтаетъ право требованія опредѣленной денежной суммы; всѣ эти знаки принимаются, такимъ образомъ, въ увѣренности и только благодаря увѣренности, что обозначенную на документѣ сумму дѣйствительно можно получить. Тотъ, кто принимаетъ кредитный знакъ, не получаетъ дѣйствительнаго платежа; онъ принимаетъ ихъ „вмѣсто платежа“, а дѣйствительный платежъ будетъ имѣть мѣсто только тогда, когда по документу будетъ получена извѣстная денежная сумма. Между банковыми билетами и другими кредитными знаками та разница, что банковые билеты способны къ наибольшей обращаемости и потому могутъ много разъ быть принимаемы „вмѣсто платежа“. „Но и банковые билеты не вызываютъ никакого иного представленія о цѣнности, кромѣ того, которое вызываетъ денежная сумма, обѣщанная къ размѣну“ ²⁾. Намъ остается только прибавить, что, если банковые билеты не имѣютъ самостоятельной цѣнности, то они не могутъ быть средствомъ платежа. Однако *Книсъ* не ограничился этими исполнѣ правильными положеніями о банковыхъ билетахъ, а открываетъ въ нихъ еще другую природу, именно денежную природу, состоящую, по его мнѣнію, въ томъ, что банковые билеты служатъ дѣйствительнымъ платежнымъ средствомъ, а не принимаются только „вмѣсто платежа“. Основаніемъ для такого утвержденія послужили для *Книса* слѣдующія свойства банковыхъ билетовъ: во-первыхъ, то ихъ свойство, что они выдумываются съ исключительною цѣлью замѣнять деньги въ платежахъ; затѣмъ, то ихъ свойство, что они представляютъ опредѣленные, круглыя суммы денегъ, что они передаются такъ же легко, какъ и деньги; и, наконецъ, то ихъ свойство, что они фактически употребляются вмѣсто платежей столь часто и между столь большимъ числомъ лицъ, что никакой изъ другихъ знаковъ даже и нельзя сравнивать съ ними въ этомъ отношеніи. Отыскавши въ банковыхъ билетахъ еще эту вторую природу (денежную), *Книсъ* говоритъ объ нихъ въ различныхъ мѣстахъ, что они не только кредитный знакъ,

¹⁾ Geld und Credit, I, 253 и слѣд.

²⁾ Ibid, 254.

но и средство платежа ¹⁾, что они не только являются знакомъ права требованія на извѣстную вещь, но что они одновременно и сами—вещь ²⁾.

Въ вопросѣ о дѣйствительной природѣ банковыхъ билетовъ *Рикардо* и денежная школа нашли себѣ сильнаго противника въ лицѣ *Тука* и его послѣдователей, которыхъ принято называть банковой школой (*Banking School*) ³⁾. Воззрѣнія этой школы усвоены *Дж. С. Миллемъ*, *А. Ванеромъ* ⁴⁾ и *Безобразовымъ* ⁵⁾. Мы считаемъ воззрѣнія банковой школы и сейчасъ названныхъ экономистовъ въ существенномъ правильными и потому въ предстоящей намъ сейчасъ критикѣ противоположнаго направленія мы будемъ часто пользоваться аргументами, уже ранѣе высказанными послѣдователями банковой школы, причемъ, конечно, будемъ называть того экономиста, у котораго нами взять тотъ или иной аргументъ.

Мы прежде всего будемъ доказывать, что несправедливо то воззрѣніе большинства представителей денежной школы, по которому банковые билеты (и чеки) разсматриваются, какъ существенно различные отъ другихъ кредитныхъ знаковъ. Если уластятъ намъ доказать это положеніе, то мы можемъ говорить тогда, что банковые билеты не есть деньги, подобно тому, какъ нельзя считать деньгами всякіе другіе кредитные знаки. Итакъ, въ чемъ состоитъ существенное сходство между банковыми билетами (и чеками) и другими кредитными знаками? Для отвѣта на этотъ вопросъ намъ нужно знаніе свойствъ банковыхъ билетовъ; поэтому мы сейчасъ дадимъ ихъ характеристику.

Банковый билетъ есть обязательство банка уплатить предъ-вителю билета ту сумму денегъ, которая обозначена на немъ.

¹⁾ Ibid, 272.

²⁾ Ibid, Abth. II, Hälft. 1, 201.

³⁾ Къ банковой школѣ, кромѣ *Тука*, принадлежатъ *Фуллертонъ*, *Уильсонъ*, *Ньюмарчъ*.

⁴⁾ См. соч. *Ванера*: Die Lehre v. Banken; ст. Zettelbankwesen и Papiergeld въ Staatswörterb. von *Bluntschli* und *Brater*; Die Geld- und Credittheorie der Peel'schen Bankacte; System der Zettelbankpolitik; Die russische Papierwährung и др.

⁵⁾ «О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи».

Таково обыкновенное опредѣленіе банковаго билета. Конечно, оно правильно, но изъ него еще не видно, что заставляетъ банкъ выдавать такія обязательства, а кліентовъ его принимать ихъ. Извѣстны условія, при которыхъ банкомъ выпускаются билеты; именно эти условія таковы: къ банку обращается какой-нибудь активный участникъ въ хозяйственной дѣятельности страны съ просьбой о ссудѣ той или иной денежной суммы, обыкновенно подъ учетъ векселя. Если банкъ находитъ возможнымъ оказать кредитъ этому лицу или если находитъ возможнымъ учесть представленный имъ вексель, то онъ долженъ бы выдать въ ссуду наличныя деньги. Однако банки, имѣющіе право выпускать билеты, обыкновенно не выдаютъ въ ссуды денегъ, а вылаютъ билеты ¹⁾. Такъ какъ по этимъ билетамъ всегда можно получить (если есть на то желаніе) деньги, то выдача въ ссуду вмѣсто денегъ билетовъ имѣетъ такой смыслъ: банкъ заявляетъ, что у него всегда имѣются наличныя деньги и, если угодно, онъ можетъ выдавать ихъ тѣмъ лицамъ, которымъ вообще можетъ оказать кредитъ; но нѣтъ никакой надобности лицамъ, нуждающимся въ деньгахъ, получать и употреблять настоящія деньги; какъ для нихъ, такъ и для банка будетъ очень удобно и выгодно, если должники банка берутъ отъ него вмѣсто денегъ только удостовѣренія о томъ, что въ банкѣ постоянно хранится запасъ денегъ, изъ котораго всякій и всегда можетъ получить соответствующую денежную сумму, если почему-нибудь не желаетъ пользоваться билетами вмѣсто денегъ. Для банка удобство или, лучше, выгода отъ выдачи вмѣсто денегъ билетовъ состоитъ въ слѣдующемъ: опытъ показалъ, что, когда банкъ выпускаетъ билеты, то вовсе нѣтъ надобности для него держать въ запасѣ такое количество настоящихъ денегъ, которое было бы вполнѣ равно общей суммѣ выпущенныхъ билетовъ; опытъ показалъ, что запасъ банка можетъ быть значительно менѣе этой суммы, и тѣмъ не менѣе банкъ въ состояніи каждаго владѣльца билета, обратившагося за размѣномъ, удо-

¹⁾ Замѣтимъ, что банковые билеты выдаются обыкновенно въ ссуды краткосрочныя, ибо банкъ, ведущій свое дѣло рационально, долженъ подчиняться основному положенію банковаго устройства: пассивъ банка долженъ опредѣлять его активъ.

влетворить вполнѣ. Возможность эта основана на томъ, что въ каждый данный моментъ изъ всей суммы выпущенныхъ банкомъ билетовъ притекаетъ къ размѣну обыкновенно только нѣкоторая часть ихъ, и потому банкъ можетъ имѣть въ запасѣ только такую сумму, которая въ состояніи покрывать эту постоянно предъявляемую къ размѣну часть билетовъ. Отсюда видно, что выгода банка выпускать билеты вмѣсто денегъ состоитъ въ томъ, что онъ можетъ пустить въ обращеніе больше билетовъ, чѣмъ имѣеть денегъ, что банкъ, такимъ образомъ, чрезъ эмиссіонную операцію значительно увеличиваетъ свой оборотный капиталъ. Банкъ чрезъ пользованіе своимъ кредитомъ, представленнымъ билетомъ, получаетъ временную власть распорядиться значительной частью частныхъ капиталовъ страны¹⁾, но самъ онъ не пользуется этой властью, а переуступаетъ ее тѣмъ, кому оказалъ ссуду билетами. Послѣднее обстоятельство ведетъ къ тому, что банкъ эмиссіонный можетъ брать за ссуды не особенно значительный процентъ, ибо въ сущности часть оборотнаго капитала досталась ему даромъ. Дешевизна кредита есть первая выгода для дѣловой публики, пользующейся банковыми билетами. Кромѣ того, при употребленіи билетовъ вмѣсто денегъ приобрѣтаются публикой еще нѣкоторыя чисто внѣшнія удобства, въ родѣ, напр., удобства въ передвиженіи, въ храненіи, счетѣ и т. п. Послѣдствія употребленія билетовъ для всего общества, притомъ послѣдствія, очевидныя даже на первый взглядъ и потому безспорныя, состоятъ въ томъ, что приобрѣтается средство обращенія, легко создаваемое и легко устраняемое изъ обращенія, что металлическое обращеніе можетъ увеличиваться чрезъ присоединеніе къ нему бумаги, и что, такимъ образомъ, для удовлетворенія потребности въ орудіи обращенія не всегда нужно создавать столь дорогой посредникъ мѣны, какъ металлическія деньги. Изъ предыдущаго описанія банковыхъ билетовъ уже видно, что они создаются съ единственной цѣлью замѣнять деньги въ обращеніи. Поэтому банковымъ билетамъ приданы всѣ свойства, которыя способны сообщить имъ наибольшую обращаемость; такъ, они пишутся на круглыя суммы

¹⁾ Подобно тому, какъ такую же власть приобрѣтаетъ всякое отдѣльное лицо, воспользовавшееся тѣмъ или инымъ видомъ кредита.

и притомъ на самыя разнообразныя суммы ¹⁾; они пишутся на предъявителя; для перенесенія обязательственнаго права, удостовѣряемаго билетомъ, достаточно простой передачи его и т. д.

Выше мы сказали, что банковые билеты выпускаются обыкновенно въ ссуды; слѣдовательно, при выдачѣ банковыхъ билетовъ въ ссуду возникаетъ два кредитныхъ отношенія: во-первыхъ, тотъ, кто беретъ у банка билеты, становится должникомъ банка (или если билеты даны подъ учетъ векселя, то векселедатель); это кредитное отношеніе состоитъ въ передачѣ капитала банка въ чужое пользованіе; поэтому эта сдѣлка и является возмездной. Но кромѣ указаннаго сейчасъ кредитнаго отношенія, возникаетъ еще другое: банкъ, выдавшій билеты, оказался тоже должникомъ: онъ именно долженъ такое количество денегъ, на которое выпустилъ отъ своего имени билетовъ; кредиторомъ его будетъ всякій фактическій держатель билета. Однако между этимъ долгомъ банка и между долгомъ лица, взявшаго у банка ссуду, есть большая разница. Банкъ не получилъ отъ лица, которому онъ выдалъ билеты, въ свое полное пользованіе капитала. Хотя банкъ, выдавшій вмѣсто денегъ билеты, долженъ разсматриваться получившимъ соотвѣтственную сумму денегъ ²⁾, но онъ не получилъ ее въ свое полное распоряженіе: банкъ въ сущности обязался хранить эту сумму и выдать ее по первому востребованію; онъ, если можно такъ выразиться, любезно согласился быть кассиромъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ билеты его, или даже кассиромъ всего общества. За такую передачу ему денежныхъ капиталовъ банкъ, конечно, не можетъ платить вознагражденіе; онъ скорѣе самъ могъ бы требовать вознагражденія за свою услугу; но банкъ не беретъ этого вознагражденія отдѣльно съ каждаго своего должника потому, что выпускъ билетовъ, какъ мы видѣли, можетъ давать ему

¹⁾ Впрочемъ, большинство законодательствъ не дозволяетъ выпускать билеты на суммы ниже опредѣленнаго закономъ минимума.

²⁾ Именно нужно считать оставившимъ у себя ту сумму денегъ, на которую онъ выдалъ билетовъ извѣстному лицу, хотя фактически эта сумма не передается сначала отъ банка должнику, а потомъ тотчасъ же обратно отъ должника банку.

выгоду инымъ путемъ. Такимъ образомъ, тотъ долгъ, о которомъ говоритъ банковый билетъ, является безпроцентнымъ долгомъ, а самъ банковый билетъ безпроцентнымъ кредитнымъ знакомъ.

Мы заговорили здѣсь о безпроцентности банковыхъ билетовъ не только для того, чтобы объяснить ее, но и для того, чтобы указать на ея значеніе для обращаемости билетовъ. Въ самомъ дѣлѣ, безпроцентность билетовъ чрезвычайно усиливаетъ обращаемость ихъ по сравненію съ процентными знаками: нѣтъ никакого интереса удерживать билетъ въ своихъ рукахъ; напротивъ, простое храненіе его ведетъ къ невыгодѣ, именно къ потерѣ процентовъ ¹⁾; остается постоянное побужденіе пускать билетъ въ обращеніе.

Послѣ представленнаго сейчасъ описанія банковаго билета мы можемъ уже показать, что между процентными кредитными знаками и банковыми билетами есть существенное сходство; и это сходство какъ разъ состоитъ въ одинаковомъ ихъ отношеніи къ деньгамъ и въ одинаковой ихъ роли въ денежномъ обращеніи ²⁾. Банковый билетъ, какъ мы сейчасъ видѣли, есть свидѣтельство о томъ, что банкъ обязанъ при извѣстныхъ условіяхъ выдать опредѣленную денежную сумму. И всякій другой кредитный знакъ есть тоже свидѣтельство о томъ, что одно лицо (физическое или юридическое) при извѣстныхъ условіяхъ обязано выдать другому ту или иную денежную сумму. Это существенное сходство между всѣми кредитными знаками ведетъ къ одинаковости той роли, которую они всѣ со включеніемъ банковыхъ билетовъ играютъ въ сферѣ денежнаго обращенія; а именно: когда берется въ платежъ за товаръ или въ уплату долга какой-нибудь кредитный знакъ, то онъ берется единственно на томъ основаніи, что когда-нибудь будетъ получена та сумма денегъ, которая написана на этомъ знакѣ; слѣдовательно, тотъ мѣншой актъ, въ которомъ принималъ участіе кредитный знакъ, никоимъ образомъ не становится наличной сдѣлкой, а является кредит-

¹⁾ Эта черта банковыхъ билетовъ правильно подмѣчена *Джевансомъ*, но, какъ скоро увидимъ, она не дѣлаетъ билеты деньгами.

²⁾ Ср. *A. Wagner, Die Geld- und Credittheorie der Paell'schen Bankacte*, S. 66 и слѣд.; его же *System der Zettelbankpolitik*, 6.

нымъ мѣновымъ актомъ, такъ какъ равноцѣнность за передаваемый сейчасъ товаръ будетъ получена только при реализаціи принятаго вмѣсто платежа кредитнаго знака. Очевидно, что такое же будетъ послѣдствіе, если употребляется вмѣсто денегъ банковый билетъ: тотъ, кто взялъ за товаръ стоимостью въ 100 фунт. ст. банковый билетъ на эту сумму, не получилъ равноцѣнности: онъ получить ее только тогда, когда обмѣняетъ билетъ на 100 фунтовъ стерл.; вѣроятно, лицо, взявшее билетъ, не станетъ его размѣнивать, потому что увѣрено и съ своей стороны отдать его вмѣсто 100 фунт.; но отъ этого сущность дѣла не измѣняется; кто получаетъ билетъ вмѣсто денегъ, дѣлаетъ это на томъ только основаніи, что билетъ можно промѣнять на деньги и, имѣя билетъ, онъ имѣетъ только право требованія извѣстной суммы отъ банка. Словомъ, банковый билетъ, какъ и всякій другой знакъ, при его употребленіи въ платежахъ (или все равно, какъ орудіе обращенія) ведетъ только къ перемѣнѣ вѣрителей въ денежныхъ обязательствахъ, и тотъ, кто взялъ въ платежъ кредитный знакъ, приобрѣлъ неравноцѣнность въ деньгахъ, а только *право требованія денегъ* при тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Между банковымъ билетомъ и процентными кредитными знаками въ ихъ роли орудія обращенія та разница, что банковые билеты наиболѣе способны къ этой роли, ибо они только для нея и выдуманы и снабжены всѣми нужными для этого свойствами; между тѣмъ какъ процентные кредитные знаки имѣютъ своимъ первоначальнымъ и естественнымъ назначеніемъ совсѣмъ не то, чтобы замѣнять деньги въ платежахъ; ихъ функція орудія обращенія есть только производная функція. Но разъ развилась обращаемость процентныхъ кредитныхъ знаковъ, разъ они стали въ извѣстномъ смыслѣ замѣнять деньги, то ужъ въ этой ихъ новой роли они всѣ похожи другъ на друга, а равнымъ образомъ похожи и на безпроцентные кредитные знаки (и въ частности на банковые билеты). Когда мы говоримъ, что между процентными кредитными знаками и банковыми билетами есть существенное сходство, то мы имѣемъ въ виду ихъ сходство въ способности замѣнять деньги въ качествѣ орудія обращенія; а эта сторона дѣла насъ только и интересуетъ. Итакъ, представители денежной школы не правы въ томъ, что банковые билеты выдѣляютъ изъ всѣхъ кредитныхъ знаковъ и приписываютъ имъ отличную отъ дру-

гихъ знаковъ роль въ сферѣ денежнаго обращенія; банковые билеты по отношенію къ деньгамъ играютъ ту же роль, какую играютъ и всѣ другіе кредитные знаки; поэтому, если банковые билеты—деньги, то и всѣ другіе кредитные знаки—деньги; или наоборотъ: если какіе-нибудь кредитные знаки—не деньги, то и банковые билеты не деньги. Выше мы говорили, что только крайніе представители денежной школы считаютъ процентные кредитные знаки деньгами; тамъ же мы показали, что процентные кредитные знаки никоимъ образомъ нельзя считать деньгами; слѣдовательно, теперь мы можемъ утверждать, что и банковые билеты не деньги, такъ какъ ихъ роль въ денежномъ обращеніи не отличается принципиально отъ роли всѣхъ другихъ кредитныхъ знаковъ; банковые билеты, какъ и другіе кредитные знаки, мы могли бы назвать за указанное выше отношеніе къ деньгамъ—денежнымъ суррогатомъ¹⁾.

Доказывать то положеніе, что банковые билеты—не деньги, можно еще инымъ путемъ, именно можно доказывать, что банковые билеты не выполняютъ всѣхъ функций денегъ, а потому должно говорить, что они не деньги. Этотъ способъ доказательства будетъ соответствовать подобному же приему аргументаціи оспариваемой здѣсь школы: какъ мы видѣли, одинъ изъ главныхъ представителей денежной школы, именно *Дж. Лойдъ*, доказывалъ свое основное положеніе (что банковые билеты деньги) тѣмъ, что присваивалъ имъ всѣ функции денегъ. Теперь мы попробуемъ употребить и этотъ второй способъ доказательства, хотя, признаемся, онъ потребуетъ отъ насъ до нѣкоторой степени повторенія того, что было выше сказано по отношенію къ процентнымъ кредитнымъ знакамъ.

Если банковые билеты—деньги, то они должны исполнять всѣ функции денегъ. Такъ, прежде всего они должны быть измѣрителемъ цѣнности. Но банковые билеты не имѣютъ собственной цѣнности и потому не могутъ выполнять только что названной функции денегъ. Положеніе, что банковые билеты

¹⁾ Хотя терминъ этотъ нѣсколько не удобенъ, ибо онъ вызываетъ представленіе о чемъ-то ненормальномъ, о чемъ-то такомъ, что только по нуждѣ употребляется вмѣсто настоящаго предмета; но такъ какъ выраженіе «денежный суррогатъ» получило уже право гражданства, то и мы его оставляемъ безъ замѣны.

не имѣють собственной цѣнности, не есть результатъ только дедукціи, но доказывается простымъ обращеніемъ къ фактамъ. Стоитъ только спросить себя, имѣеть ли билетъ, написанный на известную сумму, цѣнность, особенную отъ цѣнности этой денежной суммы, какъ уже становится очевиднымъ, что нужно дать на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ: дѣйствительно, изъ жизни всякому известно, что владѣлецъ билета въ 100 фунт. ст. не можетъ приобрести товаровъ болѣе, чѣмъ владѣлецъ 100 фунт. стерл.; билетъ въ 100 фунт. стерл. обладаетъ совершенно такой же „покупной силой“, какъ 100 фунт. стерл. Слѣдовательно, никоимъ образомъ нельзя утверждать, что банковый билетъ обладаетъ какой-то самостоятельной цѣнностью, независимой отъ цѣнности той денежной суммы, которую онъ представляетъ: дѣйствительная жизнь не даетъ и признака такой самостоятельной цѣнности банковыхъ билетовъ ¹⁾.

Тѣ писатели, которые склонны считать банковые билеты деньгами, пытаются доказывать, конечно, что банковые билеты имѣють мѣновую цѣнность и на ряду съ деньгами металлическими являются измѣрителемъ цѣнностей. *Воловскій* такъ доказываетъ эти положенія: „банковский билетъ есть только знакъ, но онъ заимствуетъ свою силу отъ того, что связанъ съ металлическимъ обезпеченіемъ неразрывными узами, которыя даютъ ему возможность мгновеннаго превращенія въ металл. Полная увѣренность этого превращенія, производимаго по желанію, даетъ ему возможность циркуляціи и раздѣленія съ металломъ (котораго билетъ есть тѣнь и вѣрное отраженіе) услуги общаго измѣрителя цѣнности товаровъ“ ²⁾. Однако то обстоятельство, что банковый билетъ есть „тѣнь и вѣрное отраженіе“ металла, и показываетъ, что билетъ не имѣеть *собственной* цѣнности: когда вмѣсто наличныхъ денегъ въ платежъ за товаръ берется билетъ, то цѣнность измѣряется деньгами, а затѣмъ вмѣсто денегъ берется банковый билетъ на соответственную сумму въ качествѣ удостовѣренія, что деньги дѣйствительно будутъ получены, хотя и не отъ того лица, которое дало въ платежъ билетъ, а отъ должника по билету (т. е. отъ опредѣленнаго банка).

¹⁾ Ср. *Leroy-Beaulieu*, *Traité de la science de finances*, 3 éd., t. II, p. 616.

²⁾ *Wolowski*, *La question des banques*, p. 418.

Фр. Уокеръ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о деньгахъ является также приверженцемъ той теоріи, что банковые билеты есть деньги. Онъ слѣдующими аргументами доказываетъ это положеніе: говорятъ, банковые билеты есть только форма кредита; но говорить такъ значитъ проглядывать различіе отношеній между покупателемъ и продавцомъ, употребляющими банковые билеты, отъ того отношенія, которое существуетъ между держателемъ и эмиттентомъ билетовъ. Въ отношеніяхъ между покупателями и продавцами банковые билеты являются монетой, ибо они принимаются въ качествѣ окончательнаго платежнаго средства за товары и въ качествѣ окончательнаго платежнаго средства по долгамъ; этотъ характеръ билетовъ подтверждается тѣмъ, что лицо, уплатившее билетомъ за товаръ или уплатившее билетомъ долгъ, считается окончательно исполнившимъ свои обязательства, и по отношенію къ нему регрессъ невозможенъ; въ отношеніяхъ же между держателями билетовъ и ихъ эмиттентами билеты остаются формой кредита и должны быть обмѣниваемы по предъявленіи на монету. „Пока бумага переходитъ изъ рукъ въ руки и принимается (по принужденію или безъ принужденія закона) кредиторомъ въ качествѣ окончательнаго погашенія долга или продавцомъ въ качествѣ полнаго платежа за товары безъ слѣдующаго регресса (по правилу или на дѣлѣ) по отношенію къ покупщику или должнику (?), я расположенъ думать, что эту бумагу нужно считать деньгами“¹⁾. Изъ всего этого видно, что *Уокеръ* считаетъ банковые билеты одновременно и формой кредита, и деньгами. Уже одно такое отнесеніе одной и той же вещи къ двумъ существенно различнымъ категоріямъ явленій заставляеть сомнѣваться въ правильности взгляда *Уокера* на природу банковыхъ билетовъ. Но главное не въ этомъ, а въ томъ, какъ названный экономистъ характеризуетъ денежные свойства билетовъ. Какъ видѣлъ читатель, *Уокеръ* склоненъ считать билеты деньгами потому, что они берутся кредиторомъ въ качествѣ окончательнаго погашенія долга (in final discharge of debts) и продавцомъ— въ качествѣ полнаго платежа за товары (in full payment for goods). Но, очевидно, что характеризуя такъ банковые билеты, *Уокеръ* имѣлъ въ виду только должниковъ и покупателей и

¹⁾ *Fr. Walker, Money* (лондонское изд. 1891 г.), p. 397.

не обратилъ должнаго вниманія на положеніе кредиторовъ и продавцовъ, получившихъ въ уплату билеты; поэтому характеристика его вышла односторонней и не вполне вѣрной. Въ самомъ дѣлѣ, билеты погашаютъ окончательно долги и производятъ окончательную расплату при покупкахъ только для одной изъ сторонъ, именно для должниковъ или для покупателей; для другой же стороны, т. е. для кредиторовъ или продавцовъ, они не производятъ этого результата: лица, получившія въ платежъ билеты, не удовлетворены окончательно, они имѣютъ только въ будущемъ получить удовлетвореніе, именно чрезъ полученіе отъ должника по билетамъ звонкихъ денегъ; если бы эти лица были окончательно удовлетворены полученіемъ банковыхъ билетовъ, то отчего они во время денежныхъ и кредитныхъ замѣшательствъ въ странѣ массама бѣгутъ въ банки для полученія вмѣсто билетовъ монеты? Въ неспособности производить окончательный платежъ (за отсутствіемъ самостоятельной цѣнности) для обѣихъ сторонъ, участвующихъ въ куплѣ-продажѣ и въ долговомъ обязательствѣ, и состоитъ существенное отличіе билетовъ отъ денегъ; по той же причинѣ они—форма кредита и ничто больше.

Что же касается вопроса о томъ, являются ли билеты измѣрителемъ цѣнности, то на этотъ счетъ *Уокеръ* выражается весьма коротко; онъ говоритъ: „если что-нибудь и служить общимъ измѣрителемъ цѣнности, то это именно бумага, а не вещь, обѣщанная на бумагѣ“ ¹⁾. Очень жаль, что *Уокеръ* не доказываетъ этого положенія должнымъ образомъ, а потому и насъ лишаетъ возможности опровергать его тоже должнымъ образомъ. Впрочемъ, мы сдѣлаемъ одно замѣчаніе: въ платежи вмѣсто денегъ принимаются не только банковые билеты, но и всякіе другіе знаки; поэтому, признавая справедливымъ вышеприведенное мнѣніе *Уокера*, пришлось бы считать всѣ вообще кредитные знаки деньгами; ибо, если по отношенію къ банковому билету утверждается, что измѣрителемъ цѣнности „является именно бумага, а не вещь, обѣщанная на бумагѣ“, то что препятствуетъ утверждать то же самое и по отношенію ко всякому другому кредитному знаку? Но это было бы такое пониманіе денегъ, съ которымъ, вѣроятно, не согласился бы и самъ *Уокеръ*.

¹⁾ Ibid., p. 398.

Если банковый билетъ не имѣеть самостоятельной цѣнности, то онъ не можетъ быть такимъ же совершеннымъ орудіемъ обращенія, какъ деньги; когда говорятъ о деньгахъ, что онѣ суть средство обращенія, то это значить, что деньги способны окончателно завершать мѣновой актъ; это свойство принадлежитъ имъ потому, что онѣ имѣють собственную цѣнность, подобно тому, какъ ее имѣють всѣ другіе товары; кто получаетъ за свой товаръ деньги, тотъ получаетъ равноцѣнность; чрезъ полученіе этой равноцѣнности мѣновой актъ завершается, и продавецъ товара не разчитываетъ въ будущемъ получить отъ кого-нибудь за свой товаръ еще иной предметъ, который уже на самомъ дѣлѣ удовлетворялъ бы его за передачу собственнаго товара. Когда говорятъ о деньгахъ, что онѣ есть платежное средство, то имѣють въ виду именно эту ихъ способность окончателно завершать мѣновой актъ. Не то съ банковымъ билетомъ: получившій его не имѣеть равноцѣнности своему товару, ибо билетъ самъ по себѣ не обладаетъ цѣнностью; слѣдовательно, банковый билетъ не можетъ быть платежнымъ средствомъ въ томъ же смыслѣ, какъ и деньги. Сейчасъ сказанное опровергаетъ вышеприведенное мнѣніе *Кнуса*, по которому банковые билеты являются дѣйствительнымъ средствомъ платежа. Самъ *Кнусъ*, если бы оставался вѣрнымъ своимъ собственнымъ положеніямъ, не долженъ бы говорить, что банковый билетъ есть платежное средство. Такъ, онъ очень остроумно доказываетъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія „Деньги и кредитъ“, что предметъ безъ цѣнности не можетъ стать платежнымъ средствомъ, и никакое правительство не въ состояніи его сдѣлать такимъ средствомъ ¹⁾. Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ ²⁾ онъ говоритъ, что банковые билеты не имѣють цѣнности; слѣдовательно, онъ долженъ бы говорить, что банковые билеты не могутъ быть и платежнымъ средствомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Чтобы совсѣмъ кончить опроверженіе теорій, признающихъ банковые билеты деньгами, намъ остается только сказать нѣсколько словъ противъ того оригинальнаго довода, который приведенъ *Джевансомъ* въ пользу денежнаго характера билетовъ. Какъ мы знаемъ, *Джевансъ* открылъ, что существенный

¹⁾ См. Geld und Credit, I, 352 и слѣд.

²⁾ Ibid., I, 254.

признакъ денегъ есть безвыгодность простого сохраненія ихъ и вытекающее отсюда постоянное предложеніе и постоянный спросъ на деньги. Но „безвыгодность простого сохраненія“ не есть существенный признакъ и не есть даже какой бы то ни было признакъ денегъ. Безвыгодность простого сохраненія есть свойство всякаго товара. Въ самомъ дѣлѣ, „простое сохраненіе“ денегъ есть ничто иное, какъ неупотребленіе денегъ для той хозяйственной цѣли, для которой онѣ предназначены; но если хозяйственныя блага не употребляются для тѣхъ цѣлей, достигать которыхъ они способны, то они неизбежно и всегда при этомъ не приносятъ дохода. Это, на нашъ взглядъ, совершенно понятная вещь: всякій согласится, что, если владѣлецъ какого бы то ни было товара запретъ его въ кладовую и тамъ заставить лежать его праздно, то подобная операція никогда не можетъ доставить дохода такому оригинальному хозяину. Поэтому рѣшительно всѣ товары боятся простого сохраненія, и рѣшительно всѣ владѣльцы стараются уберечь свои товары отъ простого сохраненія и дать имъ соотвѣтственное хозяйственное назначеніе; въ этомъ смыслѣ всѣ товары подлежатъ „постоянному спросу и постоянному предложенію“. Даже еще больше нужно сказать: не всякое употребленіе хозяйственныхъ благъ приноситъ доходъ; напр., если рабочій расходуетъ получаемый заработокъ на пріобрѣтеніе средствъ содержанія, то такое употребленіе денегъ не приноситъ рабочему дохода, подобно тому, какъ и потребленіе рабочимъ хлѣба не въ состояніи дать ему дохода; хозяйственныя блага въ современномъ экономическомъ быту только тогда даютъ доходъ, когда они употребляются, какъ капиталъ. Итакъ, если безвыгодность простого сохраненія не есть признакъ денегъ, то очевидно, что присутствіе ея не въ состояніи сдѣлать предметъ деньгами. Если же кто-нибудь, подобно *Джевонсу*, сталъ бы настаивать на томъ, что безвыгодность простого сохраненія есть существенный признакъ денегъ, то онъ рано или поздно вынужденъ былъ бы объявить всѣ товары деньгами.

Если банковые билеты не деньги, то очень естественно, что несправедливы и дальнѣйшія положенія *Рикардо* и денежной школы относительно банковыхъ билетовъ; такъ, несправедливо то положеніе, что банковые билеты вторгаются въ денежное обращеніе страны независимо отъ его потребностей

и обезцѣниваютъ его. Банковые билеты, подобно всѣмъ другимъ денежнымъ обязательствамъ, не навязываются публикѣ помимо ея желанія; какъ мы видѣли изъ описанія билетовъ, они выпускаются банкомъ путемъ ссудъ и при этомъ ссудъ краткосрочныхъ. Такой способъ выпуска банковыхъ билетовъ предотвращаетъ возможность для банка впускать въ обращеніе массовыя количества ихъ; именно при такомъ способѣ выпускъ количество билетовъ зависитъ отъ спроса на нихъ со стороны оборота. Если банковые билеты выпускаются въ излишнемъ количествѣ, то они имѣютъ возможность возвращаться обратно къ эмиссіонеру, во-первыхъ, при уплатѣ взятыхъ у банка ссудъ или, во-вторыхъ, чрезъ размѣнъ. Но что такое излишнее количество банковыхъ билетовъ? Для разъясненія этого вопроса представимъ себѣ, что потребность страны въ средствахъ обращенія удовлетворялась извѣстной суммой денегъ и такимъ то количествомъ денежныхъ суррогатовъ всякаго вида. Если теперь при не измѣнившейся массѣ и цѣнности богатства страны присоединить къ средствамъ обращенія ея какое бы то ни было количество билетовъ, то они были бы излишни, ибо потребность страны въ средствахъ обращенія и безъ нихъ была удовлетворена; для нихъ не было бы дѣла, а какъ мы знаемъ, банковые билеты не имѣютъ иного назначенія, кромѣ того, чтобы служить въ извѣстномъ смыслѣ средствомъ обращенія. Результатомъ излишества ихъ было бы, конечно, пониженіе цѣнности денегъ ¹⁾, ибо ихъ количество вмѣстѣ съ денежными суррогатами превосходило бы потребность страны въ средствахъ обращенія; при такомъ положеніи дѣла цѣнность денегъ можетъ быть восстановлена отливомъ металла за границу. Но если мы допустили разъ возможность для банка выпускать ненужные для обращенія билеты, то должны допустить ее и во второй, и въ третій разъ и т. д.; если бъ это было такъ, то при свободѣ эмиссіонной операціи банковые билеты, несмотря на ихъ размѣнность и отсутствіе принудительнаго курса, могли бы сначала вытѣснить монету изъ внутренняго обращенія, а затѣмъ чрезъ дальнѣйшіе выпуски обезцѣнить и самихъ себя. Такъ себѣ и представляетъ дѣло денежная школа. Но спра-

¹⁾ А уже существовавшіе денежные суррогаты стали бы представлять хотя то же номинальное количество денегъ, но меньшее по цѣнности.

ведливость на сторонѣ ея противницы—банковой школы. Эта послѣдняя школа справедливо утверждаетъ, что излишнихъ выпусковъ билетовъ не можетъ быть. Въ самомъ дѣлѣ, если нѣтъ потребности въ орудіяхъ обращенія, то нельзя утверждать, что общество всетаки будетъ пользоваться этими излишними средствами обращенія, хотя бы это было для него вредно, и хотя бы никто его къ тому не принуждалъ. Но допустимъ, что банку удалось, напр., легкомысленной раздачей ссудъ втиснуть въ обращеніе излишнее количество билетовъ, то въ ближайшемъ будущемъ онъ разорился бы: билеты притекали бы къ размѣну, между прочимъ, и для того, чтобы полученный за нихъ металлъ вывозить за границу; такимъ образомъ, въ скоромъ времени при упорствѣ банка въ излишнихъ выпускахъ его металлическій фондъ истощился бы, и онъ былъ бы вынужденъ объявить себя несостоятельнымъ вслѣдствіе невозможности дальнѣйшаго размѣна; слѣдовательно, благо-разумный банкъ въ своихъ собственныхъ интересахъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не давать обращенію излишнихъ билетовъ ¹⁾.

Итакъ, излишнихъ билетовъ, т. е. такихъ, которые своимъ появленіемъ на рынкѣ производятъ обезцѣненіе денегъ, не бываетъ. Но какъ, спрашиваетъ *Рикардо*, объяснить тогда самую возможность выпуска билетовъ ²⁾? Ему кажется, что билеты могутъ войти въ обращеніе не иначе, какъ обезцѣнивши его. На самомъ дѣлѣ способъ помѣщенія билетовъ

¹⁾ Мы не говоримъ, что банкамъ нужно предоставить полную свободу въ выпускѣ билетовъ. Изъ положеній, нами защищаемыхъ, вытекаетъ только то, что, если нужно внимательство государства въ эту область, то оно нужно не на томъ основаніи, которое приводитъ денежная школа, а на какомъ-нибудь иномъ. Такъ, на нашъ взглядъ, весь смыслъ регулированія выпуска банковыхъ билетовъ состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить полную состоятельность банка или, все равно, чтобы обезпечить постоянную размѣнность билетовъ. Разъ извѣстны изъ опыта условія такого обезпеченія, то правительство непременно должно настаивать на ихъ выполненіи въ интересахъ публики, пользующейся билетами. Если такъ смотрѣть на правила законодательнаго регулированія эмиссіонной операціи, то ихъ главный смыслъ будетъ состоять уже не въ желаніи отвратить обезцѣненіе денегъ, но въ желаніи предотвратить столь реальныя потери, какъ потеря кредиторомъ извѣстной суммы, довѣренной должнику.

²⁾ См. уже приведенное выше мѣсто изъ Сочиненій *Рикардо*.

таковъ: потребность страны въ средствахъ обращенія растетъ вмѣстѣ съ ростомъ богатства ея; эта постепенно возвышающаяся потребность можетъ быть удовлетворена или деньгами, или денежными суррогатами, или же тѣми и другими вмѣстѣ. Денежные суррогаты и въ томъ числѣ банковые билеты имѣютъ основаніе появляться и дѣйствительно появляются во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда количество денегъ не можетъ быть увеличено или не можетъ быть увеличено безъ возвышенія ихъ цѣнности. Въ такихъ случаяхъ относительной недостачи денегъ обороты товаровъ начинаютъ чаще производиться въ кредитъ, и вмѣсто денегъ въ платежи принимаются кредитные знаки всякаго рода и между прочими банковые билеты. Если бы не увеличивалось въ такихъ случаяхъ количество обращающихся кредитныхъ знаковъ, то прежде всего не было бы совершенно такое количество оборотовъ, какое совершается при нихъ, а затѣмъ цѣнность денегъ должна бы возвышаться вслѣдствіе ощущенія недостачи въ нихъ.

Изъ послѣдняго положенія мы видимъ, каково отношеніе банковыхъ билетовъ къ цѣнности денегъ (какъ и другихъ суррогатовъ денежныхъ): они не понижаютъ уже установившуюся цѣнность денегъ, но предотвращаютъ возвышеніе цѣнности денегъ; слѣдовательно, они способствуютъ сохраненію цѣнности денегъ. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какъ важна для народнаго хозяйства постоянность цѣнности денегъ. Теперь видимъ, какую услугу сохраненію этого постоянства цѣнности оказываютъ банковые билеты на ряду съ другими кредитными знаками.

До сихъ поръ мы говорили исключительно объ одномъ видѣ безпроцентныхъ кредитныхъ знаковъ, именно о банковыхъ билетахъ. Необходимость подробнаго опроверженія той теоріи, что банковые билеты—деньги, вызывалась положеніемъ этого вопроса въ экономической литературѣ: изъ всѣхъ кредитныхъ знаковъ экономисты склонны считать деньгами главнымъ образомъ банковые билеты. Что касается другихъ безпроцентныхъ кредитныхъ знаковъ, напр., чековъ, то имъ весьма рѣдко приписывается денежный характеръ. Поэтому и мы не считаемъ нужнымъ описывать экономическую природу чековъ и доказывать, что они тоже не деньги ¹⁾. Въ этомъ нѣтъ

¹⁾ Этотъ видъ безпроцентныхъ знаковъ въ настоящее время приобрѣлъ

необходимости еще и потому, что чеки—не деньги въ силу тѣхъ же причинъ, которыя заставляютъ считать не деньгами и всякіе другіе виды кредитныхъ документовъ. Если бы мы пожелали доказывать особо, что и чеки—не деньги, то намъ пришлось бы повторять еще разъ въ сущности однѣ и тѣ же мысли.

Теперь мы можемъ коротенько отмѣтить то, что существенно во всемъ сказанномъ о роли кредитныхъ знаковъ въ современномъ народномъ хозяйствѣ. Современный экономическій строй по разнымъ причинамъ требуетъ того, чтобы въ немъ товары обмѣнивались въ кредитъ, чтобы частные капиталы передавались во временное чужое пользованіе. Сообразно съ конкретными условіями долговыхъ отношеній возникаютъ различнаго рода бумаги, которыя удостовѣряютъ, что такое-то лицо (физическое или юридическое) обязывается при такихъ-то условіяхъ отдать извѣстную цѣнность,—обыкновенно опредѣленную денежную сумму. Дальнѣйшій прогрессъ въ дѣлѣ кредита повелъ къ тому; что обязательства становятся подвижными, т. е. одни лица соглашаются заступать мѣсто другихъ въ качествѣ вѣрителей. Но, конечно, передающій свое обязательственное право дѣлаетъ это не даромъ: онъ уступаетъ право требованія опредѣленной денежной суммы или замѣнъ товара, или въ возвратъ прежде занятой денежной суммы, или за извѣстную денежную сумму. Такимъ образомъ, чрезъ передачу правъ требованія совершается обращеніе товаровъ или денежныхъ капиталовъ; но, конечно, это обращеніе остается тоже кредитнымъ, а не наличнымъ: кто получаетъ въ платежъ какой бы то ни было кредитный знакъ, не получаетъ сейчасъ равноцѣнности, а имѣетъ ее получить въ будущемъ только не отъ того лица, которому сейчасъ передалъ товаръ или денежную сумму, а отъ какого-нибудь третьяго лица (должника по уступленному обязательственному праву). Видимымъ знакомъ или средствомъ передачи обязательственныхъ правъ служить передача кредитныхъ докумен-

большое значеніе. *Дж. Ст. Милль* увлекся до того, что предсказываетъ полное отгѣсненіе денегъ чеками (Основ. Полит. Эк., II, 41). Но это, конечно, несправедливо: чеки не могутъ вытѣснить изъ употребленія денегъ, ибо тогда не было бы измѣрителя цѣнностей и средства обращенія, способнаго производить платежъ въ собственномъ смьслѣ этого слова.

товъ; слѣдовательно, всѣ кредитныя знаки служатъ средствомъ кредитнаго обращенія въ отличіе отъ денегъ, которыя служатъ средствомъ наличнаго обращенія. Очевидно, какое значеніе въ денежной сферѣ имѣетъ обращеніе кредитныхъ знаковъ: тѣ обороты, которые совершаются черезъ посредство кредитныхъ знаковъ, или не были бы совершены безъ нихъ, или потребовали бы наличнаго присутствія денегъ. Такимъ образомъ, прежде всего, обращеніе кредитныхъ знаковъ сокращаетъ потребность страны въ деньгахъ; часть національнаго труда и капитала отвлекается отъ употребленія на производство денегъ и помѣщается въ производствѣ какихъ-нибудь другихъ полезныхъ предметовъ. Затѣмъ, денежное обращеніе страны становится эластичнымъ: правильныя или временныя колебанія въ объемѣ мѣновыхъ оборотовъ страны не ведутъ непременно къ ощущенію недостачи въ средствахъ обращенія и затѣмъ къ возвышенію цѣнности денегъ, если обращеніе денежныхъ суррогатовъ въ этой странѣ болѣе или менѣе развито. Колебанія въ объемѣ оборотовъ часто ведутъ только къ увеличенію или уменьшенію количества денежныхъ суррогатовъ, а также къ болѣе или менѣе интенсивному ихъ обращенію. Такимъ образомъ, обращеніе кредитныхъ знаковъ въ высокой степени способствуетъ сохраненію постоянства цѣнности денегъ.

ГЛАВА III. БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ.

Въ предыдущей главѣ мы говорили о томъ, что не слѣдуетъ считать бумажными деньгами. Теперь намъ предстоитъ найти отвѣтъ на вопросъ: что же такое настоящія бумажныя деньги?

Если намъ удалось дать ясное представленіе о деньгахъ и ихъ задачахъ въ народномъ хозяйствѣ, то читатель сразу долженъ видѣть, что свободный оборотъ не можетъ ргоргіо шоту придти къ бумажнымъ деньгамъ, ибо такой матеріаль, какъ бумага, совершенно негоденъ для *денегъ свободного оборота*, т. е. для такихъ денегъ, которыя удовлетворительно выполняютъ задачу, поставленную вообще деньгамъ потребностями данной стадіи развитія народного хозяйства. Что бумага негодна, какъ матеріаль для денегъ свободного оборота, это весьма понятно: достаточно представить себѣ, какія кипы бумаги нужно бы носить или перевозить для того, чтобы купить, напр., домъ средней величины и достоинствъ! ¹⁾ Такимъ образомъ, очевидно, что, когда говорятъ о бумажныхъ деньгахъ, то имѣютъ въ виду не естественное созданіе свободного экономического развитія и оборота, а какое-то искусственное созданіе власти и притомъ власти, настолько могущественной, что она въ состояніи всѣхъ членовъ народного хозяйства принудить къ употребленію денегъ изъ такого матеріала, изъ котораго деньги не дѣлаются при свободномъ оборотѣ. Власть, распространяющаяся на все народное хозяйство, есть только одна: это—государственная власть. Слѣдовательно, бумажныя деньги могутъ быть только созданіемъ государственной власти.

¹⁾ Едва ли нужно прибавлять, что я указываю тутъ на малую цѣнность бумаги по сравненію съ ея объемомъ.

Мы расскажем теперь, какимъ способомъ и подъ вліаніемъ какихъ причинъ государство создаетъ то, что слѣдуетъ считать настоящими бумажными деньгами. Бумажные деньги создаются или непосредственно, или при содѣйствіи банка. Мы начнемъ свой рассказъ съ послѣдняго способа.

При описаніи эмиссіонной операціи мы видѣли, какъ она создаетъ для банка оборотный капиталъ или, лучше, создаетъ для банка власть распоряжаться извѣстной частью реальныхъ капиталовъ страны; страна, пользующаяся банковыми билетами, оказываетъ банку кредитъ на всю ту сумму, которую представляютъ выпущенные этимъ банкомъ билеты за вычетомъ наличнаго покрытія ихъ. Нѣтъ никакого препятствія къ тому, чтобы подобнымъ же кредитомъ воспользовалось и государство въ случаяхъ нужды достать платежное средство быстро и дешево. Государства давно уже обратили свое вниманіе на этотъ видъ кредита и давно уже умѣютъ имъ и въ дѣйствительности пользоваться. Путь, которымъ государство присваиваетъ себѣ кредитъ, даваемый эмиссіонной операціей, состоитъ въ томъ, что правительство заставляетъ частный или государственный банкъ ¹⁾ выпустить для себя билетовъ на извѣстную сумму и потомъ эти билеты употребляетъ на свои надобности, т. е. расплачивается за тѣ матеріальныя блага, которыя оно приобретаетъ отъ подданныхъ или отъ иностранцевъ, или расплачивается за тѣ услуги, которыя ему оказываются его подданными.

Когда государство пользуется выпускомъ билетовъ, какъ финансовымъ средствомъ, то, повидимому, въ обращеніи ихъ не произошло никакихъ измѣненій. На самомъ же дѣлѣ эти измѣненія есть, хотя они не легко замѣчаются. Во-первыхъ, различіе въ субъектѣ, выпускающемъ билеты въ томъ и другомъ случаѣ: въ одномъ случаѣ эмиттентомъ является частное лицо (юридическое), во второмъ эмиттентомъ оказывается правительство, если банкъ, давшій ссуду, былъ государственнымъ. Впрочемъ, это различіе не особенно важно. Когда указываютъ на это различіе, то обыкновенно говорятъ, что государство, распоряжаясь банкомъ, можетъ легче злоупотреблять выпускомъ билетовъ, что оно легче можетъ воспользоваться билетами своего банка для финансовыхъ цѣлей; правда, легче,

¹⁾ Если государственный банкъ существуетъ въ странѣ.

но, если во главѣ банка стоятъ органы государственной власти, то это обстоятельство само по себѣ вовсе не ведетъ необходимо къ невозможности для государственнаго банка исполнять ту же экономическую роль, какую исполняетъ и частный банкъ. Если государственная власть не пользуется выпускомъ билетовъ для цѣлей финансовыхъ, то билеты государственнаго банка будутъ по своему значенію тождественными съ билетами частнаго банка, и ихъ обращеніе будетъ подчинено тѣмъ же экономическимъ законамъ. Съ другой стороны, и частный банкъ не вполне гарантированъ отъ того, что правительство не заставитъ его служить своимъ цѣлямъ и не будетъ пользоваться его билетами въ широкихъ размѣрахъ; дѣйствительность знаетъ частые примѣры этого рода.

Затѣмъ, второе и болѣе существенное различіе между билетами, выпускаемыми для правительства, и билетами, выпускаемыми для частнаго оборота, состоитъ въ цѣли выпуска: одни выпускаются для потребленія, другіе—для производства. Различіе въ цѣли выпуска измѣняетъ до нѣкоторой степени порядокъ обращенія билетовъ: при выпускахъ для правительства количество билетовъ перестаетъ правильно опредѣляться потребностями оборота, а зависитъ отъ потребности правительства въ платежномъ средствѣ, замѣняющемъ наличныя деньги. Поэтому, когда выпускается большая сумма для правительства, то въ оборотѣ происходятъ замѣшательства: до этого выпуска потребность оборота въ средствахъ обращенія была, вѣроятно, удовлетворена; вслѣдствіе этого выпускъ для правительства становится излишнимъ для оборота; самъ же онъ не вызоветъ никакой новой производительной дѣятельности и потому никакой новой и постоянной работы для себя, такъ какъ цѣль его служить цѣлямъ потребленія, а не производства; слѣдовательно, при указанномъ предположеніи вся сумма билетовъ, выпущенныхъ для правительства, должна возвратиться въ банкъ. Конечно, такое массовое выбрасываніе на рынокъ средствъ кредитнаго обращенія должно невыгодно отразиться на ходѣ оборотовъ: результатомъ его можетъ быть и бываетъ такая паника среди кредиторовъ банка, которая часто ведетъ къ его несостоятельности и кредитнымъ кризисамъ. Когда же билеты выпускаются только для цѣлей оборота, то количество билетовъ, находящихся въ обращеніи, расширяется или сжимается безъ такихъ рѣзкихъ скачковъ: они болѣе или менѣе

правильно притекають въ банкъ, если сокращается потребность въ нихъ, или же банкъ постепенно увеличиваетъ количество обращающихся билетовъ, если того требуетъ оборотъ.

Третье различіе между билетами, выпущенными для оборота, и билетами, выпущенными для правительства, состоитъ въ способѣ покрытія тѣхъ и другихъ. Билеты частныхъ банковъ, какъ извѣстно, покрываются отчасти наличностью, отчасти такими бумагами, которыя скоро и удобно реализуются (главнымъ образомъ краткосрочными векселями). Для частнаго банка вопросъ о покрытіи въ сущности сводится къ тому, чтобы опредѣлить опытнымъ путемъ, какая часть покрытія должна состоять въ наличности и какая въ векселяхъ и другихъ бумагахъ. Но если банкъ ошибся въ опредѣленіи той и другой части или если законъ ошибочно предписалъ ему раздѣленіе этихъ частей, то при исключительно сильныхъ приливахъ билетовъ къ размѣну банкъ можетъ реализовать часть вексельнаго портфеля или продать часть цѣнныхъ бумагъ и такимъ образомъ отстранить опасность несостоятельности (т. е. прекращенія размѣна). Нѣсколько иное положеніе вещей, когда билеты выпускаются для финансовыхъ цѣлей правительства. Такіе выпуски билетовъ значительно приближаютъ банкъ къ несостоятельности. Въ самомъ дѣлѣ, банкъ, ссудившій билетами правительство, ухудшилъ способъ покрытія своихъ билетовъ: до этой ссуды банкъ имѣлъ покрытіе отчасти въ наличности, отчасти въ легко реализуемыхъ бумагахъ; теперь, послѣ подобной ссуды, онъ имѣетъ для значительной части своихъ билетовъ покрытіемъ неопредѣленное обязательство правительства уплатить долгъ. Конечно, правительство можетъ брать ссуды у банка на такихъ же условіяхъ какъ и частныя лица; тогда, конечно, ссуда правительству не отразится невыгодно на положеніи банка. Но мы предполагаемъ, что правительство, нуждаясь въ деньгахъ, сдѣлало заемъ у банка, со стороны размѣра и условій возврата отличающійся отъ такихъ займовъ, какіе эмиссионный банкъ безъ принужденія можетъ оказывать. Если въ дѣйствительности встрѣчается такой заемъ (а онъ часто имѣетъ мѣсто), то банкъ, имѣющій покрытіемъ части своихъ билетовъ долгосрочное или безсрочное обязательство правительства, значительно приблизился къ несостоятельности и къ прекращенію размѣна билетовъ: въ случаѣ исключительнаго прилива би-

летовъ къ размѣну онъ можетъ истощить свою наличность, можетъ реализовать весь свой портфель и тѣмъ не менѣе не удовлетворить спроса на звонкую монету.

Наконецъ, можно указать еще на одно различіе между билетами, выпускаемыми для оборота, и билетами, выпускаемыми для правительства; это различіе касается способа обратнаго прилива билетовъ къ банку: билеты, выпускаемые для цѣлей оборота, обыкновенно притекаетъ къ банку (если они не нужны обороту) чрезъ выкупъ обезпеченій, подъ которыя были заключены заемъ у банка; притокъ же ихъ чрезъ размѣнъ является наименѣе употребительнымъ способомъ ¹⁾. Что же касается тѣхъ билетовъ, которые выпущены для цѣлей правительства и чрезъ правительство, то, конечно, они могутъ возвратиться къ банку изъ рукъ публики только путемъ размѣна, если почему-нибудь само правительство не платитъ своего долга банку.

Указанныя измѣненія, вводимыя въ обращеніе билетовъ чрезъ выпускъ ихъ для цѣлей государства, заставляютъ эти банковые билеты отмѣтить особымъ названіемъ. Мы будемъ называть ихъ государственными банковыми билетами ²⁾.

Государственные банковые билеты не есть еще настоящія бумажныя деньги. Дѣйствительно, банковые билеты, выпущенные для финансовой цѣли, отъ одного этого не становятся деньгами: между ними и обыкновенными банковыми билетами остается весьма большое и притомъ существенное сходство. Государственные банковые билеты по прежнему остаются обязательствомъ банка уплатить предъявителю опредѣленную сумму звонкой монетой. Слѣдовательно, государственные банковые билеты остаются по прежнему однимъ изъ видовъ денежныхъ суррогатовъ, и ихъ роль въ денежномъ обращеніи ничѣмъ не отличается отъ роли всякаго иного вида денежныхъ суррогатовъ; именно законы ихъ обращенія въ существенномъ сходны съ законами обращенія частныхъ банковыхъ билетовъ.

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ такой знатокъ банковаго дѣла, какъ *Тукъ*,— см. *op. c.*, В. I, S. 640. Ср. также *Безобразовъ*, О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи, III, 31.

²⁾ *А. Вагнеръ* называетъ такіе билеты размѣнными бумажными деньгами; но въ этомъ названіи слово деньги ведетъ къ фальшивому представленію,— см. *Papiergeld*, въ *Bluntschli's Staatswört.*, В. X, S. 654; также въ *Schönberg's Handb. der pol. Oek.*, В. III, S. 539 (2-е изд.).

выхъ билетовъ за исключеніемъ тѣхъ отличій, которыя недавно указаны.

Пока государство не выпускаетъ своихъ билетовъ въ такомъ количествѣ, которое превосходило бы потребность въ нихъ со стороны оборота, до тѣхъ поръ нѣтъ значительныхъ основаній придавать этимъ билетамъ принудительный курсъ. Потому нѣтъ основанія придавать принудительный курсъ государственнымъ банковымъ билетамъ, что ихъ и такъ всякій беретъ довольно охотно въ силу размѣнности и въ силу тѣхъ удобствъ, которыя представляетъ употребленіе банковыхъ билетовъ вмѣсто звонкой монеты. Однако въ своемъ стремленіи возможно больше обезпечить обращеніе своихъ банковыхъ билетовъ ¹⁾ государство нерѣдко придаетъ имъ принудительный курсъ, т. е. дѣлаетъ пріемъ ихъ обязательнымъ въ платежахъ вмѣсто наличности. Несомнѣнно, что принудительный курсъ усиливаетъ обращаемость государственныхъ банковыхъ билетовъ. Но это уже роскошь для нихъ и сверхъ того роскошь опасная, такъ какъ принудительная обращаемость можетъ соблазнить правительство въ выпускамъ билетовъ сверхъ потребности въ нихъ оборота; подобный излишній выпускъ можетъ вести и часто ведетъ къ прекращенію размѣна, и тогда мы будемъ имѣть такую бумагу, которая собственно и называется настоящими бумажными деньгами. Такимъ образомъ, опасность принудительнаго курса для размѣнныхъ государственныхъ банковыхъ билетовъ мы видимъ въ облегченіи и болѣешемъ соблазнѣ перехода къ настоящимъ бумажнымъ деньгамъ. Какъ бы то ни было, дѣйствительность знаетъ размѣнные государственные банковые билеты съ принудительнымъ курсомъ ²⁾. Но и эти кредитные знаки не становятся деньгами: принудительность обращенія неспособна отнять у нихъ свойство только представителя денегъ; благодаря существующей размѣнности желающій всегда можетъ превратить ихъ въ деньги; слѣдовательно, и этотъ видъ банковыхъ билетовъ (т. е. государственныхъ и съ принудительнымъ курсомъ) не является

¹⁾ Впрочемъ, билеты частныхъ и независимыхъ банковъ тоже получаютъ иногда legal tender. См. обильный фактической матеріалъ такого рода у Федоровича, *op. cit.*, 420 и слѣд.

²⁾ По *Валлеру*, размѣнные государственный бумажныя деньги съ принудительнымъ курсомъ.

деньгами, а относится къ денежнымъ суррогатамъ. Равнымъ образомъ и объемъ того кредита, который можетъ государство доставить себѣ черезъ выпускъ билетовъ съ принудительнымъ курсомъ, опредѣляется тѣмъ же правиломъ, какимъ онъ опредѣлялся и при пользованіи выпусками билетовъ безъ принудительной обращаемости; т. е. объемъ кредита здѣсь опредѣляется той суммой билетовъ, которую можетъ поглотить оборотъ; все излишнее количество ихъ непременно возвратится обратно къ эмитционеру (государству) путемъ размѣна.

Размѣнными билетами государство можетъ пользоваться только тогда, когда объемъ нужнаго ему кредита незначителенъ. Но представимъ себѣ такое положеніе вещей, когда правительство, не уплативъ еще своего долга банку, опять поставлено въ такое положеніе, что отсутствіе платежныхъ средствъ повело бы къ нарушенію крупнѣйшихъ государственныхъ интересовъ. Представить себѣ такое положеніе вещей вовсе не трудно, такъ какъ оно нерѣдко встрѣчается и въ дѣйствительности. Главнѣйшимъ случаемъ сильной нужды въ деньгахъ и въ денежныхъ суррогатахъ является въ наше время потребность въ деньгахъ для веденія войнъ. При трудности внѣшнихъ займовъ въ военное время, при отсутствіи государственныхъ денежныхъ запасовъ и при неудовлетворительной организациі экстраординарныхъ налоговъ ¹⁾ современное государство должно искать средствъ на войну въ своей собственной странѣ и притомъ путемъ займовъ. Самый быстрый и дешевый способъ полученія платежныхъ средствъ это дальнѣйшіе выпуски банковыхъ билетовъ. Мы уже предположили, что раньше правительство выпускало государственные банковые билеты съ принудительнымъ или безъ принудительнаго курса, но только, по предположенію, размѣръ выпусковъ былъ таковъ, что давалъ возможность поддерживать размѣнность билетовъ. При дальнѣйшемъ пользованіи тѣмъ же финансовымъ источникомъ всегда наступитъ такой моментъ, когда предстанетъ необходимость прекратить размѣнъ выпускаемыхъ

¹⁾ Вопросъ объ экстраординарныхъ финансахъ (государственные денежные запасы, экстраординарные налоги и т. п.) даже и въ теоріи не можетъ считаться разработаннымъ. См. объ этомъ у *Ванера*, въ *Schönberg's Handbuch der pol. Oek.*, III, 316, 512 и слѣд.; также у *Кауфмана*, Бумажно-денежные проекты etc., ч. II, гл. 1 (въ 7 томѣ Сборн. Госуд. Зн.).

билетовъ. Возьмемъ такой историческій примѣръ. До первой восточной войны русскій денежный рынокъ имѣлъ 334,4 милл. государственныхъ кредитныхъ билетовъ, которые въ то время были еще размѣнны. Указанное количество билетовъ обезпечивалось размѣннымъ фондомъ въ 161 милл. Но вслѣдствіе войны количество кредитныхъ билетовъ было увеличено правительствомъ на 401,8 милл. руб. При такомъ положеніи дѣла размѣнъ возможно было бы поддержать только тогда, когда обезпечивающій фондъ содержалъ бы въ себѣ металла, во-первыхъ, на сумму, равную излишнимъ для оборота кредитнымъ билетамъ, и сверхъ того еще такое количество металла, которое по размѣнѣ предъявляемыхъ излишнихъ билетовъ было бы достаточно для поддержанія размѣна нужныхъ для оборота бумажныхъ знаковъ и потому остающихся въ обращеніи. Въ нашемъ примѣрѣ всѣ или почти всѣ 401,8 милл. кредитныхъ билетовъ были излишними для Россіи, такъ какъ, очевидно, потребность оборота въ средствахъ обращенія не могла усилиться въ 3—4 года настолько, чтобы дать дѣло такой массѣ ихъ; слѣдовательно, чтобы поддержать размѣнъ этихъ 401,8 милл. кредитныхъ билетовъ, нужно было имѣть въ наличности банка такую же сумму. Но, конечно, этого правительство не могло сдѣлать: если бы оно имѣло на 401,8 милл. звонкой монеты, то было бы безсмысленно выпускать кредитные билеты на такую же сумму. Чтобы получить платежныхъ средствъ на сумму въ 401,8 милл. рублей, правительство должно было выпустить кредитныхъ билетовъ на эту сумму и тотчасъ прекратить размѣнъ: иначе излишніе билеты обратились бы въ кассу государственнаго банка, истощили бы весь имѣвшійся еще размѣнный фондъ, а затѣмъ всетаки прекращеніе размѣна должно бы наступить по необходимости. Такъ и поступило наше правительство во время первой восточной войны. Итакъ, по самой сущности дѣла при безостановочномъ пользованіи банковыми билетами, какъ финансовымъ средствомъ, невозможно постоянно поддерживать размѣнъ ихъ: когда количество излишне выпущенныхъ билетовъ превосходитъ размѣнный фондъ или равно ему, или когда по вычетѣ излишнихъ билетовъ изъ фонда не остается въ немъ суммы, достаточной для поддержанія размѣна нужныхъ для оборота билетовъ, тогда наступаетъ необходимость прекратить размѣнъ.

Если до прекращенія размѣна обращались государственные банковые билеты безъ принудительнаго курса, и если принудительный курсъ имъ не былъ приданъ одновременно съ прекращеніемъ размѣна, то обращеніе получить неразмѣнные государственные банковые билеты безъ принудительнаго курса ¹⁾. Только неопытное правительство допускаетъ обращеніе такихъ своихъ обязательствъ, ибо они ставятъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе какъ частныхъ лицъ, такъ и само правительство. Въ самомъ дѣлѣ, государственные билеты безъ принудительнаго курса въ сущности являются долговыми обязательствами, по которымъ прекращенъ платежъ, или, все равно, долговыми обязательствами несостоятельнаго должника и ничемъ больше; они совершенно похожи на долговые обязательства частнаго несостоятельнаго лица, напр., на векселя обанкротившагося купца. Такимъ образомъ, положеніе частныхъ лицъ и государства при обильной наличности неразмѣнныхъ государственныхъ билетовъ таково: частныя лица владѣютъ массой обязательствъ, по которымъ не производится платежа; частныя лица не въ состояніи бѣльшей частью пользоваться этими кредитными знаками въ качествѣ орудія обращенія, ибо всякій избѣгаетъ принимать ихъ въ платежахъ, подобно тому, какъ избѣгаютъ принимать векселя банкрота; кромѣ того, если бы даже находились охотники принимать обязательства несостоятельнаго лица, то неизвѣстно, вмѣсто какой суммы денегъ ихъ можно принять; не оплачиваемыя обязательства потеряли способность представить полную сумму денегъ, на нихъ написанную; а сколько денегъ они дѣйствительно представляютъ, это будетъ зависѣть отъ такихъ неопредѣленныхъ обстоятельствъ, какъ то, сколько должникъ еще можетъ заплатить по своимъ обязательствамъ или даже можетъ ли онъ вообще что-нибудь заплатить; или это зависить отъ того, не выпустить ли должникъ большое количество еще новыхъ обязательствъ. Въ этомъ пунктѣ между частнымъ лицомъ, не могущимъ оплатить своихъ обязательствъ, и государствомъ развѣ только то различіе, что государство пользуется бѣльшимъ довѣріемъ со стороны своей общей со-

¹⁾ По терминологіи *Вагнера*, неразмѣнные государственныя бумажныя деньги безъ принудительнаго курса.

стоятельности; но, когда нужно принимать въ платежъ обязательства не для того, чтобы держать ихъ у себя, а для того, чтобы опять пустить ихъ въ обращеніе въ ближайшемъ будущемъ, то указанное различіе не можетъ повліять замѣтно благоприятно на курсъ не оплачиваемыхъ государствомъ обязательствъ; ибо, если можно вѣрить, что когда-нибудь правительство возстановитъ размѣнъ билетовъ, то всетаки неизвѣстно, скоро или не скоро это случится; быть можетъ, есть надежда на размѣнъ чрезъ такой длинный срокъ, который для безпроцентнаго кредитнаго знака ¹⁾ будетъ равнозначителенъ съ отсутствіемъ всякой надежды. Кроме того, боязнь, что должникъ въ силу нужды выпуститъ еще новыя обязательства, остается и по отношенію къ государству въ полной силѣ. Вслѣдствіе сейчасъ изложенныхъ обстоятельствъ не оплачиваемыя государственныя обязательства, если и принимаются еѣмъ-нибудь изъ частныхъ лицъ, то, во-первыхъ, изъ предосторожности по самому низкому курсу, и, во-вторыхъ, даже такой пріемъ имѣетъ видъ спекулятивной игры. Такимъ образомъ, если правительство допускаетъ обращеніе неразмѣнныхъ государственныхъ билетовъ безъ принудительнаго курса, то чрезъ это оно лишаетъ владѣльцевъ ихъ бѣльшей части той суммы, которую билеты представляютъ. Что касается самого правительства, то оно, допустивши обращеніе разсматриваемыхъ обязательствъ, тоже становится въ затруднительное положеніе: во-первыхъ, оно не можетъ дать имъ постояннаго податнаго обезпеченія; оно не въ силахъ постоянно принимать въ номинальной суммѣ по всѣмъ своимъ доходамъ бумагу столь невысокой и столь неопредѣленной дѣйствительной платежной силы, какъ неразмѣнные билеты безъ принудительнаго курса, ибо иначе оно чрезвычайно понизило бы покунное значеніе всѣхъ своихъ доходовъ и сдѣлало бы невозможными правильные расчеты относительно всѣхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ; поэтому правительство въ указанномъ положеніи скоро бываетъ вынуждено отказать въ податномъ обезпеченіи своимъ безпроцентнымъ обязательствамъ и тѣмъ открыто при-

¹⁾ Напомню, что безпроцентный кредитный знакъ имѣтъ никакого интереса удерживать за собой, — наоборотъ, есть интересъ сбыть его возможно скорѣе.

знать свою, правда, обыкновенно временную и частичную несостоятельность; это, конечно, не может не отразиться дурно на всемъ государственномъ кредитѣ. Кроме того, государство ухудшаетъ для будущаго этотъ часто единственный въ критическихъ обстоятельствахъ способъ полученія средствъ платежа; ибо, если чрезвычайно низокъ курсъ уже существующихъ безпроцентныхъ обязательствъ государства, то дальнѣйшіе выпуски могутъ довести ихъ курсъ до нуля, и независимо отъ другихъ невыгодныхъ послѣдствій отсюда произойдетъ еще и то, что выпускъ билетовъ самому государству не дастъ ничего или почти ничего.

Изъ предыдущей характеристики неразмѣнныхъ государственныхъ банковыхъ билетовъ безъ принудительнаго курса или, по терминологіи *Валлера*, неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ безъ принудительнаго курса видно, что мы считаемъ ихъ однимъ изъ видовъ денежныхъ суррогатовъ, но только однимъ изъ *ненормальныхъ*, изуродованныхъ суррогатовъ: банковый билетъ до прекращенія размѣнности въ денежномъ обращеніи игралъ роль замѣстителя денегъ; по прекращеніи размѣна онъ не приобрѣлъ никакого новаго назначенія въ оборотѣ; онъ по прежнему остался представителемъ денежной суммы, но только не всей той суммы, которую онъ представлялъ собой прежде, а нѣкоторой части ея и притомъ части, колеблющейся и неопредѣленной; отъ свободной воли лицъ зависитъ принимать или не принимать такой аномальный кредитный знакъ въ платежахъ вмѣсто денегъ; равнымъ образомъ отъ свободнаго соглашенія частныхъ лицъ зависитъ и то, вмѣсто какой суммы денегъ его принимать въ платежахъ. Какъ всякій представитель денегъ, банковый билетъ не имѣетъ цѣнности и потому не можетъ быть измѣрителемъ ея въ хозяйственныхъ благахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не обладая цѣнностью, онъ не можетъ быть дѣйствительнымъ платежнымъ средствомъ. Не выполняя этихъ двухъ основныхъ функцій денегъ, онъ не выполняетъ и другихъ производныхъ функцій ихъ. Если деньгами называется хозяйственное благо, выполняющее такія-то опредѣленныя функціи въ народномъ хозяйствѣ, то вещь, не выполняющую этихъ функцій, очевидно, не слѣдуетъ называть деньгами.

Однако въ литературѣ можно встрѣтить теоріи, по которымъ неразмѣнные банковые билеты безъ принудительнаго курса признаются настоящими бумажными деньгами. Здѣсь мы

говоримъ, конечно, не о тѣхъ теоріяхъ, по которымъ всѣ или почти всѣ кредитные знаки являются деньгами; теперь идетъ рѣчь только о такихъ теоріяхъ, которыя умѣютъ различать кредитные знаки отъ денегъ, но тѣмъ не менѣе въ частномъ вопросѣ о неразмѣнныхъ банковыхъ билетахъ склоняются въ пользу признанія ихъ настоящими бумажными деньгами. Мы остановимся здѣсь на теоріи столь выдающагося писателя, какъ *Доренцъ Штейнъ*, и изложимъ его теорію бумажныхъ денегъ съ тѣмъ, чтобы въ ближайшемъ мѣстѣ указать только на ошибочность причисленія неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ къ деньгамъ.

Теорія бумажныхъ денегъ *Штейна* состоитъ въ слѣдующемъ ¹⁾. Металлическія деньги имѣютъ собственную цѣнность и потому онѣ способны производить дѣйствительный платежъ, при которомъ за цѣнность блага передается тоже цѣнность въ деньгахъ. Это совершеніе платежей деньгами можетъ происходить и въ свободномъ оборотѣ, т. е. тогда, когда государство не объявляетъ еще, что оно принуждаетъ совершать платежи такими-то деньгами (если нѣтъ свободного соглашенія). Прочность оборота требуетъ однако, чтобы государство объявляло, въ какихъ деньгахъ должны совершаться платежи, даже противъ воли лицъ, имѣющихъ право на платежъ. Всѣ болѣе или менѣе цивилизованныя государства удовлетворяютъ этой потребности оборота, и, такимъ образомъ, для каждаго лица, съ одной стороны, пріобрѣтается право совершить платежъ, а съ другой, на него налагается обязанность принимать платежъ въ государственныхъ деньгахъ; чрезъ это деньги вмѣстѣ съ хозяйственной способностью къ платежу (*Zahlungsfähigkeit*), которой онѣ обязаны своей цѣнности, пріобрѣтаютъ еще и юридическую способность къ платежу; деньги становятся валютой или деньги изъ чисто хозяйственнаго понятія становятся понятіемъ юридическимъ. Такимъ образомъ, деньги состоятъ изъ двухъ самостоятельныхъ моментовъ: во-первыхъ, онѣ есть хозяйственное средство оборота, способное переносить цѣнность благъ отъ одного лица къ другому; во-вторыхъ, деньги есть правовое средство платежа, которымъ я могу исполнять всякое хозяйственное требованіе другого лица, неза-

¹⁾ См. *Stein*, Lehrbuch der Finanzwissenschaft, Th. III, Abth. 3, SS. 93—112 (5 Aufl.).

висимо отъ того, желаетъ или не желаетъ это лицо принять платежъ именно въ этихъ деньгахъ. Изъ перваго момента вытекаетъ способность денегъ къ платежу, изъ втораго—ихъ право совершать платежи (платежное право—*Zahlungsrecht*); оба эти свойства, встрѣчающіяся въ государственныхъ деньгахъ данной страны вмѣстѣ, могутъ существовать и самостоятельно: можетъ существовать и существуетъ платежеспособность въ какомъ-нибудь предметѣ, но одновременно не принадлежитъ ему платежное право ¹⁾.

Въ одной и той же странѣ способность къ платежу и платежное право проявляются раздѣльно, во-первыхъ, въ цѣнныхъ бумагахъ. Цѣнная бумага не имѣетъ сама по себѣ (какъ субстанція) цѣнности; поэтому она неспособна совершать платежъ; передача цѣнной бумаги не есть платежъ, а только передача права на платежъ со стороны третьяго лица. Цѣнность такой бумаги лежитъ не въ ней самой (какъ въ деньгахъ), а въ томъ обстоятельстве, что цѣнная бумага составляетъ самостоятельное проявленіе права на платежъ со стороны третьяго лица, и въ томъ, что это третье лицо всегда можетъ быть вынуждено къ выполнению своей обязанности совершить платежъ. Если цѣнные бумаги, не обладая хозяйственной платежеспособностью, употребляются тѣмъ не менѣе въ платежахъ, то это платежное право устанавливается волей отдѣльныхъ лицъ. Деньги владѣютъ платежнымъ правомъ въ силу закона, а цѣнные бумаги въ силу договора. Итакъ, характерный признакъ цѣнныхъ бумагъ тотъ, что въ нихъ способность къ платежу и платежное право разъединены волей отдѣльныхъ лицъ.

Второй случай самостоятельнаго проявленія платежнаго права безъ хозяйственной способности къ платежу составляютъ бумажные деньги. Бумажными деньгами являются тѣ цѣнные бумаги, которыя владѣютъ платежнымъ правомъ или валютнымъ правомъ, независимо отъ того, имѣютъ ли онѣ дѣйствительную способность къ платежу. Сущность всякихъ бумажныхъ денегъ состоитъ въ томъ, что ихъ хозяйственная цѣнность и, слѣдовательно, ихъ способность къ платежу заключается

¹⁾ Напр., монета данной страны имѣетъ платежеспособность и въ чужой странѣ, но никто тамъ не можетъ быть принужденъ къ ея принятію.

только въ ихъ платежномъ правѣ. Въ бумажныхъ деньгахъ, слѣдовательно, изолированно проявляется одно только платежное право ¹⁾ безъ дѣйствительной экономической способности къ платежу (вслѣдствіе отсутствія цѣнности въ томъ матеріалѣ, изъ котораго онѣ дѣлаются); это раздѣленіе можетъ быть слѣдано только государственною властью, и потому бумажныя деньги всегда есть созданіе закона. Такимъ образомъ, бумажныя деньги имѣютъ право денегъ безъ цѣнности ихъ субстанціи; онѣ есть деньги, не будучи въ сущности ими; онѣ—призракъ денегъ (Schein des Geldes). Такъ какъ указанное снабженіе бумаги платежнымъ правомъ вызывается недостаткомъ экономической способности къ платежу, то это снабженіе должно непремѣнно содержать въ себѣ два момента, которые столь необходимы, что возникаютъ и въ томъ случаѣ, когда законъ прямо объ нихъ не говоритъ. Эти два момента состоятъ въ слѣдующемъ: во-первыхъ, бумажныя деньги всегда гласятъ на опредѣленныя и равныя суммы монеты, чтобы формально служить въ оборотѣ въ качествѣ платежнаго средства; во-вторыхъ, держатель бумажныхъ денегъ самъ не имѣетъ права вытребовать судебнымъ порядкомъ съ кого-нибудь то количество монеты, которое на нихъ написано, но зато держатель бумажныхъ денегъ имѣетъ право чрезъ посредство суда принудить другое лицо къ принятію ихъ въ качествѣ дѣйствительнаго платежнаго средства.

Существуетъ нѣсколько основныхъ формъ бумажныхъ денегъ. Одну форму ихъ составляютъ банковые билеты, размѣнъ которыхъ превращенъ. Такіе банковые билеты потеряли только одно свойство всякихъ другихъ цѣнныхъ бумагъ, именно то свойство, что выпустившій ихъ обязанъ совершить платежъ, и выполнение этой обязанности можетъ быть вынуждено при посредствѣ судебной власти. Когда закономъ превращенъ размѣнъ банковыхъ билетовъ, то обязанность платежа по нимъ уничтожается на неопредѣленное время. Но такъ какъ законъ не придалъ имъ еще платежнаго права ²⁾, то такіе банковые

¹⁾ Т. е. право совершать этими деньгами платежи даже противъ воли лица, имѣющаго право на платежъ.

²⁾ По обычной, болѣе простой, терминологіи это значить, что законъ не придалъ банковымъ билетамъ принудительнаго курса.

билеты („не фундированные“) не имѣютъ цѣнности, вытекающей изъ этого права, а ихъ цѣнность опредѣляется только вѣроятными предположеніями о томъ, уничтожить ли государство неразмѣнность билетовъ и когда это слѣдуетъ; и кромѣ того, предположеніями о томъ, будетъ ли банкъ по возстановленіи размѣна въ состояніи поддержать его.

Вторую форму бумажныхъ денегъ составляютъ государственныя бумажныя деньги въ собственномъ смыслѣ или государственныя ноты. По своему понятію государственныя ноты не есть цѣнная бумага; онѣ есть знакъ денегъ, которому государство придало платежное право. Цѣнность государственныхъ нотъ вытекаетъ исключительно изъ ихъ платежнаго права. Онѣ есть поэтому чистая форма бумажныхъ денегъ ¹⁾. Такова теорія бумажныхъ денегъ, которую предложилъ Штейнъ.

Изложенная теорія Штейна интересуетъ насъ пока только въ одной ея части, именно въ той, гдѣ неразмѣнные банковые билеты объявляются бумажными деньгами и тѣмъ рѣшительно выдѣляются изъ категоріи кредитныхъ бумагъ (по Штейну, цѣнныхъ бумагъ). По нашему мнѣнію, такое выдѣленіе ошибочно. Намъ кажется, что Штейну даже съ точки зрѣнія его собственныхъ принциповъ не слѣдовало этого дѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, Штейнъ не разъ утверждаетъ ²⁾, что существенное различіе между цѣнной бумагой и бумажными деньгами состоитъ въ томъ, что первая, не имѣя хозяйственной способности къ платежу, употребляется однако въ платежахъ въ силу *соглашеній отдельныхъ лицъ*, а вторыя хотя тоже не имѣютъ экономической способности къ платежу, но употребляются, какъ *платежное средство въ силу закона*; законъ придаетъ имъ, по выраженію Штейна, платежное право (*Zahlungsrecht*), т. е. способность совершать платежи, независимо отъ того, желаетъ или нѣтъ лицо, имѣющее право на платежъ, получить его именно въ этомъ платежномъ средствѣ. Если дѣйствительно въ этомъ состоитъ существенное

¹⁾ Штейнъ говоритъ еще о третьей формѣ бумажныхъ денегъ, которую онъ называетъ *Nothgeld* (ibid. 111). Но то, что Штейнъ подразумеваетъ подъ этой третьей формой бумажныхъ денегъ, составляетъ столь рѣдкое явленіе въ дѣйствительной жизни и имѣетъ столь малое значеніе, что мы позволяемъ себѣ оставить эту форму бумажныхъ денегъ безъ разсмотрѣнія.

²⁾ Особенно категорично на стр. 103—104 цитир. соч.

различіе между цѣнной бумагой и бумажными деньгами, то неразмѣнные банковые билеты нужно отнести къ цѣннымъ бумагамъ, а не къ бумажнымъ деньгамъ; ибо послѣ того, какъ прекращенъ размѣнъ банковыхъ билетовъ, но имъ не приданъ принудительный курсъ, билеты употребляются въ платежахъ тоже по свободному соглашенію отдѣльныхъ лицъ, а не на какомъ-либо иномъ основаніи. Обстоятельство, что по прекращеніи размѣна билетовъ нельзя получать по нимъ дѣйствительнаго платежа въ теченіе неопредѣленнаго времени, способно имѣть только одно то послѣдствіе, что отдѣльныя лица гораздо рѣже соглашаются принимать билеты въ платежахъ и если принимаютъ, то взамѣнъ такой денежной суммы, которая далеко ниже обозначенной на билетѣ. Когда мы характеризовали выше неразмѣнные банковые билеты, мы показали, что они не могутъ исполнять въ свободномъ оборотѣ функций денегъ по отсутствію существенно нужныхъ для этого экономическихъ свойствъ. Если такъ, то единственный путь для неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ сдѣлаться деньгами— это принужденіе закона. Мы согласны со *Штейномъ* въ томъ, что платежное право (или принудительный курсъ) есть существенный признакъ бумажныхъ денегъ или, лучше сказать, единственное средство заставить бумагу исполнять всѣ функции денегъ. Но такъ какъ мы все время говоримъ о неразмѣнныхъ банковыхъ билетахъ безъ принудительнаго курса, то очевидно, что не они деньги, ибо, кромѣ указанныхъ двухъ способовъ, не существуетъ третьяго пути для того, чтобы извѣстный матеріальный предметъ сталъ деньгами.

До сихъ поръ мы говорили о неразмѣнныхъ банковыхъ билетахъ (безъ принудительнаго курса), образовавшихся изъ размѣнныхъ билетовъ чрезъ прекращеніе платежа по нимъ (размѣна). Но прекращеніе размѣна можетъ повести еще къ одному виду бумажныхъ знаковъ, который будетъ рѣзко отличаться отъ всѣхъ другихъ нами уже разсмотрѣнныхъ; именно, еслибылъ прекращенъ размѣнъ билетовъ, обладавшихъ уже принудительнымъ курсомъ, или если билетамъ, не обладавшимъ прежде принудительнымъ курсомъ, одновременно съ прекращеніемъ размѣна приданъ принудительный курсъ, то мы получимъ бумагу, которая не похожа ни на одинъ изъ извѣстныхъ уже намъ видовъ денежныхъ суррогатовъ. Такая бумага, какъ видимъ, отличается слѣдующими внѣшними свойствами: 1) она носить монетное наименованіе, 2) неразмѣнна, 3) обла-

даетъ принудительнымъ курсомъ и 4) обыкновенно неразмѣнность объявляется временной. Эти свойства требуютъ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ разъясненій.

1) Мы сказали, что рассматриваемый бумажный знакъ носить монетное наименованіе. Это свойство неразмѣннаго кредитнаго знака получило отъ способа происхожденія его; какъ мы видѣли, онъ получился изъ настоящаго банковаго билета. Банковъ билетъ представлялъ изъ себя такой кредитный знакъ, по которому банкъ обязывался уплатить предъявителю опредѣленную денежную сумму; мы уже знаемъ, что для бѣльшей обрачаемости банковые билеты пишутся на круглыя денежные суммы и притомъ самыхъ разнообразныхъ достоинствъ. Когда прекращенъ размѣнъ банковыхъ билетовъ и имъ приданъ принудительный курсъ, то такимъ образомъ въ своемъ существѣ видоизмѣненные билеты продолжаютъ однако гласить на тѣ же денежные суммы, на которыя они и прежде были написаны. Отсюда то внѣшнее свойство этихъ преобразованныхъ банковыхъ билетовъ, которое мы называемъ монетнымъ наименованіемъ ихъ.

2) Второе свойство рассматриваемаго нами бумажнаго знака то, что онъ является неразмѣннымъ. Это свойство значитъ то, что нашъ знакъ лишился возможности представлять деньги. Въ самомъ дѣлѣ, настоящимъ представителемъ денегъ можетъ считаться только такой кредитный знакъ, по которому дѣйствительно можно при такихъ-то условіяхъ получить опредѣленную денежную сумму. Если чрезъ предписаніе закона кредитный знакъ лишается этой возможности, то онъ не есть настоящій денежный суррогатъ. Если же мы видимъ, что неразмѣнный кредитный знакъ пріобрѣтаетъ широкое распространеніе и обращеніе, то отсюда мы должны заключить, что онъ обращается не въ качествѣ денежнаго суррогата, а чего-нибудь другаго.

3) Если бы банковъ билетъ лишился только размѣнности, но не получилъ бы никакихъ еще другихъ свойствъ, то онъ не могъ бы пріобрѣсти большую роль въ сферѣ денежнаго обращенія. Неразмѣнный банковъ билетъ сохраняетъ за собой роль орудія обращенія и даже получаетъ еще бѣльшую обрачаемость, чѣмъ размѣнный билетъ, единственно въ силу принудительнаго курса, ему присвоеннаго. Принудительный курсъ для неразмѣннаго банковаго билета обозна-

часть слѣдующее: правительство объявляетъ, что всѣ обязаны принимать въ платежахъ неразмѣнный банковый билетъ вмѣсто той суммы денегъ металлическихъ, на которую билетъ гласитъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что та сумма металлическихъ денегъ, вмѣсто которой обязателенъ пріемъ неразмѣнныхъ билетовъ, не всегда совпадаетъ съ суммой, написанной на билетѣ. Имѣютъ мѣсто нечастые случаи, когда принудительная цѣна неразмѣнныхъ билетовъ бываетъ ниже этой послѣдней суммы. Это именно тѣ рѣдкіе случаи, когда принудительный курсъ не былъ приданъ вмѣстѣ съ неразмѣнностью. Выше мы говорили, что, если прекращенъ размѣнъ банковыхъ билетовъ, но не приданъ имъ принудительный курсъ, то такой ненормальный денежный суррогатъ, во-первыхъ, имѣетъ слишкомъ малую обращаемость и, во-вторыхъ, фактически способенъ представлять малую и очень неопредѣленную сумму денегъ. Иногда неопытное правительство допускаетъ обращеніе такихъ ненормальныхъ суррогатовъ. Но такъ какъ это положеніе вещей чрезвычайно неудобно какъ для публики, такъ и для самого правительства, то послѣднее обыкновенно рано или поздно приходитъ къ сознанію необходимости принудительнаго курса для неразмѣнныхъ денегъ. Однако теперь принудительный курсъ не можетъ быть установленъ по цѣнѣ нарицательной: неразмѣнный билетъ, существуя нѣкоторое время, фактически представлялъ сумму, меньшую, чѣмъ на немъ написана; поэтому для правительства остается только одно: освятить этотъ фактъ и объявить, что отнынѣ всѣ обязаны принимать неразмѣнные билеты, какъ настоящія деньги, по той цѣнѣ, которая дѣйствительно для нихъ существовала въ извѣстное время, или же по цѣнѣ, средней изъ всѣхъ тѣхъ, которыя для нихъ существовали за извѣстный промежутокъ времени. Если бы правительство пожелало поступить не такъ, а иначе, т. е. объявить принудительный курсъ по цѣнѣ номинальной, а не по той, которую дѣйствительно имѣли неразмѣнные билеты, то, во-первыхъ, такой поступокъ не всегда могъ бы привести къ намѣченной цѣли; такъ, если бы неразмѣнные билеты обращались на такую номинальную сумму, которая превосходила бы потребность страны въ денежныхъ знакахъ, то послѣ установленія принудительнаго курса цѣнность билетовъ всетаки не была бы въ дѣйствительности равна цѣнности той суммы металлическихъ

денегъ, на которую всѣ билеты гласятъ. Но если бы установленіе принудительнаго курса до извѣстной степени повысило цѣнность неразмѣнныхъ билетовъ, то это повело бы къ большому насильственному и несправедливому перевороту въ имущественныхъ отношеніяхъ: всѣ владѣльцы неразмѣнныхъ билетовъ неожиданно разбогатѣли бы, и, конечно, остальная часть населенія должна бы безъ всякаго основанія доставить реальное богатство этимъ счастливымъ. Вотъ почему правительство не устанавливаетъ или, по крайней мѣрѣ, не должно устанавливать принудительнаго курса по номинальной цѣнѣ для неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ, уже потерявшихъ значительную часть этой цѣны¹⁾. Исторія знаетъ и такіе примѣры, когда принудительный курсъ устанавливали не по твердой цѣнѣ, а по цѣнѣ биржевой, т. е. правительство объявляетъ, чтобы билеты принимались по той цѣнѣ, которую они имѣли въ день платежа. Очевидно, чрезъ это получались всѣ невыгоды, которыя проистекаютъ отъ постоянно измѣняющагося въ цѣнности платежнаго средства.

Но какъ бы то ни было, принудительный курсъ создаетъ для неразмѣнныхъ билетовъ слѣдующее положеніе въ народномъ хозяйствѣ: во всѣхъ наличныхъ платежахъ за товары употребляются эти билеты, какъ нѣчто равнозначащее такому количеству металлическихъ денегъ, на которое билеты гласятъ; причемъ въ силу неразмѣнности билетовъ лицо, получившее ими платежъ, не можетъ разсчитывать въ будущемъ получить вмѣсто бумаги металлическія деньги и вообще не можетъ разсчитывать получить еще что-нибудь и съ кого-нибудь; полученіе неразмѣннаго билета съ принудительнымъ курсомъ то

¹⁾ Если я за неимѣніемъ другого подходящаго термина употребляю слово «цѣна» для обозначенія той денежной суммы, которую представляетъ тотъ или иной денежный суррогатъ, то надѣюсь, внимательный читатель не будетъ думать, что я имъ приписываю способность имѣть такую же самостоятельную цѣну, какую имѣютъ всѣ товары, и что, такимъ образомъ, я позабылъ все то, что выше говорилъ о цѣнности денежныхъ суррогативъ. Слово цѣна для денежныхъ суррогативъ употребляется только въ вышеуказанномъ условномъ смыслѣ; лучше бы, разумѣется, во избѣжаніе недоразумѣній не употреблять здѣсь термина цѣна, но, къ сожалѣнію, нѣтъ другого короткаго и выразительнаго термина.

вышнему виду ¹⁾ есть получение окончательнаго и дѣйстви- тельнаго платежа за товаръ; или, выражаясь другими словами, получение въ платежъ такого билета по вышнему виду явля- ется получениемъ дѣйствительной равноцѣнности за товаръ. Равнымъ образомъ всѣ обязательства передачей неразмѣннаго билета съ принудительнымъ курсомъ окончательно погаша- ются,—даже и тогда, когда до прекращенія размѣна они были заключены на металлическія деньги, и когда, слѣдова- тельно, никто и не предполагалъ, что придется получать платежъ бумагой; при погашеніи обязательствъ вышній видъ процесса уплаты таковъ: кредиторъ получаетъ отъ должника неразмѣнный билетъ съ именемъ такого-то количества метал- лическихъ денегъ, и тѣмъ прекращается долговое отношеніе между кредиторомъ и должникомъ: должникъ считается уплатившимъ то, что слѣдовало ему уплатить; одновременно кре- диторъ считается получившимъ окончательно все то, что онъ имѣлъ получить, ибо ни съ кого онъ не получить въ обмѣнъ за билеты металлическихъ денегъ; значить, уплата долга не- размѣнными билетами съ принудительнымъ курсомъ по выш- ности считается равнозначащей съ уплатой металлическими деньгами.

4) Неразмѣнные банковые билеты съ принудительнымъ курсомъ могутъ возникнуть только благодаря предписанію власти—обыкновенно общегосударственной власти. Мотивомъ для ихъ созданія является недостатокъ въ деньгахъ для рас- платъ за товары и услуги, которыми правительство пользу- ется. Дѣйствительно, прекративши размѣнъ банковыхъ биле- товъ и придавши имъ принудительный курсъ, правительство приобрѣтаетъ средство получать разнообразныя товары и пользоваться различными услугами. Механизмъ приобрѣтенія платежнаго средства очень простъ: правительство заставляетъ банкъ напечатать на такую сумму билетовъ, на какую ему, правительству, угодно; затѣмъ, полученные отъ банка билеты оно передаетъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ получаетъ товары или услугами которыхъ пользуется, въ качествѣ платежа,

¹⁾ Пока мы обращаемъ вниманіе на вышнее еходство неразмѣнныхъ билетовъ, снабженныхъ принудительнымъ курсомъ, съ деньгами; въ ско- ромъ времени мы займемся рассмотрѣніемъ вопроса о томъ, не составляютъ ли эти билеты денегъ и съ внутренней стороны.

равнозначащаго съ платежемъ металлическими деньгами. Такимъ образомъ, правительство чрезъ созданіе такой бумаги, производство которой ему ничего не стоило, получаетъ возможность пріобрѣтать реальныя блага и какой угодно цѣнности. Естественно возникаетъ вопросъ, такой способъ полученія правительствомъ матеріальныхъ средствъ относится ли къ обложенію или нѣтъ. Если бы оказалось, что выпускъ неразмѣнныхъ билетовъ съ принудительнымъ курсомъ не относится ни къ одной изъ извѣстныхъ формъ обложенія, то пришлось бы отнести его къ займамъ. Сейчасъ мы не разсматриваемъ этого вопроса по существу, а потому намъ достаточно заявить, что всѣ правительства относили и относятъ разсматриваемые билеты къ числу своихъ долговъ; равнымъ образомъ и общество обыкновенно соглашается съ такимъ взглядомъ правительства. Признаніе билетовъ долгомъ правительства отражается на судьбѣ ихъ въ томъ, что на каждомъ билетѣ пишется обѣщаніе о возстановленіи размѣна. Это обѣщаніе рано или поздно выполняется правительствомъ; оно именно уплачиваетъ свой долгъ банку, и тогда банкъ возстановляетъ размѣнъ билетовъ. Такимъ образомъ, по сознанію самого правительства и общества все то, что пріобрѣтается правительствомъ черезъ выпускъ неразмѣнныхъ билетовъ съ принудительнымъ курсомъ, есть долгъ правительства, а сами билеты есть извѣстная форма обязательствъ правительства, именно форма текущихъ обязательствъ. Правительства объявляютъ, говоримъ мы, неразмѣнные банковые билеты своимъ долгомъ; но этотъ долгъ и по вѣщности отличается отъ другихъ государственныхъ долговъ, между прочимъ, безпроцентностью. Безпроцентность этого долга объясняется, во-первыхъ, исторической причиною, именно той, что весьма часто такой долгъ образуется изъ безпроцентныхъ размѣнныхъ банковыхъ билетовъ. Но главная причина безпроцентности неразмѣннаго бумажнаго знака съ принудительнымъ курсомъ состоитъ въ томъ, что этотъ знакъ предназначенъ къ *постоянному обращенію* вмѣсто звонкихъ денегъ или къ *постоянному пользованію* имъ со стороны держателей; онъ, слѣдовательно, не является свидѣтельствомъ о такой передачѣ капитала въ чужое распоряженіе, при которой настоящій хозяинъ временно *отказался отъ пользованія* этимъ капиталомъ и потому долженъ быть вознагражденъ. Поэтому долговой знакъ съ указанными свойствами бываетъ безпроцент-

нымъ и тогда, когда онъ образовался не изъ банковыхъ билетовъ, а выпущенъ государственнымъ казначействомъ.

Изъ всего предыдущаго видно, что, если неразмѣннымъ банковымъ билетамъ придается принудительный курсъ, то они приобрѣтаютъ такія отличныя отъ настоящихъ банковыхъ билетовъ свойства, которыя заставляютъ ихъ считать уже не денежнымъ суррогатомъ, а чѣмъ-нибудь инымъ. Пока мы только заявимъ, что билеты съ указанными внѣшними свойствами есть деньги ¹⁾. На насъ, конечно, лежитъ обязанность показать, что такіе билеты и матеріально исполняютъ всѣ задачи денегъ; но объ этомъ мы будемъ говорить нѣсколько позднѣе, а теперь закончимъ рѣчь о происхожденіи бумажныхъ денегъ.

Разъ правительство воспользовалось выпускомъ бумажныхъ денегъ, то ужъ дальнѣйшіе ихъ выпуски съ технической стороны отличаются большой простотой: правительство при новой нуждѣ въ деньгахъ приказываетъ банку отпечатать такое-то количество неразмѣнныхъ билетовъ съ принудительнымъ курсомъ, или, какъ теперь уже можемъ говорить, бумажныхъ денегъ, беретъ ихъ у банка, записываетъ ихъ долгомъ казначейства банку и пускаетъ въ оборотъ въ качествѣ платежнаго средства. Такимъ способомъ бумажныхъ денегъ можетъ

¹⁾ Теперь мы можемъ сказать, что вышеприведенная теорія Штейна страдаетъ неточнымъ установленіемъ признаковъ бумажныхъ денегъ. Какъ мы видѣли, Штейнъ вездѣ считаетъ существеннымъ признакомъ бумажныхъ денегъ «платежное право», т. е. принудительный курсъ; относительно же другихъ существенныхъ признаковъ бумажныхъ денегъ выражается такъ, какъ будто они являются чѣмъ-то второстепеннымъ и притомъ будто они возникаютъ уже сами собой, безъ особаго упоминанія закона; такъ именно онъ говоритъ о неразмѣнности. Но одного принудительнаго курса недостаточно для возникновенія настоящихъ бумажныхъ денегъ; для показательства соплемя на банковые билеты (размѣнные) съ принудительнымъ курсомъ (*legal tender*), которые и самъ Штейнъ не считаетъ бумажными деньгами. Этотъ же примѣръ доказываетъ, затѣмъ, что между неразмѣнностью и принудительнымъ курсомъ нѣтъ такой необходимой зависимости, о которой говоритъ Штейнъ; неразмѣнность бумажныхъ денегъ, такимъ образомъ, не есть какое-то второстепенное свойство бумажныхъ денегъ, которое непременно послѣдуетъ за принудительнымъ курсомъ; напротивъ, неразмѣнность есть столь же важный признакъ для настоящихъ бумажныхъ денегъ, какъ и принудительный курсъ, и она должна быть установлена закономъ особо отъ принудительнаго курса.

быть напечатано какое угодно количество, причемъ очевидно, что потребности оборота въ денежныхъ знакахъ не имѣютъ при этомъ никакого значенія; единственнымъ моментомъ, опредѣляющимъ количество бумажныхъ денегъ, является потребность правительства въ денежныхъ средствахъ, и хорошо уже будетъ то, если правительство ограничивается только такимъ количествомъ, которое крайне необходимо. Такимъ образомъ, билеты, неразмѣнные и съ принудительнымъ курсомъ, существенно отличаются отъ обыкновенныхъ банковыхъ билетовъ по цѣли выпуска: первые выпускаются для потребительныхъ цѣлей правительства, вторыя—для производительныхъ цѣлей народнаго хозяйства. Равнымъ образомъ первые билеты отличаются отъ вторыхъ и въ отношеніи способа возврата къ эмитционеру: обыкновенные банковые билеты правильно возвращаются къ эмитционеру или путемъ выкупа тѣхъ обезпеченій, подъ которыя билеты были заняты у банка (наиболѣе употребительный путь возврата), или же путемъ размѣна (способъ, употребляемый въ исключительныхъ случаяхъ). Что касается неразмѣнныхъ билетовъ съ принудительнымъ курсомъ, то они не притекаютъ такъ правильно въ банкъ, выпустившій ихъ для правительства; по крайней мѣрѣ, въ банкъ не притекаетъ та часть этихъ билетовъ, которая выпущена именно ради правительства. Эта часть билетовъ возвратится въ банкъ только тогда, когда правительство уплатитъ ими свой долгъ банку; до тѣхъ поръ они должны находиться въ обращеніи, независимо отъ того, нужны они для оборота или не нужны; сама публика не можетъ ихъ обратно навязать банку: она не можетъ ихъ возвратить въ качествѣ уплаты по долгамъ банку, потому что эти билеты не составляютъ долга банку со стороны общества; она не можетъ возвратить ихъ и путемъ размѣна, потому что размѣна не существуетъ ¹⁾.

¹⁾ Эти отличія неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ съ принудительнымъ курсомъ, или настоящихъ бумажныхъ денегъ, отъ обыкновенныхъ банковыхъ билетовъ отмѣчены еще *Туккомъ*, см. ор. с., II, 639 и слѣд. Эти и другія указанія нами отличія банковыхъ билетовъ отъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ столь существенны, что во всякомъ случаѣ послѣднія есть нечто по своей природѣ особенное отъ первыхъ; смѣшеніе этихъ двухъ видовъ бумажныхъ знаковъ составляетъ одно изъ главныхъ заблужденій «денежной школы» (см. II главу); это заблужденіе раздѣляетъ и *.В. Рошеръ*, см. *System der Volkswirtschaft*, B. III, S. 237 (2-е изд.), также

Мы прослѣдили происхожденіе бумажныхъ денегъ изъ банковыхъ билетовъ. Но правительство можетъ создавать бумажныя деньги непосредственно, не пользуясь услугами эмиссіоннаго банка (частнаго или государственнаго). Оно именно можетъ поступать еще и такимъ образомъ: въ минуты крайней нужды въ деньгахъ оно печатаетъ бумажки, на которыхъ ставитъ извѣстное количество металлическихъ денегъ, и объявляетъ, что каждую бумажку должны принимать во всѣхъ платежахъ взаменъ написанной на ней суммы денегъ металлическихъ; затѣмъ, можетъ присоединить и обыкновенно присоединяетъ, что съ теченіемъ времени оно выдастъ владѣльцамъ бумажекъ такое количество металлическихъ денегъ, вмѣсто котораго бумажка номинально ходила. Созданныя такимъ образомъ бумажныя деньги рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя происходятъ отъ банковыхъ билетовъ. Правительства различныхъ государствъ пользовались тѣмъ и другимъ способомъ выпуска бумажныхъ денегъ. Такъ, въ исторической части настоящаго сочиненія мы увидимъ, что русскія бумажныя деньги образовались изъ банковыхъ билетовъ. Укажу также на примѣръ Франціи, которая въ послѣднюю войну билеты національнаго банка обратила въ бумажныя деньги. Наоборотъ, Соединенные Штаты во время междоусобной войны выпускали свои гринбэки прямо отъ имени казначейства ¹⁾.

Выше мы характеризовали бумажныя деньги съ внѣшней стороны. Теперь намъ нужно доказывать, что тотъ бумажный знакъ, который мы назвали деньгами, и матеріально выполняетъ всѣ функціи денегъ; иначе намъ не слѣдовало бы его называть деньгами. Самое трудное положеніе, которое намъ предстоитъ доказать, это то положеніе, что бумажныя деньги имѣютъ самостоятельную мѣновую цѣнность. Мы должны признать, что въ этомъ положеніи заключается центральный пунктъ защищаемой нами теоріи бумажныхъ денегъ. Если намъ не удастся доказать, что бумажный знакъ, называемый нами бумажными деньгами, имѣетъ самостоятельную мѣновую цѣнность, то рух-

239 (примѣч. 6-е), гдѣ онъ напрасно упрекаетъ *А. Ватера* за то, что тотъ глится «настояція» бумажныя деньги отъ «не настоящихъ».

¹⁾ См. *Кауфманъ*, Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе 331—332.

нетъ совершенно вся теорія, объявляющая возможнымъ существованіе настоящихъ бумажныхъ денегъ, принципиально ничѣмъ не отличающихся отъ денегъ металлическихъ. Ибо, если этотъ бумажный знакъ не имѣетъ собственной цѣнности, то онъ, очевидно, не можетъ быть измѣрителемъ цѣнности вообще, т. е. не можетъ выполнять одну изъ основныхъ функцийъ денегъ. Но мы надѣемся, что упомянутое положеніе можетъ быть доказано, и попытаемся это сейчасъ сдѣлать.

Въ экономической литературѣ самое распространенное мнѣніе то, что бумажныя деньги не имѣютъ вовсе самостоятельной цѣнности или не имѣютъ такъ называемой „внутренней цѣнности“¹⁾. Высказывать такія положенія заставляетъ то свойство бумажныхъ денегъ, что онѣ не стоятъ почти никакого труда или издержки ихъ производства ничтожны, между тѣмъ какъ обыкновенно хозяйственныя блага заключаютъ въ себѣ то или иное количество труда или, выражаясь нѣсколько иначе, требуютъ для своего производства тѣхъ или иныхъ издержекъ. Очевидно, что тѣ теоріи, которыя видятъ исключительное основаніе и единственную мѣру цѣнности въ трудѣ, овеществленномъ въ извѣстномъ матеріальномъ товарѣ, не могутъ признавать мѣновой цѣнности въ бумажныхъ деньгахъ. Равнымъ образомъ тѣ теоріи, которыя считаютъ нормальнымъ факторомъ, опредѣляющимъ мѣновую цѣнность, издержки производства, а спросъ и предложеніе только за факторъ случайный, только временно отклоняющій рыночныя цѣны отъ цѣнъ „естественныхъ“, — тоже не могутъ признавать самостоятельной цѣнности въ бумажныхъ деньгахъ; а если признаютъ, то объявляютъ, что ихъ цѣнность не есть „внутренняя“ цѣнность, а будто какая-то иная, не настоящая. Если названныя теоріи должны объявлять, что бумажныя деньги не имѣютъ цѣнности, то, на нашъ взглядъ, это доказываетъ только то, что эти теоріи ошибочны, а не то, что бумажныя деньги дѣйствительно не имѣютъ самостоятельной мѣновой цѣнности. Съ точки зрѣнія той теоріи цѣнности, которая защищается нами и которая въ первой главѣ въ существенныхъ чертахъ была изложена, нѣтъ большой трудности показать, что тѣ блага, которыя требуютъ ничтожныхъ издержекъ производства, могутъ однако имѣть такую мѣновую цѣн-

²⁾ Теперь мы не называемъ ученыхъ, высказывающихъ такія положенія; мы укажемъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣсколько ниже.

ность, которая нисколько не соотвѣтствуетъ величинѣ этихъ издержекъ.

Теорія, защищаемая нами, утверждаетъ, что главный факторъ, опредѣляющій мѣновую цѣнность хозяйственныхъ благъ, есть общественная полезность ихъ. Отсюда вытекаетъ, что значеніе въ человѣческой жизни той потребности, которую удовлетворяетъ данное благо, должно отражаться на высотѣ его цѣнности; отсюда вытекаетъ и то, что количество блага, находящееся въ распоряженіи людей, должно также отражаться на его мѣновой цѣнности, ибо при уменьшившемся количествѣ данное благо будетъ обращено на удовлетвореніе болѣе важной изъ всѣхъ тѣхъ потребностей, ¹⁾ удовлетворять которыя оно вообще способно. Поэтому, если количество извѣстнаго блага является ограниченнымъ по сравненію съ потребностью въ немъ со стороны общества, то цѣнность такого блага можетъ возвышаться до тѣхъ поръ, пока она не будетъ соотвѣтствовать значенію самой важной изъ тѣхъ потребностей людей, которыя оно вообще можетъ удовлетворять. Очевидно, что при ограниченности хозяйственныхъ благъ цѣнность ихъ можетъ возвышаться независимо отъ издержекъ производства. Слѣдовательно, предметъ, потребовавшій ничтожныхъ издержекъ производства, можетъ имѣть самостоятельную мѣтовую цѣнность, лишь бы только онъ былъ нуженъ для общества, и лишь бы только его предложеніе было ограничено природой или же самими людьми. Въ подобномъ положеніи находится множество благъ въ дѣйствительной жизни; въ такомъ положеніи, можно сказать, находится въ то или иное время каждое изъ благъ, встрѣчающихся въ экономическомъ быту даннаго народа, хотя одно благо находится въ такомъ положеніи чаще, другое рѣже, хотя степень ограниченности или, иначе, степень несоотвѣтствія даннаго количества блага съ данной общественной потребностью бываетъ для одного блага очень высокой, для другого менѣе высокой. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не ежедневное явленіе окружающей насъ дѣйствительности тотъ фактъ, что цѣнность готовыхъ товаровъ постоянно измѣняется въ зависимости отъ отношенія наличнаго количества ихъ къ общественной потребности? Но разложите

¹⁾ Припомнимъ «предѣльную полезность» («Grenznutzen») теоріи Менгера и его школы.

всякій такой случай и вы увидите, что тутъ мѣновая цѣнность отчасти соотвѣтствуетъ, отчасти не соотвѣтствуетъ издержкамъ производства. Если только та часть цѣнности, которая соотвѣтствуетъ издержкамъ производства, есть настоящая цѣнность, а другая часть цѣнности, превышающая издержки производства, есть какая-то не настоящая цѣнность, то, во-первыхъ, мы окончательно спутываемся въ представленіи о мѣновой цѣнности, и, во-вторыхъ, если эта другая часть мѣновой цѣнности не есть въ сущности цѣнность, то что же она такое? Если, напр., пудъ хлѣба требовалъ для своего производства одного рабочаго дня и чрезъ 10 мѣсяцевъ послѣ жатвы вслѣдствіе недостачи въ хлѣбѣ начинаетъ обмѣниваться на двѣ пары башмаковъ, стоившихъ двухъ рабочихъ дней, то послѣдовательный приверженецъ трудовой теоріи говоритъ, что настоящая цѣнность пуда хлѣба есть одна пара башмаковъ, но при этомъ не объясняетъ, что же такое вторая пара башмаковъ, отданная за тотъ же пудъ хлѣба. Равнымъ образомъ не чистый приверженецъ трудовой теоріи цѣнности, но тѣмъ не менѣе такой экономистъ, который придаетъ преувеличенное значеніе фактору издержекъ производства, объявляетъ, что изъ 2 рубл. цѣны пуда хлѣба только одинъ рубль есть настоящая, „внутренняя цѣнность“ его, если издержки производства пуда хлѣба равны только рублю; при этомъ онъ не объясняетъ, какъ же смотрѣть на другой рубль въ цѣнѣ хлѣба. Возьмемъ еще такой примѣръ: сахарозаводчики заключаютъ между собой „конвенцію“ или, попросту, стачку и продаютъ пудъ сахара за 12 рубл., въ то время какъ издержки его производства только 8 рубл. Приверженцы чистой трудовой теоріи или теоріи издержекъ производства опять стали бы говорить, что четыре рубля въ цѣнѣ сахара есть не настоящая цѣнность. Кажется, ясно, къ какимъ страннымъ послѣдствіямъ ведетъ нежеланіе признавать за настоящую цѣнность все то, что при данныхъ условіяхъ дается въ обмѣнъ за извѣстное благо.

Мы не отрицаемъ совершенно вліянія издержекъ производства на образованіе мѣновой цѣнности. Но этому объективному фактору, на нашъ взглядъ, не принадлежитъ исключительное и всеобщее значеніе, какъ часто утверждаютъ. Стремленіе цѣнностей къ издержкамъ производства и отсутствіе рѣзкихъ отклоненій ихъ отъ издержекъ осуществлялось бы въ

качествѣ общаго правила только при слѣдующихъ условіяхъ: если бѣ на усилившейся спросѣ производители тотчасъ могли отвѣчать усиленнымъ производствомъ, если бѣ на уменьшившейся спросѣ производители тотчасъ и безъ всякихъ потерь могли отвѣчать уменьшеніемъ производства, если бѣ одинъ и тотъ же товаръ всегда можно было производить въ какомъ угодно количествѣ при одинаковыхъ издержкахъ,—словомъ, если бѣ не существовало никакихъ признаковъ какъ естественной, такъ и искусственной монопольности. Въ дѣйствительной жизни однако эти условія въ чистомъ видѣ почти никогда не встрѣчаются: если усиливается спросъ на какое-нибудь благо, то обыкновенно протекаетъ нѣкоторое время, прежде чѣмъ производство его увеличится въ соотвѣтствіи со спросомъ; въ этотъ промежутокъ времени владѣльцы наличнаго количества благъ будутъ получать усиленные цѣны; если уменьшился спросъ на товаръ, то нужно опять извѣстное время для извлеченія капитала изъ производства этого товара и для перенесенія его въ другое производство; въ этотъ промежутокъ окажется, что количество товара превосходитъ общественную потребность въ немъ, и потому цѣны его стоятъ, можетъ быть, даже ниже издержекъ производства и т. д. Такимъ образомъ, при производствѣ почти всѣхъ товаровъ могутъ встрѣчаться случаи монопольности, ибо что иное, какъ не маленькая фактическая монополія, то положеніе, когда владѣлецъ готовыхъ продуктовъ можетъ взять болѣе высокую цѣну за нихъ только потому, что нельзя тотчасъ за усиленіемъ спроса усилить и предложеніе? Въ другихъ случаяхъ возвышенія цѣнъ¹⁾ надъ издержками производства монопольность обыкновенно ясно выражается, и потому нѣтъ надобности ее тамъ подчеркивать.

Итакъ, мы по прежнему не имѣемъ основанія отказываться отъ тѣхъ своихъ положеній, что въ образованіи цѣнностей факторъ издержекъ производства имѣетъ условное и подставное значеніе, а общественная полезность предмета—главное. Но теперь мы подмѣтили новую черту, именно ту, что средство, благодаря которому производители (или торговцы) могутъ возвышать цѣны товара до такой высоты, которую потребители

¹⁾ Напр., въ тѣхъ случаяхъ, которые нѣсколько выше были упомянуты.

еще могутъ платить сообразно съ значеніемъ товара, — это средство есть монопольное положеніе производителей (или торговцевъ) или такое положеніе, въ которомъ нѣтъ никакихъ элементовъ заслуги со стороны производителя (или торговца). Поэтому, если вопросъ о цѣнности разсматривается только съ теоретической стороны, то значительно ли превосходить цѣнность товара его издержки, или незначительно превосходить, или даже стоитъ ниже ихъ, все равно, то, что дѣйствительно дается въ обмѣнъ за товаръ, есть безразлично его цѣнность; мы тутъ не имѣемъ никакого основанія дѣлить цѣнность на части и тѣмъ болѣе ужъ не имѣемъ основанія объявлять одну часть полученнаго за товаръ цѣнностью, а другую часть объявлять какою-то не настоящей цѣнностью или вовсе не цѣнностью. Съ теоретической стороны та часть цѣнности, которая соотвѣтствуетъ издержкамъ производства, ничѣмъ не отличается отъ той ея части, которая составляетъ излишекъ надъ издержками производства, сколь бы велика ни была эта послѣдняя часть. Но когда мы измѣнимъ точку зрѣнія, когда мы вмѣсто вопроса о томъ, „что есть“, поставимъ себѣ вопросъ о томъ, „что должно быть“, то получимъ нѣкоторое основаніе дѣлить цѣнность вещей и, затѣмъ, одну часть цѣнности одобрять, считать справедливой, а другую порицать, считать несправедливой; можемъ, наконецъ, предлагать мѣры къ тому, чтобы прекратить существованіе такихъ мѣновыхъ цѣнностей, которыя превосходятъ норму, признанную справедливой. Съ соціально-политической точки зрѣнія всѣ монопольныя цѣнности не желательны, ибо ведутъ къ ничѣмъ не оправдываемому обогащенію одной части общества на счетъ другой. Но если вся та часть цѣнностей, которая основана на монополіи, не желательна, то тѣмъ не менѣе отсюда не слѣдуетъ, что эта часть цѣнности не существуетъ въ дѣйствительности или что она не есть цѣнность; здѣсь, какъ и всегда, не слѣдуетъ смѣшивать теоретическую точку зрѣнія съ соціально-политической. Намъ кажется, что только смѣшеніе этихъ различныхъ точекъ зрѣнія породило разнообразныя теоріи о „естественной“ цѣнности вещей и „рыночной“, или о „внутренней“ цѣнности и „дѣйствительной“ и т. д. Если же мы будемъ различать обѣ эти точки зрѣнія, то окажется, что, когда мы устанавливаемъ законы цѣнности съ точки зрѣнія теоріи, то между той частью цѣнности предмета, которая соотвѣтствуетъ его издержкамъ,

и той, которая въ силу монопольности превосходить ихъ, не существуетъ никакого различія: одна часть въ этомъ отношеніи ни хуже, ни лучше другой, и обѣ представляются намъ, какъ нѣчто цѣлостное, какъ дѣйствительное проявленіе мѣнливой силы одного хозяйственнаго блага по отношенію къ другимъ. Но, конечно, все нами сказанное до сихъ поръ нисколько не направлено на то, чтобы показать неосновательность приложенія социальна-политической точки зрѣнія; напротивъ, эта точка зрѣнія примѣняется и должна примѣняться во всѣхъ экономическихъ изслѣдованіяхъ; мы указываемъ только на опасность перенесенія ея въ теорію. Такъ, въ примѣненіи къ разсматриваемому вопросу мы совершенно согласны выдѣлять монопольныя части цѣнности отъ цѣнности, справедливой или естественной, т. е. отъ той части цѣнности, которая соответствуетъ издержкамъ производства; но только мы не будемъ забывать, какъ эти понятія и эта терминологія возникли и какой они имѣютъ смыслъ.

Послѣ этихъ новыхъ разъясненій о цѣнности мы можемъ уже скоро получить отвѣтъ на вопросъ о томъ, имѣютъ ли бумажныя деньги самостоятельную цѣнность. Теперь насъ не можетъ смущать то обстоятельство, что бумажныя деньги не имѣютъ или почти не имѣютъ „внутренней“ цѣнности: онѣ могутъ имѣть, подобно многимъ другимъ предметамъ, цѣнность монопольную, т. е. такую, которая не опредѣляется объективнымъ моментомъ издержекъ производства. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Черезъ предписаніе государственной власти бумага съ извѣстными намъ внѣшними свойствами должна удовлетворять потребность общества въ деньгахъ; этимъ предписаніемъ, такимъ образомъ, создается то, что называется потребительной цѣнностью вещей, и безъ чего предметы никогда не могутъ имѣть цѣнности мѣнливой. Что законъ можетъ достигнуть этой цѣли, т. е. придать простой бумагѣ потребительное значеніе денегъ, это показываетъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что какое-нибудь народное хозяйство (напр., русское) удовлетворяетъ свою потребность въ деньгахъ въ теченіе долгаго времени ничѣмъ инымъ, какъ простой бумагой съ такими-то свойствами, приданными ей правительствомъ. Можетъ быть, бумажныя деньги удовлетворяютъ худо эту потребность (въ деньгахъ) общества, но всетаки онѣ способны ее удовлетворять вообще, и это только насъ пока интересуетъ. Мѣнливая цѣнность бумажныхъ денегъ въ своей высотѣ опредѣляется тоже

правительствомъ; обыкновенное поведеніе правительствъ въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что они придаютъ бумажнымъ деньгамъ цѣнность денегъ металлическихъ; опредѣляется именно, что такая-то бумажка должна считаться равноцѣнной такому-то количеству денегъ металлическихъ; это количество и пишется на бумажкѣ. Такое поведеніе является самымъ естественнымъ: до введенія бумажныхъ денегъ народъ, вѣроятно, пользовался деньгами металлическими; когда правительство подъ вліяніемъ нужды въ денежныхъ средствахъ рѣшаетъ надѣлать денегъ бумажныхъ, то при рѣшеніи вопроса о томъ, какую же мѣрную цѣнность имъ придать, естественно возникаетъ мысль, что имъ нужно придать цѣнность денегъ металлическихъ, доселѣ въ народѣ обращающихся. Такой пріемъ чрезвычайно облегчаетъ введеніе бумажныхъ денегъ въ обращеніе: всѣ существующія уже обязательства могутъ сохранить то же денежное выраженіе, какое они имѣли при деньгахъ металлическихъ; когда же наступитъ моментъ платежа по этимъ обязательствамъ, то платежъ совершается, конечно, деньгами бумажными, если послѣднія уже получили господство на денежномъ рынкѣ страны; и этотъ платежъ бумажными деньгами по обязательствамъ, заключеннымъ еще на деньги металлическихія, совершается безъ всякихъ внѣшнихъ замѣшательствъ только потому, что правительство придало бумажнымъ деньгамъ цѣнность денегъ металлическихъ. Равнымъ образомъ всѣ оцѣнки матеріальныхъ предметовъ, произведенныя гражданами на деньги металлическія и имѣющія столь большое вліяніе на ихъ экономическое поведеніе, остаются съ внѣшней стороны неизмѣнными, т. е. продолжаютъ имѣть тѣ же денежные выраженія только потому, что вновь введеннымъ бумажнымъ деньгамъ придано имя и цѣнность прежнихъ металлическихъ денегъ. Итакъ, та монополярная цѣнность, которою правительство снабжаетъ бумажныя деньги, обыкновенно бываетъ цѣностью соответственныхъ названій монеты; въ этомъ и состоитъ внутреннее значеніе того внѣшняго свойства бумажныхъ денегъ, которое мы назвали монетнымъ наименованіемъ.

Слѣдуетъ сейчасъ же замѣтить, что если правительство при введеніи бумажныхъ денегъ придаетъ имъ цѣнность денегъ металлическихъ, то отсюда не слѣдуетъ непременно то, что онѣ и сохраняютъ эту цѣнность навсегда; цѣнность денегъ металлическихъ есть только исходная, первоначальная высота

цѣнности денегъ бумажныхъ; въ дальнѣйшемъ же движеніи цѣнность этихъ послѣднихъ можетъ измѣняться подѣ вліяніемъ, во-первыхъ, такихъ обстоятельствъ, которыя зависятъ отъ поведенія самого правительства, и, во-вторыхъ, подѣ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, которыя отъ воли правительства не зависятъ; такъ, правительство можетъ оказывать самое сильное вліяніе на цѣнность бумажныхъ денегъ чрезъ произвольное увеличеніе ихъ количества; очевидно, что, увеличивая внезапно количество бумажныхъ денегъ, правительство можетъ превысить потребность въ нихъ со стороны общества; тогда излишнее количество можетъ войти въ обращеніе не иначе, какъ потерявши часть своей цѣнности и обезцѣнивши въ то же время всѣ уже обращающіяся деньги ¹⁾. Въ числѣ основныхъ факторовъ, вліяющихъ на цѣнность денегъ и не зависящихъ отъ воли правительства, можемъ указать на увеличеніе богатства націи и интенсивности его обращенія; этотъ факторъ усиливаетъ общественную полезность не измѣнившагося количества денегъ и потому возвышаетъ ихъ цѣнность ²⁾. Однако въ настоящее время намъ нѣтъ надобности подробно говорить о законахъ мѣнливой цѣнности бумажныхъ денегъ; наша задача пока состоитъ только въ томъ, чтобы доказать наличность самостоятельной цѣнности въ бумажныхъ деньгахъ. Мы можемъ сейчасъ замѣтить только, что образованіе цѣнности бумажныхъ денегъ существенно отличается отъ образованія цѣнности денегъ металлическихъ. Эти послѣднія появляются на рынкѣ при такихъ же условіяхъ, при которыхъ появляется и всякій другой товаръ; поэтому образованіе цѣнности ихъ подчинено тѣмъ же правиламъ, какъ и образованіе цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ; такъ, говоря вообще, цѣнность денегъ металлическихъ сильно подчиняется закону издержекъ производства, и, такъ какъ издержки производства есть вещь, опредѣляемая естественными причинами, а не произволомъ людей, то нельзя произвольно увеличивать количество металлическихъ денегъ и тѣмъ про-

¹⁾ Это, какъ видитъ читатель, есть общее правило для образованія цѣнности всѣхъ товаровъ вообще и денегъ въ частности; это то именно правило, что, если увеличивается предложеніе товара при не измѣнившемся спросѣ на него, то его общественная полезность падаетъ, и потому падаетъ мѣнливая цѣнность.

²⁾ Это опять общее правило для образованія цѣнности всѣхъ товаровъ.

извольно колебать ихъ цѣнность. Количество денегъ металлическихъ, наоборотъ, опредѣляется естественнымъ ходомъ экономической жизни: если наличнаго количества денегъ недостаточно для хорошаго удовлетворенія потребности въ нихъ со стороны народнаго хозяйства, то ихъ цѣнность возвышается; становится выгоднымъ увеличить производство денегъ, и оно дѣйствительно увеличивается. Этимъ простымъ процессомъ количество денегъ металлическихъ обыкновенно держится на уровнѣ дѣйствительной потребности въ нихъ; регуляторомъ ихъ количества является сама жизнь. Въ этомъ отношеніи бумажныя деньги опять невыгодно отличаются отъ денегъ металлическихъ: причина для возникновенія и размноженія бумажныхъ денегъ лежитъ не въ требованіяхъ экономической жизни, а просто въ недостаткѣ у правительства денегъ; поэтому количество бумажныхъ денегъ сообразуется только съ объемомъ правительственной нужды въ деньгахъ: если для правительства нужно очень много денегъ, то оно надѣляетъ массы денегъ бумажныхъ, и ничего нѣтъ удивительнаго, если оно надѣляетъ ихъ больше, чѣмъ нужно для оборота. Но если бы правительство даже и рѣшилось твердо не создавать излишнихъ для оборота денегъ, то оно всетаки не можетъ знать точно, сколько въ данный моментъ дѣйствительно нужно денегъ и сколько ихъ потому можно выпустить. „Люди должны быть“, говоритъ *А. Вайнеръ*: „прежде всего способны къ неограниченному самообладанію для того, чтобы противостоятъ всякому искушенію произвольнаго умноженія денегъ, даже и тогда, когда бы дѣло шло объ ихъ существованіи или о существованіи государства“; и затѣмъ нѣсколько далѣе названный экономистъ присоединяетъ: „не только неограниченное самообладаніе, но всезнаніе было бы необходимо для того, чтобы умножать количество денегъ сообразно съ потребностью народнаго хозяйства въ такой мѣрѣ, чтобы это умноженіе не повело къ упадку цѣнности денегъ“¹⁾. Всезнаніе требуется только при выпускѣ денегъ бумажныхъ; по отношенію же къ деньгамъ металлическимъ надобность въ немъ устраняется, какъ мы видѣли, вслѣдствіе регулирующаго вліянія самаго хода вещей. Изъ всего сказаннаго сейчасъ о различіи въ образованіи цѣнности денегъ бумажныхъ и денегъ металлическихъ вы-

¹⁾ Русск. бум. деньги, стр. 45. 46.

текаетъ только то, что деньги бумажныя должны весьма не-совершенно исполнять свои задачи сравнительно съ деньгами металлическими, по отсюда не слѣдуетъ еще того, что онѣ не обладаютъ всѣми свойствами денегъ, хотя бы только дурныхъ денегъ.

Итакъ, бумажныя деньги имѣютъ самостоятельную цѣнность, и эта цѣнность въ своемъ образованіи подчиняется до значительной степени инымъ правиламъ, чѣмъ образованіе цѣнности денегъ металлическихъ. Что бумажныя деньги обладаютъ самостоятельной цѣнностью, видно еще изъ того всѣмъ извѣстнаго факта, что ихъ цѣнность весьма часто и почти обыкновенно не совпадаетъ съ цѣнностью денегъ металлическихъ, имя которыхъ бумажныя деньги носятъ. Это несовпаденіе и означаетъ то, что цѣнность бумажныхъ денегъ является не зависимою отъ цѣнности денегъ металлическихъ, что цѣнность бумажныхъ денегъ — одно, а цѣнность металлическихъ денегъ — другое. При такомъ несовпаденіи цѣнностей затруднительно утверждать, что бумажныя деньги представляютъ деньги металлическія и обладаютъ „представительной цѣнностью“ (выраженіе *Джесонса*), а не самостоятельной цѣнностью: дѣйствительный денежный суррогатъ тѣмъ и характеризуется, что онъ вѣрно представляетъ деньги металлическія и потому можетъ употребляться въ платежахъ исключительно только по цѣнности денегъ, на немъ обозначенныхъ ¹⁾).

Если справедливо наше положеніе, что бумажныя деньги имѣютъ самостоятельную мѣновую цѣнность, то мы должны извлечь изъ него нѣсколько важныхъ послѣдствій. Если бумажныя деньги имѣютъ самостоятельную цѣнность, то онѣ могутъ выполнять и дѣйствительно выполняютъ функцію измѣрителя цѣнностей; такимъ образомъ, по теоріи, нами защищаемой, тотъ многочисленный рядъ обмѣновъ, который совершается чрезъ посредство бумажныхъ денегъ въ странѣ съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ, есть выраженіе цѣнности всѣхъ хозяйственныхъ благъ и услугъ въ цѣнности именно бумажныхъ денегъ, а не въ цѣнности денегъ металлическихъ, какимъ-то непонятнымъ образомъ, по увѣренію многихъ писателей, отражающейя въ бумажныхъ деньгахъ. Однако это

¹⁾ Мы говоримъ, конечно, только о *нормальныхъ* денежныхъ суррогатахъ.

положеніе не пользуется большимъ распространеніемъ въ экономической литературѣ; именно всѣ тѣ теоріи, которыя по своимъ воззрѣніямъ не могутъ признать присутствія самостоятельной цѣнности въ бумажныхъ деньгахъ, естественно, не могутъ говорить и того, что бумажными деньгами можно измѣрять цѣнность хозяйственныхъ благъ и услугъ. По этимъ теоріямъ оазывается, что въ странѣ, въ которой металлическія деньги вовсе не обращаются, а обращаются только бумажки, всетаки измѣряютъ цѣнность вещей и услугъ деньги металлическія, а не бумажныя; если я покупаю, напр., сапоги за 10 руб. (бумажныхъ), то въ этомъ мѣновомъ актѣ невидимо присутствовали будто бы деньги металлическія, и чрезъ нихъ измѣрена была мѣновая цѣнность сапогъ. Интересно посмотрѣть, какъ различные теоретики объясняютъ это таинственное и невидимое участіе въ качествѣ измѣрителя цѣнностей металлическихъ денегъ въ странѣ, въ которой онѣ вовсе не обращаются. вмѣстѣ съ тѣмъ мы познакомимся съ нѣкоторыми новыми теоріями бумажныхъ денегъ, о которыхъ намъ не пришлось еще говорить.

Марксъ предложилъ слѣдующую теорію бумажныхъ денегъ ¹⁾. Золотая монета вслѣдствіе тренія во время процесса ея обращенія до извѣстной степени становится знакомъ самой себя, т. е. ея номинальное достоинство не вполне соотвѣтствуетъ реальному содержанію. „Если самое денежное обращеніе отдѣляетъ реальное содержаніе монеты отъ номинальнаго, ея металлическую сущность отъ ея функціональной сущности, то оно заключаетъ, въ скрытой формѣ, возможность замѣны металлическихъ денегъ, въ ихъ монетной функціи, марками изъ другого матеріала или символами“ ²⁾. Рѣзче всего эта замѣна денегъ символами проявляется въ государственныхъ бумажныхъ деньгахъ съ обязательнымъ курсомъ. Обращеніе стертой монеты доbazало возможность замѣны денегъ знакомъ ихъ. Но эта возможность введенія знаковъ вмѣсто полноцѣнныхъ денегъ объясняется еще и слѣдующей причиною. Функція денегъ, какъ средства обращенія, изолируется, обособляется: въ обращеніи находится нѣкоторое количество монеты, которое постоянно пребываетъ въ немъ, какъ представитель

¹⁾ Капиталь, I, стр. 70 и слѣд.

²⁾ Ibid., I, 70.

только этой именно функции денегъ (т. е. средства обращенія); когда монета служитъ средствомъ обращенія, то это значитъ, что товаръ обращается въ форму денегъ (продажа) съ тѣмъ, чтобы опять изъ формы денегъ обратиться въ новый видъ товара (купля); слѣдовательно, „самостоятельное представленіе мѣновой стоимости товара есть здѣсь только проходящій моментъ. Оно тотчасъ снова замѣщается другимъ товаромъ. Поэтому-то и достаточно простого символическаго существованія денегъ въ процессъ, который постоянно удаляетъ ихъ изъ однихъ рукъ въ другія“¹⁾). Количество денегъ, поглощенныхъ сферой обращенія (т. е. функционирующихъ въ качествѣ орудія обращенія), есть величина болѣе или менѣе колеблющаяся; но опытъ показываетъ, что есть минимумъ, ниже котораго оно не опускается. Вотъ этотъ минимумъ и можетъ быть замѣненъ бумажными деньгами. Но если количество бумажныхъ денегъ превосходитъ эту мѣру, то тѣмъ не менѣе оно всегда представляетъ собой только то количество металлическихъ монетъ, которое оно вообще можетъ представлять; другими словами, сколько бы ни было бумажныхъ денегъ, онѣ всегда служатъ символомъ только такого количества металла, которое обращалось бы по законамъ, опредѣляющимъ металлическое обращеніе. „Положимъ, что количество бумажныхъ билетовъ, вмѣсто 1 унціи золота, станетъ представлять 2 унціи, тогда ихъ денежныя наименованія фактически понизятся въ такомъ родѣ, что если названіе 1 ф. с. соответствовало прежде $\frac{1}{4}$ унціи, то теперь оно будетъ соответствовать только $\frac{1}{8}$ унціи. Дѣйствіе будетъ то же самое, какъ если бы золото измѣнилось въ своей функции измѣрителя цѣнъ. Поэтому тѣ стоимости, цѣны которыхъ выражались прежде въ 1 ф. с., выразятся теперь въ 2 ф. с.“²⁾. Затѣмъ, специально по вопросу о томъ, чѣмъ и какъ измѣряются цѣнности въ бумажно-денежной странѣ, *Марксъ* говоритъ слѣдующее: „бумажныя деньги представляютъ собой *знаки золота*“³⁾ или денежныя знаки. Отношеніе ихъ къ товарнымъ *стоимостямъ*³⁾ заключается въ томъ, что послѣднія идеально выражаются въ такихъ количествахъ золота, кото-

¹⁾ Ibid., I, 73.

²⁾ Ibid., I, 72.

³⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

рыя символически-чувственно представлены бумагою. Бумажные деньги бывают *знаками стоимости* ¹⁾ лишь настолько, насколько онѣ представляют количества золота, которые, подобно количествамъ всѣхъ другихъ товаровъ, суть количества стоимости ²⁾.

Такимъ образомъ, *Марксъ* вопросъ объ отношеніи бумажныхъ денегъ къ металлическимъ представляетъ себѣ такъ: бумажные деньги могутъ замѣнять собой только известное количество металлическихъ денегъ, именно такое количество денегъ металлическихъ, которое должно бы обращаться, если бы совсѣмъ не было бумажныхъ денегъ. Бумажныхъ денегъ можно выпустить сколько угодно, но представлять онѣ всегда будутъ только указанное количество; такъ, если для страны въ качествѣ орудія обращенія нужно бы миллиардъ рублей металлическихъ, но они замѣнены $1\frac{1}{2}$ миллиардами бумажныхъ денегъ, то каждые $1\frac{1}{2}$ р. бумажныхъ денегъ служатъ знакомъ одного рубля металлическаго; и когда мы говоримъ, что товаръ стоитъ $1\frac{1}{2}$ р. бумажками, то этимъ мы утверждаемъ, что въ немъ заключается столько же труда, сколько въ одномъ рублѣ металлическомъ, который представленъ $1\frac{1}{2}$ р. бумажными; т. е. мы измѣрили цѣнность товара собственно металлическими деньгами, а не бумажными, и тотъ общій законъ мѣновой цѣнности, на существованіи котораго школа *Маркса* настаиваетъ, такимъ образомъ, будто бы и здѣсь имѣетъ свое примѣненіе. Если бы въ странѣ, нуждающейся въ миллиардѣ денегъ металлическихъ, количество бумажныхъ денегъ было увеличено съ $1\frac{1}{2}$ миллиардовъ до 2-хъ миллиардовъ, то эти 2 миллиарда были бы по прежнему знакомъ одного миллиарда металлическихъ, и цѣнность товаровъ „идеально“ измѣрялась бы однимъ рублемъ металлическимъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда „чувственно“ мы употребляли бы два рубля бумажныхъ ³⁾.

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

²⁾ Ibid., I. 72.

³⁾ Ср. также разъясненія *Зибера* по поводу Марксовой теоріи бумажныхъ денегъ, ср. с. 227—230. *Г. Зибера* относительно того вопроса, чѣмъ измѣряются цѣнности въ бумажно-денежной странѣ, прямо говоритъ слѣдующее: «даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обращеніе выводятся бумажные деньги, мѣриломъ цѣнности по прежнему остается тотъ же трудъ, заключающийся въ обращающемся *прежде* (курс. подлинника) металлѣ»; *ibid.*, стр. 251.

Мы пока не будем дѣлать замѣчаній относительно той части теоріи *Маркса*, въ которой идетъ рѣчь объ измѣреніи цѣнностей въ странѣ съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ. Этотъ вопросъ мы разсмотримъ послѣ того, какъ изложимъ мнѣнія еще нѣкоторыхъ другихъ экономистовъ на тотъ же счетъ. Теперь же мы сдѣлаемъ замѣчанія относительно другихъ пунктовъ теоріи *Маркса*. Прежде всего замѣтимъ, что эта теорія, по нашему мнѣнію, неправильно объясняетъ причину появленія бумажныхъ денегъ; именно, по *Марксу*, оказывается, что бумажныя деньги возникли, во-первыхъ, потому, что опытъ показалъ возможность замѣны денегъ знаками ихъ, и, во-вторыхъ, потому, что и не нужно, чтобы средствомъ обращенія были дѣйствительныя, полноцѣнныя деньги, а совершенно для этой цѣли достаточно знака денегъ. На нашъ взглядъ, тѣ обстоятельства, что деньги стираются и что при самой чеканкѣ по техническимъ условіямъ невозможно достигнуть полного согласія между дѣйствительнымъ и номинальнымъ содержаніемъ металла въ монетѣ, совсѣмъ не доказываютъ возможности замѣны денегъ символами ихъ. Оба указанныя сейчасъ явленія монетнаго дѣла всегда считались необходимымъ зломъ, къ избѣжанію котораго или, по крайней мѣрѣ, къ смягченію котораго современныя законодательства принимаютъ всяческія мѣры. Затѣмъ, несправедливо и то утвержденіе *Маркса*, что въ качествѣ орудія обращенія можетъ фигурировать только знакъ денегъ, т. е. не цѣнность въ деньгахъ, а только знакъ цѣнности. Въ первой главѣ мы имѣли случай говорить о томъ, какъ существенно важно для современнаго хозяйства то обстоятельство, что средствомъ обращенія служить дѣйствительная цѣнность; если бы средствомъ обращенія служилъ не предметъ съ самостоятельной цѣнностью, а только символы цѣнности, то оборотъ товаровъ потерялъ бы всякую прочность. Въ самомъ дѣлѣ, всякій человекъ, отдающій свой товаръ не за цѣнность, а только за знакъ ея, не могъ бы быть гарантированъ въ томъ, что въ обратномъ промѣнѣ знака цѣнности на товаръ, онъ получитъ равноцѣнность своему товару: такъ какъ установленіе знаковъ цѣнности находится всецѣло въ рукахъ людей, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что вслѣдствіе произвола людей, имѣющихъ выпускать знаки цѣнности, эти послѣдніе сегодня могутъ изображать одну цѣнность, а завтра—другую. Такимъ обра-

зомъ, по нашему мнѣнію, *Маркса*, говоря о бумажныхъ деньгахъ, какъ о чемъ-то естественномъ для денежнаго оборота и даже желательномъ, ошибается; и эта ошибка подтверждается не только вышеизложенными апріорными соображеніями, но и наблюденіемъ фактовъ. Исторія показываетъ, что бумажныя деньги возникаютъ не въ силу требованій денежнаго оборота, а просто потому, что правительство не имѣетъ денежныхъ средствъ для веденія войны или для какого-нибудь другого столь же дорогаго дѣла.

Что касается того основнаго положенія *Маркса*, что бумажныя деньги не имѣютъ самостоятельной мѣновой цѣнности, что онѣ только знакъ цѣнности, то это положеніе есть, конечно, естественный выводъ изъ его теоріи цѣнности: его трудовая теорія цѣнности никоимъ образомъ не можетъ признать того, что можетъ имѣть мѣновую цѣнность вещь, не поглотившая въ себя нѣсколько или почти нѣсколько человѣческаго труда. Изъ того, что сказано было нами о цѣнности въ первой главѣ, и изъ того, что сказано нами недавно въ настоящей главѣ о „монопольныхъ“ цѣнностяхъ, кажется, ясна односторонность трудовой теоріи цѣнности¹⁾. Поэтому намъ нѣтъ теперь надобности доказывать, что отсутствіе труда въ бумажныхъ деньгахъ не мѣшаетъ имъ имѣть мѣновую цѣнность.

Трудовая теорія отрицаетъ самостоятельную мѣновую цѣнность бумажныхъ денегъ, потому что въ нихъ не кристаллизировалось никакое количество человѣческаго труда. Но многіе и изъ тѣхъ теоретиковъ, которые видятъ сущность мѣновой цѣнности не въ трудѣ, а въ полезности вещей, тоже не признаютъ самостоятельной цѣнности въ бумажныхъ деньгахъ. Чтобы изложить наиболѣе значительную изъ теорій этого рода, я остановлюсь на той теоріи, которую предлагаетъ столь выдающійся знатокъ денежнаго обращенія, какъ *Карлъ Книсъ*.

Основаніе и мѣру цѣнности *Книсъ* видитъ въ родовой потребительной цѣнности благъ (*Gebrauchswert in genere*)²⁾.

¹⁾ Впрочемъ, желающій подробнѣе ознакомиться съ доводами противъ трудовой теоріи цѣнности можетъ обратиться къ *Кнису* (*Geld und Credit*, I, 153 и сл.) и *Вемъ-Баверку* (*Kapital und Kapitalzins*, I, 434 и сл.); въ существенномъ я примыкаю къ тѣмъ доводамъ, которые сдѣланы ими противъ трудовой теоріи.

²⁾ См. цитир. соч., 160.

Государство не можетъ, по мнѣнію *Кнуса*, создавать потребительной цѣнности для вещей, по своей природѣ ея не имѣющихъ; и не только государство не можетъ создавать вновь потребительной цѣнности, но не можетъ и увеличивать несколько уже существующія потребительныя цѣнности; поэтому оно не можетъ ни создавать, ни увеличивать и мѣновой цѣнности, основывающейся на цѣнности потребительной ¹⁾). благородные металлы имѣютъ потребительную цѣнность, именно такую, которая соотвѣтствуетъ удовлетворяемой ими потребности въ украшеніи; поэтому золото и серебро имѣютъ самостоятельную мѣновую цѣнность. Когда благородные металлы стали деньгами, они приобрѣли двойное употребленіе: съ одной стороны, они продолжали удовлетворять непосредственную потребность людей въ украшеніи, съ другой, стали удовлетворять потребность людей въ деньгахъ, но наличность мѣновой цѣнности ихъ всегда зависѣла, по мнѣнію *Кнуса*, только отъ потребительной цѣнности ихъ въ качествѣ предметовъ украшенія. Это второе употребленіе денегъ не только должно предшествовать употребленію металловъ въ качествѣ денегъ, но непременно должно оставаться и тогда, когда вездѣ деньги стали дѣлать изъ благородныхъ металловъ; если бы почему-нибудь золото и серебро потеряли другое свое употребленіе (кромѣ употребленія въ качествѣ денегъ), то ихъ нельзя бы стало употреблять и какъ деньги, ибо тогда они не вызывали бы никакого представленія о цѣнности, столь необходимаго для денегъ; они тогда перестали бы быть даже хозяйственнымъ благомъ ²⁾). Однако нѣсколько далѣе ³⁾ *Кнусъ* признаетъ, что употребленіе металловъ для денежной потребности оказываетъ вліяніе на потребительную и мѣновую цѣнность ихъ; именно это употребленіе увеличиваетъ потребительную и мѣновую цѣнность благородныхъ металловъ. Когда государство объявляетъ деньги изъ золота или серебра или деньги изъ золота и серебра вмѣстѣ законными деньгами, то этимъ оно ничего не измѣняетъ въ цѣнности ихъ и, какъ мы видѣли, по мнѣнію *Кнуса*, даже и не можетъ измѣнить. Изъ этихъ основныхъ положеній о цѣнности хозяйственныхъ благъ во-

¹⁾ Ibid., 208.

²⁾ Ibid., 322—323.

³⁾ Ibid., 324.

обще и денегъ въ частности *Книсъ* дѣлаеть слѣдующіе выводы по отношенію къ бумажнымъ деньгамъ ¹⁾.

Бумага, изъ которой дѣлаются такъ называемыя бумажныя деньги, не имѣеть самостоятельной потребительной цѣнности; поэтому не могутъ имѣть мѣновой цѣнности и деньги, которыя изъ нея сдѣланы. Если бумажныя деньги не имѣють самостоятельной цѣнности, то онѣ не могутъ исполнять роли измѣрителя цѣнностей, т. е. не могутъ исполнять одной изъ основныхъ функцій денегъ; поэтому бумажные знаки, объявленные государствомъ законнымъ платежнымъ средствомъ и неразмѣнные на монету, нельзя называть деньгами ²⁾. Но если бумажныя деньги не являются измѣрителемъ цѣнности, то чѣмъ и какъ измѣряются эти цѣнности въ бумажно-денежной странѣ? На этотъ вопросъ *Книсъ* отвѣчаетъ такъ: всякое употребленіе бумажныхъ знаковъ въ качествѣ законнаго платежнаго средства необходимо предполагаетъ то, что одновременно золото или серебро исполняютъ функцію законнаго мѣрила цѣнности; при первомъ своемъ возникновеніи бумажныя деньги должны получить имя опредѣленнаго количества золота или серебра; только при такомъ названіи бумажныхъ знаковъ мы можемъ имѣть какое-нибудь представленіе о цѣнности, когда употребляемъ эти знаки; именно, всякій разъ какъ мы употребляемъ бумажный знакъ, мы въ качествѣ измѣрителя цѣнности употребляемъ *мысленно* ³⁾ то количество металла, которое бумажный знакъ въ данный моментъ представляетъ по условіямъ своего обращенія; такъ, если въ данное время за бумажно-денежный знакъ въ 10 талеровъ можно получить на рынкѣ 8 талеровъ серебромъ, то, употребляя этотъ знакъ въ платежахъ по обязательствамъ или при куплѣ-продажѣ, мы при этомъ „думаемъ“ ⁴⁾, „имѣемъ представленіе“ ⁵⁾ о цѣнности, заключающейся въ 8 талерахъ серебромъ; эта представляемая нами цѣнность металлическихъ денегъ и служить дѣйствительнымъ измѣрителемъ цѣнностей ⁶⁾.

Затѣмъ, *Книсъ* отрицаетъ возможность для бумажныхъ знаковъ сдѣлаться дѣйствительнымъ законнымъ платежнымъ

¹⁾ Теорія бумажныхъ денегъ изложена *Книсомъ* на 343—368 стр. I отд. назв. соч.

²⁾ *Ibid.*, 351.

³⁾ Курсивъ мой.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 350—351; 365.

средствомъ, платежнымъ средствомъ въ реальномъ смыслѣ. Это положеніе является, конечно, только послѣдовательнымъ выводомъ изъ того мнѣнія *Книса*, что бумажныя деньги не имѣютъ цѣнности. Если бумажныя деньги не имѣютъ цѣнности, то онѣ, конечно, не могутъ быть дѣйствительнымъ „вещнымъ“ платежнымъ средствомъ. Какъ бы ни понималась та функція денегъ, за которую онѣ называются платежнымъ средствомъ, всегда является несомнѣннымъ, что платежное средство должно имѣть цѣнность: никто, конечно, не можетъ считать себя удовлетвореннымъ, получившимъ платежъ, если онъ взаимнѣ переданнаго блага получить тотчасъ или въ будущемъ какую-нибудь такую вещь, которая не имѣетъ цѣнности. Самъ *Книсъ*, какъ намъ уже извѣстно ¹⁾, утверждаетъ, что деньги исполняютъ особенную, самостоятельную функцію, когда онѣ погашаютъ обязательство. Если даже такъ понимать функцію платежнаго средства, то, все равно, платежное средство должно имѣть (какъ и доказываетъ *Книсъ*) самостоятельную цѣнность: управомоченный по обязательству имѣетъ право на полученіе съ обязаннаго какой-нибудь цѣнности; поэтому онъ будетъ считать себя удовлетвореннымъ только тогда, когда получить по этому обязательству дѣйствительную имущественную цѣнность. Свободный оборотъ употребляетъ въ качествѣ платежнаго средства металлическія деньги; когда государство выбираетъ законное платежное средство, то оно не можетъ само создать новаго платежнаго средства, а только объявляетъ, что оно во всѣхъ нужныхъ случаяхъ будетъ считать законнымъ платежнымъ средствомъ такое-то изъ хозяйственныхъ благъ, въ оборотѣ уже исполняющихъ функцію платежнаго средства (напр., золото или серебро); во всякомъ случаѣ для *Книса* является несомнѣннымъ, что государство не можетъ сдѣлать изъ предмета безцѣннаго дѣйствительное платежное средство, такъ какъ государство, по его мнѣнію, не можетъ создавать мѣновыхъ цѣнностей ²⁾.

Итакъ, бумажныя деньги, по *Кнису*, не являются ни орудіемъ измѣренія цѣнности, ни дѣйствительнымъ платежнымъ средствомъ. Но тогда что же такое изображаютъ изъ себя бумажныя деньги? Для отвѣта на этотъ вопросъ *Книсъ* построилъ оригинальную теорію бумажныхъ денегъ, которая состоитъ въ слѣдующемъ.

¹⁾ См. выше, гл. I.

²⁾ Ур. с., 352—354.

Предписаніемъ закона нельзя создать дѣйствительнаго платежнаго средства изъ бумаги, не имѣющей мѣнновой цѣнности. Поэтому, если государство объявляетъ законнымъ платежнымъ средствомъ бумажный знакъ, то въ сущности оно этимъ создаетъ не платежное средство, а что-нибудь другое; *Книсъ* говоритъ, что государство создаетъ законное средство освобожденія отъ обязательствъ (*Liberationsmittel*); чрезъ это средство либерация отъ долговъ управомоченные такъ же не получаютъ дѣйствительнаго экономическаго удовлетворенія, какъ они не получили бы его въ томъ случаѣ, когда государство просто объявило бы всѣ долгиныя требованія уничтоженными; и этотъ послѣдній случай можно бы назвать „законнымъ платежемъ“ долговъ съ такимъ же правомъ, съ какимъ законнымъ платежемъ называютъ принудительную передачу бумажнаго знака безъ цѣнности. Но хотя съ полученіемъ бумажнаго знака управомоченный не получаетъ дѣйствительнаго платежа, зато онъ получаетъ средство освобожденія отъ долговъ, которымъ можетъ и самъ воспользоваться противъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ денежныя требованія къ нему; въ этомъ, конечно, состоитъ существенное различіе въ положеніи лицъ, изъ которыхъ одно получило въ уплату долга бумажный знакъ съ принудительнымъ курсомъ, а другое совсѣмъ лишилось своего требованія по предписанію закона.

Вся изложенная сейчасъ теорія *Книса*, очевидно, основана на томъ исходномъ положеніи, что бумажныя деньги не имѣютъ цѣнности, такъ какъ государственной власти не дана возможность создавать потребительныя цѣнности. Однако это послѣднее положеніе, на нашъ взглядъ, несправедливо. Хотя мы рискуемъ повторяться, но тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ еще разъ утверждать, что бумажныя деньги имѣютъ потребительную цѣнность. Необходимость усиливать доказательства этого положенія и отстранять встрѣтившіяся новыя возраженія противъ него объясняется тѣмъ, что, если дѣйствительно бумажныя деньги не имѣютъ потребительной цѣнности, то, конечно, онѣ не будутъ имѣть и мѣнновой цѣнности; ибо это вполне несомнѣнно, что безъ потребительной цѣнности вещь не имѣетъ и мѣнновой цѣнности.

Когда *Книсъ* говоритъ о потребительной цѣнности металлическихъ денегъ, то онъ, какъ мы знаемъ, имѣетъ въ виду ту потребительную цѣнность золота и серебра, которая выте-

касть изъ удовлетворенія ими потребности въ украшеніи; эта потребительная цѣнность лежитъ въ основаніи и мѣновой цѣнности металлическихъ денегъ; безъ нея деньги не имѣли бы мѣновой цѣнности, и металлы перестали бы быть даже хозяйственнымъ благомъ. Если бы былъ справедливъ этотъ взглядъ *Кнуса*, то мы не имѣли бы возможности доказать, что бумажныя деньги имѣютъ потребительную цѣнность, а затѣмъ и мѣновую. Въ самомъ дѣлѣ, если деньги, изъ какаго бы матеріала онѣ ни дѣлались, имѣютъ только одно потребительное значеніе, именно то, которое вытекаетъ изъ неденежнаго ихъ употребленія, и если эта именно потребительная цѣнность лежитъ въ основаніи изъ мѣновой цѣнности, то, очевидно, бумажныя деньги не имѣютъ потребительной цѣнности, а потому не могутъ имѣть и мѣновой цѣнности: лоскутки бумаги не имѣютъ для людей никакого непосредственнаго назначенія, не имѣютъ никакой потребительной цѣнности; послѣ того какъ правительство напишетъ на нихъ имя известной звонкой монеты и прикажетъ употреблять ихъ вмѣсто звонкой монеты, то эти лоскутки бумаги чрезъ указанное распоряженіе правительства не станутъ способными удовлетворять какую-нибудь непосредственную человѣческую потребность (напр., въ питаніи или въ украшеніи). Такимъ образомъ, мы согласны, что изъ бумаги правительство не дѣлаетъ предмета удовлетворенія какой-нибудь непосредственной потребности. При такомъ положеніи дѣла *Кнусъ* считаетъ вопросъ о цѣнности бумажныхъ денегъ разрѣшеннымъ въ отрицательную сторону, такъ какъ не хочетъ знать иной потребительной цѣнности денегъ изъ металла или иного матеріала, кромѣ той, которая вытекаетъ изъ ихъ неденежнаго употребленія. Но для насъ вопросъ еще не является разрѣшеннымъ, ибо мы считаемъ несомнѣнными слѣдующія положенія: во-первыхъ, то, что деньги имѣютъ самостоятельную потребительную цѣнность, независимую отъ всѣхъ тѣхъ употребленій, къ которымъ способенъ ихъ матеріалъ; во-вторыхъ, то, что мѣновая цѣнность денегъ основывается именно на этой ихъ самостоятельной цѣнности, и, въ-третьихъ, мы считаемъ справедливымъ то положеніе, что употребленіе матеріала, изъ котораго дѣлаются деньги, въ какихъ-нибудь иныхъ назначеніяхъ, кромѣ денежнаго, не есть необходимое условіе для цѣнности денегъ и вообще для возможности дѣлать деньги именно изъ этого матеріала.

Въ самомъ дѣлѣ, металлъ, предметы украшенія и деньги—различныя вещи, и каждая изъ нихъ имѣетъ свое особое назначеніе и свою особую полезность. Такъ, деньги дѣлаются для удовлетворенія извѣстной общественной потребности и потому онѣ имѣютъ самостоятельную потребительную цѣнность; на этой самостоятельной потребительной цѣнности и основывается ихъ самостоятельная мѣновая цѣнность. Если бѣ металлъ, предметы украшенія и деньги не были самостоятельными хозяйственными благами съ самостоятельной потребительной цѣнностью, то онѣ не могли бы имѣть никогда различной мѣновой цѣнности. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ, что всѣ эти различныя вещи имѣютъ различную мѣновую цѣнность; это общеизвѣстный фактъ, что иногда въ силу недостачи цѣнность денегъ стоитъ выше той нормы, какая должна бы быть сообразно съ цѣнностью матеріала и издержекъ чеканки; въ такомъ случаѣ металлъ или предметы украшенія передѣлываются въ деньги; бываетъ и наоборотъ. Очевидно, что подобныя переливанія одной формы металла въ другую могутъ быть объяснены только тѣмъ, что одна форма его (одно хозяйственное благо) имѣетъ иную потребительную и мѣновую цѣнность, чѣмъ другая форма его (другое хозяйственное благо). Только, конечно, не бываетъ рѣзкихъ различій между потребительной и мѣновой цѣнностью металла, предметовъ украшенія и денегъ, такъ какъ по техническимъ условіямъ возможна быстрая и недорогая передѣлка одной формы металла въ другую, и такъ какъ современныя правительства всячески облегчаютъ и берутъ на свой счетъ передѣлку металловъ въ деньги. Кажется, это обстоятельство и повело къ тому, что въ теоріи часто смѣшиваютъ потребительную и мѣновую цѣнность металловъ съ потребительной и мѣновой цѣнностью денегъ ¹⁾. Если деньги имѣютъ самостоятельную мѣтовую цѣнность, то, кажется, нѣтъ особой надобности доказывать, что при выполненіи ими функціи измѣрителя цѣнностей онѣ оперируютъ именно этой своей самостоятельной цѣнностью; если, положимъ, цѣнность унціи золота въ предметахъ украшеній есть 1, а цѣнность золота въ деньгахъ есть $1\frac{1}{100}$, то, конечно, деньги отдаются за такое количество другихъ благъ, которое будетъ соответствовать этой послѣдней цѣнности, а не первой.

¹⁾ Ср. выше, гл. I.

Наконецъ, какъ уже сказали мы, употребленіе матеріала, изъ котораго дѣлаются деньги, еще для какой-нибудь цѣли, кромѣ денежной, не есть необходимое условіе для того, чтобы можно было дѣлать деньги именно изъ этого матеріала. Книскъ пришелъ къ такому утвержденію потому, что онъ на этомъ „иномъ“ употребленіи основываетъ потребительную и мѣновую цѣнность денегъ. Но такъ какъ мы сейчасъ, надѣемся, доказали, что потребительная и мѣновая цѣнность денегъ въ своемъ существованіи не зависитъ отъ этого иного употребленія, то отсюда уже вытекаетъ правильность доказываемаго сейчасъ положенія. Правда, до сихъ поръ исторія не знаетъ примѣра, когда какой-нибудь матеріалъ имѣлъ бы только то единственное назначеніе, что изъ него дѣлаются деньги; это происходитъ отъ того, что въ мірѣ вещей весьма затруднительно вообще указать такія, которыя имѣли бы только одно назначеніе. Но если бы люди открыли такой матеріальный предметъ, который по своимъ физическимъ и общественнымъ свойствамъ былъ бы весьма удобенъ для денегъ, то, я спрашиваю, что помѣшало бы дѣлать деньги изъ этого предмета, хотя бы даже онъ ни на что иное не былъ годенъ? Для лучшихъ изъ извѣстныхъ людямъ денегъ, денегъ металлическихъ, легкая возможность обращать ихъ матеріалъ въ „иныя“ употребленія остается не безъ значительнаго вліянія: она облегчаетъ для нихъ сохраненіе въ постоянствѣ цѣнности; безъ возможности иныхъ употребленій металлическія деньги стали бы хуже удовлетворять денежную потребность общества, но только хуже стали бы удовлетворять эту потребность, а не совсѣмъ перестали бы удовлетворять ее.

Примѣнимъ теперь установленныя нами положенія къ бумажнымъ деньгамъ. Бумажный знакъ съ опредѣленными вѣшними свойствами пріобрѣтаетъ потребительную цѣнность; но потребительная цѣнность его основывается не на удовлетвореніи какой-нибудь непосредственной человѣческой потребности, а на удовлетвореніи той общественной потребности, которую мы для краткости можемъ назвать денежной потребностью. Что бумажныя деньги чрезъ предписаніе власти въ состояніи пріобрѣсти такую потребительную цѣнность, это доказываетъ простое наблюденіе. Такъ, русское народное хозяйство, въ существенныхъ чертахъ организованное подобно народнымъ хозяйствамъ другихъ современныхъ культурныхъ народовъ, нуждается въ даньгахъ такъ же, какъ нуждаются

въ нихъ и другіе народы. Но денежная потребность большинства другихъ народовъ удовлетворяется деньгами металлическими, между тѣмъ какъ та же потребность русскаго народнаго хозяйства удовлетворяется только бумажными знаками. Какъ мы увидимъ дальше, бумажные знаки удовлетворяютъ не особенно хорошо потребность русскаго народнаго хозяйства въ деньгахъ, но всетаки удовлетворяютъ ее; это значитъ только то, что бумажные деньги хуже денегъ металлическихъ, но это не значитъ, что онѣ совсѣмъ и не деньги.

Если бумажныя деньги имѣютъ самостоятельную потребительную цѣнность, то онѣ будутъ имѣть и мѣновую цѣнность; только образованіе ихъ мѣновой цѣнности будетъ имѣть нѣкоторое отличіе отъ образованія цѣнности денегъ металлическихъ. Какъ мы видѣли, на мѣновую цѣнность денегъ металлическихъ имѣетъ весьма существенное вліяніе объективный факторъ, именно факторъ издержекъ производства. Этотъ факторъ не оказываетъ никакого вліянія на образованіе цѣнности бумажныхъ денегъ. Если бы правительство, выпуская бумажныя деньги, желало предоставить полное вліяніе этому образователю мѣновыхъ цѣнностей, то выпускъ бумажныхъ денегъ былъ бы безцѣльной и вредной операціей и ничѣмъ больше. Въ самомъ дѣлѣ, тогда правительство не получило бы отъ выпуска бумажныхъ денегъ никакой выгоды, а народное хозяйство получило бы совершенно невозможныя деньги. Поэтому всегда правительства держали и будутъ держать цѣнность бумажныхъ денегъ на такой высотѣ, которая значительно превосходитъ ничтожныя издержки производства бумажныхъ денегъ. Какъ мы выше говорили, естественная высота, на которой желаютъ держать и въ интересахъ народнаго хозяйства должны держать правительства цѣнность бумажныхъ денегъ, есть цѣнность звонкой монеты; отсюда правительства даютъ каждой бумажкѣ имя соответственнаго количества денежныхъ единицъ той монетной системы, которая была принята до выпуска бумажныхъ денегъ; каждый бумажный знакъ начинаетъ свою жизнь, по предположенію правительства, съ такой цѣнностью, которая соответствуетъ цѣнности написаннаго на ней количества звонкой монеты. Но таково только желаніе правительства, которое весьма часто и даже обыкновенно не осуществляется и притомъ, главнымъ образомъ, по причинамъ, зависящимъ отъ самого же правительства. Очевидно, что цѣнность бумажныхъ денегъ въ весьма значительной

степени зависят от воли правительства, потому что от воли правительства зависит количество бумажных денег. В этом пункте мы встречаем опять существенное различие между деньгами металлическими и деньгами бумажными, причем различие не в пользу денег бумажных. В самом деле, так называемый закон издержек производства имеет применение к ценности денег металлических; поэтому их ценность не зависит от чего бы то ни было произвола, и, следовательно, не зависят от произвола различные имущественные перемены, которые бывают естественным результатом внезапного возвышения или понижения ценности денег. При деньгах бумажных, очевидно, такие перемены весьма возможны: для правительства ничего не стоит надѣлать какое угодно количество бумажных денег и таким образом чрезвычайно усилить их предложение и потому обезценить. Конечно, современные правительства выпускают бумажные деньги не вследствие одного каприза, а обыкновенно вследствие крайней нужды. Но если бы какое-нибудь правительство твердо решилось пользоваться бумажными деньгами, как финансовым источником, только в таких предѣлах, в которых бумажные деньги наименѣе обезцениваются и потому наименѣе вредны для народного хозяйства, то и это доброе намерение было бы весьма затруднительно выполнить: для этого правительству нужно бы обладать всезнанием, ибо при обыкновенных средствах знания чрезвычайно трудно узнавать, сколько денег в данный момент нужно для народного хозяйства. Эта необходимость всезнания при деньгах металлических устраняется, так как в самом механизме их обращения лежит регулирующее начало ¹⁾. Таким образом, мы нашли еще новый пункт, который неблагоприятен для образования ценности бумажных денег. Если мы напомним еще об отсутствии „иного“ употребления бумажных денег (точнѣе, материала их) съ его благоприятным влиянием на ценность, то мы перечислим все главные причины, по которым ценность бумажных денег не отличается постоянством. Но все эти причины только неблагоприятно влияют на ценность бумажных денег, а не лишают их совсем ценности.

¹⁾ Ср. выше, гл. I.

Ошибочность взгляда *Кнуса* на бумажные деньги подтверждается отрицательным образом несостоятельностью его собственной теории. Какъ мы знаемъ, для *Кнуса* онѣ не являются ни настоящими деньгами, ни денежнымъ суррогатомъ; онѣ, по его мнѣнію, есть законное средство освобожденія отъ долговъ. Но такое пониманіе бумажныхъ денегъ чрезвычайно узко: во-первыхъ, оно не подходитъ къ тѣмъ долгамъ, которые возникли послѣ распространенія бумажныхъ денегъ и гласятъ на бумажную валюту. По отношенію къ долгамъ этого вида ¹⁾ очевидно, что бумажные деньги не есть законное средство освобожденія отъ долговъ: кредиторъ здѣсь получаетъ именно то, что онъ имѣетъ право получить, а должникъ уплачиваетъ именно то, что онъ обязанъ уплатить. Затѣмъ, во-вторыхъ, теорія *Кнуса* не обнимаетъ тѣхъ случаевъ, когда бумажные деньги являются платежнымъ средствомъ въ наличныхъ сдѣлкахъ. Въ бумажно-денежной странѣ, какъ извѣстно, средствомъ платежа въ наличномъ оборотѣ (который является во всякомъ случаѣ не менѣе важнымъ явленіемъ жизни, чѣмъ кредитный оборотъ) являются тоже бумажные деньги; очевидно, что въ этомъ случаѣ бумажные деньги не есть законное средство освобожденія отъ долговъ; въ этомъ случаѣ бумажные деньги есть что-нибудь иное, а что именно — теорія *Кнуса* не объясняетъ.

При изложеніи теорій *Маркса* и *Кнуса* мы подчеркивали тѣ части ихъ, въ которыхъ идетъ рѣчь объ измѣреніи цѣнностей въ бумажно-денежной странѣ. Однако мы еще не рассматривали этихъ частей теорій только что названныхъ экономистовъ. Вопросъ объ измѣреніи цѣнностей въ бумажно-денежной странѣ мы потому выдѣляемъ, что, если нельзя доказать, что въ бумажно-денежной странѣ измѣрителемъ цѣнности являются деньги металлическія, то отсюда необходимо нужно будетъ вывести, что роль измѣрителя цѣнности въ такой странѣ играютъ деньги бумажные, что, слѣдовательно, онѣ выполняютъ эту функцію денегъ, и потому нѣтъ препятствій считать ихъ настоящими деньгами. Однако, прежде чѣмъ доказывать ошибочность того взгляда *Маркса* и *Кнуса*, что

¹⁾ Когда бумажные деньги долго господствуютъ въ странѣ, то почти всѣ долги относятся именно къ этому виду.

въ бумажно-денежной странѣ измѣрителемъ цѣнности являются металлическія деньги, мы приведемъ мнѣнія на этотъ счетъ еще нѣкоторыхъ другихъ экономистовъ.

Полемизируя съ *А. Вагнеромъ*, признающимъ самостоятельную цѣнность за бумажными деньгами, *Н. Х. Бунге* говоритъ: „чѣмъ выражается покупная сила, заключающаяся въ бумажныхъ деньгахъ? Рублемъ, франкомъ, талеромъ, фунтомъ стерлинговъ, — однимъ словомъ известнымъ количествомъ золота или серебра. Пока существуетъ свободный размѣнъ кредитныхъ орудій обращенія на монету, цѣнность бумажнаго рубля равняется цѣнности металлическаго рубля, и можетъ быть даже нѣсколько выше послѣдней, именно настолько, насколько кредитныя орудія обращенія удобнѣе въ оборотахъ, чѣмъ монета, и уменьшаютъ расходы на пересылку и платежи. Коль скоро размѣнъ прекращается, возникаетъ различіе между рублемъ бумажнымъ и рублемъ металлическимъ, — рубль бумажный цѣнится настолько ниже, насколько менѣе онъ можетъ купить золота или серебра, или другихъ товаровъ, сравнительно съ монетою. Конечно, лажъ не служитъ точнымъ мѣриломъ покупной силы бумажныхъ денегъ, и потеря на лажъ можетъ быть значительнѣе, чѣмъ возвышеніе товарныхъ цѣнъ, выраженныхъ бумажными деньгами, но фактъ остается однако же во всей своей силѣ — именно: паденіе цѣны и цѣнности бумажнаго рубля не создаетъ цѣнности самостоятельной, а составляетъ лишь потерю покупной силы нѣкогда равной силѣ, заключающейся въ рублѣ металлическомъ. Психическое убѣжденіе, на которомъ основана цѣнность бумажныхъ денегъ, — ихъ покупная сила — сводится къ тому, что онѣ составляютъ равноцѣнность монеты. Самообладаніе относительно размѣра выпуска бумажныхъ денегъ и всезнаніе, опредѣляющее потребность въ орудіяхъ обращенія, не имѣютъ другого критеріума, кромѣ свободнаго размѣна. Даже и тогда, когда размѣнъ прекращенъ, цѣнность бумажнаго рубля есть только *известная доля*¹⁾ цѣнности рубля металлическаго, на который бумажный рубль не размѣнивается, но наравнѣ съ которою послѣдній можетъ покупать товары. Это не новое мѣрило, а только дробь прежней единицы, дробь, за которой сохраняется названіе единицы —

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

рубля, франка, съ прибавкою „на бумажныя деньги“, „на ассигнаціи“ и проч.“¹⁾).

Г. Кауфманъ по поводу интересующаго насъ теперь вопроса высказался такъ: „людямъ можетъ казаться²⁾, что бумажныя деньги однѣ только и служатъ орудіемъ мѣры. Имъ будетъ казаться, что они все измѣряютъ бумажными деньгами, потому что они рѣдко замѣчаютъ, какъ *оцѣнка товаровъ на деньги предшествуетъ оцѣнка самихъ бумажныхъ денегъ на металлическія деньги*³⁾. Въ сущности, однако, *черезъ посредство*²⁾ бумажныхъ денегъ (косвенно) продолжаютъ дѣйствовать въ роли орудія мѣры звонкія деньги. Но этого косвеннаго функционированія звонкихъ денегъ не замѣчаютъ, оттого что въ него не вдумываются. Очевидно, однако, что и косвенно функционировать въ роли орудія мѣры звонкія деньги не были бы въ состояніи, если бѣ бумажныя деньги совсѣмъ нельзя было оцѣнивать на звонкія деньги. Но тогда бумажныя деньги совсѣмъ потеряли бы всякую цѣнность. Насколько же онѣ сохраняютъ свою цѣнность, это именно должно обнаружить ихъ сопоставленіе и измѣреніе или сравненіе съ звонкими деньгами. Разъ опредѣливъ цѣнность бумажныхъ денегъ, звонкія уже тогда начинаютъ свою функцію косвеннаго измѣренія. И то обстоятельство, что онѣ дѣйствуютъ черезъ посредство бумажныхъ денегъ, именно наводитъ на мысль, что бумажныя деньги служатъ орудіемъ мѣры“³⁾).

Я приведу еще нѣсколько мнѣній по занимающему насъ вопросу. Такъ, *Рих. Гильдебрандъ* полагаетъ, что бумажныя деньги не замѣняютъ денегъ въ ихъ функціи измѣрителя цѣнности; поэтому ихъ нельзя считать деньгами. Бумажныя деньги не являются измѣрителемъ цѣнности даже и тогда, когда монета совершенно вытѣснена ими изъ страны; даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ бумажныя деньги являются основаніемъ опредѣленія цѣны не въ силу ихъ собственной цѣнности, а въ силу ихъ отношенія къ цѣнности монеты, что доказывается вліяніемъ лажы на цѣны; другими словами, и въ этомъ слу-

¹⁾ См. въ примѣчаніяхъ къ сочиненію *А. Ватера*, Русск. бум. деньги, (стр. 117 — 118).

²⁾ Курсы въ подлинникѣ.

³⁾ См. *Кауфманъ*, Кредитъ, банки и денежное обращеніе, стр. 610.

чаѣ источникъ цѣнности находится въ монетѣ, хотя монета и не функціонируетъ въ странѣ, какъ средство платежа, а продолжаетъ существовать только „въ представленіи“¹⁾ покупателя или продавца). — *Г. Федоровичъ* предлагаетъ слѣдующее разрѣшеніе вопроса объ орудіи измѣренія цѣнностей въ бумажно-денежной странѣ: „бумажныя деньги сами по себѣ не могутъ служить мѣрою цѣнностей. Цѣнность ихъ находится въ зависимости отъ ихъ количества, слѣдовательно, это цѣнность монополярная, а, какъ мы уже видѣли, цѣнность такихъ предметовъ измѣряется лишь цѣнностью другихъ предметовъ, на которые они обмѣниваются. Для бумажныхъ денегъ дѣйствителенъ законъ спроса и предложенія, но не дѣйствителенъ законъ издержекъ производства, безъ послѣдняго же первый лишенъ точки опоры. Если бумажныя деньги на практикѣ служатъ для измѣренія цѣнностей, то это лишь вслѣдствіе того отношенія, въ которомъ онѣ находятся къ драгоцѣннымъ металламъ. Если, напр., бумажный рубль относится къ золотому, какъ 100 : 60, то это означаетъ лишь, что цѣна товара, приобретаемаго на бумажный рубль, составляетъ въ дѣйствительности всего 60 коп. (металлическихъ). Цѣнность бумажныхъ денегъ можетъ быть весьма различна. Исторія бумажно-денежнаго дѣла показываетъ, что она можетъ нисходить отъ *al pari* съ металлическими деньгами до нуля—отъ максимума до минимума, проходя всѣ промежуточные ступени. Тѣмъ не менѣе на какой бы ступени обезцѣненія не находились бумажныя деньги, цѣнность ихъ всегда находится въ извѣстномъ отношеніи къ цѣнности металла, на который онѣ написаны, и этотъ-то металлъ, на дѣлѣ, *служитъ мѣрою цѣнности*“²⁾ остальныхъ товаровъ“.

„Это ученіе вовсе не противорѣчитъ изложенному выше, по которому деньги не могутъ служить мѣрою цѣнности, не будучи въ то же время мѣновымъ посредникомъ. Драгоцѣнные металлы, хотя и исчезаютъ изъ страны, насыщенной бумажными деньгами, *обращаются въ сосѣднихъ странахъ*“³⁾, совершенно, слѣдовательно, изъ обращенія не изъемяются. Вслѣдствіе того, однако, что они изъяты изъ обращенія страны съ

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ См. *Richard Hildebrand*, Die Theorie des Geldes, 62.

³⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

бумажно-денежнымъ обращеніемъ, они могутъ исполнять функцію мѣры цѣнности въ послѣдней лишь *несовершенно* ¹⁾, что и служить однимъ изъ недостатковъ, присущихъ бумажнымъ деньгамъ“ ²⁾.

Я не буду увеличивать числа выписокъ изъ сочиненій тѣхъ экономистовъ, которые останавливались на вопросѣ о цѣнности бумажныхъ денегъ и объ орудіи измѣренія цѣнностей въ бумажно-денежной странѣ. Замѣчу только, что тѣ экономисты, которые не признаютъ самостоятельной цѣнности за бумажными деньгами, естественно должны объявлять, что измѣрителемъ цѣнности въ бумажно-денежной странѣ являются не бумажныя деньги, а что-нибудь иное; естественно также, что почти всѣ такіе экономисты увѣряютъ, что измѣрителемъ цѣнности въ бумажно-денежной странѣ остаются деньги металлическія, хотя онѣ фактически и не обращаются въ этой странѣ. Если намъ теперь удастся доказать, что металлическія деньги, не обращающіяся въ бумажно-денежной странѣ, не могутъ исполнять функціи измѣренія цѣнности, то это будетъ новымъ доказательствомъ, что здѣсь цѣнности измѣряются бумажными деньгами, и что, слѣдовательно, онѣ имѣютъ цѣнность.

Всѣ приведенные нами взгляды относительно того, чѣмъ измѣряются цѣнности въ бумажно-денежной странѣ, очевидно, основаны на предположеніи, что деньги идеально могутъ исполнять функцію измѣрителя цѣнности, т. е. могутъ измѣрять цѣнности, не входя въ дѣйствительное обращеніе. *Маркс* открыто выставляетъ это положеніе въ своемъ ученіи о деньгахъ ³⁾. То же слѣдовало бы дѣлать и всѣмъ тѣмъ экономистамъ, которые признаютъ измѣрителемъ цѣнностей металлическія деньги даже и тогда, когда онѣ внутри страны вовсе не обращаются; однако всѣ упомянутые нами экономисты (за исключеніемъ *Маркса*) этого не дѣлаютъ. Но какъ бы то ни

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

²⁾ См. *Федоровичъ*, оп. с., 440 — 441.

³⁾ Капиталъ, I, 46. *Г. Коссовскій*, вѣрный послѣдователь *Маркса*, увѣрять, что одинъ рубль такъ же хорошо и съ такимъ же удобствомъ можетъ измѣрять безконечно большую массу стоимостей, какъ и цѣлый миллиардъ рублей, оп. с., 108—109.

было, чтобы доказать, что измѣрителемъ цѣнностей въ бумажно-денежной странѣ не могутъ быть металлическія деньги, намъ нужно показать невозможность „идеальнаго“ выполненія деньгами функціи измѣрителя цѣнностей.

Невозможность идеальнаго функціонированія денегъ въ роли орудія измѣренія цѣнностей основывается на томъ, что, если деньги дѣйствительно не обращаются въ странѣ, то намъ не извѣстна ихъ цѣнность; поэтому участники оборота не имѣютъ возможности употреблять въ качествѣ измѣрителя такую величину цѣнности, о которой они не имѣютъ никакого представленія или которая (если даже предположить актъ оцѣнки до извѣстной степени не вполне ясно понимаемымъ его участниками) не можетъ оказывать несознаваемого давленія на поступки участниковъ мѣновыхъ актовъ, ибо металлическія деньги въ разсматриваемомъ случаѣ не имѣютъ никакого реального отношенія къ этимъ участникамъ оборота. Мы говоримъ, что, если металлическія деньги дѣйствительно не обращаются въ странѣ, то цѣнность ихъ не извѣстна. Въ самомъ дѣлѣ, мѣновая цѣнность всѣхъ хозяйственныхъ благъ, въ томъ числѣ и денегъ, опредѣляется на первомъ мѣстѣ ихъ общественной полезностью. Но очевидно, что никакой общественной полезности не имѣетъ вещь, которая для даннаго общества *не нужна* ¹⁾. Если вещь не нужна для даннаго общества, если она въ немъ не употребляется, то и мѣновая цѣнность этой вещи въ данномъ обществѣ не можетъ образоваться. Такъ, если металлическія деньги не употребляются въ Россіи для денежныхъ цѣлей, то цѣнность ихъ для русскаго народнаго хозяйства совершенно неопредѣленная величина. Эта цѣнность получила бы реальное выраженіе только тогда, когда металлическія деньги дѣйствительно вошли бы въ народное обращеніе, дѣйствительно обмѣнивались бы на другія хозяйственные блага. Только въ этомъ случаѣ дѣйствительный объемъ потребности русскаго народнаго хозяйства оказывалъ бы вліяніе на мѣновую цѣнность денегъ; только въ этомъ случаѣ измѣненія потребности въ деньгахъ или измѣненія въ предложеніи денегъ производили бы реальныя измѣненія въ

¹⁾ Мы предполагаемъ общество безъ мѣновыхъ отношеній съ другими народами, употребляющими деньги металлическія.

цѣнности ихъ. Теорія, полагающая, что деньги идеально могутъ измѣрять цѣнности, основывается на томъ, что будто цѣнность денегъ остается неизмѣнной какъ въ томъ случаѣ, когда ихъ реально употребляется много, такъ и въ томъ случаѣ, когда онѣ реально совсѣмъ не употребляются. По нашей теоріи, считающей главнымъ факторомъ мѣновой цѣнности общественную полезность вещи, это послѣднее положеніе явно ошибочно. Но если цѣнность основываютъ только на количествѣ труда, то, все равно, нельзя высказывать такого положенія: если извѣстнаго товара требуется почему-нибудь весьма мало или весьма много, то цѣнность его можетъ колебаться, если даже мы имѣемъ въ виду только элементъ стоимости ¹⁾. Такъ, въ примѣненіи къ деньгамъ металлическимъ является несомнѣннымъ, что, если бы потребность современныхъ обществъ въ этихъ деньгахъ вдругъ уменьшилась въ два раза, то стоимость добыванія денегъ уменьшилась бы: тѣ рудники, которые были наименѣе богаты, перестали бы разрабатываться, а при обработкѣ только наиболѣе богатыхъ рудниковъ трудъ, обращенный на производство денегъ, уменьшился бы; слѣдовательно, пала бы цѣнность денегъ, если допускать, что трудъ есть единственный образователь мѣновой цѣнности. Итакъ, если деньги реально не употребляются въ обществѣ, то мы не можемъ знать ихъ мѣновой цѣнности и, конечно, не можемъ дѣлать измѣренія цѣнностей при посредствѣ этой неизвѣстной величины.

Затѣмъ, посмотрите, какъ объясняется тотъ процессъ измѣренія цѣнностей, который будто бы совершается въ бумажно-денежной странѣ. Намъ говорятъ, что при внѣшнемъ употребленіи бумажныхъ денегъ въ качествѣ измѣрителя цѣнностей мы *мысленно* представляемъ нѣкоторое количество денегъ металлическихъ, и эта представляемая цѣнность денегъ

¹⁾ Такое положеніе можно бы высказывать только по отношенію къ такимъ товарамъ, которые по техническимъ и экономическимъ условіямъ требовали бы для своего производства *одинаковаго количества труда* какъ въ томъ случаѣ, когда для общества они требуются въ огромномъ количествѣ, такъ и въ томъ случаѣ, когда они станутъ нужны для общества въ весьма маломъ числѣ. Я думаю, трудно указать хотя бы одинъ такой товаръ; впрочемъ, во всякомъ случаѣ металлическіи деньги не принадлежатъ къ такимъ товарамъ.

металлическихъ на самомъ дѣлѣ и служить орудіемъ измѣрѣнія (*Книсъ*). Намъ говорятъ, далѣе, что цѣнность металлическихъ денегъ, прежде обращавшихся, *сохранилась въ представленіи* продавцовъ и покупателей, и вотъ эта де сохранившаяся въ представленіи цѣнность денегъ металлическихъ продолжаетъ быть орудіемъ измѣрѣнія (*Гильдебрандъ*). Намъ говорятъ, наконецъ, что оцѣнкѣ товаровъ на бумажныя деньги предшествуетъ оцѣнка самихъ бумажныхъ денегъ на металлическія деньги, что, такимъ образомъ, чрезъ посредство бумажныхъ денегъ (косвенно) функционируютъ въ качествѣ измѣрителя цѣнностей собственно деньги металлическія; мы всего этого не замѣчаемъ только потому, что не вдумываемся, а если вдумаемся, то замѣтимъ (*Кауфманъ*). Мы, русскіе, имѣющіе ежедневно дѣло съ бумажными деньгами, можемъ засвидѣтельствовать, что въ нашихъ головахъ не происходитъ тѣхъ процессовъ мысли, которые указываются только что названными экономистами. Когда мы покупаемъ на бумажныя деньги ежедневно самыя разнообразныя предметы, то мы никогда мысленно не представляемъ себѣ цѣнности какого бы то ни было количества денегъ металлическихъ. Мы не замѣтимъ такого мысленнаго процесса, если даже, слѣдуя совѣту г. *Кауфмана*, хорошенько вдумаемся въ способъ измѣрѣнія цѣнностей при помощи бумажныхъ денегъ. Смѣю думать, что этой ссылкой на „самонаблюденіе“ совершенно достаточно для опроверженія наличности тѣхъ предполагаемыхъ мысленныхъ процессовъ, путемъ которыхъ человекъ, употребляющій бумажныя деньги, будто бы производитъ оцѣнку собственно на деньги металлическія.

Этимъ мы заканчиваемъ разсмотрѣніе вопроса о цѣнности бумажныхъ денегъ. Надѣмся, мы доказали, что бумажныя деньги имѣютъ собственную цѣнность и что онѣ именно являются измѣрителемъ цѣнности въ бумажно-денежной странѣ¹⁾.

¹⁾ Въ числѣ писателей, о которыхъ упомянуто выше, мы не назвали *А. Вагнера*, имѣющаго особыя заслуги въ разъясненіи явленій бумажно-денежнаго обращенія. Это произошло отъ того, что мы имѣли дѣло только съ такими писателями, которые являлись противниками воззрѣній, признаваемыхъ нами за истинныя. Между тѣмъ *А. Вагнеръ*, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ числу экономистовъ, наиболѣе вѣрно понимающихъ природу бумажныхъ денегъ; напр., онъ такъ же, какъ и мы, признаетъ за бумаж-

Если бумажные деньги имѣютъ самостоятельную цѣнность, то онѣ способны выполнять не только ту функцію денегъ, которая состоитъ въ измѣреніи цѣнностей, но всѣ другія функціи денегъ. Такъ, бумажные деньги являются средствомъ обращенія цѣнностей въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы называемъ такимъ средствомъ деньги металлическія. На предыдущихъ страницахъ намъ не разъ приходилось говорить, что хотя денежные суррогаты тоже являются средствомъ обращенія, но они всетаки въ этомъ отношеніи существенно отличаются отъ денегъ: въ то время какъ первые являются средствомъ кредитнаго обращенія, вторыя суть средство наличнаго обращенія. Бумажные деньги, какъ всякія деньги, относятся къ средствамъ наличнаго обращенія; и это потому, что онѣ имѣютъ цѣнность. Такимъ образомъ, смыслъ всякаго акта обращенія, который совершенъ при посредствѣ бумажныхъ денегъ, состоитъ въ томъ, что за цѣнность отдается равноцѣнность, и потому получившій за товаръ извѣстную сумму бумажныхъ денегъ не имѣетъ ни права, ни возможности требовать отъ кого-нибудь за свой товаръ еще какой-нибудь цѣнности; полученіе бумажныхъ денегъ окончательно завершаетъ мѣновой актъ. Не такъ бываетъ тогда, когда средствомъ обращенія послужилъ какой-нибудь кредитный знакъ, ибо въ этомъ случаѣ получившій за товаръ кредитный знакъ не имѣетъ въ немъ равноцѣнности; равноцѣнность здѣсь будетъ получена только впоследствии, и всегда кто-нибудь обязанъ уплатить эту равноцѣнность; иными словами, кредитный знакъ не въ состояніи окончательно завершать мѣнового акта.

Что бумажные деньги окончательно завершаютъ мѣновые акты *между частными лицами*, что онѣ являются средствомъ наличнаго обращенія, а не кредитнаго, это никѣмъ въ наукѣ не оспаривается; впрочемъ, это и не можетъ быть оспариваемо, такъ какъ предписаніе государства о принудительномъ курсѣ въ томъ и состоитъ, что бумажные деньги должны употребляться въ платежахъ между частными лицами съ такимъ же результатомъ, съ какимъ употреблялись бы и деньги металлическія, т. е. съ результатомъ полного и окончательнаго погашенія

ими деньгами самостоятельную цѣнность, хотя это положеніе имъ доказывается не вполне тѣми же доводами, какими пользовались мы. См. *А. Вайнеръ*, Русск. бум. деньги, стр. 43.

долговъ и полной и окончательной расплаты за товаръ (въ наличной сдѣлкѣ). Но обыкновенно говорятъ, что получившій въ платежъ бумажныя деньги становится кредиторомъ государства и, слѣдовательно, если не имѣеть получить дѣйствительной цѣнности (настоящихъ денегъ) ни съ кого изъ частныхъ лицъ, то онъ имѣеть получить ее съ государства; другими словами, обыкновенно говорятъ, что бумажныя деньги всетаки кредитный знакъ. Не удивительно, если такъ говорятъ писатели, не признающіе самостоятельной цѣнности за бумажными деньгами ¹⁾, но удивительно, если такъ говорятъ экономисты, признающіе бумажныя деньги за настоящія деньги съ самостоятельной цѣнностью ²⁾. Если бумажныя деньги имѣють самостоятельную цѣнность, то отсюда неизбежно слѣдуетъ заключить, что онѣ матеріально не есть долгъ ни частныхъ лицъ, ни государства. Въ самомъ дѣлѣ, долгъ возникаетъ только тогда, когда изъ двухъ обмѣнивающихся сторонъ одна отдаетъ сейчасъ какую-нибудь цѣнность, а другая не передаетъ теперь же равноцѣнности, но сдѣлаетъ это впоследствии; или долгъ возникаетъ тогда, когда цѣнность одного хозяйства переносится во временное хозяйственное распоряженіе другого хозяйства. Когда государство напечатало извѣстное количество бумажекъ, оно пускаетъ ихъ въ обращеніе путемъ расплаты за товары и услуги. Слѣдовательно, если бы здѣсь возникало долговое отношеніе, то оно относилось бы къ первому типу долговъ, т. е. къ тому типу долговъ, которые возникаютъ изъ одновременной передачи равноцѣнностей при мѣновомъ актѣ. Но нѣтъ ничего легче, какъ показать, что въ указанномъ сейчасъ случаѣ не возникаетъ долга, разъ мы признали цѣнность за бумажными деньгами; именно: если правительство передаетъ въ уплату за товаръ или услуги бумажныя деньги, то мы не можемъ говорить, что правительство не передало съ своей стороны равноцѣнности, ибо мы

¹⁾ Напр., *Н. Х. Бунте*, не признающій цѣнности за бумажными деньгами, только послѣдователенъ, если говорить: «тотъ, кто продалъ что-либо на бумажныя деньги, есть кредиторъ, имѣющій право получить извѣстную сумму монеты отъ дебитора—должника, т. е. государства». Въ примѣч. къ соч. *Ватера*, Русск. бум. деньги, стр. 119.

²⁾ Напр., *А. Ватеръ*, см. *Schönberg's Handbuch d. pol. Öek.*, В. III, S. 515 (2-е изд.).

согласились, что бумажныя деньги есть цѣнность, а не только свидѣтельство на полученіе цѣнности. Такимъ образомъ, бумажныя деньги не являются кредитнымъ знакомъ ни въ оборотѣ между частными лицами, ни въ оборотѣ между частными лицами и казною; если бумажныя деньги есть настоящія деньги въ оборотѣ между частными лицами, то было бы странно утверждать, что онѣ теряютъ свой денежный характеръ, когда идутъ изъ рукъ правительства въ руки частныхъ лицъ ¹⁾.

То положеніе, что бумажныя деньги *матеріально* не долгъ, является для насъ, какъ уже замѣчено, необходимымъ логическимъ слѣдствіемъ изъ другого признаннаго нами положенія, что бумажныя деньги обладаютъ самостоятельной мѣнвою цѣнностью. Но если бумажныя деньги *матеріально* не долгъ, то что же онѣ такое, и почему почти всѣ правительства *формально* признаютъ ихъ своимъ долгомъ?

Какъ мы выше доказывали, въ бумажныхъ деньгахъ государственная власть создаетъ монопольную цѣнность. Если такъ, то мы легко можемъ опредѣлить настоящее мѣсто бумажныхъ денегъ въ системѣ государственнаго хозяйства; именно, мы должны сказать, что выпускъ бумажныхъ денегъ есть государственная монополія или государственная регалія, а то, что получается правительствомъ отъ выпуска бумажныхъ денегъ, есть монопольный (регальный) доходъ. Финансисты обыкновенно дѣлятъ регаліи на юридическія и финансовыя; юридическими регаліями они называютъ такія, которыя имѣютъ основаніемъ для своего возникновенія общественный интересъ; другими словами, если государственная власть беретъ исключительно на себя производство какого-нибудь хозяйственнаго блага только за тѣмъ, чтобы производить это благо самымъ лучшимъ образомъ съ точки зрѣнія общественнаго интереса, то мы будемъ имѣть юридическую регалію. Но если правительство беретъ на себя производство какого-нибудь хозяйственнаго блага только за тѣмъ, чтобы такимъ образомъ по-

¹⁾ Идея, что бумажныя деньги въ сущности не долгъ, не чужда нѣкоторымъ русскимъ экономистамъ, хотя она обосновывается ими совершенно не такъ, какъ это сдѣлано здѣсь. См. *Исаевъ*, Государственный кредитъ, стр. 18 и сл.; также *Лебедевъ*, Бумажныя деньги (актовая рѣчь), стр. 7.

лучить доходъ, то мы будемъ имѣть финансовую регалію ¹⁾. Принимая эти установившіяся понятія, мы должны сказать, что выпускъ бумажныхъ денегъ есть одновременно и юридическая и финансовая регалія: юридическая потому, что производство бумажныхъ денегъ, какъ и всякихъ денегъ, въ общественныхъ интересахъ должно лежать на правительствѣ; относительно бумажныхъ денегъ слѣдуетъ замѣтить сверхъ того, что ихъ выпускъ необходимо всегда будетъ дѣломъ правительства, такъ какъ нѣтъ иной власти, могущей создавать бумажныя деньги для цѣлаго государства. Выпускъ бумажныхъ денегъ одновременно есть и финансовая регалія, такъ какъ отъ этой операціи правительство получаетъ многопольный доходъ, и притомъ такой, какового оно не можетъ получить ни отъ одной изъ возможныхъ финансовыхъ регалій; и опять мы должны замѣтить, что бумажно-денежная регалія всегда будетъ носить финансовый характеръ, ибо неполученіе дохода отъ выпуска бумажныхъ денегъ дѣлало бы эту операцію прямо безцѣльной и только вредной для экономической жизни народа ²⁾.

Такова, по нашему мнѣнію, природа бумажныхъ денегъ съ точки зрѣнія финансовой науки ³⁾. Но обыкновенно правительства объявляютъ бумажныя деньги своимъ долгомъ. Причину этого явленія, по нашему мнѣнію, можно видѣть въ слѣдующемъ. Доходъ отъ монополій въ настоящее время считается такимъ, котораго правительства въ интересахъ справедливости должны избѣгать ⁴⁾. Но, если вообще монопольные доходы не отвѣчаютъ требованіямъ раціональнаго государственнаго хозяйства, то къ доходу отъ бумажныхъ денегъ это наиболѣе примѣнимо: чрезъ выпускъ бумажныхъ денегъ правительство не только получаетъ доходъ, который не отвѣчаетъ требованіямъ раціональнаго дохода, но, кромѣ того (и это главное), оно даетъ народному хозяйству дурныя деньги вза-

¹⁾ Существенныя положенія о регаліяхъ и о регальномъ доходѣ читатель можетъ найти въ любомъ учебникѣ финансоваго права; онъ можетъ ихъ найти, напр., въ «Курсѣ финансоваго права» г. Львова, на стр. 165—174.

²⁾ Ср. выше.

³⁾ Господствующее мнѣніе однако состоитъ въ томъ, что бумажныя деньги есть долгъ государства; этого мнѣнія придерживается и Л. Штейнъ, Lehrb. der Finanzwiss., Th. II, Abth. 3, SS. 9. 10

⁴⁾ См. объ этомъ, напр., у г. Львова, *op. c.*, 170 и сл.

мѣнь хорошихъ (металлическихъ); бумажно-денежная монополія похожа, напр., на такую табачную монополію, при которой правительство за самую высокую цѣну даетъ самый дурной табакъ. Правительства, конечно, всегда сознавали эти чрезвычайно неудобныя стороны осуществленія бумажно-денежной регалии и потому всегда при самомъ выпускѣ бумажныхъ денегъ старались успокоить общество заявленіемъ, что они только по необходимости и только временно прибѣгаютъ къ бумажнымъ деньгамъ, что ради гарантіи этой временности доходъ отъ бумажныхъ денегъ они признаютъ своимъ долгомъ, погасить который при первой возможности сочтутъ своей священной обязанностью. Мнѣ кажется, что именно сознание несправедливости выпуска бумажныхъ денегъ и желаніе успокоить общество были причиною, которая обыкновенно ведетъ къ тому, что бумажныя деньги формально объявляются долгомъ, хотя по существу онѣ не долгъ. Если ясно понимать экономическую природу бумажныхъ денегъ, то вовсе нѣтъ надобности придавать имъ юридическую форму долгового обязательства государства передъ частными лицами; можно въ критическія минуты государственной жизни прямо выпускать неразмѣнные бумажные знаки съ именемъ монеты и принудительнымъ курсомъ, но безъ упоминанія о томъ, что написанное на бумагѣ количество монеты государство обязуется уплатить. Теперь на бумажныхъ деньгахъ дѣлаютъ такія надписи: „Государственный кредитный билетъ; по предъявленіи выдается изъ размѣнной кассы государственнаго банка три рубля серебряною или золотою монетою“¹⁾; или: „Соединенные Штаты обѣщаютъ уплатить предъявителю десять долларовъ“²⁾. Но можно дѣлать просто такія надписи: „три рубля“ или „десять долларовъ“; при этомъ предполагается, что изданъ общій законъ, обязывающій принимать эти бумажные знаки въ платежахъ, какъ наличность. Чтобы не вызвать недоразумѣній, мы должны теперь же замѣтить, что, если бы правительства не придавали бумажнымъ деньгамъ

¹⁾ Подобныя надписи встрѣчаются на тѣхъ бумажныхъ деньгахъ, которыя образовались изъ размѣнныхъ банковыхъ билетовъ.

²⁾ Подобныя надписи встрѣчаются на бумажныхъ деньгахъ, выпущенныхъ государственнымъ казначействомъ безъ посредства банка.

юридическую форму долга, то это не значило бы, что они и не должны восстанавливать металлическое обращение; и въ такомъ случаѣ они должны при первой же возможности уничтожить бумажныя деньги и восстановить металлическое обращение; только тутъ основаніемъ для восстановленія металлическаго обращенія была бы не обязанность уплаты долга, а обязанность устранить зло, вытекающее изъ бумажныхъ денегъ для народнаго хозяйства, — одна изъ тѣхъ обязанностей, которыя современныя государства берутъ на себя въ интересахъ общаго блага.

Мы закончили изложеніе основныхъ характеристическихъ чертъ того явленія, которое называется бумажными деньгами. Результатъ нашего изслѣдованія мы можемъ резюмировать въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. Государства могутъ создавать изъ бумаги настоящія деньги; для этого имъ стоитъ только написать на бумагѣ названіе монеты и объявить обязательнымъ приемъ такой бумаги наравнѣ съ звонкими деньгами; между такими бумажными деньгами и деньгами металлическими нѣтъ принципиальнаго различія, а есть только различіе качественное ¹⁾; такимъ образомъ, бумажно-денежное хозяйство есть денежное, а не кредитное хозяйство. Доходъ, получаемый правительствомъ отъ монопольнаго производства бумажныхъ денегъ, составляетъ мотивъ для выпуска ихъ во времена крайней нужды въ денежныхъ средствахъ.

Общая задача написанныхъ до сихъ поръ трехъ главъ, какъ видитъ читатель, состояла въ томъ, чтобы обрисовать бумажныя деньги въ ихъ основныхъ чертахъ, показать ихъ сходство съ металлическими деньгами и отличить отъ такъ называемыхъ денежныхъ суррогатовъ. Эти три главы носятъ *теоретическій* характеръ; вмѣсто того, чтобы описывать и сравнивать *русскія* металлическія деньги, *русскіе* денежные

¹⁾ Мысль, что бумажныя деньги обладаютъ всеми денежными признаками, давно и энергично защищается *А. Вагнеромъ* въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ; кромѣ уже цитированныхъ сочиненій, см. статью его *Papiergeld*, помѣщенную въ *Deutsches Staats-Wörterbuch*, herausg. von *Bluntschli* u. *Brater*, B. VII, S. 647; также *Staatspapiergeld, Reichs-Kassenscheine und Banknoten*, 6 ff.

суррогаты и *русскія* бумажныя деньги, мы имѣли въ виду *вообще* металлическія деньги, *вообще* денежныя суррогаты и *вообще* бумажныя деньги; другими словами, вмѣсто того, чтобы брать явленія въ ихъ индивидуальномъ видѣ, мы брали ихъ въ родовомъ, типическомъ видѣ. Въ ближайшихъ главахъ мы ставимъ себѣ задачей показать, какъ образовались *русскія* бумажныя деньги, какими чертами онѣ отличались въ различные періоды ихъ существованія и такъ далѣе; такимъ образомъ, ближайшія главы нашего сочиненія будутъ носить уже *историческій* характеръ и не только въ томъ смыслѣ, что тутъ дѣло идетъ о **временахъ** прошедшихъ, но въ томъ истинно научномъ смыслѣ **этого** слова, что явленія описываются со всѣми ихъ индивидуальными чертами.

ГЛАВА IV. ПЕРВЫЙ ПЕРИОДЪ ИСТОРИИ РУССКИХЪ АССИГНАЦІЙ (1768—1786 г.г.): АССИГНАЦІИ — ДЕНЕЖНЫЙ СУРРОГАТЪ.

Наше денежное обращеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало до Екатерины II и въ ея царствованіе до 1768 года, несомнѣнно имѣло очень невыгодныя стороны. Сама императрица при восшествіи на престолъ такъ охарактеризовала общее финансовое положеніе Россіи: „въ 1762 г., при вступленіи Моемъ на престолъ, Я нашла сухопутную армію въ Пруссіи, за двѣ трети жалованья не получившую. Въ Штатсъ-Конторѣ именныя указы на выдачу 17 мил. руб. не выполнены. Монетный дворъ, со времени царя Алексѣя Михайловича, считалъ денегъ въ обращеніи 100 мил., изъ которыхъ 40 мил. почитали вышедшими изъ Имперіи вонъ и натурою отправленными; понеже тогда вексельнаго оборота либо вовсе не знали, либо мало употребляли. Почти все отрасли торговли были отданы частнымъ людямъ въ монополію. Таможни всей Имперіи Сенатомъ даны были на откупъ за два милліона. Шестидесять милліоновъ, кои остались въ Имперіи, были двѣнадцати разныхъ вѣсовъ; серебряныя деньги отъ 82-ой пробы по 63-ю, мѣдныя отъ 40 до 32 руб. въ пудѣ“¹⁾ и т. д.. Намъ сейчасъ интересуется то мѣсто этихъ словъ, которое относится къ денежному обращенію; изъ него мы узнаемъ, что неодинаковая цѣнность монеты была первымъ ненормальнымъ явленіемъ денежнаго обращенія. Затѣмъ, мѣдная монета приобрѣла фактическое господство на русскомъ денежномъ рынкѣ какъ „финансовый знакъ“²⁾ и потому

¹⁾ Сборн. Импер. истор. общ., т. XXVII, стр. 170 и дал.

²⁾ Выраженіе г. Ламанскаго.

как монета худшая, она отгѣснила монету серебряную ¹⁾. Наконецъ, мѣдная монета по своей тяжеловѣсности (въ 1768 г. 16 мѣдныхъ руб. вѣсили пудъ) затрудняла скорость обращенія, особенно при значительныхъ пространствахъ, которыя ей приходилось проходить въ видахъ мѣновыхъ оборотовъ. Въ послѣднемъ неудобствѣ денежная практика помогала себѣ, какъ могла. Само правительство допускало и практиковало переводъ денегъ чрезъ купеческіе векселя. Но часто должно было терпѣть правительство убытокъ отъ такого способа перевода денегъ, потому что перѣдки были случаи, что купцы-векселедатели оказывались несостоятельными. Другой способъ, имѣвшій цѣлью также облегченіе перевода денегъ, состоялъ въ томъ, что одно казенное мѣсто выдавало векселя на другое въ увѣренности, что послѣднее сдѣлаетъ платежъ по этимъ векселямъ; но часто случалось, что оно не могло сдѣлать платежей по отсутствію въ немъ денегъ ²⁾. Наконецъ, еще третій способъ выдачи такъ называемыхъ печатныхъ указовъ отъ комиссаріата уже даже нельзя причислить къ мѣрамъ, облегчающимъ денежное обращеніе, потому что эти печатные указы выдавались на срокъ въ два года и только по прошествіи двухъ лѣтъ выкупались съ платежемъ 6%; въ платежи они принимались также только по прошествіи срока, на который были выданы. Платежъ процентовъ и способъ выкупа печатныхъ указовъ заставляютъ отнести ихъ къ такому виду обязательствъ, который не могъ играть большой роли въ качествѣ орудія обращенія.

Неудобства денежнаго обращенія вызывали обсужденіе и проекты со стороны замѣчательныхъ государственныхъ людей того времени. Къ числу такихъ лицъ слѣдуетъ отнести автора „Записки“, представленной въ 1768 г. Екатеринѣ II. Имя автора этой „Записки“ въ точности не извѣстно, но предполагаютъ, что это могъ быть графъ *Сиверсъ* ³⁾. Главная цѣль, ко-

¹⁾ Объ этомъ подробно изложено у г. *Ламанскаго*, въ Стат. обз. etc. и г. *Бржескаго*, Госуд. долги Россіи.

²⁾ О переводѣ денегъ при посредствѣ векселей см. у *Ламанскаго*, Статист. обз., стр. 114, и особенно у *Шторха*, Матеріалы для исторіи государственныхъ денежныхъ знаковъ въ Россіи съ 1653 по 1840 годъ, Журн. М. Н. Пр., часть СXXXVII (1868 г.), стр. 798 и сл.

³⁾ Подлинная «Записка» хранится въ Москов. главн. архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ; наши свѣдѣнія объ ней заимствованы у г. *Куломзина*, *Ассигнаціи въ царств. Екат. II, Русск. Вѣстн.*, 1869 г., т. LXXXI, стр. 216.

тору авторъ преслѣдовалъ въ своей „Запискѣ“, состояла въ томъ, чтобы показать, какія мѣры могутъ быть приняты въ видахъ увеличенія скорости и легкости денежнаго обращенія и самаго количества денежныхъ знаковъ. Скорость же и легкость обращенія денегъ играетъ, по мнѣнiю автора, очень значительную роль въ развитiи торговли; какъ на примѣръ, онъ указываетъ на положенiе дѣлъ въ Западной Европѣ, гдѣ имѣются на лицо средства увеличивать и обращаемость, и количество денегъ; такія средства авторъ видитъ въ учрежденiи банковъ и въ выпускѣ послѣдними цеттелей. Указавъ, затѣмъ, на слабыя стороны нашей денежной системы тогдашняго времени, авторъ съ своей стороны рекомендуетъ: 1) учредить правительственный банкъ, 2) выпустить изъ этого банка такое количество цеттелей, которое соотвѣтствовало бы вполнѣ суммѣ денегъ, откладываемыхъ въ банкъ взаимнѣ выпущенныхъ цеттелей, т. е. рекомендуетъ держаться системы полного покрытiя, но только на первое время, какъ сейчасъ увидимъ; 3) предлагаетъ, далѣе, поддерживать безостановочную размѣнность цеттелей по предъявленiю и 4) принимать цеттели во всѣ казенные платежи. Всѣ эти мѣры, разумѣется, достигаютъ только одной цѣли,—именно увеличенiя скорости обращенiя денежныхъ знаковъ благодаря очевидному удобству съ этой стороны цеттелей. Но эта цѣль въ глазахъ автора и есть главная, къ которой правительство должно стремиться, обезпечивая довѣрiе къ цеттелямъ со стороны публики. Довѣрiе же главнѣйшимъ образомъ достигается поддержанiемъ безпрепятственной размѣнности цеттелей, какъ справедливо думаетъ нашъ авторъ. При системѣ полного наличнаго покрытiя не можетъ быть и рѣчи объ увеличенiи самаго количества орудiй обращенiя чрезъ выпускъ цеттелей, но авторъ предлагаетъ систему полного покрытiя только на первое время, только до тѣхъ поръ, пока не достигнуто будетъ достаточнаго довѣрiя публики къ цеттелямъ. Когда же довѣрiе путемъ безостановочной размѣнности будетъ достигнуто, когда поэтому не будетъ предстоять опасности, что всѣ цеттели разомъ или, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ обратится въ банкъ для размѣна, тогда не будетъ надобности, думаетъ авторъ, держать сумму мѣдныхъ денегъ, равную количеству выпущенныхъ цеттелей,—тогда части мѣдныхъ денегъ можно будетъ дать полезное употребленiе: раздать, напр., въ ссуды за мень-

шіе проценты, чѣмъ какіе обыкновенно платятся. Авторъ, слѣдовательно, не рекомендуетъ увеличенія количества цеттелей съ тѣмъ, чтобы банковое обезпеченіе составляло какую-либо часть всѣхъ выпущенныхъ цеттелей, но предлагаетъ только часть обезпечивающаго размѣнъ фонда употреблять съ полезными цѣлями. Слѣдовательно, предлагается та же система полнаго покрытія съ тѣмъ только отличіемъ, что часть фонда будетъ заключаться въ обязательствахъ, а не въ банковской наличности. Авторъ ожидаетъ, что съ теченіемъ времени произойдетъ увеличеніе денегъ, а вслѣдъ за этимъ и увеличеніе народнаго благосостоянія. Первое (увеличеніе денежныхъ знаковъ собственно), конечно, справедливо: количество денежныхъ знаковъ въ обращеніи увеличится на всю сумму металлическаго банкаго обезпеченія, пущеннаго въ оборотъ¹⁾; второе (увеличеніе народнаго благосостоянія) ожиданіе не болѣе, какъ ошибка меркантилистовъ: реальное богатство націи никогда не увеличивается *только* благодаря умноженію денегъ.

Авторъ не оставилъ безъ вниманія и тѣхъ возраженій, которыя могли быть сдѣланы ему по поводу предлагаемаго имъ плана. Особенно останавливается онъ на могущемъ встрѣтиться возраженіи противъ системы государственныхъ эмиссіонныхъ банковъ; возраженіе это, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что при системѣ государственныхъ банковъ правительство можетъ злоупотреблять выпусками кредитныхъ знаковъ, можетъ злоупотреблять, какъ нынѣ говорятъ, своимъ финансовымъ кредитомъ, и это тѣмъ болѣе легко, что само оно при названной системѣ стоитъ во главѣ банковъ. Повидимому, такое возраженіе, слышимое столь часто и въ настоящее время²⁾, имѣло и тогда своихъ представителей: иначе автору не было бы нужды на немъ останавливаться. Чтобы показать, какъ нашъ авторъ „Записки“ отстраняетъ это возраженіе, я позволю себѣ въ буквальныхъ словахъ привести относящееся сюда мѣсто: „одно“, говоритъ онъ: „предубѣжденіемъ зараженными людямъ остается убѣжище сказать, что государь можетъ всегда изъ банковъ заимообразно или безъ

¹⁾ При этомъ принимается предположеніе автора, что довѣріе къ цеттелямъ существуетъ, что часть фонда помѣщена вполне надежно, и что поэтому не произойдетъ усиленнаго прилива цеттелей къ размѣну.

²⁾ У насъ, напр., Н. Х. Бунге стоитъ за частный акціонерный банкъ, а г. Кауфманъ — за государственный.

того взять и на случающіяся нужды употребить“.... „Но какой изъ того можетъ произойти вредъ, когда заплатить и въ свое время и съ надлежащими процентами? Неужели лучше, чтобъ онъ занималъ у народа новыми на оныя налогами, кои никогда возвращены быть не могутъ по причинѣ неисчисляемой мелкости? Если же полагать, что государь возметъ деньги, не думая о возвратѣ, то врядъ ли найдется такой государь, который добровольно захочетъ сперва свое государство, а затѣмъ и самого себя разорить.... Не великое надобно къ тому просвѣщеніе, чтобы видѣть, что стократно для него выгоднѣе и полезнѣе государству положить, въ крайней нуждѣ, нѣкоторый палогъ, нежели потерять великій государственный капиталъ, подобно тому, какъ хорошій домостроитель въ нужномъ случаѣ охотнѣе занимаетъ нужныя ему деньги, хотя и съ убыткомъ, потому что оныя возвратить можетъ, нежели продать малую часть своего имѣнія, потому что онаго возвратить уже не можетъ“¹⁾. Не останавливаясь пока на вопросѣ о томъ, дѣйствительно ли неизбѣжно существуетъ оспариваемая авторомъ опасность, когда во главѣ эмиссіоннаго банка стоитъ само правительство, или нѣтъ, мы отѣнимъ только, что сущность разбираемаго нами плана сводится къ установленію мѣръ, ведущихъ къ улучшенію системы денежнаго обращенія, но не къ увеличенію средствъ государственнаго казначейства.

Повидимому, планъ автора „Записки“ остался безъ вліянія на правительство; но крайней мѣрѣ, онъ не далъ непосредственнаго толчка къ какому-либо законодательному акту, клонящемуся къ измѣненіямъ въ денежномъ обращеніи въ смыслѣ нашего автора. Такимъ толчкомъ послужило внѣшнее обстоятельство, именно начавшаяся турецкая война, которая заставляла такъ или иначе пріискивать средства къ ея веденію. Подъ вліяніемъ такого толчка генераль-прокуроръ кн. *Вяземскій* составилъ проектъ выпуска 3 мил. ассигнацій; проектъ обратилъ на себя вниманіе Екатерины, и она поручила тому же князю *Вяземскому* составить подробный планъ выпуска ассигнацій, что князь и выполнилъ. Содержаніе плана кн. *Вяземскаго*²⁾ въ существенныхъ чертахъ состоитъ въ слѣдую-

¹⁾ Это мѣсто приведено въ назв. статьѣ г. *Куломзина*, стр. 218.

²⁾ Планъ хранится въ Московскомъ архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ; объ немъ у г. *Куломзина*, стр. 219—221.

щемъ. Планъ проэктируетъ собрать въ Петербургѣ и Москвѣ до милліона рублей мѣдными деньгами и на первый разъ на такую же только сумму выпустить ассигнацій. Ассигнаціи должны безостановочно размѣниваться въ двухъ ассигнаціонныхъ банкахъ, съ этой цѣлью учреждаемымъ въ Петербургѣ и Москвѣ; 500 тыс. ассигнацій изъ этого перваго милліона отдаются въ распоряженіе главнаго комиссаріата и вмѣстѣ съ другими остаточными суммами послѣдняго идутъ на нужды войны. Остальные 500 тыс. руб. въ ассигнаціяхъ идутъ въ провіантскую канцелярію, но послѣдняя должна была выдать взаменъ ихъ равную сумму мѣдныхъ денегъ, предназначавшихся также на расходы по войнѣ. Если бы къ іюлю того года (т. е. 1768) оказалось, что ассигнаціи принимаются публикой болѣе или менѣе охотно, что къ обмѣну ихъ обратилось бы не болѣе полу-милліона, тогда подъ обезпеченіе остающагося на лицо металлическаго полу-милліона планъ предлагалъ бы выпустить еще на 500 тысячъ ассигнацій и полученныя за нихъ наличныя деньги употребить на армію; тогда содержаніе послѣдней, по предположенію автора плана, было бы обезпечено до сентября мѣсяца (конечно, того же 1768 г.). Въ сентябрѣ же размѣнный фондъ банковъ возможно будетъ изъ разныхъ источниковъ усилить на 500 тыс., и тогда планъ предлагаетъ подъ обезпеченіе послѣднихъ выпустить еще милліонъ ассигнацій. Такимъ образомъ, въ сентябрѣ количество выпущенныхъ ассигнацій составляло бы $2\frac{1}{2}$ мил., а банковый металлическій фондъ $1\frac{1}{2}$ мил.; если же оказалось бы, что при такомъ положеніи дѣла приливъ ассигнацій къ размѣну сильно увеличился бы, то изъ прибавочныхъ податей второй половины того года можно было бы фондъ банковъ увеличить на 500 тыс.. Но если бъ въ концѣ года положеніе дѣлъ настолько было благопріятнымъ, что значительная часть размѣннаго фонда оставалась бы налицо въ банкахъ, тогда, какъ выражается планъ, „для умноженія въ народѣ денегъ“ можно бы выпустить еще на милліонъ ассигнацій при томъ же размѣнномъ фондѣ. Итакъ, если бы планъ кн. *Вяземскаго* осуществился, то къ концу 1768 г. металлическая наличность банковъ составляла бы 2 мил. (мѣдными деньгами), а выпущенныя ассигнаціи представляли бы сумму въ $3\frac{1}{2}$ мил., т. е. первая относилась бы ко вторымъ какъ 4:7, и при этомъ $1\frac{1}{2}$ мил. рублей въ

ассигнаціяхъ составляли бы долгъ казначейства банкамъ. Какая же, спрашивается, цѣль всей этой операціи? Она ясно высказана въ томъ же самомъ планѣ; именно: „для начинающейся войны на расходы первой компаніи учредить бумажныя ассигнаціи, утвердя къ нимъ точно ту довѣренность, которая есть къ настоящимъ деньгамъ“, т. е. главная цѣль проекта кн. *Вяземскаго* совѣмъ иная, чѣмъ цѣль плана неизвѣстнаго автора „Записки“, представленной Екатеринѣ II въ томъ же 1768 году: если въ первомъ главномъ образомъ имѣются въ виду нужды государства въ денежныхъ средствахъ, потребность создать для государства особый видъ кредита, то во второмъ прежде всего преслѣдуются цѣли самаго денежнаго обращенія, его улучшенія, а финансовыя потребности государства стоятъ уже на второмъ планѣ.

Обратимся теперь къ законодательнымъ актамъ, перенесшимъ учрежденіе ассигнацій изъ міра плановъ въ міръ дѣйствительности. Къ нимъ прежде всего относятся манифестъ „О учрежденіи въ С.-Петербургѣ и Москвѣ Государственныхъ Банковъ для вымѣна ассигнацій“ отъ 29 декабря 1768 г. ¹⁾ и именной указъ сенату съ той же датой ²⁾. Манифестъ прежде всего останавливается на мотивахъ, которые повели къ учрежденію банковъ и выпускамъ ассигнацій; онъ говоритъ: „въ столь обширной Имперіи, какова есть Россія, не можно, кажется, довольно подать способовъ къ обращенію денегъ, отъ котораго много зависятъ благоденствіе народа и цвѣтущее состояніе торговли“; обширное пространство имперіи, говоритъ далѣе манифестъ, уже большое препятствіе „совершенству того обращенія“. Однако не одна обширность имперіи является обстоятельствомъ, замедляющимъ скорость обращенія денегъ; въ числу такихъ обстоятельствъ манифестъ относитъ также и слѣдующія: 1) то, что „тѣмъ мѣдной монеты, одобряющая ея собственную цѣну, отягощаетъ ея жъ обращеніе“, 2) что „дальній перевозъ всякой монеты многимъ неудобностямъ подверженъ“ и 3) что у насъ нѣтъ банковъ на подобіе европейскихъ, „которые бы чинили надлежащіе денежныя обороты и переводили бы всюду частныхъ людей капиталы безъ малѣйшаго замедленія и согласно съ пользою каждаго“. Немного далѣе манифестъ еще въ слѣдующихъ словахъ говоритъ о полезности банковъ: „банки приносятъ еще ту

¹⁾ П. С. З., № 13219.

²⁾ П. С. З., № 13220.

полезность, что выдаваемые въ публику изъ тѣхъ мѣстъ на разныя суммы печатныя, съ подписаніемъ обязательства разныхъ именованій, средствомъ ихъ кредита, добровольно между народа употребляются такъ, какъ наличная монета, не имѣя однакожь сопряженныхъ съ нею тягостей въ перевозахъ и трудностей въ сбереженіи ихъ, знатно облегчаютъ самымъ дѣломъ обращеніе денегъ“. Всѣ названныя причины побудили правительство къ выпуску ассигнацій и установленію двухъ ассигнаціонныхъ банковъ: одного въ Петербургѣ, а другого въ Москвѣ. Ассигнаціи заготовлялись въ сенатѣ, гдѣ ихъ подписывали два сенатора; отсюда онѣ отсылались въ правленіе банковъ и здѣсь ихъ подписывалъ главный директоръ банковъ; только уже послѣ этого ассигнаціи разсылались въ банки Петербургскій и Московскій, гдѣ опять ихъ долженъ былъ подписать директоръ того именно банка, изъ котораго онѣ выходили. На первое время ассигнацій было выпущено на миллионъ рублей и въ оба банка было положено по 500 тыс. мѣдныхъ рублей, которые не могли быть употреблены на что-либо иное, кромѣ размѣна выпущенныхъ взамѣнъ ихъ ассигнацій¹⁾. Что касается достоинства выпущенныхъ ассигнацій, то онѣ были болѣе или менѣе крупны, если брать во вниманіе условія тогдашняго денежнаго оборота; именно ассигнаціи были четырехъ достоинствъ: въ 25, 50, 75 и 100 рубл., и притомъ каждаго вида было выпущено на одинаковую сумму, т. е. на 250 тыс. рубл. Выпущенный такимъ образомъ миллионъ ассигнацій былъ разосланъ въ разныя правительственныя мѣста, откуда уже и должны были ассигнаціи идти въ обращеніе чрезъ употребленіе ихъ въ нужныхъ платежахъ вмѣсто металлическихъ денегъ²⁾. Сверхъ

¹⁾ Именной указъ сенату отъ 29 дек. 1768 г., П. С. З., № 13220.

²⁾ Ассигнаціи для расходованія поступили въ слѣдующія правительственныя учрежденія:

въ Камеръ-коллегію	200.000.
— Коммиссаріатъ	100.000.
— Правянтскую контору	150.000.
— Соляную контору	150.000.
— Штатсъ-контору	100.000.
— Адмиралтействъ-контору	100.000.
— разныя другія мѣста	200.000.

всего 1 милл.

См. указъ сенату отъ 29 дек. 1768 г., П. С. З., № 13220; также у г.

Журомзина, стр. 222.

наличнаго капитала, состоящаго въ банкахъ, уже никакимъ „правительствомъ“ банки не могли выдавать ассигнацій.

Чтобы показать, какъ само правительство смотрѣло на ассигнаціи и какое значеніе имъ придавало, мы воспользуемся опять подлинными словами законодательныхъ актовъ. Правительство приписывало имъ, во 1-хъ, „хождение наравнѣ съ монетой“ въ слѣдующихъ словахъ: „симъ государственнымъ ассигнаціямъ имѣть обращеніе во всей Имперіи Нашей наравнѣ съ ходячею монетой; чего для всѣхъ Правительства и казенныя мѣста должны принимать тѣ ассигнаціи во всѣхъ государственныхъ сборахъ за наличныя деньги безъ малѣйшаго затрудненія“¹⁾. Изъ послѣднихъ словъ мы видимъ, что ассигнаціямъ было придано качество платежнаго средства въ счетахъ частныхъ лицъ съ казною, онѣ, слѣдовательно, имѣли „податное обезпеченіе“. Второе и самое главное свойство ассигнацій это то, что онѣ сохраняютъ полную безостановочную размѣнность, и притомъ какъ по предъявленіи ассигнацій можно было получить взамѣнъ звонкія монеты, такъ и по представленіи монеты можно было получить изъ банковъ соотвѣтствующее количество ассигнацій. Въ этихъ видахъ банкамъ предписывается производить платежъ по ассигнаціямъ по предъявленіи „безъ малѣйшаго замедленія и потерянія времени“, а въ „Учрежденіи банкамъ“²⁾ заключается статья, уполномочивающая ихъ свободно выдавать частнымъ лицамъ ассигнаціи за принесенныя наличныя деньги и не только принимать деньги, но и золото, серебро (въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ), также иностранныя монеты по той цѣнѣ, по которой тотъ или другой металлъ принимается на монетный дворъ. Нужно замѣтить только, что ассигнаціи, выпущенныя изъ Петербургскаго банка, могли въ немъ только и размѣниваться такъ же, какъ выпущенныя изъ Московскаго банка размѣнивались только въ послѣднемъ; но такое правило имѣло примѣненіе лишь въ первое время обращенія ассигнацій, а затѣмъ, какъ стѣснительное для владѣльцевъ ассигнацій, оно было отмѣнено³⁾.

Въ вопросѣ о размѣнности первыхъ ассигнацій есть одинъ темный пунктъ, именно: остается не вполне яснымъ

¹⁾ П. С. З., № 13219.

²⁾ П. С. З., № 13219.

³⁾ Манифестъ отъ 17 мая 1771 г., П. С. З., № 13607.

то, размѣнивались ли ассигнаціи на серебряную или только на одну мѣдную монету. Нѣкоторые экономисты, занимавшиеся исторіей нашихъ ассигнацій, утверждаютъ, что ассигнаціи размѣнивались всегда только на мѣдную монету¹⁾. Однако, на нашъ взглядъ, поставленный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что первыя ассигнаціи размѣнивались и на серебряную монету. Въ подтвержденіе своего мнѣнія мы сошлемся прежде всего на авторитетъ гр. *Сперанскаго*. Въ своей запискѣ „О монетномъ обращеніи“ гр. *Сперанскій* высказалъ слѣдующее мнѣніе о размѣнности ассигнацій: „ассигнаціи 1769 года были не что иное, какъ размѣнные билеты двухъ сохранныхъ или депозитныхъ кассъ, и сіе-то самое понятіе изображено было въ самой ихъ надписи: „предъявителю сего платитъ ассигнаціонный банкъ столько-то ходячею монетою. Утверждать, что здѣсь подъ именемъ ходячей монеты разумѣлась одна монета мѣдная, нѣтъ никакого основанія. Ходячая монета въ государствѣ есть та, которая принимается въ податяхъ; а извѣстно, что подати въ 1769 году платились равно и серебромъ, и мѣдью, безъ всякаго промѣна“²⁾. Однако не только авторитетъ *Сперанскаго*, но и другія соображенія заставляютъ насъ принять то мнѣніе, что первыя ассигнаціи были размѣнны и на серебро. Какъ извѣстно, мѣдная монета за разсматриваемый періодъ сама относилась къ тому типу денегъ, къ которому относятся бумажныя, т. е. ея цѣнность, установленная закономъ, не соответствовала цѣнности матеріала; такъ, съ 1768 г. по 1786 г. „внутренняя цѣнность“ мѣднаго рубля никогда не была выше 62¹/₂ коп. серебромъ³⁾; мѣдная монета вслѣдствіе обильныхъ выпусковъ, во всякомъ случаѣ превосходящихъ далеко норму для билонной монеты, падала въ своей цѣнности; поэтому, если бы ассигнаціи размѣнивались только на мѣдную монету, то онѣ должны бы раздѣлить участь мѣдныхъ денегъ, т. е. быть равноцѣнными рублю мѣдному, но быть далеко ниже

¹⁾ См., напр., *Печоринъ*, Наши государств. ассигнаціи, В. Евр., 1876 г., т. IV, стр. 621. ✓

²⁾ *Сперанскій*, О монетномъ обращеніи, въ Чт. Общ. ист. и древн. Росс., 1872 г., кн. 4, смѣсь, стр. 146. ✓

³⁾ *Шторъ*, Матеріалы для исторіи денежныхъ знаковъ въ Россіи, Ж. М. Нар. Пр., 1868 г., № 3, стр. 790. ✓

рубля серебрянаго. На самомъ дѣлѣ этого не было: за весь первый періодъ цѣна ассигнацій была почти всегда равна соотвѣтственной суммѣ серебряныхъ денегъ; а въ первое время вслѣдствіе внѣшнихъ удобствъ ассигнаціи ходили даже съ лажемъ. Наконецъ, и въ законодательныхъ памятникахъ того времени мы можемъ найти подтвержденіе защищаемому здѣсь мнѣнію; такъ, сошлемся для примѣра на указъ отъ 28 іюня 1786 г. ¹⁾, относящійся къ самому концу перваго періода въ исторіи ассигнацій. Въ 1786 г. рѣшено было уплатить ассигнаціонному банку долгъ, числившійся на казначействѣ; между прочимъ, названнымъ указомъ предписывается, чтобы въ уплату долга казначейство вносило въ ассигнаціонный банкъ въ теченіе 10-ти лѣтъ ежегодно по 300.000 р. и притомъ половину серебряною рублевою монетою. Если бы ассигнаціонный банкъ размѣнивалъ ассигнаціи только на мѣдную монету, то не было бы надобности платить ему долгъ серебромъ. Мы должны, впрочемъ, признать, что размѣнъ ассигнацій на серебро доставлялъ ассигнаціонному банку не мало затрудненій. Дѣло въ томъ, что серебряныя деньги въ то время являлись единственными раціональными деньгами, и потому публика не охотно разставалась съ ними; такъ, напр., платежи податей совершались главнымъ образомъ въ деньгахъ мѣдныхъ. На этотъ счетъ мы имѣемъ интересное свидѣтельство генераль-прокурора кн. *Вяземскаго*; въ 1770 г. онъ писалъ: „на всякіе расходы, выключая малаго числа, потребна серебряная монета, а оной въ казенныя мѣста поступаетъ очень мало, такъ что во всей суммѣ ²⁾ кромѣ контрибуціи, если она брана будетъ, и миліона рублей полагать не можно, то и надлежитъ о семъ изыскать средства“ ³⁾. Публика, очевидно, старалась ради прочной цѣнности серебряныхъ денегъ придерживать ихъ у себя. Если такъ, то, разумѣется, публика не склонна была отдавать серебро и въ ассигнаціонный банкъ (въ промѣнъ на ассигнаціи), а, наоборотъ, старалась вымѣнять серебро на ассигнаціи. Затѣмъ, и само правительство заинтересовано было придержать серебро въ ассигнаціонномъ банкѣ съ тѣмъ, чтобы изъ размѣннаго фонда сдѣлать въ случаѣ надобности

¹⁾ П. С. З., № 16410.

²⁾ Въ суммѣ 21.695.438 р., которая обозначала доходъ на 1770 г.

³⁾ Сборн. Имп. рус. ист. общ., т. XXVIII, стр. 130.

позаимствованія для тѣхъ изъ своихъ платежей, для которыхъ нужна была непременно серебряная монета (напр., для заграничныхъ платежей). Указанныя сейчасъ затрудненія въ поддержаніи размѣна ассигнацій на серебро повели къ тому, что въ концѣ періода правительство начало поговаривать объ „умѣренномъ ажю“ при размѣнѣ ассигнацій на серебряную монету ¹⁾. Тѣмъ не менѣе нельзя утверждать, что размѣнъ ассигнацій на серебро былъ вполнѣ прекращенъ до 1786 г. Что касается размѣна ассигнацій на мѣдные деньги, то никто не оспариваетъ, что онъ существовалъ безъ всякихъ ограниченій во весь первый періодъ обращенія ассигнацій (и даже нѣсколько далѣе).

Наконецъ, третье свойство первоначальныхъ ассигнацій было отрицательнаго характера: онѣ не носили на себѣ признака принудительности; никто не обязывался принимать ихъ въ платежи, если не желалъ. Впрочемъ, и здѣсь нужно обратить вниманіе на два правила: во-первыхъ, на то правило, что частныя лица при платежахъ въ казну обязаны были „вносить неотмѣнно въ число каждаго 500 рубл. государственную ассигнацію на 25 рубл.“ ²⁾, и во-вторыхъ, на то правило, что при платежахъ со стороны казны частнымъ лицамъ первая могла только четвертую часть всего платежа произвести ассигнаціями, но никоимъ образомъ не могла называть ихъ въ бѣльшемъ количествѣ, если частное лицо не обнаруживало къ тому желанія ³⁾. Однако оба эти правила

¹⁾ Упомянутое объ умѣренномъ ажю на серебро мы находимъ, напр., въ манифестѣ 28 іюня 1786 г., II. С. З., № 16407.

²⁾ Это постановленіе нужно понимать только въ томъ смыслѣ, что 25 рубл. ассигнаціями на 500 р. каждое лицо при платежахъ въ казну *необходимо* должно было вносить, но не въ томъ смыслѣ, что казна должна принять отъ частнаго лица *только* 25 рубл. въ ассигнаціяхъ: частное лицо могло и весь платежъ сдѣлать ассигнаціями, если хотѣло. Если бы придать разсматриваемому опредѣленію второй смыслъ, то оно оказалось бы въ существенномъ противорѣчій со свойствомъ ассигнацій, какъ платежнаго средства, — свойствомъ, установленнымъ тѣмъ же манифестомъ 29 дек. и нами уже отмѣченнымъ. Такое пониманіе имѣетъ поддержку и въ легальной интерпретаціи, изложенной въ сенатскомъ указѣ отъ 13 іюня 1769 г., II. С. З., № 13314.

³⁾ Принудительный курсъ, приданный размѣннымъ банковымъ билетамъ, во французской литературѣ называется *course legal* въ отличіе отъ

въ силу существовавшей размѣнности ассигнацій и въ силу незначительности объема ихъ примѣненія не могутъ поколебать общаго свойства, приписываемаго нами первымъ ассигнаціямъ,—того свойства, что онѣ не носили на себѣ принудительнаго элемента; если бѣ даже было опредѣлено, что каждый платежъ и во всемъ объемѣ долженъ производиться ассигнаціями, то и тогда мы не имѣли бы принудительнаго курса, потому что всеже не доставало бы того, чтобы и частныя лица обязаны были принимать ассигнаціи въ платежахъ другъ другу; послѣднее для понятія принудительнаго курса существенно.

Затѣмъ, та опасность, на которую указывалъ авторъ изложенной нами „Записки“,—опасность, что правительство при системѣ государственныхъ эмиссіонныхъ банковъ можетъ дѣлать заимствованія изъ обезпечивающаго размѣнъ фонда или злоупотреблять выпусками билетовъ, обратила также на себя вниманіе знаменитаго манифеста и отстранена была одной изъ статей „Учрежденія банкамъ“ слѣдующаго содержанія: „денежную сумму, въ Банкахъ находящуюся, ниже малѣйшую часть оной никакому Правительству требовать или взаимобразно брать не дозволяется; и того для повелѣваемъ Банкамъ никакихъ такого рода требованій не принимать“; ассигнацій же какому-либо „Правительству“ выдается именно столько, сколько будетъ представлено имъ въ наличности денегъ и отнюдь не болѣе.

Чтобы еще болѣе уяснить себѣ значеніе первыхъ ассигнацій, намъ нужно обратить вниманіе на роль банковъ въ дѣлѣ выпуска ихъ. Роль банковъ, вообще говоря, была совершенно пассивной. Уже изъ предыдущаго мы можемъ заключить, что ихъ нельзя назвать эмиссіонными въ строгомъ смыслѣ или, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какой соединяется съ этимъ словомъ въ настоящее время. Дѣло первыхъ двухъ государственныхъ ассигнаціонныхъ банковъ состояло въ томъ, что они принимали отъ правительства заготовленныя ассигнаціи, выдавали ихъ по требованію казенныхъ мѣстъ или частныхъ лицъ, если тѣ и другія вносили со-

coms forcé, принудительнаго курса неразмѣнныхъ билетовъ. Ясно, что наши ассигнаціи за рассматриваемый періодъ не имѣли coms legal, какъ ошибочно утверждаетъ г. Судейкинъ, см. Госуд. банкъ, 65.

отвѣтствующее количество мѣдной монеты (или благородныхъ металловъ), хранили металлическій размѣнный фондъ и обмѣнивали предъявленныя ассигнаціи на монету. Не ихъ дѣло было опредѣлять, когда и сколько нужно и можно выпустить ассигнацій, — это всецѣло зависѣло отъ Верховной власти, которой непосредственно правленіе банковъ было подчинено. Не имѣя вліянія на количество выпускаемыхъ ассигнацій, банки, разумѣется, не несли и отвѣтственности за прекращеніе размѣна, если бъ оно наступило. Наконецъ, не владѣя никакимъ собственно имъ принадлежащимъ фондомъ или имуществомъ, они не могли имѣть и самостоятельнаго кредита ¹⁾.

Принимая во вниманіе такую роль и значеніе первыхъ банковъ при выпускѣ, а также цѣль и способъ обезпеченія ассигнацій, мы не можемъ назвать ихъ банковыми билетами въ собственномъ смыслѣ. Но не были ли онѣ дѣйствительными бумажными деньгами? И на этотъ вопросъ нужно дать отрицательный отвѣтъ, потому что ассигнаціи были размѣнны и не могли выполнять роли денегъ, какъ мѣрила цѣнности, а оба сейчасъ указанныя условія необходимы для того, чтобы мы тому или другому орудію обращенія могли приписать значеніе дѣйствительныхъ денегъ. Мѣриломъ цѣнности по прежнему оставалась монета; ассигнаціи же не имѣли цѣнности самостоятельной; онѣ только представляли то или другое количество монеты ²⁾, и какую мѣновую цѣнность имѣло

¹⁾ Самъ манифестъ такъ говоритъ о значеніи банковъ: они назначаются: 1) «чтобы отпускать во все Правительства, сколько оныя потребуютъ Государственныхъ Ассигнацій, принимая за то отъ нихъ наличныя деньги, чтобы 2) являющимся людямъ съ тѣми ассигнаціями выдавать за оныя деньги, сколько надлежитъ, немедленно и 3) чтобы накіи тѣ вымѣненные ассигнаціи изъ Банковъ отсылать въ Правительства».

²⁾ Это очень ясно отбѣняется и въ источникахъ, см. манифестъ отъ 29 дек. 1768 г., П. С. З., № 13219; также маниф. отъ 8 окт. 1780 г., П. С. З., № 15071. Послѣдній манифестъ запрещаетъ вывозъ ассигнацій за границу и мотивируетъ такое распоряженіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «не въ яномъ видѣ онѣ (ассигнаціи) и принимаемы быть должны какъ за настоящаго россійскаго штемпеля монету, коея вывозъ и ввозъ запрещены многими узаконеніямъ, каковымъ неоспоримо подвержены и сіи бумаги, ту монету представляющіи».

представляемое ими количество металла, такую имѣли и онѣ. Только въ одной функціи замѣняли ассигнаціи дѣйствительныя деньги, именно въ функціи орудія обращенія, и потому онѣ могутъ быть отнесены всеже къ денежнымъ суррогатамъ и скорѣе всего могутъ быть сближены по характеру своего обезпеченія съ депозитными билетами ¹⁾).

Если бѣ мы захотѣли спросить себя, какова же была цѣль правительства при учрежденіи банковъ и выпускѣ ассигнацій, то должны бы отвѣтить, что правительство, какъ видно изъ его заявленій и изъ существа дѣла, стремилось чрезъ эти нововведенія къ реформѣ денежнаго обращенія, а не къ увеличенію средствъ государственнаго казначейства чрезъ созданіе особаго вида кредита. Взглядъ самого правительства на цѣль и значеніе ассигнацій мы уже знаемъ изъ манифеста отъ 29 декабря 1768 г., и въ первое время обращенія ихъ оно при всякомъ случаѣ повторяло основные принципы названнаго манифеста ²⁾). Затѣмъ, при системѣ полнаго покрытія, которую устанавливаетъ манифестъ, даже не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо кредитѣ для казны, потому что при этой системѣ не оставалось свободныхъ капиталовъ, потому что количество могущихъ быть пущенными въ оборотъ денежныхъ знаковъ не увеличивалось; такая система допускаетъ ту именно только выгоду, о которой говоритъ правительство,—именно выгоду отъ замѣны однихъ орудій мѣны другими, болѣе удобными въ обращеніи по внѣшнимъ качествамъ. Слѣдовательно, по своему существу планъ кн. *Вяземскаго* не былъ приведенъ въ исполненіе; дѣйствительность гораздо болѣе приближалась къ проѣкту автора уже извѣстной „Записки“. Если же мы выше говорили, что послѣдній проѣктъ не имѣлъ, повидимому, вліянія на правительство, то только въ томъ смыслѣ, что онъ не имѣлъ *непосредственнаго* вліянія, что онъ не былъ главнымъ внѣшнимъ побужденіемъ къ реформѣ денежнаго обращенія. Но если теперь оказывается, что между нимъ и принципами законодательныхъ актовъ гораздо болѣе общаго, чѣмъ между послѣдними и планомъ кн. *Вяземскаго*, составленнымъ ad hoc, то фактъ такой

¹⁾ Ср. *Goldmann*, Russisches Papiergeld, S. 13; *Ватеръ*, Русск. бум. деньги, стр. 49.

²⁾ См., напр., манифестъ отъ 8 окт. 1780 г. II. С. З., № 15071.

общности всетаки не дать еще права съ полной убѣжденностью сказать, что планъ „Записки“ оказалъ вліяніе на правительство; можно только съ большей или меньшей вѣроятностью предполагать это вліяніе. Итакъ, правительство путемъ выпуска ассигнацій не создало себѣ еще источника кредита. Но не создавши себѣ на первый разъ кредита, правительство создало *возможность* его и этой возможностью воспользовалось въ критическихъ финансовыхъ обстоятельствахъ, созданныхъ веденіемъ войнъ: съ этой цѣлью въ скоромъ времени оно должно было оставить принципъ полного покрытія. Впрочемъ, нужно имѣть въ виду и то, что къ послѣднему рѣшенію его побуждала также и потребность оборота не только въ болѣе удобныхъ средствахъ обращенія, но и въ большемъ количествѣ ихъ. Вотъ все, что, по нашему мнѣнію, можно сказать о цѣли правительства при выпускѣ первыхъ ассигнацій; боязнь ошибки заставляетъ насъ отказаться отъ утвержденія вслѣдъ за г. Куломзиннымъ, что „необходимость чрезвычайныхъ расходовъ была тайной причиной основанія ассигнаціоннаго банка“¹⁾.

Дальнѣйшая дѣятельность правительства по отношенію къ ассигнаціямъ заключалась въ увеличеніи ихъ количества и въ заботахъ объ облегченіи ихъ размѣна и распространенія по всей имперіи. Уже въ слѣдующемъ же 1769 году для удовлетворенія требованій на ассигнаціи со стороны частныхъ лицъ и казенныхъ мѣстъ правительство распорядилось выпустить еще на 150 тысячъ ассигнацій и сверхъ того имѣть въ запасѣ на тотъ же случай на $\frac{1}{2}$ милліона рублей готовыхъ ассигнацій; банки должны были требовать ассигнаціи изъ правленія по мѣрѣ надобности, но при этомъ каждый разъ требованіе одного банка не должно было превышать 100 тысячъ рублей; впрочемъ, и самое требованіе банкъ могъ предъявить только тогда, когда наличность его въ ассигнаціяхъ не будетъ превышать 50 тысячъ рублей²⁾. Ассигнація, какъ видно, были приняты публикой на первый разъ очень довѣрчиво, доказательствомъ чему служитъ указъ сенату отъ 19 ноября

¹⁾ Сборн. Импер. ист. общ., т. XXVIII, пред., стр. XXI.

²⁾ Именной указъ сенату отъ 12 янв. 1769 г., II. С. З., № 13227. Ассигнаціи выпускались въ прежнихъ достоинствахъ и каждаго вида на одинаковую сумму.

1769 г. ¹⁾), заявляющей, что изъ банковъ выдавалось ассигнацій на 100 тысячъ въ недѣлю. Поэтому тотъ же указъ предписываетъ сенату имѣть вполнѣ заготовленныхъ ассигнацій уже на 1 миллионъ рублей и не подписанныхъ столько же; сверхъ того предписываетъ имѣть на готовѣ въ каждомъ изъ банковъ по 250 тысячъ и на такую же сумму въ правленіи банковъ. При такомъ ходѣ дѣла можно было выпустить ассигнацій большое количество, именно столько, сколько принесено бы было частными лицами монеты для обмѣна на ассигнаціи. Но правительство на первое время не заботилось о томъ, чтобы ограничить количество выпускаемыхъ ассигнацій какимъ-либо предѣломъ; въ такой заботѣ не было и нужды, если строго выдерживалась система полного покрытія, потому что тогда размѣръ выпусковъ естественнымъ образомъ ограничивался количествомъ приносимой монеты. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, при такой системѣ покрытія и размѣнности не могло быть и *излишнихъ* ассигнацій, а слѣдовательно, и дурныхъ слѣдствій отъ ихъ обращенія для хозяйственной жизни народа. Но вся бѣда оказалась въ томъ, что правительство въ скоромъ времени оставило тѣ принципы, которые оно въ манифестѣ отъ 29 декабря 1768 г. объявило неизмѣнными, и стало пользоваться выпускомъ ассигнацій, уже какъ однимъ изъ финансовыхъ источниковъ. Такъ, съ 1769 г. по 1775 г. для пополненія средствъ казны, истощенныхъ вслѣдствіе войны съ Турціей, выпущено было ассигнацій на сумму въ 12.714.750 рублей. Разъ правительство вступило на такой скользкій путь, оно уже съ трудомъ могло сойти съ него; дальнѣйшая исторія покажетъ намъ, что нашему правительству совсѣмъ не удалось отстранить необходимость въ затруднительныхъ случаяхъ искать финансовую поддержку въ выпускахъ сначала ассигнацій, а потомъ кредитныхъ билетовъ. Впрочемъ, не забывая впередъ, мы должны шагъ за шагомъ прослѣдить политику правительства въ дѣлѣ выпуска ассигнацій.

¹⁾ П. С. З., № 13385; также маниф. отъ 22 янв. 1769 г., П. С. З., № 13403: «Нынѣ же видя, что черезъ годовое банковое обращеніе народная довѣренность день отъ дня возрастала и наконецъ тѣми мѣстами совершенно приобрѣтена... и т. д.; еще см. маниф. отъ 17 мая 1771 г., П. С. З., № 13607.

Оказывается, что уже въ 1774 г. правительство подумывало о томъ, чтобы ограничить выпуски ассигнацій какимъ-либо предѣломъ, дальше котораго не слѣдовало бы идти. На такія мысли его наводило то обстоятельство, что въ это время разныя казенныя мѣста были должны банкамъ въ два раза болѣе того капитала, который въ нихъ хранился; объ этомъ съ грустью заявляетъ указъ отъ 10 января 1774 г. ¹⁾). Такимъ образомъ, мы узнаемъ о томъ весьма важномъ обстоятельствѣ, что обезпечивающій размѣнъ фондъ уже далеко не равенъ количеству выпущенныхъ ассигнацій, какъ слѣдовало бы быть, если бъ принципъ полного покрытія былъ твердо поддерживаемъ. Поэтому понятны слова того же указа: „сображая циркуляцію и число находящихся въ государствѣ въ монетѣ денегъ, мы заблагоразсудили ограничить количество государственныхъ ассигнацій изъ банковъ въ казенныя мѣста и въ публику выдаваемыхъ“; указъ повелѣвалъ, чтобы количество обращающихся ассигнацій не превышало 20 милліоновъ. Но и этотъ указъ остался не выполненнымъ: правительство продолжало выпускать ассигнаціи; выпускало оно ихъ, учреждая въ разныхъ мѣстахъ банковыя конторы; выпускало и съ тѣмъ, чтобы раздавать въ разныя казенныя мѣста на текущіе расходы, но уже безъ платежа со стороны послѣднихъ наличной монеты; поэтому выдаваемые казеннымъ мѣстамъ ассигнаціи числились на нихъ долгомъ. Въ 1786 г. долгъ казенныхъ мѣстъ ассигнаціоннымъ банкамъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ ²⁾):

1. Долгъ кабинета и казначейства за кабинетъ	6.400.000.
2. Долгъ с.-петербургскаго остаточнаго казначейства	15.000.000.
3. Долгъ соляного вѣдомства	6.000.000.
4. Отпущенныя въ распоряженіе Потемкина для Южнаго края	3.000.000.
Всего	30.400.000.

Но 30.400.000 рублей въ ассигнаціяхъ есть только та сумма, которая выражала долгъ казенныхъ мѣстъ ассигнаціон-

¹⁾ П. С. З., № 14096.

²⁾ Ср. Куломзинъ, стр. 230. Данныя изъ доклада комиссіи, разбиравшей проектъ гр. Шувалова.

нымъ банкамъ; она не выражала всего количества ассигнацій, находившихся въ обращеніи; послѣднее было гораздо болѣе, именно къ 1786 году оно простиралось уже до 50 милліоновъ ¹⁾. Итакъ, правительство не замедлило воспользоваться выпускомъ ассигнацій, какъ финансовымъ средствомъ; если прежде этой цѣли служило увеличеніе номинальной цѣны мѣдныхъ денегъ, то теперь съ еще большимъ удобствомъ та же цѣль достигалась путемъ выпуска ассигнацій. Однако между мѣдными деньгами и ассигнаціями, какъ финансовымъ средствомъ, слѣдуетъ дѣлать различіе. Но наши историки (какъ, впрочемъ, и теоретики) этого различія не дѣлаютъ. Такъ, г. *Ламанскій* на этотъ счетъ говоритъ слѣдующее: „замѣнивъ собою мѣдную монету, ассигнаціи остались такою же несовершенною монетою, какъ и мѣдная, съ тою разницею, что обращеніе ихъ было болѣе удобно. Значеніе же ихъ было совершенно такое, какъ и значеніе мѣдныхъ денегъ, между тѣмъ какъ выпускъ ихъ и обращеніе въ народъ не представляли никакихъ затрудненій. Слѣдовательно въ послѣднемъ отношеніи, какъ финансовый способъ правительства, ассигнаціи, при умѣренномъ первоначальномъ выпускѣ, имѣли несравненно большее преимущество, нежели система выпуска мѣдныхъ денегъ. Собственно говоря, выпускъ денегъ оставался тотъ же, но онъ уже не затруднялъ обращенія, потому что вмѣсто тяжелыхъ, *мѣдныхъ* знаковъ цѣнности, въ обращеніе поступили болѣе удобныя для передвиженія знаки *бумажные*“ ²⁾. Въ этихъ словахъ г. *Ламанскаго* мѣдныя деньги и ассигнаціи поставлены на одну доску. Но на самомъ дѣлѣ мѣдныя деньги, цѣнность которыхъ правительствомъ увеличена произвольно въ силу денежной монополіи, остаются всетаки настоящими деньгами, хотя онѣ принципиально не различаются отъ настоящихъ бумажныхъ денегъ; между тѣмъ ассигнаціи въ первый періодъ ихъ обращенія не были деньгами. Отсюда существенное различіе между тѣмъ добываніемъ средствъ, которое происходитъ

¹⁾ *Goldmann* (ор. с., S. 18) называетъ цифру въ 40 милліоновъ, но это ошибочно. Въ 1786 г. былъ предпринятъ «генеральный» обмѣнъ старыхъ ассигнацій на ассигнаціи новаго образца, и послѣднихъ потребовалось на 50 милліоновъ. См. указъ гр. Шувалову, П. С. З., № 16480. Ср. также: г. *Куломзинъ*, стр. 227 и г. *Ламанскій*, Историч. очерки etc., стр. 133.

²⁾ См. *Ламанскій*, Ист. оч., стр. 132—133.

чрезъ производство мѣдныхъ денегъ съ только что указаннымъ свойствомъ, и тѣмъ способомъ, который состоитъ въ выпускѣ разнѣнныхъ ассигнацій: въ первомъ случаѣ государство въ сущности получаетъ доходъ отъ монопольнаго производства денегъ, а во второмъ оно дѣлаетъ заемъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно пользуется такимъ же кредитомъ, какимъ пользуется банкъ, выпускающій билеты.

Что же касается мѣръ правительства, направленныхъ къ распространенію ассигнацій по всей имперіи и къ облегченію ихъ разнѣна, то онѣ состояли въ слѣдующемъ. Въ 1769 году сдѣлано было распоряженіе ¹⁾, чтобъ разнѣнъ ассигнацій на монету былъ производимъ не только въ банковыхъ отдѣленіяхъ, но и въ губернскихъ канцеляріяхъ; именно, если канцеляріи имѣли въ наличности мѣдную монету, предназначенную для отсылки въ столицы, то онѣ должны были обмѣнивать ее по желанію частныхъ лицъ на ассигнаціи; тогда въ столицы вмѣсто монеты отправляются уже эти ассигнаціи. Въ томъ же году было сдѣлано дополнительное распоряженіе, чтобъ при такомъ разнѣнѣ не было стѣсненій и задержекъ, и особенно, чтобъ не брали взятокъ подъ страхомъ „жесточайшаго“ наказанія ²⁾. Разумѣется, допущеніе разнѣна въ губернскихъ канцеляріяхъ было значительнымъ удобствомъ для владѣльцевъ ассигнацій и вело къ большому ихъ распространенію. Однако само правительство допустило при этомъ одну стѣснительную мѣру: оно распорядилось взимать съ частныхъ лицъ по $\frac{1}{2}$ % за разнѣнъ ассигнацій на монету въ губернскихъ канцеляріяхъ ³⁾; этотъ сборъ шелъ въ пользу банковъ, „чему вездѣ примѣры обрѣтаются“, поясняетъ законодательный актъ. Но уже въ 1771 г. пришлось отмѣнить этотъ стѣснительный и неумѣстный сборъ въ видахъ опять-таки облегченія разнѣна ассигнацій и привлеченія къ нимъ расположенія публики. Та же цѣль вмѣстѣ съ тѣмъ побудила правительство установить разнѣнъ ассигнацій на мѣдныя деньги еще въ провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ и вообще вездѣ, гдѣ только поступали сборы въ казну.

¹⁾ Манифестъ отъ 22 янв. 1769 г., П. С. З., № 13403.

²⁾ Указъ сената отъ 27 янв. 1769 г., П. С. З., № 13407.

³⁾ Кромѣ новгородской канцеляріи, гдѣ взималось $\frac{1}{4}$ %. Маниф. отъ 22 янв. 1769 г., П. С. З., № 13403.

Дальнѣйшаго распространенія ассигнацій въ имперіи и вмѣстѣ облегченія ихъ размѣна правительство пыталось достигнуть чрезъ учрежденіе банковыхъ конторъ въ разныхъ городахъ государства. Поводомъ къ учрежденію конторъ правительство выставляло недостатокъ въ мелкой монетѣ для ежедневнаго народнаго употребленія ¹⁾: чрезъ размѣнъ ассигнацій въ конторахъ владѣльцы ассигнацій могли получить *мелкую монету*, если чувствовали нужду въ послѣдней. *Г. Куломзинъ* ²⁾ видитъ въ обнаружившемся недостаткѣ мелкой монеты для ежедневнаго оборота слѣдствіе излишнихъ выпусковъ ассигнацій. Но мнѣ кажется, что такое утвержденіе не будетъ справедливымъ для перваго періода ассигнацій ³⁾, и что обмѣнъ ассигнацій именно ради полученія мелкой монеты достаточно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что первыя ассигнаціи были слишкомъ крупныхъ достоинствъ ⁴⁾ для тогдашнихъ низкихъ денежныхъ цѣнъ; само правительство сознавало такой недостатокъ ассигнацій и въ 1786 году ввело въ обращеніе ассигнаціи болѣе мелкихъ достоинствъ, именно десятирублевья и пятирублевья ⁵⁾.

Первая банковая контора открыта была въ 1772 году ⁶⁾ въ г. Ярославлѣ и признана за „отдѣленную часть самихъ банковъ“ и потому подчинена, какъ и послѣдніе, правленію банковъ. По образцу ярославской предполагалось учредить нѣсколько конторъ и въ другихъ городахъ. Губернаторы и воеводы мѣстностей, гдѣ будутъ конторы, должны отдавать въ нихъ мелкую монету „изъ наличнаго всякаго рода государственныхъ сборовъ и доходовъ“, а полученные изъ конторъ ассигнаціи отправлять въ **казенныя мѣста**, въ которыя должны были идти эти „государственные сборы и доходы“. Затѣмъ, манифестъ прибавляетъ: „онъ же обмѣнъ (т. е. обмѣнъ ассиг-

¹⁾ Манифестъ отъ 22 іюля 1772 г., П. С. З., № 13833.

²⁾ Стр. 223 и 224 назв. сочин.

³⁾ Объ этомъ подробнѣе немного далѣе.

⁴⁾ Какъ уже было говорено, ассигнаціи были сначала 4-хъ достоинствъ: въ 100, 75, 50 и 25 рубл.; вскорѣ 75-тирублевья были уничтожены; см. маниф. отъ 22 іюля 1772 г., П. С. З., № 13833.

⁵⁾ П. С. З., № 16480. Указъ гр. Шувалову.

⁶⁾ Маниф. отъ 22 іюля 1772 г., П. С. З., № 13833.

націй на мелкую монету) со стороны нашей казны по случаямъ и обстоятельствамъ всегда возобновляемъ быть долженъ⁴. На основаніяхъ манифеста 22 іюля 1772 г. открытъ былъ цѣлый рядъ банковыхъ конторъ. Въ 1773 г. открыты были конторы въ Устюгѣ и Смоленскѣ; затѣмъ, въ Астрахани, Нижнемъ-Новгородѣ и Вышнемъ-Волочкѣ; въ каждую изъ послѣднихъ трехъ конторъ было отпущено отъ 150 до 250 тыс. мѣдными деньгами изъ банковъ для размѣна ассигнацій. Такъ какъ высылать въ конторы изъ банковъ мѣдныя деньги, въ которыхъ они (банки) сами могли нуждаться, и, затѣмъ, обратно отсылать изъ конторъ вымѣненные ассигнаціи было затруднительно и даже опасно, то въ 1776 г. установленъ былъ такой порядокъ. Правительственныя мѣста отсылали въ конторы, находившіяся въ одномъ съ ними городѣ, собранныя въ подати мѣдныя деньги и полученныя взамѣнъ ихъ изъ конторъ ассигнаціи отсылали уже въ центральныя правительственныя учрежденія; на послѣднихъ лежалъ и обмѣнъ ветхихъ ассигнацій на новыя въ отдѣленіяхъ банка¹). Въ томъ же 1776 г. открыта была еще банковая кантора въ Тобольскѣ²); въ нее положенъ былъ капиталъ въ монетѣ на 1 милл. рубл. и на такую же сумму разрѣшено было выпустить свѣжихъ ассигнацій. Затѣмъ, въ 1779 г. въ Сибири открывается вторая кантора³) съ капиталомъ въ 500 тыс. и съ соотвѣтствующимъ количествомъ новыхъ ассигнацій. Въ 1781 г. учреждены конторы еще въ 10 городахъ⁴) съ увеличеніемъ для нихъ ассигнацій на 2 милл., а въ слѣдующимъ году прибавляются пять новыхъ конторъ⁵), для которыхъ выпущено ассигнацій на 1.100 тыс. Такова политика правительства до 1786 года,

¹) Сенатск. указъ отъ 29 мая 1776 г., П. С. З., № 14474.

²) Именной указъ сенату отъ 12 іюля 1776 г., П. С. З., № 14483.

³) Въ Иркутскѣ. Именн. указъ сенату отъ 10 апр. 1779 г., П. С. З., № 14861.

⁴) Въ Новгородѣ, Псковѣ, Твери, Нѣжинѣ, Кіевѣ, Курскѣ, Харьковѣ, Тамбовѣ, Орлѣ и Тулѣ; въ каждой капитала положено было на 200 тыс. Именн. указъ сенату, П. С. З., № 15275.

⁵) Въ Казани и Херсонѣ съ капиталомъ въ каждой по 300 тыс., въ Архангельскѣ и Ригѣ съ капиталомъ по 200 тыс. и въ Ревелѣ съ капиталомъ въ 100 тыс. Указъ отъ 9 сент. 1782 г., П. С. З., № 15508.

когда ассигнаціи претерпѣваютъ нѣкоторое существенное измѣненіе въ своей судьбѣ, дающее намъ основаніе считать съ этого времени *новый періодъ* въ ихъ обращеніи.

Предыдущій историческій очеркъ даетъ намъ право на нѣкоторые общіе выводы. Мы имѣемъ право утверждать, что ассигнаціи въ самое первое время своего обращенія явились депозитными билетами въ строгомъ смыслѣ этого слова; затѣмъ, спустя нѣкоторое время онѣ являются со многими существенными признаками банковыхъ билетовъ благодаря тому, что онѣ были размѣнны какъ на серебряную, такъ и на мѣдную монету. Однако ассигнаціи являются не настоящими банковыми билетами. Въ третьей главѣ настоящаго сочиненія мы говорили, что банковые билеты, употребляемые правительствомъ на свои расходы, имѣютъ нѣкоторыя отличія отъ чистыхъ банковыхъ билетовъ, выпускаемыхъ въ интересахъ оборота. Тамъ же мы говорили, что эти отличія заставляютъ дать особое названіе такимъ банковымъ билетамъ, выпускъ которыхъ до извѣстной степени служитъ финансовымъ источникомъ; ихъ можно называть государственными банковыми билетами или, придерживаясь терминологіи *Вагнера*, размѣнными бумажными деньгами безъ принудительнаго курса. Этимъ именно видомъ денежныхъ суррогатовъ и были ассигнаціи въ первый періодъ ихъ обращенія. Съ финансовой точки зрѣнія размѣнныя ассигнаціи были знакомъ правительственнаго долга; характеръ этого кредита совершенно таковъ же, какъ и характеръ того кредита, который частный эмиссіонный банкъ можетъ доставить себѣ чрезъ выпускъ билетовъ; только употребленіе добытыхъ такимъ образомъ средствъ различно: банкъ выпущенные билеты пускаетъ въ ссуды и обыкновенно въ ссуды для производительныхъ цѣлей, между тѣмъ какъ правительство употребляло выпущенныя имъ ассигнаціи на цѣли потребительныя: оно расплачивалось за товары и услуги, которыя удовлетворяли тѣмъ или инымъ непосредственнымъ потребностямъ государства. Здѣсь уместно привести взглядъ на ассигнаціи, высказанный нашимъ знаменитымъ государственнымъ дѣятелемъ, гр. *Сперанскимъ*; онъ такъ характеризуетъ ассигнаціи: „ассигнаціи выдаются (выпускаются) Правительствомъ вмѣсто наличныхъ денегъ при покупкахъ его, поставкахъ и подрядахъ разныхъ его потребностей, такъ же и при ссудахъ частнымъ лицамъ подъ залогъ;

они выдаются съ тѣмъ, что предъявителю ихъ зачтены они будутъ въ казначействахъ при платежѣ податей и сборовъ въ той же самой именованной цѣнѣ, какая въ нихъ ассигнована. Это суть зачетныя квитанціи на платежъ слѣдующихъ Правительству податей. Не имѣя внутренняго достоинства монеты, они имѣютъ, однако же, внѣшнее и по тому, составляя одно изъ средствъ ея вспомогательныхъ, именуется бумажными деньгами или бумажною монетою. Отнимите у нихъ сіе достоинство, остановите пріемъ ихъ въ казначействахъ и они тотчасъ же лишатся всей монетной своей силы, будутъ простою ничтожною бумагою“ ¹⁾. Затѣмъ, нѣсколько далѣе гр. *Сперанскій* тѣ же мысли высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ ²⁾: „деньги вообще суть средства мѣны. Слѣдовательно, Правительство, выпуская ассигнаціи, мѣняетъ ихъ на произведенія какого-либо труда. Но кто бы согласился промѣнять, или продать, свои произведенія на бумагу, если бы бумага сія не имѣла никакого достоинства? Въ чемъ же состоитъ сіе достоинство? Оно состоитъ единственно въ обѣщаніи зачесть сію бумагу въ число податей. Слѣдовательно, (не?) новое богатство пріобрѣтается выпускомъ ассигнацій, но единственно издерживаются впередъ тѣ самыя деньги, кои должны бы были поступить въ казначейство въ свое время въ видѣ податей, и сила ассигнацій въ окончательномъ счетѣ опирается на тѣхъ квитанціяхъ, кои выдаются изъ казначейства при вносѣ ихъ въ счетъ податей. *Ассигнаціи дѣйствительно ассигнуютъ только зачетъ податей*“ ³⁾, и выпускъ ихъ есть не что иное, какъ мѣна податей еще не поступившихъ, но поступить имѣющихъ, на произведенія труда, потребныя Правительству, мѣна весьма полезная и часто весьма нужная, но мѣна, ничего не прибавляющая къ составу, ни казеннаго, ни частнаго, доходу“ ⁴⁾.

Мы привели здѣсь взглядъ *Сперанскаго* на ассигнаціи

¹⁾ *Сперанскій*, 0 монетномъ обращеніи (записка опубликована въ Чт. въ Импер. общ. ист. и древн. Росс., за 1872 г., кн. 4, смѣсь), стр. 142.

²⁾ *Ibid.*, стр. 151.

³⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

⁴⁾ Последняя выдержка относится спеціально къ ассигнаціямъ въ періодъ ихъ размѣнности.

потому, что онъ, какъ увидимъ, имѣлъ не малое вліяніе на судьбу ассигнацій. Но едва ли есть надобность заниматься подробной критикой этого взгляда: читатель видитъ, что *Сперанскій* преувеличилъ до чрезвычайности значеніе податного обезпеченія ассигнацій. По мнѣнію *Сперанскаго*, „достоинство“ ассигнацій основывалось единственно на томъ обстоятельстве, что онѣ принимались въ счетъ податей по ихъ номинальной цѣнѣ; но онъ забываетъ, что онѣ, подобно банковымъ билетамъ, обращались бы въ качествѣ денежнаго суррогата; даже и въ томъ случаѣ, если бы не имѣли податного обезпеченія.

Такова судьба и таково экономическое значеніе нашихъ первыхъ ассигнацій. Съ 1786 года ихъ экономическая природа, а равно и вліяніе на народное и государственное хозяйство существенно измѣняются. Поэтому съ этого года можно считать новый періодъ въ исторіи ассигнацій, которому мы и посвящаемъ слѣдующую главу.

ГЛАВА V. ВТОРОЙ ПЕРИОДЪ ИСТОРИИ АССИГНАЦІЙ (1786—1812 г.г.): АССИГНАЦИИ УТРАЧИВАЮТЪ РАЗ- МѢННОСТЬ.

До сихъ поръ (1786 г.) правительство при выпускѣ ассигнацій постоянно напоминало о той главной цѣли, для которой оно ихъ выпустило; именно упоминало о томъ, что при выпускахъ ассигнацій имѣется въ виду главнымъ образомъ облегченіе денежнаго обращенія въ государствѣ. Если же при этомъ разныя казенныя мѣста успѣли задолжать ассигнаціоннымъ банкамъ до 30 мил. рублей, то, во-первыхъ, при своихъ заимствованіяхъ правительство всегда имѣло въ виду ту или другую сумму металлическихъ денегъ, которыя, по его расчету, могли быть отданы банкамъ въ критическую минуту; во-вторыхъ, количество выпускаемыхъ ассигнацій не было столь большимъ, чтобъ можно было обвинить правительство въ неосторожномъ выпускѣ ихъ за первый періодъ. Впрочемъ, лучше не говорить о виновности или невинности, осторожности или неосторожности правительства, а брать факты, какъ они имѣли мѣсто. Фактъ же тотъ, что за первый періодъ обращенія ассигнацій на 50 мил. обращающихся ассигнацій банки имѣли наличности на 20 мил., и что при такомъ положеніи дѣла размѣнность ассигнацій достаточно была обезпечена, по крайней мѣрѣ, для спокойнаго времени, и онѣ (ассигнаціи) могли циркулировать въ качествѣ денежнаго суррогата. Но вотъ въ 1786 г. государственная казна опять въ затруднительномъ положеніи: военные расходы ее истощили, чувствуется настоятельная потребность въ нѣкоторыхъ полезныхъ сооруженіяхъ, и сверхъ этого еще дворянство и купечество нуждаются въ кредитѣ. Правительство рѣшается выпустить снова ассигнаціи и притомъ въ небываломъ доселѣ размѣрѣ. Оно, повидимому, понимаетъ или, вѣрнѣе, предчувствуетъ, что дѣлаетъ шагъ, могущій повести къ серьезнымъ

результатамъ; правительство какъ бы инстинктивно боится, что результаты не должны быть благодѣтельными. Это ясно изъ того, что прежде чѣмъ издается нужнѣйшій манифестъ, гр. *А. П. Шуваловъ* пытается въ своей „Запискѣ“ пространно доказать, что новый выпускъ ассигнацій поведетъ ко многимъ благимъ результатамъ какъ для государства, такъ и для общества. Сверхъ этого признается нужнымъ рассмотреть весь проектъ гр. *Шувалова* въ особой комиссiи, и только уже послѣ того издается манифестъ отъ 28 iюня 1786 г. объ „Учрежденiи Государственнаго Заемнаго Банка“, въ которомъ (т. е. манифестѣ) содержится пространное же мотивированiе предпринимаемой мѣры. Дѣйствительно, шагъ былъ серьезнымъ: имъ положено было начало превращенiя ассигнацій, какъ одного изъ видовъ денежныхъ суррогатовъ, въ дѣйствительныя деньги. Почему послѣднее должно было имѣть мѣсто и какъ фактически случилось, объ этомъ будемъ говорить нѣсколько далѣе, а теперь остановимся на проектѣ гр. *Шувалова*, на мнѣнiи комиссiи, его разсматривавшей, и, наконецъ, на манифестѣ отъ 28 iюня 1786 г., такъ какъ всѣ эти документы очень характерны для тогдашнихъ воззрѣнiй финансовыхъ и экономическихъ.

Прежде всего гр. *Шуваловъ*, въ своей „Запискѣ“ ¹⁾ долженъ былъ остановиться на тѣхъ обстоятельствахъ, которые дѣлали необходимымъ новый значительный выпускъ ассигнацій и которые до нѣкоторой степени могли бы оправдать этотъ выпускъ. Онъ дѣйствительно указываетъ, что казна имѣетъ крайнюю необходимость въ денежныхъ средствахъ по случаю военныхъ издержекъ; нуждается она въ нихъ и для устройства разныхъ „хозяйственныхъ и земскихъ заведенiй“, польза отъ которыхъ очевидна; нужны, наконецъ, казнѣ средства для организации болѣе или менѣе значительнаго кредита дворянству и городамъ,—первымъ съ цѣлью поддержать ихъ сельско-хозяйственную дѣятельность,—вторымъ, чтобъ облегчить ихъ торговыя операцiи. Купцы дѣйствительно нуждались въ то время въ обратномъ капиталѣ и часто должны были прибѣгать къ системѣ задатковъ со стороны иностранныхъ

¹⁾ «Записка» гр. *Шувалова* хранится въ Московск. архивѣ; ея содержанiе изложено у г. *Куломзина*, Ассигнацiи въ царствованiе Екатерины II, стр. 227—229.

торговцевъ и, разумѣется, не съ выгодой для русской торговли. Сверхъ всего этого государственное казначейство, обязанное ежегодно уплачивать часть долга ассигнаціонному банку, не можетъ этого выполнять безъ увеличенія своего постоянного дефицита и потому нуждается, какъ думаетъ проэктъ, въ особой вспомогательной операціи. Констатировавши фактъ нужды правительства въ денежныхъ средствахъ, гр. *Шуваловъ* очень справедливо говоритъ, что достать ихъ путемъ внутренняго займа нѣтъ возможности; и дѣйствительно, дворянство и купечество сами нуждались въ кредитѣ, а кромѣ этихъ сословій некому было дать капиталовъ правительству, если бь оно рѣшилось обратиться къ внутреннему займу. Итакъ, по мнѣнію гр. *Шувалова*, единственный исходъ былъ въ выпускѣ ассигнацій. Но онъ не говоритъ уже о томъ, что этимъ выпускомъ облегчается что-нибудь въ денежномъ обращеніи; не говоритъ также, что выпущенныя вновь ассигнаціи должны быть обезпечены какимъ-либо металлическимъ фондомъ. Слѣдовательно, въ проэктѣ гр. *Шувалова* вопросъ весь въ томъ, какъ добыть государству денежные средства, и выпускъ ассигнацій является только финансовымъ источникомъ для этого. Правда, гр. *Шуваловъ* всеже говоритъ, что выпустить ассигнаціи можно безъ боязни потому, что количество мѣдной монеты со времени учрежденія ассигнаціонныхъ банковъ значительно увеличилось, и еще потому, что доходы государства возрастаютъ. Но это уже совсѣмъ не то, что мы прежде слышали: здѣсь нѣтъ и рѣчи о какомъ-либо опредѣленномъ обезпеченіи размѣна ассигнацій. Объ обезпеченіи 33 мил., которые предполагалось раздать дворянству и купечеству, недвижимостями этихъ послѣднихъ здѣсь едва ли можетъ быть рѣчь, потому что залогомъ недвижимостей дворянства и городовъ обезпечивался только возвратъ долга правительству (точнѣе, заемному банку), но раздаваемая въ кредитъ ассигнаціи и пущенныя въ обращеніе дворянами и купцами не нашли бы соотвѣтствующаго размѣннаго фонда въ ассигнаціонномъ банкѣ. Чтобы сдѣлать возможнымъ размѣнъ притекавшихъ ассигнацій нельзя же было бы продавать заложенныя имѣнія дворянъ и купцовъ, — нельзя уже по чисто юридическому основанію: нельзя продать залогъ должника прежде, чѣмъ прошелъ срокъ для уплаты долга, а кредитъ долженъ быть долгосрочнымъ, именно дворяне должны были погашать свой долгъ

въ теченіе 20 лѣтъ, а купцы въ теченіе 22-хъ ¹⁾). Итакъ, повторяемъ, существенная сторона проекта гр. *Шувалова*, а за нимъ, какъ увидимъ, и манифеста отъ 28 іюня 1786 г. состоитъ въ томъ, что новый выпускъ ассигнацій долженъ служить только финансовымъ средствомъ для подкрѣпленія казны. Гр. *Шуваловъ* полагалъ, затѣмъ, что нѣтъ основанія бояться, что государственный ассигнаціонный банкъ и ассигнаціи потеряютъ довѣріе къ себѣ со стороны русской и иностранной публики, если только будетъ изданъ коренной законъ, что количество ассигнацій „ни въ какомъ случаѣ и ни въ какомъ положеніи“ не будетъ увеличено сверхъ 100 мил. рублей, и если ассигнаціонный банкъ сдѣлаетъ всѣ свои операціи открытыми и гласными ²⁾.

Что касается подробностей плана гр. *Шувалова*, то онъ состояли въ слѣдующемъ. Дворянству планъ предлагалъ раздать 17½ мил. подъ залогъ ихъ имѣній; эти 17½ мил. съ прежде уже розданными дворянамъ должны были составить 22 мил.; при этомъ съ дворянъ предполагалось брать 8% интереса и погашенія и, такимъ образомъ, возвратъ капитальнаго долга имѣлъ бы мѣсто чрезъ 20 лѣтъ. Городамъ планъ совѣтовалъ отдать въ кредитъ 11 мил. съ 7% интереса и погашенія и съ возвратомъ долга черезъ 22 года. По расчетамъ плана, казна получить чистой прибыли 19.140.000 руб., которые она и могла внести въ ассигнаціонные банки вмѣсто того, чтобы ежегодно вносить въ нихъ опредѣленную сумму изъ обыкновенныхъ доходовъ государства. Сверхъ этого предполагалось выпустить 4 мил. ассигнацій на расходы по кабинету Ея Величества, 2½ мил. въ подкрѣпленіе государственному казначейству и, наконецъ, 15 мил. отложить на случай неожиданной войны. Такимъ образомъ, планъ предлагалъ

¹⁾ И вообще, какъ говоритъ *Тукъ*, «гипотекарные займы на цѣлый рядъ лѣтъ не доставляютъ надлежащей банковской прочности;... банки, которые давали займы на долгіе сроки или подъ ипотеку въ болѣе широкихъ размѣрахъ, почти всегда должны были останавливать платежи». См. *Tooke und Newmarch*, op. c., I, 645.

²⁾ По этому поводу гр. *Шуваловъ* высказалъ мнѣніе, достойное вниманія для того времени, именно онъ говорилъ въ концѣ «Замѣтки»: «конечно, если всѣмъ отраслямъ финансовъ тайна не свойственна, то она еще менѣе вмѣщена быть можетъ въ банки, которыхъ душа есть довѣріе, а правила — ясность». См. *Куломзинъ*, стр. 229.

увеличить количество обращающихся ассигнацій на цѣлыхъ 50 мил., т. е. увеличить ихъ въ два раза.

Планъ гр. *Шувалова*, какъ и выше уже было замѣчено, разсматривала особая съ этой специальной цѣлью назначенная императрицей комиссія ¹⁾. Комиссія въ существѣ согласилась съ планомъ гр. *Шувалова* и только лишь подробнѣе развила, по ея мнѣнію, „его выгоды и благодѣтельныя для всего государства послѣдствія“. Эти выгоды и благодѣтельныя послѣдствія комиссія видѣла въ томъ, что планъ дастъ „предуподобное средство выплатить знатные долги, получить новые доходы въ прибытокъ и удовлетвореніе нуждъ государственныхъ и закупъ съ тѣмъ, во утѣшеніе великой души Вашей ²⁾, пролить сродную ей милость и величайшее благотвореніе на различныя состоянія всѣхъ Вашихъ подданныхъ“. Сверхъ всего этого осуществленіе плана давало еще то удобство, что не было нужды обращаться къ новому налогу. По расчету комиссіи, чтобы уплатить долгъ казначейства ассигнаціоннымъ банкамъ и добыть средства для необходимыхъ сооруженій, нужно было бы обложить все платящее населеніе страны налогомъ въ 30 коп. съ души; но комиссія находить, что прибѣгать къ новымъ налогамъ нѣтъ возможности, такъ какъ платежныя силы населенія значительно напряжены, и что должно поэтому предвидѣть „уныніе и страхъ всепародные, нерѣдко въ такомъ положеніи дознаваемые, когда подати увеличиваютъ безъ прибавки новыхъ способовъ къ изобилію и благосостоянію платящихъ оныя ³⁾“. Съ особеннымъ одобреніемъ комиссія отнеслась также къ предложенію гр. *Шувалова* сдѣлать операціи ассигнаціоннаго банка гласными и такъ же, какъ графъ, возлагала на эту мѣру большія надежды. Она говорила, что „чѣмъ болѣе вѣрить обществу, тѣмъ болѣе довѣріе его приобретается“, что „доброе дѣло и благія намѣренія не требуютъ

¹⁾ Ея участники: составитель плана гр. Шуваловъ, гр. Александръ Воронцовъ, тайный сов. Петръ Завадовскій, гр. Алексѣй Безбородко и генер.-м. Александръ Ермоловъ. Докладъ комиссіи былъ поданъ императрицѣ въ началѣ мая 1786 года.

²⁾ Рѣчь обращена къ императрицѣ.

³⁾ См. г. *Кулозинъ*, стр. 231. Дѣйствительно, еще въ 1783 г. всѣ подати чувствительнымъ образомъ для населенія увеличены. См. Сб. Ист. общ., предисловіе, т. XXVIII, стр. XXVIII.

завѣсы“. Публичность дѣлъ банка, по мнѣнію комиссій; побудить купечество довѣрять ему свои капиталы и вообще чаще обращаться къ его содѣйствію, если особенно банкъ откроетъ текущіе счета и будетъ производить учетъ векселей.

Въ подробностяхъ планъ гр. *Шувалова* былъ нѣсколько однако измѣненъ, хотя сущность осталась та же, т. е. стремленіе помочь казначейству возможно легче уплатить долгъ ассигнаціонному банку и не оставить первое безъ всякихъ средствъ на дальнѣйшее время. Комиссія дѣлаетъ прежде всего счетъ тѣмъ долгамъ, которые банкъ имѣлъ за разными казенными мѣстами; общій итогъ этихъ долговъ, какъ мы уже знаемъ, простирался до 30.400.000 рублей въ ассигнаціяхъ. Но сверхъ этого долга признавалось необходимымъ имѣть средства еще на слѣдующія надобности:

1) На устройство дороги отъ Москвы до Петербурга.	3.700.000
2) Для казначейства	2.500.000
3) Для кабинета	600.000
4) На устройство Вытегорскаго канала.	3.000.000
<hr/>	
Всего.	9.800.000 ¹⁾ .

Слѣдовательно, для уплаты долга и для удовлетворенія только что названныхъ нуждъ слѣдовало имѣть 40.200.000 руб.

Долгъ въ 30.400.000 руб. казначейство должно было заплатить ежегодными взносами изъ обыкновенныхъ доходовъ. Этотъ долгъ, конечно, составился не сразу, и каждый разъ при займѣ известной суммы изъ ассигнаціоннаго банка указъ, разрѣшающій заемъ, опредѣлялъ и срокъ, когда долгъ слѣдовало уплатить; именно уплата распределена была слѣдующимъ образомъ:

въ 1786 г. слѣдовало уплатить	1.270.000 р.
„ 1787—88 г.г. по 2.301.000 р. каждый годъ	4.602.000 р.
„ 1789—95 г.г. по 2.091.000 р. каждый годъ	14.637.000 р.
„ 1796—1800 г. по 1.411.000 р. каждый годъ	7.055.000 р. ²⁾

¹⁾ Куломзинъ, и. с., 230.

²⁾ Недостающее количество до 30.400.000 руб. должно было уплатить еще до 1786 г., но въ дѣйствительности и оно не было уплачено.

Коммиссія полагала, что произвести уплату долга изъ обыкновенныхъ доходовъ государства будетъ трудно ¹⁾, и потому тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія планъ гр. *Шувалова*; по ея расчетамъ, раздача ассигнацій дворянству и городамъ должна дать правительству чистой прибыли 18.300.000 руб., и эти деньги могутъ быть употреблены такъ:

1) На уплату долга кабинета ас. банку	4.600.000 р.
2) " " части долга казначейства	6.000.000 р.
3) " " долга по устройству дороги между Москвой и Петербургомъ	3.700.000 р.
4) Въ распоряженіе правительства оставить	4.000 000 р.
	<hr/>
	18.300.000 ²⁾

Затѣмъ, коммиссія предполагала 3 мил., данные Потемкину на нужды Южнаго края, сложить со счетовъ казначейства и уплатить изъ средствъ этого края, — на каналъ дать пока одинъ только милліонъ, а два получить впоследствии опять-таки изъ прибылей отъ раздачи денегъ въ ссуды дворянству и городамъ. Дальнѣйшія предложенія коммиссіи состояли въ томъ, чтобы 300.000 руб. уплатить изъ различныхъ источниковъ, 6 600.000 руб. уплатить ежегодными взносами по милліону, начиная съ 1789 и кончая половиной 1795 г. и, наконецъ, 10 мил. объявить отверженнымъ долгомъ казначейства (*dette fondée*) и платить только проценты по нему въ количествѣ 300.000 руб. ежегодно. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ расчетовъ мы видимъ, что коммиссія хотѣла заплатить долгъ банку ужъ очень просто: казначейству пришлось бы платить только по милліону въ теченіе 6½ лѣтъ и, затѣмъ, по 300.000 р. ежегодно процентовъ на отверженный долгъ. Видимъ также, что вся забота коммиссіи состоитъ въ томъ, какъ бы сложить со счетовъ казначейства долгъ банку, но ее мало беспокоить судьба предлагаемаго къ выпуску небы-

¹⁾ Коммиссія не ошиблась: «продолжительный періодъ дефицитовъ», начавшійся еще въ 1779 г., продолжался и далѣе 1786 г. Сбор. Историч. общ., т. XXVIII., стр. IX.

²⁾ *Куломзинъ*, н. с., 230; также *Бржескій*, Государственные долги Россіи, стр. 59.

валаго количества ассигнацій; она не задается вопросомъ, какъ обезпечить размѣнъ большого количества ихъ и что дѣлать, если ассигнаціонный банкъ не окажется въ силахъ поддерживать постоянную размѣнность ассигнацій. Коммиссія полагаетъ даже, что увеличеніе количества денежныхъ знаковъ не можетъ возвысить цѣнъ, и для доказательства этого ссылается на западно-европейскія государства, въ которыхъ, по ея мнѣнію, денегъ много, но цѣны нельзя назвать ненормально высокими; наоборотъ, думаетъ коммиссія, недостатокъ денегъ ведетъ къ возвышенію цѣнъ; въ концѣ концовъ она питаетъ надежду, что, раздавъ ассигнаціи дворянству и городамъ, правительство окажетъ существенную поддержку земледѣлію и городской промышленности. Въ заключеніе нашей рѣчи о мнѣніи коммиссіи по поводу плана гр. *Шувалова* намъ остается только сказать, что и она находила вполне цѣлесообразнымъ 15 мил. ассигнацій (изъ 50 мил., предполагаемыхъ къ выпуску) отложить на случай войны, а остальные (за раздачей дворянству и городамъ 28½ мил. и за вычетомъ этихъ 15 мил.) отдать въ распоряженіе казначейства на его нужды.

Выше мы уже не разъ упоминали, что какъ планъ гр. *Шувалова*, такъ и усилія коммиссіи, его разсматривавшей, направлены главнѣйшимъ образомъ на достиженіе чисто финансовой цѣли; они мало вниманія обратили на то, каково будетъ положеніе выпускаемыхъ ассигнацій въ сферѣ денежнаго обращенія, или, если и обратили, то смотрѣли на дѣло слишкомъ оптимистически и притомъ по существу ошибочно. Но среди лицъ того времени, имѣвшихъ обыкновеніе обращать вниманіе на явленія общественной жизни Россіи, нашелся человекъ, который пытался убѣдить императрицу и лицъ, защищавшихъ изложенныя предложенія, въ ошибочности многихъ расчетовъ. Человекъ этотъ былъ ген.-прокуроръ кн. *Вяземскій*, подавшій 29 мая 1786 г. особую „Записку“ на Высочайшее имя ¹⁾. Кн. *Вяземскій* напомнилъ прежде всего, что при первомъ выпускѣ ассигнацій было закономъ установлено не выпускать ихъ болѣе, чѣмъ будетъ въ наличности металлическихъ денегъ; что, если государственная казна и должна теперь ассиг-

¹⁾ «Записка» хранится въ Московскомъ архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

націоннымъ банкамъ значительное количество, то при займѣ всетаки постоянно имѣлись въ виду тѣ или другіе капиталы, которые въ случаѣ паденія довѣрія къ ассигнаціямъ и могли быть употреблены на размѣнъ послѣднихъ; этимъ могло бы быть возстановлено довѣріе къ ассигнаціямъ и общество успокоено. Теперь же при обезпеченіи имуществами дворянъ и городовъ, но не наличными деньгами, по мнѣнію кн. *Вяземскаго*, ассигнаціи могутъ потерять къ себѣ довѣріе и самыя ассигнаціи „уже невозможно будетъ почитать имѣющими денежное достоинство“. Увѣренія комиссіи, что увеличеніе ассигнацій до 100 мил. руб. не должно отразиться на цѣнахъ, князь считаетъ ошибочными; онъ говоритъ именно: „раздача изъ банка денегъ въ займы дворянству произведетъ то, что всѣ вещи, соразмѣрно умноженію въ циркуляціи денегъ, придутъ въ такую цѣну, которая современемъ для маломочныхъ людей, а особливо живущихъ однимъ жалованьемъ, причинитъ совершенную невозможность содержать себя опымъ“¹⁾. Указывая, такимъ образомъ, на вредъ денежному обращенію отъ выпуска предполагаемаго количества ассигнацій, кн. *Вяземскій* доказываетъ далѣе, что земледѣлю правительство очень мало поможетъ. Во-первыхъ, дѣйствительной помощи хозяевамъ помѣшаетъ размѣръ займа; предполагалось давать по 40 руб. на душу, съ которыхъ пришлось бы платить интереса и погашенія 3 р. 20 к. въ годъ (при 8%, какъ выше было сказано), но помѣщики тогда получали оброку только по 3 руб. съ души; слѣдовательно, пришлось бы увеличить оброкъ, что повело бы къ стѣсненію крестьянъ и накопленію недоимокъ; во-вторыхъ, на основаніи предшествовавшаго опыта едва ли можно было предполагать, что дворянство воспользуется кредитомъ съ производительными цѣлями. Правда, дворянство занимало охотно, если можно было имѣть дешевый кредитъ; такъ, въ 1750 г. долги дворянства составляли 1.593.000 руб., а въ 1775 г. уже 8.430.733 руб., изъ которыхъ 4.379.868 руб. были заняты изъ заемныхъ банковъ, учрежденныхъ для дворянства въ этомъ же 1775 г.; но дѣло въ томъ, что занимаемыя деньги шли на предметы роскоши и обогащали только торговцевъ этими предметами, шедшими какъ знаетъ всякій,

¹⁾ См. г. *Куломзинъ*, стр. 235.

изъ-за границы; поэтому, говорить кн. *Вяземскій*, деньги пойдутъ большею частью въ руки иностранцевъ, тягость же платежа долговъ владѣльцевъ останется на крестьянахъ. Таковъ протестъ кн. *Вяземскаго*, въ которомъ, какъ видно, много справедливаго. Однако протестъ остался безуспѣшнымъ: 28 июня 1786 г. былъ изданъ манифестъ, объявляющій объ учрежденіи заемнаго банка и выпускѣ на 100 мил. ассигнацій; при этомъ 50 мил. должны были замѣнить уже прежде выпущенныя на ту же сумму ассигнаціи, но другого образца, а другіе 50 мил. вновь появлялись на свѣтъ.

Манифестъ отъ 28 июня 1786 г. ¹⁾ начинается нѣкоторыми общими соображеніями, цѣль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы оправдать предпринимаемый важный шагъ. Манифестъ начинается такъ: „теперь въ общей связи государственныхъ нуждъ и пользы предстала уваженію Нашему отрасли о доходахъ и расходахъ государственныхъ, какъ пазначать, собирать и потомъ раздѣлять выгоды, принадлежація коронѣ изъ всеобщаго изобилія, которая (т. е. отрасль) во внутреннемъ Государственномъ Управленіи составляетъ основаніе всѣхъ политическихъ умозрѣній и которую назовемъ Мы своимъ и краткимъ словомъ *государственное хозяйство*“ ²⁾. Затѣмъ, манифестъ говоритъ о побудительныхъ причинахъ къ мѣрамъ, о которыхъ онъ трактуетъ; т. е. о побудительныхъ причинахъ къ учрежденію заемнаго банка, выпуску ассигнацій и кредиту дворянству и городамъ. Причины эти слѣдующія: во 1-хъ, „благоденствіе человѣчества и наипаче Нашихъ подданныхъ есть законъ Нашей мысли и чувствъ Нашего сердца“; во 2-хъ, „обогащеніе народа есть богатство Государя“; въ 3-хъ, „число ассигнацій, доселѣ выпущенное, не удовлетворяетъ въ полной мѣрѣ нуждамъ и хотѣнію людей общему имѣть ихъ болѣе въ пространной Нашей Имперіи“ и, наконецъ, въ 4-хъ, особый недостатокъ денегъ въ земледѣліи и городской промышленности; о послѣднемъ обстоятельстве манифестъ говоритъ: „многими средствами доселѣ поощряемыя торговля, руководліе, ремесла и земледѣліе, хотя приращеніе въ оныхъ ощутительно, во многихъ однако своихъ частяхъ, не достигаютъ еще возможной степени отъ единого недостатка въ обращеніи денегъ, все то оживляющихъ“; а болѣе всего,

¹⁾ П. С. З., № 16407.

²⁾ Терминъ, получившій теперь право гражданства, едва ли не впервые употребленъ въ этомъ манифестѣ.

думаетъ манифестъ, деньги нужны для земледѣлія; „нужны тутъ деньги, дабы скотъ, строенія и орудія, потребныя къ тому завести; Мы для сего наипаче ихъ дадимъ, дабы всякъ хозяинъ, имѣя оныя за малыя проценты, и выплачивая свой долгъ легчайшимъ образомъ, былъ въ состояніи учредить свои земли и отъ вовсе неплодныхъ или малый плодъ дающихъ произвести себѣ прибыль и основать непремѣнный навсегда доходъ своему дому“¹⁾). Сверхъ приведенныхъ манифестъ указываетъ еще на слѣдующія обстоятельства, служившія также побужденіемъ для правительства къ принятію новыхъ мѣръ въ денежномъ обращеніи: въ 5-хъ, что недостатокъ денегъ, помимо стѣсненій въ сельской и городской промышленности, ведетъ къ развитію лихоимства и, наконецъ, въ 6-хъ, что то же отсутствіе денегъ повело къ значительной зависимости нашихъ представителей торговли „отъ ссудъ иностранныхъ, чѣмъ доселѣ стѣсняется торговля“. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ учредить государственный заемный банкъ, который долженъ будетъ раздать дворянству и городамъ 33 мил.²⁾ на условіяхъ, предложенныхъ планомъ гр. *Шувалова*³⁾). Въ манифестѣ высказывается дальше, что „умноженіе мѣдной монеты и знатно возросшіе въ Наше царствованіе доходы, да и самыя капиталы и прибыли банковъ⁴⁾ съ учрежденіемъ ихъ, превзойдутъ количество выдаваемыхъ ассигнацій“⁵⁾), но всетаки, чтобы

¹⁾ Давая деньги въ ссуду городамъ, манифестъ дѣлаетъ имъ внушеніе, что ссуда эта имъ оказывается для развитія внѣшней торговли и отпуску нашего на азіатскіе рынки (Китай, Персія), а не для покупки товаровъ за границей, «большою частью въ существѣ намъ ненужныхъ, къ одной разорительной роскоши пособствующихъ и часть перевѣса нашего по торгу пожирающихъ». Какъ сильно послѣднія слова напоминаютъ знаменитое ученіе меркантилистовъ о торговомъ балансѣ!

²⁾ Вновь, впрочемъ, какъ мы и знаемъ, только 28½ мил. руб. (въ асс.).

³⁾ Дворяне по своимъ займамъ ежегодно платили 8%: 5%—интереса, 3%—погашенія; горожане платили 7%: 4%—интереса и 3% погашенія. Кстати скажемъ здѣсь, что тотъ же манифестъ установилъ законный процентъ, именно 5%; виновный въ нарушеніи послѣдняго закона, какъ лихоимецъ, лишался своего капитала въ пользу приказовъ общественнаго призрѣнія.

⁴⁾ Имѣются въ виду вновь учреждаемый государственный заемный банкъ и государственный ассигнаціонный банкъ; ассигнаціонный банкъ теперь одинъ, потому что этотъ же манифестъ дѣлаетъ распоряженіе о соединеніи прежнихъ двухъ банковъ.

⁵⁾ Неопредѣленныя фразы, которыя мы встрѣчаемъ и въ проектѣ гр. *Шувалова*; вмѣсто ихъ слѣдовало бы прямо поставить вопросъ объ обезпеченіи размѣннымъ фондомъ вновь выпускаемыхъ ассигнацій.

устранить „вредныя заключенія и пустыя толки“, чтобы поддержать довѣріе къ банкамъ какъ внутри страны, такъ и въ европейскихъ государствахъ, дѣлаются съ этою цѣлью особыя постановленія; именно: 1) императрица торжественно обѣщается за себя и преемниковъ, что ассигнацій ни въ какомъ случаѣ не будетъ выпущено больше 100 мил.; 2) новый заемный банкъ будетъ пользоваться особыми привилегіями, какъ и ассигнаціонный банкъ; оба будутъ „Государственными“; 3) раздача новыхъ ассигнацій обезпечивается залогомъ недвижимостей, находящихся въ собственности дворянъ и горожанъ; 4) манифестъ полагаетъ, что по возвращеніи долговъ дворянами и городами ассигнацій въ обращеніи будетъ не болѣе 40 мил. ¹⁾; впрочемъ, говоритъ манифестъ, если возвращеннымъ ассигнаціямъ и дано будетъ какое-либо полезное назначеніе, то всеже первое постановленіе неизмѣнно будетъ соблюдаемо; 5) государственный ассигнаціонный банкъ долженъ скупать мѣдъ внутри имперіи; 6) съ цѣлью поощрить добываніе мѣди правительство нѣсколько даже ограничиваетъ свое право преимущественной покупки (т. н. *ius praemissionis*) отъ горнозаводчиковъ; именно: всякій, добывшій мѣди болѣе количество, чѣмъ онъ обыкновенно добываетъ, и всякій, открывшій вновь заводъ, освобождается на будущее время отъ обязанности продавать казнѣ ²⁾ въ первомъ случаѣ половину излишне добытой мѣди, а во второмъ даже и всей. Скажемъ еще здѣсь кстати, что рассматриваемый манифестъ расширил дѣятельность ассигнаціоннаго банка: ему предоставлено было принимать вклады изъ $4\frac{1}{2}\%$ годовыхъ и дѣлать учетъ („эс-контъ“) векселей изъ $\frac{1}{2}\%$ мѣсячныхъ.

Самый планъ уплаты долга ассигнаціонному банку, предписанный указомъ генераль-прокурору отъ 28 іюня 1786 г. ³⁾, разнится отъ плановъ, предложенныхъ гр. *Шуба-*

¹⁾ Заемный банкъ долженъ былъ вести счетъ возвращаемымъ ассигнаціямъ и отсылать ихъ въ ассигнаціонный банкъ; не отсылались только 150 тыс., опредѣленные на содержаніе заемнаго банка. Именной указъ Заваловскому, управляющему вновь учрежденнаго заемнаго банка, П. С. З., № 16409.

²⁾ До этого времени всякій горнозаводчикъ обязанъ былъ половину добытой имъ мѣди продать казнѣ за опредѣленную цѣну (5 р. 50 к. за пудъ).

³⁾ П. С. З., № 16410.

ловымъ и комиссией. Предполагалось уплатить не весь долгъ, а только 22.600.000 руб., и уплата должна была произойти слѣдующимъ образомъ: 1) изъ прибылей отъ раздачи 33 мил. руб. (въ асс.) дворянству и городамъ уплатить 6.000.000 руб.; 2) ежегодно въ теченіе 10 лѣтъ вносить по 300.000 руб.; 3) изъ возвращаемыхъ долговъ раздать вновь 6 мил. и изъ процентовъ съ нихъ (по 5% — слѣдовательно, по 300 тыс. ежегодно) уплатить еще 7 мил.; 4) наконецъ, остальные 6 1/2 мил. разсрочить на 6 1/2 лѣтъ, производя каждый годъ уплату по миллиону ¹⁾. Такимъ образомъ, государственное казначейство изъ своихъ средствъ должно было внести только 9.600.000 руб. Разумѣется, было очень заманчиво выполнить такія комбинаціи, при которыхъ для уплаты долга въ 22.600.000 руб. приходится въ дѣйствительности платить только 9,6 милл. Но всѣ расчеты и остались только расчетами: имъ не суждено было осуществиться. Что это такъ, стоитъ только посмотреть въ поданное императрицѣ въ 1793 г. ген. - прокуроромъ *Самойловымъ* „Мнѣніе о платежѣ государственныхъ долговъ“ ²⁾. Тамъ узнаемъ, что изъ ассигнаціоннаго банка и именно изъ процентовъ по двадцатилѣтнему займу (т. е. дворянскому) взято сначала 6.311.121 руб. 50 коп., а потомъ еще 1.659.652 руб.; т. е. эти деньги вмѣсто того, чтобы идти на уплату долга казначейства, были употреблены на различныя надобности послѣдняго же (преимущественно на военные расходы); узнаемъ отсюда еще, что изъ суммъ, отложенныхъ для раздачи городамъ, взято 6.160.000. руб., а также, что истрачены и 15 милл., отложенныхъ на случай войны; 2.210.000 руб., имѣвшіе назначеніемъ постройку дороги между столицами, не пошли на предназначенную имъ цѣль и, наконецъ, изъ капиталовъ банковыхъ конторъ сдѣлано позаймствованіе въ 1,2

¹⁾ Г. Ламанскій, очевидно, незнакомый съ нѣкоторыми финансовыми документами царствованія Екатерины II (напр., съ «Запиской» гр. *Шувалова*, съ докладомъ комиссіи 1786 г., также съ тѣми документами, которые только недавно опубликованы г. *Куломзиннымъ*, т. XXVIII, Сб. Имп. рус. истор. общ.), ошибочно полагаетъ, что долгъ казны ассигн. банку въ это время былъ равенъ только 22,6 милл.; см. Ист. Оч., стр. 139.

²⁾ Сб. Р. ист. общ., т. XXVIII, стр. 435.

милл. ¹⁾. Тѣ же платежи казначейства банку, которымъ былъ назначенъ срокъ, постоянно откладывались. Такъ, напр., уплата 6.600.000 руб. по 1 милл. въ годъ, которую слѣдовало начать съ 1789 г., была отложена сначала до окончанія войны, а затѣмъ вновь до 1793 г. Ежегодная уплата 300.000 руб. своевременно не была начата и по указу 1793 г. была отложена далѣе ²⁾. Израсходованные 15 милл. (это тѣ 15 милл., которые отложены были на случай войны) вѣрно было уплачивать постепенно по 1 милл. въ годъ, начиная платежъ тотчасъ послѣ войны; но выполнять это предписаніе не удавалось, и указъ отъ 30 мая 1793 г. отсрочиваетъ начало платежа только что упомянутого долга еще на два года; то же съ капиталомъ банковыхъ конторъ и дорожнымъ. Очевидно, запутанность счетовъ и неаккуратность казначейства оказались совершенно полными. Но дѣло встаки этимъ вполнѣ не исчерпывается: оказывается, что несмотря на торжественное заявленіе манифеста отъ 28 Іюня 1786 г. не выпускать ассигнацій болѣе, чѣмъ на 100 милл., обстоятельства принудили вскорѣ же прибѣгнуть опять къ выпуску ассигнацій. Такъ, въ томъ же „Мнѣніи о платежѣ государственныхъ долговъ“ ген. - прокурора *Самойлова* находимъ: взяты изъ государственнаго ассигнаціоннаго банка заимобразно сверхъ пропорціи, утвержденной на сто миллионѣвъ, ассигнацій:

по указу отъ 3 іюня 1790 г.	7.000.000 руб.
— — — 1 мая 1791 г.	6.000.000 руб.
— — — 4 іюня 1792 г.	3.000.000 руб.
— — — 3 января 1793 г.	4.000.000 руб.

Всего : 20.000.000 руб.

А противъ общаго итога находится отмѣтка: „къ платежу сего долга точнаго срока не назначено, а сказано въ указѣ

¹⁾ Последнее обстоятельство слѣдуетъ подчеркнуть; оно показываетъ, что и безъ того незначительный размѣнный фондъ становился еще меньшимъ вслѣдствіе позаймствованій изъ него. Всѣ перечисленные займы вызваны были военнымъ временемъ, и относительно ихъ уплаты не назначалось опредѣленнаго срока, а говорилось, напр., такъ: «о заплатѣ дано будетъ предписаніе, когда при мирномъ времени предстануть къ тому удобнѣе способы». Сб. Рус. ист. общ., т. XXVIII, стр. 449.

²⁾ Указъ правленію банка отъ 30 мая 1793 г., П. С. З., № 17.130.

отъ 3 января 1793 г., что учинено будетъ особое распоряженіе, какимъ образомъ оный возвратитъ вообще съ другими долгами въ банкъ, къ возвращенію слѣдующими“. Повидимому, само правительство считало уже бесполезнымъ дѣлать какія-либо предположенія и расчеты: опытъ показалъ, что они ни къ чему не ведутъ. Правда, *Самойловъ* еще пытается составить съ своей стороны планъ погашенія долговъ казначейства; онъ предполагаетъ держаться прежде составленнаго и не выполненнаго вслѣдствіе экстраординарныхъ обстоятельствъ плана; ¹⁾ сверхъ того онъ рекомендуетъ уплачивать эти долги изъ доходовъ отъ предлагаемаго имъ же налога на вино. Но нужно сказать, что онъ и самъ плохо вѣритъ въ возможность дѣйствительной уплаты; по крайней мѣрѣ, его проектъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія слова далеко не оптимистическаго свойства: „откладывая показанныя деньги ²⁾ не надлежитъ однакоже ихъ истреблять, а только хранить въ Банкѣ и въ народное обращеніе не выпускать, дабы онѣ всегда были налицо и въ готовности на всякій неожиданный случай, ибо въ случаѣ какой-либо необходимой надобности, лучше оныя употребить, нежели вновь прибавлять ассигнаціи, какъ прежде дѣлать принуждено было. Между тѣмъ же сіи наличныя деньги могутъ служить всегдашней помощью и казначейству“ ³⁾.

О дальнѣйшемъ размноженіи ассигнацій можно сказать коротко: всякій разъ, когда нужда государственнаго казначейства въ денежныхъ средствахъ становилась настоятельной, правительство прибѣгало къ выпуску ассигнацій, какъ экстраординарному ресурсу; удовлетворенія экстраординарныхъ нуждъ невозможно было достигнуть обыкновенными доходами, потому что чрезвычайные расходы въ то воинственное время отличались почтенными размѣрами ⁴⁾. Впрочемъ, и росписи обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ въ царствованіе Екатерины II рѣдкій годъ заключались безъ дефицита: съ 1779 г.

¹⁾ Объ этомъ планѣ мы говорили выше.

²⁾ Т. е. тѣ деньги изъ разныхъ источниковъ, которыя могутъ быть, по его мнѣнію, уплачены асс. банку.

³⁾ См. Сб. Р. ист. общ., т. XXVIII, стр. 443.

⁴⁾ См. любопытную таблицу доходовъ, расходовъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, составленную г. *Куломзинимъ*, Сб. Р. ист. общ., т. XXVIII, предисл., стр. XXXII—XXXIII.

подаются императрицѣ вѣдомости экстраординарныхъ расходовъ и „представляютъ какъ бы вступленіе въ слѣдующій продолжительный періодъ дефицитовъ“, какъ говоритъ г. Куломзинъ ¹⁾. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ ничего удивительнаго, что правительство, разъ вступивши на путь выпуска ассигнацій, пошло, такъ сказать, по наклонной плоскости; если же мы примемъ во вниманіе, что отсутствіе истиннаго пониманія дѣла не давало возможности предвидѣть всѣ вредныя для экономической жизни народа послѣдствія отъ излишняго выпуска ассигнацій, то мы, разумѣется, не будемъ задаваться вопросомъ, слѣдуетъ ли оправдывать такую политику правительства или излить на него рядъ горькихъ упрековъ; то и другое было бы излишне: мы будемъ брать факты такъ, какъ они были.

Царствованіе Екатерины II закончилось значительнымъ государственнымъ текущимъ долгомъ въ видѣ ассигнацій. Г. Куломзинъ представляетъ слѣдующій расчетъ этого долга ²⁾:

Старыхъ долговъ казначейства банку (до 1786 г.)	50.000.000 р.
Долговъ кабинета	7.008.399 р.
Долговъ вѣдомства кн. Потемкина по управленію Южнымъ краемъ	7.650.000 р.
Долговъ разныхъ казенныхъ мѣстъ	1.275.519 р.
Выпущенные изъ ассигнаціоннаго банка по особымъ указамъ (сверхъ 100 милл.)	20.000.000 р.
Взносы заемщиковъ заемнаго банка, вновь израсходованные на госуд. нужды	7.970.773 р. 76 к.
Предназначенные къ обратной уплатѣ въ банкъ, но вмѣсто того вновь израс- ходованные	6.600.000 р.
Взятые изъ капиталовъ банковыхъ кон- торъ	1.200.000 р.

¹⁾ См. Сб. Ист. общ., т. XXVIII, пред., стр. IX.

²⁾ Г. Куломзинъ, стр. 241—242. Данныя о количествѣ долга въ царствованіе Екатерины II можно найти также въ отчетѣ генер.-прокурора Самойлова (Сб. Ист. общ., т. XXVIII, стр. 435).

Отложенные въ 1786 г. въ запасъ на случай войны и израсходованные	15.000.000 р.
Взятые изъ суммы, назначенной въ раздачѣ городамъ.	6.160.000 р.
Взятые изъ суммы, отложенной на строеніе дороги отъ С.-Петербурга до Москвы	2.210.000 р.
Всего.	125.074.691 р. 76 к.

Число же всѣхъ обращающихся ассигнацій простиралось до 157.704.640 руб.; ассигнаціи, розданныя дворянству и городамъ, не показаны въ суммѣ государственнаго текучаго долга за это время.

Такъ какъ мы пока интересуемся чисто количественною стороною ассигнацій, то и скажемъ нѣсколько словъ еще о дальнѣйшемъ ихъ ростѣ за разсматриваемый нами періодъ. Царствованіе Павла въ этомъ отношеніи не представляетъ почти ничего особенно выдающагося. Правда, почти тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ онъ долженъ былъ обратить свое вниманіе на положеніе денежнаго обращенія, потому что послѣднее было такъ существенно связано съ финансовыми интересами государства. *Г. Ламанскій* говоритъ, что въ „Его царствованіе, впервые, ассигнаціи признаны были государственнымъ долгомъ и высказаны были намѣренія къ изъятію ихъ изъ обращенія“¹⁾. Первое утвержденіе, т. е. то, что ассигнаціи только при Павлѣ были признаны государственнымъ долгомъ, не вѣрно. Мы знаемъ, что во всѣхъ отчетахъ, представляемыхъ Екатеринѣ II, долгъ казны ассигнаціонному банку всегда помѣщался въ числѣ внутреннихъ государственныхъ долговъ²⁾. Вторая половина выписаннаго мѣста изъ сочиненій *г. Ламанскаго* вѣрна только въ томъ отношеніи, что въ одномъ изъ манифестовъ (отъ 18 дек. 1797 г) Павелъ высказалъ ясно и опредѣленно, что ассигнаціи *вообще* должны быть изъяты изъ обращенія. Но та же мысль, что слѣдуетъ заботиться объ изъятіи ассигнацій, если не полномъ, то, по крайней мѣрѣ, части ихъ, руководила и лицами, о планахъ и предположеніяхъ ко-

¹⁾ Истор. оч., стр. 146.

²⁾ «Вѣдомости о госуд. долгахъ» можно найти въ ХХVIII т. Сборн. Ист. общ.

торыхъ мы рассказывали на предыдущихъ страницахъ. Правда, тамъ эти лица говорятъ, что государственное казначейство должно заплатить такой-то долгъ банку. Но что же это значило?—Только то, что казна, уплативъ банку долгъ въ ассигнаціяхъ, этимъ самымъ отвлекала ихъ отъ обращенія; ассигнаціонный банкъ уже не могъ ихъ самостоятельно выпустить въ обращеніе, потому что онъ не былъ банкомъ эмиссіоннымъ въ строгомъ смыслѣ, онъ не имѣлъ права самостоятельной эмиссіи ассигнацій безъ соотвѣтствующаго внесенія звонкой монеты. Если же мы допустимъ, что правительство имѣло намѣреніе уплачивать долгъ свой металломъ, то, конечно, этимъ оно создало бы полную прочность для размѣнности обращающихся ассигнацій; тогда всѣ излишнія ассигнаціи вышли бы изъ обращенія (если онѣ были); тѣ же ассигнаціи, которыя остались бы въ обращеніи, опять стали бы депозитными билетами въ строгомъ смыслѣ слова, при которыхъ обѣ дѣйствительномъ государственномъ долгѣ говорятъ совсѣмъ нѣтъ возможности. Такимъ образомъ, то, что г. *Даманскій* ставитъ въ заслугу Павлу, не есть собственно новость. Впрочемъ, сущность дѣла всетаки въ томъ, что и при Павлѣ въ отношеніи ассигнацій ничего существенно новаго не было предпринято ¹⁾. Единственно, на что можно обратить вниманіе, это слѣдующее мѣсто изъ манифеста 1797 г. (18 дек.): ассигнаціи есть „истинный общенародный долгъ на Казнѣ и для приведенія въ соразмѣрное между собою обращеніе всѣхъ разнообразныхъ денегъ опредѣлены были немалыя суммы; въ томъ числѣ въ значительномъ количествѣ золотомъ и серебромъ для того, чтобы, вымѣнивая на нихъ ассигнаціи, достигнуть цѣли, клонящейся къ обезпеченію кредита“. Г. *Даманскій* прибавляетъ, что „съ этого времени ассигнаціи стали размѣниваться уже на золотую и серебряную монету, по курсу“ ²⁾, но это не совсѣмъ правильно: еще манифестомъ отъ 28 іюня 1786 г. ³⁾ было разрѣшено ассигнаціонному банку выпускать въ обмѣнъ

¹⁾ По отношенію къ деньгамъ въ монетѣ однако были приняты нѣкоторыя мѣры: проба серебряной монеты повышена съ 72 до 83 $\frac{1}{3}$, а золотой до 94 $\frac{2}{3}$; на увеличеніе въ обращеніи золотой и серебряной монеты обращено было особое вниманіе.

²⁾ Ист. оч., стр. 147.

³⁾ П. С. З., № 16.407. Пункты 22 и 31 устава госуд. ассигн. банка, приложеннаго къ этому манифесту.

за ассигнаціи серебряную и золотую монету, высчитывая умѣренный „ажіо“. Равнымъ образомъ и въ первые годы царствованія Александра I политика правительства была старая и простая: еще и еще выпускались ассигнаціи, какъ только государственное казначейство нуждалось въ финансовой поддержкѣ. Замѣтимъ, впрочемъ, что выпускъ ассигнацій имѣлъ теперь цѣлью государственныя потребности въ строгомъ смыслѣ: для такихъ цѣлей, какъ доставленіе дешеваго кредита городамъ и дворянству, больше не производилось выпусковъ; при этомъ большая часть изъ выпущенныхъ ассигнацій пошла на цѣли военныя, а именно: для войны съ Франціей въ 1798 г. выпущено ассигнацій на 31 милл.; во время третьей коалиціи противъ Франціи (1805—1807 гг.)—на 20 милл. и при началѣ шведской войны (въ 1808 г.)—на 95 милл. Погодный ростъ ассигнацій за царствованіе Павла и первые годы царствованія Александра I шелъ въ слѣдующей прогрессіи:

ГОДА.	Количество ассигнацій въ обращеніи.	ГОДА.	Количество ассигнацій въ обращеніи.
1797	— 163.574.840	1804	— 260.658.550
1798	— 194.931.605	1805	— 292.199.110
1799	— 210.000.000	1806	— 319.239.960
1800	— 212.689.335	1807	— 382.329.505
1801	— 221.488.335	1808	— 477.368.580
1802	— 230.464.425	1809	— 533.201.300
1803	— 247.624.665	1810	— 577.000.000 ¹⁾ .

Обращаемся теперь къ существеннѣйшему вопросу въ судьбѣ ассигнацій, — къ вопросу объ ихъ размѣнности. Въ

¹⁾ Къ изложенной внѣшней исторіи ассигнацій сдѣлаемъ замѣчаніе о достоинствѣ ассигнацій; за этотъ періодъ ассигнаціи были пяти достоинствъ: 100, 50, 25, 10, и 5-тирублевныя; интересно, затѣмъ, что съ 1789 г. ассигнаціи двухъ низшихъ достоинствъ вдругъ стали выпускаться въ увеличенной пропорціи; этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что ассигнаціи стали проникать въ мелкіе обороты и что правительство съ своей стороны содѣйствовало этому движенію. Дальнѣйшія данныя о достоинствѣ ассигнацій можно найти у *Шторха*, въ назв. соч., стр. 824 и слѣд. Затѣмъ, отмѣтимъ еще то, что въ 1786—1787 гг. былъ сдѣланъ обмѣнъ ассигнацій стараго образца на ассигнаціи новаго внѣшняго вида, причемъ принимались различныя техническія мѣры въ интересахъ прочности и безопасности противъ поддѣлки. Впрочемъ, для насъ эта сторона дѣла мало интересна; объ этомъ см. у *Печорина*, оп. с., глава V.

предыдущій періодъ, какъ мы видѣли, ассигнаціи были однимъ изъ видовъ такъ называемыхъ денежныхъ суррогатовъ; ихъ размѣнность обезпечивалась въ началѣ металлическою наличностью, равной всему выпущенному количеству ассигнацій въ обращеніе; если потомъ правительство и отступило отъ строгой послѣдовательности въ этомъ отношеніи съ чисто финансовыми цѣлями, то всеже при этомъ, не разсчитываясь пока наличными деньгами съ ассигнаціоннымъ банкомъ, оно всегда имѣло въ виду тотъ или другой капиталъ, который въ случаѣ нужды и могъ быть обращенъ на размѣнъ ассигнацій ¹⁾; это—во-первыхъ; но если бъ даже правительство въ дѣйствительности не держалось системы полного покрытія и не имѣло въ виду ея держаться, то всетаки при сравнительно незначительномъ числѣ ассигнацій и значительной металлической наличности ²⁾ размѣнъ можно было поддерживать. Но съ 1786 года, когда количество ассигнацій вдругъ увеличивается въ два раза и соразмѣрно этому размѣнный фондъ не увеличивается, а даже, напротивъ, уменьшается вслѣдствіе позайствованій изъ него,—съ этого года, очевидно, размѣнности ассигнацій грозитъ опасность пріостановки. Правда, и въ этомъ году правительство обезпечиваетъ часть ассигнацій недвижимыми имуществами дворянства и городовъ; но о нецѣлесообразности такого обезпеченія мы уже высказались. Если же не считать послѣдней мѣры, то съ 1786 г. не дано больше никакихъ реальныхъ гарантій для выполненія обязательства, вытекающаго изъ выпуска ассигнацій,—обязательства замѣнить ихъ дѣйствительными, полноцѣнными деньгами, если бъ кредитъ къ ассигнаціямъ былъ подорванъ; самый кредитъ къ послѣднимъ съ этого времени долженъ былъ основываться на общемъ довѣрїи къ финансовымъ силамъ государства и вмѣстѣ съ нимъ падать или возвышаться. Необходимымъ слѣдствіемъ такого положенія вещей, думаетъ г. *Гольдманъ*, была невозможность

¹⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ ген.-прокуроръ кн. *Вяземскій*, стоявшій во главѣ дѣла.

²⁾ Какъ мы знаемъ, ассигнацій въ обращеніи до 1786 г. было 50 милл.; долгъ казначейства—30 милл.; слѣдовательно, остальные 20 милл. были вполне покрыты; итакъ, 50 милл. ассигнацій противъ 20 милл. металла въ банкѣ (и его конторахъ)—отношеніе, благоприятное для спокойнаго времени.

поддерживать дальше размѣнъ ассигнацій; и размѣнъ, по *Гольдману*, дѣйствительно былъ прекращенъ ранѣе 1793 г., ибо въ это время серебряный рубль стоилъ 1,45 руб. ассигнаціоннаго, чего при постоянной размѣнности не могло бы быть; при этомъ *Гольдманъ* добавляетъ, что размѣнъ былъ приостановленъ фактически, безъ особаго законодательнаго постановленія ¹⁾. *А. Вагнеръ* въ отношеніи прекращенія размѣна ассигнацій ссылается на *Гольдмана* ²⁾ и такъ же, какъ послѣдній, полагаетъ, что онъ прекращенъ былъ до 1793 г. и притомъ безъ законодательнаго акта, а только фактически. Въ этомъ мнѣніи, несомнѣнно, справедливо то, что размѣнъ ассигнацій былъ прекращенъ фактически безъ соотвѣтствующаго законодательнаго распоряженія; правительство какъ бы боялось, что распубликованіе такого постановленія вызоветъ большую панику, тѣмъ она была бы безъ изданія закона ³⁾. Но обозначеніе срока въ указанномъ мнѣніи довольно неопредѣленно, и, кромѣ того, названные писатели не дѣлаютъ различія между размѣнностью ассигнацій на серебро и на мѣдь. Другіе писатели, занимавшіеся исторіей ассигнацій, обыкновенно говорятъ, что ассигнаціи никогда или почти никогда не размѣнивались на серебро (даже и въ первый періодъ ихъ обращенія), но всегда размѣнивались на мѣдь ⁴⁾. Однако и въ этомъ мнѣніи, какъ показали наши изысканія, несправедливо, во-первыхъ, то, что ассигнаціи не размѣнивались на серебро въ первое время ихъ существованія, и, во-вторыхъ, несправедливо то, что ассигнаціи всегда размѣнивались на мѣдную монету. Размѣнъ на серебро прекратился вскорѣ послѣ 1786 года и больше никогда не существовалъ, если не считать размѣна ихъ съ большимъ лажемъ на серебряную монету въ 1797—1798 гг. ⁵⁾. Наше мнѣніе, что размѣнъ на серебро прекратился вскорѣ послѣ 1786 г., мы подтверждаемъ слѣдующими доводами: во-первыхъ, тѣмъ, что съ 1787 г. курсъ ассигна-

¹⁾ Ор. с., S. 19.

²⁾ *А. Вагнеръ*, Рус. бум. деньги, стр. 50.

³⁾ Такъ же былъ прекращенъ впоследствіи и размѣнъ госуд. кредитн. билетовъ.

⁴⁾ См. *Ламанскій*, Истор. оч., стр. 153; *Шторхъ*, назв. с., стр. 827; *Пенюры*, 621.

⁵⁾ Объ этомъ рѣчь была выше.

ціоннаго рубля сталъ быстро падать; такъ, напр., въ 1788 г. за ассигнаціонный рубль во внутреннемъ обращеніи давали только 92,6 сер. коп.; ясно, что, если бы ассигнаціи свободно размѣнивались на серебро, то такого курса не могло бы существовать. Затѣмъ, просматривая наше законодательство за второй періодъ обращенія ассигнацій, мы не нашли ни одного закона, изъ котораго можно бы, хотя бы косвенно, сдѣлать выводъ о томъ, что ассигнаціи размѣнивались въ это время на серебро. Наконецъ, мы опять можемъ сослаться на авторитетъ гр. *Сперанскаго*, который говоритъ: „въ 1786 году (манифестъ 1786 г., іюня 28, № 16407) оба размѣнные банка соединены въ одинъ; но Банкъ сей наименованъ уже просто *ассигнаціоннымъ* ¹⁾, а не размѣннымъ. Ни словомъ уже здѣсь не упоминается о размѣнѣ... Съ прекращеніемъ размѣна, сила ассигнацій опиралась уже единственно на пріемъ ихъ въ податяхъ“ ²⁾. Для точности свидѣтельства гр. *Сперанскаго* слѣдуетъ прибавить, что съ 1786 г. прекращенъ былъ размѣнъ на серебро, а не на мѣдную монету.

Что касается отношенія ассигнацій къ мѣдной монетѣ, то, сколько намъ удалось составить себѣ представленіе о положеніи дѣла по законодательнымъ распоряженіямъ того времени, оно было таково. Въ ближайшіе годы послѣ 1786 г. правительство еще не примирилось съ мыслью прекратить размѣнъ ассигнацій и на мѣдную монету. Но уже и въ эти годы свободный и полный размѣнъ ассигнацій былъ затруднителенъ для правительства. Это видно прежде всего изъ начавшагося прикрытія банковыхъ конторъ. Если прежде банковыя конторы открывались съ цѣлью распространить сферу обращенія ассигнацій и обезпечить ихъ размѣнность, то теперь нѣкоторыя конторы закрываются, потому что онѣ не въ состояніи выполнять своего назначенія по недостатку мѣдныхъ денегъ ³⁾, или потому, что не доставало мѣдныхъ денегъ въ другихъ конторахъ, находящихся въ мѣстахъ скопленія ассигнацій. Такъ указомъ отъ 21 янв. 1788 г. ³⁾ была уничтожена на первый разъ банковая контора въ г. Тобольскѣ, и находящійся въ ней капиталъ въ 233.775 руб. мѣдною монетою былъ взятъ въ московское от-

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

²⁾ Записка «О монетномъ обращеніи», 146. 147.

³⁾ П. С. З., № 16612.

дѣленіе ассигнаціоннаго банка. Другимъ указомъ того же года предписано, чтобъ конторы оставались только въ Ярославлѣ, Смоленскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Орлѣ, Херсонѣ, Вышнемъ-Волочкѣ и Архангельскѣ, а всѣ остальные должны были прекратить свое существованіе; при этомъ капиталы астраханской и иркутской конторъ были переданы въ мѣстныя казенныя палаты для расходованія; капиталы же, оставшіеся послѣ уничтоженія другихъ конторъ и не израсходованные на нужды казначейства, должны были идти на поддержаніе конторъ, продолжавшихъ существовать.

Мы узнаемъ даже, что одно время ассигнаціонный банкъ былъ закрытъ и слѣдовательно, въ немъ совсѣмъ не производилось размѣна. Какъ это случилось, мы съ положительностью сказать не можемъ. Мы узнаемъ только изъ указа отъ 25 декабря 1788 года ¹⁾, что съ 28 декабря названнаго года ассигнаціонный банкъ будетъ вновь открытъ для удовлетворенія потребности публики въ обмѣнѣ ассигнацій на мѣдную монету; сверхъ этого въ коротенькомъ указѣ ничего не сказано. Черезъ нѣкоторое время какъ бы для успокоенія публики заявляется, что банкъ будетъ открытъ ежедневно, не исключая и праздничныхъ дней ²⁾. Жаль, разумѣется, что мотивированнаго распоряженія о временномъ закрытіи ассигнаціоннаго банка мы не имѣемъ по той простой причинѣ, что правительство его не издавало, а, надо думать, распорядилось объ этомъ секретно. Но едва ли можно считать совсѣмъ невѣроятнымъ слѣдующее объясненіе. Закрытіе банка случилось до 28 декабря 1788 г., т. е. вскорѣ послѣ 28 іюня 1786 г., когда выпущено было новое значительное количество ассигнацій. Внезапный большой выпускъ ассигнацій создалъ, конечно, ощущеніе излишества въ этомъ орудіи обращенія, и потому ассигнаціи потекли обратно къ эмиссіонеру для размѣна; но, такъ какъ банкъ не имѣлъ достаточнаго размѣннаго фонда, то онъ оказался въ столь критическомъ положеніи, что долженъ былъ временно прекратить размѣнъ ассигнацій даже и на мѣдную монету. Въ такомъ именно положеніи, мнѣ кажется, и былъ ассигнаціонный банкъ въ періодъ отъ іюня 1786 г. до декабря 1788 г.. Но, затѣмъ, когда выпущенныя ассигнаціи размѣстились во внут-

¹⁾ П. С. З., № 16737.

²⁾ Указъ отъ 11 іюня 1789 г., П. С. З., № 16779.

реннемъ обращеніи и перестали скупиваться въ центрѣ ихъ выпуска (въ Петербургѣ), тогда представилась возможность еще на нѣкоторое время объявить о размѣнѣ ассигнацій. Нужно прибавить, что и само правительство облегчило ассигнаціямъ возможность разлиться по всѣмъ каналамъ обращенія: послѣ 1788 года оно чаще и чаще стало выпускать ассигнаціи мелкихъ достоинствъ,—по крайнѣй мѣрѣ, мелкихъ достоинствъ по сравненію съ прежними ассигнаціями; въ 1788 году десятирублевыя и пятирублевыя ассигнаціи (самыя мелкія изъ обращавшихся въ этомъ періодѣ ассигнацій) составляли только 2% всего выпуска этого года; а въ 1789 году ассигнаціи двухъ названныхъ достоинствъ составляютъ уже 30%, въ 1790 г.—34%, въ 1791 г. 36% выпуска этихъ годовъ ¹⁾. Наконецъ, въ подтвержденіе того положенія, что и въ первые годы второго періода былъ затруднителенъ, а потому и стѣсняемъ размѣнъ ассигнацій на мѣдную монету, сошлемся еще на указъ отъ 16 іюля 1789 г. ²⁾. Въ этомъ указѣ мы находимъ распоряженіе о томъ, чтобы всѣ казначейства размѣнивали ассигнаціи на мѣдную монету; это распоряженіе, читаемъ въ указѣ, дѣлается для того, „чтобы всякій таковымъ промѣномъ пользоваться могъ; и для того *въ одну руку большихъ суммъ не отпускать*“ ³⁾, дабы изъ того какой-либо вредной монополіи не вышло“. Правительство принимало нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы долѣе поддерживать размѣнъ ассигнацій, хотя бы только на мѣдную монету. Такъ, „для умноженія въ государствѣ мѣдной монеты для равновѣсія съ государственными банковыми ассигнаціями“ оно прибѣгло въ 1791 г. къ покупкѣ мѣдноплавильныхъ заводовъ братьевъ Походяшиныхъ. Заводами этими долженъ былъ управлять ассигнаціонный банкъ чрезъ особо учрежденную при немъ экспедицію ⁴⁾. Навязавъ банку такую несвойственную ему роль, правительство рассчитывало въ теченіе 10 лѣтъ получить отъ заводовъ до 3 милл. рублей чистой прибыли и обратить ихъ въ ассигнаціонный банкъ для поддержанія размѣна

¹⁾ См. *Шторхъ*, назв. соч., стр. 824.

²⁾ П. С. З., № 16786.

³⁾ Курсы мой.

⁴⁾ Указъ генералъ-прокурору отъ 11 апрѣля 1791 г., П. С. З., № 16957.

ассигнацій; но эти 3 милліона были каплей въ морѣ по отношенію къ тому количеству ассигнацій, которое въ это время обращалось.

Возможность размѣна ассигнацій на мѣдную монету въ первые годы второго періода облегчалась тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣдныя деньги не были въ это время „полноцѣнными“ деньгами, и потому публика не вполне была заинтересована въ размѣнѣ ассигнацій на мѣдь. Такъ какъ мѣдныхъ денегъ было надѣлано много, то ихъ рыночная цѣнность не соответствовала номинальной; поэтому тотъ, кто обмѣнивалъ рубль ассигнаціонный на рубль мѣдный, не получалъ полной цѣнности серебрянаго рубля; напр., въ 1788 г. внутренняя цѣнность рубля мѣднаго равнялась $61\frac{1}{4}$ коп. сер.¹⁾, а за ассигнаціонный рубль въ это время давали 92,6 коп. сер.; очевидно, что не было никакого интереса размѣнивать ассигнаціи на мѣдь. Но съ теченіемъ времени мѣдь на рынкѣ дорожала и, слѣдовательно, поднималась внутренняя цѣнность мѣднаго рубля, такъ какъ правительство не переставало дѣлать изъ пуда мѣди 16 рублей. Въ то же время цѣна ассигнаціоннаго рубля постепенно падала; и чѣмъ больше развивались оба эти явленія, тѣмъ болѣе было расчета для публики обмѣнивать ассигнаціи на мѣдь. Такъ, въ 1802 г. цѣна пуда мѣди на рынкѣ составляла 16 р. 80 коп. сер., внутренняя цѣнность мѣднаго рубля—105 коп. сер.²⁾, а цѣна ассигнаціоннаго рубля была въ этотъ годъ $71,4$ коп. сер.. Ясно, что наплывъ ассигнацій къ размѣну на мѣдь долженъ быть большимъ, и полный размѣнъ невозможнымъ для правительства. Мы думаемъ, что именно около 1802 г. былъ прекращенъ совсѣмъ размѣнъ ассигнацій и на мѣдную монету. Во всякомъ случаѣ размѣнъ на мѣдь былъ прекращенъ до 1810 г., потому что, когда въ этомъ году учреждались „размѣнные конторы“³⁾, то о размѣнѣ ассигнацій на мѣдь не говорится ни слова; эти вновь учрежденныя конторы, имѣвшія задачей облегчить обращеніе ассигнацій, должны были только обмѣнивать ветхія ассигнаціи на новыя и ассигнаціи крупныя на мелкія или

1) См. таблицу у Шторжа, назв. соч., стр. 791.

2) Ibid.

3) См. маниф. отъ 2 февраля 1810 г., II. С. З., № 24116.

наоборотъ. Итакъ, во второй періодъ своего обращенія ассигнаціи потеряли размѣнность не только на серебряную монету, но и на мѣдную монету. Впрочемъ, если бы ассигнаціи потеряли размѣнность только на серебро, то мы все-таки имѣли бы право считать съ 1786 года новый періодъ въ ихъ жизни, такъ какъ при изученіи явленій бумажно-денежнаго обращенія слѣдуетъ сравнивать бумажныя деньги съ тѣми деньгами, которыя составляютъ нормальный типъ денегъ въ современномъ экономическомъ быту, а не съ тѣми деньгами, которыя сами являются до извѣстной степени искусственнымъ созданіемъ государственной власти, сами относятся къ тому же типу денегъ, какъ и бумажныя деньги.

Прекращеніе размѣна ассигнацій должно было произвести существенное вліяніе на экономической характеръ ихъ. На предыдущихъ страницахъ ¹⁾ мы имѣли случай говорить о значеніи такихъ денежныхъ суррогатовъ, по которымъ прекращенъ размѣнъ, но которымъ не приданъ принудительный курсъ; такой суррогатъ, по нашему мнѣнію, не становится настоящими бумажными деньгами; онъ долженъ быть отнесенъ по прежнему къ денежнымъ суррогатамъ, но только къ *ненормальнымъ* денежнымъ суррогатамъ. Его обращеніе, по общему правилу, основывается только на вѣроятномъ предположеніи о томъ, что когда-нибудь должникъ станетъ производить платежъ по своимъ обязательствамъ; а его цѣна, т. е. та денежная сумма, вмѣсто которой онъ принимается въ платежахъ, опредѣляется также столь неустойчивыми моментами, какъ довѣріе къ платежеспособности должника и степень вѣры въ то, что должникъ не будетъ выпускать еще большія массы обязательствъ, по которымъ онъ платежа не производитъ. Такимъ ненормальнымъ денежнымъ суррогатомъ и были ассигнаціи во второй періодъ ихъ обращенія. Дѣйствительно, для того, чтобы ассигнаціи стали настоящими деньгами, имъ нуженъ былъ принудительный курсъ, а этого курса во второй періодъ своего обращенія онѣ еще не имѣли; поэтому каждая ассигнація являлась простымъ обѣщаніемъ правительства уплатить написанную на ней сумму; по, такъ какъ по стѣсненности въ своихъ денежныхъ средствахъ правительство не могло выполнять этого обѣщанія, то ассигнаціи и являлись такимъ долго-

¹⁾ См. гл. III.

вымъ знакомъ правительства, по которому не производится платежа¹⁾; такимъ образомъ, ассигнаціи во второй періодъ своего обращенія были такимъ денежнымъ суррогатомъ, который мы назвали неразмѣнными государственными банковыми билетами, а *Walnerъ* называетъ неразмѣнными бумажными деньгами безъ принудительнаго курса. Однако для полной характеристики ассигнацій мы должны сдѣлать еще слѣдующія указанія: ассигнаціи, не были вполне похожими на обязательство частнаго лица, по которому не дѣлается во время платежей, вслѣдствіе того, что онѣ обладали податнымъ обезпеченіемъ. Какъ мы знаемъ, податное обезпеченіе состоитъ въ томъ, что правительство обязуется принимать выпущенный имъ долговой знакъ во всѣхъ платежахъ казвѣ непременно вмѣсто такой суммы денегъ, которую долговой знакъ номинально представляетъ. Очевидно, что это обстоятельство должно было усиливать обращаемость ассигнацій, такъ какъ принимающій ихъ могъ рассчитывать, что въ случаѣ особенно сильнаго паденія цѣны ассигнацій онъ сдѣлаетъ ихъ въ казну. Это же обстоятельство должно было хоть нѣсколько поддерживать и цѣну ассигнацій, ибо обезпечивало для нихъ, по крайней мѣрѣ, одно прочное употребленіе и притомъ съ такимъ же значеніемъ, какое имѣло бы употребленіе настоящихъ денегъ. Кромѣ того, обращаемость ассигнацій поддерживалась за отсутствіемъ юридическаго принужденія наличностью нѣкотораго фактическаго принужденія; это фактическое принужденіе выражалось въ двоякой формѣ: во-первыхъ, оно состояло въ томъ, что нѣкоторый недостатокъ иныхъ средствъ²⁾ обращенія заставлялъ волей-неволей употреблять ассигнаціи; затѣмъ, во-вторыхъ, оно состояло въ томъ, что лица, зависимыя отъ правительства, не могли отказываться отъ приѣма ассигнацій изъ рукъ самого правительства по слѣдующимъ имъ изъ казны платежамъ (напр., чиновники не могли, конечно, отказаться отъ полученія ассигнацій при платежѣ жалованья). Однако указанные сейчасъ обстоятельства, благопріятныя для обращаемости и цѣны ассигнацій, не имѣли

¹⁾ *Гольдманъ* довольно правильно говоритъ, что ассигнаціи въ этотъ періодъ были «искаженнымъ, на пути преобразованія въ дѣйствительныя деньги находящимся денежнымъ суррогатомъ», *Goldmann*, op. c., S. 21.

²⁾ Во время войнъ большое количество звонкихъ денегъ ушло за границу.

столь сильнаго значенія, чтобы предотвратить вліяніе другихъ неблагопріятныхъ условий.

Дѣйствительно, ассигнаціи за разсматриваемый нами періодъ не получили обращенія по всей территоріи государства; онѣ не могли получить столь широкаго обращенія потому, что не стали настоящими деньгами, способными вполнѣ замѣнить и отѣснить деньги металлическія; поэтому монета сохранила хожденіе на ряду съ ассигнаціями даже въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ скопленіе ассигнацій было очень велико, и населеніе фактически вынуждено было такъ или иначе пускать ихъ въ обращеніе. Что касается окраинъ, то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ассигнаціи почти совсѣмъ не обращались; къ такимъ окраинамъ принадлежали, напр., Западный край, Архангельская и Астраханская губ. и т. п. ¹⁾). Что монета въ этотъ періодъ не была вытѣснена изъ обращенія, показываетъ съ убѣдительною слѣдующій фактъ: послѣ того какъ въ 1812 году былъ изданъ законъ о принудительномъ курсѣ ассигнацій, и ассигнаціи были признаны холячей денежной единицей, возникъ очень важный для многихъ мѣстностей вопросъ о томъ, гдѣ и какъ добыть ассигнацій для взноса податей ²⁾); населеніе многихъ мѣстностей пользовалось звонкою монетою и имѣло значительныя ея запасы, мѣжду тѣмъ какъ не имѣло или мало имѣло ассигнацій; этимъ объясняются многочисленныя ходатайства мѣстныхъ губернаторовъ и самого населенія о томъ, чтобы въ платежи казнѣ принималась и звонкая монета ³⁾). Очевидно, что, если бы въ періодъ неразмѣнности и отсутствія принудительнаго курса ассигнаціи отѣсняли монету и выгоняли ее изъ страны съ силой настоящихъ бумажныхъ денегъ, то мы не могли бы встрѣтиться съ только что указанными историческими фактами. Однако нельзя отрицать того обстоятельства, что до нѣкоторой степени ассигнаціи оказывали, если можно такъ выразиться, выталкивающее значеніе на монету. Это послѣднее дѣйствіе

¹⁾ См. *Goldmann*, *op. c.*, S. 22.

²⁾ По закону 1812 г. (объ немъ подробно будемъ говорить въ слѣдующей главѣ) и взносъ податей производился обязательно этимъ вновь установленнымъ денежнымъ знакомъ.

³⁾ См. *Судейкинъ*, Денежно-кредитная реформа гр. Канкрина (1839—1843 г.), Юрид. В., 1891 г., февр., стр. 207.

выражалось въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, въ томъ, что монета стремилась за границу, потому что тамъ она могла найти прочное помѣщеніе; между тѣмъ какъ въ центрахъ скопленія ассигнацій (напр., въ столицахъ) фактически можно было обойтись и безъ нея, ибо нужно же было по какой бы то ни было цѣнѣ пускать въ дѣло массы ассигнацій. Что и въ этотъ періодъ монета шла за границу, доказывается рядомъ распоряженій правительства, усиливающихся задержать вывозъ монеты за границу. Первый (въ разсматриваемомъ періодѣ) такой указъ относится еще къ 1791 году; въ немъ мы читаемъ самое строгое запрещеніе вывоза русской монеты, и при этомъ лицу, донесшему о вывозѣ, обѣщается такая же награда, какъ и донесшему о торговлѣ запрещенными товарами ¹⁾; подобнаго же содержанія (уже нами упомянутый выше) указъ отъ 17 февраля 1809 года. Вліяніе ассигнацій на монету выражалось, далѣе, въ томъ, что внутри страны замѣчалась тенденція приберегать монету и по возможности пускать въ оборотъ ассигнаціи; другими словами, во внутреннемъ обращеніи замѣчалось стремленіе извлекать монету изъ активнаго обращенія и сберегать цѣнность для будущихъ временъ (накопленіе сокровищъ!) именно въ звонкой монетѣ, избавленной отъ случайныхъ колебаній. Отрицать указаннаго ограниченнаго вліянія ассигнацій на монету мы не можемъ, но всетаки нѣтъ никакого основанія утверждать, что ассигнаціи безъ принудительнаго курса имѣютъ такое же вліяніе на монету, какъ и настоящія бумажныя деньги; впоследствии мы увидимъ, что послѣднія вполне и на всей территоріи государства вытѣсняють звонкую монету.

Любопытно посмотрѣть теперь, какъ увеличеніе массы ассигнацій и прекращеніе размѣна отразилось на цѣнѣ ихъ. Конечно, уже заранѣе можно сказать, что богатаго историческаго матеріала въ этомъ отношеніи мы не будемъ имѣть подъ руками. Если даже и настоящее время не отличается богатствомъ статистическихъ фактовъ, собранныхъ и сохраняемыхъ, если и нынѣ еще къ небольшому статистическому матеріалу приходится приступать съ оговорками и предосторожностями, то искать точныхъ статистическихъ данныхъ изъ

¹⁾ Высочайшій указъ отъ 23 дек. 1791 г., П. С. З., № 17007.

временъ прошедшихъ — напрасный трудъ или почти напрасный. Тѣмъ не менѣе по отношенію къ цѣнѣ ассигнацій за разсматриваемый періодъ мы можемъ представить слѣдующую интересную табличку, въ которой будетъ показано отношеніе серебрянаго рубля къ ассигнаціонному; для болѣе наглядности также будетъ въ цифрахъ выражено обратное отношеніе, лажъ и дизажіо. Всѣ числовыя данныя будутъ представлять величину среднюю за тотъ или другой годъ; но, конечно, при этомъ нужно имѣть въ виду, что среднія величины будутъ имѣть только относительную цѣну, потому что онѣ выводятся изъ недостаточно большого числа дошедшихъ до насъ наблюденій.

Года.	Количество ассигнацій.	Серебряный рубль въ ассигнаціяхъ (въ коп.).	Ассигнац. рубль въ серебрян. (въ коп.).	Лажъ (асс. коп.).	Дизажіо (сер. коп.).
1787	100.000.000	103	97	3	3
1788		108	92,6	8	7,4
1789		109	91,7	9	8,3
1790	111.000.000	115	86,9	15	13,1
1791	117.000.000	123	81,3	23	18,7
1792	120.000.000	126,6	79	26,6	21
1793	124.000.000	135,1	74	35,1	26
1794	145.000.000	138,9	72	38,9	28
1795	150.000.000	140,8	71	40,8	29
1796	157.704.640	146	68,5	46	31,5
1797	163.574.840	142	70,4	42	29,6
1798	194.931.605				

Года.	Количество ассигнацій.	Серебряный рубль въ ассигнаціяхъ (въ коп.).	Ассигнац. рубль въ серебрян. (въ коп.).	Лажъ (асс. коп.).	Дизажіо (сер. коп.).
1799	210.000.000	148	67,5	48	32,5
1800	212.689.335	151	66,2	51	33,8
1801	221.488.335	153	65,4	53	34,6
1802	230.464.425	140	71,4	40	28,6
1803	247.624.665	125	80	25	20
1804	260.658.550	126	79,4	26	20,6
1805	292.199.110	130	76,9	30	23,1
1806	319.239.960	137	73,9	37	26,1
1807	382.329.505	148	67,5	48	32,5
1808	477.368.580	186	53,8	86	46,2
1809	533.201.300	224	44,6	124	55,4
1810	577.810.900	300	33,3	200	66,7
1811	581.394.400	394	25,4	294	74,6 ¹⁾

Приведенная таблица даетъ яркое представленіе о томъ, какъ быстро цѣна ассигнацій падала въ разсматриваемый періодъ. Но, всматриваясь въ таблицу, мы не можемъ увѣрять, что причиною паденія цѣны ассигнацій было единствен-

¹⁾ Доли сверхъ десятыхъ отбрасывались. Таблица составлена по тѣмъ даннымъ, которые приводятся у г. Ламанскаго, въ ст. Истор. оч., у г. Брже-скаго, ор. с., табл. III (въ приложеніи) и у Шторха, ор. с., 822.

по количественное увеличеніе ихъ; если это было бы такъ, то мы должны бы были встрѣтить строгое соотвѣтствіе между движеніемъ лажа и увеличеніемъ ассигнацій; но на дѣлѣ этого нѣтъ: въ 1803 году, какъ видно изъ таблицы, лажъ на серебро выражался числомъ 20, въ то время какъ въ предыдущіе годы, когда ассигнацій было значительно меньше, онъ былъ больше и въ нѣкоторые годы даже значительно больше. Если мы возьмемъ, напр., для сравненія съ приведеннымъ годомъ 1796-й годъ, то оказывается, что количество ассигнацій въ 1803 г. было больше въ 1,6 раза, чѣмъ въ 1796 году; если бы количество ассигнацій было единственной причиной паденія ихъ цѣны, то мы должны бы напередъ сказать, что въ 1803 году лажъ также долженъ превосходить лажъ 1796 года въ 1,6 раза; но на дѣлѣ имѣемъ совсѣмъ обратное явленіе: лажъ уменьшился въ 1,6 раза. Изъ этого можно и должно сдѣлать тотъ выводъ, что на движеніе лажа оказывали вліяніе и другія обстоятельства, кромѣ увеличенія количества ассигнацій, и что отсутствіе этихъ обстоятельствъ приводило къ уменьшенію лажа при одновременномъ увеличеніи количества ассигнацій¹⁾. Цѣна на ассигнацій, мы говорили, съ тѣхъ поръ, какъ размѣнъ пересталъ быть безпрепятственнымъ, а затѣмъ и вовсе прекращенъ, основывалась главнымъ образомъ на моментѣ довѣрія, кредита къ финансовымъ силамъ государства, подѣ авторитетомъ и поручительствомъ котораго онѣ циркулировали; довѣріе это, естественно, падаетъ не только подѣ вліяніемъ большого выпуска ассигнацій, но и особенно въ критическія для государства времена, т. е. въ бурные военные періоды. Тогда павшее довѣріе осуществляется въ усиленномъ спросѣ на деньги металлическія: послѣднія нужны, во 1-хъ, для государства, потому что платежи иностранцамъ въ это время увеличиваются (особенно, если война ведется на чужой тер-

¹⁾ Еще *Сперанскій* понималъ, что размноженіе ассигнацій не есть единственная причина паденія цѣны ихъ; онъ по этому поводу говоритъ слѣдующее: «между количествомъ выпуска и количествомъ паденія никогда не было, и не могло быть, точной и опредѣленной соразмѣрности; ибо хотя главная причина паденія всегда была одна и та же (т. е. увеличеніе выпусковъ), но мѣра его опредѣлялась другими содѣйствующими причинами, какъ-то: войною, состояніемъ внѣшней торговли и вексельнаго курса, приращеніемъ, или уменьшеніемъ, доходовъ и кругомъ обращенія ассигнацій». (См. *Сперанскій*, 0 монетахъ. обрац., стр. 148).

риторіи), а они, конечно, съ малой охотой будутъ брать бумажныя деньги другого государства, и если будутъ брать, то съ возможно меньшей оцѣнкой этихъ денегъ; во 2-хъ, усиливается спросъ на металлическія деньги предъявленіемъ заграничныхъ требованій погашенія обязательствъ и, наконецъ, въ 3-хъ, внутри страны каждый старается привлечь къ себѣ больше денегъ въ металлѣ, какъ болѣе надежныхъ и болѣе постоянныхъ въ своей цѣнности. Указанныя обстоятельства и объясняютъ, почему лажъ за разсматриваемый періодъ двигался то вверхъ, то внизъ, то медленно, то рѣзко поднимался: подъ вліяніемъ рѣзко увеличивающагося спроса на металлическія деньги цѣна ихъ быстро возвышалась; или подъ вліяніемъ страха новыхъ выпусковъ никто не хотѣлъ брать въ платежи ассигнацій, а если брали, то взаменъ возможно меньшей денежной суммы. А намъ извѣстно, что въ войнахъ, вызывающихъ спросъ на металл и боязнь новыхъ выпусковъ, въ то время недостатка не было. Извѣстно, что въ 1787—1791 гг. непрерывно тянулась вторая турецкая война и сверхъ того одновременно Россія должна была бороться съ Швеціей (шведская война въ 1790 г. кончена миромъ въ Верельской долинѣ); почти въ то же время или немного позже Россія вмѣстѣ съ Пруссіей и Австріей добивала Польшу и занималась дѣлежомъ послѣдней (второй раздѣлъ Польши въ 1793 г, третій въ 1795 г.); наконецъ, Павелъ (1796—1801) принялъ участіе въ борьбѣ съ Наполеономъ (вторая коалиція), и итальянскій походъ Суворова, разумѣется, чего-нибудь стоилъ Россіи. Всѣ эти историческія обстоятельства должны были отразиться на нашемъ финансовомъ положеніи и именно въ неблагопріятную сторону. Первые годы царствованія Александра I прошли сравнительно для того времени спокойно; по крайней мѣрѣ, Россія не принимала непосредственнаго участія въ какой-либо войнѣ. Александръ I, какъ извѣстно, даже сблизился съ Наполеономъ, что, конечно, было также благопріятнымъ для Россіи обстоятельствомъ. Вотъ почему въ нашей таблицѣ мы встрѣчаемъ пять (1802—1806) сравнительно благопріятныхъ лѣтъ: лажъ обнаружилъ наклонность къ пониженію, хотя количество ассигнацій по прежнему увеличивалось. Но вотъ войны съ Наполеономъ опять возобновляются, и въ 1805 году Александръ примыкаетъ къ третьей коалиціи противъ Наполеона; мало того, въ это тя-

желое время Россіи пришлось опять бороться съ Турціей (1806—1807 гг.), подстрекаемой Наполеономъ, и сверхъ того со Швеціей (1808—1809 гг.); наконецъ, общій ходъ событій былъ таковъ, что становилась очевидной неизбѣжность непосредственнаго столкновенія Наполеона и Александра; успѣхи Наполеона и военная сила его заставляли съ опасеніемъ смотрѣть на положеніе Россіи, и вотъ съ приближеніемъ къ знаменитому 1812 году лажъ, этотъ своего рода барометръ для политическихъ отношеній государствъ, быстро и неудержимо возвышается.

Если въ странѣ обращаются бумажныя деньги съ принудительнымъ курсомъ, то обыкновенно не бываетъ лажа на монету во внутреннемъ обращеніи; при обращеніи настоящихъ бумажныхъ денегъ внутренней лажъ невозможенъ именно въ силу принудительнаго курса: всякій обязанъ принимать бумажный знакъ въ качествѣ наличныхъ денегъ и по цѣнности денегъ металлическихъ, по крайней мѣрѣ, номинально по цѣнности этихъ послѣднихъ денегъ. Но ассигнаціи во второй періодъ ихъ обращенія не были настоящими бумажными деньгами по отсутствію принудительнаго курса; на этомъ основаніи онѣ не вытѣснили совсѣмъ изъ обращенія денегъ металлическихъ, а обращались на ряду съ ними. Такъ какъ пріемъ ассигнацій въ платежи основывался на добровольномъ соглашеніи, и равнымъ образомъ отъ соглашенія зависѣло установленіе той суммы, вмѣсто которой ассигнаціи принимались, то естественно, что цѣна ассигнацій колебалась почти въ каждомъ мѣновомъ актѣ и была неодинакова въ различныхъ мѣстахъ страны. Такимъ образомъ, лажъ на монету и его колебанія составляли не только явленіе международнаго обмѣна, но были постояннымъ явленіемъ и внутренняго оборота.

Неустойчивость цѣны ассигнацій, разумѣется, самымъ невыгоднымъ образомъ отражалась на экономической жизни страны: она лишала всякой прочности всѣ имущественныя отношенія и всѣ промышленные расчеты, ибо тотъ, кто въ данный моментъ владѣлъ ассигнаціями, не имѣлъ никакого представленія о величинѣ той суммы реальныхъ благъ, которыя онъ можетъ получить отъ общества за свои ассигнаціи. Изъ всѣхъ отдѣльныхъ хозяйствъ въ наихудшемъ положеніи находилось государственное хозяйство, такъ какъ почти всѣ

его доходы въ этотъ періодъ притекали въ видѣ ассигнацій. Не удивительно поэтому, что борьба съ паденіемъ цѣны ассигнацій и особенно съ неустойчивостью ея составляла непослѣднюю изъ заботъ правительства за это время. Мы укажемъ на одну изъ любопытныхъ попытокъ правительства фиксировать лажъ на монету во внутреннемъ обращеніи. Въ царствованіе Павла возникла мысль фиксировать цѣну ассигнацій путемъ безостановочнаго размѣна ассигнацій на монету по опредѣленному курсу. Въ осуществленіе этой мысли изданъ былъ 18 декабря 1797 года указъ сенату, которымъ объявлялось, что правительство сдѣлало значительный запасъ золота и серебра и будетъ обмѣнивать на нихъ ассигнаціи съ лажемъ въ 30 коп. Но размѣнъ на этихъ основаніяхъ продолжался недолго. Правительство не могло его долго поддерживать по разнымъ причинамъ. Ближайшей причиной неудачи разсматриваемой операціи было то обстоятельство, что лажъ, съ которымъ производился размѣнъ, былъ ниже рыночнаго; поэтому публика предъявляла къ размѣну ассигнаціи въ такихъ количествахъ, которыя не входили въ предположенія правительства. Но помимо этого полный успѣхъ предположенной мѣры могъ бы имѣть мѣсто только при слѣдующихъ двухъ предположеніяхъ: во-первыхъ, если бы правительство не дѣлало новыхъ выпусковъ и, во-вторыхъ, если бы правительство имѣло столь большой запасъ звонкой монеты, что могло бы размѣнять на монету всю ту сумму ассигнацій, которая была излишня для тогдашнихъ потребностей въ качествѣ нормальнаго денежнаго суррогата, и, затѣмъ, постоянно поддерживать размѣнность оставшихся въ обращеніи ассигнацій. Но указанныя предположенія не имѣли мѣста, и потому попытка фиксировать цѣну ассигнацій не могла имѣть успѣха. Въ 1798 г. изданъ былъ новый указъ, пытавшійся устранить ближайшее неудобство размѣнной операціи; именно, въ указѣ отъ 21 іюля 1798 г.¹⁾ мы читаемъ: „въ пресѣченіе злоупотребленія, корыстолюбіемъ чинимаго, вымѣниваніемъ въ государственномъ ассигнаціонномъ банкѣ золотой и серебряной монеты съ положеннымъ лажемъ по 30 коп. за рубль, въ томъ намѣреніи, дабы по причинѣ стоящаго на сію монету на биржѣ и у частныхъ людей 40-копѣчнаго и

1) И. С. З., № 18594.

болѣе промѣна, выигрывать прибыль, а тѣмъ самымъ способствовать день ото дня возвышенію онаго“, признается за нужное поднять лажъ до 40 коп. Но такъ какъ основныя условія для успѣха операціи не были соблюдены, то возвышеніе лажа не помогло, и потому вскорѣ попытка фиксировать лажъ путемъ размѣна была совсѣмъ оставлена.

Паденіе и колебаніе цѣны ассигнацій не было, конечно, явленіемъ только внутренняго оборота: если въ самой Россіи за ассигнаціи не давалось всей той денежной суммы, которую онѣ номинально представляли, то тѣмъ болѣе не были склонны это дѣлать иностранцы. Наблюдая вексельный курсъ ассигнацій за разсматриваемый періодъ, мы замѣчаемъ, что онъ такъ же былъ низокъ и такъ же былъ подверженъ рѣзкимъ колебаніямъ, какъ и курсъ ассигнацій внутри страны, что на его движенія оказывали вліяніе не только такія чисто объективныя обстоятельства, какъ количество выпусковъ, но и различныя „психическіе моменты“. Г. Шторхъ взялъ на себя трудъ составить таблицу среднихъ годовыхъ курсовъ ассигнацій на нѣкоторыя заграничныя мѣста ¹⁾. Чтобы показать мѣру паденія и степень колебанія ассигнацій за второй періодъ ихъ обращенія, мы воспользуемся нѣкоторыми данными изъ таблицы г. Шторха. Средній годовой курсъ ассигнацій былъ

на Амстерд.		на Лондонъ		на Амстерд.		на Лондонъ	
въ 1787 г.	39 штив.,	41 пенс.		въ 1800 г.	25 штив.,	30 пенс.	
„ 1788	„ 34	„ 36	„	„ 1801	„ 25	„ 30	„
„ 1789	„ 30	„ 31	„	„ 1802	„ 28	„ 31	„
„ 1790	„ 30	„ 31	„	„ 1803	„ 32	„ 34	„
„ 1791	„ 28	„ 29	„	„ 1804	„ 31	„ 32	„
„ 1792	„ 27	„ 29	„	„ 1805	„ 31	„ 32	„
„ 1793	„ 25	„ 26	„	„ 1806	„ 28	„ 30	„
„ 1794	„ 27	„ 28	„	„ 1807	„ 23	„ 26	„
„ 1795	„ 28	„ 30	„	„ 1808	„ 18	„ 21	„
„ 1796	„ 29	„ 31	„	„ 1809	„ 16	„ 20	„
„ 1797	„ 30	„ 30	„	„ 1810	„ 11	„ 14	„
„ 1798	„ 27	„ 26	„	„ 1811	„ 9	„ 14	„
„ 1799	„ 25	„ 27	„				

¹⁾ Шторхъ, цит. соч., стр. 331—333.

Современники и особенно между ними лица, стоящія во главѣ финансоваго управленія, не могли не обращать вниманія на паденіе цѣны ассигнацій въ международныхъ отношеніяхъ, такъ какъ оно прежде всего давало себя знать именно правительству ¹⁾. Дѣйствительно, жалобы на „низкость курса“ мы встрѣчаемъ очень рано. Ген.-прокуроръ кн. *Вяземскій* писалъ отъ 29 ноября 1788 года: „умалчивая о другихъ издержкахъ ²⁾, кои теперь еще неизвѣстны и впредь встрѣтятся могутъ, и убытокъ въ курсѣ, который также не малый артикулъ въ государственномъ разчетѣ составляетъ, ибо деньги въ казну вступаютъ въ число податей по счету рублей въ полномъ достоинствѣ, а изъ казны выходитъ рубль при переводахъ, по низкости курса, съ причисленіемъ промѣна за семьдесятъ коп. и ниже; слѣдовательно у каждаго рубля теряется около тридцати копѣекъ, которыя новыми деньгами дополнить должно“ ³⁾. Поэтому кн. *Вяземскій* совѣтуетъ заключить вновь заемъ внѣ государства, „не щадя процентовъ“. Въ приведенныхъ словахъ князя *Вяземскаго* значительно преувеличена потеря правительства на курсѣ. Самъ же онъ, далѣе, приводитъ состояніе вексельнаго курса въ теченіе 1788 года, и оказывается, что курсъ колебался между $37\frac{1}{8}$ —32 голландскими стиверами за рубль. Поэтому, если брать самый низкій курсъ въ 32 ст. за рубль, то убытокъ на лажѣ будетъ равняться $5\frac{1}{8}$ стив. ($37\frac{1}{8}$ — $32 = 5\frac{1}{8}$ ст.) или $13,8$ коп. ⁴⁾. Обращается вниманіе и на потери купчества; такъ, въ томъ же представленіи кн. *Вяземскаго* о сверхштатныхъ расходахъ читаемъ: „униженіе курса, по мнѣнію моему, требуетъ также особливаго вниманія, ибо въ нынѣшнемъ году (1788), не включая казенныхъ переводовъ, которыхъ совѣмъ почти не было, въ одной торговлѣ отъ униженія курса потеряно около 4.700.000

¹⁾ Правительство получало свои доходы преимущественно въ ассигнаціяхъ. Оно, конечно, не могло отказаться принимать ихъ по нарицательной цѣнѣ въ подати, не подорвавъ совершенно кредита къ себѣ и къ ассигнаціямъ. Исполнительные органы, надо думать, недружелюбно относились къ ассигнаціямъ; поэтому именной указъ отъ 26 апр. 1788 г. (И. С. З., № 16.651) приказываетъ брать въ подати безъ различія монету и ассигнаціи.

²⁾ Рѣчь идетъ о «сверхштатныхъ» расходахъ.

³⁾ Сборникъ Ист. общ., т. XXVIII, стр. 320.

⁴⁾ Al pari—при $37\frac{1}{8}$ ст. за рубль. ✓

гульденовъ“. Затѣмъ, всѣ разсужденія о „низкости курса“ заканчиваются слѣдующими боязливыми словами: „опасаться должно, что вся серебряная и золотая монета такимъ образомъ истребится и выйдетъ за границу“ ¹⁾. Это опасеніе до извѣстной степени было основательно.

Всѣ приведенныя данныя даютъ достаточное представленіе о степени колебанія цѣны ассигнацій, а равнымъ образомъ о мѣрѣ паденія ея. Столь печальное положеніе ассигнацій отражалось невыгоднымъ образомъ прежде всего на государственномъ хозяйствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ это время правительство еще сохраняло податное обезпеченіе ассигнацій, т. е. принимало ихъ во всѣхъ сборахъ по номинальной цѣнѣ, какъ будто онѣ не потеряли ни малой части ея. Поэтому естественнымъ было то явленіе, что всѣ сборы казны поступали именно въ ассигнаціяхъ, такъ какъ платить ихъ монетою, очевидно, было невыгодно для частныхъ лицъ. Когда правительство начинало расходовать ассигнаціи, то оно тотчасъ замѣчало, что никто не хочетъ брать ихъ по номинальной цѣнѣ и что ихъ приходится отдавать, напр., за четвертую часть этой цѣны ²⁾. Такимъ образомъ, объемъ тѣхъ дѣйствительныхъ матеріальныхъ благъ и услугъ, который правительство могло получить, истративши всѣ свои денежные доходы, номинально не измѣнившіеся, служивался пропорціонально паденію цѣны ассигнацій. Современные государственные дѣятели часто жаловались на столь плачевное положеніе финансовъ и высчитывали тѣ убытки, которые государство несетъ вслѣдствіе паденія цѣны ассигнацій. Такъ, кн. *Вяземскій* въ упомянутой нами „Запискѣ“ отъ 29 ноября 1788 г. говорить: „по теперешнимъ возвысившимся на всѣ вещи цѣнамъ и расходу вездѣ умножился; слѣдовательно что прежде однимъ милліономъ исправить возможно было, на то нынѣ конечно три потребно“ ³⁾. Съ особенной силой потери казны отмѣчены гр. *Сперанскимъ*, и мы позволимъ себѣ здѣсь сдѣлать значительную выписку изъ его столь часто нами упоминае-

¹⁾ Ibid., стр. 321.

²⁾ Какъ видно изъ таблицы, въ 1811 г. за ассигнаціонный рубль давали только 25,4 коп. сер.

³⁾ Сб. Истор. общ., т. XXVIII, стр. 321. Кн. *Вяземскій*, очевидно, опять грѣшитъ преувеличеніемъ: въ это время (1788 г.) ассигнаціи далеко еще не потеряли $\frac{2}{3}$ своей цѣны, см. таблицу.

мой и безпорно для своего времени весьма замѣчательной записки „О монетномъ обращеніи“. „Кто терялъ“, говоритъ гр. *Сперанскій*: „отъ сего упадка (т. е. отъ упадка цѣны ассигнацій)? Прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ тутъ теряла казна. Ассигнаціи, въ теченіи года выпущенныя, возвращались къ ней въ послѣдующемъ году въ видѣ доходовъ, хотя въ томъ же счетѣ, но уже въ меньшемъ достоинствѣ. Такъ, напр., въ 1790 году ассигнацій по счету было 111.000.000, но въ видѣ доходовъ они уже составляли только 96.000.000. Слѣдовательно, казна въ доходахъ своихъ утратила 15.000.000. Въ 1801 году масса ассигнацій составляла 221.000.000, а въ видѣ доходовъ онѣ составляли не болѣе какъ 146.000.000, т. е., 75.000.000 менѣе противъ цѣны ихъ именованной. Въ 1810 г. 577.000.000 составляли въ доходахъ не болѣе 199.000.000, т. е., 378.000.000 менѣе цѣны ихъ именованной.... Въ теченіи того же самаго времени, соразмѣрно тому, упали и биржевые курсы, какъ то, напр., курсъ на Амстердамъ отъ 39 штиверовъ упалъ на 9 штиверовъ. Если каждый выпускъ есть не что иное, какъ заемъ на счетъ будущихъ доходовъ, то здѣсь вопрошается: какой ростъ несли казна при семъ зачетѣ? Она несла сначала 1%, потомъ 3%, потомъ 8%, 10% и 30%, и такъ далѣе постепенно, наконецъ она несла росту 75%. Никому она не платила сего росту (и въ семъ то, между прочимъ, состоитъ вся иллюзія ассигнацій), но она теряла его тѣмъ не менѣе дѣйствительно, въ постепенномъ пониженіи ея доходовъ“¹⁾.

Уменьшенія доходовъ казны повели къ цѣлому ряду возвышеній (въ сущности номинальныхъ) податей и пошлинъ. Особенно сильное возвышеніе окладовъ въ сборахъ и податяхъ замѣчается въ 1794 и слѣдующихъ годахъ. Разумѣется, такое возвышеніе нельзя всецѣло объяснять уменьшеніемъ цѣны ассигнацій, въ которыхъ доходы поступали преимущественно: во-первыхъ, необходимость въ денежныхъ средствахъ для чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ должна была оказывать свою значительную долю вліянія на возвышеніе налоговъ, а, во-вторыхъ, нельзя здѣсь оставить безъ вниманія и того обстоятельства, что бюджеты всѣхъ вообще государствъ съ дальнѣйшимъ

¹⁾ См. гр. *Сперанскій*, О монетномъ обращеніи, стр. 152—153 (въ указанномъ журналѣ).

развитіемъ государственной жизни и увеличеніемъ государственныхъ задачъ имѣютъ тенденцію увеличиваться; если когда это и нужно помнить, такъ именно тогда, когда рѣчь идетъ о царствованіи Великой Екатерины,—царствованіи, столь обильномъ реформами и нововведеніями. Но во всякомъ случаѣ обезпѣненіе ассигнацій оказывало несомнѣнное давленіе на возвышеніе податей, и это прямо сознается самимъ правительствомъ. Такъ, съ 1794 г. увеличивается подушный сборъ, установленный впервые Петромъ I,—сборъ, который долженъ былъ идти на содержаніе войска. Петромъ этотъ сборъ установленъ былъ въ размѣрѣ 80 коп. съ души, позднѣе былъ уменьшенъ до 70 коп., но такъ какъ „съ тѣхъ поръ, съ умноженіемъ денежнаго обращенія, возвысились цѣны на всѣ вещи“, то признается въ 1794 г. цѣлесообразнымъ увеличить сборъ; именно, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ онъ увеличенъ до 1 рубля съ души; въ другихъ же сдѣлана надбавка деньгами только въ 15 коп. или взамѣнъ денегъ предоставлено было вносить натурою по четверику ржи и по гарнцу (или $\frac{1}{2}$ гарнца) крупы ¹⁾. Увеличеніе государственныхъ доходовъ замѣчается и по многимъ другимъ статьямъ. Если мы говоримъ здѣсь объ увеличеніи государственныхъ доходовъ, то разумѣемъ не реальное увеличеніе, не увеличеніе возможности для государства пріобрѣтать больше вещественныхъ благъ и услугъ, но только увеличеніе номинальное, увеличеніе въ денежной суммѣ; при этомъ въ дѣйствительности вслѣдствіе паденія цѣны ассигнацій реального увеличенія государственныхъ доходовъ могло и не быть или, по крайней мѣрѣ, не быть въ такой пропорціи, въ какой увеличилась денежная сумма государственныхъ доходовъ. Въ томъ же 1794 г. сборъ съ мѣщанъ увеличенъ былъ съ 1 р. 20 коп. до 2 руб.; размѣръ гильдейскихъ капиталовъ, дававшихъ право купцамъ приписываться къ той или другой гильдіи, также былъ увеличенъ, а равнымъ образомъ и сборъ взимаемый съ этихъ капиталовъ. Возвышена была цѣна гербовой бумаги и канцелярскія пошлины; цѣна соли съ 35 коп. поднята до 40 коп. за пудъ и еще возвышены таможенныя пошлины съ привозныхъ товаровъ. Въ царствованіе Павла по многимъ изъ названныхъ статей произведены были новыя повышенія податей; именно: къ подушному сбору съ крестьянъ прибав-

¹⁾ См. объ этомъ у г. Ламанскаго, Ист. оч., стр. 145.

лено еще по 26 коп., къ сбору съ мѣщанъ—по 50 коп.; съ гильдейскихъ капиталовъ сборъ увеличенъ на $\frac{1}{4}\%$; наконецъ, цѣна гербовой бумажки и плата за писаніе векселей еще разъ возвышены ¹⁾. Наконецъ, въ царствованіе Александра I снова повторяется возвышеніе налоговъ и опять подъ давленіемъ потерь, которыя правительство несло отъ паденія цѣны ассигнацій ²⁾. „Подати и налоги“, говоритъ манифестъ отъ 2 февраля 1810 г.: „при первоначальномъ ихъ установленіи были весьма умѣренны. Впослѣдствіи, уменьшаясь съ умноженіемъ ассигнацій, они въ ущербъ казны упали во всѣхъ частяхъ болѣе, нежели вдвое“ ³⁾. Увеличивая подати и налоги въ это время, правительство прямо пытается соразмѣрять ихъ возвышеніе съ мѣрой паденія цѣны ассигнацій. Увеличенія были сдѣланы по слѣдующимъ статьямъ: а) увеличена подушная подать со всѣхъ разрядовъ крестьянъ до двухъ рублей съ ревизской души; при этомъ манифестъ ⁴⁾ выражается буквально такъ: „дабы привести подать сію въ единообразіе и приблизить ее къ тому количеству, въ коемъ она по цѣнѣ и ходу денегъ при началѣ ея установленія находилась, взимать подушной подати“... по два рубля съ души; б) къ оброчной подати по тому же мотиву прибавляется по 3 руб. въ губерніяхъ перваго разряда, по 2 р. 50 к. въ губерніяхъ втораго разряда и по 2 руб. въ губерніяхъ третьяго и четвертаго разрядовъ; в) мѣщанскій окладъ увеличенъ до 5 руб.; д) вводится новый налогъ въ пользу государства съ домовъ столичныхъ въ количествѣ $\frac{1}{2}\%$ съ оцѣнки, по которой тотъ же налогъ собирается въ городскіе доходы; е) сборъ съ купеческихъ капиталовъ увеличенъ на $\frac{1}{2}\%$, такъ какъ „внутренніе купеческіе промыслы во многихъ частяхъ самыми потребностями войны усилились и казна, яко первый пріобрѣтатель сихъ потребностей, употребила на нихъ знатныя суммы, плата за все высокія цѣны, а получала напротивъ въ возвратъ своихъ издержекъ одинакія подати“ ⁵⁾; „въ замѣнъ ущерба отъ сего происходящаго“ и

¹⁾ Обо всемъ этомъ въ ман. отъ 18 декабря 1797 г.

²⁾ По манифесту отъ 2 февр. 1810 г., П. С. З., № 24116.

³⁾ Новое доказательство, что кн. *Вяземскій* въ 1788 г. преувеличивалъ паденіе цѣны ассигнацій.

⁴⁾ Тотъ же ман. отъ 2 февр. 1810 г.

⁵⁾ Ibid.

назначается надбавка къ сбору съ гильдейскихъ капиталовъ $\frac{1}{2}\%$; f) такъ какъ, далѣе, „съ возрастаніемъ цѣнъ на провозъ и всѣ потребности“ продажа пуда соли по 40 коп. „обратилась въ существенный ущербъ“, то предписывается впредь продавать соль по рублю за пудъ. Увеличены были также и многіе другіе сборы: сборъ съ мѣди, таможенные пошлины, сборы съ вексельной и гербовой бумаги; сверхъ всего этого установленъ, кажется, небывалый еще налогъ на дворянскія имѣнія и удѣльныя; притомъ интересно, что налогъ долженъ былъ взиматься изъ „чистаго ихъ (т. е. имѣній) дохода“, примѣняясь къ нормѣ 50 коп. съ ревизской души и сообразуясь съ количествомъ земельнаго владѣнія.

Паденіе цѣны ассигнацій отразилось не въ благоприятную сторону и на частномъ экономическомъ оборотѣ. Хотя ассигнаціи не имѣли принудительнаго курса, но тѣмъ не менѣе онѣ принимались въ платежи вмѣсто монеты или на основаніи существовавшего еще довѣрія къ финансовымъ силамъ государства, или на основаніи фактическаго принужденія, о которомъ мы выше говорили. Какъ бы то ни было ассигнаціи фактически принимали участіе въ большой массѣ оборотовъ, и всѣ лица, имѣвшія съ ними дѣло, должны были чувствовать самымъ осязательнымъ образомъ неудобство такого орудія обращенія, цѣна котораго весьма неустойчива. Мы не имѣемъ въ виду подробно описывать тѣ невыгоды, которыя происходили изъ ассигнаціоннаго обращенія; мы отмѣтимъ только невыгоды нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ, приносимыя ассигнаціями. Прежде всего скажемъ, что тотъ классъ населенія, который получалъ опредѣленные денежные доходы (напр., чиновники), терпѣлъ реальное уменьшеніе въ доходахъ, если эти доходы уплачивались ассигнаціями (напр., жалованье чиновниковъ). Затѣмъ, всѣ кредиторы несли потери послѣ того, какъ получали свои долги ассигнаціями, утратившими большую часть своей номинальной цѣны: если бы кредиторы вмѣсто того, чтобы оказывать кредитъ другимъ лицамъ, помѣстили свои денежные средства въ реальныя блага, то они избѣжали бы такихъ потерь. Это обстоятельство, конечно, не способствовало развитію кредита. Классъ производителей много терялъ оттого, что цѣны на товары не возвышались пропорціонально лагу; поэтому производители, вынужденные весьма часто получать за товары ассигнаціи, нерѣдко не выручали издержекъ производства, осо-

бенно, если онѣ (т. е. издержки производства) состояли въ расходѣ монеты.

Остановимся нѣсколько дольше на положеніи землевладѣльцевъ. Уже тогда на имѣніяхъ лежали значительные долги, которые были сдѣланы большей частью еще во времена благопріятнаго курса ассигнацій или же были сдѣланы въ деньгахъ металлическихъ и потому должны были уплачиваться такими же деньгами. Но цѣны на земледѣльческіе продукты, во-первыхъ, росли медленно и, во-вторыхъ, не въ прямой пропорціи къ лажу. Если, напр., въ 1808 г. сельскій хозяинъ продавалъ лофъ пшеницы за $10\frac{1}{2}$ руб. въ асс., то по курсу этого года онъ получалъ за это количество ассигнацій $5\frac{1}{2}$ р. сер. Но, если онъ въ 1810 г. продавалъ ту же мѣру пшеницы за 12 руб. асс., то въ обмѣнъ за послѣднія онъ могъ получить уже только 4 руб. серебромъ ¹⁾). Одинъ изъ современниковъ свидѣтельствуетъ, что часто землевладѣльцы черезъ короткій промежутокъ времени получали за свои продукты такую цѣну въ ассигнаціонныхъ рубляхъ, которая по переводеніи на серебро оказывалась въ два раза меньше цѣны, недавно существовавшей. У этого современника (П. Р. фонъ-Сиверса) мы находимъ слѣдующія слова, характеризующія положеніе помѣщиковъ того времени: „помѣщикъ въ только что истекшемъ (1810) году получалъ половину того, что онъ получалъ до 1807 г.; если на его имѣніи лежалъ долгъ въ половину цѣны имѣнія, то помѣщикъ не получалъ отъ него почти никакого дохода, а если имѣніе было обременено долгомъ болѣе, чѣмъ на половину, то помѣщикъ не могъ даже уплачивать процентовъ по долгу“ ²⁾).

Вообще же и всякая производительная дѣятельность вслѣдствіе постояннаго колебанія цѣны ассигнацій потеряла прочность и устойчивость: предприятие, казавшееся прочнымъ при одномъ курсѣ, становилось или разорительнымъ, если курсъ понизился, или приносило неожиданные барыши, если курсъ внезапно возвышался; разумѣется, чаще встрѣчались случаи

¹⁾ При этомъ расчетѣ взять во вниманіе курсъ ассигнацій за соответственные годы и, затѣмъ, дѣйствительно существовавшія цѣны на пшеницу; именно, лофъ пшеничной муки въ 1808 г. стоилъ $10\frac{1}{2}$ р. въ асс., а въ 1810 г. уже 12 р.

²⁾ Цитата взята у *Goldmann'a*, op. c., S. 27.

перваго рода, чѣмъ второго, ибо въ общемъ курсъ рубля стремился къ паденію и только изрѣдка обнаруживалъ наклонность къ возвышенію. По указанной причинѣ было затруднительно вести солидные предпріятія. На этотъ счетъ одинъ изъ современныхъ наблюдателей (Л. Г. фонъ Якобъ) говоритъ слѣдующее: „купецъ никогда не могъ дѣлать вѣрнаго разсчета; почти всѣ его дѣла носили видъ азартной игры, потому что онъ находился въ постоянной неизвѣстности относительно того, поднимется или упадетъ курсъ и когда именно; такимъ образомъ эта неизвѣстность къ курсу и цѣнности денегъ должна была держать каждаго предусмотрительнаго дѣловаго человѣка и каждаго заботливаго хозяина въ постоянномъ напряженіи, безпокойствѣ и заботѣ“ ¹⁾. Не удивительно поэтому, если въ то время размножались спекулятивныя предпріятія.

Не только предпріятія, но всякія имущественныя отношенія потеряли прочность, ибо владѣть ассигнаціями значило владѣть цѣнностью неопредѣленной величины; если кто владѣлъ 100.000 руб. въ ассигнаціяхъ, то въ 1807 г. это значило, что онъ владѣетъ цѣнностью, равною цѣнности 67.500 руб. серебряныхъ, а въ 1808 году это значило, что онъ владѣетъ уже только такой цѣнностью, которая равна цѣнности 53.800 руб. серебр. ²⁾.

Замѣтимъ еще, что на почвѣ измѣнчивости цѣны ассигнацій развилось то явленіе, о которомъ такъ много говорятъ и которое такъ много порицаютъ и въ наши дни; это—биржевая игра, игра въ курсъ. Основаніе для нея было валицо: одинъ обязывался доставить къ опредѣленному сроку такое-то количество ассигнацій (напр. 1500 р. асс.) за такую-то цѣну въ деньгахъ металлическихъ (напр. 1000 р. сер.); если въ назначенный срокъ курсъ ассигнацій поднимался (напр., если 1500 р. можно было купить за 1200 р.), то обязавшійся доставкой уплачивалъ только разницу на курсѣ противъ условленной цѣны (т. е. проигрывалъ 200 р. сер.); если курсъ ассигнацій понижался (напр., можно было въ назначенный срокъ 1500 р. ассиг. купить за 900 руб.), то уже обязавшійся принять ассигнаціи проигрывалъ 100 р. и ихъ только платилъ.

¹⁾ Цитировано по *Goldmann*'у, стр. с., 28.

²⁾ См. таблицу внутренняго курса ассигнацій.

Впрочемъ, игра въ курсъ могла состоять и въ томъ, что извѣстное лицо закупало ассигнаціи съ единственной цѣлью перепродать ихъ по болѣе высокому курсу. Правительство часто и весьма строго запрещало эту игру въ курсъ; но, по видимому, запрещенія оставались безуспѣшными, такъ какъ спекуляторы умѣютъ придавать своимъ фиктивнымъ сдѣлкамъ видъ законности.

Ясно, что при описанномъ печальномъ положеніи денежнаго и кредитнаго обращенія оставаться долго было нельзя; требованія какихъ-либо правительственныхъ мѣръ раздавались отъ самыхъ различныхъ классовъ общества и нашли себѣ тѣмъ большее вниманіе, что само правительство находилось въ такомъ же положеніи, какъ и частныя лица. Съ 1810 г. дѣйствительно начинается рядъ мѣръ къ улучшенію денежнаго и кредитнаго обращенія. Чтобы покончить съ исторіей ассигнацій за второй ихъ періодъ, намъ остается разказать о тѣхъ усиліяхъ, которыя правительство сдѣлало въ 1810 г. съ названной цѣлью,—усиліяхъ замѣчательныхъ, но безуспѣшныхъ.

Въ 1810 г. былъ составленъ гр. *Сперанскимъ* при содѣйствіи адмирала *Мордвинова* и другихъ выдающихся лицъ администраціи и науки „Планъ Финансовъ“. Этотъ „Планъ“, который предполагалось осуществить въ теченіе ряда лѣтъ и который долженъ былъ обновить государственное хозяйство Россіи, является замѣчательнымъ созданіемъ лучшихъ людей своего времени ¹⁾. По цѣли настоящаго сочиненія мы остановимся только на той части „Плана“, которая касалась денежнаго обращенія.

„Планъ“ не начинается прямо съ предложенія разныхъ практическихъ мѣръ, которыя должны привести въ порядокъ денежное обращеніе Россіи. Онъ предварительно излагаетъ „теорію монетной и кредитной системы“ ²⁾ и затѣмъ уже, пользуясь установленными теоретическими началами, говоритъ о тѣхъ практическихъ мѣрахъ, которыя должны привести къ упорядоченію денежной и кредитной системы въ Россіи. Теоретическія положенія „Плана“ отличаются въ существенномъ полной основательностью. Они состоятъ въ слѣдующемъ. Твердымъ основаніемъ денежной системы нужно считать такіа день-

¹⁾ „Планъ“ опубликованъ въ XLV т. Сборника Импер. рус. истор. общества.

²⁾ См. въ Сборн. Имп. рус. истор. общ., т. XLV, стр. 29—55.

ги, которыя дѣлаются изъ золота или серебра, приче́мъ ихъ номинальное достоинство не должно превышать внутренняго достоинства ¹⁾. Монета можетъ быть замѣняема въ обращеніи кредитными бумагами. Особенно выгоденъ для обращенія тотъ видъ кредитныхъ бумагъ, который служитъ представителемъ металла, лежащаго въ банкѣ, и по предъявленіи оплачивается банкомъ. Этотъ видъ кредитныхъ бумагъ отличается внѣшними удобствами и, кромѣ того, „ускоряетъ движеніе капиталовъ монетныхъ“ и ведетъ къ тому, что „съ самымъ меньшимъ ихъ (т. е. монетныхъ капиталовъ) количествомъ производятся самыя быстрыя и обширныя обороты“ ²⁾. Кромѣ основной (банковой) монеты, въ странѣ можетъ быть и другая монета (напр., мѣдная), но съ единственнымъ назначеніемъ служить для размѣна первой и для употребленія въ мелкихъ оборотахъ; ея количество должно быть ограничено строго потребностями мелкаго оборота ³⁾.

Что касается ассигнацій, то „Планъ“ объявляетъ ихъ величайшимъ зломъ. Всѣ остальные кредитныя бумаги основаны на опредѣленныхъ капиталахъ, т. е. ихъ оплата непременно производится при опредѣленныхъ условіяхъ изъ того или иного капитала; ассигнаціи же „основаны на предположеніяхъ“, т. е. нѣтъ опредѣленныхъ денежныхъ суммъ, изъ которыхъ онѣ могли бы быть оплачиваемы, и неизвѣстно даже, будутъ ли онѣ когда-нибудь оплачены. Вслѣдствіе этого свойства ассигнаціи являются скрытымъ налогомъ на капиталы, но при этомъ такимъ, относительно котораго нельзя напередъ предсказать съ опредѣленностью, насколько поразитъ онѣ капиталы. „Ассигнаціи суть не только налогъ, но и налогъ весьма неуравнительный. Доказательство сему есть слѣдующее: правительство, платя за потребности, ему нужныя, ассигнаціями, платитъ въ самомъ дѣлѣ такими векселями, кои не могутъ быть по именованію ихъ уплачены. Слѣдовательно — платитъ дороже, то есть къ цѣнѣ вещей прилагаетъ и вознагражденіе той

¹⁾ Это свойство монеты называется «достоверностью монеты». «Достоверность монеты», говоритъ «Планъ»: «опредѣляется 1) внутреннимъ ея независимымъ достоинствомъ, 2) печатію правительства», *ib.*, 29.

²⁾ Очевидно, тутъ «Планъ» говоритъ о банковыхъ билетахъ, см. *ib.*, 31. 32.

³⁾ *Ibid.*, 33.

⁴⁾ *Ibid.*, 31. 38.

потери, какая можетъ быть при промѣнѣ сихъ ассигнацій. Получившій сіи векселя купецъ или земледѣлецъ дѣлаетъ изъ нихъ двойное употребленіе: 1) вноситъ подать въ казну; 2) уплачиваетъ свои предъидущіе долги и договоры. Въ обоихъ сихъ случаяхъ онъ платитъ не такъ, какъ получилъ ихъ самъ изъ казны съ вознагражденіемъ будущей потери, но по именованной цѣнѣ ассигнацій. Слѣдовательно—вознагражденіе остается въ его пользу, а потеря обращается: 1) на казну,—ибо она получила тотъ же самый вексель безъ учета, который сама выдала съ учетомъ; 2) потеря обращается на всѣхъ тѣхъ, коимъ казна платитъ жалованье, пенсіоны и доходы,—ибо они платятся имъ безъ вознагражденія и по именованной цѣнѣ такими векселями, коихъ они не могутъ превратить въ нужные имъ потребности безъ учета; 3) потеря падаетъ также на договоры и долги частныхъ лицъ,—ибо условія, составленныя по именованной цѣнѣ, съ извѣстнымъ какимъ-либо учетомъ, платятся по той же цѣнѣ съ учетомъ превышающимъ и слѣдовательно—трудъ или произведенія платятся ниже, нежели во что, при составленіи условія, они были оцѣнены¹⁾. Такимъ образомъ, выпускъ ассигнацій ведетъ къ потерѣ части имущества однихъ классовъ населенія и составляетъ для нихъ видъ налога, между тѣмъ какъ другіе классы освобождены отъ этого неопредѣленнаго налога. Поэтому при господствѣ ассигнацій „капиталисты не хотятъ отваживаться своихъ капиталовъ, а потому предпримчивость труда ослабѣваетъ и нѣкоторыя вѣтви ея совсѣмъ остаются безъ удобренія“²⁾. „Если налогъ сей продолжится долгое время безъ поправленія, то онъ неминуемо разстроитъ всѣ части государственнаго устройства, ибо, съ продолженіемъ его,—никто не можетъ знать, что онъ имѣетъ сегодня и что будетъ имѣть завтра“³⁾. Естественно, что „Планъ“ въ исключительныхъ случаяхъ финансовой нужды считаетъ самымъ лучшимъ прибѣгать къ срочнымъ займамъ, а не къ выпуску ассигнацій⁴⁾.

1) Ibid., 39—40.

2) Ibid., 40.

3) Ibid., 40—41.

4) Ibid., 54. На этой страницѣ «Планъ» свелъ всѣ свои теоретическіе взгляды къ XIX тезисамъ.

Послѣ изложенія теоріи монетной и кредитной системы „Планъ“ обращается къ вопросу о томъ, что нужно сдѣлать для упорядоченія денежнаго обращенія въ Россіи. Оказывается, что въ Россіи, нужно предпринять цѣлый рядъ важныхъ мѣръ, которыя могутъ исправить ея денежную и кредитную систему. Чтобы дать мѣсто рациональной денежной системѣ въ Россіи, нужно: 1) уничтожить ассигнаціи, 2) мѣдную монету ограничить въ количествѣ и придать ей единственную роль разнѣнныхъ денегъ, 3) основать банкъ, который могъ бы выпускать кредитныя бумаги, разнѣнныя на основную монету („банкъ, основанный на серебрѣ“) ¹⁾.

Намъ нѣтъ надобности подробно останавливаться на томъ, какими способами „Планъ“ предполагалъ осуществить всѣ предположенныя имъ мѣры. Мы скажемъ только нѣсколько словъ о томъ, какими способами предполагалось освободиться отъ ассигнацій. Изъ всѣхъ способовъ уничтоженія ассигнацій (отказъ отъ платежа ассигнацій, т. е. формальное банкротство, выкупъ ассигнацій на монету и т. п.) „Планъ“ справедливо считаетъ цѣлесообразнымъ обращеніе ассигнацій путемъ займовъ въ срочные долги ²⁾. Поэтому „Планъ“ предлагаетъ рядъ внутреннихъ срочныхъ займовъ ³⁾; ассигнаціи, собранныя путемъ займовъ, должны быть уничтожены ⁴⁾. Когда будутъ такимъ образомъ сдѣланы спеціальныя займы для погашенія ассигнацій, то нужно будетъ позаботиться и объ источникахъ уплаты ихъ; главный источникъ „Планъ“ видитъ въ продажѣ казенныхъ оброчныхъ статей ⁵⁾.

¹⁾ Ibid., 55. Всѣ эти мѣры, конечно, были необходимы для упорядоченія денежной системы въ Россіи; но онѣ не совсѣмъ полны, именно «Планъ», къ сожалѣнію, не обратилъ вниманія на то, откуда же въ странѣ возьмется достаточное количество звонкой монеты, которая, если не вполнѣ, то всетаки значительно вытѣснена была ассигнаціями изъ внутренняго обращенія и, кромѣ того, въ томъ или иномъ объемѣ вывезена и потрачена за границей самимъ правительствомъ на военныя и другія потребности. Если бы «Планъ» задался этимъ вопросомъ, то онъ долженъ бы присоединить къ вышеуказаннымъ мѣрамъ еще такія, которыя могли повести къ приливу монеты во внутреннемъ обращеніи.

²⁾ Ibid., 55, 56 и 57.

³⁾ Ibid., 58, 59, 60.

⁴⁾ Ibid., 59.

⁵⁾ Ibid., 61.

„Планъ“ былъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ, и въ томъ же 1810 году послѣдовалъ рядъ законодательныхъ распоряженій, направленныхъ къ осуществленію мѣръ, предложенныхъ „Планомъ“. Объ этихъ законодательныхъ распоряженіяхъ мы и поведемъ теперь рѣчь.

Мы начнемъ съ манифеста отъ 2 февраля 1810 г. ¹⁾, въ которомъ находимъ общія принципиальныя положенія относительно ассигнаціоннаго обращенія. Манифестъ начинается словами, описывающими значеніе банковъ вообще и у насъ въ частности: какъ на Западѣ, такъ и у насъ въ банкахъ видѣли прежде всего средство къ поднятію, оживленію промышленной дѣятельности: „Державы“, говоритъ манифестъ, „искали въ кредитъ и его посредникѣ—банкахъ способовъ къ расширенію ихъ промышленности и къ удобнѣйшему движенію народнаго богатства“. Эту чисто экономическую роль, по мнѣнію манифеста, наши банки выполняли удовлетворительно. Но, затѣмъ, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ правительство, начиная съ 1786 г., вынуждено было расширять кредитъ банковъ для пособія государству, и этимъ положено было начало внутреннимъ долгамъ, которые затѣмъ и возрастали непрерывно. Но, такъ какъ „источники государственныхъ богатствъ“ у насъ „обезпечивали сіи долги съ несравненнымъ превосходствомъ“, то правительство, убѣжденное въ этомъ и надѣясь на это, въ прежнее время не предпринимало „постоянной системы“ къ уплатѣ ихъ, но теперь останавливаетъ свое вниманіе на этомъ предметѣ и твердо рѣшается приступить къ погашенію внутренняго долга. Правительство побуждается на такой шагъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что „хотя общее довѣріе къ банкамъ, основанное на положительныхъ и вещественныхъ государственныхъ имуществахъ, осталось неприкосновеннымъ и ассигнаціи сохранили свободный и обширный ихъ ходъ, но сравнительное ихъ достоинство въ отношеніи къ серебру унизилося; цѣны на всѣ вещи возросли; разныя состоянія потеряли отъ сего великое отягощеніе, между тѣмъ какъ другіе сдѣлали отъ сего же самаго нарочитые прибыли; и такимъ образомъ долги государственныя, возрастая ежегодно и не имѣя срочной опредѣленной уплаты, обратились въ дѣйствительный и неуравнительный налогъ“. Итакъ: правитель-

¹⁾ П. С. З., № 24.116.

ство рѣшается на уплату ассигнаціоннаго долга, но такъ какъ, конечно, „первое условіе уплаты долговъ есть остановить ихъ приумноженіе“, то постановляется, прежде всего, что отнынѣ дальнѣйшіе выпуски ассигнацій не будутъ имѣть мѣста; обращающіяся ассигнаціи признаются теперь, какъ и всегда признавались, „дѣйствительнымъ государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ на всѣхъ богатствахъ Имперіи“. Роль ассигнаціоннаго банка и учреждаемыхъ размѣнныхъ конторъ по отношенію къ ассигнаціямъ будетъ ограничиваться только замѣной ветхихъ ассигнацій новыми и размѣномъ ассигнацій одного достоинства на ассигнаціи другого достоинства „безъ всякаго росту“. Чтобы показать обществу, что ходъ дѣла будетъ именно таковъ, въ директоры ассигнаціоннаго банка назначаются три представителя отъ купечества, имъ самимъ выбранные. Манифестъ заявляетъ, затѣмъ, что для уменьшенія ассигнацій правительство сдѣлаетъ срочный внутренній заемъ, основанія котораго будутъ объявлено особо, а теперь пока въ видахъ осуществленія предначертаннаго плана постановляется еще, что правительство при своихъ расходахъ будетъ слѣдовать голосу возможной бережливости ¹⁾, что столь много прежде вредившее дѣлу разъединеніе кассъ устраняется съ учрежденіемъ министерства финансовъ и подчиненіемъ ему общаго государственнаго казначейства ²⁾ и что, наконецъ, всѣ чрезвычайные расходы будутъ производиться не иначе, какъ по разсмотрѣннн проэктовъ ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Таковы были начала перваго законодательнаго акта, приступившаго къ осуществленію „Плана“ гр. *Сперанскаго*. Дальнѣйшими мѣрами въ томъ же направленіи были: 1) продажа государственныхъ имуществъ, 2) заключеніе срочнаго внутренняго займа и 3) урегулированіе монетной системы. Заемъ долженъ былъ собрать въ руки правительства массы ассигнацій, которыя подлежали истребленію, а продажа имуществъ должна была дать средство для уплаты займа.

¹⁾ Объявляется, что уже въ этомъ 1810 г. сдѣлано уменьшеніе въ расходахъ на 20 милліоновъ.

²⁾ Объединительная роль государственному казначейству придана особенно указомъ отъ 13 апрѣля 1810 г. (И. С. З., № 24.197). Кстати сказать, этимъ же указомъ для круглости цифры ассигнацій уничтоженъ излишекъ ассигнацій сверхъ 577 милліоновъ (именно 810.900 руб.).

Основаніе для такой мѣры, какъ продажа государственныхъ имуществъ, правительство видитъ въ томъ, что они всегда служили залогомъ для ассигнацій ¹⁾. Въ продажу назначались: а) оброчныя земли (3 мил. дес.) и земли „порозжіе“ (первыя находились въ 26 губерніяхъ, а вторыя въ остальныхъ 11 губ., будучи свободными за надѣленіемъ государственныхъ крестьянъ); б) вѣзжіе лѣса (до 900.000 дес.) и лѣса въ 8-ми западныхъ губерніяхъ, оставшіеся за надѣленіемъ сельскихъ обществъ (до 1.500.000 дес.), и в) арендныя имѣнія, находившіяся въ 8 западныхъ и 3 остзейскихъ губерніяхъ (до 350 000 дес.). Продажа должна была производиться съ публичныхъ торговъ и подъ наблюденіемъ особой комиссіи, составленной изъ губернскихъ чиновъ. Къ покупкѣ оброчныхъ статей и лѣсовъ допускались „всѣ свободныя состоянія“, но для именитыхъ купцовъ и даже иностранныхъ капиталистовъ сдѣлана была льгота въ томъ отношеніи, что они могли покупать и населенныя имѣнія, оставаясь, впрочемъ, въ купеческомъ званіи и не пріобрѣтая никакихъ новыхъ правъ. Продажа имуществъ должна была продолжаться въ теченіе пяти лѣтъ, и составлявшійся такимъ образомъ капиталъ долженъ былъ называться „капиталомъ погашенія долговъ“. Завѣдываніе этимъ капиталомъ отдано было въ руки вновь учрежденной комиссіи погашенія долговъ, а его ближайшимъ назначеніемъ было обезпечить операцію заключаемаго внутренняго займа, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить. „Избытки же сего капитала, поколику они будутъ превышать уплату 100 милліоновъ займа, Комиссія имѣетъ обращать вообще на погашеніе государственныхъ долговъ, приводя сін избытки въ выгоднѣйшее движеніе посредствомъ операцій, банковымъ установленіямъ свойственныхъ, не входя однако же ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ въ обороты торговли, кромѣ покупки золота и серебра“ ²⁾. Чтобы сдѣлать возможнымъ осуществленіе всего плана, послѣдняя операція (т. е. покупка золота и серебра) должна была получить преобладающее значеніе, потому что, какъ сейчасъ увидимъ, пла-

¹⁾ Ман. отъ 27 мая 1810 г., II. С. З., № 24.244 и ман. отъ 10 сент. 1810 г., № 24.346.

²⁾ II. С. З., № 24.287. Уставъ государственной комиссіи погашенія долговъ.

тежъ процентовъ по предполагаемому займу, а также и возвратъ занятаго капитала долженъ былъ производиться въ деньгахъ металлическихъ. Отъ продажи государственныхъ имуществъ предполагалось къ 1811 году выручить 4.429.000 руб. металломъ и 5.148.000 руб. ассигнаціями¹⁾.

Тотъ же манифестъ отъ 27 мая 1810 года объявляетъ и объ открытіи внутренняго займа, причемъ объ отношеніи „капитала погашенія“ къ займу манифестъ говоритъ такъ: „для ускоренія мѣръ, принятыхъ къ погашенію долговъ, на счетъ капитала, опредѣляемаго для сего погашенія, открывается публичный внутренній заемъ ассигнаціями“. Слѣдовательно, капиталъ погашенія долженъ былъ являться на первое время основой, гарантіей для выполненія обязательствъ по займу. Основанія самаго займа были слѣдующія. Заемъ долженъ быть внутреннимъ и въ ассигнаціяхъ, причемъ самый высшій размѣръ его не долженъ превышать 100 милліоновъ. Онъ производится по частямъ, именно по 20 милліоновъ каждый разъ, и подписка на слѣдующую часть открывается только тогда, когда пополнена предыдущая часть; платежъ процентовъ по займу производится разъ въ годъ, а капиталъ уплачивается по истеченіи срока и уже не ассигнаціями, а серебромъ настоящаго достоинства ($83\frac{1}{2}$ пробы) или золотомъ по его курсу на серебро. Высота процентовъ и срокъ уплаты опредѣляются для каждой части займа особо, т. е. условія могли и не быть одинаковыми для всѣхъ частей займа. Для первой части займа опредѣлялось, что два ассигнаціонныхъ рубля принимаются за одинъ серебряный, что проценты платятся на серебро въ количествѣ 6 $\frac{1}{2}$ %, и что срокомъ возврата капитала будетъ 1817-ый годъ; для вкладовъ же безсрочныхъ 1 $\frac{1}{2}$ -рублевыхъ ассигнаціи принимаются за рубль серебромъ и процентовъ платится 4 $\frac{1}{2}$ %. Вносить по подпискѣ на заемъ можно было суммами не менѣе, какъ въ 1000 руб., и взаимныя внесенныхъ денегъ комиссія выдавала облигацію, именную или на предъявителя. Нужно еще упомянуть, что въ заемъ принимались не исключительно только наличныя ассигнаціи, но и билеты заемнаго банка и воспитательныхъ домовъ на вложенныя въ эти учрежденія суммы. Всѣ притекавшія

¹⁾ Корфъ, Сперанскій, I, 206; также г. Кауфманъ, Бумажно-денежные проекты etc., Сб. Госуд. Зи., т. 7, стр. 289.

путемъ займа ассигнаціи комиссія погашенія долговъ должна была сжигать при соответствующей обстановкѣ. Объ успѣхѣ или, лучше, о неуспѣхѣ займа, какъ и всего вообще плана, будемъ говорить нѣсколько позже, а теперь обратимся къ тому, какъ правительство опредѣляло положеніе металлической денежной единицы.

Въ это время правительство еще не хотѣло признать и санкціонировать то фактическое положеніе, которое завоевали себѣ ассигнаціи; оно еще не хотѣло утвердить ихъ въ роли истинныхъ бумажныхъ денегъ, придавъ имъ обязательный курсъ по цѣнѣ номинальной ¹⁾ или биржевой; оно по прежнему предоставляло имъ „свободное хожденіе“. Въ это время оно и должно было такъ поступить, потому что поступать иначе значило бы стать въ противорѣчіе съ общимъ планомъ; въ это время правительство могло еще питать надежду, что его общій планъ возстановленія металлическаго обращенія вполне удастся и что оно уничтожить ассигнаціи или, по крайней мѣрѣ, уменьшить до такихъ размѣровъ, при которыхъ оставшимся ассигнаціямъ можетъ быть отведена благодѣтельная роль размѣнныхъ кредитныхъ знаковъ. Естественно поэтому встрѣтить теперь попытку возстановить значеніе металлической единицы, какъ мѣрила всѣхъ цѣнностей и единственной законной счетной единицы. Таковъ смыслъ и значеніе манифеста отъ 20 іюня 1810 г.²⁾. Намъ слѣдуетъ сейчасъ изложить существенныя положенія этого манифеста. Главнѣйшій пунктъ мы приводимъ дословно: „главную непремѣняемую и законною мѣрою (монетною единицею) всѣхъ монетъ, обращающихся въ государствѣ, устанавливается серебряный рубль настоящаго достоинства, и именно: вѣсомъ въ стѣ рубляхъ пять фунтовъ и шесть золотниковъ лигатурнаго серебра 83¹/₂ пробы“. Всѣ прочія серебряныя монеты, т. е. монеты другого вѣса и пробы, равно какъ монеты золотыя „оставляются въ свободномъ обращеніи по сравнительному ихъ достоинству къ настоящему серебряному рублю“. Такимъ

¹⁾ Впрочемъ, по цѣнѣ номинальной дать обязательный курсъ ассигнаціямъ, потерявшимъ уже ²/₃ своей цѣны, не было возможности.

²⁾ П. С. З., № 24.264, также манифестъ отъ 29 авг. т. г. (о новой серебряной и мѣдной монетѣ), № 24.334.

образомъ, по прежнему узаконяется монометаллизмъ и прежняя монетная единица. Но, конечно, какъ и всегда, нельзя было обойтись безъ такъ называемой размѣнной монеты. По разбираемому манифесту, размѣнная монета должна быть частью серебряной (достоинства въ 20, 10 и 5 коп.), частью мѣдной (достоинствомъ въ 2, 1 и $\frac{1}{2}$ коп.) Размѣнная серебряная монета должна была чеканиться изъ металла съ болѣею лигатурной примѣсью сравнительно съ монетой банковской („рубль настоящаго достоинства“), т. е. ея реальная цѣнность должна быть нѣсколько ниже цѣнности номинальной; какъ извѣстно, такое устройство размѣнной монеты признается и въ настоящемъ времени вполне рациональнымъ ¹⁾. Достоинство же мѣдной размѣнной монеты опредѣлялось дѣйствительнымъ отношеніемъ цѣны мѣди въ слиткахъ къ серебру; именно, сообразно съ этимъ рѣшено было впредь изъ пуда мѣди выдѣлывать 24 рубля; но при этомъ старая мѣдная монета, которая, какъ мы знаемъ, была далеко выше достоинствомъ (только 16 руб. изъ пуда), оставлена была въ обращеніи и должна была ходить наравнѣ съ новой; отсюда потребовался рядъ запрещеній и угрозъ за „переливъ“ мѣдной монеты ²⁾. Такъ какъ, далѣе, „установленіе правильной и единообразной монетной системы составляетъ важную часть устройства финансовъ“, то естественно, что счетъ на иностранную монету (ефимки, талеры, злотые и т. д.) впредь предписывается прекратить, и всѣ „законные акты, крѣпости, вексели, условія и сдѣлки имѣютъ быть писаны на Россійскую монету“. — Это второй существенный пунктъ разсматриваемаго манифеста: счетной единицей будетъ не рубль ассигнаціонный, а рубль серебряный.

Теперь посмотримъ, насколько удалось провести правительству начертанный планъ. Ясно изъ предыдущаго, что успѣхъ всего плана обусловливался, во 1-хъ, прекращеніемъ

¹⁾ Однако съ существенной оговоркой: «законъ долженъ легальную фикцію о размѣнной монетѣ, какъ масштабъ цѣнности, поставить въ опредѣленные границы, чтобы не допустить нарушенія или даже оттѣсненія главнаго масштаба цѣнности вторымъ болѣе плохимъ». *Schäffle, Gesellsch. System etc.*, 1, 226. (3-е изд.).

²⁾ Очевидно, переливать старую мѣдную монету въ новую было бы очень выгодно.

выпуска новыхъ ассигнацій, во 2-хъ, удачей въ продажѣ государственныхъ имуществъ и, въ 3-хъ, удачей въ заключеніи займа.

Что касается рѣшимости правительства прекратить размноженіе ассигнацій, то нужно признать, что обстоятельства того времени не были благопріятны въ этомъ отношеніи. Во-первыхъ, дефицитъ въ 80 милл., исчисленный по смѣтѣ на 1810 г., не представлялось возможности покрыть изъ какого-либо надежнаго источника, и, во-вторыхъ, политическія обстоятельства были совершенно неподходящими къ проведенію мѣръ, подобныхъ описываемымъ: предстояло великое столкновеніе Россіи съ Наполеономъ; если бъ даже правительство до 1812 года смогло обойтись безъ выпуска ассигнацій, то въ этомъ году ему, все равно, пришлось бы обратиться къ испытанному ресурсу въ экстраординарныхъ обстоятельствахъ. Но правительство прибѣгло къ выпуску новыхъ ассигнацій еще ранѣе 1812 г.; именно, въ томъ же 1810 г. было выпущено 46 милл. для покрытія дефицита этого года. Въ 1811 г. правительство, видимо, воздерживалось отъ выпуска ассигнацій, но всетаки и въ этомъ году оно выпустило нѣкоторое количество ассигнацій, правда, незначительное. Бурный періодъ войнъ, начавшихся въ 1812 году, былъ, разумѣется, главнѣйшей причиной того обстоятельства, что государство еще разъ должно было напрячь свои финансовыя силы и еще разъ обратиться къ „дѣйствительному и неуравнительному налогу“, какъ манифестъ отъ 2 февр. характеризуетъ значеніе выпускаемыхъ ассигнацій для населенія. Уже одного того обстоятельства, что правительство не могло обойтись безъ новаго выпуска ассигнацій, было бы достаточно, чтобы нарушить планъ возстановленія металлическаго обращенія; въ этомъ отношеніи правительство говорило только очевидную истину, что „первое условіе уплаты долговъ есть остановить ихъ приумноженіе“. Но помимо этого и остальные мѣры не увѣнчались успѣхомъ. Продажа государственныхъ имуществъ шла не такъ удачно, какъ правительство рассчитывало; въ 1811 г. ихъ продано было только на 1.818.458 руб. вмѣсто предполагаемыхъ 9.577.000 руб. ¹⁾ Изъ вырученныхъ 1.818.458 руб.

¹⁾ Выше было сказано, что въ первый годъ (т. е. 1811) отъ продажи

получено металломъ только 292.458 р., ассигнаціями 1.367.000 руб. и 159.000 р. въ облигаціяхъ ¹⁾). Что же касается, наконецъ, заключенія первой части займа, то его можно назвать удачнымъ только повидимому; удачнымъ, хотя бы только и повидимому, заемъ въ 20 милл. слѣдуетъ назвать потому, что онъ былъ составленъ вскорѣ и исполнѣ (т. е. исполнѣ въ первой его части, которая равнялась 20 милл.). Но съ точки зрѣнія той цѣли, для которой заемъ собственно предназначался, его можно считать не удавшимся. Дѣло въ томъ, что изъ 20 милл. только пять были внесены ассигнаціями, а остальные—билетами заемнаго банка и кредитныхъ установленій воспитательныхъ домовъ (т. е. казенъ вдовихъ, ссудныхъ, и сохранныхъ, а главнымъ образомъ послѣднихъ). Заемный банкъ и кредитныя установленія воспитательныхъ домовъ не были самостоятельными кредитными учрежденіями; они исполнѣ находились въ зависимости отъ правительства; поэтому, когда правительство нуждалось въ средствахъ, оно дѣлало заимствованія изъ вкладовъ въ эти учрежденія; когда же послѣднія сами нуждались въ деньгахъ для выполнения своихъ обязательствъ по отношенію къ вкладчикамъ (возвратъ вкладовъ, платежъ процентовъ), тогда имъ приходилось искать поддержки въ общихъ государственныхъ средствахъ. Естественно поэтому, что правительство должно было допустить въ пріемъ по подпискѣ на заемъ и билеты названныхъ кредитныхъ установленій; иначе ему пришлось бы возвратитъ вкладчикамъ ихъ деньги, чего правительство не могло бы сдѣлать безъ выпуска ассигнацій; самые вклады оно не могло возвратитъ по той простой причинѣ, что давно ихъ израсходовало на свои нужды. Результатомъ такого положенія дѣла было то, что коммиссія погашенія долговъ получила въ свои руки только 5 милл. руб. ассигнаціями, которыя и предала сожженію. Остальные 15 милл. какъ прежде были долгомъ правительства, такъ и теперь остались имъ же, только теперь болѣе дорогимъ. Что эти 15 милл. обратились въ болѣе дорогой долгъ, ясно изъ того, что ассигнаціи принимались по 2 и 1½ руб. за рубль серебряный

государственныхъ имуществъ предполагалось выручить 4.429.000 руб. металломъ и 5.148.000 руб. ассигнаціями, а всего 9.577.000 руб.

¹⁾ Корфъ, Сперанскій, I, 206; Кауфманъ, Вумажно - денежные проекты etc., Сб. Госуд. Знаній, т. 7, стр. 289.

въ то время, какъ средній курсъ ихъ въ 1810 г. былъ три руб. за рубль серебромъ. Понятно отсюда и то, что публика успѣшила принять участие въ подпискѣ на заемъ, и что облигаціи комиссіи погашенія долговъ уже въ 1812 г. возвысились въ цѣнѣ на 42% ¹⁾. Дальнѣйшее продолженіе займа было приостановлено къ 1812 году, равно какъ и выполненіе всего плана. 1812-й годъ приноситъ новыя важныя измѣненія въ судьбѣ ассигнацій и эти измѣненія теперь должны обратить на себя наше вниманіе.

¹⁾ См. *Goldmann*, S. 31.

ГЛАВА VI. ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ ИСТОРИИ АССИГНАЦІЙ (1812—1843 г.г.): АССИГНАЦІИ СТАНОВЯТСЯ ДѢЙСТВИ- ТЕЛЬНЫМИ ДЕНЬГАМИ.

Замѣчательная попытка 1810 года законодательными распоряженіями измѣнить фактически установившійся порядокъ денежнаго обращенія не удалась. Неудачу мы объяснили въ предыдущемъ изложеніи отчасти неблагоприятными политическими обстоятельствами, отчасти неуспѣхомъ тѣхъ непосредственныхъ мѣръ, которыя правительство предпринимало; планъ не удался даже съ точки зрѣнія расчетовъ самого правительства. Но если бы даже неблагоприятныя политическія обстоятельства отсутствовали, если бы даже продажа государственныхъ имуществъ и засмъ пошли такъ, какъ предполагало правительство, то всетаки для успѣха всего плана не доставало бы существеннаго предположенія, — присутствія въ странѣ достаточнаго количества металлическихъ денегъ. Странно было надѣяться на возстановленіе металлическаго обращенія, когда прежде всего не было приложено заботъ на привлеченіе въ страну металла, безъ котораго, разумѣется, говорить о возможности металлическаго обращенія значило бы надѣяться на чудо, могущее внезапно вызвать на свѣтъ Божій отсутствующій предметъ. Слѣдовательно, успѣхъ плана 1810 г. обусловливался рядомъ другихъ мѣръ, которыя были бы направлены именно на привлеченіе металла въ обращеніе между частными лицами и въ кассы самого государства; безъ этого, все равно, планъ не имѣлъ бы реальной почвы. Понятно также, что привлекать къ роли единственнаго законнаго платежнаго средства серебряный рубль, когда онъ по своему отсутствію или, по крайней мѣрѣ, по недостаточности не могъ выполнять этой функціи, значило создавать фикцію и вносить

путаницу въ отношенія, уже фактически прочно установившіяся. Съ этой точки зрѣнія замѣчательнъ манифестъ отъ 6 апрѣля 1812 г. ¹⁾). Этотъ манифестъ далъ возможность звонкой монетѣ безпрепятственно обращаться на внутреннемъ рынкѣ; впрочемъ, мы не можемъ утверждать, что въ этомъ была прямая цѣль названнаго манифеста. На этомъ манифестѣ мы и остановимся пока.

Манифестъ констатируетъ, что „въ частныхъ и публичныхъ денежныхъ оборотахъ“ возникли затрудненія; эти затрудненія побуждаютъ правительство дать банковымъ ассигнаціямъ „повсемѣстно единообразное обращеніе“, для достиженія котораго дѣлаются слѣдующія опредѣленія. Относительно платежей частныхъ лицъ казнѣ предписывается: всѣ подати и налоги съ 1812 г. взимаются банковыми ассигнаціями; недоимки отъ прежнихъ лѣтъ, когда подати и налоги опредѣлялись въ серебрѣ, съ 1812 г. будутъ взыскиваться также ассигнаціями по два рубля асс. за рубль серебряный; только по нѣкоторымъ статьямъ сборовъ, основанныхъ главнымъ образомъ на контрактахъ съ казною, предоставляется плательщикамъ право вносить платежи серебромъ, если они такъ пожелаютъ; но впредь всѣ условія и контракты между казною и частными лицами на содержаніе сборовъ и имѣній совершаются на государственныя ассигнаціи. Что касается платежей казны частнымъ лицамъ, то на этотъ счетъ постановляется, что „казенные долги, въ серебрѣ состоящіе, платятся тою же монетою или ассигнаціями по промѣну на серебро въ день платежа“ (въ манифестѣ п. 8); исключеніе отсюда дѣлается для банковыхъ и ломбардныхъ билетовъ, выданныхъ на серебро, а также и для облигацій комиссіи погашенія долговъ: по названнымъ обязательствамъ платежъ долженъ быть произведенъ въ серебрѣ (п. 9); по всѣмъ условіямъ, договорамъ и контрактамъ между казною и частными лицами платежъ будетъ производиться ассигнаціями, ибо и заключаться всѣ договоры и условія впредь будутъ на государственныя ассигнаціи (п. 10). Наконецъ, по отношенію къ платежамъ между частными лицами манифестъ содержитъ слѣдующія постановленія, которыя считаемъ не лишнимъ привести цѣликомъ: „всѣ счета экономическіе и коммерческіе, исчис-

¹⁾ П. С. З., № 25.080.

леніе доходовъ и всякіе денежныя и публичныя обороты производиться должны не иначе, какъ на государственныя банковыя ассигнаціи“ (п. 11); „на семъ основаніи цѣны на преісъ-курантахъ, справочныя цѣны и вексельной денежной курсъ опредѣляются повсемѣстно на государственныя ассигнаціи“ (п. 12). „Контракты, закладныя, купчія крѣпости, вексели, заемныя письма и другія всякаго рода обязательства и сдѣлки между частными лицами предоставляется на волю ихъ заключать и писать на ассигнаціи или серебро по добровольному согласію; но платежъ по онымъ не можетъ быть отринуть ассигнаціями по промѣну на серебро въ день платежа“ (п. 13); „по аренднымъ контрактамъ и договорамъ, заключеннымъ по сіе время между частными лицами на серебряную монету, предоставляется на волю плательщика вносить деньги серебромъ или ассигнаціями по промѣну на серебро въ срокъ платежа“ (п. 14). Если бъ мы пожелали сущность манифеста выразить въ нѣсколькихъ словахъ, то могли бы сказать вслѣдъ за нимъ: „во всемъ пространствѣ Имперіи счеты и платежи съ изданія сего основывать на государственныхъ банковыхъ ассигнаціяхъ“ (п. 1). Существенныя положеніяхъ изложеннаго сейчасъ манифеста имѣли силу до 1839 г., т. е. до введенія кредитной системы.

Манифестъ отъ 9 апрѣля 1812 г. мы не безъ основанія назвали замѣчательнымъ. Дѣйствительно, онъ долженъ былъ оказать и оказалъ существенное вліяніе какъ на финансовое положеніе государства, такъ и на судьбу денежнаго обращенія вообще. Во первыхъ, остановимъ свое вниманіе на томъ обстоятельствѣ, что манифестъ устанавливаетъ принудительный курсъ. Если прежде принятіе ассигнацій въ платежъ зависѣло отъ доброй воли получателя, то теперь уже платежъ ассигнаціями никѣмъ не могъ быть отринуть. Если прежде поле дѣйствія ассигнацій было нѣсколько узкимъ, то теперь оно расширяется. „При всей громадности ихъ выпуска“, говоритъ г. *Кауфманъ* ¹⁾: „законъ обезпечивалъ имъ лишь самое узенькое поле дѣйствія въ платежныхъ взаимоотношеніяхъ между казначействомъ и публикою. Поэтому всего проще казалось сдѣлать что-либо полезное для неразмѣнныхъ денежныхъ знаковъ, обезпечивъ за ними по закону весь кругъ, все поле

¹⁾ Бумажно-денежныя проекты etc., Сб. Госуд. Зн., т. 7, стр. 290.

дѣйствіи денегъ“. Чтобы избѣжать недоразумѣній, мы должны еще разъ отмѣтить, что узкое поле дѣйствія ассигнацій во второй періодъ ихъ исторіи установилось для нихъ только закономъ; фактически же ассигнаціи постепенно приобрѣтали и къ концу второго періода дѣйствительно приобрѣли положеніе почти исключительнаго платежнаго средства, потому что онѣ, какъ мы прежде показали, въ значительной степени отгѣсняли деньги металлическія. Но это всетаки не исключаетъ возможности говорить, что послѣ манифеста 9 апрѣля кругъ дѣйствія ассигнацій сталъ еще шире.

Дѣло въ томъ, что ассигнаціи всетаки не повсюду вытѣсняли монету; процессъ вытѣсненія быстрѣе и полнѣе совершался въ центрахъ скопленія ассигнацій и медленнѣе и даже почти не совершался въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ центровъ ихъ скопленія. Теперь же съ установленіемъ принудительнаго курса сфера ихъ, такъ сказать, пространственнаго дѣйствія должна была расшириться: онѣ могли удобно проникать въ самыя отдаленныя мѣста государства, ибо на всемъ прострѣствѣ дѣйствія принудительнаго курса, другими словами, по всему государству никто не могъ отказаться отъ пріема ихъ въ платежѣ. Говоря о принудительномъ курсѣ, приданномъ ассигнаціямъ въ 1812 г., мы должны имѣть постоянно въ виду то очень важное обстоятельство, что отношеніе ассигнацій къ серебру, ихъ цѣна не была фиксирована, что онѣ были обязательны въ пріемѣ не по такой-то цѣнѣ, но только по цѣнѣ ихъ курсовой, объявляющейся на биржѣ въ день платежа.

Но могъ ли въ это время быть установленъ принудительный курсъ по цѣнѣ номинальной? На этотъ вопросъ долженъ послѣдовать отрицательный отвѣтъ. Ассигнаціи въ 1812 г. упали въ весьма значительной степени: ассигнаціонный рубль стоилъ только 25 коп. серебр. Очевидно, что законодательное распоряженіе, предписывающее принимать ассигнаціонный рубль по цѣнѣ одинаковой съ металлическимъ, не имѣло бы никакого смысла и значенія, потому что цѣна всѣхъ бланковъ вообще, а равно и бумажныхъ денегъ не зависитъ исключительно отъ воли законодателя; если бы правительство предписало принимать всю массу ассигнацій по цѣнѣ номинальной, то отъ этого ихъ мѣновая цѣнность не сильно увеличилась бы: въ своей номинальной цѣнности онѣ далеко превосходили

бы потребность оборота въ деньгахъ, и потому номинальная цѣнность ассигнацій неизбежно понизилась бы. Относительно этого предмета г. *Кауфманъ* выражается слѣдующимъ образомъ: „волею-неволею онъ (гр. *Сперанскій*) ¹⁾ долженъ былъ примириться съ рыночнымъ курсомъ и его узаконить, какъ волею-неволею съ тѣмъ же должны были примириться прусскіе и австрійскіе государственные дѣятели. *Безъ этого не было возможности узаконить сохранившуюся часть цѣнности бумажныхъ денегъ*“ ²⁾ Г. *Кауфманъ* преувеличиваетъ нѣсколько необходимость для правительства поступить именно такъ. Оно могло также фиксировать какой-либо одинъ изъ курсовъ того времени и его узаконить; напр., опредѣлить, что впредь каждый ассигнаціонный рубль долженъ стоить 25 коп. сер. Изъ двухъ возможныхъ путей правительство избрало указанный потому, что оно рассчитывало на возвышеніе цѣны ассигнацій. Если бы была узаконена какая-либо опредѣленная цѣна ассигнацій, то тогда уже совершенно была бы отсѣчена возможность для ассигнацій поднять свой курсъ на серебро. Итакъ, правительство установило манифестомъ 9 апрѣля принудительный курсъ по цѣнѣ биржевой. По этой цѣнѣ ассигнаціи должны были приниматься не только въ платежахъ частныхъ лицъ между собою, но и въ платежахъ частныхъ лицъ казнѣ; слѣдовательно, само правительство отказалось признавать ихъ равноцѣнными деньгамъ металлическимъ; то, что обыкновенно называется на языкѣ науки податнымъ обезпеченіемъ, впредь не должно было имѣть мѣста ³⁾. Разумѣется, только печальная необходимость можетъ оправдать такую мѣру; прибѣгнуть къ ней значило для правительства отказаться отъ принятаго на себя обязательства признавать за собою текущій долгъ во всемъ его объемѣ и рано или поздно уплатить его въ полной мѣрѣ; правительство какъ бы само сознавалось, что оно не

¹⁾ Нужно замѣтить, что инициатива опредѣленій, заключающихся въ манифестѣ 9 апрѣля, и редакція его приписываются также гр. *Сперанскому*. См. Н. Х. *Буте*, прилож. 3-е къ соч. *Витера*, Рус. бум. деньги, стр. 131.

²⁾ *Кауфманъ*, ор. с., стр. 292. Подчеркнуты слова въ подлинникѣ— курсивомъ.

³⁾ Ибо истиннымъ податнымъ обезпеченіемъ, конечно, нужно считать приемъ бумажекъ по нарицательной цѣнѣ, а не приемъ ихъ по курсовой цѣнѣ.

можетъ придавать своимъ долговымъ обязательствамъ той цѣны, какую они должны имѣть; кредитъ вслѣдствіе всего этого какъ къ самому правительству, такъ и къ ассигнаціямъ долженъ былъ пасть. Въ послѣднемъ можно видѣть одну изъ причинъ, почему цѣна ассигнацій и послѣ прекращенія ихъ выпусковъ и даже уменьшенія ассигнацій циркулировавшихъ не поднималась въ такой степени, въ какой можно бы ожидать этого; теперь не было мотивовъ къ постепенному поднятію цѣны ассигнацій до цѣны нарицательной, потому что послѣдняя потеряла всякое значеніе; при узаконеніи биржевого курса „нарицательная цѣна“, говоритъ г. *Кауфманъ*¹⁾: „становится фикціей: суммой, значащеюся на бумагѣ, но лишенною всякаго реального значенія; на ней никто никакихъ расчетовъ не основываетъ“.

Трудно оправдываемое съ юридической точки зрѣнія узаконеніе биржевой цѣны ассигнацій было тѣмъ не менѣе очень благотѣльно для финансовъ государства. Прежде государство страдало безпрерывными дефицитами. Какъ мы знаемъ, дефициты въ бюджетахъ государствъ съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ есть обыденное явленіе; не составляло отсюда исключенія и наше государство въ предыдущіе періоды; если бы русское правительство пожелало постоянно имѣть равновѣсіе въ бюджетѣ, то оно, не говоря уже объ экстраординарныхъ обстоятельствахъ, должно бы изъ года въ годъ мѣнять денежную сумму податей и налоговъ, сообразуясь съ повышеніемъ или пониженіемъ цѣны ассигнацій; но такой порядокъ вещей представлялъ бы истинное зло для народа. Съ уничтоженіемъ псдатного обезпеченія положеніе дѣла мѣняется: теперь рубль ассигнаціонный не принимается казной отъ плательщиковъ въ его „полномъ достоинствѣ“²⁾, котораго онъ, выходя изъ рукъ казны, уже не будетъ имѣть; ассигнаціонный рубль принимается въ такомъ же достоинствѣ, въ какомъ имъ можетъ располагать и сама казна; очевидна выгодность такого порядка для казны. Съ этихъ поръ коренная причина дефицитовъ устранена. Если, затѣмъ, мы не вскорѣ послѣ 1812 г. видимъ наступленіе равновѣсія въ бюджетѣ Россіи, то причиною тому экстраординарныя обстоятельства (отечественная война

¹⁾ Ibid., стр. 293.

²⁾ Выраженіе источниковъ.

и другія наполеоновскія войны вплоть до Парижскаго мира въ 1815 г.); зато послѣ ликвидаціи всѣхъ экстраординарныхъ финансовыхъ тратъ бюджетъ стремится къ равновѣсію и въ министерство гр. Канкринна равновѣсіе было достигнуто, хотя, правда, не надолго.

Установленіе принудительнаго курса по биржевой цѣнѣ имѣло еще другое важное значеніе для денежнаго обращенія: на рынкѣ теперь безпрепятственно обращается звонкая монета¹⁾. Здѣсь умѣстно и любопытно отмѣтить нѣкоторое разногласіе, существующее между такими знатоками нашего денежнаго обращенія, какъ *Н. Х. Бунге* и г. *Кауфманъ*. *Н. Х. Бунге* придаетъ чрезвычайно большое значеніе основаніямъ манифеста 9 апрѣля и полагаетъ, что эти же основанія могли бы быть примѣнены и въ настоящее время, если бъ желали подготовить возможность размѣна кредитныхъ билетовъ на монету²⁾. Вотъ его подлинныя слова: “манифестомъ 1812 г. правительство объявило, что оно будетъ принимать и выдавать ассигнаціи по нарицательному курсу, но предоставило частнымъ лицамъ право употреблять монету; именно, въ ст. 13 манифеста сказано: „контракты, закладныя, кучія крѣпости, векселя, заемныя письма и всякаго рода обязательства и сдѣлки между частными лицами предоставляется на волю ихъ заключать или писать на ассигнаціи или серебро, по добровольному согласію, но платежъ по онымъ не можетъ быть отринутъ ассигнаціями по промѣну на серебро въ день платежа. Безъ предоставленія такого права гражданства монетѣ на внутреннемъ рынкѣ, усилія правительства для возстановленія металлическаго обращенія потребуютъ громадныхъ средствъ, колоссальныхъ и разорительныхъ займовъ. Заслуга нашей денеж-

¹⁾ Впрочемъ, правительство стѣзило сферу обращенія звонкой монеты тѣмъ, что подати принимало почти исключительно въ ассигнаціяхъ. Однако съ теченіемъ времени правительство для удобства публики, владѣющей монетой, начало расширять пріемъ серебра въ податяхъ (см. ниже). Что на рынкѣ появилась монета въ большихъ количествахъ, объ этомъ свидѣтельствуесть гр. *Сперанскій*; появились большія количества даже иностранной монеты. См. *Сперанскій*, о монетномъ обращеніи, стр. 161.

²⁾ Мнѣніе *Н. Х. Бунге* по этому предмету изложено въ его соч.: «О возстановленіи постоянной денежной единицы въ Россіи», 1878 г., Кіевъ: также въ примѣч. къ сочин. *Ваннера*, стр. 128 и д.

ной политики въ 1812—1839 годахъ состояла въ томъ, что она создала у насъ металлическій рынокъ“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ *Н. Х. Бунге* говоритъ: ²⁾ „съ свойственной ему проницательностью *Сперанскій* понялъ сразу необходимость признанія постоянной денежной единицы, прекращенія выпуска ассигнацій, ихъ изыятія, наконецъ употребленія въ обращеніи счетной кредитной единицы и признанія лажа. Рядъ манифестовъ и указовъ о денежномъ обращеніи съ 1810 до первой половины 1812 г. представляетъ осуществленіе начертаннаго тогда финансоваго плана.“ Изъ приведенныхъ словъ *Н. Х. Бунге* мы оставляемъ въ сторонѣ тѣ, которыя касаются примѣнимости основаній манифеста 9 апрѣля къ настоящимъ условіямъ бумажно-денежнаго обращенія. Теперь для насъ интересно то положеніе *Н. Х. Бунге*, что благодаря мѣрамъ 1812—1839 гг. монета получила возможность обращаться на денежномъ рынкѣ Россіи въ указанный періодъ, и что эту возможность нужно приписать легализаціи лажа. Противъ этихъ именно положеній и направлены возраженія г. *Кауфмана* ³⁾. Г. *Кауфманъ* говоритъ прежде всего, что *Сперанскій* не имѣлъ намѣренія путемъ легализаціи лажа создать металлическій рынокъ. Напротивъ, по мнѣнію г. *Кауфмана*, въ 1810 г. составленъ былъ планъ возстановленія металлическаго обращенія, но совѣмъ другимъ путемъ: путемъ внутреннихъ займовъ, составленія капитала погашенія чрезъ продажу государственныхъ имуществъ и т. д.; здѣсь, такимъ образомъ, шло дѣло объ изыятіи изъ обращенія части ассигнацій и о *возстановленіи* цѣнности остальныхъ; когда этотъ планъ не удался, тогда нужно было подумать о чемъ-либо другомъ: рѣшено было именно придать ассигнаціямъ принудительный курсъ; но придать принудительный курсъ ассигнаціямъ по цѣнѣ нарицательной, когда онѣ сохранили только четверть своей цѣны, было очевидной невозможностью; оставалось только узаконить биржевой курсъ, и это было не заслугою, а только необходимостью. ⁴⁾ Итакъ, по мнѣнію г. *Кауфмана*, нельзя ставить въ связь манифестъ

¹⁾ Эти слова заимствованы изъ цитаты, приведенной у г. *Кауфмана*, Бум.-ден. проекты etc., стр. 287 (Сб. Госуд. Знаній, т. 7).

²⁾ Примѣчанія къ сочиненію *Ватера*, стр. 128.

³⁾ *Кауфманъ*, Бум.-ден. проекты, стр. 287—295.

⁴⁾ Нѣсколько выше мы сгладили ту категоричность, съ которой г. *Кауфманъ* здѣсь выражается.

9 апрѣля съ планомъ 1810 г. и нѣтъ основанія видѣть въ этомъ же манифестѣ намѣреніе правительства путемъ легализаціи лажа привлечь монету на внутренній рынокъ. Съ этой исторической частью возраженія г. *Кауфмана* мы можемъ совершенно согласиться. Въ предыдущемъ изложеніи мы пытались именно въ такомъ видѣ представить дѣло. Но нельзя не признать, что возраженіе въ своемъ существѣ всетаки небольшой важности: одинъ видитъ доброе намѣреніе и заслугу тамъ, гдѣ ни намѣренія, ни заслуги не было, а была только необходимость; фактъ тѣмъ не менѣе остается налицо: лажъ былъ легализированъ. Поэтому мы считаемъ гораздо болѣе важнымъ второе возраженіе г. *Кауфмана*. Онъ ставитъ вопросъ: „что дѣйствительно «создало металлическій рынокъ» въ Россіи послѣ Наполеоновскихъ войнъ“?—и даетъ на него такой отвѣтъ: металлическій рынокъ созданъ „сжатіемъ, сокращеніемъ (редукцію) бумажно-денежнаго обращенія, освобожденіемъ рынка отъ излишнихъ бумажныхъ знаковъ; эта-то редукція и это-то сжатіе очистили достаточно мѣста для звонкой монеты, открыли ей свободный просторъ.“¹⁾ Приведенныя слова г. *Кауфмана* значатъ, что, если въ 1817 г. послѣ прекращенія выпуска ассигнацій ихъ числилось въ обращеніи 836 милл., то въ дѣйствительности полноцѣнныхъ рублей обращалось только 217,36 милл.; потому именно 217,36 милл., что въ это время 1 руб. въ ассигнаціяхъ стоилъ только 26 коп. въ серебрѣ²⁾, или, если въ 1823 году (когда послѣ гр. Гурьева занялъ постъ министра финансовъ гр. Канкринъ, прекратившій „истребленіе“ ассигнацій) номинально обращалось 596 милл.,³⁾ то въ дѣйствительности въ это время обращалось только 159,728 милл.⁴⁾, послѣдняго количества, дѣйствительно, не было слишкомъ много для страны, и потому открытъ былъ свободный доступъ монетѣ. Такова сущность второго возраженія г. *Кауфмана*.

Приливъ монеты на внутренній рынокъ, говоритъ г. *Кауфманъ*, есть слѣдствіе редукціи. Но что такое редукція? Всегда

¹⁾ Ib., стр. 292. 293.

²⁾ См. ниже таблицу.

³⁾ Точнѣе: почти 596 милл.

⁴⁾ Въ это время 1 руб. ассиг.=26,8 коп. сер., слѣдовательно 596 милл.:

$$\frac{100}{26,8} = 159,728 \text{ милл.}$$

ли редуція въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее представляетъ г. *Кауфманъ*, ведетъ къ привлеченію монеты на внутренній рынокъ? Вотъ вопросы, послѣ отвѣта на которые мы можемъ видѣть, какое изъ двухъ изложенныхъ мнѣній заслуживаетъ названія справедливаго.

Редуція бумажно-денежнаго обращенія есть ничто иное, какъ обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, которымъ бумажно-денежный оборотъ всегда отвѣчаетъ на излишній выпускъ денежныхъ знаковъ. Передъ всякимъ новымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ можно представить себѣ денежный оборотъ установившимся, приспособившимся къ тому или другому количеству орудій обращенія; когда на рынокъ появляется новое количество денежныхъ знаковъ, тогда уже прежде циркулировавшія бумажныя деньги должны уступить часть своей цѣны и цѣнности новымъ собратамъ ¹⁾, чтобы дать и этимъ мѣсто на рынокѣ. Токой процессъ сжатія, повторяемъ, бываетъ всегда и вновь, когда имѣютъ мѣсто выпуски излишнихъ денежныхъ знаковъ, но, какъ учатъ историческіе факты, не всегда за редуціей слѣдуетъ приливъ монеты; слѣдовательно, здѣсь дѣло не въ редуціи, а въ чемъ то иномъ. По нашему мнѣнію, дѣло именно въ томъ, узаконенъ ли принудительный курсъ по цѣнѣ номинальной или курсовой. Въ томъ или другомъ случаѣ при условіи прекращенія выпусковъ бумажныхъ денегъ ходъ дѣла будетъ слѣдующій. При узаконеніи нарицательнаго курса потребность въ новомъ количествѣ денегъ, вслѣдствіе расширившагося оборота будетъ удовлетворяться тѣмъ же количествомъ бумажныхъ денегъ, но только *возвысившихся* въ своей цѣнности; здѣсь наступитъ процессъ обратный тому, который имѣлъ мѣсто при выпускахъ излишнихъ бумажныхъ денегъ; если прежде совершалось сжатіе, то теперь совершается расширеніе денежнаго обращенія *при томъ же количествѣ денежныхъ знаковъ*; и когда бумажныя деньги постепенно дошли бы до *al pari* съ монетой, только тогда потребность въ еще болѣшемъ количествѣ денежныхъ знаковъ могла бы удовлетворяться приливающей монетой. При узаконеніи курсовой цѣны процессъ возвыше-

¹⁾ Въ бумажныхъ деньгахъ нѣтъ предѣла для пониженія ихъ цѣны и цѣнности, потому что сами онѣ не имѣютъ цѣнности «реальной»; поэтому паденіе ихъ цѣны и цѣнности можетъ простираться до нуля (нуллификация).

нія цѣнности и цѣны бумажныхъ денегъ почти не имѣтъ мѣста ¹⁾; а между тѣмъ дѣйствительное значеніе обращающихся бумажныхъ денегъ редуцировано почти ²⁾ до дѣйствительной потребности оборота въ деньгахъ; слѣдовательно, здѣсь сразу открыта возможность появленія монеты на внутреннемъ рынкѣ, если, конечно, потребность въ деньгахъ вообще усиливается ³⁾. Такъ именно и было послѣ наполеоновскихъ войнъ въ Россіи, и, слѣдовательно, изъ двухъ разсматриваемыхъ нами мнѣній по этому предмету мнѣніе *Н. Х. Буни* справедливѣе и оно будетъ справедливымъ во всемъ своемъ объемѣ, если въ него внести указанную нами историческую поправку. Предыдущее, конечно, не даетъ права дѣлать то заключеніе, что легализація лажа есть одна изъ желательныхъ и для восстановленія металлическаго обращенія одна изъ цѣлесообразныхъ мѣръ. Съ этой стороны мы совершенно не разсматриваемъ вопроса.

Установленіе принудительнаго курса по цѣнѣ биржевой должно было имѣть еще одно слѣдствіе: колебаніе цѣны и цѣнности ассигнацій; не только то колебаніе, которое бумажно-денежная единица одной страны обнаруживаетъ въ своихъ соотношеніяхъ съ твердой иностранной единицей (постоянно измѣняющійся вексельный курсъ!), но и колебаніе цѣны внутри самой страны,—колебаніе частое и непрерывное. Колебанія эти объясняются тѣмъ, что въ каждомъ обмѣнѣ ассигнацій на серебро (а обмѣны эти были многочисленны) сказывалось вліяніе особенной нужды въ опредѣленномъ видѣ денегъ (напр., нужда въ ассигнаціяхъ для взноса податей). Такая непрочность ходячей единицы должна была имѣть всѣ свои дурныя послѣдствія, состоящія въ непрочности имущественныхъ отношеній, въ ослабленіи кредита, невозможности солидныхъ предпріятій, въ развитіи спекуляцій и т. д. Какъ

¹⁾ Объ этомъ мы говорили выше.

²⁾ Говоримъ «почти», такъ какъ по курсовой цѣнѣ бумажныхъ денегъ нельзя съ точностью опредѣлить дѣйствительной потребности въ деньгахъ.

³⁾ Уничтоженіе части ассигнацій имѣло то слѣдствіе, что потребность въ орудіяхъ обращенія увеличивалась: уничтоженныя ассигнаціи были все-таки орудіемъ обращенія, хотя и съ малой цѣной; поэтому уничтоженныя ассигнаціи оборотъ долженъ былъ замѣнить или возвышеніемъ цѣны оставшихся ассигнацій или увеличеніемъ монетнаго обращенія.

увидимъ далѣе, цѣна ассигнаціи въ ея общемъ движеніи шла, хотя и незначительно, вверхъ, но въ этомъ нѣтъ никакого утѣшенія, когда рѣчь идетъ объ одномъ изъ существеннѣйшихъ качествъ всякой денежной единицы—прочности; безъ послѣдняго качества денежной единицы всѣ имущественныя отношенія и изъ нихъ особенно долговыя висятъ, такъ сказать, на воздухѣ; права гражданъ подвергаются непрерывнымъ колебаніямъ въ ихъ экономическомъ содержаніи. Историческіе факты въ тольео что отмѣченномъ направленіи мы приведемъ ниже, когда будемъ говорить о реформѣ денежнаго обращенія, имѣвшей мѣсто въ 1839—1843 гг.; мы увидимъ тамъ, что именно указанная неустойчивость ассигнаціоннаго рубля была ближайшимъ поводомъ къ реформѣ.

Наконецъ, послѣ всего сказаннаго едва ли и нужно ставить особо вопросъ о томъ, стали ли ассигнаціи послѣ манифеста 9 апрѣля дѣйствительными деньгами. Въ теоретической части (гл. III) было установлено, что подъ дѣйствительными бумажными деньгами нужно разумѣть тѣ кредитныя орудія обращенія, которыя стали неразмѣнными и которымъ приданъ обязательный курсъ. Такъ какъ съ 1812 г. ассигнаціи получили эти свойства, то, слѣдовательно, съ этого года онѣ стали дѣйствительными бумажными деньгами. Такимъ образомъ съ 1812 г. вплоть до полнаго уничтоженія ассигнацій въ Россіи обращались два сорта денегъ: металлическія и бумажныя. Въ этой оригинальной двойственной денежной системѣ было оригинально еще и то, что между цѣнностью обоихъ видовъ денегъ не было установлено твердаго законнаго отношенія; это отношеніе устанавливалось не закономъ, а соглашеніемъ частныхъ лицъ и притомъ для каждаго мѣноваго акта отдѣльно.

Такъ долго мы остановились на манифестѣ отъ 9 апрѣля потому, что его основанія въ своемъ существѣ опредѣляли судьбу ассигнацій вплоть до окончательнаго ихъ устраненія, и что, слѣдовательно, въ дальнѣйшей исторіи ассигнацій намъ предстоитъ встрѣтиться только съ проявленіемъ тенденцій, толчекъ которымъ данъ былъ разсмотрѣннымъ манифестомъ.

Обращаясь къ дальнѣйшей исторіи ассигнацій за третій періодъ, остановимся прежде всего на измѣненіи ихъ количества. До сихъ поръ намъ приходилось все говорить объ увеличеніи массы обращающихся ассигнацій; только въ третьемъ

періодѣ, наконецъ, удалось правительству исполнить давно высказанное желаніе приостановить и даже уменьшить выпуски ассигнацій, впрочемъ, только съ 1817 г., а до 1817 г. выпуски еще продолжались и притомъ въ значительныхъ количествахъ. Причиной этого была необходимость въ денежныхъ средствахъ для наполеоновскихъ войнъ. Увеличеніе ассигнацій и вмѣстѣ съ тѣмъ паденіе ихъ цѣны за первые годы третьяго періода можно видѣть изъ слѣдующей таблички.

Года.	Количество ассигнацій въ обращеніи.	Серебр. руб. въ ассигн.	Ассигнац. рубл. въ серебр.	Далкъ (въ асс. коп.)	Дизажіо (въ сер. коп.)
1812	645.894.400	388	25,8	288	74,2
1813	749.334.400	397	25,2	297	74,8
1814	798.125.900	396	25,3	296	74,7
1815	825.823.700	421	23,7	321	76,3
1816	831.423.700	404	24,8	304	75,2
1818	836.000.000	384	26	284	74 ¹⁾

Комментаріи къ предложенной сейчасъ таблицѣ почти излишни; изъ нея видно, что наибольшій выпускъ ассигнацій относится къ періоду съ 1812 г. по 1815, т. е. къ періоду отъ начала отечественной войны до Парижскаго мира: въ эти четыре года выпущено ассигнацій на 244.429.300 рубл., но за это же время ассигнаціи въ паденіи своей цѣны достигли крайняго предѣла (какъ видно изъ таблицы, въ 1815 г.); ниже онѣ никогда не падали ни прежде, ни послѣ. По заключеніи Парижскаго мира цѣна ассигнацій сразу и быстро поднялась, очевидно, подѣ влияніемъ усилившагося довѣрія къ финансовымъ силамъ государства, такъ какъ количество ихъ

¹⁾ Таблица составлена по матеріаламъ, приводимымъ у г.г. Ламанскаго, Шторжи и Вржескаго въ ихъ не разъ уже упомянутыхъ сочиненіяхъ.

не только не уменьшилось, но еще два года продолжало увеличиваться, хотя и незначительно. Въ 1817 году количество ассигнацій достигло громадной суммы въ 836 милл. и дальше этой суммы уже больше не поднималось.

Послѣ 1817 года исторія ассигнацій раздѣляется на два фазиса: въ министерство гр. Гурьева ихъ желаютъ довести до наименьшаго количества путемъ главнымъ образомъ займовъ; въ министерство же гр. Канкрина (съ 1823 г.) такая политика признается не цѣлесообразной. Слѣдуя хронологическому порядку, остановимся на первомъ фазисѣ.

Наступившія съ 1817 г. мирныя политическія обстоятельства были благоприятны для прекращенія выпусковъ ассигнацій; государство, какъ мы выше указывали, въ силу мѣръ, принятыхъ манифестомъ 9 апрѣля 1812 г., не должно было страдать сильными дефицитами въ своемъ ординарномъ бюджетѣ; сверхъ того, если ему представилась бы надобность въ средствахъ, то оно могло бы теперь съ болѣею легкостью обратиться къ внѣшнимъ займамъ, такъ какъ кредитъ его послѣ блестящихъ военныхъ успѣховъ значительно повысился ¹⁾. Время, такимъ образомъ, было удобно для того, чтобы обратиться къ улучшенію чрезвычайно запутаннаго денежнаго обращенія; ассигнаціи, конечно, прежде всего требовали вниманія правительства. Дѣйствительно, гр. Гурьевъ предпринялъ рядъ мѣръ, которыя, по его мнѣнію, должны были укрѣпить денежное обращеніе, сложить съ государства хотя бы только часть того „долга“, который представлялся ассигнаціями, и на ряду съ этимъ переложить часть того же долга въ другой видъ долговъ, опять-таки, по мнѣнію гр. Гурьева, болѣе благоприятный для государства, чѣмъ долгъ въ ассигнаціяхъ. Свои взгляды на этотъ предметъ гр. Гурьевъ развивалъ въ рѣчахъ, произносимыхъ имъ въ Совѣтѣ кредитныхъ установленій ²⁾. Такъ, въ 1817 году онъ говорилъ: „займы съ пла-

¹⁾ Въ 1820 г., напр., заключается первый пятипроцентный внѣшній заемъ; прежніе внѣшніе займы были шестипроцентными.

²⁾ Кстати, изложимъ вкратцѣ устройство нашихъ кредитныхъ установленій за этотъ періодъ. Коммиссія погашенія долговъ, учрежденная въ 1810 г. съ узкою и спеціальною цѣлью, должна была подвергнуться преобразованіямъ, такъ какъ ея первоначальная цѣль не была достигнута. Въ

тежемъ непрерывнаго дохода и назначеніемъ капитала погашенія, постепенно возрастающаго, доставляютъ существенную пользу государству, отвращая непомѣрное усиленіе налоговъ и не отвлекая отъ промышленности капиталовъ, для свободнаго ея движенія потребныхъ; одной двѣнадцатой или много десятой доли достаточно со стороны несущихъ подати; прочее вносится капиталистами. Уменьшеніе излишняго въ обращеніи количества ассигнацій побуждаетъ правительство от-

первый разъ она получила дальнѣйшее расширеніе своей дѣятельности въ 1812 г.; впрочемъ, ближайшею ея обязанностью по прежнему осталась забота о текущемъ долгѣ (см. манифестъ 11 февраля 1812 г., II. С. З., № 24.992). Затѣмъ, въ 1817 г. всѣ кредитныя установленія, за исключеніемъ опекунскихъ, получаютъ болѣе рациональное и органическое устройство, какъ «части единого цѣлага» (ман. 7 мая 1817 г.). Но только что названному манифесту всѣ кредитныя установленія поставлены подъ управленіе особаго учрежденія съ значительной самостоятельностью, вытекавшею изъ его устройства; это учрежденіе—Совѣтъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Его составъ: три непремѣнныхъ члена (предсѣдатель государственнаго совѣта, министръ финансовъ и государственный контролеръ) и 12 членовъ отъ дворянства и купечества (по 6-ти отъ cadaго сословія). Задачи совѣта: 1) предварительное разсмотрѣніе всѣхъ операций по кредитной части и 2) провѣрка всѣхъ предпринятыхъ въ кредитныхъ установленіяхъ операций; равнымъ образомъ обязательное опубликованіе отчетовъ по операциямъ кредитныхъ установленій. Подъ управленіемъ Совѣта находились слѣдующія установленія:

1) Государственная коммиссія погашенія долговъ. Въ 1817 г. коммиссія получила еще болѣе широкую компетенцію, чѣмъ предназначила ей манифестомъ 11 февраля 1812; теперь на ея обязанности лежитъ забота о погашеніи и платежѣ процентовъ по всѣмъ государственнымъ долгамъ какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ.

2) Государственный ассигнаціонный банкъ. Такъ какъ съ 1817 г. выпускъ ассигнацій былъ прекращенъ, то его роль ограничивалась обмѣномъ старыхъ ассигнацій на новыя, крупныхъ на мелкія и ходячую монету по утвержденному курсу. Учетныя конторы, при немъ существовавшія, были уничтожены, а взамѣнъ ихъ учрежденъ государственный коммерческій банкъ.

3) Государственный заемный банкъ; въ 1817 г. получаетъ уставъ, болѣе соотвѣтствующій требованіямъ времени.

4) Государственный коммерческій банкъ; какъ уже выше замѣчено, банкъ этотъ образовалъ взамѣнъ учетныхъ конторъ.—Болѣе подробныя свѣдѣнія о кредитныхъ установленіяхъ см. у г. Ламанскаго, Статист. обзоръ etc., стр. 170 и д.

крыть заемъ на означенномъ основаніи“. Въ слѣдующемъ 1818 г. гр. Гурьевъ, разъясняя еще болѣе свой планъ, говорилъ: „важнѣйшая часть нашего государственнаго долга начинается приходить мало по малу въ свойственный ему порядокъ. Ассигнаціи, бывъ первоначально банковыми билетами, потомъ превратясь въ бумажныя деньги, по измѣняемости и упадку ихъ достоинства, затрудняя обращеніе, угрожали потрясеніемъ и частному и общественному достоинію; теперь оныя приобрѣтаютъ цѣнность капиталовъ, принося проценты желающимъ обращать ихъ въ наши фонды, внесеніемъ въ Государственную Долговую книгу“. Итакъ, система гр. Гурьева состояла въ томъ, чтобы сначала текуцій государственный долгъ обратить въ долги консолидированныя, а затѣмъ уже всѣ усилія обратить на выкупъ обязательствъ по послѣднимъ долгамъ. Система эта, видимо, ведетъ свое начало отъ плана гр. *Сперанскаго*, предложеннаго къ осуществленію въ 1810 году. Какъ выше говорили мы, планъ гр. *Сперанскаго* не удался; но его преемники могли приписывать неудачу не существованію самаго плана, а неблагопріятнымъ политическимъ обстоятельствамъ. Поэтому естественно, что въ 1817 году желали опять осуществить тотъ же планъ, хотя въ деталяхъ и значительно отличный отъ своего прототипа.

Для осуществленія мѣръ, предположенныхъ гр. Гурьевымъ, комиссія погашенія долговъ получила въ свое распоряженіе слѣдующія средства: 1) 30 милл., ежегодно ей отпускаемыхъ съ специальною цѣлью погашенія ассигнацій ¹⁾; 2) остатки отъ платежей по срочнымъ долгамъ; 3) остатки отъ общихъ государственныхъ доходовъ и 4) суммы, выручаемыя отъ продажи государственныхъ имуществъ ²⁾. Уже въ томъ же 1817 году правительство обратилось къ внутреннему безсрочному займу, вся сумма котораго должна была пойти на уменьшеніе количества ассигнацій. Любопытно то, что этотъ заемъ 1817 года былъ первымъ безсрочнымъ государственнымъ займомъ и что, слѣдовательно, онъ начинается собою рядъ такъ называемыхъ консолидированныхъ, отверженныхъ займовъ

¹⁾ Комиссія для погашенія всѣхъ вообще долговъ получала ежегодно 60 милл.

²⁾ Манифестъ отъ 7 мая 1817 г. Ср. в. *Ламанскій*, Стат. обоз., стр. 175.

(dettes consolidées, consols). Основанія его слѣдующія: подписчиками вносились ассигнаціи или билеты заемнаго банка на сумму, не меньшую 100 руб.; взаменъ каждаго 100 руб. выдавалась облигація цѣнностью уже не въ 100 руб., а съ надбавкою 20% къ цѣнѣ, дѣйствительно внесенной; т. е. за каждые 100 руб. выдавалась облигація въ 120 руб. ¹⁾; при этомъ облигація приносила 6% съ ея номинальной цѣны или 7,2% съ дѣйствительно внесенной суммы. Подписка по этому займу, довольно выгодному для подписчиковъ, доставила 28.252.237 руб. ассигн. Къ суммѣ, вырученной путемъ займа, прибавлено было еще около 10 милл. асс. изъ тѣхъ 30 милл., которые комиссія погашенія долговъ ежегодно получала изъ государственнаго казначейства, и представилась возможность въ 1818 г. счесть до 38.023.875 руб. ассигнацій. Взаменъ этого въ Государственной долговой книгѣ записанъ былъ „первый шестипроцентный внутренній безсрочный заемъ“ въ капиталной суммѣ около 33 милл. рублей ассигнаціями или 9.755.614 руб. 17 1/2 коп. на серебро ²⁾.

Въ 1818 году съ тою же цѣлью уменьшенія ассигнацій открытъ былъ еще внутренній заемъ такъ же, какъ и первый, шестипроцентный и безсрочный; реализованъ онъ былъ изъ 85 за 100. Этотъ заемъ далъ болѣе 68 милл. руб., а въ Государственной долговой книгѣ внесенъ былъ въ его капиталной суммѣ, простиравшейся до 80 милл. ³⁾. Благодаря послѣднему займу, комиссія погашенія долговъ имѣла возможность въ 1819 г. счесть ассигнацій на сумму 80.229.030 руб. Облигаціи двухъ описанныхъ займовъ находили благопріятный пріемъ, и въ скоромъ времени ихъ рыночная цѣна превзошла цѣну номинальную ⁴⁾. Поэтому положеніе правительства, выкупавшаго облигаціи перваго и четвертаго шестипроцентныхъ

¹⁾ Выражаясь способомъ, въ настоящее время принятымъ, заемъ былъ реализованъ по 83 1/3 за 100.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ займѣ у г. *Бржескаго*, *ор. с.*, стр. 184.

³⁾ Въ Государственной долговой книгѣ этотъ заемъ записанъ подъ именемъ „четвертаго шестипроцентнаго внутренняго безсрочнаго займа“; въ серебрѣ его сумма=22.897.285 руб., *ср. Бржескій, ор. с.*, стр. 185.

⁴⁾ Такъ, въ 1820 г. облигаціи продавались по 104 рубля (облигаціи четвертаго шестипроцентнаго займа).

внутреннихъ займовъ, было не совсѣмъ благопріятно; потому правительство, имѣя надобность въ средствахъ какъ для выкупа облигацій по названнымъ займамъ, такъ и вообще для подкрѣпленія государственнаго казначейства, пытается устроить болѣе дешевый заемъ и находить его внѣ государства. Заключено было собственно два внѣшнихъ займа: первый въ 1820 г., а второй въ 1822 г.; оба займа были пятипроцентными и безсрочными; по обоимъ облигаціи выданы были на серебряную монету; первый заемъ далъ правительству 28.800.000 руб. серебр., а второй—32.928.073 руб. сер.; номинальная сумма перваго пятипроцентнаго займа составляла 40 милл., а второго—43 милл. Но суммы, полученные путемъ этихъ двухъ займовъ, не пошли цѣликомъ въ комиссію погашенія долговъ; ей отчислено было только:

изъ 1-го пятипроцентнаго займа	26.750.000 руб. номин. суммы—или
	19.260.000 руб. сер. дѣйствит. суммы,
изъ 2-го пятипроцентнаго займа	29 301.700 руб. номин. суммы—или
	21.704.430 руб. сер. дѣйствит. суммы.

Переданныя ей суммы комиссія и употребила на закупку ассигнацій, чтобы предать ихъ затѣмъ сожженію ¹⁾. Дѣйствительно, благодаря этимъ займамъ, а равно и другимъ мѣрамъ, направленнымъ къ той же цѣли, комиссія успѣла произвести еще слѣдующія уменьшенія въ количествѣ текучаго долга ²⁾:

въ 1820 г. сожжено	35.614.105 руб. ассигнаціями,
„ 1821 „ „	37.242.410 „ „
„ 1822 „ „	44.968.230 „ „

Всего въ періодъ съ 1817 г. до 1823 г. было уничтожено ассигнацій на 236.077.650 руб. (= 38.023.875 + 80.229.030 +

¹⁾ О первомъ изъ пятипроцентныхъ займовъ см. указъ мин. финансовъ отъ 16 августа 1820 г., П. С. З., № 28.381, а о второмъ—указъ отъ 23 іюня 1822 г., П. С. З., № 29.073; ср. *Ламапскій*, Стат. обз. etc., стр. 187—188; *Goldmann*, S. 45, особенно *Бржескій*, стр. 187 и 189.

²⁾ *Г. Ламапскій*, op. c., стр. 198; *Бржескій*, стр. 97, а также табл. III (въ прилож.).

35.614.105 + 37.242.410 + 44.968.230); такимъ образомъ, въ обращеніи должно бы было находиться—599.922.350 руб. асс. (=836.000.000—236.077.650). Но въ 1819 г. было приступлено къ генеральному обмѣну обращающихся ассигнацій стараго образца на новый, болѣе трудный для поддѣлки; обмѣнъ былъ предпринятъ также и съ той цѣлью, чтобы опредѣлить съ точностью количество обращающихся ассигнацій¹⁾. Оказалось, что 10.940.560 руб. погибло отъ различныхъ случайностей въ періодъ съ 1786 года до этого обмѣна²⁾, и что, слѣдовательно, на означенную сумму должно бы было и уменьшиться количество ассигнацій; но дѣло въ томъ, что правительству пришлось взамѣнъ представленныхъ фальшивыхъ ассигнацій въ количествѣ 6.794.520 руб. выпустить настоящія; вслѣдствіе этого дѣйствительное уменьшеніе ассигнацій произошло только на сумму въ 4.146.040 (=10.940.560—6.794.520). Итакъ, окончательное число обращающихся ассигнацій къ 1-му января 1824 г. должно было выражаться суммой въ 595.776.310 руб. (=599.922.350—4.146.040). Это количество оставалось неизмѣннымъ вплоть до 1839 г., когда гр. Канкринъ приступилъ къ замѣчательной реформѣ въ нашемъ денежномъ обращеніи, такъ какъ онъ нашелъ „превращеніе текучаго долга въ долгъ процентный бесполезнымъ“. Гр. Канкринъ не только находилъ бесполезнымъ превращеніе текучаго долга въ процентный, но и дорого стоящимъ; вскорѣ онъ ставилъ на видъ, какъ ближайшій результатъ своей политики, сбереженіе въ 20 милл. изъ расходовъ по кредитной части; безъ такого сбереженія „слѣдовало бы приступить къ мѣрамъ болѣе тягостнымъ“, говорилъ гр. Канкринъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ Совѣтѣ кредитныхъ установленій (въ 1825 г.).

Безполезность и дороговизна уничтоженія ассигнацій обрисованы гр. Канкринимъ особенно ярко въ одной изъ позднѣй-

¹⁾ Указъ сената отъ 12 марта 1819 г.

²⁾ Последній передъ тѣмъ генеральный обмѣнъ ассигнацій стараго образца на новый былъ произведенъ въ 1786 г., о чемъ мы въ своемъ мѣстѣ говорили. Г. *Бружескій* напрасно смеетъ эти 10.940.560 руб. (стр. 97); вслѣдствіе этого у него получилась значительная неточность въ таблицѣ III (въ числѣ ассигнацій противъ 1818—1823 г.г.).

шихъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ Совѣтѣ кредитныхъ установленій; именно, въ іюнѣ 1827 года Канкринъ произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ говорилъ: „пріостановленіе погашенія ассигнацій, а особенно прекращеніе столь бесполезнаго по событіямъ превращенія ихъ въ процентный долгъ не имѣло и не имѣетъ никакого невыгоднаго вліянія на обращеніе сихъ кредитныхъ денегъ. Нынѣ дозано, что поправленіе ассигнацій, какъ предметъ, наиболѣе зависящій отъ общаго мнѣнія, не слѣдуетъ точно одинаковымъ законамъ, какъ ихъ упадокъ; ибо тамъ дѣйствуетъ надежда, всегда къ сомнѣніямъ склонная, а здѣсь страхъ, всегда увеличивающій опасенія. Но если бы въ самомъ дѣлѣ ассигнаціи поправились по точному размѣру ихъ уменьшенія, то одинаково неоспоримо, что публика паки должна была бы перенести отъ возвышенія ихъ всѣ тѣ измѣненія въ частномъ достоинствѣ и всѣ тѣ убытки, только въ обратномъ видѣ, которые дѣйствіемъ времени и обстоятельствомъ перенесла уже отъ упадка оныхъ. Напротивъ, при принятой системѣ ни умножать, ни уменьшать ассигнацій, кредитъ ихъ прочно установился, перемѣны въ курсѣ ихъ на звонкую монету столь малозначительны, что ни въ быту хозяйственномъ, ни въ оборотахъ промышленности, ни въ спекуляціяхъ коммерческихъ, ни относительно вексельнаго курса не представляютъ никакого неудобства; достоинство капиталовъ и всякаго рода собственности остаются неизмѣнны. Итакъ, для чего истреблять способъ платежей, къ которому всѣ имѣютъ довѣріе и къ которому привычка повсемѣстно у насъ укоренилась, для чего замѣнять кредитныя деньги звонкимъ оборотнымъ капиталомъ, который должно бы пріобрѣсть съ новыми пожертвованіями, ибо масса золотой и серебряной монеты, какъ она ни значительна въ государствѣ, однако была бы далеко недостаточна для всѣхъ оборотовъ, особенно при неимѣніи еще у насъ частныхъ кредитныхъ бумагъ и по пространству нашихъ областей“. Такимъ образомъ, по мнѣнію гр. Канкринъ, бесполезность уничтоженія ассигнацій состояла въ томъ, что оно не вело къ возвышенію цѣны ассигнацій, а дороговизна заключалась въ томъ, что нужно было дѣлать большія пожертвованія (вапр., заключать большіе иностранные займы для привлеченія монеты въ страну).

Въ литературѣ финансовая политика гр. Гурьева также большею частью подвергается осужденію. Но историки нашего денежнаго обращенія на ряду съ критикой не указываютъ обыкновенно способа болѣе рациональнаго, котораго гр. Гурьевъ долженъ бы держаться при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Одинъ только *Гольдманъ* высказываетъ сожалѣніе, что тогдашній планъ не былъ приведенъ къ полной девальваціи; онъ полагаетъ, что для этого потребовался бы отъ правительства только ежегодный платежъ 18 милл. процентовъ на тотъ капиталъ, который оно должно бы было достать для проведенія девальваціи; такую жертву г. *Гольдманъ* находитъ незначительной въ сравненіи съ бѣдствіями бумажно-денежнаго обращенія ¹⁾. Г. *Ламанскій* также, повидимому, не находитъ удачной политику гр. Гурьева: во многихъ мѣстахъ своей статьи (Статистическій обз. etc.) онъ высказываетъ, что система гр. Гурьева слишкомъ обременяла казначейство безъ особой для того надобности, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ сочувственно относится къ политикѣ гр. Канкринна; такъ, между прочимъ онъ говоритъ ²⁾: „размѣръ платежей, принятый первоначально въ основаніе для операцій Коммисіи по выкупу и въ особенности для уменьшенія въ обращеніи ассигнацій, оказался слишкомъ обременительнымъ въ сравненіи съ дѣйствительной надобностью“. Г. *Бржескій* вслѣдъ за другими мѣры гр. Гурьева признаетъ ошибочными; „исходная точка мѣръ“, говоритъ онъ ³⁾: „принятыхъ для этой цѣли (регулированія государственнаго текучаго долга) была ошибочна; а потому и результаты вышли отрицательные. Выходили изъ той мысли, что ассигнацій было выпущено слишкомъ много и что поэтому необходимо было принять соотвѣтствующія мѣры къ уменьшенію ихъ количества, а изъ мѣръ такихъ наиболѣе цѣлесообразною, по мнѣнію тогдашняго министра финансовъ гр. Гурьева, было заключеніе процентныхъ займовъ“. Немного далѣе г. *Бржескій* доказываетъ ошибочность системы гр. Гурьева тѣмъ, что, во 1-хъ, 836 милл. ассигнацій представляли собой въ дѣйствительности „лишь 238 милл. или даже 217 милл. рубл. серебр.“ а такая сумма для денежнаго обращенія Рос-

¹⁾ *Goldmann*, op. c., S. 48.

²⁾ Стат. обз., стр. 189. 195. 194.

³⁾ *Бржескій*, Государственные долги Россіи, стр. 235.

еи не была слишкомъ большой, и, во 2-хъ, тѣмъ, что оживленіе промышленности, наступившее въ мирное время, должно было явиться „лучшимъ коррективомъ противъ дальнѣйшаго обезцѣненія ассигнаціоннаго рубля и самымъ вѣрнымъ средствомъ улучшенія и упроченія его курса ¹⁾“. Слѣдовательно, г. *Бражескій* хотѣлъ бы политики, придерживавшейся status quo ante и, надо думать, не только по отношенію къ разсматриваемому періоду, но и всякому другому, потому что два представленныхъ имъ основанія противъ политики гр. Гурьева приложимы ко всякому моменту бумажно-денежнаго обращенія. Но справедливость требуетъ сказать, что въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія онъ не является защитникомъ бумажныхъ денегъ. Наконецъ, г. *Антоновичъ* называетъ безплоднымъ опытъ гр. Гурьева потому, что онъ не повелъ къ возвышенію цѣны ассигнацій. Г. *Антоновичъ* такъ выражается по отношенію къ данному предмету: „несмотря на всю громадность этой суммы (т. е. суммы уничтоженныхъ гр. Гурьевымъ ассигнацій), улучшеній въ достоинствѣ ассигнацій никакихъ не произошло; опытъ стоилъ громаднхъ пожертвованій со стороны государства и привелъ къ одному отрицательному результату, привелъ къ убѣжденію, что этотъ путь не всегда приводитъ къ желаемой цѣли, вслѣдствіе чего закономъ 25 апрѣля 1824 г. положено прекратить дальнѣйшее уничтоженіе ассигнацій“ ²⁾. Нельзя, конечно, спорить противъ того историческаго факта, что ассигнаціи послѣ опыта гр. Гурьева мало улучшились въ своемъ достоинствѣ, но дѣло въ томъ, что причина такого обстоятельства лежала не въ политикѣ гр. Гурьева, а въ легализаціи лажа, получившей мѣсто по манифесту 9 апрѣля 1812 г.; это—во 1-хъ, а во вторыхъ, по нашему мнѣнію, вовсе нѣтъ основанія жалѣть о громадности жертвъ, понесенныхъ государствомъ вслѣдствіе „истребленія“ ассигнацій: рано или поздно нужно было замѣнить бумажныя деньги металлическими, рано или поздно предстала бы необходимость избавиться отъ этого экономическаго зла; причемъ, конечно, никогда дѣло не обошлось бы безъ громаднхъ жертвъ со стороны государства, если только считать жертвой уплату того, что самимъ же правительствомъ признано долгомъ.

¹⁾ Ibid., стр. 236.

²⁾ *Антоновичъ*, Теорія бумажно-денежнаго обращенія etc., стр. 59.

Только *Н. Х. Бунге*, по нашему мнѣнію, даетъ болѣе справедливую и вѣрную оцѣнку системы гр. Гурьева; вотъ его подлинныя слова: „рядъ займовъ, сдѣланныхъ гр. Гурьевымъ, позволилъ уменьшить сумму обращающихся ассигнацій съ 836 милл. до 595 милл., слѣдовательно на 241 милл. рублей и, если нельзя оправдать этого средства во всѣхъ отношеніяхъ (Банкринъ рѣзче другихъ возставалъ противъ него), то несомнѣнно, что оно во многомъ *облегчило упроченіе самаго курса и переходъ къ металлическому обращенію*“¹⁾. Дѣйствительно, переходъ къ металлическому обращенію отъ бумажно-денежнаго есть такая цѣль, къ которой должны тѣмъ или другимъ путемъ стремиться всякій финансовый политикъ; противъ этого болшею частью не спорятъ. Предметомъ спора обыкновенно бываетъ только то, какимъ именно путемъ идти къ названной цѣли, и принятыя тѣ или другія мѣры при данныхъ обстоятельствахъ и въ данный періодъ времени являются ли мѣрами наилучшими. Теорія знаетъ два метода перехода отъ бумажно-денежнаго обращенія къ металлическому: первый—это мѣры, направленныя къ размѣну бумажныхъ денегъ по цѣнѣ нарицательной; второй—такъ называемая законная девальвація. Какой же изъ этихъ двухъ способовъ соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ, наступившимъ послѣ наполеоновскихъ войнъ? По нашему мнѣнію, правительству въ то время ничего не оставалось дѣлать, какъ приступить къ девальваціи, потому что тогда ассигнаціи сохранили только четверть своей номинальной цѣны. Но девальвація не могла быть проведена сразу: для нея правительство должно бы было исключительно само достать громадную сумму звонкой монеты; не говоря уже о дороговизнѣ такой операціи, едва ли правительство могло достать за границей столь большую сумму, какъ 200 — 230 милл. рубл. металломъ. Поэтому нужно было, чтобъ звонкая монета предварительно появилась на внутреннемъ рынкѣ въ болѣе значительномъ количествѣ, чѣмъ это было до сихъ поръ, и вотъ почему уменьшеніе ассигнацій, расчищавшее мѣсто для монеты, ускорило и облегчало возможность перехода къ металлическому обращенію, хотя бы въ силу необходимости этотъ переходъ долженъ

¹⁾ См. 3-е прилож. къ соч. *А. Вагнера*, Русск. бум. деньги, стр. 132. Курсивъ нашъ.

былъ совершиться путем девальвации. Безъ мѣръ гр. Гурьева реформа едва ли удалась бы Канкрину: возможность такой реформы была бы отодвинута къ болѣе позднему времени. Съ другой стороны, и непосредственная цѣль, къ которой стремился гр. Гурьевъ (т. е. возвышеніе курса ассигнацій) не совсѣмъ была не достигнута: съ 1817 г. курсъ ассигнацій хотя и медленно, и незначительно, но всеже возвышается; правда, въ этомъ отношеніи большого успѣха и не могло быть вслѣдствіе узаконенія биржевого курса; правда и то, что возвышеніе цѣны ассигнацій нельзя приписать исключительно мѣрамъ гр. Гурьева; тутъ оказывалъ свою долю вліянія, какъ и всегда, моментъ кредита, усилившагося въ тихое время; что это такъ, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что возвышеніе цѣны ассигнацій началось раньше, чѣмъ приступлено было къ ихъ уменьшенію, и продолжалось еще тогда, когда истребленіе ассигнацій было уже остановлено. Здѣсь умѣстно представить таблицу, изъ которой можно было бы видѣть дѣйствительный ходъ возвышенія цѣны ассигнацій.

ГОДА.	Количество ассигнацій въ обращеніи.	Серебр. рубль въ ассигн. коп.	Ассигнаціон. рубль въ сер. коп.	Лажъ (въ ассигнац. коп.).	Дизажіо (въ серебр. коп.).
1818	797.976.125	379	26,4	279	73,6
1819	719.325.595	372	26,9	272	73,1
1820	685.172.545	374	26,7	274	73,3
1821	651.685.100	378	26,5	278	73,5
1822	606.776.870	375	26,6	275	73,4
1823	595.776.310	373	26,8	273	73,2
1824	595.776.310	374	26,7	274	73,3
1825	595.776.310	372	26,9	272	73,1
1826	595.776.310	372			

ГОДА.	Количество ассигнацій въ обращеніи.	Серебр. рубль въ ассигн. коп.	Ассигнаціон. рубль въ сер. ребр. коп.	Лажъ (въ ассигн. коп.).	Дизажіо. (въ сер. коп.).
1827	595.776.310	373	26,8	273	73,2
1828	Количество ассигнацій остается неизмѣннымъ: 595.776.310.	371	27	271	73
1829		369	27,1	269	72,9
1830		369			
1831		372	26,9	272	73,1
1832		366	27,3	266	72,7
1833		361	27,7	261	72,3
1834		359	27,8	259	72,2
1835		358	27,9	258	72,1
1836		357	28	257	72
1837		355	28,17	255	71,83
1838		354	28,2	254	71,8
1839		350	28,6	250	71,4 ¹⁾
1840	Количество ассигн. уменьшается путемъ обмена ихъ на кредитные билеты. (См. слѣд. табл.).	Курсъ фиксированъ закономъ: 350.			
1841					
1842					
и т. д.					

¹⁾ Таблица составлена по тѣмъ же даннымъ, какъ и предыдущія. Къ III тому изд. *Вѣща*, Финансы Россіи XIX ст., приложено прекрасное графическое изображеніе движенія количества и курса ассигнацій.

Какъ видно изъ таблицы, цѣна ассигнаціоннаго рубля съ 26 коп. сер. возвысилась до 28,1 коп. с., т. е. нѣсколько болѣе, чѣмъ на 8%, и это въ 21 годъ (1818—1838). Результатъ, конечно, очень небольшой, настолько небольшой, что мы по прежнему можемъ говорить, что установленіе принудительнаго курса по цѣнѣ биржевой имѣетъ тенденцію останавливать возвышеніе цѣны бумажныхъ денегъ, если даже оказываются на лицо многія для такого возвышенія благопріятныя обстоятельства.

Въ министерство гр. Канкринна положеніе государственнаго текучаго долга оставалось неизмѣннымъ до 1839 г., когда по инициативѣ того же Канкринна совершена была коренная реформа въ нашемъ денежномъ обращеніи. Изъ мѣръ правительства до 1839 г. заслуживаютъ вниманія только тѣ, которыя были направлены къ упроченію положенія звонкой монеты, все больше и больше притекавшей на внутренній рынокъ. Прежде всего правительство стремилось постепенно и осторожно допускать приемъ звонкой монеты въ платежахъ частныхъ лицъ казнѣ¹⁾. Такимъ образомъ, звонкая монета постепенно приобрѣтала возможность на ряду съ ассигнаціями отправлять всѣ функціи денегъ; она приобрѣтала бѣольшую годность внутри страны и этимъ создавался новый побудительный толчекъ оставаться ей именно внутри страны. Предыдущія слова не должны вести къ тому выводу, что звонкая монета при какихъ-либо обстоятельствахъ *не способна* выполнять всѣхъ функцій денегъ; ихъ нужно понимать только такъ, что при наплывѣ бумажныхъ денегъ звонкая монета фактически не выполняетъ функцій денегъ, она оттѣсняется первыми. Въ отмѣченномъ направленіи заслуживаютъ особаго нашего вниманія распоряженія правительства отъ 11 ноября 1827 г. и отъ 5 апрѣля 1829 г. Именной указъ министру финансовъ отъ 11 ноября 1827 г.²⁾ дозволяетъ приемъ се-

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что приемъ серебра въ податяхъ расширился главнымъ образомъ вслѣдствіе жалобъ и ходатайствъ населенія; въ самомъ дѣлѣ, непріемъ серебра въ платежахъ казнѣ велъ къ тому, что население должно было покупать ассигнаціи съ единственной цѣлью взноса въ казначейство; при этихъ покупкахъ цѣна ассигнацій часто искусственно возвышалась.

²⁾ П. С. З., № 1528.

ребра въ платежахъ частныхъ лицъ казнѣ пока въ слѣдующихъ немногихъ случаяхъ: 1) при платежахъ за паспорта крестьянъ и мѣщанъ по курсу въ 3 рубля 70 коп. ассигн. за рубль серебр. ¹⁾); 2) въ платежахъ за гербовую бумагу, если цѣна листа ниже пяти рубл. или, хотя выше, но требуется къ той суммѣ, которая выплачивается ассигнаціями, прибавка, меньшая пяти рублей. По Высочайше утвержденному журналу комитета финансовъ отъ 5 апрѣля 1829 г. ²⁾ допускается приемъ серебра въ подати и откупные сборы, по съ разрѣшенія министра финансовъ. Документъ этотъ *Н. Х. Буни* называетъ замѣчательнымъ и приводитъ его цѣликомъ въ своемъ 3-емъ приложеніи къ сочиненію *Ваннера* о русскихъ бумажныхъ деньгахъ ³⁾). Мы также приведемъ его въ подлинныхъ словахъ и главнымъ образомъ ради того, что въ немъ рельефно изображено отношеніе другъ къ другу двухъ родовъ денегъ, обращавшихся въ то время въ Россіи, и неудобства, вытекавшія для пріема серебра въ подати изъ такого отношенія; изображеніе сдѣлано умѣлою рукою гр. Канкринъ и не нуждается въ сокращеніяхъ. Вотъ текстъ интересующаго насъ теперь документа: „министръ финансовъ внесъ въ комитетъ финансовъ записку слѣдующаго содержания: Высочайшимъ указомъ, даннымъ министру финансовъ 11 ноября 1827 г., дозволено за паспорта и частію за гербовую бумагу принимать въ казну, кромѣ ассигнацій и мѣдной монеты, также серебро по курсу 3 р. 70 коп. за каждый рубль серебра, причемъ предоставлено министру финансовъ, въ случаѣ измѣненія биржеваго курса, назначить другой средній, по его усмотрѣнію, но не иначе, какъ всегда заблаговременно. По тому же курсу въ 3 р. 70 коп. былъ разрѣшенъ, по требованію мѣстныхъ начальствъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, приемъ серебра и въ подати, что однако же кончилось съ настоящимъ текущимъ годомъ. Когда назначенъ былъ курсъ 3 р. 70 коп., биржевой курсъ стоялъ здѣсь отъ 3 р. 70 коп. до 3 р. 73 коп.; нынѣ же понизился до 3 р. 67¹/₂ коп. и до 3 р. 67 коп., почему министръ финансовъ не можетъ разрѣ-

¹⁾ Курсъ могъ быть заблаговременно измѣняемъ министромъ финансовъ, если измѣненіе его послѣдовало и въ дѣйствительности.

²⁾ П. С. З., № 2803.

³⁾ Стр. 133—134.

шить нѣкоторыя просьбы о приѣмѣ серебра въ подати по прежнему курсу, а по части паспортовъ казна теряетъ отъ приѣма серебра противъ здѣшняго курса. Хотя пониженіе курса серебра въ здѣшней столицѣ примѣтно уже съ нѣкотораго времени, но министръ финансовъ не приступилъ понинѣ ни къ какому распоряженію, потому: 1) что неудобно было-бы гнаться такъ сказать за каждымъ оттѣнкомъ курса; 2) что курсъ въ Ригѣ и въ другихъ губерніяхъ выше; 3) что казна прежде отъ цѣны 3 р. 70 коп. имѣла прибыль. Но, какъ цѣна серебру едвали вскорѣ поднимется и частыя перемѣны курса неудобны, то министръ финансовъ полагалъ бы, какъ на основаніи указа отъ 11 ноября 1827 г., такъ и по разрѣшенію приѣма серебра въ подати и по питейной части, назначить курсъ въ 3 р. 60 коп., надѣясь, что не скоро дойдетъ до того, что нужно будетъ дѣлать новое пониженіе.—Комитетъ, приѣмля постепенное пониженіе лажа на серебро и что, если не соразмѣритъ курсовъ, по коимъ казна принимаетъ, съ биржевыми, то не токмо она понесетъ убытки, но казначеи могутъ быть увлечены промѣнивать поступающія ассигнаціи на серебро въ собственную свою пользу, полагаетъ утвердить мнѣніе министра финансовъ съ тѣмъ, чтобы разрѣшенный Высочайшимъ указомъ 11 ноября 1827 г. приѣмъ въ казначействахъ серебра, по утвержденному вновь курсу 3 р. 65 коп. ¹⁾, воспріять свое начало съ полученія о томъ въ казначействахъ предписанія, о чемъ министръ финансовъ обязанъ представить Правительствующему Сенату для обнародованія. Затѣмъ дозволить министру же финансовъ держаться сего же курса при разрѣшеніи приѣма серебра въ подати и отъ питейныхъ откупщиковъ.—Указами отъ 19 мая и 24 іюня того же 1829 г. нѣкоторую часть откупной суммы разрѣшается вносить серебромъ откупщикамъ всѣхъ остальныхъ губерній, въ которыхъ предыдущими распоряженіями не разрѣшался такой взносъ; откупщики могли вносить $\frac{1}{4}$ часть откупной суммы серебромъ и $\frac{1}{10}$ часть—мѣдной монетой; но, впрочемъ, это не составляло обязанности ихъ: они могли всю

¹⁾ Распоряженіемъ отъ 5 января 1832 г. курсъ серебра при приѣмѣ въ подати еще былъ пониженъ до 3 р. 60 коп. Это такъ называемый «казенный курсъ».

сумму вносить ассигнаціями, если бѣ такъ пожелали. Наконецъ, указъ министру финансовъ отъ 11 декабря 1830 г. разрѣшаетъ во всѣхъ платежахъ, въ которыхъ до сихъ поръ допускалась частичная уплата серебромъ, принимать серебро на всякую сумму; сверхъ того разрѣшается министру финансовъ дѣлать распоряженія о приѣмѣ серебра во всѣхъ податяхъ въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ будетъ замѣченъ избытокъ серебряной монеты. Мотивомъ для такого распоряженія выставляется то соображеніе, что „приѣмъ оной (т. е. звонкой монеты) въ большомъ количествѣ въ казну послужитъ облегченіемъ для плательщиковъ, избавляя отъ излишнихъ издержекъ при вымѣнѣ ассигнацій“.

Указанныя сейчасъ мѣры гр. Канкринна должны были, какъ мы и выше говорили, дать новую причину монетѣ оставаться внутри страны ¹⁾ и этимъ самымъ оказывать нѣкоторое благоприятное вліяніе и на курсъ ассигнацій. Что дѣйствительно количество монеты, обращающейся внутри страны, за этотъ періодъ значительно возрастало, можно видѣть, во 1-хъ, изъ поступленій въ казначейство монеты въ видѣ податей и, во 2-хъ, изъ общихъ операцій казначейства. Что касается податей и пошлинъ, поступавшихъ въ монетѣ, то слѣдующая таблица достаточно убѣдительно говоритъ въ пользу защищаемой мысли; именно поступило монетою ²⁾:

Въ 1831 г.	0,5	милл. рубл. податей,	1,1	м. пошлинъ,	всего	1,6	м.
1832 --	2,2	— — —	1,5	— —	—	3,7	—
1833 --	5,8	— — —	5,4	— —	—	11,2	—
1834 --	7,3	— — —	8,2	— —	—	15,5	—
1835 --	14,8	— — —	9,8	— —	—	24,6	—
1836 --	17,3	— — —	11,5	— —	—	28,8	—
1837 --	20,1	— — —	14,5	— —	—	34,6	—
1838 --	22,2	— — —	18,0	— —	—	40,2	—
1839 --	28,6	— — —	33,6	— —	—	62,2	—

Что же касается общихъ поступленій въ казначейство и выдачь изъ него (по операціи размѣна, напр., и др.), то здѣсь

¹⁾ Въ 1830 г. уже можно было отиѣнить запрещеніе вывоза за границу русской монеты. Указъ сенату отъ 30 октября 1830 г.

²⁾ См. Н. Х. Бунге, *ibid.*, стр. 138. Въ таблицѣ поступленія монетою переложены на рубли ассигнаціонныя.

замѣчается то же явленіе, какъ и въ отдѣльно взятомъ случаѣ поступленія податей и пошлинъ,—то явленіе, что монета начинаетъ пріобрѣтать большее и большее участіе въ этихъ операціяхъ; отсюда тотъ несомнѣнный выводъ, что и въ рукахъ народа ея количество также возрастаетъ. Такъ, общій приходъ казначейства монетой составлялъ въ 1812 г. только 5,2 милл. ¹⁾ и до 1829 года держался около 6 милл. въ годъ; съ 1829 года приходъ монетой значительно возвышается, именно въ этомъ году онъ выражался суммою въ 13,8 милл.; а въ 1839 году достигаетъ уже почтенной суммы въ 96,3 милл. ²⁾. Присутствіе монеты во внутреннемъ обращеніи и возможность отсюда быть ей и въ рукахъ правительства облегчили переходъ къ новой системѣ (кредитной) денежнаго обращенія. Теперь намъ остается поговорить о положеніи ассигнацій въ періодъ выполненія (1839—1843 г.г.) знаменитой реформы гр. Канкринна.

Разбирая манифестъ 9 апрѣля 1812 года, мы уже замѣтили, что узаконеніе биржевого курса должно было повести къ постояннымъ колебаніямъ ассигнаціонной единицы. Въ дѣйствительности такъ и было. Напоминаемъ содержаніе вышеприведеннаго журнала комитета финансовъ отъ 5 апрѣля 1829 года, въ которомъ изображено, какъ колебаніе курса ассигнацій отражалось на интересахъ казны. Здѣсь же мы приведемъ еще одно свидѣтельство изъ источника столь высоко компетентнаго, какъ рѣчь министра финансовъ гр. Канкринна. Въ 1839 году онъ говорилъ въ Совѣтѣ кредитныхъ установленій: „курсъ ассигнацій улучшился съ 3 рубл. 80 коп. на 3 рубля 50 коп. за серебряный рубль, но это улучшеніе было въ нѣкоторой степени сопряжено съ неблагопріятными обстоятельствами другого рода, такъ какъ одновременно появилось особенное зло. Въ денежныхъ сношеніяхъ между простымъ классомъ народа образовался лажъ, по которому не только въ обѣихъ столицахъ, но даже и во многихъ губерніяхъ установились особаго размѣра курсы на звонкую монету и бумажныя деньги въ извѣстномъ отношеніи однихъ къ другимъ. Очевидное стремленіе этого злоупотребленія клонилось къ тому, чтобы пріобрѣтать возможность дешевой расплаты посредствомъ

¹⁾ Приходъ въ монетѣ переложень на ассигнаціонныя рубли, какъ и въ слѣдующихъ цифрахъ.

²⁾ См. *Н. Хр. Бунге*, *ibid.*, табл. II (стр. 142).

произвольнаго повышенія лажа—по долгамъ, не задолго до того сдѣланнѣмъ, и вообще ажіотировать всевозможнымъ образомъ. Въ началѣ незначительный ажіотажъ возросъ до такой степени, что наконецъ набавлялось до 27% какъ на серебряную монету, такъ и на бумажныя деньги, причемъ каждая губернія имѣла свой особый лажъ. Такое положеніе дѣла составляло настоящее народное бѣдствіе⁴. Приведенная выдержка изъ рѣчи гр. Канкринна не даетъ вполнѣ яснаго представленія о томъ, въ чемъ состоялъ особенный лажъ въ сдѣлкахъ обыденной торговли, и въ чемъ состояла потеря при господствѣ этого такъ называемаго простонароднаго лажа. Чтобы разъяснить эти вещи, мы воспользуемся указаніями гр. *Сперанскаго*, который въ своей запискѣ „О монетномъ обращеніи“ отводитъ простонародному курсу значительное мѣсто¹⁾.

Въ 1815—16 г.г. курсъ ассигнаціоннаго рубля стоялъ на минимальной величинѣ, именно въ среднемъ онъ стоялъ въ эти годы на 25 коп. серебр. Но съ 1817 г. начинается медленное повышеніе курса, причемъ, какъ и всегда, курсъ повышался не съ полной правильностью и не безъ обратныхъ колебаній книзу. На это явленіе русская жизнь въ то время отвѣтила оригинальнымъ способомъ, именно при продажахъ и платежѣ долговъ установился особенный сложный способъ высчитыванія курса ассигнацій. Поступали такъ. Цѣну товаровъ устанавливали въ ассигнаціяхъ при предположеніи, что курсъ ихъ совѣмъ не поднялся съ величины низшаго паденія, т. е. съ 25 коп. сер. за рубль ассигнаціями. Это дѣлалось для того, чтобы не переоцѣнивать всѣ товары каждый разъ, какъ измѣнился биржевой курсъ ассигнацій. Послѣ того какъ окончательно была установлена цѣна товара въ ассигнаціяхъ, то обыкновенно спрашивали, серебромъ или ассигнаціями уплачивать цѣну товара. Если было рѣшено, что цѣна товара будетъ уплачена серебромъ, то отношеніе серебра къ ассигнаціямъ устанавливали слѣдующимъ образомъ: переводили условленную ассигнаціонную цѣну товара на серебро по биржевому курсу; затѣмъ смотрѣли, насколько курсъ ассигнацій возвысился отъ величины его низшаго паденія (т. е. отъ 25 к. с.); разницу между прежде бывшей низшей цѣной ассигнацій и

¹⁾ Стр. 157 и сл., также 176 и сл. (приложеніе).

ихъ биржевой цѣной (въ день платежа) дѣлили пополамъ и эту половину *выбрасывали* изъ того, что слѣдовало бы заплатить за товаръ по биржевому курсу. Только половину указанной разницы вычитывали потому, что „если покушникъ имѣетъ право пользоваться приращеніемъ въ цѣнѣ ассигнацій, то и продавецъ имѣетъ то же право воспользоваться равнымъ приращеніемъ въ капиталѣ его, въ товарахъ положенномъ“¹⁾. Поясимъ все это слѣдующимъ гипотетическимъ примѣромъ: положимъ, товаръ оцѣненъ въ 400 р. асс., и по биржевому курсу за него слѣдовало бы заплатить 110 руб. сер.; если бы ассигнаціи не возвысились нисколько со времени ихъ низшаго паденія, то за товаръ пришлось бы заплатить только 100 руб. сер. (норма низшаго паденія считалась 25 коп. сер. за рубль асс.); такимъ образомъ, цѣна 400 руб. асс. возросла на 10 руб. сер.; половину этого прироста (т. е. 5 р. с.) выкидывали изъ биржевой цѣны товара и за него платили не 110 р. с., а только 105 руб. Такимъ образомъ выходило, что въ то время какъ биржевой курсъ серебрянаго рубля былъ 364 коп. асс. ($= \frac{400}{110} = 3\frac{7}{11}$ руб. = 364 коп.), курсъ его въ куплѣ-продажѣ равнялся уже 381 коп. ($= \frac{400}{105} = 3\frac{17}{21}$ р. = 381 коп.)²⁾.

Когда же покупаемый товаръ оцѣненъ былъ въ серебрѣ, а платежъ рѣшено было произвести въ ассигнаціяхъ, то къ биржевой ассигнаціонной цѣнѣ прибавляли половину той суммы, на которую курсъ серебрянаго рубля упалъ отъ высшей его точки (т. е. когда за 25 к. с. давали 100 коп. ас.); напр., дѣлали такъ: товаръ оцѣненъ въ 100 руб. сер. и по биржевому курсу нужно бы отдать за него 364 р. асс.; выходило, слѣдовательно, что курсъ означенной суммы серебряныхъ денегъ упалъ съ его высшей точки (когда за 100 р. с. давали 400 р. асс.) на 36 рубл.; эту убыль въ курсѣ серебряныхъ денегъ дѣлили пополамъ и *прибавляли* къ биржевой ассигнаціонной цѣнѣ товара (т. е. къ 364 р.) и платили за товаръ уже 382 р. Такимъ образомъ, опять выходило, что въ торговлѣ курсъ былъ иной, чѣмъ при прямомъ промѣнѣ ассигнацій на серебро (биржевой курсъ)³⁾.

¹⁾ *Сперанскій*, 0 монетномъ обращеніи, 177.

²⁾ Такъ же поступали при платежѣ тѣхъ долговъ, которые были сдѣланы на ассигнаціи, а возвращались серебромъ.

³⁾ Такъ же поступали при платежѣ тѣхъ долговъ, которые были сдѣланы на серебро, а возвращались ассигнаціями.

Невыгода этихъ простонародныхъ лажей заключалась, по свидѣтельству *Сперанскаго*¹⁾, въ томъ, что простому народу не доступно было пониманіе столь „хитросплетнаго механизма лажа“; купцы часто пользовались этимъ и обманывали народъ; они именно при продажахъ товаровъ скидкамъ изъ биржевой серебряной цѣны товара придавали видъ уступки въ цѣнѣ его, а когда сами покупали на ассигнаціи, то прибавку къ биржевой ассигнаціонной цѣнѣ выдавали за готовность ихъ покупать дорого. Потери, проистекавшія отъ простонароднаго лажа для темнаго люда, гр. *Сперанскій* поясняетъ такъ: „крестьянинъ продаетъ на рынкѣ рожь и назначаетъ цѣну ей ассигнаціями. Купецъ, и купецъ даже добросовѣстный, торгуетъ ее на серебро, а серебро оцѣниваетъ въ 375 коп. рубль. Увѣрившись въ дѣйствительности сей цѣны во всѣхъ другихъ продажахъ, крестьянинъ заключаетъ торгъ и думаетъ, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, получилъ въ каждомъ рублѣ 375 коп.; но въ казначействѣ сей самый рубль превращается уже въ 360 коп.²⁾ Если же онъ понесетъ его къ мѣняламъ, то самый добросовѣстный изъ нихъ заплатитъ ему только 352 коп. Такимъ образомъ онъ теряетъ въ первомъ случаѣ 15 коп., а во второмъ 23 коп. на каждый серебряный рубль, и теряетъ единственно отъ того, что онъ не знаетъ хитросплетнаго механизма лажа. Если бы онъ его зналъ, тогда сію потерю или вознаградилъ бы прибавкою въ цѣнѣ своего произведенія, или принялъ серебряный рубль не болѣе, какъ въ 352, или въ 360 коп.“³⁾ Въ довершеніе всего слѣдуетъ замѣтить, что какъ биржевой курсъ, такъ и простонародный курсъ были различны въ различныхъ мѣстахъ Россіи.

Описанное сейчасъ зло и было однимъ изъ ближайшихъ толчковъ къ переустройству денежной системы. Въ 1839 году курсъ ассигнацій былъ фиксированъ, именно рубль серебряный долженъ былъ равняться 3 рубл. 50 коп. въ ассигнаціяхъ и открытъ былъ размѣнъ ассигнацій, хотя и ограниченный. Нелишне подробнѣе изложить тѣ изъ статей манифеста 1 іюля 1839 г.,⁴⁾ которыя опредѣляютъ послѣднюю судьбу

¹⁾ См. *Сперанскій*, 0 монетномъ обращеніи, 160. 178.

²⁾ Напомнимъ, что это былъ обычный въ то время «казенный курсъ».

³⁾ *Ibid.*, 160.

⁴⁾ П. С. З., № 12.497.

ассигнацій въ денежномъ обращеніи Россіи. „Разныя пере-
мѣны, временемъ и силою обстоятельствъ въ Нашей денеж-
ной системѣ произведенныя“, говоритъ манифестъ: „имѣли
послѣдствіемъ не только присвоеніе государственнымъ ас-
сигнаціямъ, вопреки первоначальному ихъ назначенію, пер-
венства надъ серебромъ, составляющимъ основную Имперіи
Нашей монету, но и возрожденіе чрезъ то самое многообраз-
ныхъ лажей, въ каждой почти мѣстности различныхъ“...;
„убѣждаясь въ необходимости положить безъ всякаго отлага-
тельства конецъ симъ колебаніямъ, нарушающимъ единство
и стройность Нашей монетной системы и влекущимъ за собою
потери и затрудненія разнаго рода для всѣхъ сословій въ го-
сударствѣ“, правительство опредѣляетъ: отнынѣ денежной еди-
ницей будетъ рубль серебряный, а „ассигнаціи, согласно ихъ
первоначальному назначенію, остаются вспомогательнымъ зна-
комъ цѣнности“ съ установленіемъ для нихъ „постояннаго и
непремѣняемаго на серебро курса“ въ 3 руб. 50 к. за рубль
серебр.; присвоеніе ассигнаціямъ какого-либо иного курса,
кромѣ установленнаго, равно и надбавка на серебро и на
ассигнаціи какого-либо лажа строжайше воспрещается; во
всѣхъ платежахъ, казенныхъ и частныхъ, ассигнаціи обяза-
тельны къ приему по тому же курсу; что касается размѣна,
то уѣздныя казначейства должны были обмѣнивать ассигнаціи
на серебро по указанному курсу, но, во 1-хъ, только на сумму,
не большую 100 рубл. въ однѣ руки, и, во 2-хъ, „по мѣрѣ
находящихся въ Казначействахъ на лицо суммъ“; такой раз-
мѣнъ нельзя назвать иначе, какъ скромнымъ. Впрочемъ, нужно
имѣть въ виду, что опредѣленія манифеста 1 іюля по отноше-
нію къ ассигнаціямъ были опредѣленіями временными, такъ
какъ самыя ассигнаціи должны были вскорѣ уступить мѣсто
другимъ кредитнымъ знакамъ, существенно отличнымъ отъ
нихъ. Слѣдовательно, на фиксацію курса и установленіе раз-
мѣна ассигнацій мы должны смотрѣть, какъ на мѣры, под-
готавливающія и облегчающія переходъ къ новой системѣ; смотря
съ этой точки зрѣнія, мы не можемъ не признать указанныхъ
мѣръ цѣлесообразными. Итакъ, съ 1839 г. до 1843 г. ассиг-
націи занимаютъ второстепенное мѣсто, а съ 1843 г., когда
начался замѣнъ ихъ кредитными билетами, онѣ должны были
играть совершенно пассивную роль¹⁾. Чтобы покончить съ

¹⁾ Въ 1847 г. упраздненъ былъ и ассигнаціонный банкъ.

исторіей ассигнацій, мы въ таблицѣ покажемъ ихъ постепенное удаленіе со сцены русскаго денежнаго обращенія.

Г о д а .	Выпущено кредитныхъ билетовъ за ассигнаціи.	Соотвѣтственное уменьшеніе количества ассигнацій.	Остается въ обращенія ассигнацій.
1840.	}	—	595.776.310
1841.			
1842.			
1843.	9.548.000	33.418.000	562.358.310
1844.	67.592.938	240.403.150	321.955.160
1845.	37.963.142	134.071.120	187.884.040
1846.	20.201.648	70.762.820	117.121.220
1847.	16.066.298	56.284.230	60.836.990
1848.	14.521.003	50.828.295	10.008.695 ¹⁾
1849.	2.724.405	10.612.840 ²⁾	} Къ 1853 г. ассигнацій въ обращеніи не осталось.
1850.	1.015.323	3.553.980	
1851.	2.640	9.280	
1852.	215.266	753.431	

¹⁾ Но къ этимъ присоединено было 4.922.935 р. ассигнаціями, хранившіеся въ размѣнномъ капиталѣ ассигнаціоннаго банка, такъ что за 1848 г. показано въ отчетѣ 14.931.630 рубл. См. *Ламаискій*, Стат. обз., стр. 206 и 207.

²⁾ Часть за ассигнаціи внесена мѣдью.

Исторія ассигнацій нами закончена. Какъ видитъ читатель, ассигнаціи совершили такой кругъ обращенія: сначала онѣ были настоящимъ денежнымъ замѣстителемъ, затѣмъ долгое время были аномальнымъ денежнымъ суррогатомъ и наконецъ превратились въ дѣйствительныя бумажныя деньги. За все время своего обращенія онѣ потеряли $\frac{3}{4}$ своей цѣны. Уже одна эта огромная потеря въ цѣнѣ и цѣнности ассигнацій предрѣшала тотъ способъ, которымъ при благоприятныхъ условіяхъ можно было бы освободиться отъ ассигнацій и возстановить металлическое обращеніе; именно, при такой огромной потерѣ въ цѣнѣ и цѣнности бумажныхъ денегъ вездѣ прибѣгали къ девальваціи. Такъ случилось и съ нашими ассигнаціями, о чемъ мы узнаемъ подробно въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VII. ПЕРВЫЙ ПЕРИОДЪ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КРЕДИТНЫХЪ ВИЛЕТОВЪ (1843—1856 г.г.): КРЕДИТНЫЕ ВИЛЕТЫ—ДЕНЕЖНЫЙ СУРРОГАТЪ.

Исторію государственныхъ кредитныхъ билетовъ мы можемъ разбить на два періода по тому же основанію, по которому исторія ассигнацій описана нами въ трехъ стадіяхъ ихъ обращенія. Первымъ періодомъ исторіи государственныхъ кредитныхъ билетовъ будетъ время отъ ихъ появленія до прекращенія размѣна въ 1856 году,—время, когда ассигнаціи по своей экономической сущности должны быть отнесены къ денежнымъ суррогатамъ: вторымъ періодомъ будетъ время съ 1856 г. до нашихъ дней, когда государственные кредитные билеты являются дѣйствительными бумажными деньгами. Но прежде чѣмъ приступить къ законодательной исторіи кредитныхъ билетовъ въ первомъ періодѣ ихъ обращенія, мы приведемъ тѣ воззрѣнія на бумажныя деньги, которыхъ держался гр. *Канкринъ*, бывшій главнымъ виновникомъ реформы 1839—43 гг., существенно измѣнившей систему денежнаго обращенія въ Россіи того времени. Знаніе воззрѣній гр. *Канкринна*, конечно, въ значительной степени поможетъ намъ понять основанія многихъ законодательныхъ актовъ, касающихся бумажно-денежнаго обращенія. По этому же основанію мы сдѣлаемъ указанія на взгляды и нѣкоторыхъ другихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей того времени, ибо эти взгляды не были только теоретическими разсужденіями объ интересномъ жизненномъ явленіи, а могли переходить и дѣйствительно переходили въ жизнь чрезъ вліяніе на законодательство.

Съ воззрѣніями гр. *Канкринна* на бумажныя деньги мы можемъ познакомиться изъ его сочиненія „*Всесмірное хозяйство, народное хозяйство и государственное хозяйство*“, из-

даннаго на нѣмецкомъ языкѣ въ 1821 году ¹⁾. Въ существенномъ взгляды *Канкрина* на бумажныя деньги состояли въ слѣдующемъ. Бумажныя деньги въ собственномъ смыслѣ слова основываются, по мнѣнію *Канкрина*, или на общаніи размѣна по предъявленію, или же только на кредитѣ ²⁾. Отсюда видно, что *Канкринъ* относилъ къ бумажнымъ деньгамъ не только неразмѣнные знаки съ принудительнымъ курсомъ (или безъ принудительнаго курса), но и такіе кредитные знаки, какъ банковые билеты. Бумажныя деньги, продолжаетъ гр. *Канкринъ*, для поддержанія своего кредита (не говоря объ ограниченіи ихъ количества) требуютъ слѣдующихъ условій: а) цѣлесообразнаго подраздѣленія; при установленіи дѣленій нужно заботиться о томъ, чтобы бумажныя деньги не вытѣсняли волюнѣ монету изъ обращенія; для этого нужно, чтобы онѣ не были слишкомъ мелкими ³⁾. Для поддержанія кредита бумажныхъ денегъ нужно, затѣмъ, б) чтобы была такая опора для нихъ (ein Fundament), которая поддерживала бы довѣріе, с) чтобы была возможность размѣна на звонкую монету, d) чтобы открыта была легкая возможность возобновленія столь непрочныхъ денегъ (т. е. обмѣнъ старыхъ бумажекъ на новыя) и, наконецъ, е) чтобы была гарантія противъ поддѣлки ⁴⁾. Изъ всѣхъ этихъ условій гр. *Канкринъ* долѣе всего останавливается на вопросѣ о „фундаментѣ“, на который должно опираться довѣріе къ бумажнымъ деньгамъ. Это основаніе бумажныхъ денегъ должно главнымъ образомъ состоять въ монетномъ фондѣ, а государственныя имущества могутъ быть только дополнительнымъ обезпеченіемъ. Одного кредита государства совсѣмъ недостаточно для бумажныхъ денегъ, „потому что бумага несетъ съ собой необходимость реализаціи“ ⁵⁾ (т. е. размѣна). Итакъ, размѣнный фондъ изъ „ходячей платежной монеты“ необходимъ. Что касается его

¹⁾ Weltreichthum, Nationalreichthum und Staatswirthschaft, München, 1821 (анонимно). Въ ст. *H. X. Буме* (Рус. Вѣст. 1864 г., ноябрь) можно найти почти буквальный переводъ тѣхъ мѣстъ сочиненія *Канкрина*, которые относятся къ бумажнымъ деньгамъ.

²⁾ Weltreichthum etc., S. 49.

³⁾ Ibid., 49. 50.

⁴⁾ Ibid., 50—51.

⁵⁾ Ibid., 51.

объема, то нѣтъ нужды, чтобы онъ равнялся всей суммѣ бумажныхъ денегъ; достаточно имѣть только такой фондъ, который можетъ поддерживать размѣнъ дѣйствительно предъявляемыхъ бумажекъ; „остальная бумага можетъ опираться единственно на кредитъ государства и націи“ ¹⁾. Дополнительное опезпеченіе ипотекой государственныхъ имуществъ имѣетъ отчасти ту пользу, что оно ограничиваетъ выпускъ ассигнацій, отчасти ту, что усиливаетъ надежду на будущее уничтоженіе ассигнацій ²⁾. Изложенный сейчасъ взглядъ *Канкрин* на фондъ слѣдуетъ замѣтить, такъ какъ онъ получилъ осуществленіе въ реформѣ 1839—43 гг.

Бумажныя деньги при правильномъ пользованіи имѣютъ, по мнѣнію гр. *Канкрин*, слѣдующія выгоды: 1) онѣ увеличиваютъ свободный капиталъ страны: бумажныя деньги представляютъ изъ себя такіе знаки цѣнности, которые ничего не стоятъ, но за которые тѣмъ не мѣнѣе можно покупать продукты и рабочую силу; поэтому при существованіи бумажныхъ денегъ можно больше употреблять капиталовъ въ предпріятіяхъ, чѣмъ безъ нихъ ³⁾. 2) Затѣмъ, бумажныя деньги позволяютъ сберегать издержки на „ремонтъ“ денежнаго капитала страны: экономія тутъ получается какъ отъ того, что металлическія деньги (не употребляемые благодаря бумажнымъ деньгамъ въ дѣйствительномъ оборотѣ) не стираются и не теряются, такъ и отъ того, что часть нужныхъ для страны денегъ вполнѣ можетъ быть замѣнена бумагой ⁴⁾. 3) Наконецъ, благодаря бумагѣ внутренніе денежные обороты совершаются легче и удобнѣе ⁵⁾.

Невыгоды бумажныхъ денегъ, полагаетъ гр. *Канкринъ*, гораздо болѣе многочисленны. Онѣ, по его мнѣнію, состоятъ въ слѣдующемъ. 1) Невозможно опредѣлить практически размѣръ выпуска бумажныхъ денегъ. Впрочемъ, разсуждая теоретически, можно сказать, что безвредная масса бумажныхъ денегъ слагается изъ двухъ суммъ: а) изъ такой суммы, которая увеличиваетъ свободный капиталъ страны настолько,

¹⁾ Ibid., 51.

²⁾ Ibid., 52.

³⁾ Ibid., 53.

⁴⁾ Ibid., 54.

⁵⁾ Ibid., 54.

что онъ можетъ быть въ теченіе короткаго времени употреблень въ дѣло и переработанъ (verarbeiten kann), и затѣмъ, б) изъ такой суммы, которая, замѣнивъ часть монеты, не теряетъ цѣнности, послѣ того какъ замѣненная монета обращена на покупку иностранныхъ товаровъ. Какъ первую, такъ и вторую сумму трудно выразить въ точныхъ цифрахъ, но можно полагать, что вторая не должна превосходить половины всего денежнаго капитала страны ¹⁾. 2) Невыгода бумажныхъ денегъ состоитъ, затѣмъ, въ томъ, что трудно поддерживать кредитъ ихъ. Кредитъ бумажныхъ денегъ основывается а) на достаточности размѣннаго фонда и б) на отсутствіи чрезмѣрныхъ выпусковъ. Но если даже фондъ былъ достаточенъ, а выпуски не были чрезмѣрными, то нѣтъ гарантіи въ томъ, что во время войнъ или иныхъ несчастныхъ событій фондъ не будетъ растроченъ и выпуски не будутъ чрезмѣрными ²⁾. 3) Бумажныя деньги несутъ съ собой всегда опасность размноженія, такъ какъ легкость, съ которой онѣ создаются, ведетъ къ расточительной тратѣ ихъ на различныя дорого стоящія и часто безполезныя предпріятія ³⁾. 4) Такъ какъ свободный капиталъ націи благодаря выпускамъ бумажныхъ денегъ быстро увеличивается, то и въ народѣ развивается роскошь и нравственность падаетъ ⁴⁾. 5) Бумажныя деньги ведутъ къ вывозу металла за границу, а когда онѣ будутъ уничтожены, то народу придется снова приобрѣтать металлическія деньги ⁵⁾. 6) Бумажныя деньги не имѣютъ твердой цѣнности, и потому, когда начинаютъ употреблять различныя лекарства для поддержанія ея, то она начинаетъ колебаться. За колебаніями цѣнности бумажныхъ денегъ слѣдуетъ колебаніе цѣнъ на товары; при этомъ цѣны товаровъ падаютъ или возвышаются неравномѣрно; такъ же неравномѣрно распределяются выгоды или невыгоды отъ колебанія цѣнъ, ибо доходы отдѣльныхъ лицъ не возвышаются или не понижаются тотчасъ же за паденіемъ или возвышеніемъ цѣнности бумажныхъ денегъ, а если это и бываетъ, то не въ прямой пропорціи къ паденію или возвы-

¹⁾ Ibid., 54—55.

²⁾ Ibid., 56—57.

³⁾ Ibid., 57—58.

⁴⁾ Ibid., 59.

⁵⁾ Ibid., 59.

шенію цѣнности бумажныхъ денегъ ¹⁾. 7) Колебанія цѣнности бумажныхъ денегъ поощряютъ биржевую игру ²⁾. 8) Наконецъ, при господствѣ бумажныхъ денегъ много страдаютъ отъ поддѣлокъ ихъ ³⁾.

Взвѣсивъ выгодныя и невыгодныя стороны бумажныхъ денегъ, гр. *Канкринъ* пришелъ къ слѣдующимъ окончательнымъ заключеніямъ: 1) бумажныя деньги вредны и „такъ же нельзя совѣтовать государству прибѣгать къ бумажнымъ деньгамъ, какъ нельзя совѣтовать молодому человѣку идти въ игорный домъ“ ⁴⁾. 2) Чѣмъ неосторожнѣе пользованіе бумажными деньгами, тѣмъ менѣе онѣ вредятъ. Это объясняется тѣмъ, что бумажныя деньги не успѣваютъ сдѣлать всего зла, такъ какъ при столь безумномъ хозяйствѣ каждый становится болѣе осторожнымъ ⁵⁾. 3) Невыгоды бумажно-денежныхъ революцій однако не столь велики, какъ можно бы думать. Это объясняется, во-первыхъ, только что указанной причиной и, во-вторыхъ, тѣмъ, что хотя большія имущества теряются, но зато большія же имущества и приобретаются при внезапныхъ колебаніяхъ цѣнности бумажныхъ денегъ ⁶⁾. 4) Уменьшеніе бумажныхъ денегъ не является легкой вещью и сопряжено съ опасностями; поэтому при уменьшеніи ассигнацій нужно поступать съ большою осторожностью; опасность массовыхъ уничтоженій бумажныхъ денегъ заключается въ томъ, что они ведутъ къ новымъ переворотамъ въ цѣнахъ и доходахъ. Первою цѣлью въ бумажно-денежной политикѣ должно быть скорѣе фиксированіе курса ихъ, чѣмъ уменьшеніе количества, для чего прежде всего необходимо совсѣмъ отказаться отъ новыхъ выпусковъ. „Нѣтъ ничего болѣе дикаго“, какъ уничтожать массы бумажныхъ денегъ при посредствѣ займовъ или посредствомъ фундаціи ихъ въ большихъ размѣрахъ; при такой политикѣ нація отягощается платежемъ огромныхъ процентовъ и отъ бумажно-денежной системы переходитъ къ банкротству по своимъ займамъ. Напомнимъ,

¹⁾ Ibid., 59—62.

²⁾ Ibid., 62.

³⁾ Ibid., 62.

⁴⁾ Ibid., 62.

⁵⁾ Ibid., 62—63.

⁶⁾ Ibid., 63.

что изложенный сейчасъ взглядъ *Канкринна* былъ осуществленъ имъ точнось по вступленіи на постъ министра финансовъ въ 1823 г., когда онъ остановилъ уничтоженіе ассигнацій, предпринятое гр. Гурьевымъ ¹⁾. Впрочемъ, гр. *Канкринъ* не противъ умѣренныхъ сокращеній бумажныхъ денегъ; только эти сокращенія нужно дѣлать, по его мнѣнію, чрезъ сбереженія въ государственныхъ расходахъ или чрезъ установленіе особыхъ налоговъ ²⁾.

Итакъ, бумажныя деньги, по воззрѣніямъ гр. *Канкринна*, приносятъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы. Поэтому онъ утверждаетъ, что ими не нужно пользоваться. Но, продолжаетъ онъ, быть можетъ возникнетъ вопросъ о томъ, будетъ ли количество металлическихъ денегъ всегда достаточнымъ для удовлетворенія денежной потребности цивилизованнаго міра; не настанетъ ли такое время, когда вслѣдствіе сильнаго увеличенія культуры и производства нельзя будетъ обойтись безъ содѣйствія бумажныхъ денегъ. Гр. *Канкринъ* предвидитъ, что вслѣдствіе истощенія рудниковъ въ отдаленномъ будущемъ („чрезъ тысячелѣтія“) настанетъ необходимость въ бумажныхъ деньгахъ, такъ какъ благородные металлы будутъ очень дороги и потому мало удобны для денежныхъ цѣлей. Когда наступитъ это время, тогда можно будетъ думать о какомъ-нибудь видѣ всемірныхъ бумажныхъ денегъ, по и эти бумажныя деньги должны имѣть скорѣе „торговой“ характеръ, чѣмъ „политическій“ ³⁾.

Кромѣ указанныхъ чисто экономическихъ причинъ, по мнѣнію *Канкринна*, на явленія бумажно-денежнаго обращенія оказываютъ вліяніе и иные факторы; сюда онъ относитъ степень изолированности страны, умственную культуру, степень довѣрія къ существующему правительству и даже нравственность и религію ⁴⁾. Всѣ эти факторы онъ разсматриваетъ съ нѣкоторою подробностью, но мы не будемъ излагать относящіяся сюда мнѣнія *Канкринна* какъ по отсутствію въ нихъ оригинальности, такъ и по второстепенной важности ихъ въ вопросѣ о бумажно-денежномъ обращеніи.

¹⁾ Объ этомъ въ своемъ мѣстѣ было подробно разсказано.

²⁾ Ibid., 63—65.

³⁾ Ibid., 65—66.

⁴⁾ Ibid., 67—73.

Наконецъ, гр. *Канкринъ* посвящаетъ особый отдѣлъ ¹⁾ разсмотрѣнію различныхъ мѣръ, которыя, по его взгляду, неудачно принимались и принимаются по отношенію къ бумажнымъ деньгамъ. Въ этомъ отдѣлѣ мы находимъ интереснымъ отмѣтить только тотъ взглядъ *Канкринна*, который высказанъ имъ по отношенію къ значенію пріема въ податяхъ бумажныхъ денегъ и серебра. Обыкновенно полагають, что во время размноженія бумажныхъ денегъ нужно для поддержанія ихъ курса позволять вносить ими всѣ налоги. Гр. *Канкринъ* соглашается, что до извѣстной степени это необходимо; но онъ думаетъ, что тутъ нужно соблюдать нѣкоторую постепенность и, кромѣ того, нужно часть налоговъ взимать въ серебрѣ. Последнее необходимо для того, чтобы монета не совсѣмъ уходила за границу. Что касается возстановленія платежа налоговъ въ серебрѣ, то опять необходима постепенность, иначе можно вызвать сильный ажіотажъ ²⁾. Этотъ взглядъ *Канкринна* интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что объясняетъ намъ, какими мотивами руководилось финансовое управленіе въ 20-хъ годахъ при постепенномъ допущеніи монеты въ платежахъ казнѣ ³⁾.

Намъ нѣтъ надобности подробно критиковать здѣсь теоретическія положенія гр. *Канкринна*. Намъ нѣтъ надобности дѣлать это по той причинѣ, что такая критика излишня; внимательный читатель видитъ, что основныя положенія гр. *Канкринна* относительно бумажныхъ денегъ тождественны съ возрѣніями англійской денежной школы; какъ эта школа, такъ и гр. *Канкринъ* не дѣлають различія между размѣнными кредитными знаками и настоящими бумажными деньгами: какъ денежная школа, такъ и *Канкринъ* относятъ ошибочно размѣнные знаки (банковые билеты) къ деньгамъ. Отсюда и въ дальнѣйшихъ выводахъ у *Канкринна* тѣ же ошибки, которыя мы встрѣчали уже при знакомствѣ съ денежной школой; напр., то, что онъ говоритъ о вліяніи бумажныхъ денегъ на цѣны, относится къ настоящимъ бумажнымъ деньгамъ, но не относится къ размѣннымъ кредитнымъ знакамъ и т. п. Такъ какъ основныя положенія денежной школы нами уже разоб-

¹⁾ Ibid., 73—78.

²⁾ Ibid., 73—74.

³⁾ Объ этомъ рѣчь была выше.

раны въ своемъ мѣстѣ, то здѣсь нѣтъ надобности вторично критиковать эти положенія въ примѣненіи къ воззрѣніямъ гр. *Канкринъ*; достаточно здѣсь заявить, что гр. *Канкринъ* былъ однимъ изъ сильныхъ представителей денежной школы и, такимъ образомъ, раздѣлялъ ошибки этой школы.

Та замѣчательная реформа въ области денежнаго обращенія, о которой въ этой главѣ мы собираемся говорить, не можетъ быть поставлена въ заслугу только одному гр. *Канкрину*. Эта реформа подготовлялась длиннымъ рядомъ лѣтъ, и въ подготовительной работѣ принимали участіе многіе выдающіеся члены Государственнаго Совѣта конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ. Самъ *Канкринъ* въ началѣ не имѣлъ, кажется, яснаго представленія о томъ, какъ избавиться отъ колебаній цѣнности бумажнаго рубля. Онъ, разумѣется, понималъ и ясно говорилъ, что это зло необходимо уничтожить, что нужно держаться, по его выраженію, системы фиксированія курса бумажнаго рубля (*Fixirungssystem*). Но когда дѣло доходило до практическихъ мѣръ, которыми можно достигнуть этого фиксированія, то онъ ограничивался въ началѣ своей дѣятельности палліативами, въ родѣ, напр., простого запрещенія простонародныхъ лажей. Когда въ Государственномъ Совѣтѣ заходила рѣчь о какихъ бы то ни было мѣрахъ для поправленія разстроенной денежной системы, обыкновенно въ немъ раздавались голоса за коренную реформу въ этой области. Въ Государственномъ Совѣтѣ въ то время были люди, весьма компетентные въ вопросѣ денежнаго обращенія и они-то и толкали гр. *Канкринъ* на путь радикальной реформы и въ большой степени способствовали разъясненію тѣхъ мѣропріятій, которыми эта реформа могла быть при данныхъ условіяхъ наилучше осуществлена. Къ числу такихъ государственныхъ дѣятелей относились адмиралъ Мордвиновъ, гр. Сперанскій, Грейгъ, кн. Друцкой-Любецкій и др. ¹⁾ Такимъ образомъ, весьма интересно и важно отмѣтить взгляды нѣкоторыхъ изъ этихъ государственныхъ людей на бумажныя деньги и на мѣры къ ихъ устраненію. Мы остановимся на мнѣніяхъ адмирала *Мордвинова* и гр. *Сперанскаго*, какъ наиболѣе замѣчательныхъ.

¹⁾ Очевидно, зло отъ бумажныхъ денегъ очень сильно чувствовалось въ то время, если столько выдающихся государственныхъ людей посвящали свои силы на изысканіе мѣръ противъ него.

Адмиралъ *Мордвиновъ* еще въ 1816 году представилъ въ Государственный Совѣтъ записку, въ которой изложилъ свое мнѣніе о бумажныхъ деньгахъ ¹⁾. Записка адмирала *Мордвинова* написана съ замѣчательной силой мысли и поражающимъ воодушевленіемъ; едва ли можно въ русской литературѣ найти что-нибудь болѣе сильное изъ всего написаннаго противъ бумажныхъ денегъ. Основныя мысли этой записки состоятъ въ слѣдующемъ ²⁾. Выпускъ новыхъ ассигнацій не только не увеличиваетъ дохода казны, но сильно уменьшаетъ его; уменьшеніе доходовъ казны идетъ въ строгой соразмѣрности съ увеличеніемъ количества ассигнацій, ибо цѣна ассигнаціоннаго рубля зависитъ вполне отъ количества выпущенныхъ ассигнацій. Съ увеличеніемъ массы ассигнацій уменьшается не только доходъ казны, но и доходъ всѣхъ частныхъ лицъ; поэтому выпускъ ассигнацій нужно считать налогомъ и притомъ тягчайшимъ изъ налоговъ; тягчайшимъ потому, что „малѣйшая часть, отъятая изъ достоинства рубля, умножается числомъ всѣхъ тѣхъ рукъ, чрезъ которыя переходитъ оный будетъ“ ³⁾. Эти потери частныхъ лицъ иллюстрируются *Мордвиновымъ* такъ: „коль скоро достоинство рубля уменьшилось бы 1 копейкою, то рубль, въ теченіе года пройдя чрезъ 100 рукъ, долженствующихъ каждая терять по 1 копейкѣ, составитъ общую потерю всѣхъ во 100 копѣекъ“ ⁴⁾. Чтобы дать понятіе о стилѣ, которымъ написана записка *Мордвинова*, приведемъ описаніе впечатлѣнія, производимаго упадкомъ бумажно-денеж-

¹⁾ Мнѣніе *Мордвинова* опубликовано въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древн. Росс.», 1859 г., кн. 4; оно напечатано тамъ подъ заглавіемъ: «Мнѣніе адмирала *Мордвинова* о вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ имуществъ отъ ошибочныхъ мѣръ управленія Государственнымъ Казначействомъ» (смѣсь, стр. 57—92).

²⁾ Въ примѣчаніи къ стр. 82 эти положенія сгруппированы самимъ *Мордвиновымъ* (ibid., стр. 88—92).

³⁾ Ibid., 90.

⁴⁾ Ibid., 91. Очевидно, *Мордвиновъ* преувеличиваетъ потери частныхъ лицъ отъ паденія цѣны ассигнацій: отдѣльное лицо терпѣть только такую часть цѣны (и цѣнности), на которую ассигнаціи упали отъ момента пріобрѣтенія ихъ до момента расходованія со стороны даннаго лица; такъ, если я продалъ пудъ ржи за 1 р. асс., когда его цѣна равнялась 90 к. сер., и затѣмъ купилъ за этотъ рубль 4 фунта сахару, притѣмъ онъ уже былъ ра-

ной единицы на частныхъ лицъ. „Никакая несправедливость личная“, пишетъ *Мордвиновъ*: „никакое оскорбленіе права общественнаго, колико бы оныя чувствительны ни были, не могутъ имѣть столь разительнаго дѣйствія на умы и сердца подданныхъ, какъ прискорбіе отъ потеряннаго монетою достоинства. Рубль есть достояніе каждаго, богатаго и бѣднаго, и малѣйшая часть, отъятая изъ онаго, преобразуется въ похищеніе великое, простирающееся на все количество стяжаемаго, наслѣдуемаго или же работою рукъ произведеннаго. При упадкѣ монеты ропщетъ воинъ, негодуетъ гражданинъ, лихоимствуетъ судья, охлаждѣваетъ вѣрность, ослабѣваютъ взаимныя услуги и пособія, благочиніе, миръ и добродѣтель уступаютъ мѣсто разврату, порокамъ и буйнымъ страстямъ“¹⁾. *Мордвиновъ* понималъ, далѣе, что неустойчивость денежной единицы разстраиваетъ производительную дѣятельность народа; на этотъ счетъ онъ говоритъ слѣдующее: „разстройство монеты утомляетъ и ослабляетъ всякій промыселъ, всякій трудъ, всякое предпріятіе, затрудняетъ торговлю, останавливаетъ умноженіе богатствъ, преграждаетъ путь къ вышнимъ степенямъ устройства и благосостоянія. Таковое препинаніе въ успѣхахъ и возвышеніи есть, можетъ быть, неисчислимая утрата, испытуемая народами, у коихъ система монетная не имѣетъ твердаго основанія“²⁾. При такомъ взглядѣ на послѣдствія бумажныхъ денегъ *Мордвиновъ* былъ, конечно, противъ ихъ увеличенія. Онъ совѣтовалъ ихъ даже истреблять. Но до какого предѣла нужно истреблять ассигнаціи, *Мордвиновъ* съ точностью не говоритъ. При чтеніи текста его записки получается то впечатлѣніе, что будто нужно истреблять ассигнаціи до тѣхъ поръ, пока цѣнность ассигнацій не возвысится до цѣнности серебра. Но въ примѣчаніи, составляющемъ позднѣйшую прибавку³⁾, мы находимъ такія слова: „нынѣ же, когда ассигна-

вень только 80 коп. сер., то ясно, что я потерялъ цѣнность 10 коп. сер.; но если мой преемникъ по владѣнію ассигнаціоннымъ рублемъ (продавшій мнѣ сахаръ) успѣлъ сбыть его, когда курсъ неизмѣнно оставался на 80 коп. сер., то онъ ничего не потеряетъ. По *Мордвинову* же выходитъ, что и это послѣднее лицо теряетъ.

¹⁾ Ibid., 60.

²⁾ Ibid., 62.

³⁾ Какъ самъ *Мордвиновъ* говоритъ, весь текстъ записки былъ написанъ еще въ 1813 г.; примѣчаніе же, надо думать, относится къ 1816 году, когда записка была подана въ Государств. Совѣтъ.

ціонный рубль приблизился къ постоянной цѣнѣ, въ отноше-
ніи серебрянаго рубля, то не о уменьшеніи количества ассиг-
націй, но объ удержаніи впредь постоянной цѣны онаго по-
мышлять должно“¹⁾). Имѣя въ виду эти прямые слова, мы
должны сказать, что *Мордвиновъ* держался той же системы
фиксированія, о которой потомъ говоритъ гр. *Канкринъ* и ко-
торая являлась основой денежной политики съ 1823 г. (годъ
вступленія *Канкрин*а въ должность министра финансовъ) и
до 1839 г. (когда была предпринята коренная реформа въ
денежномъ обращеніи).

Изложенный взглядъ адмирала *Мордвинова* на бумажные
деньги въ теоретическомъ отношеніи любопытенъ, какъ край-
нее выраженіе такъ называемой количественной теоріи цѣн-
ности бумажныхъ денегъ. Разборъ этой теоріи будетъ сдѣ-
ланъ нами въ одной изъ послѣдующихъ главъ; тамъ будетъ
показана односторонность этой теоріи. Что же касается прак-
тического вліянія взглядовъ *Мордвинова*, то оно относилось
главнымъ образомъ ко времени, предшествовавшему реформѣ
1839—43 г.г.; такъ, оно оказало свое вліяніе на прекраще-
ніе выпуска ассигнацій въ 1817 г.; оно оказало также из-
вѣстное вліяніе на истребленіе ассигнацій въ министерство
гр. Гурьева. Когда, затѣмъ, было замѣчено, что цѣна ассигна-
цій перестала рѣзко падать, то гр. *Мордвиновъ* едва ли не
первый заговорилъ о томъ, что фиксированіе курса ихъ есть
главная задача, а уничтоженіе—уже второстепенная. Но тѣмъ
не менѣе въ тотъ періодъ времени, когда Государственный
Совѣтъ усиленно занимался вопросомъ о денежномъ обра-
щеніи и когда намѣчалась реформа 1839—1843 г.г., голосъ
столь сильнаго и столь твердо убѣжденнаго противника бу-
мажныхъ денегъ, какъ *Мордвиновъ*, разумѣется, также не оста-
вался безъ вліянія.

Мы предположили изложить еще взгляды гр. *Сперанскаго*
на бумажно-денежное обращеніе и его мнѣніе о тѣхъ мѣрахъ,
которыми денежная система Россіи 30-хъ г.г. настоящаго
столѣтія могла быть исправлена. Этимъ мы сейчасъ и зай-
мемся. Теоретическія воззрѣнія гр. *Сперанскаго* намъ уже
извѣстны; мы говорили объ нихъ, когда излагали основныя

¹⁾ Ibid., 92.

положенія финансоваго „Плана“ 1810 г.; затѣмъ, мы не разъ приводили выдержки изъ записки *Сперанскаго* „О монетномъ обращеніи“ ¹⁾ съ тѣмъ, чтобы характеризовать теоретическія положенія знаменитаго государственнаго дѣятеля. Мы уже знаемъ, что гр. *Сперанскій* ясно сознавалъ правильность только такой системы, при которой въ основу положена полноценная монета, а въ дополненіе къ ней выпускались бы кредитные билеты, на монетѣ основанные (банковые билеты въ собственномъ смыслѣ этого слова). Въ настоящемъ мѣстѣ намъ нужно показать только, какія мѣры гр. *Сперанскій* считалъ въ 1839 г. необходимыми для возстановленія металлическаго обращенія. Въ запискѣ „О монетномъ обращеніи“ гр. *Сперанскій* подробно говоритъ объ этихъ мѣрахъ ²⁾. По его мнѣнію, ассигнаціи нужно совсѣмъ уничтожить черезъ переложеніе ихъ въ кредитные билеты. Но для достиженія этой окончательной цѣли нужны нѣкоторыя мѣры, „приготовительныя“. *Сперанскій* думаетъ, что нужны слѣдующія двѣ подготовительныя мѣры: I) нужно выпустить новые банковые кредитные билеты, которые были бы постоянно размѣнены на серебро и принимались бы безпрепятственно всѣми казначействами вмѣсто серебра; *Сперанскій* предлагаетъ назвать ихъ *сохранными билетами* ³⁾. Эта мѣра, по предположеніямъ *Сперанскаго*, должна была повести: 1) къ расширенію круга обращенія серебра, 2) къ сокращенію потребности въ ассигнаціяхъ и потому 3) къ прекращенію возвышенія ихъ курса ⁴⁾. II) Второй подготовительной мѣрой должно служить установленіе неизмѣннаго фиксированнаго курса ассигнацій на серебро и законодательное распоряженіе о томъ, что всѣ платежи могутъ быть совершаемы серебромъ или сохранными билетами по фиксированному курсу ⁵⁾. Послѣдствія этой второй мѣры, по мнѣнію *Сперанскаго*, должны состоять въ слѣдую-

¹⁾ Эта записка была написана въ 1839 г., въ этомъ же году онъ передалъ ее въ Государственный Совѣтъ. По собственному признанію гр. *Канкринна*, эта записка «измѣнила образъ мыслей у многихъ». См. *Судейкинъ*, Дежно-кредитная реформа гр. Канкринна, Юр. Вѣстн., 1891 г., мартъ, 357.

²⁾ О монетномъ обращеніи, стр. 164—175.

³⁾ Ibid., 166.

⁴⁾ Ibid., 167.

⁵⁾ Ibid.

щемъ: 1) кругъ обращенія серебряной монеты еще болѣе расширится; 2) потребность въ ассигнаціяхъ еще болѣе сократится; 3) курсъ ассигнацій не будетъ возвышаться и будетъ постояннымъ; 4) прекратятся всѣ престонародные лажи¹⁾. Когда эти подготовительныя мѣры проявятъ свое дѣйствіе, тогда можно будетъ приступить и къ „окончательной“ мѣрѣ, т. е. къ постепенному переложенію ассигнацій въ сохранныя билеты, на серебрѣ основанные. Таковы мѣры, предложенныя *Сперанскимъ* въ 1839 г. для возстановленія металлическаго или, лучше, смѣшаннаго обращенія. Сейчасъ мы будемъ говорить о тѣхъ мѣрахъ, которыя дѣйствительно были приняты нашимъ правительствомъ въ 1839—1843 г.г. и тогда увидимъ вполне ясно, что предложенія гр. *Сперанскаго* не остались безъ вліянія на денежную реформу этого времени.

Какъ мы уже говорили, ближайшимъ поводомъ къ реформѣ денежной системы въ 1839—1843 годахъ послужила главнымъ образомъ та непостоянность ассигнаціоннаго рубля, которой онъ отличался съ 1812 года въ силу обстоятельствъ, нами уже разъясненныхъ. Но непостоянность цѣны ассигнаціоннаго рубля была всеже не единственнымъ побудительнымъ толчкомъ къ реформѣ. Само правительство говоритъ, что цѣлью предпринятаго имъ ряда мѣръ была также „замѣна ассигнацій и другихъ денежныхъ представителей *однимъ* знакомъ“²⁾, т. е. имѣлось въ виду единообразіе денежной системы; но нужно замѣтить, что правительство не назвало всетаки главной цѣли, къ которой должна была привести реформа; это именно—возстановленіе металлическаго или, лучше сказать, смѣшаннаго обращенія; послѣднее и есть тотъ блестящій результатъ, къ которому привела реформа, выполненная умѣлой рукой гр. *Канкринна*. Преобразование денежной системы, о которомъ мы сейчасъ ведемъ рѣчь, совершенно было съ замѣчательной осторожностью и постепенностью. Первымъ шагомъ на этомъ пути былъ манифестъ отъ 1-го іюля 1839 г.; манифестъ опредѣлялъ ассигнаціямъ точную роль во все время перехода къ новой системѣ и, что главнѣе, вводилъ опять металлическую валюту. Поскольку дѣло касается ассигнацій,

¹⁾ Ibid., 167—168.

²⁾ Манифестъ отъ 1 іюня 1843 г., II. С. З., № 16.903.

мы уже изложили содержаніе манифеста, но теперь намъ слѣдуетъ посмотреть, что говоритъ манифестъ о серебряномъ рублѣ, какъ (единственномъ) законномъ мѣрилѣ цѣнности и средствѣ платежей. На этотъ счетъ здѣсь встрѣчаемъ слѣдующія опредѣленія: серебряная монета „отнынѣ впредь устанавливается главною государственною платежною монетою, а серебряный рубль настоящаго достоинства—непремѣнно законною мѣрою (монетной единицей) обращающихся въ государствѣ денегъ“; всѣ подати, повинности и сборы, равно какъ всѣ расходы государства будутъ вычислены на серебро (ст. 1); всѣ платежи казнѣ и платежи казны частнымъ лицамъ должны производиться или серебромъ, или ассигнаціями по узаконенному курсу (3 р. 50 к. ассиг. = 1 р. сер.; ст. 3 и 4 въ манифестѣ); „всѣ счеты, условія и вообще всякаго рода сдѣлки, какъ въ дѣлахъ казны съ частными лицами и обратно частныхъ лицъ съ казною, такъ и вообще во всѣхъ дѣлахъ частныхъ лицъ между собою отнынѣ имѣютъ быть производимы и совершаемы единственно на серебряную монету“..; „но самыя платежи по всѣмъ, какъ прежнимъ, на ассигнаціи совершеннымъ, такъ и новымъ, на одно лишь серебро постановляемымъ обязательствамъ, сдѣлкамъ и условіямъ, дозволяется производить безъ различія серебромъ и ассигнаціями, по курсу во 2 ст. постановленному, и никто не имѣетъ права отказываться отъ приѣма по сему курсу того или другого рода денегъ безъ различія“ (ст. 6); „биржевый вексельный курсъ, а равно всякаго рода показанія въ биржевыхъ ерлыкахъ, прейсъ-курантахъ и пр. означать отнынѣ всегда на серебро“ (ст. 9); опредѣлено также въ манифестѣ отношеніе золотой монеты къ серебряной, а именно: золотая монета обмѣнивается на серебро съ надбавкой 3% къ ея нарицательной цѣнѣ (т. е. имперіаль = 10 р. 30 коп. серб).

Разумѣется, приведенныя постастановленія есть неизбежный и вполне понятный шагъ, когда идетъ дѣло о возстановленіи металлическаго обращенія: законъ обезпечиваетъ звонкой монетѣ полное пространство дѣйствія въ роли денегъ, къ которой оно ее призываетъ. Въ это время законъ не могъ остаться мертвой буквой, какъ это случилось съ закономъ 20 іюня 1810 г., потому что теперь, какъ намъ извѣстно, монета въ значительномъ количествѣ обращалась на внутреннемъ рынкѣ. Однако на узаконенія звонкой монеты, какъ един-

ственной валюты, нельзя было остановиться; нельзя было остановиться потому, что одновременно существовалъ другой видъ денегъ и въ количествѣ не ничтожномъ; мы говоримъ объ ассигнаціяхъ. Чтобы обезпечить монетѣ вполне ту роль, которую назначалъ ей манифестъ отъ 1 іюля, нужно было этотъ второй видъ денегъ удалить со сцены. Правительству предстояло два пути въ этомъ направленіи: или устранить ассигнаціи, замѣнивъ ихъ вполне монетой, или уничтожить ассигнаціи и замѣнить ихъ кредитными знаками, не имѣющими свойствъ дѣйствительныхъ денегъ. Первый путь былъ бы очень дорогъ, такъ какъ правительство должно было бы приобрести монеты на 170.221.802 руб. 85 ⁴/₇ коп. ¹⁾); но кромѣ того, что онъ былъ бы дорогимъ, онъ былъ бы и менѣе цѣлесообразнымъ. Лучшимъ денежнымъ обращеніемъ современная наука признаетъ не чисто металлическое обращеніе, а смѣшанное и именно такое смѣшанное обращеніе, при которомъ возможно большее количество монеты было бы замѣнено въ фактическомъ употребленіи кредитными знаками. Наше правительство избрало въ 1839 г. второй изъ указанныхъ путей. Въ избранномъ направленіи его первую мѣрою было учрежденіе депозитной кассы, поставленной подъ контроль Совѣта кредитныхъ установленій.

Существенныя опредѣленія, касающіяся депозитной кассы и ея билетовъ состояли въ слѣдующемъ ²⁾). „Для умноженія легкоподвижныхъ денежныхъ знаковъ“ учреждается съ 1 января 1840 г. при государственномъ коммерческомъ банкѣ особая депозитная касса; въ кассу принимаются для храненія вклады главнымъ образомъ серебряной монетой, но принимается также золотая монета и серебро и золото въ слиткахъ; вклады остаются неприкосновенными, хранятся особо отъ суммъ коммерческаго банка „и ни на какой расходъ, какъ только для обратнаго промѣна не употребляются“; взаменъ вкладовъ депозитная касса выдаетъ билеты подъ названіемъ: „билеты Депозитной Кассы“, достоинство которыхъ опредѣляется въ три, пять, десять и 25 рублей; этимъ билетамъ „присвоится хожденіе по всей Имперіи наравнѣ съ серебряной монетой безъ всякаго лажа, по всѣмъ внутреннимъ платежамъ и обязатель-

¹⁾ Этому количеству въ звонкой монетѣ равняются 595.776.310 руб. ассигн. при курсѣ 3 р. 50 к. ассигн. за рубль серебряный.

²⁾ См. именной указъ сенату отъ 1 іюля 1839 г., П. С., З., № 12.498.

ствамъ какъ частныхъ лицъ съ казною и кредитными установленіями и взаимно казны и кредитныхъ установленій съ частными лицами, такъ равно сихъ послѣднихъ между собою“; „по предъявленіи билетовъ въ Депозитную Кассу, предъявителю выдается немедленно, безъ малѣйшей остановки и безъ всякаго вычета за обмѣнъ и храненіе, подлежащее количество серебряною монетою“¹⁾). Выпускъ билетовъ депозитной кассы долженъ былъ имѣть важное значеніе; во-первыхъ, онъ могъ показать, насколько охотно публика будетъ прибѣгать къ кредитнымъ знакамъ, вполне размѣннымъ на монету; во-вторыхъ, онъ давалъ возможность накопляться металлическому запасу въ рукахъ правительственнаго кредитнаго учрежденія,—запасу, который былъ бы необходимъ при окончательномъ переходѣ къ системѣ кредитныхъ орудій обращенія, и, наконецъ, въ-третьихъ, этимъ путемъ правительство дѣлало опытъ, который долженъ былъ имѣть значеніе при рѣшеніи вопроса объ обмѣнѣ размѣннаго фонда при выпускахъ кредитныхъ билетовъ. Съ точки зрѣнія указанныхъ расчетовъ выпускъ билетовъ депозитной кассы можно признать вполне удавшимся: публика очень охотно принимала эти билеты, и потому металлъ въ кассѣ быстро и значительно накоплялся: ко времени обмѣна депозитныхъ билетовъ на кредитные (т. е. къ 1843 г.) металла въ кассѣ накопилось до 49.136.138 руб. Между тѣмъ предъявленіе билетовъ къ обмѣну было незначительнымъ: самое большее предъявленіе ихъ относится къ 1842 г. и можетъ быть объяснено безпокойствомъ публики въ виду предстоящаго перехода къ другому виду денежныхъ знаковъ (т. е. государственныхъ кредитныхъ билетовъ); но и въ это время къ обмѣну было предъявлено только 2.229.476 руб., что составляло небольшую часть всего количества обращавшихся билетовъ депозитной кассы. Чтобы цифрами подтвердить сказанное, представляемъ таблицу.

¹⁾ Очевидно, что депозитные билеты есть ничто иное, какъ сохранные билеты, предложенные гр. Сперанскимъ.

Движеніе билетовъ депозитной кассы.

Г о д а.	Выдано билетовъ депозитной кассы вмѣсто металла.	Возвращено предъявителимъ билетовъ депоз. кассы.	Замѣнено кредитными билетами.	Остается въ обращеніи.
	ру б л е й с е р е б р о м ъ .			
1840.	25.623.037.	1.453.637.	—	24.169.400.
1841.	14.493.297.	1.713.153.	—	36.949.544.
1842.	9.141.831.	2.299.476.	—	43.791.899.
1843 по 1-е сент.	5.344.239.	—	—	49.136.138.
1843 съ 1-го сент.	Выпускъ билетовъ депоз. кассы прекращенъ.	—	17.642.881.	31.493.257.
1844.	—	—	13.679.903.	17.813.354.
1845.	—	—	9.220.634.	8.592.720.
1846.	—	—	4.213.049.	4.379.671.
1847.	—	—	2.436.184.	1.943.487.
1848.	Выпущено въ замѣнъ фальшивыхъ 10.073.	—	1.673.122.	280.438.
1849—1852.	—	—	По частямъ замѣнены кредитными билетами и остальные 280.438 ¹⁾ .	

Такимъ образомъ, билеты депозитной кассы были на сценѣ очень недолгое время: съ 1843 года ихъ постепенно замѣняютъ государственными кредитными билетами, о чемъ въ подробностяхъ рѣчь будетъ далѣе.

¹⁾ См. г. Ламанскій, Стат. обз., стр. 206; Бржескій, н. соч., табл. № 6, стр. 9, въ приложеніяхъ. Нужно имѣть въ виду, что самимъ правительствомъ обмѣнено депозитныхъ билетовъ на кредитные—47.490.800 руб. Объ этомъ ниже.

Правительство однако простерло свою осторожность до того, что сдѣлало еще одинъ опытъ, прежде чѣмъ приступило къ окончательному „единообразному“ устройству денежной системы. Обращеніе билетовъ депозитной кассы не давало достаточно рѣшительнаго отвѣта на вопросъ, какою частью наличнаго размѣннаго фонда можно удовлетвориться, чтобы считать безостановочный размѣнъ предполагаемыхъ билетовъ достаточно обеспеченнымъ. Мы говоримъ, что обращеніе билетовъ депозитной кассы не давало вполнѣ прочнаго рѣшенія въ указанномъ отношеніи и потому именно не давало, что сами эти билеты обеспечены были въ полной суммѣ своего выпуска; слѣдовательно, незначительное предъявленіе ихъ къ размѣну можно было отчасти приписать увѣренности публики, что вся сумма монеты, какъ категорически заявляло и само правительство, лежитъ въ кассѣ, и что поэтому о какомъ-либо препятствіи къ размѣну нечего и думать. Но предполагаемые къ выпуску кредитные билеты не имѣлось въ виду обеспечить по системѣ полного покрытія; слѣдовательно, нужно было сдѣлать опытъ въ небольшомъ размѣрѣ съ такими кредитными денежными знаками, обеспеченіе которыхъ также было бы не полнымъ. Съ указанной цѣлью въ 1841 г. приступлено было къ выпуску особаго вида денежныхъ „представителей“ подъ именемъ „кредитныхъ билетовъ“.

Законодательныя опредѣленія, относящіяся къ этимъ билетамъ, въ существенныхъ чертахъ могутъ быть изложены такъ ¹⁾: „для облегченія оборотовъ государственныхъ кредитныхъ установленій и для умноженія съ тѣмъ вмѣстѣ въ народномъ обращеніи массы легкоподвижныхъ денежныхъ знаковъ“ учреждается особый видъ такихъ знаковъ; именно: сохранныя казны воспитательныхъ домовъ и государственный заемный банкъ могутъ выдавать подъ залогъ недвижимыхъ имѣній ссуды „кредитными билетами“, въ 50 руб. каждый; такихъ билетовъ можетъ быть выпущено на сумму до 30 м. ²⁾; кредитные билеты обеспечиваются всѣмъ достояніемъ государственныхъ кредитныхъ установленій и сверхъ того безостановочнымъ во всякое время размѣномъ ихъ на звонкую мо-

¹⁾ Манифестъ отъ 1 іюля 1841 г., П. С. З., № 14.700.

²⁾ При этомъ 15 милл. могла выпустить Московская сохранная казна, 8 милл.—С.-Петербургская и 7 милл.—заемный банкъ.

нету; кредитнымъ билетамъ присвоится хожденіе по всей имперіи наравнѣ съ серебряной монетой; размѣнъ билетовъ на звонкую монету или ассигнаціи (по желанію предъявителя) производится безостановочно и безъ ограниченія суммы въ обѣихъ сохранныхъ казнахъ и въ заемномъ банкѣ; „для обезпеченія безостановочнаго размѣна Сохранныя Казны и Заемный Банкъ, при каждой выдачѣ билетовъ, въ какомъ бы то количествѣ ни было, откладываютъ звонкую монетою въ особу устанавливаемую на сей конецъ кассу сумму, соотвѣтственную не менѣе *шестой части* выпускаемыхъ билетовъ“; въ уѣздныхъ казначействахъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ въ однѣ руки ограниченъ суммой въ 100 руб.. Кредитныхъ билетовъ на основаніяхъ манифеста 1 іюля 1841 г. выпущено было только на 10 милл.; билеты обращались въ теченіе двухъ лѣтъ, и оказалось, что обезпеченія размѣннымъ фондомъ въ количествѣ $\frac{1}{6}$ части выпускаемыхъ билетовъ достаточно при существовавшихъ условіяхъ денежнаго обращенія и довѣрія къ правительству ¹⁾. Поэтому правительство съ достаточнымъ спокойствіемъ могло основанія *этихъ билетовъ* перенести и на тотъ единый видъ „представителя“ денегъ, которымъ оно имѣло намѣреніе въ концѣ концовъ замѣнить нѣсколько видовъ кредитныхъ денежныхъ знаковъ, доселѣ циркулировавшихъ въ Россіи. А до 1843 года циркулировали въ Россіи, какъ намъ легко припомнить, три вида бумажныхъ замѣстителей денегъ, а именно:

1) ассигнаціи на 595.776.310 рубл. или въ серебрѣ на—	
	170.222.802 р. 85 $\frac{1}{2}$ к.,
2) билеты депозитной кассы на	49.136.138 р.,
3) кредитные билеты (на основ. ман. 1 іюля 1841 г.)	10.000.000 р.

Всего на 229.358.940 р. 85 $\frac{1}{2}$ к.

Къ замѣну этихъ трехъ представителей денегъ при-
ступлено было въ 1843 году ²⁾. Въ манифестѣ отъ 1 іюня

¹⁾ Здѣсь имѣется въ виду относительная прочность обезпеченія размѣнныхъ бумажныхъ денегъ только въ части ихъ; какъ мы говорили въ теоретической части, при такомъ порядкѣ всегда есть нѣкоторый рискъ банкротства.

²⁾ При этомъ учреждено было новое кредитное установленіе: экспедиція государственныхъ кредитныхъ билетовъ; всѣ дѣла по замѣну преже-

1843 г. ¹⁾ мы читаемъ: „Мы нынѣ признаемъ, что настало уже время, удобное для замѣна ассигнацій и другихъ денежныхъ представителей однимъ знакомъ. Замѣнъ сей совершится постепенно безъ напряженія и безъ замѣшательства въ обращеніи. Для совершенія онаго предназначаются *кредитные билеты*, какъ знакомые уже народу, обезпеченные въ ихъ цѣнности и воспріявшіе свободный повсемѣстно ходъ наравнѣ съ серебряною монетою“. Манифестъ полагаетъ далѣе, сколько и на какихъ основаніяхъ выпускаются кредитные билеты, а именно: во-первыхъ, должно выпустить 170.222.800 руб. ²⁾ въ кредитныхъ билетахъ для замѣна ассигнацій; во-вторыхъ, 10 милл. кредитныхъ билетовъ 1841 года должны остаться въ обращеніи и только внѣшній видъ ихъ измѣняется; эти 10 милл. составятъ оборотный капиталъ сохранныхъ казенъ и заемнаго банка; остальные 20 милл., которые по манифесту 1841 г. названнымъ учрежденіямъ было предоставлено выпустить, пока не выпускаются въ обращеніе, но причисляются къ запасному капиталу сохранныхъ казенъ и заемнаго банка и потому могутъ при надобности также пойти въ оборотъ; въ-третьихъ, наконецъ, депозитные билеты должны постепенно извлекаться изъ обращенія и замѣняться также кредитными билетами ³⁾.

Всѣ выпускаемые такимъ образомъ кредитные билеты взамѣнъ доселѣ обращавшихся денежныхъ знаковъ должны быть обезпечены въ своемъ размѣнѣ наличнымъ металлическимъ фондомъ, который равняется $\frac{1}{6}$ части выпускаемыхъ

нихъ денежныхъ знаковъ новыми, равно всѣ дѣла, касающіяся дальнѣйшей судьбы новыхъ знаковъ, сосредоточивались въ этомъ учрежденіи; см. уставъ экспедиціи, П. С. З., № 16.904.

¹⁾ П. С. З., № 16.903.

²⁾ Точнѣе слѣдовало бы 170.222.802 р. 85 $\frac{5}{8}$ коп., но 2 р. 85 $\frac{5}{8}$ коп. для круглосты цифръ отброшены.

³⁾ Депозитные билеты извлекались изъ обращенія двумя путями: или они, поступивши въ прав. мѣста въ платежахъ, сдавались въ экспедицію съ тѣмъ, чтобы послѣдняя, размѣнявши депозитные билеты въ депозитной кассѣ на монету, оставила послѣднюю себѣ, а правит. мѣстамъ выдавала кредитные билеты, или депозитные билеты предъявлялись въ кассу къ размѣну частными лицами.

билетовъ ¹⁾. Такой размѣнный фондъ легко могъ составиться: во-первыхъ, билеты 1841 г. въ количествѣ 10 милл. имѣли уже нужное обезпеченіе въ силу правилъ ихъ обращенія; во-вторыхъ, кредитные билеты, выпускавшіеся взамѣнъ депозитныхъ билетомъ, получали, какъ и послѣдніе, полное обезпеченіе, если, впрочемъ, депозитные билеты были въ распоряженіи самого правительства; но билеты, выпускавшіеся для замѣна билетомъ депозитныхъ, на ряду съ другими должны были имѣть обезпеченіе только въ $\frac{1}{6}$ своей части; слѣдовательно, отъ обмѣна депозитныхъ билетомъ на кредитные оставалась значительная часть звонкой монеты, могущая идти на обезпеченіе другихъ кредитныхъ билетомъ и именно тѣхъ, которые выпускались взамѣнъ ассигнацій. Какъ мы знаемъ, взамѣнъ депозитныхъ билетомъ нужно было выпустить кредитныхъ на 49.136.138 руб.; слѣдовательно, изъ депозитной кассы экспедиція государственныхъ кредитныхъ билетомъ могла бы получить металла на такую же сумму. Для кредитныхъ же билетомъ, выпущенныхъ въ количествѣ 49.136.138 руб. нужно было обезпеченіе только въ 8.169.356 руб. въ металлъ; слѣдовательно, остальные 40.966.782 руб. металломъ могли пойти въ обезпеченіе билетомъ, выпускаемыхъ взамѣнъ ассигнацій, для полнаго обезпеченія которыхъ нужно было всего только 28.500.000 руб. металломъ; поэтому, не прибавляя отъ себя ничего, правительство могло бы составить размѣнный фондъ въ должномъ количествѣ только изъ капиталомъ депозитной кассы. Но правительство и здѣсь поступило съ большою осторожностью; при началѣ операціи оно не могло знать, сколько именно въ его рукахъ скопится депозитныхъ билетомъ и сколько поэтому металла изъ депозитной кассы перейдетъ въ экспедицію для составленія размѣннаго фонда ²⁾; поэтому осторожность заставила объявить въ манифестѣ, что въ размѣнный фондъ для той части билетомъ, которыми замѣняются ассигнаціи, отчисляется 14 $\frac{1}{2}$ милл. руб. серебромъ изъ запасныхъ государственныхъ капиталомъ; слѣдовательно, получить изъ депозитной кассы предполагалось только 14 милл. руб. сер., т. е. какъ разъ то количество, на которое прави-

¹⁾ Это правило перенесено съ билетомъ 1841 года.

²⁾ Вѣдь, могло случиться, что большинство владѣльцевъ депозитныхъ билетомъ лично пожелали бы размѣнять билеты въ кассѣ.

тельство имѣло уже въ своемъ распоряженіи депозитные билеты ¹⁾). Сверхъ всего этого манифестъ на всякій случай заявляетъ еще, что на государственномъ казначействѣ лежитъ непремѣнная обязанность пополнить фондъ до опредѣленной пропорціи, если бъ почему-либо вышеизложенные расчеты не осуществились. Помимо спеціальнаго обезпеченія наличнымъ фондомъ государственные кредитные билеты обезпечиваются еще „всѣмъ достояніемъ государства“; но такое обезпеченіе, не имѣвшее въ періодъ обращенія ассигнацій никакого значенія, не могло имѣть его и въ періодъ кредитныхъ билетовъ; теорія вообще отказывается видѣть въ подобномъ обезпеченіи цѣлесообразность ²⁾).

Обращаемся къ дальнѣйшему изложенію нашего манифеста: выпускъ кредитныхъ билетовъ могъ производиться не только взаимно циркулировавшихъ до 1843 г. денежныхъ знаковъ, но и вновь, однако съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что эти новые выпуски допускались только за приносимый на храненіе въ экспедицію металлъ (въ монетахъ и слиткахъ) и только въ суммѣ, равной принесенному металлу ³⁾); вклады не должны были идти ни на какой иной расходъ, кромѣ обратнаго промѣна; цѣлью операцій манифестъ объявляетъ умноженіе въ обращеніи „легоподвижныхъ знаковъ“. Этой своей операціей экспедиція государственныхъ кредитныхъ билетовъ замѣнила депозитную кассу; впрочемъ, для насъ любопытно то, что всѣ вновь выпускаемые кредитные билеты получали полное обезпеченіе; поэтому, если впоследствии мы увидимъ, что размѣнный фондъ будетъ составлять болѣе, чѣмъ $\frac{1}{6}$ части обращающихся билетовъ, то такое обстоятельство мы должны будемъ приписать главнымъ образомъ ⁴⁾ отмѣченному сейчасъ опредѣленію манифеста 1 іюня 1843 года.

Что касается условій размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, то они состояли въ слѣдующемъ. Размѣнъ на

¹⁾ Объ этомъ заявлено въ самомъ манифестѣ отъ 1 іюня 1843 г.

²⁾ Какое значеніе этому виду обезпеченія придавалъ Канкринъ, мы уже знаемъ.

³⁾ Такимъ образомъ, это требованіе денежной школы было осуществлено у насъ Канкринимъ ранѣе, чѣмъ въ Англій; въ послѣдней, какъ извѣстно, оно получило силу закона въ 1844 г. (Банковый актъ Роб. Пилля).

⁴⁾ Увеличеніе размѣннаго фонда болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{6}$ часть, получалось еще только отъ замѣна кредитными билетами билетовъ депозитныхъ.

серебряную и золотую монету производится въ кассѣ экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ безостановочно и безъ ограниченія суммы; въ московскомъ отдѣленіи экспедиціи сумма размѣняваемыхъ билетовъ въ однѣ руки ограничена 3000 руб., а въ уѣздныхъ казначействахъ— 100 рублями. Чтобы покончить съ изложеніемъ содержанія манифеста 1 іюня 1843 г., намъ остается еще прибавить, что выпускаемые кредитные билеты были довольно разнообразныхъ достоинствъ, начиная съ билетовъ въ 100 руб. и кончая рублевыми¹⁾; слѣдовательно, имъ дана была возможность принимать участіе какъ въ крупныхъ, такъ и мелкихъ сдѣлкахъ. На основаніи опыта западно-европейскихъ государствъ слѣдуетъ признать, что допущеніе столь мелкихъ билетовъ было ошибкой: проныновеніе билетовъ въ самые мелкіе обороты ведетъ къ чрезмѣрно сильному вытѣсненію монеты изъ обращенія; металлическая основа денежной системы становится очень слабой, что даетъ чувствовать себя съ особенной силой во время денежныхъ и кредитныхъ кризисовъ²⁾. Вотъ основанія знаменитаго манифеста 1 іюня 1843 г., положившаго начало единообразной денежной системѣ. Замѣнъ различныхъ прежнихъ денежныхъ знаковъ на основаніяхъ названнаго манифеста почти окончился къ 1848 году.

Теперь намъ слѣдуетъ остановиться на вопросѣ, чѣмъ по своей экономической сущности были вновь созданные кредитные билеты: можно ли ихъ отнести къ дѣйствительнымъ бумажнымъ деньгамъ или слѣдуетъ причислить къ денежнымъ суррогатамъ. Если окажется, что по своимъ существеннымъ признакамъ они относятся къ денежнымъ суррогатамъ, то нужно еще рѣшить, къ какому именно виду послѣднихъ ихъ слѣдуетъ причислить.

Припомнимъ главныя характерныя черты, которыя присаля кредитнымъ билетамъ манифестъ 1 іюня: во 1-хъ, кредитные билеты должны имѣть хожденіе „наравнѣ съ серебромъ“; это значить, что законъ не признаеть лажа на серебро, что во всѣхъ платежахъ кредитный рубль долженъ

¹⁾ Именно билеты должны быть въ 100 р., 50, 25, 10, 5, 3 и 1 рубль.

²⁾ Какъ намъ уже извѣстно, гр. Канкринъ вполне понималъ неудобство слишкомъ мелкихъ размѣрныхъ кредитныхъ знаковъ; но ему не удалось отстоять эту мысль въ Государственномъ Совѣтѣ.

приниматься по цѣнѣ, равной рублю серебряному, и что сверхъ того отъ пріема въ платежъ кредитнаго рубля такъ же нельзя отказаться, какъ нельзя отказаться отъ пріема рубля серебрянаго; другими словами, все это значитъ то, что манифестъ устанавливаетъ принудительную обращаемость кредитнаго рубля по цѣнѣ нарицательной; во 2-хъ, манифестъ обеспечиваетъ безостановочную размѣнность кредитнымъ билетамъ, и въ этомъ вся сущность разсматриваемой реформы; въ этомъ и заключается тотъ блестящій результатъ, который обыкновенно приписываютъ денежной политикѣ гр. Канкринна. Постоянная размѣнность, пока существовала, конечно, лишала кредитные билеты самостоятельной цѣнности; они при ней представляли только цѣнность монеты; слѣдовательно, не кредитные билеты являлись мѣриломъ цѣнности, а звонкая монета, ими представляемая. Присутствіе этого свойства размѣнности никоимъ образомъ не даетъ возможности сказать, что кредитные билеты въ первый періодъ своего существованія были дѣйствительными бумажными деньгами, потому что они не выполняли всѣхъ функцій денегъ; они именно не выполняли функцій денегъ, состоящей въ измѣреніи всѣхъ остальныхъ цѣнностей. Существованіе принудительнаго курса не должно насъ смущать, потому что принудительный курсъ при размѣнности имѣетъ мало значенія: всякій, обязанный принять въ платежъ кредитные билеты, какъ законное средство погашенія обязательствъ, можетъ тотчасъ обмѣнять ихъ на монету, если по какимъ-либо соображеніямъ ему интереснѣе имѣть именно монету. Какъ билеты англійскаго банка за присущее имъ *legal tender* нельзя причислять къ дѣйствительнымъ деньгамъ, такъ и кредитные билеты вслѣдствіе приданнаго имъ манифестомъ 1 іюня того же качества нельзя причислить къ дѣйствительнымъ деньгамъ¹⁾. Правда, при-

¹⁾ Г. Гольдманъ думаетъ, что въ силу принудительности курса кредитные билеты получили самостоятельную цѣнность и стали самостоятельнымъ мѣриломъ цѣнности; поэтому, полагаетъ онъ, ихъ нужно причислить къ дѣйствительнымъ бумажнымъ деньгамъ, но только неожиданно, добавляетъ онъ, на практикѣ при размѣнности не обнаруживалось ихъ свойство дѣйствительныхъ денегъ. См. о. с., S. 69. Все это малопонятно и не вѣрно. А. Вагнеръ, (Рус. бум. деньги, 169 стр.) и г. Антоновичъ, (ор. с., стр. 121) относятъ кредитные билеты къ дѣйствительнымъ деньгамъ только съ 1855 г.,

даніе принудительнаго курса размѣннымъ кредитнымъ билетамъ было мѣрой излишней: они и безъ него не потеряли бы въ своей металлической цѣнѣ; но наше правительство, напуганное печальнымъ прошлымъ изъ времени обращенія ассигнацій, простерло свою заботливость о постоянствѣ и неизмѣнности денежной единицы даже до установленія такой довольно стѣснительной мѣры, какъ принудительная обращаемость.

Но къ какому же виду денежныхъ суррогатовъ отнести кредитные билеты, если они не дѣйствительныя деньги? Нельзя ли отнести ихъ къ банковымъ билетамъ? Банковыми въ собственномъ и строгомъ смыслѣ кредитные билеты назвать нельзя: во-первыхъ, потому, что они выпускались не тѣмъ путемъ, какимъ выпускаются обыкновенно банковые билеты: они не выпускались путемъ ссудъ производителямъ по мѣрѣ надобности самаго оборота въ денежныхъ знакахъ. Далѣе, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, самая значительная часть кредитныхъ билетовъ замѣнила ассигнаціи, выпускавшіяся для цѣлей финансовыхъ; слѣдовательно, цѣль выпуска этой части кредитныхъ билетовъ была совсѣмъ не похожей на ту цѣль, для которой выпускаются банковые билеты; послѣдніе обыкновенно выпускаются для цѣлей производства, а не для цѣлей потребленія; здѣсь заключается второе существенное различіе между кредитными билетами и банковыми,—различіе, лежащее въ неодинаковости цѣлей выпуска тѣхъ и другихъ. Что же касается той части кредитныхъ билетовъ, которая по манифесту 1 іюня 1843 г. должна была выпускаться за принятые на храненіе вклады металломъ, то она носила характеръ билетовъ депозитныхъ, какъ принято выражаться въ старомъ, смыслѣ; выпускаемые такимъ образомъ билеты имѣли цѣлью сгладить только нѣкоторыя чисто внѣшнія неудобства употребленія звонкой монеты (тяжесть, неудобство, дороговизну пересылки и т. д.), но вмѣстѣ съ тѣмъ всетаки не могли удовлетворять потребности оборота въ большемъ количествѣ орудій обращенія,

когда прекращенъ былъ размѣнъ. Г. Судейкинъ причисляетъ кредитные билеты къ бумажнымъ деньгамъ только на томъ основаніи, что они получили принудительный характеръ; Денежно-кредитная реформа etc, Юр. В., 1891 г. апр., стр. 495.

какъ это способны дѣлать банковые билеты въ современномъ ихъ значеніи. Наконецъ, когда обращаютъ вниманіе на субъекта, выпускавшаго кредитные билеты и выпускающаго обыкновенно банковые билеты, то и здѣсь находятъ различіе между ними: кредитные билеты у насъ выпускало и выпускаетъ само правительство; контроль опять-таки, естественно, въ рукахъ того же правительства, и наконецъ, что самое главное, оно же и потребитель билетовъ. Такое совпаденіе въ одномъ лицѣ трехъ функций, которыя при банковской системѣ разъединяются¹⁾, большинствомъ экономистовъ считается опаснымъ: для правительства представляется большой соблазнъ пользоваться выпускомъ кредитныхъ билетовъ, какъ финансовымъ средствомъ, — соблазнъ, при системѣ государственныхъ банковъ легче осуществимый, чѣмъ при системѣ частныхъ эмиссионныхъ банковъ. Но, по нашему мнѣнію, различіе между кредитными билетами и банковыми со стороны лицъ (юридическихъ), ихъ выпускающихъ, не существенно: здѣсь разница въ лицахъ не отражается на экономическомъ значеніи самихъ билетовъ; здѣсь рѣчь идетъ только о *степени легкости злоупотребленій* выпусками билетовъ, т. е. объ обстоятельствахъ, постороннемъ для существа билетовъ; банковые билеты, выпущенные и государственнымъ банкомъ на рациональныхъ основаніяхъ, будутъ вполне играть ту же экономическую роль, какую исполняютъ и билеты частныхъ банковъ. Кромѣ того, нельзя сказать, что злоупотребленія выпусками банковыхъ билетовъ не возможны для правительства, если банкъ — частный. „Новый опытъ Сѣверной Америки“ (во время междоусобной войны), говоритъ *А. Вагнеръ*: „доказалъ совершенную несостоятельность прежняго, почти всѣми признаваемаго главнаго довода противъ государственныхъ банковъ, именно, что при затруднительномъ положеніи государства, послѣдніе сами по себѣ или очень легко ведутъ къ неразмѣнной бумажной денежной единицѣ“²⁾. Дѣйствительно, Сѣверо-американскіе Штаты, несмотря на систему частныхъ банковъ и децентрализацію ихъ, не избѣгли бумаж-

¹⁾ Выпускаетъ билеты банкъ, контролируетъ правительство, потребляютъ частныя лица, банку совершенно постороннія.

²⁾ *А. Вагнеръ*, Рус. бум. деньги, 328.

ныхъ денегъ. Можно бы указать также и на Францію въ періодъ послѣдней прусской войны ¹⁾.

Итакъ, кредитные билеты, введенные въ обращеніе манифестомъ 1 іюня 1843 г., не могутъ быть названы банковыми билетами вслѣдствіе несходства съ послѣдними въ способѣ и цѣли выпуска; слѣдовательно, ихъ нужно отнести къ денежнымъ суррогатамъ особаго вида; они въ ряду многообразныхъ денежныхъ замѣстителей могутъ претендовать на особое самостоятельное мѣсто; по терминологіи, предложенной *А. Вагнеромъ*, ихъ можно назвать разнѣнными бумажными деньгами; намъ казалось бы, что по отношенію къ этому виду денежныхъ суррогатовъ названіе „разнѣнные государственные банковые билеты съ принудительнымъ курсомъ“ болѣе удобно.

Вышеизложенное различіе между банковыми и кредитными билетами содержитъ въ себѣ и основаніе для критической оцѣнки нашей денежной реформы 1839—1843 годовъ. Мы имѣли уже случай указывать на преимущества такъ называемаго смѣшаннаго обращенія, т. е. такого обращенія, въ которомъ денежная система является не чисто металлической, но прибѣгаетъ къ помощи кредитныхъ орудій обращенія и между послѣдними главнымъ образомъ къ банковымъ билетамъ. Поэтому, поскольку кредитные билеты отклонились въ своихъ основаніяхъ отъ банковыхъ билетовъ, постольку именно они отклонились въ неблагопріятную сторону отъ системы наиболѣе рациональнаго денежнаго обращенія. Чтобы не повторять того, что уже сказано въ части теоретической (гл. II), мы ограничимся только указаніемъ на тѣ неблагопріятныя слѣдствія, которыя должны были обнаружиться послѣ денежной реформы 1843 г.: это, во первыхъ, то, что денежная система не могла обладать однимъ изъ важнѣйшихъ ея свойствъ—эластичностью (или по крайней мѣрѣ, обладала имъ не въ должной степени); не могла обладать способностью расширяться

¹⁾ Мы вообще стоимъ за извѣстную степень «*Verstaatlichung*» въ организаціи кредита; поэтому то обстоятельство, что гр. Канкринъ въ силу извѣстнаго своего недовѣрія къ частнымъ банкамъ оставилъ эмиссію кредитныхъ билетовъ за государственными банковыми учрежденіями, не является для насъ извращеніемъ банковской системы, какъ оно является для нѣкоторыхъ другихъ экономистовъ, напр., для г. *Судейкина*, см. «Государственный Банкъ», стр. 113 и особенно 208.

и сокращаться сообразно съ потребностями оборота. Во-вторыхъ, она не могла быть устроена съ возможной дешевизной для страны: кредитные билеты по способу своихъ дальнѣйшихъ выпусковъ (съ характеромъ депозитныхъ билетовъ въ старомъ смыслѣ) не могли съ возможною полнотою замѣнить монету въ обращеніи, потому что всякая дальнѣйшая потребность развивающагося оборота въ денежныхъ знакахъ могла быть удовлетворена только звонкой монетой, именно: или путемъ количественнаго увеличенія звонкой монеты въ обращеніи, или путемъ усиленія скорости обращенія того же количества. Но такъ какъ въ разсматриваемый нами періодъ предѣлъ обращаемости денегъ былъ суженъ отсутствіемъ быстрыхъ путей сообщенія, удовлетворительной системы банковъ и т. д., то потребность въ новыхъ орудіяхъ обращенія должна была удовлетворяться приливомъ монеты на внутренніе рынки. Приливъ же монеты возможенъ или изъ-за границы чрезъ займы и благопріятный торговый балансъ, или приливъ монеты обуславливается разработкой рудниковъ внутри страны; хотя монета шла обоими путями, но все-таки въ недостаточномъ количествѣ ¹⁾. Поэтому оборотъ долженъ былъ обратиться къ широкому содѣйствію серій и вкладныхъ банковыхъ билетовъ ²⁾. Послѣдній результатъ былъ неожиданнымъ для творца реформы 1839—1843 гг.; гр. Канкринъ полагалъ, что потребность въ орудіяхъ обращенія и должна, и могла быть удовлетворена звонкой монетой; онъ былъ вообще противникомъ кредитныхъ орудій обращенія, утверждая, что въ нихъ явится надобность очень не скоро и только тогда, когда благородныхъ

¹⁾ Данныя, сюда относящіяся, можно найти у г. Сладковича, Бумажныя деньги въ Россіи съ 1853 по 1863 г. (Оттискъ изъ Кіев. унив. извѣстій за 1871 г.), стр. 13—15.

²⁾ Г. Антоновичъ, соглашаясь съ Красильниковымъ (Объясненіе причинъ успѣха Америки и неуспѣха Россіи въ восстановленіи металлическаго обращенія, стр. 78), говоритъ, что къ 1 янв. 1853 г., помимо звонкой монеты, орудіями мѣноваго обращенія были:

госуд. кредитные билеты на	333.443.000 руб.
билеты госуд. казначейства	57.000.000 руб.
вкладные банковые	848.420.459 руб.

(Антоновичъ, ор. с., 115). Однако отнести *все* вкладные билеты къ орудіямъ обращенія — рискованно.

металловъ не будетъ въ столь достаточномъ количествѣ, чтобы они одни могли доставлять нужное для обращенія той или другой страны количество денегъ. Взглядъ, конечно, невѣрный, но отчасти объясняющій, почему кредитные билеты въ 1843 г. не получили всѣхъ свойствъ билетовъ банковыхъ.

Мы остановимся еще на томъ значеніи, которое имѣла реформа 1839—1843 гг. съ своей чисто финансовой стороны. Ассигнаціи представляли собою, по признанію самого правительства, государственный долгъ, простиравшійся въ 1817 г. до почтенной суммы въ 836 милл. руб.; на правительствѣ, разумѣется, лежала обязанность уплатить этотъ „долгъ“; уплата могла бы состоять или въ изытаніи ассигнацій, или въ превращеніи ихъ въ банковые билеты. Такъ какъ въ 1843 г. (и далѣе) ассигнаціи сошли со сцены, уступивъ мѣсто кредитнымъ билетамъ, то естественно возникаетъ вопросъ, произошла ли со стороны государства уплата долга? Если произошла, то въ какомъ объемѣ? Уничтоженіе ассигнацій въ министерство гр. Гурьева нужно признать уплатой части государственнаго текучаго долга, но уплатой, произведенной по принципу девальвации: если при гр. Гурьевѣ изыято всего изъ обращенія 236.077.650 руб. ассигнацій, то дѣйствительная, полноцѣнная уплата, къ какой государство юридически обязано было и которой фактически выполнить оно было не въ силахъ, — дѣйствительная уплата въ деньгахъ полноцѣнныхъ составляла далеко меньшую сумму; но тогда всетаки произведена была уплата. Между тѣмъ въ 1843 году произведена была девальвация, но уплаты какой бы то ни было части долга не произошло. Такое положеніе, впрочемъ, на первый взглядъ можетъ показаться парадоксальнымъ и потому требуетъ объясненій. Дѣло вотъ въ чемъ: въ 1843 году (и слѣдующіе) вмѣсто 595.776.310 руб. ассигнацій правительство пустило въ обращеніе 170.222.800. руб. размѣнныхъ кредитныхъ билетовъ. Этимъ оно какъ бы говорило своимъ кредиторамъ: „Я вамъ должно 595.776.310 руб. настоящихъ денегъ, но не бумажекъ; но я ихъ полностью заплатить не могу, и вы это знаете; и потому, что я не могу заплатить по своимъ обязательствамъ (ассигнаціямъ) полностью, и потому, что вы это очень хорошо знаете, вы и не придаете моимъ обязательствамъ полной цѣны; вы ихъ цѣните въ 3¼, раза дешевле, чѣмъ они должны бы на самомъ дѣлѣ стоить; теперь примиримся съ этимъ совер-

шившимся фактомъ; замѣните всѣ мои прежнія обязательства новыми, цѣна которыхъ будетъ равна фактически установленнейшей цѣнѣ моихъ прежнихъ обязательствъ (595.776.310 руб. ассиг. = 170.222.800 руб. кред. бил.). Но по этимъ новымъ обязательствамъ я всетаки сейчасъ не плачу, а буду каждому изъ васъ въ отдѣльности платить, если вы будете обращаться въ мои кассы; однако я надѣюсь, что вы будете столь умны, что возможно рѣже будете являться въ кассы за платежами, потому что я всѣмъ вамъ сразу заплатить никоимъ образомъ не могу (у меня въ кассахъ имѣется только 28.500.000 руб. вмѣсто моего долга 170.222.280 руб.)". Итакъ, правительство не платило долга, а только переписало свои старыя обязательства, но результатомъ такой переписки было то, что со счетовъ было списано 425.553.510 руб. (595.776.310 — 170.222.800), а 170.222.800 руб. по прежнему остались долгомъ правительства.

Здѣсь важно имѣть въ виду еще одно различіе, которое обнаруживалось между кредитными и банковыми билетами. Банковые билеты, разумѣется, также долгъ банка, ихъ выпустившаго, но этимъ билетамъ, помимо металлической наличности, соответствуетъ въ активѣ определенное количество обязательствъ самому банку (вексельный портфель, ломбардъ цѣнныхъ бумагъ); слѣдовательно, если мы возьмемъ съ одной стороны активъ, состоящій въ размѣнномъ фондѣ и въ обязательствахъ банку, съ другой пассивъ въ видѣ билетовъ банка, то окажется, что активъ, по крайней мѣрѣ, равенъ пассиву; между тѣмъ по отношенію къ кредитной системѣ, какъ она установилась у насъ въ 1843 г., дѣло обстояло иначе: 170.222.800 рублямъ въ кредитныхъ билетахъ соответствовалъ размѣнный фондъ только въ 28.500.000 руб. металломъ; остальные 141.722.800 (170.222.800 — 28.500.000) представляли уже чистый долгъ правительства, которому въ активѣ не было соответствующихъ цѣнностей; эта часть кредитныхъ билетовъ представляла долгъ правительства странѣ за блага, правительствомъ давно уже *потребленные*. Указанное сейчасъ новое различіе въ способѣ покрытія кредитныхъ и банковыхъ билетовъ было естественнымъ слѣдствіемъ цѣли выпусковъ ассигнацій которыя кредитные билеты замѣнили.

Изъ всего того, что сказано нами о реформѣ 1839—1843 гг., видно, что гр. Канкринъ закончилъ девальвацію ас-

сигнацій, начавшуюся еще въ 1812 г. отказомъ отъ податного обезпеченія ихъ и легализаціей лажа. На мѣсто ассигнацій появился новый бумажный знакъ, который тѣмъ существенно отличался отъ ассигнацій, что не былъ деньгами и потому не мѣшалъ господству единой и прочной металлической денежной единицы. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ утверждать, что разсматриваемая реформа ввела у насъ окончательно раціональное смѣшанное обращеніе. Для этого не доставало еще одного усилія, правда, по сравненію съ прежними не самаго труднаго; именно, чтобы окончательно установить смѣшанное обращеніе, нужно было правительству оплатить тѣ билеты, которые числились на немъ долгомъ. Когда это было бы сдѣлано, тогда кредитные билеты стали бы удовлетворять не финансовымъ, а только народно-хозяйственнымъ цѣлямъ, причемъ правила ихъ обращенія, быть можетъ, пришлось бы нѣсколько измѣнить (напр., пришлось бы ввести такія правила, которыя обезпечивали бы до извѣстной степени эластичность обращенія билетовъ). Такимъ образомъ, въ окончательномъ результатѣ относительно реформы гр. Канкринна мы можемъ сказать, что она, несмотря на всю свою важность для тогдашняго денежнаго обращенія Россіи, не была вполнѣ закончена.

Возвратимся теперь къ дальнѣйшей исторіи кредитныхъ билетовъ. Замѣнъ всѣхъ прежнихъ денежныхъ представителей кредитными билетами совершился не вдругъ, а постепенно. Чтобы показать ростъ кредитныхъ билетовъ и размѣннаго фонда въ первый періодъ обращенія ихъ, мы предлагаемъ таблицу, а затѣмъ дадимъ нѣкоторыя объясненія къ ней.

ГОДА.	Выпущено кред. бил. въ обращеніе.						Поступ. обратн. въ обм. на мон.	Оставалось въ обращеніи.	Размѣнный фондъ.		
	За ассигнаціи.	За депозитные билеты.	За вклады въ металлъ.	За мелк. мѣд. мон. при обмѣнѣ ассигн.	За кред. бил. 1841 года.	ВСЕГО.			Въ звонкой монетѣ и слиткахъ.	Въ облигаціяхъ.	ВСЕГО.
1843	9,5	16,7	4,1	—	0,08	30,5	6,2	30,3	35,9	—	35,9
1844	67,5	13,2	11,9	0,016	0,497	93,2	1,7	121,8	59,4	—	59,4
1845	37,9	9,1	21,3	0,021	3,05	71,5	3,9	189,4	86,8	—	86,8

ГОДА.	Выпущено кред. бил. въ обращеніе.						Поступ. обратн. въ обм. на мон.	Осталось въ обращеніи.	Размѣнный фондъ.		
	За ассигнаци.	За депозитные билеты.	За вклады въ металлъ.	За мелк. мѣд. мон. при обмѣнѣ ассигн.	За кред. бил. 1841 года.	ВСЕГО.			Въ звонкой монетѣ и слиткахъ.	Въ облигацияхъ.	ВСЕГО.
1846	20,2	4,1	19,7	0,015	2,06	46,2	9,4	226,1	101,2	—	101,2
1847	16	2,4	50,9	0,011	1,4	70,8	7,4	289,5	117,8	29,2	147,1
1848	14,5	1,6	16,9	—	0,914	34	17	306,6	117	29,7	146,8
1849	2,7	0,023	13,7	—	1,2	17,7	23,8	300,3	107,3	29,6	136,9
1850	1,015	0,015	11,7	—	1,6	14,4	11,5	301,5	108,2	28,9	137,2
1851	0,002	0,008	16,4	—	0,025	16,5	14,2	303,7	111,3	28,1	139,4
1852	0,215	0,008	15,3	—	0,017	15,5	7,9	311,3	123,7	23	146,7
1853	—	—	29,5	—	—	38,5	26,2	333,4	—	—	161
1854	—	—	28,5	—	—	58,9	36,8	356,3	—	—	152
1855	—	—	15,1	—	—	215,1	64,9	509,1	—	—	138 ¹⁾

Мы обратимъ свое вниманіе прежде всего на двѣ рубрики приведенной таблицы: во 1-хъ, на ту, въ которой показано количество кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ взаменъ монеты, и во 2-хъ, на ту, которая говоритъ о предъявленныхъ билетахъ для размѣна на монету. Изъ сопоставленія данныхъ той и другой рубрики мы можемъ съ полной увѣренностью дать отвѣтъ на вопросъ: превышало ли данное количество кредитныхъ билетовъ потребность въ нихъ или нѣтъ. Дѣйствительно, изъ этихъ рубрикъ мы видимъ, что, за исключеніемъ только двухъ лѣтъ 1848 и 1849 г., количество предъявленныхъ къ размѣну билетовъ было всегда *меньше* количества выпущенныхъ за періодъ съ 1843 по 1853 г., когда обращеніе билетовъ

¹⁾ До 200 милл. выпущено уже безъ всякаго обезпеченія. Всѣ цифры въ милліонахъ. Ср. таблицы у г. Ламанскаго, Стат. обз., стр. 207; у г. Антоновича, стр. 119, у г. Бржескаго, стр. 101—102 и въ прилож. 10—11 стр. (табл. № VII).

было нормальным¹⁾. Отсюда мы имѣемъ полное право заключить, что количество билетовъ въ 330 милліоновъ (въ 1853 г.) не превышало потребности въ нихъ со стороны денежнаго обращенія. Положеніе дѣла въ 1848 и 1849 годахъ не должно насъ смущать: во-первыхъ, если бы болѣе пріливъ билетовъ къ размѣну въ эти годы вызывался излишнимъ ихъ выпускомъ, то и въ непосредственно слѣдующіе за этими годы долженъ былъ бы повториться такой же пріливъ билетовъ къ размѣну; но мы видѣли изъ той же таблицы, что такого явленія на дѣлѣ не было; слѣдовательно, причину сильнаго притока билетовъ въ кассу для размѣна въ 1848 и 1849 г.г. нужно искать не въ излишнемъ ихъ выпускѣ, а въ чемъ-то другомъ. Дѣйствительно, если мы справимся съ исторіей, то окажется, что эти годы отличались политическими событіями, которыя имѣютъ обыкновеніе нарушать спокойный ходъ явленій денежнаго обращенія, какъ и многихъ другихъ областей политической и экономической жизни; во-вторыхъ, излишнихъ билетовъ даже и не могло оказаться въ обращеніи, если выпускъ ихъ совершался по способу, установленному манифестомъ 1 іюня 1843 г.²⁾;—не могло потому, что каждый новый выпускъ *увеличивалъ* количество денежныхъ знаковъ, а только *замѣнялъ* соотвѣтственное количество ихъ въ металлѣ, принесенномъ на храненіе въ экспедицію государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Итакъ, мы можемъ сказать, что 330 милліоновъ кредитныхъ билетовъ не превышало потребности денежнаго обращенія, но не больше этого; мы не можемъ утверждать, что это же количество вмѣстѣ и вполнѣ удовлетворяло потребность оборота въ кредитныхъ денежныхъ знакахъ. Правда, когда въ 1854 и 1855 г.г. правительство начало дѣлать значительные выпуски кредитныхъ билетовъ для своихъ надобностей и когда вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, нарушило правила 1843 г., то пріливъ билетовъ къ размѣну тотчасъ и значительно усилился; но отсюда всетаки нельзя сдѣлать заключенія, что къ размѣну обратились билеты излишніе, какъ

¹⁾ Терминомъ «нормальное обращеніе» мы хотимъ сказать только то, что обращеніе кредитныхъ билетовъ за указанный періодъ было согласнымъ съ основаніями манифеста 1 іюня 1843 г.

²⁾ Изъ таблицы достаточно видно, что до 1854 г. выпускъ билетовъ не отклонялся отъ основаній манифеста 1 іюня 1843 г.

нельзя было его сдѣлать при подобномъ же явленіи 1848—1849 годовъ. Такое заключеніе можно бы сдѣлать только при томъ условіи, если бъ элементъ довѣрія не былъ поколебленъ предстоящимъ военнымъ столкновеніемъ Россіи съ европейскими державами изъ-за „наслѣдства больного челоуѣка“, если бъ обращеніе кредитныхъ билетовъ по прежнему совершалось при обстоятельствахъ „невозмущающихъ“.

Представленная таблица даетъ поводъ поговорить еще о движеніи размѣннаго фонда. Выше мы уже замѣтили, что отношеніе между размѣннымъ фондомъ и выпущенными кредитными билетами должно быть болѣе высокимъ, чѣмъ то, которое требовалось манифестомъ 1 іюня 1843 г. Таблица вполнѣ это подтверждаетъ; изъ нея мы видимъ, что размѣнный фондъ всегда составлялъ болѣе, чѣмъ $\frac{1}{3}$ часть циркулировавшихъ кредитныхъ билетовъ, т. е. всегда (въ первый періодъ, конечно, обращенія кредитныхъ билетовъ) былъ въ два раза болѣе его минимальнаго объема, установленнаго закономъ; причина такого обстоятельства состояла, какъ и раньше указано, въ способѣ выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ. Но изъ той же таблицы вполнѣ ясно, что надобность въ наличности его за рассматриваемый періодъ была небольшой. Естественно поэтому было придти къ мысли хотя бы только часть размѣннаго фонда вывести изъ празднаго лежанія и сдѣлать ее производительной; дѣйствительно, въ 1847 г. Высочайше разрѣшено было отдѣлить часть фонда въ суммѣ до 30 милліоновъ и обратить эту сумму въ иностранныя и русскія облигаціи. Эта операція, какъ видно, не произвела **никакого невыгоднаго вліянія на обращеніе кредитныхъ билетовъ**, такъ какъ сумма размѣннаго фонда въ наличной монетѣ составляла все еще болѣе, чѣмъ $\frac{1}{3}$ часть обращающихся билетовъ, и вполнѣ удовлетворительно исполняла свое назначеніе.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о цѣнѣ и цѣнности кредитныхъ билетовъ, чтобы покончить съ исторіей ихъ обращенія въ первый періодъ. Въ этомъ отношеніи дѣло представляется очень простымъ. Такъ какъ мы знаемъ, что при свободной размѣнности билетовъ не могло быть излишнихъ выпусковъ и что поэтому количество ихъ не превышало потребности въ нихъ оборота, то отсюда уже а ріогі мы заключаемъ, что и цѣна кредитныхъ билетовъ не должна была отклоняться отъ цѣны номинальной, т. е. что, вообще го-

вора, кредитные билеты должны были ходить *al pari*. Внутри страны они и по закону должны были имѣть „хождение наравнѣ съ монетой“; т. е. внутри страны лажь не признавались, если бѣ даже была достаточная причина къ его появленію; но мы говоримъ, что при размѣнности и внутри страны нѣтъ основанія появляться лажу, по крайней мѣрѣ, какъ явленію обычному, общему. Чтобы показать, что металлическая цѣна кредитнаго рубля была вполнѣ крѣпкой, мы приведемъ данныя по отношенію къ вексельному курсу. Какъ извѣстно, вексельный курсъ очень чувствителенъ къ неблагоприятнымъ измѣненіямъ въ денежномъ обращеніи той или другой страны; поэтому, если мы найдемъ нашъ вексельный курсъ вполнѣ удовлетворительнымъ, то это обстоятельство будетъ лучшимъ доказательствомъ прочности нашей денежной единицы. Вотъ данныя относительно вексельнаго курса за нужное намъ время ¹⁾:

Курсъ на Парижъ въ сантимакъ.

года.	ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.		ВЪ ОДЕССѢ.	
	Низшій.	Высшій.	Высшій.	Низшій.
1841	403	412	422	410 ^{13/16}
1842	395	406	412 ^{1/8}	400 ^{3/4}
1843	397	410	414 ^{3/4}	401 ^{5/16}
1844	400	410	414 ^{5/16}	403 ^{13/16}
1845	402	410 ^{1/8}	416 ^{1/2}	403
1846	402	421	426 ^{1/8}	400 ^{3/4}
1847	398	426	437 ^{1/2}	405 ^{1/3}
1848	370	400	405 ^{9/16}	399 ^{7/8}
1849	375	400	403 ^{13/16}	385
1850	391	407	417 ^{3/8}	399 ^{7/8}
1851	389	397	399 ^{7/16}	392
1852	390	412	420	400 ^{5/16}
1853	395	413	415 ^{5/8}	402 ^{15/16}
Средній	392 ^{11/13}	409 ^{7/13}	415 ^{9/13}	400 ^{4/13}

Очевидно, такой курсъ вполнѣ благопріятенъ и подтверждаетъ тотъ апріорный выводъ, что русская денежная единица

¹⁾ См. г. Антоновичъ, стр. 115—116.

за эти тринадцать лѣтъ отличалась устойчивостью и прочностью въ цѣнѣ. Приведенныя данныя освѣщаютъ также и то, какъ сильно вліяютъ отношенія международнаго обмѣна на вексельный курсъ. Курсъ въ Одессѣ замѣтно отличается въ свою пользу отъ курса въ Петербургѣ; разница объясняется тѣмъ, что нашъ вывозъ черезъ Одессу значительно превышалъ вывозъ черезъ Петербургъ¹⁾; поэтому торговый балансъ былъ гораздо болѣе въ нашу пользу въ Одессѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. Отсюда понятно, что спросъ на наши деньги для расплаты въ Одессѣ былъ сильнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, и что, слѣдовательно, цѣна нашихъ денегъ въ Одессѣ была выше цѣны ихъ въ Петербургѣ.

Что касается цѣнности кредитныхъ билетовъ, то несправедливо утверждать, что она была самостоятельной, независимой отъ цѣнности серебряныхъ денегъ. Объ этомъ мы подробно говорили и въ теоретическихъ главахъ нашей работы, и въ настоящей исторической главѣ. Поэтому здѣсь было бы излишнимъ распространяться еще разъ о томъ же предметѣ.

Этимъ мы заканчиваемъ исторію нашихъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ за первый періодъ ихъ обращенія, — періодъ, самый блестящій для нихъ. Въ дальнѣйшемъ существованіи ихъ постигла та же участь, какую испытали и ассигнаціи: они обратились въ дѣйствительныя бумажныя деньги.

¹⁾ Черезъ Черное и Азовское море отпускъ составлялъ въ 1839—1846 г.г. —75%, въ 1850—52 г.г. —67% и въ 1853 г. —71%, всего отпуска Россіи. См. г. Антоновичъ, стр. 117.

ГЛАВА VIII. ВТОРОЙ ПЕРИОДЪ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КРЕДИТНЫХЪ БИЛЕТОВЪ (съ 1856 г. до нашихъ дней): КРЕДИТНЫЕ БИЛЕТЫ—ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЯ ДЕНЬГИ.

Періодъ русскаго бумажно-денежнаго хозяйства, о которомъ намъ предстоитъ теперь говорить, есть самый любопытный въ томъ отношеніи, что здѣсь мы встрѣтимся въ первый разъ съ бумажными деньгами съ принудительнымъ курсомъ по цѣнѣ номинальной. Изъ исторіи ассигнацій мы видѣли, что онѣ никогда не имѣли принудительнаго курса по нарицательной цѣнѣ и что фиксированный курсъ онѣ имѣли только уже въ концѣ своего существованія и притомъ только съ тѣмъ, чтобы удобнѣе уступить мѣсто другой денежной системѣ. Второй періодъ исторіи кредитныхъ билетовъ дастъ намъ возможность наблюдать дѣйствіе бумажныхъ денегъ съ тѣмъ большимъ удобствомъ, что современность явленій даетъ ручательство за обиліе и достовѣрность наблюдений. Вотъ почему современное положеніе русской денежной системы останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе экономистовъ ¹⁾. Разумѣется, къ этому нужно прибавить еще то, что *теперь* существующее зло требуетъ особенно тщательнаго изученія съ тѣмъ, чтобы было возможно бороться съ нимъ и побѣдить его. Въ настоящей работѣ второму періоду исторіи государственныхъ кредитныхъ билетовъ или, говоря иначе, современному состоянію нашей бумажно-денежной системы также отведено будетъ болѣе широкое мѣсто по тѣмъ же соображеніямъ, которыя только что указаны. По разъ принятому плану мы начнемъ прежде всего съ количественнаго роста бумажныхъ денегъ.

¹⁾ Голдманъ, Вагнеръ, Н. Х. Бунге, Кауфманъ, Антоновичъ и др.

Въ концѣ 1853 года, какъ извѣстно, началась первая восточная война, въ которой Россіи пришлось дѣлать необыкновенныя военныя и денежныя усилія. Какъ прежде, такъ и теперь русское правительство должно было изыскивать всевозможныя источники для покрытія экстраординарныхъ расходовъ. Но, какъ всегда, въ періоды натянутыхъ или даже прямо враждебныхъ отношеній съ иностранными государствами внѣшніе займы заключать было трудно и дорого, а подчасъ и совершенно невозможно¹⁾; слѣдовательно, *volens-nolens* приходилось искать кредита внутри страны. Финансовая практика, какъ извѣстно, выработала слѣдующіе способы заимствованія капиталовъ въ своей странѣ: а) открытіе долгосрочныхъ внутреннихъ процентныхъ займовъ, б) пользованіе краткосрочнымъ кредитомъ: α) чрезъ выпускъ краткосрочныхъ правительственныхъ обязательствъ (билеты казначейства и др.), β) выпускъ кредитныхъ денежныхъ знаковъ (размѣнныхъ и неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ), γ) чрезъ самовольное расходованіе вкладовъ, довѣренныхъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ. Но къ 1853 году задолженность правительства внутри страны была уже довольно значительна; именно оно должно было:

а) сохраннымъ казнамъ	110,9	милл. руб.	
заемному банку.	278	—	—
б) выпустило кредитныхъ билетовъ на	311,4	—	—
— билетовъ государственнаго казначейства (серій) на	60	—	—
<hr/>			
Всего неотвержденнаго долга было на	760,3	милл. руб.	²⁾

Мы должны обратить теперь особенное вниманіе на первую группу долговъ; здѣсь видимъ, что правительство израсходовало около 400 милліоновъ изъ вкладовъ въ банковыя учрежденія и этимъ отрѣзало себѣ путь полученія денежныхъ

¹⁾ Напр., въ 1854 г. (указъ отъ 8 іюня) правительство рѣшилось заключить чрезъ банкира Штиглица внѣшній 5% заемъ въ 50 милліоновъ руб.; но заемъ не могъ быть вполне реализованъ, потому что союзники запретили его.

²⁾ См. *Сладкевичъ*, *ор. с.*, Кіевскія унив. извѣстія, 1871 г., кн. 4, стр. 20.

средствъ въ своей странѣ чрезъ срочные займы и ему, слѣдовательно, оставалось единственное средство помочь себѣ (и средство самое худшее)—выпускъ бумажныхъ денегъ: правительство не могло обратиться къ внутреннему срочному займу потому, что свободные денежные капиталы были положены въ кредитныя учрежденія; поэтому, когда правительство объявило бы подписку на заемъ, естественно вкладчики, желая помѣстить свои капиталы въ обязательства правительства по займу, потребовали бы свои вклады обратно, и правительство, давно истратившее вклады, должно бы было для удовлетворенія вкладчиковъ выпустить опять-таки бумажныя деньги ¹⁾. Очевидно, простая осторожность должна была удержать правительство отъ мысли обратиться къ внутреннимъ срочнымъ займамъ; не могло правительство и продолжать дѣлать значительныя и достаточныя позаймствованія изъ кредитныхъ установленій по той простой причинѣ, что тамъ уже почти все было взято. Итакъ, въ періодъ первой восточной войны выпускъ бумажныхъ денегъ былъ необходимою, быть можетъ, даже болѣею, чѣмъ какая была въ предыдущее время исторіи русскихъ финансовъ.

Изъ представленныхъ нами данныхъ о движеніи кредитныхъ билетовъ за 1843—1855 года видно, что уже въ 1853 году правительство отступило отъ основаній манифеста 1 іюня 1843 г.; именно въ названный годъ (1853) выпущено въ обмѣнъ за принесенный на храненіе металлъ только 29,5 милліон., а общій итогъ выпуска билетовъ составлялъ 38,5 милліона; слѣдовательно, теперь уже выпущено было нѣкоторое количество новыхъ кредитныхъ билетовъ не съ полнымъ покрытиемъ, чего не должно бы быть, если бъ правительство строго держалось основаній манифеста 1 іюня 1843 года. То же самое видимъ и въ 1854 году, въ которомъ выпускъ взамѣнъ монеты составлялъ только 28,5 милліона, а общій выпускъ уже 58,9 милліона. Однако, чтобы пустить въ оборотъ вновь выпущенные билеты, правительство прибѣгло къ слѣдующему непрямому пути. Запасной капиталъ кредит-

¹⁾ Правительство впоследствии дѣйствительно оказалось въ такомъ непріятномъ положеніи, но, какъ увидимъ, вклады были потребованы по другой причинѣ.

ныхъ установленій ¹⁾, изъ котораго было въ первое время (въ 1841 г.) пущено въ оборотъ только 10 милліоновъ, теперь (указомъ отъ 17 дек. 1853 г. ²⁾) переводился въ остальной своей части (20 милліоновъ) въ капиталъ оборотный ³⁾. Такое увеличеніе банковыхъ оборотныхъ капиталовъ министр финансовъ (въ своей рѣчи въ Совѣтѣ кредитныхъ установленій за 1853 г.) объяснялъ „значительнымъ въ послѣднее время расширеніемъ операцій государственныхъ кредитныхъ установленій“. Такъ какъ этотъ оборотный капиталъ вскорѣ истощился, то въ томъ же 1853 г. Высочайшимъ указомъ отъ 17 декабря повелѣно было образовать для кредитныхъ установленій новый запасный капиталъ въ кредитныхъ билетахъ въ суммѣ до 40 милліоновъ ⁴⁾, а въ 1854 г. эти 40 милліоновъ обращаются въ оборотный капиталъ и быстро идутъ на „операціи“ кредитныхъ учрежденій. Но въ чемъ же состояли операціи кредитныхъ установленій за это время? Оказывается, что кредитныя установленія усилили только одну свою операцію, именно выдачу ссудъ правительству ⁵⁾; такимъ образомъ, правительство увеличивало оборотный капиталъ кредитныхъ установленій съ тѣмъ, чтобы взять его себѣ въ заемъ; это былъ тотъ же выпускъ кредитныхъ билетовъ для пѣлей правительственныхъ, но только выпускъ „маскированный“, какъ выражается г. *Сладковичъ*; правительство, видимо, стѣснялось пока открыто приступить къ выпускамъ кредитныхъ билетовъ и тѣмъ стать въ противорѣчіе съ своей прежней политикой въ этомъ отношеніи. Результатомъ только что изложенной „операціи“ правительства было увеличеніе количества обращающихся билетовъ на сумму до 40 милліоновъ сверхъ тѣхъ, которыя выпускались за вклады въ звонкой монетѣ.

¹⁾ Капиталъ этотъ образованъ манифестомъ отъ 1 июля 1841 г., II. С. З., № 14.700.

²⁾ II. С. З., № 27.775.

³⁾ Нужно, впрочемъ, замѣтить, что часть (небольшая) была обращена въ оборотный капиталъ еще по указу 9 марта 1849 г.

⁴⁾ Запасной капиталъ учрежденъ на основаніяхъ манифеста 1 июня 1841 г.

⁵⁾ Въ 1854 г., напр., изъ сохранныхъ казенъ занято правительствомъ 16,2 милліона, а изъ заемнаго банка—39 милліоновъ.

Вновь появившіеся кредитные билеты были обезпечиваемы металломъ только на $\frac{1}{3}$ часть и, слѣдовательно, на эту только часть выпущенныхъ билетовъ долженъ былъ увеличиться размѣнный фондъ;— таково, по крайней мѣрѣ, было въ этомъ отношеніи опредѣленіе закона отъ 1 іюня 1841 года, на основаніяхъ котораго образовался при кредитныхъ учрежденіяхъ запасный капиталъ.

Въ то же время правительство черпало средства и изъ другихъ источниковъ, поскольку это еще было возможно: оно въ 1853 году слѣдало заемъ изъ кредитныхъ установленій на 45 милліоновъ, въ 1854 году изъ того же источника получило приблизительно столько же ¹⁾, выпустило серій на 18 милліоновъ ²⁾ и, наконецъ, рѣшилось заключить внѣшній заемъ въ 50 милліоновъ рублей, но послѣдній не вполнѣ удался, объ чемъ мы уже упоминали. Добытыя такимъ образомъ средства были, можно сказать, каплей въ морѣ по сравненію съ тѣмъ, чего требовала трудная для Россіи первая восточная война. Правительству ничего далѣе не оставалось дѣлать, какъ открыто прибѣгнуть къ выпуску государственныхъ кредитныхъ билетовъ, объ чемъ оно и объявило Высочайшимъ указомъ 10 января 1855 г. ³⁾. Указъ гласитъ: „при всемъ искреннемъ и постоянномъ желаніи Нашемъ положить конецъ нынѣшней войнѣ, въ которую Россія вовлечена единственно для охраненія правъ и защиты предѣловъ своихъ, война сія можетъ еще продлиться и потребовать значительныхъ издержекъ съ обыкновенными средствами государственной казны несоразмѣрныхъ. Вслѣдствіе сего и, дабы безъ установленія новыхъ и возвышенія существующихъ налоговъ преподать Государственной Казнѣ возможность удовлетворять всѣмъ настоящимъ потребностямъ, признали Мы за благо.. предоставить Государственному Казначейству предстоящія чрезвычайныя издержки покрыть временными выпусками государ-

¹⁾ Въ Статистическомъ временникѣ заемъ изъ кредитныхъ установленій показанъ (за 1854 г.) въ 87,8 милліона руб., но въ этой суммѣ заключается и тотъ долгъ, который образовался путемъ только что описаннаго размноженія кредитныхъ билетовъ. См. *Сладкевичъ*, *ib.*, стр. 8.

²⁾ По указу отъ 18 янв. 1854 г., II. С. 3, № 27.868.

³⁾ II. С. 3., № 28.908.

ственныхъ кредитныхъ билетовъ“. Въ приведенныхъ словахъ, кромѣ выраженія „временные выпуски“, нѣтъ ничего такого, чего бы мы не слышали отъ правительства, когда оно прежде прибѣгало къ тому же средству; очень часто и прежде говорилось, что выпуски бумажныхъ денегъ (прежде ассигнацій) дѣлаются, чтобы не обременять населеніе новыми налогами¹⁾, хотя, конечно, сознавали, что, во-первыхъ, чрезъ налоги нельзя такъ быстро достать средства, какъ это доступно чрезъ выпускъ бумажныхъ денегъ, и во-вторыхъ, не могли не сознавать, что выбрасыванье бумажныхъ денегъ на рынокъ по своимъ послѣдствіямъ есть самый худшій видъ налоговъ. Мы отмѣчаемъ, такимъ образомъ, только то, что правительство желало сдѣлать выпуски кредитныхъ билетовъ временными; но это, впрочемъ, яснѣе выражается въ слѣдующихъ опредѣленіяхъ, заключающихся въ томъ же указѣ: 1) выпуски кредитныхъ билетовъ должны производиться лишь въ случаѣ дѣйствительной необходимости въ подкрѣпленіи казначейства; 2) при всякомъ выпускѣ обязательно вносить изъ государственнаго казначейства въ экспедицію кредитныхъ билетовъ звонкою монетою шестую часть выпускаемой въ билетахъ суммы, и эта сумма въ монетѣ должна была присоединяться къ размѣнному фонду; наконецъ, 3) чрезъ три года по заключеніи мира, а, если окажется возможнымъ, то и ранѣе, должно приступить къ постепенному изытію изъ обращенія выпущенныхъ временно-кредитныхъ билетовъ. Правительство широко воспользовалось предоставленнымъ самому себѣ правомъ „временныхъ выпусковъ“; именно: въ 1855 г. оно выпустило кредитныхъ билетовъ на 215,1 милл., въ 1856 г.—на 153,3 милл. и въ 1857 г.—на 74,1 милл. Вообще въ періодъ первой восточной войны количество обращающихся бумажныхъ денегъ увеличилось на 401,8 милл.²⁾

Самымъ первымъ и естественнымъ результатомъ быстро-приращенія числа кредитныхъ билетовъ была невозможность ихъ размѣна. Изъ таблицы, представленной въ предыдущей главѣ, мы видѣли, что уже въ 1854 г. монеты выдано изъ

¹⁾ Это—«опасное и старое заблужденіе», какъ выражается *А. Вагнеръ*, Рус. бум. ден., стр. 175.

²⁾ Въ 1853 г. госуд. кредитныхъ билетовъ въ обращеніи было на 333,4 милл., а по окончаніи войны въ 1857 г.—на 735,2 милл.

экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ для размѣна на сумму 36,8 милл., тогда какъ поступило монеты вза-мѣнъ выданныхъ билетовъ только на 28,5 милл.; слѣдовательно, съ 1854 года поддерживать размѣнность кредитныхъ билетовъ становилось затруднительнымъ и даже бесполезнымъ. Мы говоримъ бесполезнымъ потому, что результатомъ продолженія размѣна было бы только истощеніе металлическаго фонда, а затѣмъ опять-таки пришлось бы отказать предъявителямъ билетовъ въ размѣнѣ; поэтому съ 1854 года правительство фактически стѣсняетъ размѣнъ, а въ 1856 году совершенно прекращаетъ ¹⁾. Прекращеніе размѣна кредитныхъ билетовъ есть самый важный моментъ въ томъ отношеніи, что государственные кредитные билеты, доселѣ будучи однимъ изъ видовъ денежныхъ суррогатовъ, существенно измѣняютъ свою природу и свое вліяніе на хозяйственную жизнь народа; съ прекращеніемъ размѣна они становятся дѣйствительными бумажными деньгами, такъ какъ принудительный курсъ по цѣнѣ номинальной („хожденіе наравнѣ съ монетой“) приданъ былъ имъ еще манифестомъ 1 іюня 1843 г.

Итакъ, послѣ войны денежный рынокъ имѣлъ 735,2 милл. рубл. дѣйствительныхъ бумажныхъ денегъ, изъ которыхъ 333 милл. въ 1853 г. были нужны обороту, потому что они тогда не возвращались въ размѣнные кассы; теперь же въ теченіе съ небольшимъ трехъ лѣтъ выпущено 400 милл., которымъ, очевидно, оборотъ не могъ дать дѣла; эти 400 милл. въ большей своей части были излишними для оборота, и потому на первое время владѣльцы кредитныхъ билетовъ стремятся помѣстить ненужныя имъ суммы денегъ въ кредитныя учрежденія. Дѣйствительно, вклады въ банковыя учрежденія значительно возрастаютъ во время выпусковъ билетовъ и нѣкоторое время спустя послѣ окончанія выпусковъ кредитныхъ билетовъ; такъ кредитныя учрежденія имѣли вкладовъ ²⁾:

¹⁾ Этотъ годъ называетъ *Безобразовъ*, а за нимъ *Антоновичъ*, *Бржегскій*. Опубликованнаго законодательнаго распоряженія и теперь не было издано, какъ и при прекращеніи размѣна ассигнацій. См. *Безобразовъ*, О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи, II, 12.

²⁾ *Н. Х. Бунге*, прилож. къ 8 гл. соч. *Вагнера*, Русс. бумаж. деньги, стр. 154.

въ 1854 г. на 848 милл.	въ 1857 г. на 1002 милл.
— 1855 г. — 872 —	— 1858 г. — 1012 —
— 1856 г. — 924 —	

Сверхъ этого нужно имѣть въ виду также и то, что значительныя суммы денегъ (особенно металлическихъ) скопились и лежали безъ дѣла въ рукахъ частныхъ лицъ отчасти потому, что Россія въ то время не имѣла удовлетворительной системы банковыхъ учрежденій, охватывающихъ все государство.

Накопившіяся въ банковыхъ учрежденіяхъ деньги не получали употребленія, потому что, если прежде вклады шли въ большомъ количествѣ на нужды государственнаго казначейства, то теперь съ окончаніемъ войны оно особенно не нуждалось въ средствахъ; поэтому вклады налагали только новую тяжесть на государственное казначейство, такъ какъ проценты по нимъ во всякомъ случаѣ нужно было уплачивать; при системѣ же государственныхъ банковыхъ учрежденій уплата процентовъ лежала на обязанности общаго государственнаго казначейства, если прибылей банковыхъ установленій для этой цѣли не было достаточно. Со стороны правительства было бы самымъ благоразумнымъ, если бъ оно постаралось отвердить часть вкладовъ путемъ заключенія займовъ внутреннихъ; тогда ему удалось бы захватить излишне выпущенныя бумажныя деньги въ самый удобный моментъ, когда онѣ лежали еще праздными въ банкахъ и у частныхъ лицъ, когда, слѣдовательно, онѣ еще не ворвались на денежный рынокъ и не произвели тамъ своего пертурбаціоннаго вліянія. Вмѣстѣ съ этимъ правительство, какъ нельзя лучше, исполнило бы обѣщаніе указа 10 янв. 1855 г., что выпуски будутъ только временными. Однако для выполненія этого своего обѣщанія правительство сдѣлало слишкомъ мало. Въ этомъ направленіи было сдѣлано только слѣдующее: въ 1857 году было сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы выпуски бумажныхъ денегъ болѣе не производились ¹⁾. Затѣмъ, указомъ отъ 18 апр. 1858 г. повелѣвалось министру финансовъ, „не ожидая трехлѣтняго срока, отдѣлить нынѣ же изъ указанныхъ разныхъ капиталовъ казнѣ принадлежащихъ, шестьдесятъ

¹⁾ П. С. З., № 31.696, указъ отъ 5 апр. 1857 г.

милл. рублей и внести сію сумму для уничтоженія въ экспедицію государственныхъ кредитныхъ билетов¹⁾. Дѣйствительно, 60 милл. кредитныхъ билетовъ были сожжены, но взяты-то они были изъ суммъ, внесенныхъ частными лицами въ банковыя установленія, такъ какъ государственное казначейство не имѣло въ это время свободныхъ средствъ. Поэтому, когда вкладчики потребовали обратно свои вклады, правительство должно было изготовить новое количество кредитныхъ билетовъ, чтобы удовлетворить ихъ. Такимъ образомъ, польза отъ сожженія 60 милл. въ 1858 г. была въ полной мѣрѣ сомнительной; да и само правительство едва ли на что-либо прочное могло рассчитывать; едва ли оно не имѣло въ виду только произвести нѣкоторое благопріятное для финансоваго положенія страны впечатлѣніе за границей. По отношенію къ уменьшенію бумажныхъ денегъ въ обращеніи отмѣтимъ еще вымѣнъ кредитныхъ билетовъ на монету: въ теченіе 1858 г. вымѣнено такимъ путемъ до 31 милл. *Г. Сладковичъ* по поводу этой мѣры справедливо говоритъ: „такъ какъ размѣнъ сдѣланъ для казенныхъ мѣстъ по номинальной цѣнѣ, между тѣмъ какъ кредитные билеты теряли въ это время около 7%, то подобную мѣру можно назвать скорѣе финансовою операціей, имѣющей цѣлью доставленіе государственному казначейству лишнихъ 2—3 милл. рублей на счетъ размѣннаго фонда, чѣмъ операціею размѣна. Напротивъ, эта мѣра только затрудняла и отдаляла возможность открытія серьезнаго размѣна въ будущемъ“¹⁾; къ этимъ словамъ нѣтъ надобности что-либо прибавлять. Благодаря двумъ указаннымъ нами мѣрамъ количество кредитныхъ билетовъ къ 1 янв. 1859 г. съ 735,2 милл. руб. уменьшилось до 644,6 милл. Но этимъ и ограничились попытки правительства извлечь изъ обращенія выпуски кредитныхъ билетовъ, произведенные во время войны, и такимъ образомъ ему не удалось сдѣлать ихъ дѣйствительно „временными“.

Правительству не только не удалось изъять изъ обращенія тѣ кредитные билеты, которые были выпущены ради войны, но пришлось еще дѣлать новые выпуски вслѣдствіе его неправильнаго отношенія къ банковымъ вкладамъ. Мы уже за-

¹⁾ Кіевск. унив. извѣстія, 1871 г., кн. 6, стр. 5.

мѣтили выше, что самое благоразумное было бы попытаться консолидировать вклады, но правительство поступило какъ разъ наоборотъ. Указомъ отъ 20 іюля 1857 г. оно уменьшило проценты по банковымъ вкладамъ съ 4 до 3%¹⁾. Естественно, что вкладчики поспѣшили брать свои вклады изъ кредитныхъ учрежденій тѣмъ болѣе, что начавшійся періодъ „оживленія“ производительной дѣятельности послѣ усиленныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ давалъ возможность владѣльцамъ денежныхъ капиталовъ помѣстить ихъ въ тѣ или другіе предпріятія²⁾. Истребованіе вкладовъ начинаетъ значительно превышать вклады въ банковыя учрежденія; такъ возвратъ вкладовъ превышалъ поступленіе ихъ

въ 1857 году на 11 милл.,	
— 1858 — — 52 ³ / ₄ —	
— 1859 — — 100 ¹ / ₂ —	

Чтобы удовлетворить вкладчиковъ, правительство должно было прибѣгнуть къ выпускамъ кредитныхъ билетовъ; съ этой цѣлью 1858—1860 г.г. выпущено было до 88,5 милл. кредитныхъ билетовъ. Правительство еще облегчило себѣ выполненіе обязательствъ по отношенію къ вкладчикамъ тѣмъ, что въ 1859 г. предложило имъ (хотя нѣсколько и поздно) 4% непрерывно-доходные билеты³⁾; въ эти билеты было обращено до 153 милл. вкладовъ. Но такъ какъ 4% билеты были недостаточно выгодны для помѣщающихъ въ нихъ капиталы, то въ томъ же 1859 г.⁴⁾ вкладчикамъ было предло-

¹⁾ П. С. З., № 32.032.

²⁾ Въ періодъ съ 1856 г. до 1859 г. основана 81 акціон. компанія съ капиталомъ въ 434 милл. См. *Буше*, въ прилож. къ соч. *Ватера*, стр. 160—161; г. *Антоновичъ*, стр. 146.

³⁾ Указъ отъ 13 марта 1859 г., П. С. З., № 34.243. Любопытно, какъ правительство въ этомъ указѣ мотивируетъ пониженіе процентовъ по вкладамъ, имѣвшее мѣсто въ 1857 г.; именно: «указомъ 20 іюля 1857 г. признали мы полезнымъ уменьшить проценты на вносимые въ банковыя установленія вклады, дабы дать празднымъ капиталамъ направленіе, соотвѣтственное пользамъ Государства». Подробности о 4% непрерывно-доходныхъ билетахъ можно найти у г. *Сладковска*, Киев. ун. изв., г. 1871, кн. 6, стр. 8.

⁴⁾ Указъ отъ 1 сент. 1859 г., П. С. З., № 34.852.

жено обмѣнивать вкладные билеты на новые, уже 5% банковые билеты; въ послѣдніе было помѣщено до 277 милл. ¹⁾). Но несмотря на послѣднія мѣры, востребованіе вкладовъ всетаки еще не остановилось; особенно оно было сильно въ годъ преобразования кредитныхъ установленій (въ 1860 г.). Въ этомъ году въ кредитныя учрежденія поступило вкладовъ на 295,2 милл., а возвращено на 438 милл. руб.. Очевидно, правительство опять должно было прибѣгнуть къ экстраординарнымъ мѣрамъ для удовлетворенія вкладчиковъ: прежде всего оно выпустило пять разрядовъ билетовъ казначейства „для подкрѣпленія банковыхъ кассъ, истощенныхъ постояннымъ востребованіемъ вкладовъ“, какъ сказано въ указѣ отъ 8 іюня 1860 г. ²⁾; и, кромѣ того, указомъ отъ 17 авг. 1860 года разрѣшено было выпустить 100 милл. кредитныхъ билетовъ для той же цѣли; но изъ нихъ въ 1860 г. дѣйствительно выпущено только 38,5 милл. ³⁾). Наконецъ, все для той же цѣли удовлетворенія вкладчиковъ выпущены были четырехпроцентные металлическіе билеты государственнаго банка. Указъ отъ 16 дек. 1860 г. ⁴⁾), трактующій о металлическихъ билетахъ государственнаго банка, объясняетъ мотивъ къ ихъ выпуску въ слѣдующихъ словахъ: „при разрѣшеніи выпуска государственныхъ кредитныхъ билетовъ на покрытіе расходовъ прошедшей войны объявлено было (указомъ 10 янв. 1855 г.), что не далѣе, какъ чрезъ три года по заключеніи мира приступлено будетъ къ постепенному ихъ изъятію изъ обращенія и въ исполненіе сего въ апрѣлѣ 1858 г. сожжено кредитныхъ билетовъ на 60 милл. руб. Предпринятое затѣмъ преобразование всей нашей системы банковыхъ установленій, при постоянномъ усиленномъ востребованіи вкладовъ, имъ ввѣренныхъ, вызвало огромные со стороны Правительства платежи и не только лишило оное возможности уменьшить сумму выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ, но поставило его въ необходимость разрѣшить новые выпуски для подкрѣпленія кассъ банковъ.... Посему, дабы съ одной стороны

¹⁾ Н. Х. Бунге, Лекціи по полицейскому праву, стр. 9—11.

²⁾ П. С. З., № 35.893.

³⁾ Отчетъ госуд. банка за этотъ годъ; у Сладкевича, назв. соч., стр. 25.

⁴⁾ П. С. З., № 36.405.

увеличить денежные его (госуд. банка) способы, а съ другой доставить соединенной съ Государственнымъ Банкомъ Экспедиціи кредитныхъ билетовъ возможность къ постепенному изыатію изъ обращенія излишка государственныхъ кредитныхъ билетовъ, Мы признаемъ за благо“, чтобы государственный банкъ сдѣлалъ отъ своего имени выпускъ особыхъ билетовъ, каждый достоинствомъ не ниже 300 руб.; при этомъ платежъ капитала и процентовъ по этимъ билетамъ должны производиться въ звонкой монетѣ; погашаются билеты посредствомъ тиража въ теченіе 41 года; они принимаются въ платежи по нарицательному достоинству во всѣхъ казенныхъ мѣстахъ; металлическихъ билетовъ государственнаго банка въ 1860 г. выпущено было на 36 милл. Нужно замѣтить по поводу выпуска металлическихъ билетовъ, что „увеличить денежные способы“ государственнаго банка имѣ, конечно, удалось, но никакого сокращенія въ количествѣ кредитныхъ билетовъ вслѣдствіе ихъ выпуска не было произведено.

Итакъ, значительная задолженность государственнаго казначейства кредитнымъ установленіямъ (вслѣдствіе позаймствованія изъ вкладовъ въ послѣднія) доставила много безпокойства финансовому управленію; благодаря этой задолженности, между прочимъ, и прекращеніе выпусковъ кредитныхъ билетовъ осталось въ области благочестивыхъ желаній. Но сверхъ этого та же задолженность стала одной изъ причинъ ликвидаціи прежнихъ кредитныхъ учрежденій¹⁾. Здѣсь не бесполезно будетъ, хотя бы въ немногихъ словахъ, изложить существенныя основанія устройства центральнаго кредитнаго учрежденія, замѣнившаго разнообразныя, необъединенныя прежнія банковыя установленія; мы говоримъ о государственномъ банкѣ, получившемъ существованіе и устройство въ силу законовъ 31 мая и 9 іюня 1860 г. Вотъ сущность только что названныхъ законовъ: всѣ кредитныя учрежденія подчиняются министерству финансовъ; заемный банкъ перестаетъ существо-

¹⁾ Въ докладѣ Государю министръ финансовъ говорилъ (въ 1859 г.): «главный недостатокъ устройства банковъ заключается въ несоответственности между условіями вкладовъ и сроками ссудъ»; дѣйствительно, ссуды давались большею частью на долгіе сроки, а вклады принимались большею частью до востребованія; другое неудобство министръ видѣлъ въ начисленіи прежними банковыми установленіями сложныхъ процентовъ.

вать; коммерческій банкъ преобразуется въ банкъ государственный съ конторами и отдѣленіями, причемъ государственному банку дается новый уставъ, болѣе соответствующій условіямъ времени; экспедиція кредитныхъ билетовъ уничтожается и ея обязанности возлагаются на государственный банкъ; всѣ дѣла приказовъ общественнаго призрѣнія по вкладамъ и займамъ передаются также государственному банку; равнымъ образомъ счета сохранныхъ казенъ сливаются со счетами государственнаго банка; за сохранными казнами только на время былъ оставленъ пріемъ платежей по прежнимъ ссудамъ изъ нихъ и заемнаго банка; впрочемъ, по ссудамъ, взятымъ изъ этихъ учрежденій самимъ правительствомъ, счетъ велся непосредственно съ государственнымъ банкомъ; активъ и пассивъ всѣхъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій переносятся на государственный банкъ; долги правительства прежнимъ кредитнымъ установленіямъ зачислены въ одинъ общій долгъ государственнаго казначейства банку.

Что касается операцій государственнаго банка, то онѣ должны были состоять въ слѣдующемъ:

1) Учетъ векселей и другихъ срочныхъ правительственныхъ и общественныхъ процентныхъ бумагъ; учитываемые векселя и бумаги должны быть писаны на срокъ не болѣе шести мѣсяцевъ; причемъ векселя обезпечиваются двумя подписями.

2) Покупка и продажа золота и серебра.

3) Полученіе платежей по векселямъ и другимъ срочнымъ денежнымъ документамъ въ счетъ довѣрителей (коммиссіонныя услуги).

4) Пріемъ вкладовъ: а) на храненіе за извѣстную плату; б) на текущій счетъ или с) для обращенія изъ процентовъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ различаются вклады до востребованія и вклады на срокъ

5) Ссудная операція: а) ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій; б) подъ залогъ благородныхъ металловъ и с) подъ залогъ товаровъ.

6) Переводы суммъ.

7) Продажа и покупка процентныхъ бумагъ.

8) Размѣнъ кредитныхъ билетовъ крупныхъ на мелкіе и наоборотъ, равно и ветхихъ на новые (и вообще эмиссіонная операція).

9) Размѣнъ кредитныхъ билетовъ на мелкое серебро.

Какъ извѣстно, банкъ имѣетъ конторы и отдѣленія въ различныхъ городахъ имперіи; операціи первыхъ тѣ же, что и операціи самого банка; между тѣмъ какъ кругъ операцій отдѣленій значительно ограниченъ.

Учрежденіе государственнаго банка съ его развѣтвленіями принесло съ собой главнѣйшее преимущество, это—централизацию системы кредитныхъ учреждений; но на ряду съ этимъ остался существенный признакъ, характеризовавшій и прежнюю систему, тотъ признакъ, что банкъ является вполнѣ казеннымъ, правительственнымъ учрежденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, полная зависимость банка отъ правительства проглядываетъ весьма рѣзко во многихъ опредѣленіяхъ его устава; такъ: весь личный составъ управленія банка назначается правительствомъ (§§ 142, 145, 156 уст. госуд. банка); капиталъ банку доставленъ правительствомъ; банкъ завѣдуетъ консолидированными и текущими долгами правительства (§ 14); чтобы государственныи банкъ могъ выполнить всѣ возложенныя на него операціи, государственное казначейство въ трудныя минуты приходитъ къ нему на помощь (§§ 15—20); самыя прибыли банка обращаются на погашеніе государственныхъ долговъ и на общегосударственные расходы (§§ 2, 3, 6); наконецъ, главнѣйшія и значительнѣйшія операціи состоятъ въ текущихъ счетахъ съ государственнымъ казначействомъ. Что же касается коммерческихъ операцій банка, то въ нихъ по сравненію съ таковыми же операціями прежнихъ установленій является значительная разница; она касается прежде всего и главнымъ образомъ вкладной и ссудной операцій. Какъ мы знаемъ, прежніе банки раздавали въ большихъ размѣрахъ ссуды на долгіе сроки подъ залогъ недвижимыхъ имѣній¹⁾, а вклады большею частью принимались до востребованія; вслѣдствіе этого часто банки при усиленныхъ требованіяхъ вкладовъ становились въ критическое положеніе; теперь же государственный банкъ не выдаетъ вовсе долгосрочныхъ ссудъ, а вклады принимаетъ большею частью на опредѣленные сроки, достигая этого назначеніемъ большихъ процентовъ за срочные вклады. Сверхъ этого различія нужно указать еще то, что государственному банку дозволены были

¹⁾ Такія ссуды составляли $\frac{9}{10}$ всѣхъ операцій прежнихъ банковъ; см. *Сладковичъ*, *ibidem*, стр. 20.

такія операціи, которыхъ не производили прежнія кредитныя установленія (текущіе счета, комиссіонныя услуги) ¹⁾. Въ заключеніе подчеркнемъ, что государственный банкъ не получилъ права выпускать самостоятельно кредитныя билеты. Это и естественно: слишкомъ опасно предоставлять банковому управленію свободу въ размноженіи денегъ; выпускъ бумажныхъ денегъ (а не банковыхъ билетовъ) во всѣхъ случаяхъ долженъ принадлежать государству.

А. Вагнеръ, говоря о государственномъ банкѣ ²⁾, относится къ нему очень строго; онъ, прежде всего, высказываетъ, что „передача завѣдыванія бумажными деньгами государственному банку не измѣнила ни существа, ни свойства кредитныхъ билетовъ“. Противъ этого, конечно, нельзя спорить, потому что, дѣйствительно, передача сама по себѣ и не могла заключать элементовъ, благопріятствующихъ улучшенію бумажно-денежной системы; для послѣдняго нужны были особыя и не легкія мѣры. Затѣмъ, *Вагнеръ* съ большимъ осужденіемъ относится къ первому параграфу устава банка, въ которомъ высказано, что „Банкъ учреждается для оживленія торговыхъ оборотовъ и для упроченія денежной системы“; онъ находитъ въ этихъ двухъ цѣляхъ, поставленныхъ государственному банку, непримиримое противорѣчіе, потому что „улучшеніе денежной системы требовало ограниченія и извлеченія билетовъ, по меньшей мѣрѣ, прекращенія новыхъ выпусковъ; мнимыя, служившія руководствомъ потребности торговли требовали именно умноженія билетовъ и восторжествовали“ ³⁾. На это нужно замѣтить, во-первыхъ, что *дѣйствительныя-то* потребности торговли не требовали новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, а во-вторыхъ „оживленію торговли“ банкъ могъ способствовать не только выпускомъ кредитныхъ билетовъ, но и тѣмъ, что съ его возникновеніемъ организація кредита въ странѣ становилась на болѣе рациональный путь и въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи го-

¹⁾ О задачахъ и значеніи нашего государственнаго банка въ русской литературѣ имѣется весьма обстоятельное сочиненіе: г. *Судейкина* («Государственный банкъ», 1891 г.).

²⁾ Русс. бум. деньги, стр. 176—179.

³⁾ *Ibid.*, 178.

государственный банк могъ способствовать только улучшенію организаціи кредита; а несомнѣнно, что отъ той или другой степени развитости кредита въ странѣ зависитъ и производительная дѣятельность ея. Такимъ образомъ, рискованно утверждать, что законъ, говоря объ оживленіи торговыхъ оборотовъ, имѣлъ въ виду оживленіе чрезъ выпуски бумажныхъ денегъ. Вообще, не будучи столь строгими, какъ *Вагнеръ*, мы можемъ сказать, что учрежденіе государственнаго банка, хотя и не принесло непосредственнаго улучшенія въ денежную систему, но посредственно, чрезъ улучшеніе положенія банковыхъ вкладовъ и улучшенную организацію кредитныхъ посредниковъ всеже открывало большую возможность принять существенныя мѣры къ улучшенію денежной системы; а, затѣмъ, были ли приняты такія мѣры финансовымъ управленіемъ или не были, надѣлало ли финансовое управленіе ошибокъ, производя различные эксперименты, или не надѣлало, это уже другой вопросъ.

Вновь учрежденному государственному банку въ скоромъ времени пришлось стать исполнителемъ очень смѣлой попытки финансоваго управленія—открыть размѣнъ кредитныхъ билетовъ. Разумѣется, сдѣлать размѣнными бумажныя деньги есть именно та радикальная мѣра, которая сразу измѣняла бы существо бумажно-денежной системы; поэтому, говоря о мѣраxъ, направленныхъ къ этой цѣли, мы никакъ не можемъ сказать, что онѣ основаны на ложномъ принципѣ; наоборотъ, онѣ основаны на самомъ вѣрномъ принципѣ. При обсужденіи подобныхъ мѣръ весь вопросъ долженъ состоять только въ томъ, имѣли ли подъ собою такія мѣры твердую почву, были ли онѣ приняты въ достаточно благопріятную минуту и т. д., другими словами, вопросъ при этомъ будетъ поставленъ о *практической целесообразности*, а не о *принципѣ*. Остановливаясь на усиліяхъ правительства совершить въ 1862 г. радикальную реформу въ денежной системѣ Россіи, мы прежде всего встрѣчаемся съ указомъ отъ 14 апр 1862 г. ¹⁾, въ которомъ признается нужнымъ для намѣченной цѣли подержать размѣнный фондъ путемъ внѣшняго займа. Указъ считаетъ необходимымъ заключеніе займа потому, что размѣнный фондъ заключаетъ въ себѣ только 79 милл. руб. золота и

¹⁾ П. С. З., № 38.170.

серебра въ монетѣхъ и слиткахъ и 12 милл. руб. государственными фондами. Сумма займа опредѣляется въ 15 милл. фунтовъ стерлинговъ ¹⁾ и притомъ „съ тѣмъ, чтобы суммы, имѣющія поступить въ счетъ сего займа, были обрацаемы сполна въ непосредственное вѣдѣніе Государственнаго Банка для употребленія исключительно на предметъ ихъ назначенія“ (т. е. на размѣнъ кредитныхъ билетовъ). Какъ только, говоритъ дальше указъ, поступленіе суммъ по этому займу будетъ обезпечено, финансовое управленіе должно будетъ представить на Высочайшее утвержденіе правила размѣна и затѣмъ въ дальнѣйшемъ теченіи дѣла оно (финансовое управленіе) будетъ руководиться двумя слѣдующими правилами: 1) „чтобы извлекаемые изъ обращенія посредствомъ размѣна билеты были неотлагательно предаваемы сожженію“ и 2) „чтобы заготовленіе и выпускъ кредитныхъ билетовъ производить впредь по распоряженію и подъ вѣдѣніемъ Государственнаго Банка и отнюдь не иначе, какъ взамѣнъ золота и серебра въ слиткахъ и монетѣхъ или въ обмѣнъ крупныхъ билетовъ на мелкіе и обратно, а также ветхихъ на новые билеты“.

Такъ какъ открытый заемъ шель удачно, то уже 25 апр. того же года ²⁾ были утверждены правила, на основаніи которыхъ долженъ былъ производиться размѣнъ кредитныхъ билетовъ. Размѣнъ долженъ былъ открыться въ государственномъ банкѣ съ 1 мая 1862 г. и при этомъ по курсу, постепенно понижающемуся: съ 1 мая до 1 авг. 1862 г. полуимперіаль считается равнымъ 570 коп. въ кредитныхъ билетахъ, а сер. рубль = 110 1/2 ³⁾ коп. кред.; съ 1 авг. полуимперіаль обмѣнивается на 560 коп. кред., а сер. рубль—на 108 1/2 коп. кред.; по тѣмъ же цѣнамъ и государственный банкъ долженъ былъ принимать звонкія деньги въ обмѣнъ на кредитные билеты; „впослѣдствіи“, продолжаетъ указъ: „впредь установле-

¹⁾ Заемъ этотъ внесенъ въ Госуд. долгов. книгу подъ именемъ «Седьмого 5% вишняго займа».

²⁾ Указъ отъ 25 апр. 1862 г., П. С. З., № 38.207.

³⁾ Этотъ курсъ былъ значительно (на $3\frac{1}{2}$ — $4\frac{1}{2}$ %) ниже установившагося уже отношенія между кредитными билетами и звонкой монетой при частной продажѣ послѣдней. См. *Безобразовъ*, 0 нѣкоторыхъ явленіяхъ etc., 29.

нія цѣвности кредитныхъ билетовъ наравнѣ съ звонкою монетою, понижать постепенно цѣну полуимперіальной и серебряной рублевой монеты, сообразуясь съ ходомъ размѣна и состояніемъ размѣннаго фонда и объявляя о всякомъ пониженіи такой цѣвы заблаговременно“.

На изложенныхъ основаніяхъ, дѣйствительно, съ 1 мая 1862 г. размѣнъ былъ открытъ; при началѣ размѣна металлическій фондъ состоялъ изъ 79 милл., уже выше упомянутыхъ, и 90 милл. руб. металломъ, полученныхъ путемъ займа (заемъ реализованъ былъ по курсу 90 за 100); кромѣ того, въ размѣнный фондъ входили 12 милл. государственными фондами; кредитныхъ же билетовъ въ обращеніи числилось на 713,5 милл. руб. ¹⁾). Обмѣнъ совершался по слѣдующимъ цѣвамъ ²⁾).

Съ 1 мая 1862 г.	полуимп. обм.	за 570 к. бр.,	а с. р. за 110 $\frac{1}{2}$ к. бр.
„ 1 авг.	„	„ „ 560	„ „ 108 $\frac{1}{2}$ „
„ 1 сент.	„	„ „ 556 $\frac{1}{2}$	„ „ 108 „
„ 1 окт.	„	„ „ 554	„ „ 107 $\frac{1}{2}$ „
„ 1 ноября	„	„ „ 551	„ „ 107 „
„ 1 декаб.	„	„ „ 549	„ „ 106 $\frac{1}{2}$ „
„ 1 янв. 1863 г.	„	„ „ 546	„ „ 106 „
„ 1 февр.	„	„ „ 543	„ „ 105 $\frac{1}{2}$ „
„ 1 марта	„	„ „ 541	„ „ 105 „
„ 1 апрѣля	„	„ „ 538	„ „ 104 $\frac{1}{2}$ „
„ 1 мая	„	„ „ 536	„ „ 104 „
„ 1 июня	„	„ „ 533	„ „ 103 $\frac{1}{2}$ „
„ 1 июля	„	„ „ 530	„ „ 103 „

Размѣнная операція за все время шла довольно дѣятельно, по, чтобы понять ея значеніе, мы должны знать цифры, показывающія, насколько выдача монеты изъ банка превышала пріемъ монеты взаменъ вновь выпущенныхъ билетовъ; а цифры эти были таковы: съ 1 янв. 1862 г. по 1-е янв. 1863 г. выдано монеты больше, чѣмъ принято, на 10.037.000 р. с., въ январѣ 1863 г. на 2.287.000 „

¹⁾ Изъ нихъ, впрочемъ, 14,9 милл. находились въ кассахъ государственнаго банка.

²⁾ *Goldmann*, op. c., S. 100—101.

въ февралѣ 1863 г.	4.921.000 р. с.
„ мартѣ „	7.723.000 „
„ апрѣлѣ „	10.213.000 „
„ маѣ „	10.367.000 „
„ іюнѣ „	2.233.000 „
„ іюлѣ „	6.751.000 „
въ первые три дня августа	4.405.000 „

Такое сильное требованіе монеты ¹⁾, особенно въ августѣ 1863 г., привело въ смущеніе государственный банкъ; онъ долженъ былъ опасаться, что весь размѣнный фондъ можетъ истощиться и всеже придется прекратить операцію размѣна; поэтому, во-первыхъ, съ 7 августа банкъ прекратилъ выдачу золота за кредитные билеты; затѣмъ, во-вторыхъ, вмѣсто выдачи серебра сталъ выдавать переводные векселя по курсу, почти равному цѣнѣ серебра, но однако и размѣнъ на серебро, и выдача векселей прекращены были совершенно къ 1 ноября 1863 г. Такимъ образомъ, попытка правительства слѣлать кредитные билеты размѣнными потерпѣла полную неудачу, но всеже извѣстное количество билетовъ было изъято изъ обращенія; именно: до размѣна кредитныхъ билетовъ въ обращеніи было 713,5 милл.; послѣ же размѣна денежный рынокъ имѣлъ 636,5 милл.; слѣдовательно, всего путемъ размѣна кредитныхъ билетовъ изъято 77 милл. Но зато наличный размѣнный фондъ уменьшился на 11 милл., а число фундированныхъ долговъ увеличилось чрезъ присоединеніе къ нимъ новаго долга на сумму въ 94 милл.; бюджетъ обремененъ былъ ежегоднымъ платежемъ процентовъ въ количествѣ 5,36 милл. руб. металл. (проценты на седьмой 5% заемъ); впрочемъ, слѣдуетъ упомянуть, что не вся сумма, добытая займомъ, ушла на размѣнъ; часть ея была употреблена на экстраординарные расходы того времени ²⁾.

Итакъ, реформа 1862—1863 гг. не удалась, и естественно, что каждый историкъ русскаго денежнаго обращенія долженъ

¹⁾ Усиленное требованіе въ августѣ было очень естественнымъ: въ это время кредитные билеты размѣнивались почти по нарицательной цѣнѣ.

²⁾ Эти расходы были вызваны польскимъ возстаніемъ 1863 г. Изъ займа на размѣнъ употреблено 36.367.630 руб. См. *Кауфманъ*, Государ. долги Россіи, Вѣсти., Евр., 1885 г., кн. 2.

дать объясненіе такому явленію. Дадимъ и мы посильное объясненіе. Выше мы уже говорили, что при этомъ не можетъ быть рѣчи о ложности принципа ¹⁾, а можетъ быть рѣчь только о способѣ выполненія плана. Дѣйствительно, къ успѣшному проведенію операціи подготовились недостаточно; размѣнный фондъ былъ малъ по сравненію съ количествомъ обращающихся кредитныхъ билетовъ. Мы говоримъ, что размѣнный фондъ былъ малъ не потому, что онъ составлялъ только 25,4% обращающихся кредитныхъ билетовъ, и мы также не хотимъ сказать, что онъ долженъ бы составлять, напр., $\frac{1}{3}$ часть всѣхъ выпущенныхъ билетовъ. Когда въ обращеніи находятся *излишнія* бумажныя деньги, тогда вообще нельзя говорить о томъ, какую часть всей массы бумажныхъ денегъ долженъ составлять размѣнный фондъ; при существованіи излишнихъ бумажныхъ денегъ нужно сначала изъ общей массы денегъ отчислить то количество ихъ, которое по болѣе или менѣе достовѣрнымъ вычисленіямъ излишне; для этой части нужно приготовить звонкой монеты въ такомъ количествѣ, которое было бы равно ей по курсу размѣна; такъ поступить необходимо на томъ основаніи, что всѣ излишнія бумажки въ первое же время должны броситься въ размѣнныя кассы. Затѣмъ уже по отношенію къ остальнымъ, не излишнимъ для оборота бумажнымъ деньгамъ можно говорить объ обезпеченіи ихъ въ какой-либо части металломъ. Были ли въ 1862 г. излишнія бумажныя деньги, и приготовились ли ихъ встрѣтить должнымъ образомъ? Въ періодъ войны, какъ мы знаемъ, было выпущено 400 милл. кредитныхъ билетовъ; мы, конечно, не имѣемъ возможности съ точностью сказать, сколько изъ этой массы бумажныхъ денегъ было лишнихъ для оборота ²⁾, но а ригорі можемъ утверждать, что въ теченіе 5 лѣтъ ³⁾ производитель-

¹⁾ *Ванеръ* справедливо говоритъ по поводу предпріятого въ 1862 г. размѣна такъ: «неблагоразумная и преждевременная мѣра носила въ себѣ зародышъ неудачи, хотя она по нашему мнѣнію не была основана на ложномъ началѣ». Русск. бум. деньги, стр. 181.

²⁾ Не признавая вполне вѣрной количественную теорію, современная наука не допускаетъ возможности точнаго опредѣленія количества лишнихъ бумажныхъ денегъ по величинѣ лажа.

³⁾ Съ 1857 г., когда прекращенъ былъ выпускъ кредитныхъ билетовъ для войны, до 1862 г.

ная дѣятельность страны не могла возвыситься настолько, чтобы дать работу такой массѣ орудій обращенія; послѣднее подтверждается также существованіемъ лажа на монету и возвышеніемъ товарныхъ цѣнъ. Если даже допустить, что только 200 милл. были излишни для денежнаго обращенія, то, слѣдовательно, только для этихъ 200 милл. нужно было имѣть въ размѣнномъ фондѣ до 180 милл. металломъ. Затѣмъ, нужно было имѣть въ виду еще то, что при открытіи размѣна послѣ долгой неразмѣнности, естественно, притокъ билетовъ болѣе спленъ, чѣмъ онъ бываетъ и долженъ быть при установившейся правильности и безпрепятственности размѣна: владѣльцы бумажныхъ денегъ боятся, что они упустятъ возможность получить металлъ. — боятся, что размѣнъ снова будетъ прекращенъ; поэтому на первое время всегда нужно въ фондѣ имѣть излишекъ на этотъ именно случай. Итакъ, первая и существенная причина неудачи реформы 1862—1863 гг. состояла въ томъ, что „ей съ самаго начала былъ данъ слишкомъ малый объемъ“, (слова *А. Вайнера* ¹⁾); „большія суммы“, прибавляетъ *Вайнеръ*: „вмѣсто 15, быть можетъ 60 милл. фунт. стерл., при искусномъ направленіи дѣла, надлежащей энергіи... при нѣкоторомъ нравственномъ мужествѣ смотрѣть какъ уходить металлъ—позволили бы, конечно, достигнуть цѣли“. Къ указанной главной причинѣ неудачи нужно присоединить еще нѣсколько второстепенныхъ. Изъ числа послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть прежде всего ту, что финансовое управленіе заранѣе опредѣлило и довело до всеобщаго свѣдѣнія постепенно понижающійся курсъ монеты при размѣнѣ. При такомъ ходѣ дѣла спекуляція нашла себѣ значительное поле дѣйствія и тѣмъ самымъ затруднила ходъ размѣна. Дѣйствительно, при началѣ размѣна спекулянты могъ приносить металлъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи по понизившемуся курсу (металла) за тѣ же кредитные билеты получить больше металла, чѣмъ самъ онъ прежде отдалъ въ банкъ. Наконецъ, неудачѣ реформы 1862—63 гг. способствовали еще неблагопріятныя политическія обстоятельства (польское возстаніе) и уменьшеніе заграничнаго отпуска ²⁾. Вліяніе размѣна 1862—63 гг. на цѣну кре-

¹⁾ Русск. бум. деньги, стр. 181.

²⁾ Вывозъ хлѣба съ 1861 г. по 1863 г. уменьшился съ 68,2 на 44,2 милл. руб.

дитныхъ билетовъ было столь же скоропреходящимъ, какъ и самъ онъ: когда въ 1863 г. размѣнъ былъ прекращенъ, тотчасъ курсъ кредитныхъ билетовъ упалъ съ 38 на 33,5 пенса (на Лондонъ) и съ 399 на 350 сант. (на Парижъ); т. е. нашъ вексельный курсъ послѣ размѣна оказался на томъ же уровнѣ, на которомъ онъ былъ и до размѣна.

Указъ отъ 14 апр. 1862 г., объявившій о рѣшимости правительства открыть размѣнъ кредитныхъ билетовъ, заключалъ въ себѣ пунктъ, въ которомъ опредѣлялось, что „заготовленіе и выпускъ кредитныхъ билетовъ производить впредь по распоряженію и подѣвѣніемъ Государственнаго Банка и отнюдь не иначе, какъ взамѣнъ золота и серебра въ слиткахъ и монетъ или въ обмѣнъ крупныхъ билетовъ на мелкіе и обратно, а также ветхихъ на новые билеты“. Объ этомъ распоряженіи, мнѣ кажется, нельзя говорить такъ, какъ говоритъ *А. Вайнеръ* ¹⁾; послѣдній употребляетъ по отношенію къ указанному распоряженію слѣдующія выраженія: „къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ размѣнной операціей, повидимому, не удалась и другая, введенная указомъ 14 апр. 1862 г.,—прекращеніе выпуска бумажныхъ денегъ для финансовыхъ и торговыхъ цѣлей“. Изложенное распоряженіе нельзя назвать установленіемъ какой то особой операціи; оно было естественнымъ слѣдствіемъ предполагаемаго установленія размѣна; смыслъ его въ законодательномъ актѣ тотъ, что, *если* кредитные билеты станутъ размѣнными, то дальше уже нельзя ихъ выпускать тѣми способами и для тѣхъ цѣлей, для которыхъ они выпускаются, именно какъ бумажныя деньги; *если же* не удастся, то естественно отпадаетъ, не имѣетъ силы и это опредѣленіе. Впрочемъ, какъ бы то ни было, въ дальнѣйшей исторіи нашего денежнаго обращенія и притомъ вскорѣ мы опять встрѣчаемся съ выпусками свѣжихъ бумажныхъ денегъ; это—„временные выпуски для поддержанія кассъ, конторъ и отдѣленій Государственнаго Банка“ ²⁾, начавшіеся съ 1862 г. Относительно этихъ новыхъ выпусковъ нужно прежде всего сказать, что они дѣйствительно были временными: они не шли на покрытіе дефицитовъ, вызванныхъ недостаткомъ средствъ на обыкновенные или чрезвычайные

¹⁾ Русск. бум. деньги, стр. 184.

Объ этихъ выпускахъ очень обстоятельно говоритъ г. *Кауфманъ*, Госуд. долги Россіи, Вѣсти. Европы, 1885 г., кн. 2, стр. 592—598.

расходы. Мы этимъ не хотимъ сказать, что въ періодъ, когда обращались къ „временнымъ выпускамъ“, не было дефицитовъ; они были и общая сумма ихъ, напр., въ періодъ съ 1862 г. до 1870 г. равнялась 22.609.215 руб. Но дѣло въ томъ, что для покрытія этихъ расходовъ государство располагало въ тотъ же періодъ весьма значительными чрезвычайными ресурсами, простиравшимися до 821.705.820 руб.; послѣдняя сумма дѣлилась на двѣ части: одна принадлежала къ общимъ средствамъ государственнаго казначейства (въ количествѣ 583.070.189 р.) и составлена была главнымъ образомъ путемъ шести займовъ (внѣшнихъ и внутреннихъ), заключенныхъ въ 1862—1870 годахъ; другая часть (238.635.631 р.) носила названіе „спеціальныхъ ресурсовъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ“. Такимъ образомъ, указанные чрезвычайные ресурсы съ избыткомъ могли покрыть сумму въ 322.609.215 руб., представляющую общій итогъ дефицитовъ за названные годы по удовлетворенію обыкновенныхъ потребностей государства¹⁾. Но тогда, спрашивается, чѣмъ же вызывались „временные выпуски“? Во-первыхъ, они вызывались необходимостью обращаться къ краткосрочному кредиту для антиципаціи имѣющихъ поступить экстраординарныхъ средствъ; эта необходимость, какъ извѣстно, встрѣчается во всякомъ государственномъ хозяйствѣ, и почти во всѣхъ хозяйствахъ найдены особыя формы такого кредита. У насъ въ то время не было нормальнаго средства пользованія краткосрочнымъ кредитомъ; хотя серіи при своемъ возникновеніи и имѣли такое назначеніе, но съ теченіемъ времени вслѣдствіе чрезмѣрныхъ ихъ выпусковъ и фактической безсрочности обращенія онѣ потеряли свой первоначальный характеръ и во всякомъ случаѣ тогда (въ 60-хъ и 70-хъ гг.) не могли удовлетворять потребности въ дѣйствительно краткосрочномъ кредитѣ; онѣ сами стали такимъ долгомъ, который въ общей своей суммѣ не уплачивался правительствомъ, а только постоянно откладывался на новый срокъ; притомъ размѣщеніе серій вслѣдствіе обилія ихъ выпусковъ было затруднительнымъ и потому и ожидаемое поступленіе по нимъ могло быть антиципировано другимъ способомъ краткосрочнаго кредита.

¹⁾ Данныя о дефицитахъ въ 1862—70 гг. и экстраординарныхъ ресурсахъ за тотъ же періодъ взяты изъ только что названной статьи г. *Кауфмана*.

Вслѣдствіе объясненной сейчасъ причины финансовое управленіе въ случаяхъ нужды въ антиципациі будущихъ поступленій помогало себѣ временными выпусками бумажныхъ денегъ. Прежде всего въ этомъ отношеніи мы отмѣтимъ временные выпуски подѣ обезпеченіе билетовъ государственнаго казначейства (серій). Какъ мы недавно говорили, при значительныхъ одновременныхъ выпускахъ серій не всегда удавалось скоро размѣстить ихъ; тогда поступления, ожидаемыя отъ размѣщенія серій, антиципировались выпусками кредитныхъ билетовъ, а затѣмъ, когда серіи расходились, соотвѣтствующее количество кредитныхъ билетовъ извлекалось изъ обращенія. Могло быть, впрочемъ, и такъ, что въ казначейство возвращалось значительное количество серій отъ публики (въ платежахъ), и тогда кредитные билеты выпускались впрѣдъ до новаго размѣщенія серій. Такъ, еще въ 1861 г. подѣ обезпеченіе серій было выпущено 12 милліоновъ и въ 1864 г. эта операція была повторена и въ томъ же размѣрѣ; но затѣмъ 24 милліона кредитныхъ билетовъ по распродажѣ серій были изъяты изъ обращенія; именно: въ 1869 г. изъято 12 милліоновъ, въ 1870 г.—6 милліоновъ и въ 1871 г.—остальные 6 милліоновъ. Наконецъ, выпускъ кредитныхъ билетовъ подѣ обезпеченіе серій сдѣланъ былъ еще разъ и въ размѣрѣ болѣе значительномъ, чѣмъ прежде. Указъ отъ 9 іюля 1867 г. ¹⁾ говоритъ, что „при накопленіи въ кассахъ Банка значительнаго количества билетовъ Государственнаго Казначейства, Банкъ поставленъ въ затрудненіе выполнять возложенныя на него уставомъ обязанности въ отношеніи воспособленія торговль“; поэтому: 1) разрѣшается государственному банку по мѣрѣ дѣйствительной надобности въ подкрѣпленіи его кассъ произвести временный выпускъ кредитныхъ билетовъ подѣ обезпеченіе на равную сумму билетами государственнаго казначейства; 2) по мѣрѣ обратнаго поступленія въ банкъ выпускаемыхъ на указанномъ основаніи кредитныхъ билетовъ немедленно банкъ извлекаетъ ихъ изъ обращенія; 3) сумма временнаго выпуска не должна превышать 35 милліоновъ руб. Изъ этихъ 35 милліоновъ въ дѣйствительности было выпущено 24½ милліона и они уже въ 1868 г. были изъяты изъ обращенія, такъ какъ удалось размѣстить серіи, подѣ обезпе-

¹⁾ П. С. З., № 44.673а.

ченіе которыхъ билеты были выпущены. Такъ какъ билеты, выпускаемые подъ обезпеченіе серіями, извлекались изъ обращенія, то операція эта не могла имѣть сильнаго вліянія на денежное обращеніе; если бъ выпущенные кредитные билеты навсегда оставались въ обращеніи, а затѣмъ пускались бы туда же и серіи, то значеніе разсматриваемой операціи было бы то же, какъ и значеніе всякаго новаго выпуска бумажныхъ денегъ ¹⁾.

Помимо указаннаго повода и основанія къ временнымъ выпускамъ былъ еще другой, не менѣе значительный толчекъ къ продолженію дальнѣйшихъ выпусковъ; это—необходимость „подкрѣпленія кассъ, конторъ и отдѣленій“ банка для удовлетворенія требованій вкладчиковъ и производства учетной операціи. Относительно этого обстоятельства мы имѣемъ непосредственное свидѣтельство представителя финансоваго управленія; г. министръ финансовъ въ своей рѣчи Совѣту кредитныхъ установленій въ 1866 г. говорилъ: „повторявшіеся ежегодно въ теченіе многихъ лѣтъ дефициты по росписи и сверхсметные расходы, покрывавшіеся средствами кредита, выкупная операція, предлагающая, такъ сказать, ежедневно новыя государственныя бумажки, родившаяся вслѣдствіе крестьянской и другихъ реформъ бѣлая противъ прежняго потребность въ капиталѣ, все это вмѣстѣ не только поглощало всѣ образующіеся свободные капиталы, но совершенно нарушило равновѣсіе между сими послѣдними и требованіемъ на капиталъ. Послѣдствіемъ этого положенія было усиленное востребованіе вкладовъ изъ государственнаго банка и постепенное паденіе цѣны процентныхъ бумагъ. Между тѣмъ въ 1866 г. явилась новая потребность въ капиталахъ въ двойной формѣ, а именно: правительственнаго займа (второго съ выигрышами) и чрезвычайно значительной вывозной торговли, которая, сама собою разумѣется, привлекала въ торговые обороты большіе противъ прежняго капиталы. Это поставило банкъ въ необходимость для возврата вкладовъ и производства ссудныхъ своихъ операцій прибѣгнуть къ выпуску кредитныхъ билетовъ“. Дѣйствительно, во время заключенія второго съ выигрышами займа ссуды подъ государственныя бумажки (путемъ выпуска временнаго кредитныхъ билетовъ) достигли

¹⁾ Ср. А. Вагнеръ, Русск. бумаж. деньги, стр. 188.

значительныхъ размѣровъ; это даетъ основаніе *Вагнеру* утверждать, что „внутренній заемъ съ выигрышами состоялся посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ“ ¹⁾. Но всеже по мѣрѣ возвращенія ссудъ обратно поступавшіе кредитные билеты извлекались изъ обращенія, и такимъ образомъ ихъ временный характеръ сохранялся.

Такимъ образомъ, по отношенію къ временнымъ выпускамъ, начавшимся съ 1862 г., мы можемъ сказать, что они были вызваны главнымъ образомъ не коммерческими операціями государственнаго банка, а потребностями государственнаго казначейства; они служили, какъ мы видѣли, во-первыхъ, антиципаціоннымъ средствомъ для экстраординарныхъ поступленій государственнаго казначейства и, затѣмъ, вызваны были необходимостью возврата тѣхъ вкладовъ, которые остались государственному банку въ наслѣдіе отъ старыхъ кредитныхъ учрежденій и которые въ значительной части были истрачены казначействомъ. Но нельзя отрицать и того, что нѣкоторая часть временныхъ выпусковъ всегда дѣлалась для удовлетворенія потребностей самого банка. Въ самомъ дѣлѣ, оборотный капиталъ такого крупнаго банка, какъ нашъ государственный, долженъ отличаться нѣкоторой подвижностью. Когда банкъ владѣетъ правомъ выпуска размѣнныхъ билетовъ, то при посредствѣ этихъ послѣднихъ онъ всегда готовъ встрѣтить должнымъ образомъ измѣнчивую потребность оборота въ средствахъ обращенія. Такъ какъ нашъ банкъ не выпускаетъ размѣнныхъ билетовъ, то онъ эту потребность оборота можетъ удовлетворять только временными выпусками кредитныхъ билетовъ ²⁾. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности опредѣлить, какая часть временныхъ выпусковъ вызывалась потребностями государственнаго казначейства и какая — потребностями самого банка. Если какіе-нибудь выпуски бумажныхъ денегъ могутъ быть болѣе или менѣе оправданы, то это именно тѣ выпуски, о которыхъ мы сейчасъ говоримъ. Въ самомъ дѣлѣ, бумажные деньги, выпущенныя для удовлетворенія уси-

¹⁾ Ibid., стр. 185.

²⁾ Какъ мы знаемъ, самъ банкъ не имѣетъ права выпускать кредитные билеты; но министерство финансовъ обыкновенно не отказываетъ ему въ этихъ выпускахъ, для «воспособленія торговли».

лившагося спроса оборота на средства обращенія, находятъ для себя дѣло въ экономическомъ оборотѣ и, выполнивши его, возвращаются къ эмиссіонеру; поэтому эти выпуски не усиливаютъ излишества бумажно-денежнаго обращенія и не ведутъ къ дальнѣйшему его обезцѣненію ¹⁾.

На ряду съ временными выпусками кредитныхъ билетовъ для указанныхъ цѣлей финансовое управленіе производило одинъ изъ своихъ экспериментовъ, который повелъ къ увеличенію постоянной части бумажно-денежной циркуляціи: съ 1867 года государственный банкъ началъ свою знаменитую операцію покупки золота и серебра по заранѣ опредѣленной цѣнѣ: 30 іюля 1867 года банкъ заявилъ, что онъ будетъ покупать золото и серебро, первое — по 4 р. 27 коп. кред. за золотникъ, а второе — по 26 руб. 40 коп. кред. за фунтъ. Ближайшею цѣлью закупокъ было усиленіе размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ ²⁾. Благодаря очень высокой цѣнѣ, назначенной за металлы, покупка пошла очень успѣшно. Чтобы показать, что цѣна металла дѣйствительно была высока, и что, слѣдовательно, кредитные билеты оцѣнены были самимъ банкомъ низ-

¹⁾ Временные выпуски, какъ мы сказали, начались съ 1862 года; а затѣмъ они практиковались почти постоянно до начала послѣдней восточной войны. Просматривая отчеты государственнаго банка, мы не замѣтили временныхъ выпусковъ только въ 1874 и 1875 г.г. Техника временныхъ выпусковъ очень проста: въ государственномъ банкѣ постоянно хранится значительное количество запасныхъ кредитныхъ билетовъ («запасный капиталъ кредитныхъ билетовъ») и значительное количество билетовъ, предназначенныхъ для обѣна ветхихъ бумажекъ на новыя и крупныхъ на мелкія («размѣнный капиталъ кредитныхъ билетовъ»); изъ этихъ капиталовъ и черпались временные выпуски; въ отчетахъ государ. банка они помѣщаются въ числѣ пассивныхъ «коммерческихъ» операцій подъ именемъ «кредитныхъ билетовъ, временно выпущенныхъ для подкрѣпленія наличности» банка. Что касается объема временныхъ выпусковъ, то онъ былъ въ нѣкоторые годы весьма значительнымъ; такъ, въ 1867 г. было вновь выпущено 124,2 милл. и оставалось отъ прошлаго года 59,5 милл.; въ этомъ году было возвращено въ «размѣнный капиталъ» 150 милл.; въ 1872 году вновь заимствовано изъ «запаснаго капитала» 186,9 милл., а возвращено 228,5 милл. См. Отчеты государственнаго банка за соотвѣтственные годы.

²⁾ Закупка золота и серебра банкомъ оцѣнена въ ся значеніи для вексельнаго курса и другихъ сторонъ денежнаго обращенія въ статьѣ г. *Кауфмана*, Наши неотвержденные долги, Вѣст. Евр., 1874 г., кн. 3.

ко, мы представимъ слѣдующій расчетъ. Обыкновенная цѣна англійской унціи золота составляла въ то время 67 шил. 10 пенс.; въ англійской унціи заключается $6\frac{2}{3}$ золотника; слѣдовательно, банкъ предлагалъ за унцію золота $4,27 \times 6\frac{2}{3} = 28$ р. 48 коп., т. е. 28 р. 48 коп. кред. билетами приравнивалъ 67 шил. 10 пенс., а 1 рубль кредитный считалъ равнымъ $32\frac{3}{4}$ пенса; при такомъ денежномъ курсѣ нашъ кредитный рубль терялъ 16% ; что же касается вексельнаго курса, то банкъ объявленной цѣной золоту устанавливалъ его въ $33\frac{1}{4}$ пенса. Последняя цифра получается, если къ $32\frac{3}{4}$ пенса прибавить $1\frac{1}{2} - 2\%$ расходовъ на пересылку золота изъ Лондона въ Петербургъ и проценты за три мѣсяца ¹⁾). Установивъ указанную цѣну, банкъ могъ являться покупателемъ золота только тогда, когда вексельный курсъ стоялъ не ниже $33\frac{1}{4}$ пенса; онъ не могъ явиться покупателемъ, если курсъ былъ ниже, естественно, потому, что тогда за 4 р. 27 коп. никто не отдавалъ бы золотника чистаго золота. Но, разумѣется, когда вексельный курсъ благодаря успѣхамъ русской промышленности, выразившимся въ благопріятномъ отпускѣ, поднимался до $33\frac{1}{4}$ и, особенно, выше, тогда банку открывалась возможность продолжать свою операцію; однако, являясь покупателемъ металла, банкъ тѣмъ самымъ противодействовалъ стремленію вексельнаго курса повышаться, потому что вслѣдствіе его закупокъ предложеніе металла уменьшалось и цѣна металла по сравненію съ кредитными рублями должна была возвышаться ²⁾). Такимъ образомъ, вліяніе рассматриваемой операціи на курсъ нашего рубля было мало благопріятнымъ: изъ постановки операціи, естественно, вытекало, что вексельный курсъ не имѣлъ возможности подниматься выше $33\frac{1}{4}$ пенса, когда успѣхъ народнаго хозяйства имѣлъ бы

¹⁾ Какъ извѣстно, переводные векселя обыкновенно бываютъ трехмѣсячными.

²⁾ Для наглядности укажемъ на рядъ покупокъ:
 въ 5 мѣс. 1867 г. при среднемъ курсѣ въ 33 пен. купл. на $22\frac{1}{2}$ мил. мет. р.
 » 1868 » » » » $32\frac{27}{32}$ » » » 60 » » »
 » 1869 » » » » » $30\frac{7}{8}$ » » » 13 » » »
 » 1870 » » » » » $29\frac{11}{16}$ » » » 6 » » »
 » 1871 » » » » » $31\frac{31}{32}$ » » » 29 » » »
 » 1872 » » » » » $32\frac{3}{4}$ » » » 39 » » »

тенденцію поднимать его выше. Когда производилась операція закупки металловъ, ей приписывали ту заслугу, что она дѣлала вексельный курсъ болѣе постояннымъ, какъ принято выражаться, фиксировала курсъ. Но, во-первыхъ, приписывать закупкѣ заслугу фиксаціи курса можно только въ ограниченномъ смыслѣ: она фиксировала курсъ только съ одной стороны, она ставила ему только высшій предѣлъ въ $33\frac{1}{4}$ пенса, но не ставила низшаго предѣла; курсъ кредитныхъ билетовъ могъ понижаться сколько угодно внизъ отъ $33\frac{1}{4}$ п., и удержать его отъ паденія не было во власти государственнаго банка. Затѣмъ, во-вторыхъ, фиксація курса имѣетъ значеніе для всего народнаго хозяйства только тогда, когда она есть результатъ самаго существа денежнаго обращенія, а не результатъ такой искусственной мѣры, какъ закупка металла государственнымъ банкомъ,—мѣры, по необходимости временной. Дѣйствительно, фиксація курса въ томъ видѣ, какъ она устанавливалась закупкой металла, служила только интересамъ частныхъ лицъ: для экспортеровъ представлялась возможность получать неожиданные и незаслуженные барыши именно благодаря тому обстоятельству, что государственный банкъ своей операціей *понижалъ* вексельный курсъ противъ того уровня, на которомъ онъ могъ бы стоять подъ вліяніемъ однихъ только условий вывоза. Объяснимъ это примѣромъ: предположимъ, что успѣхи народнаго хозяйства могли бы держать вексельный курсъ на 35 пенсахъ; если бъ это было такъ, то русскій экспортеръ, продавшій, напр., на 2.000.000 пенсовъ пшеницы въ Лондонъ получилъ бы за нихъ въ Россіи ($2.000.000:35=$) 57.142,8 кред. рубля ¹⁾; но при операціи закупки курсъ стоитъ на $33\frac{1}{4}$ пен., и тогда нашъ экспортеръ *ceteris paribus* получить уже ($2.000.000:33\frac{1}{4}=$) 60.150,4 руб. кред.; т. е. за тотъ же товаръ при тѣхъ же заграничныхъ цѣнахъ экспортеръ получаетъ излишекъ до 3 тыс. руб., служащій ему какъ бы преміей за вывозъ. Не имѣя благотѣльнаго вліянія на курсъ кредитныхъ билетовъ, операція закупки должна была, напротивъ, имѣть вредное вліяніе, какъ и всякая операція, ведущая къ ненужному уве-

¹⁾ Для простоты цѣна пшеницы не выражается въ фунтахъ стерлинговъ и шиллингахъ и сверхъ того предполагается, что русскій экспортеръ получилъ ее переводными векселями.

личенію бумажно-денежной циркуляціи. Однако въ движеніи курса мы не замѣчаемъ рѣзкаго движенія за то время, когда производилась операція ¹⁾. Такое явленіе объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что въ своемъ началѣ операція собственно не увеличивала фактически денежнаго обращенія: для нея государственный банкъ не дѣлалъ специальныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, а употреблялъ тѣ, которые выпускались имъ „временно“ (для возврата вкладовъ, для усиленія ссудной операціи) и которые возвращались въ его кассы изъ своего временнаго назначенія; слѣдовательно, на первое время операція закупки обращала временные выпуски въ постоянные, и то неблагоприятное послѣдствіе, которое имѣли временные выпуски, становилось изъ временнаго постояннымъ; въ сущности все оставалось по старому, но только зло временное обращалось уже въ зло постоянное. Затѣмъ, во-вторыхъ, нужно имѣть въ виду еще то очень важное обстоятельство, что крестьянская реформа въ это время уже замѣтно проявляла свое вліяніе и въ области денежнаго обращенія такъ же, какъ она не осталась безъ значенія для всѣхъ почти областей общественной жизни Россіи; въ области денежнаго обращенія крестьянская реформа имѣла то значеніе, что она усиливала потребность въ орудіяхъ обращенія, такъ какъ она обратила наше дореформенное полунатуральное хозяйство въ денежное въ болѣе полномъ смыслѣ слова. Благодаря отмѣченному сейчасъ вліянію крестьянской реформы излишніи бумажныя деньги переставали быть въ известной своей части таковыми, и это должно было отражаться благоприятно на ихъ цѣнѣ. Итакъ, указанныя двѣ причины объясняютъ, почему во время операціи закупки металла со стороны государственнаго банка курсъ кредитныхъ билетовъ не падалъ, какъ бы слѣдовало ожидать. Неблагопріятное значеніе новыхъ выпусковъ ограничивается, слѣдовательно,

¹⁾ Вексельный курсъ за время закупки металловъ государственнымъ банкомъ былъ таковъ:

1868 г.—343 ¹ / ₄ снт.	1872 г.—349 ¹ / ₂ снт.
1869 г.—324 ¹ / ₂ с. } (франко-прусская война).	1873 г.—344 ⁷ / ₈ »
1870 г.—316 с.	1874 г.—349 ³ / ₄ »
1871 г.—348 ¹ / ₄ с.	

только тѣмъ, что они парализовали возвышающее цѣну билетовъ дѣйствіе со стороны другихъ благопріятствующихъ обстоятельствъ: если бъ этихъ выпусковъ не было, то кредитный рубль въ 1867—1875 г. имѣлъ бы болѣе высокую металлическую цѣну.

Операція закупки металловъ съ 1867 г. продолжалась до конца 1875 г., и ея количественный результатъ выражался слѣдующими цифрами: количество кредитныхъ билетовъ къ 1 янв. 1876 г. составило 797.314.480 руб., т. е. наивысшую цифру, до которой оно достигало передъ послѣдней восточной войной; размѣнный фондъ заключалъ въ себѣ въ то же время 229.378.371 руб. мет.; т. е. также такое количество, до котораго онъ никогда ни прежде, ни впослѣдствіи не достигалъ; отношеніе между размѣннымъ фондомъ и обращающимися кредитными билетами достигло такимъ образомъ отношенія 1 къ $3\frac{1}{2}$.

Но спросимъ еще, какую же цѣну могла имѣть операція закупки съ точки зрѣнія непосредственной ея цѣли—увеличенія размѣннаго фонда?—На этотъ вопросъ мы опять должны отвѣтить, что финансовое управленіе увлеклось неправильными расчетами. Повидимому, ему казалось, что при благопріятномъ отношеніи размѣннаго фонда къ обращающимся кредитнымъ билетамъ оно можетъ съ легкимъ сердцемъ приступить и къ размѣну; или, по крайней мѣрѣ, оно рассчитывало, что довѣріе къ кредитнымъ билетамъ возвысится пропорціонально возвышенію размѣннаго фонда. Но мы уже разъ имѣли случай говорить, что закупка металла путемъ выпуска для этого новыхъ бумажныхъ денегъ не можетъ приблизить размѣнъ; она скорѣе отдаляетъ его, потому именно, что выпускаемые для закупки металла бумажныя деньги, при условіи ненужности ихъ для денежнаго рынка страны, тотчасъ по открытіи размѣна всѣ цѣликомъ обратятся въ размѣнныя кассы и тѣмъ самымъ сдѣлаютъ отношеніе между *оставшимся* размѣннымъ фондомъ и *оставшимися* въ обращеніи бумажными деньгами такимъ же, какимъ оно было до закупки металла съ цѣлью открытія размѣна; отношеніе между размѣннымъ фондомъ и оставшимися билетами будетъ даже худшимъ, если размѣнъ будетъ сдѣланъ по цѣнѣ нарицательной или по цѣнѣ высшей, чѣмъ та, по которой выходили билеты при закупкѣ металла. Можно бы было, конечно, консолидировать выпускаемые для

закупки кредитные билеты, что, кажется, и имѣло въ виду наше финансовое управленіе, предпринявъ въ 1870—1871 г. консолидацію въ незначительныхъ размѣрахъ ¹⁾. Но вмѣсто того, чтобы идти такимъ обходнымъ и рискованнымъ путемъ, лучше прямо добыть займомъ нужныя для размѣна средства, составивъ предварительно твердый планъ устраненія бумажныхъ денегъ; впрочемъ, мысль о консолидаціи, какъ мѣрѣ, парализующей неблагопріятныя дѣйствія вновь выпускаемыхъ билетовъ, вскорѣ была оставлена финансовымъ управленіемъ. Что же касается той надежды, что путемъ увеличенія размѣннаго фонда достигается большее довѣріе къ кредитнымъ билетамъ, что будто иностранная публика и русская, зная, что въ Петропавловской крѣпости лежитъ масса металла, только въ $3\frac{1}{2}$ раза меньшая количества обращающихся билетовъ, проникнется благодаря этому обстоятельству желаніемъ выше цѣнить бумажки, то эта надежда не оправдалась дѣйствительностью. Оно и понятно: всякому владѣльцу долговыхъ обязательствъ интересно быть убѣжденнымъ только въ томъ, что въ скоромъ времени непременно вслѣдствіе такихъ то и такихъ то мѣръ платежъ по обязательствамъ воспослѣдуетъ; тогда владѣлецъ обязательствъ непременно будетъ цѣнить ихъ выше; но, когда онъ видитъ, что копятыя средства для расплаты по обязательствамъ и въ то же время распложаютъ эти обязательства, то скептицизмъ его (владѣльца обязательствъ) будетъ и умѣстенъ, и понятен ²⁾. Дѣйствительно, величина размѣннаго фонда не оказываетъ замѣтнаго вліянія на высоту лажа; для примѣра можно указать на 1864 г., когда размѣнный фондъ заключалъ въ себѣ 65 милл., и 1875 г., когда фондъ былъ равенъ 229 милл.; несмотря на такую разницу въ фондѣ, курсъ кредитныхъ билетовъ тѣмъ не менѣе былъ почти одинаковъ ³⁾.

Впрочемъ, говоря о тѣхъ цѣляхъ, которыя наше финансовое управленіе преслѣдовало при закупкѣ металловъ, мы,

¹⁾ Обращеніемъ кредитныхъ билетовъ въ 5% банковые билеты консолидировано до 31 милл. руб.

²⁾ *A. Вагнеръ* очень категорично выражается на этотъ счетъ: «при однажды существующей неразмѣнности величина металлическаго фонда имѣетъ совершенно постороннее значеніе». Русс. бум. деньги, стр. 171.

³⁾ Въ 1864 г.—339 $\frac{1}{2}$ сант., а въ 1875 г.—339 $\frac{3}{4}$ сант.

быть можетъ, навязываемъ ему ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если оно въ теченіе 8½ лѣтъ (съ авг. 1867 по 1875 г.) закупало металлъ, чтобы приблизиться къ размѣну или, по крайней мѣрѣ, чтобы поддержать цѣну кредитныхъ билетовъ, то нельзя было при такихъ намѣреніяхъ ожидать отъ него, что въ 1876 году оно приступитъ къ мѣрѣ противоположной: распродажѣ золота и серебра по биржевой цѣнѣ; между тѣмъ финансовое управленіе это сдѣлало; намъ остается одно изъ двухъ допустить: или что при закупкѣ металловъ оно дѣлало только одинъ изъ своихъ „опытовъ надъ курсомъ“, и тогда, слѣдовательно нельзя бы видѣть особенной непослѣдовательности въ такомъ же опытѣ, только произведенномъ путемъ обратнымъ; или приходится допустить, что финансовое управленіе наконецъ само сознало, что закупка металла не поведетъ къ намѣченнымъ имъ цѣлямъ; хотѣлось бы думать, что послѣднее предположеніе справедливѣе. Новая операція банка продолжалась очень недолго, только до октября 1876 г.; но не отъ доброй воли банковаго управленія зависѣло прекращеніе неожиданной операціи, а отъ приближавшейся военной грозы. Распродажу золота и серебра уже дѣйствительно никакъ иначе нельзя назвать, какъ „опытомъ съ вексельнымъ курсомъ“: этимъ путемъ, конечно, можно было держать на опредѣленной высотѣ вексельный курсъ, но только до тѣхъ поръ, пока былъ въ запасѣ металлъ; съ другой стороны, если бы извлекаемые изъ обращенія чрезъ вымѣнъ на металлъ билеты истреблялись, то это также не осталось бы безъ вліянія на возвышеніе курса билетовъ. Однако распродажа металла продолжалась слишкомъ короткое время, чтобы оказать существенное вліяніе на денежное обращеніе. Мы отмѣтимъ только, что она повела къ уменьшенію кредитныхъ билетовъ на 66 милл., которые дѣйствительно были сожжены послѣ того, какъ поступили въ кассы банка ¹⁾.

Теперь намъ было бы полезно въ сжатой картинѣ представить количественный ростъ кредитныхъ билетовъ за разсмотрѣнный періодъ; это мы и сдѣлаемъ сейчасъ. Крупныя измѣненія въ количествѣ кредитныхъ билетовъ были таковы:

¹⁾ См. Отчетъ госуд. банка за 1876 г.

УВЕЛИЧЕНИЕ КРЕДИТНЫХЪ БИЛЕТОВЪ:

1) выпускъ кред. билетовъ во время крымской войны (1854—1857 г.г.)	401,8	милл.
2) умноженіе билетовъ для возврата вкладовъ	85,5	милл.
3) выпуски билетовъ для закупки металловъ въ 1867—1875 г.г.	173,0	милл.
Итого увеличеніе на		663,3 милл.

УМЕНЬШЕНИЕ КРЕДИТНЫХЪ БИЛЕТОВЪ:

1) сожжено въ 1858 г.	60,0	милл.
2) вымѣнено на монету въ 1858 г.	31,0	милл.
3) уменьшено путемъ размѣна въ 1862—63 г.г.	77,0	милл.
4) уменьшено консолидаціей 1870—1871 г.г.	31,4	милл.
5) уменьшено путемъ распродажи металла въ 1876 г.	66,0	милл.
Итого уменьшеніе на		265,4 милл.

Что касается погоднаго движенія кредитныхъ билетовъ за то же время, то оно представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Года.	Колич. кред. бил. къ 1 янв.	Года.	Колич. кред. бил. къ 1 янв.
1855	357.800.000	1867	709.044.046
1856	511.100.000	1868	715.113.776
1857	689.200.000	1869	724.406.213
1858	735.200.000	1870	721.788.189
1859	644.500.000	1871	715.809.884
1860	678.100.000	1872	724.214.040
1861	712.976.569	1873	771.019.450
1862	713.596.178	1874	796.962.463
1863	691.104.562	1875	797.313.480
1864	636.525.857	1876	797.313.480
1865	679.574.599	1877	790.022.025 ¹⁾
1866	675.694.732		

¹⁾ Въ этой таблицѣ обозначены не только тѣ билеты, которые принадлежали къ постоянной циркуляціи, но и временные выпуски. См. Ежегодникъ министерства финансовъ, вып. XI (1881), 109 (прилож.).

Итакъ, къ началу послѣдней восточной войны русскій денежный рынокъ долженъ былъ считаться съ почтенной цифрой въ 790 милл. кред. рублей ¹⁾. Но война съ Турціей (послѣдняя) должна была принести и дѣйствительно принесла „свѣжій“ притокъ бумажекъ, о которомъ намъ предстоитъ вести рѣчь.

Когда идетъ рѣчь о какомъ-либо печальномъ явленіи общественной жизни, которое есть результатъ воли самого общества или государственной власти, то всегда возбуждается вопросъ, поскольку такое явленіе было нужно, поскольку имъ отстранялось другое бѣльшее зло. Когда на поставленный такимъ образомъ вопросъ мы можемъ отвѣтить, что дѣйствительно такое-то явленіе вызвано только въ видахъ необходимости, только въ видахъ отвращенія бѣльшаго зла, тогда такое явленіе получаетъ отъ насъ оправданіе. Обращаясь къ послѣднему сказанію о государственныхъ кредитныхъ билетахъ, появившихся на Божій свѣтъ въ періодъ съ 1877 по 1881 г., мы зададимъ себѣ тотъ же вопросъ: какова была необходимость въ выпускахъ кредитныхъ билетовъ за указанное время? — Періодъ 1871—1875 г.г., предшествовавшій послѣдней войнѣ, является самымъ блестящимъ въ нашемъ финансовомъ хозяйствѣ: бюджетъ нашъ, давно не знавшій равновѣсія, наконецъ достигъ его за это время; и не только равновѣсіе въ бюджетѣ стало свершившимся фактомъ, но явились и нѣкоторые „остатки“ отъ обыкновенныхъ доходовъ. Это — первое и весьма благопріятное обстоятельство для послѣдовавшаго съ 1876 г. періода чрезвычайнаго финансоваго напряженія: оно давало возможность чрезвычайныя средства употреблять именно для тѣхъ цѣлей, для которыхъ они — чрезвычайныя средства — добываются, а не на покрытие дефицитовъ по росписи. Равновѣсіе въ бюджетѣ въ военное время потерпѣло, разумѣется, крушеніе, но всетаки очень незначительное: за весь военный періодъ 1876 — 1882 годы ²⁾ дефицитъ въ обыкновенныхъ расходахъ составлялъ

¹⁾ Изъ нихъ, впрочемъ, къ «постоянной циркуляціи» относились только 716,5 милл., которые въ отчетахъ государственнаго банка долгое время обозначались подъ рубрикой «билетовъ, вынужденныхъ до 1876 года».

²⁾ Здѣсь о «военномъ періодѣ» говорится не какъ о времени дѣйствительнаго веденія войны, а какъ о такомъ времени, въ теченіе котораго финансовое хозяйство должно было разбираться въ денежныхъ тягостяхъ, наложенныхъ на него войной.

сравнительно небольшую цифру въ 31.703.834 р., которая была въ семь разъ меньше суммы дефицитовъ въ 1854—1857 г.г. Затѣмъ, слѣдуетъ отмѣтить второе еще болѣе счастливое обстоятельство: это—накопленіе свободныхъ ссудныхъ капиталовъ въ странѣ. Последнимъ обстоятельствомъ правительство очень широко воспользовалось: въ 1876—1881 г.г. оно заключило внутреннихъ займовъ на миллиардъ рублей ¹⁾). Если бы внутренній кредитъ правительства не оказалъ столь возможнымъ и столь широкимъ, то мы, быть можетъ, въ послѣднюю войну встрѣтились бы съ небывалымъ увеличеніемъ бумажныхъ денегъ въ Россіи. Въ первую восточную войну чрезвычайные расходы составляли 538.225.000 руб. и изъ нихъ 400 милл. (т. е. почти $\frac{3}{4}$) были добыты путемъ выпуска кредитныхъ билетовъ: если бы и въ 1876—1881 г.г. правительство имѣло возможность воспользоваться внутреннимъ кредитомъ въ формѣ долгосрочныхъ займовъ только въ такихъ же небольшихъ размѣрахъ, какъ въ 1854—1857 г.г., то ему пришлось бы выпустить бумажныхъ денегъ до 900 милл., такъ какъ послѣдняя война стоила всего Россіи 1.113.481.519 р. ²⁾); въ дѣйствительности же увеличеніе бумажно-денежнаго обращенія къ 1 янв. 1881 г. составляло только 400 милл. Но даже и эти 400 милл. не являлись цѣликомъ результатомъ одной потребности въ средствахъ на веденіе войны. Въ самомъ дѣлѣ, отъ внутреннихъ займовъ на чрезвычайные расходы въ руки правительства дѣйствительно поступило 901.584.639 р.; сверхъ того отъ внѣшняго займа, заключеннаго въ 1877 г. на 15 милл. фунтовъ стерлинговъ номинальной суммы, правительство по реализаціи получило 106.408.573 р.; наконецъ, въ 1880 г., когда ликвидація военныхъ расходовъ еще была не закончена, выпущены были консолидированныя желѣзнодорожныя облигаціи, изъ полученныхъ денежныхъ средствъ за которыя можно было употребить до 69.359.752 руб. на воен-

¹⁾ Именно:

а) 4-й выпускъ 5% банковыхъ билетовъ 1876 г. на	100 милл.	} номинальной цѣны зай- мовъ.
б) Первый восточный заемъ 1877 г. на	200 милл.	
в) Второй восточный заемъ въ 1877 г. на	300 милл.	
г) Третій восточный заемъ въ 1879 г. на	300 милл.	
д) 5-й выпускъ 5% банковыхъ билетовъ въ 1881 г. на	100 милл.	

²⁾ См. г. Кауфманъ, Госуд. долги Россіи, Вѣст. Евр., 1885 г., кн. 2.

ные расходы или, точнѣе, на погашеніе нѣкоторыхъ военныхъ счетовъ ¹⁾. Такимъ образомъ, общая сумма, которой правительство располагало для военныхъ расходовъ, составляла 1.077.352.964 руб., и для покрытія всѣхъ издержекъ на войну не доставало только 36.128.555 руб. ²⁾. Но мы знаемъ также, что въ 1876 — 1881 г.г. былъ дефицитъ въ обыкновенныхъ доходахъ въ количествѣ 31.703.834 руб., который приходилось покрыть также изъ экстраординарныхъ ресурсовъ; слѣдовательно, сверхъ названныхъ 1.077.352.964 руб. правительство должно было добыть путемъ кредита еще всего только 67.832.389 руб. (= 36.128.555 + 31.703.834 руб.). Такъ какъ другіе источники кредита были имъ вполне исчерпаны, то правительству не оставалось ничего больше дѣлать, какъ обратиться къ выпуску бумажныхъ денегъ; но строго говоря, правительство должно было выпустить именно только 67.832.389 р. Однако въ дѣйствительности выпущено было въ послѣднюю войну гораздо большее количество кредитныхъ билетовъ, и намъ слѣдуетъ объяснить, какъ это случилось. Дѣло въ томъ, что, хотя по займамъ и добыты были громадныя суммы, но онѣ, конечно, поступали медленно и не всегда въ то время, когда казначейство особенно нуждалось въ средствахъ для платежей; естественно, приходилось прибѣгать къ антиципациі будущихъ поступленій по займамъ, и для этой цѣли выпускались кредитные билеты. Но выпущенные подъ указаннымъ давленіемъ кредитные билеты должны были имѣть только временный характеръ: ихъ должно было извлекать по мѣрѣ поступления тѣхъ суммъ, для антиципациі которыхъ они выпускались. Затѣмъ, во-вторыхъ, кредитные билеты имѣли еще назначеніе удовлетворять многочисленнымъ требованіямъ ссудъ изъ государственнаго банка подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ; требованіе ссудъ за разсматриваемый періодъ дѣйствительно было велико подъ вліянемъ спроса на денежные капиталы со стороны самого же правительства ³⁾; но эти выпуски должны и могли быть также временными: разъ кредитные билеты возвращены банку въ возвратъ ссудъ, имъ не было уже надобности идти опять въ

¹⁾ За вѣрность послѣдней цифры слагаемъ отвѣтственность на г. *Кауфмана*, см. его ст. «Госуд. долги Россіи», *Вѣстн. Евр.*, 1885 г., кн. 2, стр. 611—613.

²⁾ Мы уже упоминали выше, что послѣдняя война стоила Россіи 1.113.481.519 р. (1.113.481.519—1.077.352.964=36.128.555).

³⁾ Мы имѣемъ въ виду внутренніе займы.

обращеніе. Вотъ причины, по которымъ во время послѣдней войны билетовъ появилось въ обращеніи больше, чѣмъ сколько можно было ожидать. Самая большая цифра выпуска падаетъ на 1878 г.: она простиралась до 543.054.558 руб., но въ 1879 г. изъ нихъ изъято было 123.459.048 руб. и къ 1 янв. 1881 г. оставалось въ обращеніи всеже 419.595.509 руб.; по указу отъ 1 янв. 1881 г. уплачены были госуд. банку еще 19.595.509 руб. и такимъ образомъ въ концѣ концовъ бумажно-денежная циркуляція усилилась на 400 милл. Очевидно, финансовое управленіе не было достаточно послѣдовательнымъ и твердымъ, чтобы за временными выпусками удержать ихъ настоящей характеръ; впрочемъ, нужно оговориться, что оно сдѣлало эту попытку, но только поздно, именно тогда, когда антиципированныя кредитными билетами поступления по отверженнымъ долгамъ были уже цѣликомъ истрачены¹⁾; и, затѣмъ, нужно имѣть въ виду, что извлеченію значительной части временныхъ выпусковъ помѣшало одновременное съ войной горячее строительство желѣзныхъ дорогъ. Желѣзнодорожный фондъ въ 1876 г. составлялъ сумму въ 93.983.025 р., въ 1876—1879 г.г. къ нему прибавилось только 37.467.538 руб.; между тѣмъ на постройку желѣзныхъ дорогъ истрачено было: въ 1876 г.—80 милл., въ 1877 г.—также 80 милл., въ 1878 году—85 милл. и въ 1879 году—42 милл., а всего за военный періодъ на постройку желѣзныхъ дорогъ израсходовано 287 милл. въ то время, какъ въ желѣзнодорожномъ фондѣ имѣлось только 131 милл.²⁾ Недостававшая сумма въ 155 милл. взята была изъ временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ и тѣмъ самымъ обращена въ постоянную часть циркуляціи. Такимъ образомъ, 400 милл., которыми послѣдняя война подарила денежный рынокъ Россіи, не всѣ пошли на военные расходы и, поскольку они не пошли на военные расходы, поскольку, другими словами, они не были вызваны необходимостью, постольку ихъ появленіе на свѣтъ Божій даетъ поводъ сдѣлать упрекъ нашему финансовому управленію: въ самомъ дѣлѣ, строить желѣзныя дороги и выпускать

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь объ указѣ отъ 1 янв. 1881 г., о которомъ подробно немного ниже.

²⁾ Эти данныя взяты также изъ статьи г. *Кауфмана*, «Госуд. долги Россіи».

для этого бумажныя деньги значить давать одной рукой благо, а другой зло, быть можетъ, даже превышающее благо.

За всѣмъ тѣмъ, какъ мы недавно сказали, правительство всетаки сдѣлало шагъ къ погашенію временныхъ выпусковъ¹⁾ кредитныхъ билетовъ. Въ 1881 г. послѣдовалъ на этотъ счетъ Высочайшій указъ²⁾ на имя министра финансовъ, который мы приведемъ цѣликомъ потому, что сжатость его содержанія дѣлаетъ излишнимъ пересказъ въ неподлинныхъ словахъ. Вотъ что гласить названный указъ: „на основаніи Высочайшаго повелѣнія Нашего отъ 25 окт. 1876 г. чрезвычайные расходы военнаго времени покрывались, отчасти, позаимствованіями суммъ изъ Государственнаго Банка и для производства таковыхъ авансовъ Государственный Банкъ выпускалъ кредитные билеты. Нынѣ по представленію министра финансовъ, въ особомъ Комитетѣ разсмотрѣнному, Мы признали за благо, прекративъ означенныя позаимствованія, принять вмѣстѣ съ тѣмъ мѣры къ усиленію Государственнаго Банка, для доставленія ему возможности производить изъ своихъ наличныхъ суммъ, какъ платежи по распоряженію Государственнаго Казначейства, такъ и ссуды для воспособленія торговлѣ и промышленности, на точномъ основаніи Устава Государственнаго Банка, не прибѣгая къ дальнѣйшимъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ, съ тѣмъ, чтобы количество выпущенныхъ уже билетовъ было сокращаемо по мѣрѣ возможности. Въ сихъ видахъ повелѣваемъ: 1) уплатить нынѣ же изъ средствъ Государственнаго Казначейства Государственному Банку сумму³⁾, потребную для уменьшенія до четырехъ-сотъ милліоновъ рублей долга Банку по произведеннымъ имъ за счетъ казны расходамъ; 2) пога-

¹⁾ Выпуски для послѣдней войны сначала помѣщались государств. банкомъ въ отчетахъ его подъ старой рубрикой, носящей заглавіе: «билеты, временно выпущенные для подкрѣпленія наличности» банка, и по прежнему помѣщалась эта рубрика при перечисленіи пассивныхъ «коммерческихъ» операцій банка; только съ 1883 г. въ отчетахъ банка временный выпускъ (въ суммѣ 417 милл.) помѣщается въ томъ отдѣлѣ, который перечисляетъ операціи банка за счетъ государственнаго казначейства. Замѣтимъ еще, что счетъ этого временнаго выпуска до сихъ поръ не смѣшивается съ «постояннымъ выпускомъ» или, какъ отчеты иногда выражаются, съ «билетами, обезпеченными разнѣннымъ фондомъ».

²⁾ Указъ отъ 1 янв. 1881 г., II. С. З., № 61.730.

³⁾ Сумма эта—19.595.509 руб.

сигь остальную сумму долга 400 милл. руб. ежегодными, начиная съ 1881 г. уплатами изъ казны Банку въ размѣрѣ пятидесяти милл. руб. въ годъ; и 3) уничтожить кредитные билеты, по мѣрѣ накопленія ихъ въ кассахъ Банка и по соображенію съ потребностью въ денежномъ обращеніи¹⁾. Содержаніе указа не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ задается единственной цѣлью — сократить количество обращающихся кредитныхъ билетовъ до того размѣра, въ которомъ оно находилось до послѣдней восточной войны. Но тотъ же указъ своими опредѣленіями налагалъ на государственное казначейство непосильную обязанность уплачивать ежегодно 50 милл. государственному банку: для такой уплаты обыкновенные доходы не давали средствъ, такъ какъ дефицитъ въ нашемъ бюджетѣ по прежнему явленіе обыкновенное; поэтому, чтобы хоть отчасти исполнить предписаніе указа отъ 1 янв. 1881 г., пужно было черпать средства изъ экстраординарныхъ источниковъ, т. е. займовъ. Въ дѣйствительности такъ и было: въ 1883 г., когда только и началось сокращеніе бумажно-денежной циркуляціи, выпущена была такъ называемая золотая рента „для уплаты причитающихся Государственному Банку 50 милл. рублей и для удовлетворенія расходовъ по желѣзно-дорожнымъ сооруженіямъ“. До чего затруднительно было государственному казначейству уплачивать свой долгъ банку въ размѣрахъ, опредѣленныхъ указомъ 1 янв. 1881 г., показываетъ еще то, что въ 1883 г. послѣ выпуска золотой ренты казначейство могло уплатить только 30 милл. Министръ финансовъ объяснялъ неполную уплату въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „дабы по возможности устранить всякія опасенія стѣсненія денежнаго рынка и произвести извлеченіе кредитныхъ билетовъ изъ народнаго обращенія безъ всякихъ потрясеній въ торговлѣ и промышленности безъ стѣсненія Государственнаго Банка въ исполненіи лежащихъ на немъ обязательствъ передъ казною и частными лицами,—министръ финансовъ ограничилъ на первое время сумму подлежащихъ погашенію кредитныхъ билетовъ 30 милл. рублей съ тѣмъ, чтобы за симъ продолжать постепенное погашеніе сихъ билетовъ по частямъ, въ размѣрахъ какіе опредѣлятся по соображенію условій денежнаго рынка и наличности кассы Государственнаго Банка“¹⁾. Для дальнѣйшаго выпол-

¹⁾ Указатель правит. распоряженій по министерству финансовъ, 1883 г., № 51, стр. 1540.

ненія указа 1 янв. сдѣлано слѣдующее: въ іюнѣ 1884 г. было уплачено государственному банку и сожжено еще 30 милл. кредитныхъ билетовъ и въ 1885 г. изъято тѣмъ же путемъ 27 милл. Такимъ образомъ, изъ временнаго выпуска для послѣдней войны было уничтожено кредитныхъ билетовъ только 87 милл. Впрочемъ, въ 1887 г. временный выпускъ былъ уменьшенъ еще на 63,7 милл., но безъ уничтоженія этой суммы билетовъ. Эта оригинальная операція состояла въ томъ, что (по указу отъ 10 іюля 1887 г.) государственное казначейство передало въ размѣнный фондъ 40 милл. металломъ, и взаменъ ихъ 63,7 милл. руб. бумажныхъ, соотвѣтствовавшихъ по тогдашнему курсу названной суммѣ звонкой монеты, были переведены изъ временнаго выпуска въ постоянную часть бумажно-денежнаго обращенія; съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней постоянная часть составляетъ 780 милл., временный выпускъ—266,3 милл., а вся сумма кредитныхъ билетовъ—1046,3 мил. ¹⁾ Скольکو можно судить, остатокъ временнаго выпуска для послѣдней войны скоро будетъ и формально присоединенъ къ постоянной части кредитныхъ билетовъ, куда онъ теперь относится фактически.

Какъ видитъ читатель, предположенія указа 1 янв. 1881 года не осуществились вполнѣ; и едва ли можно объ этомъ жалѣть. Въ самомъ дѣлѣ, предполагалось извлечь только ту часть кредитныхъ билетовъ, которая была выпущена ради послѣдней войны. Но удобное время для того было уже пропущено: слѣдовало бы уничтожить эти билеты (если было, конечно, возможно) въ первый или въ два первые года послѣ ихъ выпуска, когда они не вошли еще въ обращеніе; извлекать же билеты спустя 8 — 10 лѣтъ послѣ выпуска, когда, по всей вѣроятности, всѣ они уже вошли въ обращеніе и обезцѣнили денежную единицу, значитъ вновь вносить замѣшательство въ экономическій оборотъ. Правда, уничтоженіе всего временнаго выпуска повело бы къ возвышенію цѣнности и цѣны кредитныхъ билетовъ, но главное зло бумажныхъ денегъ и состоитъ именно въ колебаніи, неустойчивости ихъ цѣнности и цѣны.

Чтобы покончить съ исторіей кредитныхъ билетовъ, намъ остается упомянуть о новыхъ временныхъ выпускахъ ихъ,

¹⁾ Отчеты госуд. банка за 1887—91 г.г.

появившихся 1888 году. Выше мы имѣли случай говорить что государственный банкъ, не выпуская размѣнныхъ билетовъ, долженъ бумажными деньгами удовлетворять временно усиливающійся спросъ на орудія обращенія. Это обстоятельство побудило въ 1888 году вновь обратиться къ временнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ. Указъ отъ 8 іюля 1888 г. разрѣшаетъ подобные временные выпуски, причемъ онъ прямо говоритъ, что временные выпуски дѣлаются государственнымъ банкомъ съ разрѣшенія министра финансовъ „въ случаяхъ потребности въ усиленіи денежнаго обращенія при оживленіи торговыхъ оборотовъ“; указъ требуетъ, чтобы билеты были обеспечены золотомъ по номинальной цѣнѣ; по минованіи надобности въ усиленномъ денежномъ обращеніи, билеты должны уничтожаться. На основаніяхъ изложеннаго указа въ 1888 г. было выпущено 30 милл. кредитныхъ билетовъ, но въ томъ же году они были и уничтожены. Въ 1891 г. (отъ 28 іюля) былъ изданъ новый указъ, уполномочивающій министра финансовъ опять разрѣшать временные выпуски на тѣхъ же основаніяхъ, но о потребностяхъ торговаго оборота въ усиленномъ обращеніи въ этомъ указѣ уже не говорится. Повидимому, временные выпуски теперь должны были не только служить потребностямъ оборота, но поддерживать и государственное казначейство (напр., въ его усиліяхъ помочь ссудами и общественными работами населенію, пострадавшему отъ неурожая 1891 года) ¹⁾.

Закончивъ законодательную исторію кредитныхъ билетовъ, мы должны по принятому нами порядку обратиться къ описанію ихъ народнохозяйственнаго значенія. Но по важности и по сложности этого вопроса мы посвятимъ ему особую главу. Замѣчу еще, что слѣдующая глава будетъ носить теоретическій характеръ, т. е. вмѣсто того, чтобы описывать всѣ тѣ конкретныя явленія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ, которыя были вызваны русскими бумажными деньгами, мы будемъ говорить о томъ, какое вліяніе оказываютъ всякія бумажныя деньги на всякое народное хозяйство.

¹⁾ По свѣдѣніямъ за январь и февраль 1892 года временный выпускъ на основаніяхъ указа 28 іюля 1891 года превысилъ уже 100 милл.

ГЛАВА IX. БУМАЖНЫЯ ДЕНЬГИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Въ настоящей главѣ мы имѣемъ въ виду очертить вліяніе бумажныхъ денегъ на народное хозяйство. При выполненіи этой задачи намъ придется имѣть въ виду не тѣ выгоды или невыгоды, которыя разившійся институтъ денегъ несетъ съ собой въ современную экономическую жизнь, а нѣчто иное; мы должны здѣсь говорить не о благодѣтельности или вредѣ денегъ для современной стадіи экономическаго развитія цивилизованныхъ народовъ, а только сравнивать бумажныя деньги съ деньгами металлическими; мы должны будемъ отвѣтить только на одинъ вопросъ, нужно ли считать благоприятнымъ или неблагоприятнымъ то обстоятельство, что извѣстное народное хозяйство удовлетворяетъ свою денежную потребность исключительно бумажными деньгами. Все послѣдующее изложеніе убѣдитъ насъ въ томъ, что бумажно-денежное обращеніе, если его сравнивать съ металлическимъ обращеніемъ, усовершенствованнымъ системой денежныхъ суррогатовъ, ничего кромѣ зла не даетъ народному хозяйству; поэтому мы просто можемъ сказать, что настоящая глава имѣетъ въ виду описать невыгодныя послѣдствія бумажныхъ денегъ для всякаго народнаго хозяйства, имѣющаго съ ними дѣло, въ томъ числѣ и для русскаго народнаго хозяйства.

Когда правительство извѣстной страны начинаетъ выпускать бумажныя деньги, то первое послѣдствіе, которое производятъ онѣ въ народномъ хозяйствѣ, есть вытѣсненіе денегъ металлическихъ. При обильныхъ выпускахъ бумажныя деньги всегда и вполнѣ изгоняютъ монету изъ обращенія и монополично господствуютъ на денежномъ рынкѣ. Что такъ бываетъ въ дѣйствительности, это несомнѣнно подтверждается простымъ наблюденіемъ въ бумажно-денежныхъ странахъ. Наукѣ давно

удалось объяснить ¹⁾ и причину, по которой бумажные деньги не могут ужиться вмѣстѣ съ другими видами денегъ, и самый ходъ процесса вытѣсненія. Причину вытѣсненія металлическихъ денегъ бумажными и ходъ этого процесса можно описать такъ. Предположимъ, что бумажные деньги выпущены правительствомъ извѣстной страны въ первый разъ и что до этого выпуска металлическія деньги хорошо удовлетворяли потребность народнаго хозяйства въ деньгахъ. Предположимъ, далѣе, что правительство выпускаетъ бумажные деньги въ количествѣ, равномъ половинѣ всей обращающейся монеты. Вся сумма бумажныхъ денегъ при нашихъ предположеніяхъ не нужна денежному обороту; но тѣмъ не менѣе она такъ или иначе добудетъ себѣ въ немъ мѣсто: сначала монета и бумажки будутъ ходить вмѣстѣ, но такъ какъ денегъ стало въ 1½ раза больше, чѣмъ нужно обороту, то въ скоромъ времени обнаружится, что вслѣдствіе увеличившагося количества при той же работѣ деньги станутъ цѣниться дешевле, пбо всегда теряетъ часть цѣнности тотъ предметъ, количество котораго превосходитъ надобность въ немъ. Но ни монета, ни бумажки не желали бы подвергаться обезцѣненію; тѣ и другія будутъ отстаивать свою цѣнность; для этого необходимо, чтобы такая часть денегъ, которая излишня для оборота, сошла со сцены и уступила поле дѣйствія своимъ остальнымъ собратамъ, для которыхъ только и есть дѣло. Однако бумажнымъ деньгамъ идти некуда, во-первыхъ, потому, что онѣ признаются за деньги только въ родной странѣ, и, во-вторыхъ, потому, что въ своей странѣ матеріаль, изъ котораго онѣ сдѣланы, ни на что не годенъ. Поэтому, когда монета и бумажные деньги обезцѣниваются, то послѣднія пассивно относятся къ своему обезцѣненію. По отношенію же къ звонкой монетѣ дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе: во-первыхъ, матеріаль, изъ котораго эти деньги приготовляются, нуженъ для удовлетворенія другихъ потребностей. Когда будетъ сдѣланъ выпускъ бумажныхъ денегъ и когда цѣны всѣхъ предметовъ будутъ подниматься, тогда между прочими предметами поднимется цѣна и тѣхъ благъ, которыя приготовляются изъ благородныхъ металловъ. Такъ какъ теперь благородные ме-

¹⁾ См., напр., *Дж. Ст. Милль*, Основанія полит. эк., II, 65 и сл.

таллы будутъ выше цѣниться въ издѣліяхъ, чѣмъ въ деньгахъ, то естественно, что они будутъ стремиться перемѣнить свою форму денегъ на форму издѣлій, т. е. говоря проще, владѣльцы металлическихъ денегъ будутъ переливать ихъ въ золотыя или серебряныя вещи. Но это не единственный способъ, которымъ монета можетъ отвѣтить на обезцѣненіе ея: матеріаль монеты употребляется для денежныхъ цѣлей во всемъ цивилизованномъ мірѣ; поэтому когда монета вслѣдствіе выпусковъ бумажныхъ денегъ обезцѣнивается, то она вывозится за границу и тамъ переливается въ форму иностранныхъ монетъ или же принимаетъ, если можно такъ выразиться, форму космополитическихъ слитковъ, употребляемыхъ въ международныхъ платежахъ. Какой изъ двухъ путей выберетъ монета, зависитъ отъ степени замкнутости того государства, въ которомъ сдѣланъ предполагаемый нами выпускъ бумажныхъ денегъ: если международныя экономическія отношенія его достаточно развиты, то монета удалится изъ денежнаго оборота скорѣе вторымъ путемъ или преимущественно вторымъ путемъ; если же государство съ бумажными деньгами отличается значительной хозяйственной изолированностью, то монета преимущественно пойдетъ на издѣлія. Какъ бы то ни было, результатъ для денежнаго обращенія страны будетъ одинъ и тотъ же: количество монеты, равное суммѣ выпуска бумажныхъ денегъ, удалится изъ денежнаго оборота; оставшіяся металлическія деньги сохраняютъ ту же цѣнность, какую онѣ имѣли до выпуска бумажныхъ денегъ, а послѣднія будутъ имѣть цѣнность, равную цѣнности денегъ металлическихъ. Разсматривая процессъ вытѣсненія металлическихъ денегъ бумажными, мы замѣчаемъ въ немъ полную аналогію съ процессомъ оттѣсненія монеты монетой же. Послѣднее имѣетъ мѣсто, когда въ странѣ принята система биметаллизма и когда фактическое отношеніе между цѣнностью металловъ перестало быть равно отношенію, установленному закономъ. Какъ извѣстно, при такомъ условіи та монета, которая цѣнится выше за границей или матеріаль которой цѣнится внутри страны выше въ слиткахъ, чѣмъ въ деньгахъ, оставляетъ денежный рынокъ, уходитъ за границу или переливается въ издѣлія; законный биметаллизмъ обращается въ фактическій монометаллизмъ. Этому общему правилу, по которому худшія деньги оттѣсняютъ лучшія, подчиняется и тотъ случай, когда обращаются одновременно метал-

лическія и бумажныя деньги; причемъ очевидно, что роль лучшихъ денегъ (оттѣсняемыхъ) будетъ принадлежать деньгамъ металлическимъ, а роль худшихъ (оттѣсняющихъ)—бумажнымъ.

Но обратимся къ продолженію нашего разсказа о вытѣсненіи монеты бумажными деньгами. Если мы еще предположимъ, что правительство во второй разъ выпуститъ для своихъ цѣлей бумажныя деньги въ количествѣ, равномъ оставшейся монетѣ, то процессъ вытѣсненія монеты повторится и страна останется съ одними бумажками; тогда денежное обращеніе страны будетъ вполнѣ бумажно-денежнымъ. Такимъ образомъ, съ того момента, когда выпускъ бумажныхъ денегъ равенъ всему количеству монеты, нужному для страны и дѣйствительно въ ней обращававшемуся, по общему правилу, монета перестаетъ принимать участіе въ оборотѣ этой страны. Какъ мы уже говорили, вытѣсненіе монеты является самымъ бесспорнымъ послѣдствіемъ выпусковъ бумажныхъ денегъ: достаточно одного взгляда на бумажно-денежную страну, чтобы убѣдиться, что въ ней металлическія деньги не обращаются. Такъ, въ Россіи съ 1856 года, когда государственныя кредитныя билеты стали дѣйствительными деньгами, монета не принимаетъ никакого участія во внутреннемъ обращеніи; она вполнѣ замѣнена кредитными билетами ¹⁾; та серебряная и мѣдная монета, которая употребляется у насъ въ мелкомъ оборотѣ, въ счетъ не идетъ, такъ какъ она сама принадлежитъ къ тому же типу денегъ, какъ и деньги бумажныя.

Если когда можно увлечься мыслью о благодѣтельности бумажныхъ денегъ, такъ это именно тогда, когда мы обращаемъ вниманіе на оттѣсненіе металлическихъ денегъ бумажными, на эту замѣну столь дорогихъ денегъ, какъ металлическія, столь дешевыми, какъ бумажныя. Естественно возникаетъ вопросъ, не составляетъ ли чистаго выигрыша для народнаго хозяйства возможность удовлетворенія денежной по-

¹⁾ Г. Безобразовъ ярко описываетъ на основаніи личныхъ наблюденій, какъ монета въ первые годы по прекращеніи размѣна кредитныхъ билетовъ скупалась по всей странѣ мелкими мѣнялами и столешниками, перепродавалась ими крупнымъ торговцамъ столицъ, а эти ужъ переплавляли ее въ слитки или вывозили за границу. См. *Безобразовъ*, 0 некоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи, I, 21 и сл.

требности столь дешевымъ способомъ, какъ выпуски бумажныхъ денегъ? Однако на поставленный вопросъ нужно отвѣтить отрицательно съ полной рѣшимостью. Что бумажныя деньги дешевы, это, конечно, является простой очевидностью; но когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи человѣческихъ потребностей, тогда мы должны обращать вниманіе прежде всего не на дешевизну предметовъ, а на годность ихъ для данной потребности; законъ хозяйственности заставляетъ людей съ *наименьшей* тратой труда достигать *наилучшаго* удовлетворенія потребностей, а не наихудшаго. Что касается бумажныхъ денегъ, то онѣ дешевы, но какъ деньги, весьма неудовлетворительны ¹⁾; ихъ дурное служеніе обществу въ качествѣ денегъ совершенно перевѣшиваетъ выгоду дешевизны; поэтому соблазнъ дешевизны не долженъ заставлять насъ высказываться за бумажныя деньги. Въ экономической литературѣ весьма трудно найти поклонниковъ бумажныхъ денегъ, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые считали бы благодѣяніемъ для каждой страны замѣну звонкой монеты бумажными деньгами. Часто, впрочемъ, указываютъ на *Рикардо*, какъ большого почитателя бумажно-денежнаго обращенія, но подобная ссылка требуетъ существенной оговорки. *Рикардо* стоитъ не за тѣ бумажныя деньги, о которыхъ мы говоримъ, а за разнѣнные банковые билеты; другими словами, онъ стоитъ за систему смѣшаннаго обращенія ¹⁾; и *Рикардо* вполнѣ правъ. Металлическое обращеніе, усовершенствованное введеніемъ въ него разнѣнныхъ денежныхъ знаковъ, выпускаемыхъ по требованію оборота, есть лучшая денежная система; разнѣнная бумага не лишаетъ обращеніе его металлической основы; но она приноситъ, между прочимъ, ту существенную выгоду, что благодаря своей эластичности способна поддерживать устойчивость металлической денежной единицы. Между тѣмъ бумажныя деньги составляютъ прямую противоположность разнѣннымъ денежнымъ знакамъ: онѣ вполнѣ изгоняютъ монету изъ страны и становятся единственными деньгами; и никто еще имъ не приписывалъ устойчивости въ цѣнности;

¹⁾ Все послѣдующее содержаніе настоящей главы будетъ доказательствомъ этого положенія.

¹⁾ См. *Рикардо*, Сочиненія, 432 и сл.

другими словами, никто не приписывалъ еще бумажнымъ деньгамъ того свойства, которое такъ существенно необходимо для удовлетворительной денежной единицы; не приписывалъ имъ его и *Рикардо* и потому онъ не могъ питать симпатіи къ настоящимъ бумажнымъ деньгамъ.

Итакъ, въ замѣнѣ денегъ металлическихъ бумажными нѣтъ выгоды для народнаго хозяйства, ибо тутъ происходитъ замѣна лучшаго предмета худшимъ. Но тѣмъ не менѣ экономисты часто стараются отыскать хотя бы частичныя выгоды или хотя бы неденежныя, а инныя выгоды отъ вытѣсненія металла бумажными деньгами. Такъ, *А. Вагнеръ* находитъ, что выпускъ бумажныхъ денегъ можетъ дать увеличеніе народнаго капитала при слѣдующихъ трехъ предположеніяхъ: во-первыхъ, если во время выпуска страна обладаетъ еще большимъ запасомъ звонкой монеты, то звонкая монета освобождается отъ своей роли орудія обращенія и становится свободнымъ денежнымъ капиталомъ страны; но этотъ свободный денежный капиталъ, по мнѣнію *Вагнера*, будетъ полезенъ для производительной дѣятельности страны только въ томъ случаѣ, если осуществится второе предположеніе, именно то, что свободная звонкая монета пойдетъ на закупку за границей средствъ производства, а не предметовъ непосредственнаго потребленія. Затѣмъ, въ-третьихъ, по мнѣнію *Вагнера*, отъ выпускѣ бумажныхъ денегъ можетъ быть выгода въ томъ случаѣ, когда онъ совпалъ съ временемъ усиленной потребности страны въ деньгахъ (напр., вслѣдствіе перехода отъ натуральнаго къ денежному хозяйству); въ этомъ случаѣ народное хозяйство освобождается отъ необходимости употреблять извѣстное количество труда и капитала на приобрѣтеніе денегъ ¹⁾.

Вагнеръ болѣе или менѣ правильно подмѣтилъ тѣ выгоды, которыя могутъ иногда послѣдовать отъ выпуска бумажныхъ денегъ. Но внимательный читатель скоро замѣтитъ, что эти выгоды чрезвычайно условны. Въ самомъ дѣлѣ, самая главная выгода отъ выпуска бумажныхъ денегъ можетъ состоять въ томъ, что освободившійся денежный капиталъ нація можетъ употребить на приобрѣтеніе отъ иностранцевъ реальныхъ капиталовъ. Однако при этомъ не слѣдуетъ забывать

¹⁾ Обо всемъ этомъ см. у *Вагнера*, Рус. бум. деньги, стр. 17 и сл.

слѣдующихъ обстоятельствъ. Бумажныя деньги выпускались правительствомъ съ какой-нибудь опредѣленной цѣлью; исторія учить, что онѣ чаще всего (по крайней мѣрѣ, въ массовыхъ количествахъ) выпускаются ради войны. Если такъ, то выпускъ бумажныхъ денегъ означаетъ для народнаго хозяйства растрату значительнаго количества трудовыхъ силъ и матеріальныхъ благъ на военныя цѣли; правительство купило эти силы и эти предметы за бумажныя деньги и истратило ихъ во время войны. Такимъ образомъ, если освободившіяся металлическія деньги будутъ употреблены націей на покупку средствъ производства за границей, то отсюда, вѣроятно, вовсе не послѣдуетъ увеличенія національнаго производства; вѣроятнѣе всего, что это приобрѣтеніе средствъ производства за границей будетъ даже недостаточнымъ, чтобы возмѣстить тѣ ущербы въ народномъ хозяйствѣ, которые были вызваны войной. Затѣмъ, никто не можетъ утверждать, что металлическія деньги, вытѣсняемыя бумажками, идутъ непремѣнно на приобрѣтеніе средствъ производства; наблюденіе показываетъ, что одновременно на нихъ покушаютъ и заграничныя предметы роскоши ¹⁾. Если такъ, то, слѣдовательно, нація проживаетъ часть своего имущества вслѣдствіе этого необычно усиленнаго непродуцительнаго потребленія. Наконецъ, допуская, что освободившійся денежный капиталъ помогаетъ до нѣкоторой степени возстановить потери, вызванныя войной, мы не должны забывать, что это—помощь временная: бумажныя деньги не могутъ быть постояннымъ явленіемъ; чѣмъ скорѣе онѣ будутъ устранены, тѣмъ лучше; во всякомъ случаѣ когда-нибудь онѣ будутъ устранены; но тогда нація должна будетъ уже съ своей стороны отдать иностранцамъ большія массы средствъ производства и предметовъ непосредственнаго потребленія, чтобы отъ нихъ получить благородные металлы для возстановленія металлическаго обращенія ²⁾.

Что касается того случая, когда бумажными деньгами удовлетворяется усилившаяся денежная потребность, то тутъ деньги всетаки не прямо ведутъ къ увеличенію народнаго капитала, а служатъ только условіемъ увеличенія капитала,

¹⁾ См. *Безобразовъ*, 0 нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи, II, 23.

²⁾ Объ этомъ говорилъ еще *Канкринъ*, *Weltreichthum* etc., S. 59.

котораго на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, и не послѣдуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ разсматриваемомъ случаѣ выпускъ бумажныхъ денегъ даетъ возможность націи не употреблять части своего труда и капитала на приобрѣтеніе денегъ; но дѣйствительное увеличеніе народнаго капитала послѣдуетъ только тогда, когда освободившійся трудъ и капиталъ на самомъ дѣлѣ будутъ употреблены на созданіе реальныхъ капиталовъ; слѣдовательно, выпускъ бумажныхъ денегъ не есть уже образованіе капитала; для этого, какъ и всегда, нужно дѣйствительное пожертвованіе народныхъ силъ и прежде созданныхъ матеріальныхъ благъ. Сверхъ того, эта выгода бумажныхъ денегъ не есть специфическое послѣдствіе бумажныхъ денегъ: къ такой же выгодѣ можетъ повести и обыкновенно ведетъ всякое усовершенствованіе въ расчетныхъ операціяхъ (усовершенствованіе чековыхъ операцій и расчетныхъ палатъ, развитіе банковыхъ переносовъ по книгамъ и т. п.), а равнымъ образомъ и обращеніе кредитныхъ знаковъ вообще и безпроцентныхъ въ особенности. Поэтому на описанной выгодѣ бумажныхъ денегъ нельзя основать защиты ихъ, такъ какъ эта же выгода безъ всякихъ иныхъ вредныхъ послѣдствій можетъ быть достигнута только что указанными способами.

Изъ предыдущаго видно, что бумажныя деньги при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ могутъ способствовать увеличенію народнаго капитала, но что сами онѣ не есть народный капиталъ. Однако въ экономической литературѣ можно встрѣтить мнѣніе, состоящее въ томъ, что бумажныя деньги сами есть народный капиталъ, что при извѣстныхъ условіяхъ выпускъ бумажныхъ денегъ есть уже созданіе капитала. Въ этомъ отношеніи интересенъ взглядъ извѣстнаго русскаго экономиста г. *Исаева*. Только что названный экономистъ такъ характеризуетъ бумажныя деньги: „государство, выпуская бумажныя деньги, не черпаетъ изъ капиталовъ, находящихся на внутреннемъ или иностранномъ рынкѣ, а *само создаетъ капиталъ* ¹⁾ и создаетъ его въ родовой, денежной формѣ....; государство, выпускающее бумажныя деньги, находится въ положеніи, аналогичномъ тому, которое оно занимало бы по внезапномъ открытіи обильныхъ мѣсторо-

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

жденій золота или серебра. Въ послѣднемъ случаѣ, наполняя оборотъ монетой, оно вызывало бы пониженіе цѣнности денегъ и повышеніе цѣнъ товаровъ со всѣми ихъ послѣдствіями. Невыгоды этихъ явленій только временныя, съ избыткомъ перевѣшивались бы обогащеніемъ народнаго хозяйства вслѣдствіе увеличенія запаса благородныхъ металловъ, возможности употреблять большую, нежели прежде, часть ихъ для утвари, украшеній и т. п. Первоначально открытіе новыхъ источниковъ золота и серебра служило бы выгодамъ государственной казны, создавая ей новыя покупательныя средства, а затѣмъ эти выгоды отражались бы и на положеніи многихъ частныхъ хозяйствъ. Подобное же явленіе имѣеть мѣсто и при выпускѣ бумажныхъ денегъ до извѣстныхъ предѣловъ. Выгоды, доставляемыя тамъ новыми рудниками, приносить здѣсь печатный станокъ. Онъ увеличиваетъ запасъ денегъ въ странѣ, освобождаетъ часть благородныхъ металловъ отъ ихъ денежнаго назначенія для другихъ цѣлей и, обогащая предварительно государство, доставляетъ затѣмъ выгоду и всему общественному хозяйству. Эта форма созданія капитала есть созданіе капитала изъ ничего¹⁾. Затѣмъ, г. *Исаевъ* разъясняетъ условіе, при которомъ онъ считаетъ выпускъ бумажныхъ денегъ созданіемъ народнаго капитала; именно онъ полагаетъ, что бумажныя деньги являются народнымъ капиталомъ только до тѣхъ поръ, пока онѣ поглощаются оборотомъ безъ всякой потери въ ихъ цѣнности. Впрочемъ, лучше будемъ говорить опять собственными словами г. *Исаева*. „Пока бумажныя деньги“, говоритъ онъ: „поглощаются оборотомъ, пока онѣ обмѣниваются съ монетой *al pari*, до тѣхъ поръ общественное хозяйство не только не уступаетъ государству части своихъ капиталовъ, но прямо увеличиваетъ ихъ запасъ освобожденными чрезъ выпуски бумажныхъ денегъ массами благородныхъ металловъ. Государство не беретъ, а даетъ“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ г. *Исаевъ* говоритъ: „пока бумажныя деньги не перепополняютъ оборота, до тѣхъ поръ нѣтъ долга, и онѣ представляютъ для государства свободный капиталъ, которымъ оно можетъ располагать вполнѣ по своему усмотрѣнію: лучше затратить его на сооруженіе путей или осушеніе болотъ,

¹⁾ См. *Исаевъ*, Государственный кредитъ, стр. 18.

²⁾ *Ibid.*, 19.

нежели на веденіе войны, лучше пользоваться этимъ капиталомъ для покрытія чрезвычайныхъ, нежели текущихъ расходовъ“¹⁾ и т. д. Считаю, такимъ образомъ, выпускъ бумажныхъ денегъ до извѣстныхъ предѣловъ за созданіе новаго національнаго капитала, г. *Исаевъ*, естественно, совѣтуетъ пользоваться такимъ чудеснымъ созданіемъ капиталовъ изъ ничего; онъ говоритъ: „создавая капиталъ выпусками бумажныхъ денегъ, государство содѣйствуетъ болѣе успѣшному развитію общественнаго хозяйства и даетъ ему большія силы переживать періоды тяжелыхъ экономическихъ или политическихъ потрясеній. Отсюда—полное право для государства создавать себѣ изъ умѣренныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ капиталъ, не дожидаясь состоянія крайней необходимости“²⁾).

Изложенное мнѣніе г. *Исаева* грѣшитъ большимъ преувеличиваніемъ той услуги, которую бумажныя деньги, выпускаемыя въ умѣренномъ размѣрѣ, могутъ оказать народному хозяйству. Все, что способны дать бумажныя деньги, состоитъ только въ отстраненіи необходимости для народа пріобрѣтать металлическія деньги на извѣстную сумму; если, напр., русское народное хозяйство нуждается въ миллиардѣ рублей металлическихъ денегъ, то, быть можетъ, при усиливающейся потребности въ деньгахъ можно безъ вреда для страны выпустить на 100 мил. руб. денегъ бумажныхъ; такимъ образомъ русское народное хозяйство было бы освобождено отъ необходимости тратить трудовыя силы и капиталъ въ объемѣ, необходимомъ для пріобрѣтенія 100 мил. руб. металлическихъ. Эта услуга однако можетъ быть оказана народному хозяйству не только бумажными деньгами, но и размѣнными денежными знаками, именно банковыми билетами; эти послѣднія, какъ мы уже знаемъ, также способны замѣнить собой нѣкоторое количество звонкой монеты въ роли орудія обращенія. Банковые билеты не только могутъ оказать ту же услугу народному хозяйству, какъ и бумажныя деньги, но, главное, могутъ сдѣлать это гораздо лучше, чѣмъ бумажныя деньги. Въ самомъ дѣлѣ, замѣна части металлическаго обращенія бумагой должна въ точности соотвѣтствовать потребности оборота въ орудіи обращенія; кромѣ того, та часть

¹⁾ *Ив.*, стр. 21.

²⁾ *Ив.*, стр. 23.

обращенія, которая состоитъ изъ бумаги, должна отличаться эластичностью, чтобы появляться на рынкѣ во время усиленной нужды въ орудіяхъ обращенія и удалаться съ рынка во время ослабленія этой нужды. Только банковые билеты удовлетворяютъ обоимъ этимъ условіямъ: механизмъ ихъ устройства таковъ, что въ немъ самомъ лежитъ самоопредѣляющее начало для количества билетовъ, нужнаго въ данное время для оборота; равнымъ образомъ тотъ же механизмъ позволяетъ банковымъ билетамъ расширяться и сжиматься въ ихъ количествѣ и притомъ въ должное время. Между тѣмъ бумажно-денежное обращеніе не удовлетворяло бы обоимъ указаннымъ требованіямъ: для опредѣленія количества бумажныхъ денегъ, могущаго быть усвоеннымъ оборотомъ безъ обезцѣненія обращенія, у правительства нѣтъ прочныхъ точекъ опоры; равнымъ образомъ механизмъ бумажно-денежнаго обращенія не отличается свойствами, позволяющими ему быть эластичнымъ; разъ выпущенное количество бумажныхъ денегъ имѣетъ тенденцію оставаться постоянно и цѣликомъ въ обращеніи; бумажныя деньги не могутъ возвратиться къ эмиссіонеру ни путемъ возврата ссудъ, ни путемъ размѣна, ибо онѣ не выпускаются для ссудъ, и размѣна для нихъ не существуетъ. Сверхъ всего этого правительство, разъ начавшее выпускать бумажныя деньги „для собственнаго обогащенія“, едва ли остановится на какомъ-нибудь умѣренномъ количествѣ: „сладкій ядъ“ бумажныхъ денегъ, позволяющихъ, повидимому, „изъ ничего“ создавать грандіозныя и общепользныя предпріятія, вѣроятно, скоро увлечетъ правительство къ дальнѣйшимъ выпускамъ бумажныхъ денегъ въ такихъ размѣрахъ, въ которыхъ и самъ г. *Исаевъ* не считаетъ уже бумажныя деньги созданіемъ капиталовъ изъ ничего. Такимъ образомъ, для достиженія той услуги народному хозяйству, которую могутъ оказать бумажныя деньги при умѣренныхъ выпускахъ, нѣтъ никакой надобности рекомендовать выпуски ихъ, такъ какъ эта услуга и лучше, и безопаснѣе оказывается банковыми билетами. Несправедлива, затѣмъ, и та оцѣнка, которую г. *Исаевъ* даетъ разсматриваемой услугѣ бумажныхъ денегъ: выпускъ бумажныхъ денегъ никоимъ образомъ и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть созданіемъ народнаго капитала. Уже съ перваго взгляда подозрительно утвержденіе, что народный капиталъ создается изъ

ничего печатнымъ станкомъ. Вглядѣвшись попристальнѣе въ характеръ той выгоды, которую иногда могутъ приносить бумажныя деньги народному хозяйству, мы вполне убѣждаемся, что эта выгода не есть созданіе капитала. Замѣна части денежнаго обращенія бумагой, конечно, есть большое усовершенствованіе въ области денежнаго обращенія: она ведетъ къ сбереженію немалой суммы трудовыхъ силъ, которыя пришлось бы потратить на удовлетвореніе денежной потребности общества; она, такимъ образомъ, позволяетъ болѣе дешево удовлетворять эту потребность; но сбереженный трудъ не есть еще капиталъ; для того, чтобы народъ обогатился новымъ капиталомъ, нужно, чтобы этотъ сбереженный трудъ дѣйствительно пошелъ на созданіе капиталовъ; капиталы всегда создаются тратой трудовыхъ силъ, а не печатнымъ станкомъ. Положимъ, напр., что правительство страны, еще не имѣвшей бумажныхъ денегъ, выпустило бы ихъ на 100 мил. руб. и израсходовало на сооруженіе дороги или на осушеніе болотъ. При остальныхъ не измѣнившихся условіяхъ въ этой странѣ не произошло бы никакого увеличенія капиталовъ: навѣрное, правительство построило бы дорогу или осушило бы болота, но оно сдѣлало бы это при посредствѣ рабочихъ, которые были прежде заняты чѣмъ-нибудь другимъ, и при посредствѣ реальныхъ капиталовъ, которые были прежде созданы и тоже были заняты въ какихъ-нибудь предпріятіяхъ; такимъ образомъ, правительство отвлекло бы уже имѣющуюся трудовую силу и уже имѣющіеся капиталы отъ прежнихъ занятій, но не создало бы новой свободной трудовой силы и новыхъ капиталовъ. Могутъ, пожалуй, на это возразить, что 100 мил. бумажныхъ денегъ сдѣлаютъ свободными 100 мил. руб. металлическихъ, и что эти послѣдніе пойдутъ на пріобрѣтеніе иностранныхъ капиталовъ. Этотъ случай возможенъ; но отдать за иностранные капиталы на 100 мил. драгоценныхъ металловъ тоже не значитъ пріобрѣсти ихъ (капиталы) даромъ.

Когда бумажныя деньги размножены въ такомъ количествѣ, что онѣ совсѣмъ изгнали изъ обращенія страны монету, тогда ихъ главное неудобство для народнаго хозяйства состоитъ въ неустойчивости ихъ цѣнности и цѣны ¹⁾. По-

¹⁾ *А. Ватеръ* предложилъ различать понятіе цѣнности и цѣны бумажныхъ денегъ: цѣнностью онъ называетъ степень покупательной силы бумажныхъ денегъ по отношенію къ товарамъ, а цѣной—степень покупательной силы

этому намъ теперь слѣдуетъ ближе взглядѣться въ факторы, опредѣляющіе цѣнность и цѣну бумажныхъ денегъ; только послѣ этого мы будемъ въ состояніи вполне ясно представить себѣ, почему цѣнность и цѣна бумажныхъ денегъ отличается неустойчивостью, и почему эта неустойчивость будетъ постоянной и неизлѣчимой. Начнемъ съ разъясненія тѣхъ факторовъ, которые опредѣляютъ цѣнность бумажныхъ денегъ.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ нашего сочиненія ¹⁾ мы говорили, что цѣнность бумажныхъ денегъ есть монополярная цѣнность, что правительство при выпускѣ ихъ придаетъ имъ обыкновенно цѣнность денегъ металлическихъ; слѣд., первое и самое общее положеніе о цѣнности бумажныхъ денегъ будетъ то, что въ установленіи ея большая роль принадлежитъ волѣ правительства. Но этимъ положеніемъ вопросъ не разрѣшается; мы можемъ спросить, можетъ ли правительство всегда держать цѣнность бумажныхъ денегъ на высотѣ цѣнности денегъ металлическихъ; можетъ ли оно, напр., держать цѣнность бумажныхъ денегъ на этой высотѣ при всякомъ ихъ количествѣ? Нѣтъ ли еще другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которые независимы отъ воли правительства, но тѣмъ не менѣе измѣняютъ цѣнность бумажныхъ денегъ? Опытъ показываетъ, что на первый вопросъ нужно отвѣчать отрицательно и на второй положительно. Такимъ образомъ, теорія цѣнности бумажныхъ денегъ не можетъ ограничиться единственнымъ положеніемъ, что цѣнность бумажныхъ денегъ опредѣляется распоряженіемъ правительства; теорія цѣнности должна показать, какіе внѣшніе факторы вліяютъ на образованіе мѣнновой цѣнности бумажныхъ денегъ, независимо отъ того, желаютъ этого вліянія правительства или не желаютъ.

Экономическая теорія, обративши въ первый разъ свое вниманіе на бумажныя деньги, объявила, что цѣнность ихъ

бумажныхъ денегъ по отношенію къ монетѣ или разность между бумажными деньгами и монетой. См. *A. Wagner*, ст. *Papiergeld*, въ *Staatswörterb. von Bluntschli*, В. VII, S. 663; *его-же*, Рус. бум. деньги, 79. Такъ какъ, дѣйствительно, степень паденія покупательной силы бумажныхъ денегъ по отношенію къ товарамъ и монетѣ не бываетъ всегда одинаковой, то предложенное *Ванеромъ* разграниченіе понятій цѣнности и цѣны бумажныхъ денегъ слѣдуетъ принять.

¹⁾ См. гл. III, стр. 101 и сл.

опредѣляется ихъ количествомъ, что если правительства выпускаютъ сами или дозволяютъ банкамъ выпускать ихъ, то хочеть или не хочеть этого правительство, но цѣнность бумажныхъ денегъ будетъ всегда зависѣть отъ ихъ количества. Это положеніе высказано было впервые *Рикардо* и усвоено отъ него англійской денежной школой ¹⁾; оно было только примѣненіемъ къ бумажнымъ деньгамъ основнаго положенія денежной теоріи *Рикардо* и его послѣдователей (количественная теорія цѣнности денегъ) ²⁾. Мы изложимъ съ нѣкоторой подробностью только мнѣніе *Рикардо*, ибо его послѣдователи не дали съ своей стороны ничего новаго для теоріи цѣнности бумажныхъ денегъ.

Рикардо не отячаетъ цѣнности бумажныхъ денегъ отъ ихъ цѣны: по его мнѣнію, паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ по отношенію къ золоту одновременно и вполнѣ отражается на паденіи покупной силы бумажныхъ денегъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ товарамъ; поэтому, согласно съ основнымъ положеніемъ его теоріи, отъ количества бумажныхъ денегъ зависитъ какъ цѣна, такъ и цѣнность ихъ; кромѣ этого фактора, онъ не указываетъ, по крайней мѣрѣ не указываетъ съ достаточной опредѣленностью и рѣшительностью, никакой иной силы, которая оказывала бы вліяніе на мѣру покупной силы бумажныхъ денегъ по отношенію къ товарамъ и по отношенію къ монетѣ. Чтобы показать, что таковъ именно взглядъ *Рикардо* на цѣнность бумажныхъ денегъ, мы приведемъ нѣкоторыя изъ его подлинныхъ словъ. „Мы можемъ смѣло придти къ заключенію“, говоритъ *Рикардо* въ одномъ мѣстѣ ³⁾: „что эта разность въ относительной цѣнности ⁴⁾, или, иными словами, это уменьшеніе дѣйствительной цѣнности банковыхъ билетовъ ⁵⁾ имѣло причиною то слишкомъ

¹⁾ Теорія цѣнности бумажныхъ денегъ принята отъ *Рикардо* и нѣкоторыми позднѣйшими экономистами, напр., *Дж. С. Миллемъ*, см. его Основанія пол. эк., II, 64. 160.

²⁾ См. выше, стр. 29.

³⁾ См. Сочиненія, пер. Зибера, стр. 295—296.

⁴⁾ Разность между цѣной слитковъ въ монетѣ и въ банковыхъ билетахъ.

⁵⁾ Замѣтимъ, что рѣчь идетъ о банковыхъ билетахъ, неразмѣнныхъ и съ принудительнымъ курсомъ.

изобильное ихъ количество, которое было выпущено банкомъ въ обращеніе. Та же самая причина, которая произвела въ цѣнности банковыхъ билетовъ сравнительно со слитками золота разность въ 15—20%, могла довести ее до 50%. Для обезцѣвленія, происходящаго отъ постоянного увеличенія количества бумаги, границъ не существуетъ“. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ *Рикардо* говоритъ: „если банкъ освобождается отъ платежа по билетамъ металломъ, и вся монета вывозится, то всякій излишекъ въ билетахъ банка роняетъ цѣнность орудія обращенія соотвѣтственно излишеству въ немъ. Если бы до освобожденія банка отъ платежей обращалось 20 милліоновъ билетовъ, и къ нимъ было бы присоединено 4 милліона, то цѣнность 24 милліоновъ была бы не больше, чѣмъ цѣнность прежнихъ 20, при условіи, что количество существующихъ товаровъ оставалось бы прежнее, и не было бы соотвѣтствующаго вывоза монеты; и если бы банкъ послѣдовательными выпусками довелъ эту сумму до 50 или до 100 милліоновъ, то все увеличеніе этого количества было бы поглощено обращеніемъ Англій, но во всякомъ случаѣ упало бы до цѣнности 20 милліоновъ“. Приведенныхъ двухъ мѣстъ изъ сочиненій *Рикардо* совершенно достаточно для того, чтобы видѣть, какое вліяніе приписывалъ онъ элементу количества въ образованіи цѣнности бумажныхъ денегъ. Намъ слѣдуетъ привести еще нѣсколько такихъ мѣстъ, изъ которыхъ было бы видно, что *Рикардо* не дѣлалъ различія между цѣнностью и цѣной бумажныхъ денегъ, и что, по его мнѣнію, паденіе покупательной силы бумажныхъ денегъ по отношенію къ золоту тотчасъ же и вполне отражается и на покупательной силѣ ихъ по отношенію ко всѣмъ другимъ товарамъ. Въ одномъ мѣстѣ ²⁾ на этотъ счетъ *Рикардо* говоритъ такъ: „если мы сравнимъ съ товаромъ представитель унціи золота—3 ф. 17 ш. 10½ п. банковыми билетами, то въ такомъ случаѣ мы откроемъ обезцѣвленіе банковыхъ билетовъ. На всѣхъ рынкахъ земного шара я принужденъ платить 4 ф. 10 ш. банковыми билетами за такое же количество товаровъ, которое я могу получить за

¹⁾ Ibid., 304.

²⁾ Ibid., 297.

золото, содержащееся въ 3 ф. 17 ш. 10 $\frac{1}{2}$ п.¹⁾). Въ другомъ мѣстѣ ²⁾ сочиненій *Рикардо* мы находимъ такія слова: „если унція золота надлежащаго качества въ гинеяхъ будетъ продаваться на рынкѣ за 4 ф. 10 ш., какъ продаются въ настоящее время надлежащаго качества слитки, или какъ они продавались недавно—по 4 ф. 13 ш., то какой лавочникъ станетъ продавать свои товары по одной цѣнѣ за золото и за банковые билеты безразлично? Если бы цѣна сюртука была 3 ф. 17 ш. 10 $\frac{1}{2}$ п., или унція золота, и если бы въ то же время унція золота продавалась за 4 ф. 13 ш. билетами, то можно ли понять, что портному было бы безразлично, получать ли платежъ золотомъ, или банковыми билетами?“. Итакъ, по мнѣнію *Рикардо*, бумажныя деньги обезцѣниваются подъ вліяніемъ ихъ количества, обезцѣненіе пропорціонально количеству и нѣтъ различія между обезцѣненіемъ бумажныхъ денегъ по отношенію къ монетѣ и по отношенію къ другимъ товарамъ.

Таково содержаніе первой теоріи цѣнности бумажныхъ денегъ, встрѣчаемой нами въ экономической наукѣ. Эта теорія нашла только одинъ факторъ, вліяющій на цѣнность бумажныхъ денегъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы покажемъ, что количественная теорія односторонняя, что нѣкоторыя положенія ея не точны и требуютъ поправокъ; но теперь намъ слѣдуетъ признать, что количественная теорія схватила одну изъ основныхъ причинъ, опредѣляющихъ цѣнность бумажныхъ денегъ. Въ самомъ дѣлѣ, количество бумажныхъ денегъ должно непремѣнно отражаться на ихъ цѣнности. Бумажныя деньги, подобно всѣмъ хозяйственнымъ благамъ, не изъяты изъ-подъ вліянія того общаго закона, что цѣнность благъ зависитъ отъ общественной полезности ихъ. Поэтому, если правительства размножаютъ количество бумажныхъ денегъ сверхъ потребности въ нихъ со стороны народнаго хозяйства, то неизбежнымъ слѣдствіемъ такого поведенія будетъ паденіе мѣновой цѣнности бумажныхъ денегъ. Этому общему закону подчинены и деньги металлическія; но въ образованіи цѣн-

¹⁾ Изъ унціи золота дѣлались монеты 3 ф. 17 ш. 10 $\frac{1}{2}$ п., между тѣмъ унція золота стоила одно время въ періодѣ рестрикціонномъ 4 ф. 10 ш. банковыми билетами.

²⁾ Ibid., 298—299.

ности денегъ металлическихъ и бумажныхъ подѣ влияніемъ элемента количества есть значительная разница, хотя эта разница не принципиальнаго, а фактическаго характера. Общее правило какъ для металлическихъ, такъ и для бумажныхъ денегъ состоитъ въ томъ, что при одной и той же потребности общества въ деньгахъ, размноженіе ихъ ведетъ къ пониженію цѣнности денежной единицы. Но, какъ мы знаемъ, размноженіе денегъ металлическихъ не зависитъ отъ произвола частныхъ лицъ или правительства ¹⁾, ибо это размноженіе сдерживается тѣмъ, что производство этихъ денегъ стоитъ большихъ издержекъ; на этомъ основаніи правительство, вздумавшее заняться производствомъ денегъ металлическихъ въ количествахъ, превосходящихъ общественную денежную потребность, вскорѣ наткнулось бы на непреодолимое препятствіе въ видѣ убыточности такого предпріятія: съ того момента, когда количество денегъ стало бы превышать потребность ихъ, цѣнность ихъ понизилась бы настолько, что не окупала бы издержекъ производства. Такимъ образомъ, объективный факторъ въ образованіи цѣнности денегъ металлическихъ (издержки производства) сдерживаетъ размноженіе ихъ; поэтому хотя теоретически и вѣрно, что количество денегъ вліяетъ на цѣнность денегъ металлическихъ (какъ и на цѣнность всякаго товара), но фактически этому фактору не принадлежитъ здѣсь видной роли; мы этимъ желаемъ сказать то, что въ дѣйствительной жизни нельзя наблюдать частыхъ и

¹⁾ Слѣдуетъ оговориться, что я имѣю въ виду здѣсь тѣ металлическія деньги, которыя соответствуютъ всѣмъ требованіямъ современнаго экономическаго устройства; я говорю о рациональныхъ металлическихъ деньгахъ. Количество *этихъ* денегъ не зависитъ отъ произвола; но если правительство вздумаетъ дѣлать такія металлическія деньги, номинальная цѣнность которыхъ, монополично имъ устанавливаемая, не соответствуетъ цѣнности металла, то оно можетъ дѣлать *такія* деньги въ большихъ количествахъ; но и эти деньги правительство можетъ дѣлать всетаки въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ деньги бумажныя; какъ бы велика ни была разница между «номинальной» и «реальной» цѣнностью этихъ денегъ, но всетаки въ нихъ есть «реальная» цѣнность, и потому производство ихъ дороже, чѣмъ производство бумажныхъ денегъ; поэтому при дѣланіи описываемыхъ металлическихъ денегъ правительство скорѣе наткнется на сдерживающее вліяніе издержекъ производства; чѣмъ при дѣланіи денегъ бумажныхъ

рѣзкихъ измѣненій въ количествѣ денегъ металлическихъ. По отношенію къ цѣнности бумажныхъ денегъ не дѣйствуетъ элементъ издержекъ производства, и потому для размноженія ихъ нѣтъ никакого сдерживающаго начала. Правительства дѣлаютъ ихъ ради того, чтобы имѣть покупныя средства въ какихъ-нибудь исключительныхъ случаяхъ финансовой нужды; они могутъ размножать ихъ безпрепятственно въ предѣлахъ этой нужды; дѣланіе бумажныхъ денегъ можетъ повторяться всякій разъ, какъ возникаетъ опять такая же нужда; такимъ образомъ, обращающееся количество бумажныхъ денегъ можетъ увеличиваться столько разъ, сколько будетъ необходимо для правительства или сколько будетъ ему угодно. Какъ показываетъ наблюденіе, правительство, прибѣгнувшее къ выпускамъ бумажныхъ денегъ, не только увеличиваетъ ихъ количество, но часто и неожиданно для общества уменьшаетъ его, обыкновенно подъ вліяніемъ добрыхъ намѣреній ввести улучшенія въ бумажно-денежное обращеніе или подъ вліяніемъ обманчивой надежды на скорое полное уничтоженіе бумажныхъ денегъ. Изъ исторіи русскихъ бумажныхъ денегъ мы видѣли, какъ дѣйствительно часто и по разнымъ поводамъ измѣнялось количество ихъ. Такимъ образомъ, мы, кажется, имѣемъ право сказать, что фактическая роль элемента количества въ образованіи цѣнности бумажныхъ денегъ весьма велика, что она несравненно болѣе велика, чѣмъ роль того же фактора въ образованіи цѣнности денегъ металлическихъ. Отсюда несравненно болѣе неустойчивость цѣнности бумажныхъ денегъ, чѣмъ цѣнности денегъ металлическихъ.

Слѣдуетъ еще прибавить, что элементъ количества не только ведетъ къ болѣе частымъ колебаніямъ цѣнности бумажныхъ денегъ, но и къ болѣе глубокимъ колебаніямъ ея, чѣмъ колебанія цѣнности денегъ металлическихъ подъ вліяніемъ того же фактора. Бумажныя деньги отличаются отъ денегъ металлическихъ, между прочимъ, тѣмъ, что онѣ есть деньги мѣстныя и что матеріалъ, изъ котораго онѣ дѣлаются, не можетъ идти на удовлетвореніе какой-нибудь неденежной потребности общества. Эти двѣ особенности бумажныхъ денегъ ведутъ къ тому, что все количество ихъ, являющееся для оборота уже не нужнымъ, должно вполнѣ отразиться на цѣнности денегъ только одной страны и только на цѣнности денегъ, а не какихъ-нибудь еще другихъ благъ; слѣдовательно, паденіе

цѣнности бумажныхъ денегъ подѣ влияніемъ количества ихъ бываетъ очень глубокимъ. Равнымъ образомъ и уничтоженіе значительнаго количества бумажныхъ денегъ всецѣло отразится на деньгахъ только одной страны и только на деньгахъ, а не на какихъ-либо иныхъ предметахъ. Въ разсматриваемомъ отношеніи деньги металлическія находятся въ болѣе благопріятномъ положеніи потому, что онѣ деньги всемірныя (лучше, потому, что онѣ весьма легко мѣняютъ форму денегъ одной страны на форму денегъ другой), и затѣмъ потому, что матеріаль ихъ легко употребить на неденежное назначеніе. Что бы разъяснить высказанныя сейчасъ положенія, возьмемъ такой гипотетическій примѣръ. Положимъ, что въ какой-нибудь странѣ благодаря открытію богатыхъ золотыхъ россыпей найдѣли 100 милліоновъ руб. (золотомъ), излишнихъ для оборота этой страны. Это излишество отразится прежде всего на пониженіи цѣнности золотыхъ денегъ данной страны. Но это пониженіе не будетъ значительнымъ; оно можетъ быть только такой величины, при которой уже есть интересъ вывозить золотыя деньги за границу или переливать въ издѣлія; такимъ образомъ, излишнія золотыя деньги отчасти уйдутъ за границу, отчасти обратятся въ золотыя издѣлія; чрезъ это произойдетъ нѣкоторое пониженіе цѣнности денегъ иностранныхъ и нѣкоторое пониженіе цѣнности золотыхъ издѣлій. Какъ видитъ читатель, излишество въ деньгахъ металлическихъ отражается не только на цѣнности денегъ одной страны, но на цѣнности денегъ всего міра и сверхъ того на цѣнности металлическихъ издѣлій тоже всего міра; разлившись такимъ образомъ на массу металла въ различныхъ формахъ, предположенное излишество 100 милліоновъ руб. (золотомъ) поведетъ только къ умѣренному паденію цѣнности денегъ той страны, въ которой эти излишнія деньги произведены. Если бы излишніе 100 милліоновъ руб. были деньгами бумажными и были выпущены въ странѣ съ разившимся бумажно-денежнымъ обращеніемъ, то они должны бы отразиться на цѣнности бумажно-денежнаго обращенія только этой страны и притомъ только на цѣнности денегъ и ничего больше; естественно, что пониженіе цѣнности денежной единицы въ послѣднемъ случаѣ было глубже, чѣмъ пониженіе цѣнности денегъ металлическихъ при излишествѣ той же суммы.

Количество однако не единственная причина, опредѣляю-

шая цѣнность бумажныхъ денегъ. Говорить, что на цѣнность бумажныхъ денегъ вліяетъ только количество ихъ, значить быть столь же одностороннимъ, какъ говорить, что цѣнность всѣхъ товаровъ зависитъ только отъ предложенія ихъ. На цѣнность всѣхъ хозяйственныхъ благъ, кромѣ обилія въ предложеніи, вліяетъ и объемъ потребности въ нихъ со стороны общества, объемъ спроса. Не уклоняются отъ этого общаго правила и бумажныя деньги: все, что увеличиваетъ или уменьшаетъ спросъ на деньги, отражается на цѣнности ихъ увеличеніемъ или уменьшеніемъ ея; такъ, увеличеніе богатства націи и цѣнности его, увеличеніе интенсивности обращенія товаровъ являются факторами, вызывающими повышеніе цѣнности бумажныхъ денегъ при условіи не измѣнившася количества ихъ. Наоборотъ, уменьшеніе массы богатства или его цѣнности, вялость обращенія хозяйственныхъ благъ являются такими обстоятельствами, которыя стремятся понизить цѣнность бумажныхъ денегъ. Подъ вліяніемъ элемента спроса цѣнность бумажныхъ денегъ подвержена также болѣе частымъ и болѣе глубокимъ колебаніямъ, чѣмъ цѣнность денегъ металлическихъ подъ вліяніемъ того же фактора. Металлическое обращеніе встрѣчаетъ усилившійся спросъ на деньги умѣреннымъ повышеніемъ цѣнности ихъ потому, что за усилившимся спросомъ обыкновенно послѣдуетъ безпрепятственное увеличеніе денегъ; матеріалъ для денегъ можетъ быть вновь добытъ изъ рудниковъ и розсыпей или можетъ быть взятъ изъ формы издѣлій, или же, наконецъ, изъ формы иностранныхъ монетъ; такимъ образомъ, нѣтъ особыхъ препятствій къ тому, чтобы за усиленнымъ спросомъ на деньги скоро послѣдовало соотвѣтственное предложеніе ихъ; при этомъ вся сила недостачи въ деньгахъ отразится не исключительно только на цѣнности денежнаго обращенія данной страны, а будетъ имѣть тенденцію распространиться на всѣ формы металла и всего міра. Недостача въ деньгахъ особенно удобно удовлетворяется въ томъ случаѣ, когда въ странѣ господствуетъ смѣшанное обращеніе, когда въ денежную систему введено столь эластичное орудіе обращенія, какъ банковые билеты; при смѣшанномъ обращеніи усиленная потребность въ деньгахъ весьма часто удовлетворяется только увеличеніемъ объема обращающихся кредитныхъ знаковъ и потому она столь же часто совсѣмъ не отражается на цѣнности денегъ. Бумажно-денеж-

ное обращеніе по своему существу, наоборотъ, отличается малой эластичностью; поэтому усиленіе денежной потребности въ странѣ съ бумажными деньгами обыкновенно ведетъ къ возвышенію цѣнности этихъ денегъ и притомъ къ возвышенію болѣе высокому, чѣмъ возвышеніе цѣнности денегъ металлическихъ въ томъ же случаѣ: вся недостаца денегъ здѣсь должна отразиться исключительно только на цѣнности денежнаго обращенія, ибо бумажныя деньги только мѣстныя деньги, а матеріалъ ихъ не годенъ для неденежныхъ употребленій. Правда, правительства странъ съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ пытаются встрѣтить усилившейся спросъ на деньги „временными выпусками“ ¹⁾ бумажныхъ денегъ. Но такая политика не всегда отличается успѣхомъ, такъ какъ точно знать всѣ измѣненія спроса на деньги нѣтъ никакой возможности; и сверхъ того общество всегда опасается, что временные выпуски обратятся въ постоянные. Такимъ образомъ, и элементъ спроса ведетъ къ болѣе частымъ и болѣе глубокимъ колебаніямъ цѣнности бумажныхъ денегъ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ деньгамъ металлическимъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе только на то, что элементу спроса принадлежитъ меньшая фактическая роль въ измѣненіяхъ цѣнности бумажныхъ денегъ, чѣмъ элементу количества. Въ самомъ дѣлѣ, наблюденіе показываетъ, что богатство народовъ или его цѣнность не измѣняется внезапно въ направленіи увеличенія или въ направленіи уменьшенія; наблюденіе показываетъ, что богатство народовъ, прогрессирующихъ медленно, повышается, а богатство народовъ, регрессирующихъ медленно, убываетъ ²⁾. Въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть нѣко-

¹⁾ Какъ мы видѣли изъ исторіи русскихъ бумажныхъ денегъ, временныя выпуски практиковались и въ Россіи.

²⁾ Въ экономической литературѣ можно встрѣтить преувеличенную оцѣнку и этого фактора (потребности въ деньгахъ). Такъ, сочиненіе г. Антоновича, Теорія бумажно-денежнаго обращенія и государственныя кредитныя билеты, грѣшитъ, по нашему мнѣнію, именно этимъ недостаткомъ: надѣясь на этотъ элементъ спроса, г. Антоновичъ предлагаетъ поправленіе цѣнности бумажныхъ денегъ при помощи различныхъ мѣръ, клонящихся къ усиленію производительной дѣятельности въ Россіи, и особенно чрезъ развитіе кредита для меліорацій всякаго рода (см. наз. соч., гл. IX и особенно стр. 243). Но чтобы этимъ путемъ «задать работу» всей массѣ излишнихъ въ Россіи

торое оправданіе односторонности количественной теоріи, ибо она сочла за единственную причину, опредѣляющую цѣнность бумажныхъ денегъ, такой факторъ, который въ дѣйствительной жизни играетъ наибольшую роль.

Общественныя явленія отличаются большею сложностью по сравненію съ явленіями естественнаго міра; эта сложность, ведущая къ индивидуальности явленій общественныхъ, объясняется тѣмъ, что на одно и то же общественное явленіе дѣйствуютъ обыкновенно нѣсколько причинъ; общественныя явленія, если можно такъ выразиться, многопричинны. Сложность общественныхъ явленій давно подмѣчена экономистами, но тѣмъ не менѣе при изслѣдованіи отдѣльныхъ явленій экономисты нерѣдко забываютъ это свойство общественныхъ явленій; нерѣдко экономисты останавливаются только на одной какой-нибудь причинѣ изслѣдуемаго явленія и забываютъ о другихъ; отсюда односторонность въ выводахъ. При изслѣдованіи явленія цѣнности бумажныхъ денегъ построена была первоначально наукой такъ называемая количественная теорія; ея односторонность была нами уже отмѣчена. Но и противники этой теоріи не избѣгли нѣкоторой односторонности. Такъ, *А. Вагнеръ* грѣшитъ преувеличеніемъ значенія момента довѣрія въ образованіи цѣнности бумажныхъ денегъ. Онъ много разъ въ своихъ сочиненіяхъ утверждаетъ, что довѣріе есть „окончательная“, „последняя“ причина, опредѣляющая цѣнность бумажныхъ денегъ¹⁾. Онъ не отрицаетъ совсѣмъ вліянія количества бумажныхъ денегъ, но не считаетъ его вліяніе на цѣнность непосредственнымъ²⁾.

Нельзя отрицать того, что элементъ довѣрія оказываетъ большое вліяніе на цѣну бумажныхъ денегъ, а затѣмъ черезъ цѣну ихъ уже и на цѣнность³⁾. Еслибы *А. Вагнеръ* гово-

бумажныхъ денегъ, нужно бы вызвать одними правительственными мѣрами такое возбужденіе и оживленіе производительной дѣятельности, которое не можетъ быть по силамъ никакому самому могущественному и самому энергичному правительству.

¹⁾ См., напр., *Wagner, Papiergeld*, S. 662; также въ *Schönberg's Handb. der pol. Öek.*, В. III, S. 543 (2-е изд.).

²⁾ Выше мы согласились признать полезнымъ разграниченіе понятія цѣнности бумажныхъ денегъ отъ понятія цѣны; просимъ читателя не забыть что сейчасъ мы говоримъ только о цѣнности бумажныхъ денегъ.

³⁾ Эти положенія будутъ доказаны нѣсколько ниже.

рилъ о вліяніи довѣрія именно такъ, то намъ оставалось бы только согласиться съ нимъ; но онъ утверждаетъ, что довѣріе къ государству, къ его финансовымъ силамъ оказываетъ непосредственное и большое вліяніе на цѣнность бумажныхъ денегъ. Такое положеніе не отличается справедливостью. Предположимъ, что въ какомъ-нибудь народномъ хозяйствѣ установилось бумажно-денежное обращеніе. Если въ этомъ народномъ хозяйствѣ выпущено только такое количество бумажныхъ денегъ, которое не превышаетъ потребность оборота, и если одновременно общество не вѣритъ, что государство въ скоромъ времени возстановитъ металлическое обращеніе, то я не думаю, что цѣнность бумажныхъ денегъ упадетъ низко вслѣдствіе именно недостатка довѣрія къ правительству. Если утверждать, что цѣнность бумажныхъ денегъ падетъ, то нельзя понять, почему это произойдетъ. Въ самомъ дѣлѣ, паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда владѣльцы ихъ будутъ всѣми силами стараться сбыть ихъ и пріобрѣтать товары. Если допустимъ, что владѣльцы бумажныхъ денегъ имѣютъ такое стремленіе подъ вліяніемъ недоувѣрія, то все-таки они не могли бы осуществить его, ибо владѣльцы товаровъ подъ вліяніемъ того же недоувѣрія не захотѣли бы разстаться съ товарами; утверждать противное значитъ предполагать, что продавцы оказываютъ большее довѣріе къ финансовымъ силамъ правительства, чѣмъ покупатели; но для такого предположенія нѣтъ никакихъ основаній. Итакъ, нельзя утверждать, что довѣріе или недоувѣріе къ правительству оказываетъ непосредственное вліяніе на цѣнность бумажныхъ денегъ; утверждать это значитъ видѣть дѣйствіе излюбленной причины даже тамъ, гдѣ она его не проявляетъ.

Паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ проявляется въ возвышеніи цѣнъ товаровъ или въ дороговизнѣ. Процессъ обезцѣненія бумажныхъ денегъ по отношенію къ товарамъ описанъ съ замѣчательнымъ искусствомъ *А. Вагнеромъ*¹⁾, и едва ли что-нибудь можно прибавить къ тому, что сдѣлано названнымъ экономистомъ въ этомъ отношеніи. Мы отмѣтимъ толь-

¹⁾ Главнымъ образомъ въ его сочиненіи «Русскія бум. деньги», стр. 95 и сл. Ср. также у *Безобразова*, о нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи, II, 25 и сл.

ко тѣ черты современной теоріи образованія цѣнъ при господствѣ бумажныхъ денегъ, которыя составляютъ усовершенствованіе по сравненію съ теоріей *Рикардо*. *Рикардо* и его послѣдователи представляли дѣло такъ, какъ будто обезцѣненіе бумажныхъ денегъ наступаетъ немедленно за увеличеніемъ количества ихъ, и какъ будто возвышеніе цѣнъ бываетъ всеобщимъ и пропорціональнымъ количеству бумажныхъ денегъ. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Повышеніе цѣнъ начинается отъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ первоначально государство расходуетъ выпущенныя имъ вновь бумажныя деньги (напр., въ мѣстахъ фабрикаціи предметовъ, нужныхъ для военныхъ цѣлей). Предприниматели, поставщики на армію или военные лица, получивши отъ правительства бумажныя деньги, предъявляютъ усиленный спросъ на тѣ товары, которые нужны для каждой изъ этихъ категорій лицъ: производители предметовъ для войны предъявляютъ усиленный спросъ на капиталы, нужные для нихъ, лица военного сословія предъявляютъ, быть можетъ, усиленный спросъ на предметы роскоши; такимъ образомъ, первоначально произойдетъ увеличеніе цѣнъ только на тѣ товары, на которые будетъ предъявленъ усиленный спросъ со стороны лицъ, имѣющихъ непосредственное дѣло съ казною. Но затѣмъ и тѣ предприниматели, которые доставляли товары для поставщиковъ на армію и для военныхъ, по полученіи большихъ барышей съ своей стороны предъявятъ усиленный спросъ (слѣд., повысятъ цѣны) или на реальные капиталы, нужные для ихъ производствъ, или же усилятъ спросъ на предметы ихъ личнаго потребленія. Такимъ образомъ, бумажныя деньги, выпущенныя въ какомъ-нибудь одномъ пунктѣ и черезъ посредство сравнительно небольшой группы лицъ, будутъ распространяться постепенно по всѣмъ каналамъ обращенія и, вездѣ открывая для своихъ владѣльцевъ усиленный спросъ на товары, тѣмъ самымъ обезцѣниваются или, все равно, производятъ возвышеніе цѣнъ. Слѣдуетъ, затѣмъ, обратить вниманіе еще на то, что нѣкоторая часть бумажныхъ денегъ не тотчасъ послѣ выпуска войдетъ обращеніе. Часть бумажныхъ денегъ, какъ мы видѣли въ историческихъ главахъ, нѣкоторое время послѣ выпуска лежитъ праздною; именно значительная часть ихъ обыкновенно скопляется въ банкахъ, которые не успѣваютъ раздать ихъ въ ссуды. Только послѣ того, какъ пройдетъ періодъ замѣшательства и потрясенія общественной

жизни, въ который выпускались бумажныя деньги, онѣ начинаютъ искать себѣ помѣщенія. Поэтому спустя извѣстное время послѣ выпуска бумажныхъ денегъ процессъ возвышенія цѣнъ вновь оживаетъ. Это второе возвышеніе цѣнъ нужно отличать отъ того, которое происходитъ во время самыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ подъ вліяніемъ усиленныхъ требованій на товары со стороны поставщиковъ на армію или солдатъ ¹⁾.

Изъ описаннаго процесса повышенія цѣнъ видно, что не всѣ товары одинаково возвышаются въ своей цѣнѣ; слѣдовательно, нельзя утверждать (какъ дѣлаетъ количественная теорія), что цѣна каждаго товара поднимется *точно* за выпускомъ бумажныхъ денегъ и притомъ *пропорціоноально* количеству выпуска. Если бы это было такъ, то, пожалуй, дороговизна, сопровождающая излишніе выпуски бумажныхъ денегъ, не имѣла бы вредныхъ послѣдствій для населенія. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за выпускомъ бумажныхъ денегъ цѣны на матеріальные предметы и услуги тотчасъ же и пропорціоноально повысились, то никто отъ дороговизны не пострадалъ бы; покупательная сила каждаго продавца товаровъ и услугъ осталась бы безъ измѣненія, ибо хотя онъ и получилъ бы свой доходъ деньгами обезцѣпенными, но зато онъ получилъ бы этихъ денегъ больше, чѣмъ прежде. Однако ни дедуктивнымъ способомъ, ни путемъ наблюденія нельзя установить немедленнаго и пропорціоноальнаго возвышенія цѣнъ на товары и услуги: Дедуктивно можно бы допустить такое возвышеніе цѣнъ только при предположеніи, что бумажныя деньги послѣ выпуска немедленно попадаютъ въ карманы всѣхъ обыкновенныхъ потребителей товаровъ и услугъ и притомъ каждому пропорціоноально той суммѣ, на которую онъ до выпуска бумажныхъ денегъ обыкновенно предъявлялъ спросъ на товары и услуги. Но очевидно, что такое предположеніе нелѣпо: новые выпуски бумажныхъ денегъ не такъ входятъ въ обращеніе. Наблюденіе съ своей стороны также показываетъ, что цѣны на товары поднимаются неравномѣрно ²⁾; такъ, замѣчено, напр., что вскорѣ за выпусками поднимаются цѣны уже готовыхъ товаровъ,

¹⁾ См. *Вашеръ*, Рус. бум. деньги, 97.

²⁾ По отношенію къ русскому народному хозяйству см. наблюденія г. *Везобразова*, о нѣкоторыхъ явленіяхъ etc., II, 42.

но что возвышеніе цѣнъ тѣхъ факторовъ, которые служатъ для производства уже подорожавшихъ товаровъ, происходитъ только спустя нѣкоторое время и притомъ не для всѣхъ въ одинаковой степени; замѣчено, напр., что заработная плата особенно слабо поддается возвышенію ¹⁾). Такимъ образомъ, развитіе дороговизны не есть только номинальная переоцѣнка товаровъ и услугъ; наоборотъ, для нѣкоторыхъ слоевъ населенія процессъ развитія дороговизны есть болѣзненный процессъ, ибо онъ ведетъ съ собой уменьшеніе потребительной силы или прямо, или сначала чрезъ уменьшеніе производительной дѣятельности; именно теряютъ всѣ тѣ лица, товары и услуги которыхъ еще не возвысились въ цѣнѣ или возвысились слабо, между тѣмъ какъ товары, на которые эти лица обыкновенно предъявляютъ спросъ, уже возвысились въ цѣнѣ и возвысились сильно; очевидно, что эти лица или сократятъ свое производство, такъ какъ вслѣдствіе дороговизны они не могутъ закупить прежняго количества реальныхъ капиталовъ, или прямо сократятъ свое потребленіе, такъ какъ не могутъ опять вслѣдствіе дороговизны купить прежняго количества предметовъ непосредственнаго потребленія.

Изъ описанія пути, которымъ распространяется дороговизна, видно, что хотя не тотчасъ за выпусками и хотя не точно пропорціонально количеству выпусковъ, но тѣмъ не менѣе цѣны всѣхъ товаровъ и услугъ имѣютъ тенденцію возвышаться и притомъ возвышаться въ большемъ или меньшемъ соотвѣтствіи съ излишествомъ бумажныхъ денегъ. Количественная теорія *Рикардо* отличалась, какъ видитъ читатель, излишней категоричностью въ своихъ положеніяхъ о паденіи цѣнности бумажныхъ денегъ: она излагала дѣло такъ, какъ будто возвышаются цѣны *всѣхъ* товаровъ *тотчасъ* послѣ излишнихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и *пропорціонально* излишеству.

Если бы народное хозяйство съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ было совершенно изолированнымъ отъ другихъ народныхъ хозяйствъ, то мы не имѣли бы, кромѣ указанныхъ причинъ, другихъ, которыя вліяли бы на цѣнность бумажныхъ денегъ. При условіи изолированности народнаго хозяйства цѣнность бумажныхъ денегъ всегда измѣнялась бы или подъ вліяніемъ ихъ количества, или подъ вліяніемъ колебаній въ денеж-

¹⁾ *Гёшкель*, Теорія вексельныхъ курсовъ, стр. 47.

ной потребности общества; равнымъ образомъ бумажныя деньги вели бы къ возвышенію цѣнъ только въ томъ случаѣ, когда ихъ количество превосходило бы потребность оборота; по терминологіи, предложенной *А. Вайнеромъ*, тогда было бы только *первичное* возвышеніе цѣнъ ¹⁾. Но въ дѣйствительности совершенно изолированныхъ хозяйствъ нѣтъ; поэтому къ указаннымъ причинамъ, опредѣляющимъ цѣнность бумажныхъ денегъ, присоединяются еще нѣкоторыя другія, именно такія, которыя вліяютъ на цѣнность бумажныхъ денегъ черезъ посредство цѣнности звонкихъ денегъ, выраженной въ тѣхъ же бумажныхъ деньгахъ. Въ бумажно-денежной странѣ, совершенно изолированной отъ другихъ странъ, звонкія деньги собственно никому не нужны; но если эта страна находится въ болѣе или менѣе оживленныхъ сношеніяхъ съ другими странами, то звонкія деньги требуются главнымъ образомъ для платежей иностранцамъ; или же онѣ нужны, хотя гораздо менѣе, для лицъ, желающихъ помѣстить свои капиталы за границей. Цѣнность звонкихъ денегъ или, все равно, цѣнность бумажныхъ денегъ по отношенію къ монетѣ (т. н. *цѣна* бумажныхъ денегъ) подчиняется нѣкоторымъ особымъ правиламъ, о которыхъ теперь умѣстно сказать.

Монета, прежде обращавшаяся въ бумажно-денежной странѣ, фактически перестаетъ исполнять въ ней роль денегъ; она обращается въ товаръ. Но такъ какъ монета всетаки можетъ быть употребляема въ качествѣ денегъ въ международныхъ платежахъ, то она является товаромъ особаго рода. Какъ же опредѣляется цѣна этого товара *suī generis*? Количественная теорія *Рикардо* отвѣчала на этотъ вопросъ очень просто: она полагала, что подъ вліяніемъ количества бумажныхъ денегъ цѣны на всѣ товары, не исключая и монеты, возвысятся въ соотвѣтствіи съ излишествомъ бумажныхъ денегъ; слѣдовательно, по этой теоріи выходитъ, что цѣны на монету возвысятся пропорціонально количеству бумажныхъ денегъ, и обезцѣненіе бумажныхъ денегъ по отношенію къ товарамъ и по отношенію къ монетѣ будетъ одинаковымъ; такъ какъ эта теорія, кромѣ количества, не знала или почти не знала другихъ факторовъ, вліяющихъ на обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, то она утверждала, что и по отношенію къ монетѣ обезцѣненіе бумажныхъ денегъ опре-

¹⁾ *А. Вайнеръ*, Русскія бум. деньги, 95.

дѣляется тоже только количествомъ ¹⁾). Въ такомъ построеніи количественная теорія является несомнѣнно односторонней. Ея односторонность впервые была указана *Тукомъ*, который послѣ тщательнаго наблюденія дѣйствительныхъ явленій англійскаго денежнаго обращенія за рестрикціонный періодъ замѣтилъ, что цѣна монеты и слитковъ и паденіе вексельныхъ курсовъ не находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ количествомъ бумажныхъ денегъ ²⁾). Изъ этого указанія жизни необходимо вытекало, что однимъ элементомъ количества нельзя объяснить всѣхъ колебаній цѣнъ монеты въ бумажно-денежной странѣ, что, слѣдовательно, нужно искать еще другихъ причинъ, одновременно съ количествомъ вліяющихъ на цѣну бумажныхъ денегъ. Теорія лажа, построенная *А. Ваннеромъ* и являющаяся нынѣ господствующей въ наукѣ, охватываетъ всѣ (по крайней мѣрѣ, всѣ главныя) причины, вліяющія на цѣну бумажныхъ денегъ. Но, намъ кажется, *А. Ваннеръ* даетъ неправильное размѣщеніе этихъ причинъ и неправильную сравнительную оцѣнку ихъ; такъ, значеніе элемента количества онъ умалываетъ, а значеніе элемента довѣрія слишкомъ преувеличиваетъ. По нашему мнѣнію, различныя причины, дѣйствующія на лажъ, имѣютъ слѣдующее взаимное отношеніе.

Основной причиной, обезцѣнивающей бумажныя деньги по отношенію къ слиткамъ и монетѣ, нужно считать ту же причину, которая опредѣляетъ обезцѣненіе бумажныхъ денегъ по отношенію ко всякому другому товару; т. е. излишество бумажныхъ денегъ. Если излишество бумажныхъ денегъ вліяетъ на возвышеніе цѣнъ всѣхъ товаровъ, то было бы странно утверждать, что оно не вліяетъ на цѣну слитковъ и монеты. Если бы мы допустили, что по какой-нибудь причинѣ послѣ обильныхъ выпусковъ цѣна монеты не возвысилась, то со стороны владѣльцевъ бумажныхъ денегъ былъ бы предъявленъ усиленный спросъ на монету, какъ на такой товаръ, который является самымъ дешевымъ для владѣльцевъ бумажныхъ денегъ, но еще не потерявшимъ своей цѣнности по отношенію ко всѣмъ другимъ товарамъ отечественнымъ и иностраннымъ; этотъ усиленный спросъ рано или поздно повысилъ бы цѣну монеты и

¹⁾ См. приведенное выше мѣсто изъ Сочиненій *Рикардо*.

²⁾ См. *Tooke und Newmarch, Die Geschichte und Bestimmung der Preise* (нѣмецкій перев. Ascher'a), B. I, S. 81.

притомъ на такую высоту, которая болѣе или менѣе соотвѣтствовала бы повышенію цѣнъ всѣхъ другихъ товаровъ. Дѣйствіе излишества бумажныхъ денегъ на лажъ есть дѣйствіе постоянное; поэтому если бы мы взяли среднюю лажу за длинный рядъ лѣтъ, то она очень близко выражала бы дѣйствіе этой основной причины, такъ какъ дѣйствіе другихъ причинъ, временныхъ и измѣняющихся, могло бы быть нейтрализовано. Наблюдая какой-нибудь длинный рядъ цифровыхъ данныхъ, обозначающихъ количество бумажныхъ денегъ и лажъ на монету, мы всегда можемъ замѣтить дѣйствіе основной причины лажа; мы, напр., всегда можемъ замѣтить, что, хотя послѣ значительнаго выпуска бумажныхъ денегъ лажъ и колеблется то вверху, то внизу, но его низшія точки почти никогда не достигаютъ такой высоты, на которой онъ стоялъ часто до выпуска: глубокое паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ во внутреннемъ обращеніи страны, ихъ выпустившей, не позволяетъ лажу быть низкимъ ¹⁾. Если излишество бумажныхъ денегъ есть основная причина высокаго лажа, то, наоборотъ, большее или меньшее соотвѣтствіе количества бумажныхъ денегъ потребности въ нихъ есть причина низкаго лажа. Изъ всего этого видно, что радикальное лекарство противъ высокаго лажа не можетъ состоять ни въ различныхъ искусственныхъ опытахъ, вызывающихъ довѣріе къ правительству со стороны домашней или иностранной публики, ни въ искусственныхъ мѣрахъ, направленныхъ на достиженіе благопріятнаго торговаго или вообще платежнаго баланса; радикальное лекарство противъ высокихъ лажей состоитъ или въ уменьшеніи количества бумажныхъ денегъ, или въ ростѣ богатства націи; первое находится въ рукахъ правительства, второе внѣ или почти внѣ его вліянія. Поэтому, если желаютъ оставить неизмѣннымъ количество бумажныхъ денегъ, то уничтоженіе высокихъ лажей нужно предоставить дѣйствію времени: если нація прогресси-

¹⁾ Въ этой главѣ читатель не найдетъ фактическаго матеріала, который служилъ бы провѣркой для дедуктивныхъ положеній, касающихся вліянія бумажныхъ денегъ на народное хозяйство. Такой матеріалъ изъ времени ассигнаціоннаго обращенія уже приведенъ нами и для цѣлей теоріи онъ такъ же удобенъ, какъ и современныя фактическія данныя. Впрочемъ, читатель, предпочитающій современный матеріалъ, можетъ найти его у г. Антоновича въ его уже не разъ цитированномъ здѣсь сочиненіи.

руеть въ хозяйственномъ отношеніи, то ростомъ своего богатства она поправитъ цѣнность бумажныхъ денегъ вообще и цѣнность ихъ по отношенію къ монетѣ въ частности. Впрочемъ, не слѣдуетъ жалѣть о томъ, что въ рукахъ правительства нѣтъ сильныхъ средствъ для вліянія на лажъ, ибо процессъ исправленія лажа (или вообще цѣнности бумажныхъ денегъ) есть собственно столь же болѣзненный для народнаго хозяйства процессъ, какъ процессъ пониженія цѣнности бумажныхъ денегъ; первый ведетъ къ тѣмъ же имущественнымъ потрясеніямъ и экономическимъ переворотамъ, какъ и второй, только слою населенія, претерпѣвающимъ экономическіе ущербы, въ первомъ случаѣ иные, чѣмъ во второмъ; никогда не слѣдуетъ забывать, что всякія колебанія цѣнности денежной единицы пагубны для народнаго хозяйства какъ тогда, когда они идутъ вверхъ, такъ и тогда, когда они идутъ внизъ. Поэтому рациональна только та политика правительства въ денежныхъ дѣлахъ, которая способствуетъ устойчивости денежной единицы.

Кромѣ указанной основной причины, на лажъ дѣйствуютъ и нѣкоторые другіе факторы, которые могутъ быть названы причинами второстепенными, пертурбаціонными. Слѣдуетъ съ самаго начала замѣтить, что каковы бы ни были причины, дѣйствующія на лажъ, смыслъ ихъ дѣйствія состоитъ въ томъ, что онѣ ведутъ къ особенному, усиленному спросу на монету. Слѣдовательно, когда говорятъ о причинахъ лажа, то всегда имѣютъ въ виду такія обстоятельства, которые способны повести къ усиленному спросу на монету и тѣмъ самымъ возвысить цѣну монеты и понизить цѣну бумажныхъ денегъ, на которыя монета покупается. Къ такимъ обстоятельствамъ принадлежатъ довѣріе или недовѣріе къ финансовымъ силамъ государства, выпускающаго бумажныя деньги, международная задолженность и спекуляція.

Элементъ довѣрія или недовѣрія состоитъ въ томъ, что какъ домашняя публика, такъ и иностранная подъ вліяніемъ опасенія за финансовыя силы государства или особенно подъ вліяніемъ опасенія новыхъ выпусковъ начинаетъ усиленно спрашивать металлъ и сбывать бумажныя деньги или цѣнныя бумаги, написанныя на бумажную валюту ¹⁾). Такой

¹⁾ Продажа русскихъ цѣнныхъ бумагъ иностранцами не разъ обозначалась министрами финансовъ въ качествѣ причины, дѣйствующей на по-

спросъ на монету, граничащій часто съ паникой, конечно, обезцѣниваетъ бумажныя деньги по отношенію къ монетѣ. Довѣріе или недовѣріе самый капризный изъ элементовъ, опредѣляющихъ цѣну бумажныхъ денегъ. Въ самомъ дѣлѣ, публика, опасаящаяся новыхъ большихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, чутко слѣдитъ за всѣми признаками, по которымъ можно предполагать о возможности войны, обыкновенной причины большихъ выпусковъ; поэтому вооруженія, тосты монарховъ, дипломатическіе разрывы, рѣчи руководящихъ дипломатовъ и тому подобныя вещи склонны возбуждать недовѣріе или довѣріе публики и потому отражаются на цѣнѣ бумажныхъ денегъ; поэтому никогда нельзя предвидѣть, когда цѣна бумажныхъ денегъ упадетъ или возвысится; и тѣмъ не менѣе этотъ капризный и мало предвидѣнный элементъ способенъ сильно колебать цѣну бумажныхъ денегъ; бывали случаи, когда курсъ русскаго рубля понижался въ одинъ день на 5—10% только потому, что какому-нибудь руководящему иностранному дипломату угодно было произнести воинственную рѣчь. Относительно дѣйствія элемента довѣрія на цѣну бумажныхъ денегъ намъ нужно сдѣлать еще одно замѣчаніе. Выше мы отрицали дѣйствіе довѣрія или недовѣрія на цѣнность бумажныхъ денегъ (по крайней мѣрѣ, дѣйствіе столь сильное, о какомъ говоритъ *A. Вагнеръ*) на томъ основаніи, что, если владѣльцы бумажныхъ денегъ питаютъ сильное недовѣріе къ финансовымъ силамъ государства и обнаруживаютъ усиленное желаніе обмѣнять бумажныя деньги на различныя хозяйственныя блага (земли, дома и т. п.), то на основаніи того же недовѣрія владѣльцы этихъ предметовъ не желаютъ разставаться съ ними; мы говорили, что усиленный спросъ на всѣ товары подѣ влияніемъ недовѣрія не можетъ или почти не можетъ осуществиться, и потому не произойдетъ подѣ влияніемъ этого фактора пониженія цѣнности бумажныхъ денегъ. Но подобное же возраженіе противъ влиянія

ниженіе русскаго рубля; такъ, въ мотивахъ къ росписи 1888 г. читаемъ: «при настоящемъ положеніи перемѣщеніе нашихъ бумагъ въ Россію имѣло своимъ послѣдствіемъ, что бумаги эти, присоединившись къ привозу товаровъ изъ-за границы, дали въ общемъ цѣнность, превосходящую нашъ отпускъ. По сей причинѣ курсъ кредитнаго рубля продолжалъ свое понижающее движеніе».

элемента недоверія на цѣну бумажныхъ денегъ не можетъ имѣть мѣста: здѣсь идетъ дѣло о возвышеніи цѣны только *одного* товара, именно монеты; поэтому, когда цѣна этого товара возвышается, то владѣльцамъ его и особенно тѣмъ изъ нихъ, которые нуждаются въ реальныхъ благахъ, есть большой интересъ отдать его за высокую цѣну въ бумажныхъ деньгахъ; чрезъ это они приобретутъ большее количество реальныхъ благъ, такъ какъ бумажныя деньги еще не обезцѣнились по отношенію ко всѣмъ товарамъ ¹⁾. Во всякомъ случаѣ ежедневный опытъ показываетъ, что элементъ недоверія оказываетъ весьма частое и весьма сильное вліяніе на цѣну бумажныхъ денегъ.

Болѣе правильнымъ является вліяніе на лажъ элемента международной задолженности. Мы намѣренно употребляемъ столь широкое по своему значенію выраженіе, какъ международная задолженность; въ самомъ дѣлѣ, нельзя говорить, что цѣна на металлъ опредѣляется только благопріятнымъ торговымъ балансомъ, ибо на эту цѣну долженъ имѣть вліяніе всякій спросъ на благородный металлъ для платежей иностранцамъ; такъ, тутъ имѣетъ вліяніе спросъ на монету для платежа капитальной суммы или процентовъ по государственнымъ заграничнымъ займамъ, спросъ на металлъ со стороны лицъ, живущихъ или путешествующихъ за границей и т. п. Но несомнѣнно, что торговый балансъ остается главнѣйшимъ изъ элементовъ, опредѣляющихъ спросъ на монету для международныхъ расплатъ; поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ вліяніе на лажъ торговаго баланса. Дѣйствіе торговаго баланса на лажъ очень легко себѣ представить; оно состоитъ въ слѣдующемъ. Если вывозъ страны съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ меньше ея привоза, то превышеніе привоза надъ вывозомъ она должна оплатить монетой; если, наоборотъ, вывозъ больше привоза, то иностранцы должны оплатить ей эту разницу монетой; въ первомъ случаѣ торговцы бумажно-денежной страны должны усиленно искать свою или иностранную монету и потому будутъ давать сравнительно много бумажныхъ денегъ за монету;

¹⁾ Напр., если иностранцы предлагаютъ много русскихъ бумажныхъ денегъ за русскую же монету, то многіе русскіе съ охотой могутъ согласиться на эту сдѣлку.

другими словами, лажъ на монету повысится; во второмъ случаѣ иностранцы будутъ усиленно искать бумажныя деньги и будутъ давать сравнительно много звонкой монеты за бумажныя деньги; другими словами, лажъ понизится. Такимъ образомъ, курсъ бумажныхъ денегъ, выраженный въ металлическихъ деньгахъ отечественныхъ или иностранныхъ, будетъ то болѣе благопріятнымъ, то менѣе благопріятнымъ въ зависимости отъ состоянія торговаго баланса.

Интересно отмѣтить то обстоятельство, что денежный курсъ между двумя странами, изъ которыхъ одна имѣетъ обезцѣвленную бумажную единицу, а другая металлическую, опредѣляется совсѣмъ иначе, чѣмъ курсъ между двумя странами, въ каждой изъ которыхъ господствуетъ металлическое обращеніе. Въ послѣднемъ случаѣ денежный курсъ опредѣляется содержаніемъ металла въ монетѣ той и другой страны; такъ, если одинъ русскій серебряный рубль содержитъ въ себѣ столько же серебра, сколько четыре французскихъ франка, то одинъ рубль въ платежахъ между Франціей и Россіей будетъ приниматься за четыре франка¹⁾. Очевидно, что, если въ странѣ господствуетъ обезцѣвленная бумажная единица, то денежный курсъ этой страны будетъ опредѣляться иначе: все обезцѣненіе бумажной единицы сравнительно съ металломъ, весь лажъ на отечественную монету, отъ какой бы причины онъ не происходилъ, тотчасъ и всецѣло отразится на денежномъ курсѣ; такъ, если за русскій бумажный рубль даютъ только 50 коп. серебромъ, то одновременно за русскій бумажный рубль будутъ давать не четыре франка, а только два. Такимъ образомъ, денежный курсъ страны, имѣющей обезцѣвленную бумажную единицу, всегда будетъ далеко ниже номинальнаго *al pari*; и сверхъ того денежный курсъ такой страны будетъ подверженъ значительнымъ и частымъ колебаніямъ, такъ какъ причины, опредѣляющія обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, значительно и часто измѣняются въ своемъ дѣйствиіи.

Теперь своевременно вспомнить, что въ международныхъ платежахъ употребляются обыкновенно не деньги натурой, а

¹⁾ Тѣ пропорціи, въ которыхъ монета одной страны обмѣнивается на монету другой въ зависимости отъ содержанія металла, называются состояніемъ *al pari* денежнаго курса.

переводные векселя; когда требуется произвести расплату съ иностранцами, то приобрѣтають обыкновенно не иностранную монету, а вексель на соотвѣтственное мѣсто за границей. Такимъ образомъ, рядомъ съ понятіемъ прямого денежнаго курса между двумя странами получается другое понятие вексельнаго курса, т. е. цѣны иностранной монеты не въ натурѣ, а въ векселяхъ. Мы, конечно, не можемъ здѣсь излагать общую теорію вексельныхъ курсовъ; мы должны предполагать ее извѣстной ¹⁾. Мы здѣсь должны говорить только о томъ, какъ опредѣляется вексельный курсъ страны съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ. Вексельный курсъ странъ съ металлическимъ обращеніемъ обыкновенно не сильно отклоняется отъ состоянія *at par*. На его колебанія оказываетъ главное вліяніе взаимная задолженность странъ; такъ, если Франція сильно задолжала Англій, то во Франціи будетъ большой спросъ на англійскіе векселя; поѣтому цѣна векселей на Англію повысится и, слѣдовательно, вексельный курсъ для Франціи станетъ неблагопріятнымъ; другими словами, за извѣстное количество франковъ можно будетъ получить менше фунтовъ стерлинговъ (въ векселяхъ), чѣмъ это слѣдовало бы по *at par*. Но предѣлы, въ которыхъ международная задолженность можетъ вліять на вексельный курсъ при металлическомъ обращеніи, незначительны: по общему правилу, вексельный курсъ здѣсь не падаетъ на сумму, болѣшую той, которая составляетъ расходъ на пересылку монеты въ натурѣ; если бы курсъ палъ ниже этой суммы, то для расплаты съ извѣстнымъ заграничнымъ мѣстомъ не былъ бы куплець вексель, а была бы послана монета. Если же въ странѣ установилось бумажно-денежное обращеніе, то вексельный курсъ этой страны обыкновенно будетъ всегда стоять далеко ниже номинальнаго *at par* и сверхъ того будетъ подверженъ частымъ и сильнымъ колебаніямъ; причина этихъ явленій состоитъ въ томъ, что на вексельномъ курсѣ, какъ и на денежномъ, должны отразиться все обезцѣненіе бумажныхъ денегъ по отношенію къ монетѣ и всѣ колебанія мѣры этого обезцѣненія. Что такъ обезцѣненіе бумажныхъ денегъ должно вліять на вексельный

¹⁾ Лучшимъ сочиненіемъ по вопросу о вексельныхъ курсахъ, по общему признанію, считается сочиненіе *Göthe's*, Теорія вексельныхъ курсовъ (пер. съ англ.).

курсъ, это является вполне понятной вещью; въ самомъ дѣлѣ, если, напр., за бумажный рубль даютъ два франка въ прямомъ промѣнѣ, то было бы страннымъ, если бы кто-нибудь согласился продать право на получение известнаго количества франковъ чрезъ три мѣсяца (обыкновенный срокъ переводныхъ векселей) за такую сумму бумажныхъ рублей, при которой бумажный рубль считался бы равноцѣннымъ тремъ франкамъ. *Гёшенъ* охарактеризовалъ вліяніе обезцѣненія бумажныхъ денегъ на вексельный курсъ въ выраженіяхъ, не оставляющихъ желать ничего лучшаго ни по содержанію, ни по формѣ. „Векселя на известную страну“, говоритъ онъ: „измѣняются въ той же самой пропорціи какъ и всѣ покупаемые предметы, не исключая и наличныхъ денегъ; измѣненіе это сообразуется съ колебаніемъ цѣны на монету, т. е. бываетъ пропорціонально *disagio* на бумажныя деньги или *agio* на золото. За предѣлами этихъ отношеній обезцѣненіе денежнаго обращенія не можетъ дѣйствовать на вексельный курсъ. Если бы было иначе, то каждый, имѣющій надобность въ обезцѣненныхъ деньгахъ, чтобы уплатить ими свой срочный долгъ, предложилъ бы своимъ кредиторамъ, прежде чѣмъ подвергнуться новой потерѣ на вексельномъ курсѣ, позволить ему послать сумму его долга золотомъ, несмотря на высокое на него *agio*, потому что, какъ нами выше было сказано, *agio* всетаки было бы ниже той потери, которую онъ понесъ бы на курсѣ при продажѣ векселя“¹⁾). Вексельный курсъ, воспринимая въ себя все паденіе цѣны бумажныхъ денегъ по отношенію къ монетѣ, можетъ быть удовлетворительнымъ показателемъ мѣры и колебаній этого обезцѣненія; но онъ всетаки менѣе удобенъ въ сей часъ названномъ отношеніи, чѣмъ прямой денежный курсъ, на томъ основаніи, что онъ сверхъ обезцѣненія бумажныхъ денегъ воспринимаетъ еще измѣненія въ спросѣ и предложеніи векселей; хотя эти послѣднія измѣненія не бываютъ значительными, какъ и измѣненія цѣны векселей въ странахъ съ металлическимъ обращеніемъ, но тѣмъ не менѣе они мѣшаютъ точному представленію о мѣрѣ паденія цѣны бумажныхъ денегъ.

Въ числѣ причинъ, вліяющихъ на лажъ, мы назвали выше спекуляцію. Спекуляція находитъ для себя благодарный

¹⁾ *Гёшенъ*, Теорія вексельныхъ курсовъ, 49—50.

объектъ въ бумажныхъ деньгахъ, ибо частыя измѣненія цѣнности ихъ даютъ широкое поле для примѣненія сдѣлокъ на поставку бумажныхъ денегъ къ сроку или для скупокъ бумажныхъ денегъ въ предположеніи повышенія цѣны ихъ. Такимъ образомъ, спекуляція чрезъ усиленный спросъ или чрезъ усиленное предложеніе бумажныхъ денегъ можетъ и съ своей стороны оказывать нѣкоторое вліяніе на цѣну бумажныхъ денегъ; но вліяніе ея не можетъ быть значительнымъ и всеобщимъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакой возможности допустить, чтобъ отдѣльные спекуляторы, сколь бы ни были значительны ихъ денежныя средства, могли оказать большое вліяніе на обезцѣненіе бумажныхъ денегъ большого государства и колебать тѣ вліянія, которыя проистекаютъ изъ производительныхъ силъ цѣлой страны; было бы странно предположить, что какой-нибудь берлинскій банкиръ усиленнымъ предложеніемъ русскихъ бумажныхъ денегъ можетъ обезцѣнить ихъ сильно не только не берлинской биржѣ, но и на биржахъ всего міра; сколь бы ни былъ богатъ этотъ банкиръ и сколь бы много не имѣлъ онъ русскихъ бумажныхъ денегъ, но всетаки его сила никогда не можетъ превзойти вліянія производительной силы Россіи, выражающейя, напр., въ объемѣ вывоза. Такимъ образомъ, вліяніе спекуляціи на цѣну бумажныхъ денегъ можетъ быть только незначительнымъ и только мѣстнымъ. Если мы и упоминаемъ объ этой причинѣ обезцѣненія бумажныхъ денегъ, то только потому, что нерѣдко ея значеніе преувеличивается. Такъ, русское общество часто склонно видѣть главную причину паденія курса бумажнаго рубля въ „интригахъ“ и „жадности въ барышамъ“ со стороны иностранныхъ банкировъ и особенно со стороны берлинскихъ банкировъ ¹⁾. Хотя совсѣмъ удивительно, но тѣмъ не менѣе можно встрѣтить и ученыя изслѣдованія, въ которыхъ спекуляція объявляется чуть ли не единственной причиной, опредѣляющей цѣну бумажныхъ денегъ. Такъ, *Крамаръ*, сдѣлавши наблюденія въ теченіе нѣкотораго времени надъ курсомъ австрійскихъ бумажныхъ денегъ на вѣнской биржѣ по ежедневнымъ записямъ одной газеты, нашель, что „движенія лажа зависятъ отъ

¹⁾ См. объ этомъ у г. *Сементковскаго*, въ ст. Нашъ вексельный курсъ съ 1880—1890 г., стр. 190 («Сѣвер. Вѣст». 1891 г., № 5).

биржевой спекуляціи“ ¹⁾ и что будто вообще спекуляція имѣетъ очень большое и очень непосредственное вліяніе на обезцѣненіе бумажно-денежной валюты ²⁾). Если столь сложное явленіе, какъ бумажныя деньги, наблюдать въ залахъ какой-нибудь биржи, то, разумѣется, увидишь, только то, что происходитъ непосредственно передъ глазами.

Въ предыдущемъ изложеніи мы показали, что цѣна бумажныхъ денегъ опредѣляется нѣкоторыми особыми причинами, не дѣйствующими прямо на цѣнность ихъ; отсюда мы выводимъ то очень важное правило, что цѣна и цѣнность бумажныхъ денегъ не всегда совпадаютъ; бывають нерѣдкіе случаи, когда спросъ на металлъ усиливается по какой-нибудь изъ указанныхъ причинъ довольно сильно, и потому увеличивается лажъ на монету, но тѣмъ не менѣе нельзя замѣтить одновременнаго паденія цѣнности бумажныхъ денегъ по отношенію ко всѣмъ другимъ хозяйственнымъ благамъ.

Но такое неодинаковое паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ по отношенію къ товарамъ и по отношенію къ монетѣ не бываетъ продолжительнымъ и устойчивымъ: паденіе или возвышеніе цѣны бумажныхъ денегъ стремится перейти въ паденіе или возвышеніе ихъ цѣнности. Паденіе цѣны бумажныхъ денегъ ведетъ къ паденію ихъ цѣнности главнымъ образомъ чрезъ международный обмѣнъ. Процессъ обезцѣненія бумажныхъ денегъ подъ вліяніемъ лажа совершается слѣдующемъ образомъ ³⁾). Въ международномъ торговомъ обмѣнѣ есть такіе товары, которые производятся только въ одной какой-нибудь странѣ, и такіе, которые производятся въ различныхъ странахъ, но тѣмъ не менѣе привозятся въ страны, ихъ произволящія, и изъ другихъ вслѣдствіе недостаточности домашняго производства или вслѣдствіе его дороговизны. Оставимъ свое вниманіе сначала на тѣхъ товарахъ, которые составляютъ монополію одной страны. Если какіе-нибудь товары составляютъ монополію страны съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ, то она продаетъ ихъ иностранцамъ обыкновенно за такія цѣны, въ которыя входитъ весь лажъ на моне-

¹⁾ См. *Kramar*, Das Papiergeld in Oesterreich seit 1848, S. 71

²⁾ См. *ib.*, 70—71.

³⁾ Опять слѣдуетъ замѣтить, что паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ подъ вліяніемъ лажа описано съ замѣчательнымъ искусствомъ *A. Vamersomъ*, Рус. бумажныя деньги, стр. 98 и сл.

ту; поэтому цѣны этихъ товаровъ возвышаются или понижаются обыкновенно почти въ полномъ соотвѣтствіи съ лажемъ; такъ, если фунтъ русской платины при курсѣ 3 фр. за рубль продавался французамъ за 600 фр. или 200 р., то и при курсѣ 2 фр. за рубль фунтъ платины будетъ проданъ тоже за 600 фр.; но въ послѣднемъ случаѣ русскій владѣлецъ платины получить бумажными деньгами уже 300 руб. Препятствіемъ для повышенія цѣнъ въ полномъ соотвѣтствіи съ лажемъ можетъ служить только сокращеніе спроса вслѣдствіе дороговизны; такъ, если русскіе потребители платины сократятъ нѣсколько свой спросъ на платину, то производители ея, вѣроятно, не возвысятъ цѣну съ 200 р. за фунтъ прямо до 300 р.

Если товаръ составляетъ монополію не бумажно-денежной страны, а другой и только ввозится въ первую, то, все равно, цѣна такого товара слѣдуетъ тому же правилу, какъ и въ первомъ случаѣ, т. е. она возвышается въ прямомъ соотвѣтствіи съ лажемъ; такъ, если французы при курсѣ 3 фр. за рубль продавали русскимъ боченокъ шампанскаго за 200 руб. или 600 фр., то при курсѣ 2 фр. за рубль они будутъ продавать русскимъ вино уже за 300 руб. съ тѣмъ, чтобы выручить тѣ же свои 600 фр. Препятствіемъ для возвышенія цѣны до полного лажа и здѣсь можетъ служить сокращеніе спроса; такъ, быть можетъ, французскіе торговцы шампанскимъ изъ боязни сокращенія спроса не возвысятъ цѣну его непременно и тотчасъ съ 200 р. до 300 р.; быть можетъ, они станутъ продавать его за 295 р., если только сбавка съ 600 фр. до 590 ¹⁾ возможна для нихъ.

Подобнымъ же образомъ и цѣны на тѣ товары, которые не составляютъ монополіи никакой страны, но тѣмъ не менѣе вывозятся изъ бумажно-денежной страны или ввозятся въ нее, стремятся возвышаться и понижаться вслѣдъ за лажемъ; только установленіе цѣнъ въ этомъ второмъ случаѣ нѣсколько болѣе сложно, чѣмъ въ первомъ случаѣ. При предположеніи монополіи вліяніе лажа на цѣны проще потому, что каковы бы ни были колебанія лажа, товары непременно будутъ вывезены или ввезены, такъ какъ этихъ товаровъ нельзя достать иначе, чѣмъ

¹⁾ При предположенномъ курсѣ 2 фр. за рубль сбавка съ 300 р. до 295 равна для французовъ сбавкѣ въ 10 фр.

черезъ ввозъ изъ страны, гдѣ они исключительно производятся. По отношенію же къ товарамъ, не составляющимъ монополіи какой-нибудь страны, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: вмѣсто ввоза этихъ товаровъ можно усилить внутреннее производство ихъ. Пояснимъ всѣ эти положенія гипотетическими примѣрами. Положимъ, что при курсѣ 3 фр. за рубль русскій хлѣбъ продается во Франціи по цѣнѣ въ 600 фр. или 200 руб. за 200 пуд.; если, затѣмъ, предположимъ, что курсъ палъ до 2 фр. за рубль, то русскій эспортеръ собственно можетъ продавать то же количество хлѣба во Франціи за 400 фр., чтобы получить тѣ же свои 200 руб.; но цѣна, вѣроятно, не будетъ стоять на 200 руб. или 400 фр. потому, что вслѣдствіе дешевизны русскаго хлѣба французы уменьшаютъ свое производство и усиливаютъ спросъ на русскій хлѣбъ; подъ вліяніемъ усиленнаго заграничнаго спроса и усиленнаго вывоза возвысится цѣна хлѣба и на внутреннемъ русскомъ рынкѣ. Возьмемъ еще другой примѣръ, относящійся къ товарамъ ввоза въ бумажно-денежную страну. Предположимъ, что французы ввозятъ молотилки въ Россію и при курсѣ 3 фр. за рубль продаютъ ихъ за 200 р. или 600 фр.; но если мы допустимъ, что курсъ русскаго рубля палъ до 2 фр., то французы могутъ ввозить въ Россію молотилки только при томъ условіи, когда имъ будутъ давать за нихъ въ Россіи 300 руб., ибо иначе они не выручатъ своихъ 600 фр.; но очень возможно, что цѣна молотилокъ въ Россіи не возвысится до 300 р. на томъ основаніи, что внутренніе производители той же сельско-хозяйственной машины усилятъ свое производство и, быть можетъ, при цѣнѣ въ 250 руб. удовлетворятъ весь внутренній спросъ; такимъ образомъ, подъ вліяніемъ высокаго лажа иностранная конкуренція отстраняется или, по крайней мѣрѣ, ослабляется, и потому цѣны товаровъ на внутреннихъ рынкахъ возвышаются. Изъ послѣдняго примѣра видно также, что возвышеніе цѣнъ тѣхъ товаровъ, которые производятся и внутри бумажно-денежной страны и за границей, хотя и идетъ вслѣдъ за возвышеніемъ лажа, но тѣмъ не менѣе эти цѣны могутъ часто стоять на такой высотѣ, которая далеко еще не соответствуетъ лажу.

Къ всему сказанному нами о вліяніи лажа на цѣны, намъ нужно сдѣлать еще одно существенное добавленіе. Говоря о вліяніи лажа на цѣны, мы все время имѣли въ виду только тѣ товары, которые ввозятся въ бумажно-денежную страну

или вывозятся изъ нея. Но отсюда не слѣдуетъ заключать, что возвышеніе (или пониженіе) цѣнъ только этими товарами и ограничивается. На самомъ дѣлѣ, какъ не трудно сообразить, товары ввоза или вывоза суть только такіе товары, на которыхъ *прежде всего* отражается лажъ. Но затѣмъ отъ этихъ товаровъ возвышеніе цѣнъ идетъ далѣе; путь для этого такой: товары ввозимые или вывозимые могутъ быть реальными капиталами или предметами потребления для рабочаго класса; ихъ дороговизна, слѣдовательно, отражается или на дороговизнѣ капиталовъ, или на дороговизнѣ рабочей силы; первое ведетъ къ возвышенію цѣнъ на тѣ товары, въ производствѣ которыхъ ввозимые или вывозимые товары служатъ капиталомъ; второе стремится возвысить цѣны всѣхъ вообще товаровъ, въ бумажно-денежной странѣ производимыхъ.

Итакъ, лажъ способенъ оказывать весьма сильное давленіе на цѣны товаровъ бумажно-денежной страны или, все равно, на цѣнность бумажныхъ денегъ. Но такъ какъ самъ лажъ подъ вліяніемъ причинъ, спеціально на него дѣйствующихъ, находится въ непрерывномъ, буквально ежедневномъ колебаніи, то, слѣдовательно, и цѣнность бумажныхъ денегъ находится тоже въ постоянномъ измѣненіи. Такимъ образомъ, неустойчивость цѣнности бумажныхъ денегъ и притомъ неустойчивость въ поразительной степени есть такое свойство ихъ, которое можно считать установленнымъ съ возможной достовѣрностью.

Чтобы совсѣмъ выполнить задачу настоящей главы, намъ остается только сказать о вліяніи неустойчивой бумажно-денежной единицы на различныя стороны экономической жизни. Въ современномъ денежномъ хозяйствѣ введеніе въ оборотъ денегъ, не удовлетворяющихъ основнымъ требованіямъ, предъ-являемымъ къ нимъ со стороны оборота, должно отразиться невыгоднымъ образомъ во многихъ отношеніяхъ. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы отмѣтимъ главныя стороны экономической жизни, на которыхъ невыгодно отражается бумажно-денежное обращеніе по сравненію съ обращеніемъ металлическимъ, усовершенствованнымъ введеніемъ въ него размѣнныхъ бумажныхъ знаковъ.

1) Прежде всего слѣдуетъ сказать, что бумажныя деньги неудовлетворительно выполняютъ тѣ прямыя функціи, выполнять которыя всякія деньги призваны. Это неудовлетворительное выполненіе денежныхъ функцій со стороны бумажныхъ

денегъ объясняется исключительно главнымъ ихъ недостаткомъ, т. е. неустойчивостью ихъ цѣнности. Главнѣйшая задача всякихъ денегъ состоитъ въ томъ, что онѣ являются орудіемъ измѣренія цѣнности всѣхъ хозяйственныхъ благъ. Неудобства при пользованіи непрочной бумажно-денежной единицей въ качествѣ орудія измѣренія цѣнностей можно сравнить съ тѣмъ случаемъ, когда при измѣреніяхъ вѣса или объема употреблялись бы такія единицы, которыя сами въ своемъ вѣсѣ или объемѣ постоянно измѣнялись бы, но номинально считались бы неизмѣнными; всѣ измѣренія, производимыя при помощи такихъ мѣръ, не достигали бы тѣхъ цѣлей, для которыхъ эти измѣренія предпринимаются; именно эти измѣренія, во-первыхъ, не давали бы истиннаго представленія о вѣсѣ и объемѣ измѣряемыхъ предметовъ и, во-вторыхъ, вели бы къ нарушеніямъ имущественныхъ интересовъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эти предметы переходили бы изъ экономической власти однихъ лицъ во власть другихъ. Подобныя же неудобства встрѣчаются и при употребленіи неустойчивой единицы измѣренія цѣнностей. Когда мы въ одной изъ предыдущихъ главъ (именно въ первой) говорили объ измѣреніи цѣнностей при помощи денегъ, тогда мы упомянули, что есть рядъ измѣреній цѣнности, которыя можно назвать идеальными; это такія измѣренія, при которыхъ сами деньги не вступаютъ въ дѣйствительное обращеніе. Идеальныя измѣренія дѣлаются для того, чтобы знать цѣнность тѣхъ или иныхъ благъ, и на этомъ знаніи основывать различные экономическіе расчеты и поведеніе. Если въ качествѣ орудія измѣренія употребляются бумажныя деньги, то вслѣдствіе непрочности ихъ цѣнности при идеальныхъ измѣреніяхъ не получается правильнаго представленія о дѣйствительной цѣнности предметовъ и услугъ; поэтому расчеты и поведеніе, основанные на этомъ измѣреніи, весьма часто не оправдываются. При другого рода измѣреніи цѣнности, т. е. при такихъ измѣреніяхъ, которыя сопровождаются дѣйствительной передачей денегъ, бумажныя деньги вслѣдствіе неустойчивости ихъ цѣнности ведутъ уже прямо къ имущественнымъ потерямъ. При этихъ реальныхъ измѣреніяхъ требуется устойчивость цѣнности денегъ для того, чтобы лицо, пускающее въ оборотъ какое-нибудь хозяйственное благо въ обмѣнъ за деньги, имѣло возможность вслѣдствіи получить другое благо, составляющее равноцѣнность прежде отданному полезному пред-

мету. Если же въ промежутокъ между продажей и куплей произошло измѣненіе цѣнности денегъ, то данное лицо не получить равноцѣнности тому благу, которое оно само дало обществу. Такъ какъ бумажныя деньги часто измѣняютъ свою цѣнность въ неблагопріятную сторону, то очень часты при господствѣ ихъ и эти случаи реальныхъ имущественныхъ потерь. Очевидно, что бумажныя деньги вносятъ въ распредѣленіе хозяйственныхъ благъ такой элементъ, который не предвидимъ и ведетъ къ имущественнымъ измѣненіямъ, отличающимся полной несправедливостью.

Неустойчивость цѣнности бумажныхъ денегъ не позволяетъ имъ исполнять удовлетворительно и ту функцію, за которую деньги называются орудіемъ сбереженія цѣнности. Это положеніе едва ли нуждается въ доказательствахъ. Въ самомъ дѣлѣ, это вполнѣ очевидно, что лицо, дѣлающее сбереженія въ бумажныхъ деньгахъ, собственно никогда не можетъ быть увѣреннымъ, что оно сбережетъ именно столько цѣнности, сколько нужно для его цѣлей. Правда, цѣнность бумажныхъ денегъ не всегда идетъ книзу; иногда она идетъ и кверху. Отсюда слѣдуетъ, что лица, дѣлающія сбереженія, не всегда теряютъ, а иногда и выигрываютъ. Но съ народно-хозяйственной точки зрѣнія эти неожиданные выигрыши подлежатъ такому же осужденію, какъ и потери, ибо они (выигрыши) не были слѣдствіемъ заслугъ лицъ, ими воспользовавшихся; самое же главное состоитъ въ томъ, что эти неожиданные выигрыши отдѣльныхъ лицъ всегда предполагаютъ потерю какихъ-нибудь другихъ лицъ,—потерю одинаковаго размѣра съ незаслуженными прибытками первой группы лицъ.

Въ качествѣ орудія обращенія бумажныя деньги съ своей качественной стороны не имѣютъ большихъ неудобствъ, даже имѣютъ нѣкоторыя выгоды; такъ, онѣ чрезвычайно удобны для ношенія, храненія, счета и т. д. Но съ количественной стороны онѣ часто ведутъ къ замѣшательствамъ въ оборотѣ. Оборотъ требуетъ, чтобы было достаточное количество средствъ обращенія для приведенія въ передвиженіе отъ однихъ лицъ къ другимъ всего богатства націи, чтобы увеличеніе богатства вело не къ увеличенію цѣнности орудій обращенія, а къ увеличенію количества ихъ безъ измѣненія цѣнности, чтобы не вливалось въ обращеніе ненужныхъ средствъ обращенія, могущихъ найти себѣ дѣло только при пониженіи цѣн-

ности. Эти требованія по отношенію къ количеству орудій обращенія мало выполняются бумажными деньгами. Намъ извѣстенъ способъ ихъ выпуска, при которомъ на потребности оборота не обращается никакого вниманія; мы знаемъ, что обыкновенно бумажныя деньги массами выбрасываются на рынокъ. Послѣ подобныхъ обильныхъ выпусковъ общество и особенно производительный классъ начинаетъ ощущать обиліе денегъ; дѣйствительно, въ этомъ случаѣ со всѣхъ сторонъ предъявляется большой спросъ на товары, и тотчасъ наличными деньгами оплачиваются всѣ покупки; обиліе денегъ выражается и въ томъ, что чрезвычайно легко получать ихъ въ кредитъ; получаютъ много въ кредитъ даже такія лица, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ никогда не могли бы рассчитывать на это. Но обиліе денегъ продолжается не долго: такъ какъ одновременно съ выпускомъ бумажныхъ денегъ не произошло увеличенія богатства народа, то излишество денегъ поведетъ къ ихъ обезцѣненію. Когда же деньги обезцѣнятся, а цѣны на товары возвысятся, то то же количество бумажныхъ денегъ уже будетъ только достаточнымъ для цѣлей оборота. Этотъ процессъ приспособленія количества бумажныхъ денегъ къ потребности оборота ощущается обществомъ, какъ безденежье ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, еще недавно каждый или почти каждый могъ безъ затрудненій покупать много товаровъ; купцы еще недавно бойко и за наличность распродала свои товары; еще недавно безъ всякихъ хлопотъ можно было дѣлать денежные займы и за дешевую плату. Но вотъ наступаютъ совсѣмъ другія времена: въ сбытѣ товаровъ начинается застой, а если спрашиваютъ товары, то больше въ кредитъ; трудно дѣлать займы и приходится платить высокой процентъ. Этотъ періодъ реакціи обществомъ и особенно промышленнымъ классомъ обыкновенно объясняется тѣмъ, что недостаточно денегъ; поэтому въ эти періоды часто можно услышать требованія новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Но если бы эти требованія удовлетворялись, то единственнымъ ихъ результатомъ было бы повтореніе тѣхъ же состояній, именно сначала

¹⁾ См. подробности о безденежьи при обиліи денегъ у г. *Безобразова*, 0 нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи, II, 49 и сл.

обилія денегъ и послѣ него непріятнаго ощущенія непрочности этого обилія ¹⁾).

2) Если въ наличный оборотъ бумажными деньгами вносятся различныя замѣшательства, то и кредитный оборотъ неизбѣгаетъ ихъ. Самое вредное послѣдствіе бумажныхъ денегъ въ области кредита состоитъ въ томъ, что при паденіи цѣнности ихъ кредиторы несутъ потери въ своемъ имуществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кредиторъ отдаетъ въ чужое пользованіе такую-то денежную сумму и на такой-то срокъ въ увѣренности, что онъ получитъ обратно ту же цѣнность, какую отдалъ. Но эта увѣренность не всегда оправдывается при господствѣ бумажныхъ денегъ: кредиторъ собственно можетъ быть увѣренъ только въ томъ, что онъ получитъ ту же денежную сумму, которую отдалъ займы, но не можетъ быть увѣренъ, что получить ту же цѣнность; такимъ образомъ, если съ начала кредитной сдѣлки до конца ея произошло уменьшеніе цѣнности бумажныхъ денегъ, то кредиторъ понесетъ такую потерю, которая равна всему уменьшенію цѣнности бумажныхъ денегъ. Особенно сильны потери кредиторовъ въ переходное время отъ металлическаго обращенія къ бумажно-денежному, и именно тѣхъ кредиторовъ, которые давали займы деньги металлическія, а получаютъ долги будутъ деньгами бумажными. Указанныя потери кредиторовъ въ капитальной суммѣ, составляющія частое явленіе при господствѣ бумажныхъ денегъ, заставляютъ капиталистовъ, быть можетъ, безъ особой охоты и склонности основывать собственныя предпріятія вмѣсто того, чтобы отдавать деньги займы. Нерѣдки и тѣ случаи, когда капиталисты бумажно-денежной страны помѣщаютъ свои капиталы за границей, гдѣ они будутъ избавлены отъ риска по-

¹⁾ Здѣсь мы обратили вниманіе только на ненормальные періоды бумажно-денежнаго обращенія, когда бумажныя деньги вливаются въ оборотъ массовыми количествами. На предыдущихъ страницахъ намъ не разъ приходилось говорить, что, если бы правительства при выпускахъ бумажныхъ денегъ желали сообразоваться съ потребностями оборота, то они не могли бы услѣдить за всѣми измѣненіями этихъ потребностей и по нимъ опредѣлять количество бумажныхъ денегъ, что, такимъ образомъ, въ механизмѣ бумажно-денежнаго обращенія нѣтъ того саморегулирующаго начала, которое имѣетъ мѣсто при смѣшанномъ обращеніи. Объ этомъ неудобствѣ бумажныхъ денегъ намъ нѣтъ нужды говорить здѣсь снова; достаточно только напомнить объ немъ.

терь, вытекающихъ изъ неустойчивости денежной единицы. Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на то обстоятельство, что кредиторы не только подвергаются потерямъ въ капитальной суммѣ, но сверхъ того и вознагражденіе ихъ за оказанный кредитъ (процентъ) неустойчиво въ своемъ матеріальномъ содержаніи: процентныя деньги, которыми капиталистъ, быть можетъ, рассчитывалъ удовлетворять всѣ свои потребности, послѣ паденія цѣнности бумажныхъ денегъ не оправдываютъ этихъ ожиданій ихъ собственника. Такимъ образомъ, капиталисты, какъ таковыя, теряютъ не только на капиталѣ, но и на своемъ доходѣ и все благодаря той же неустойчивости бумажно-денежной единицы. Эти послѣднія потери тоже отбиваютъ охоту у денежныхъ капиталистовъ раздавать свои капиталы во временное чужое пользованіе. Какъ видитъ читатель, въ концѣ концовъ бумажныя деньги служатъ кредитное обращеніе или дѣлаютъ кредитъ дорогимъ; только въ періоды выпусковъ бумажныхъ денегъ происходитъ замѣтное оживленіе въ сферѣ кредита; но, какъ мы выше видѣли, это оживленіе является искусственнымъ и, кромѣ того, скоропреходящимъ. Разъясняя послѣдствія неустойчивой цѣнности бумажныхъ денегъ, мы обыкновенно имѣемъ въ виду паденіе цѣнности этихъ денегъ, а не возвышеніе. Такой пріемъ объясняется тѣмъ, что въ дѣйствительной жизни случаи паденія цѣнности бумажныхъ денегъ чаще случаевъ повышенія. Но, конечно, никогда не слѣдуетъ забывать, что цѣнность бумажныхъ денегъ не только падаетъ, но и возвышается; поэтому всегда слѣдуетъ оцѣнивать и то вліяніе, которое оказываетъ на данное хозяйственное явленіе возвышеніе цѣнности бумажныхъ денегъ. По отношенію къ кредиту ясно, что возвышеніе цѣнности ведетъ къ неожиданнымъ выигрышамъ кредиторамъ какъ въ капитальной части долга, такъ и въ вознагражденіи за уступку капиталовъ. Но опять слѣдуетъ замѣтить, что эти выигрыши съ народно-хозяйственной точки зрѣнія не могутъ быть оправданы, такъ какъ они кредиторами не заслужены и, кромѣ того, получаютъ на счетъ потерь должниковъ, которые въ колебаніяхъ цѣнности бумажныхъ денегъ тоже нисколько не виноваты ¹⁾.

¹⁾ О вліяніи бумажныхъ денегъ на кредитъ см. у *A. Wagner'a*, въ ст. *Papiergeld*, S. 667 и сл.; *его же*, въ *Schönberg's Handb. d. pol. Oek.*, B. III, 546 (2-е изд.); также у *Федоровича*, *op. c.*, 500 и сл.

3) Бумажныя деньги вносятъ въ производительную дѣятельность (въ тѣсномъ смыслѣ слова) такія вліянія, которыя мѣшаютъ правильному и спокойному ея теченію. Особенно замѣтно бросаются въ глаза ненормальные явленія въ національномъ производствѣ, если наблюдать его тотчасъ послѣ обильныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ; именно послѣ большихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ вскорѣ замѣчается ненормальное возбужденіе въ народномъ производствѣ, а спустя нѣкоторое время застой и угнетеніе производительной дѣятельности. Эти болѣзненные явленія объясняются слѣдующимъ образомъ. Государственное казначейство непосредственно или черезъ банкъ выбрасываетъ на денежный рынокъ массу бумажныхъ денегъ. Такъ какъ до этого выпуска потребность въ деньгахъ была такъ или иначе удовлетворена, то на первое время вновь появившіяся деньги оказываются свободными. Свобода ихъ выражается въ томъ, что онѣ наполняютъ въ видѣ вкладовъ банковыя кассы. Однако банки не могутъ держать у себя въ праздномъ состояніи большіе денежные капиталы, хотя бы потому только, что они подвергаются риску банкротства вслѣдствіе невозможности давать вкладчикамъ проценты на капиталы, которые имъ самимъ не приносятъ дохода; поэтому банки стремятся выгнать вклады пониженіемъ вкладного процента или пониженіемъ учетнаго процента; банкамъ это обыкновенно удается, и деньги оказываются свободными въ рукахъ частныхъ лицъ. Послѣднія, впрочемъ, и помимо побужденія со стороны кредитныхъ учрежденій, почувствовавъ себя владѣльцами свободныхъ денежныхъ капиталовъ, будутъ стремиться помѣстить ихъ отъ себя въ тѣ или иные предпріятія. Тогда начинается погоня за реальными капиталами, которые для производства, конечно, неизбѣжны; но оказывается, что денегъ много, а реальныхъ капиталовъ мало, потому что въ производственныхъ условіяхъ не было такихъ измѣненій, которыя дали бы странѣ увеличеніе реальныхъ капиталовъ; напротивъ, чаще всего бываетъ, что на ряду съ выпусками бумажныхъ денегъ имѣло мѣсто уменьшеніе реальныхъ капиталовъ, напр., вслѣдствіе войны; слѣдовательно, владѣльцы свободныхъ денежныхъ капиталовъ будутъ гоняться въ лучшемъ случаѣ за тѣми же реальными капиталами, которые имѣлись въ странѣ до выпуска бумажныхъ денегъ; отсюда естественно произойдетъ соперничество между ними, и по-

объдѣтъ тотъ, кто отдастъ больше денегъ за нужные реальные капиталы и кто, конечно, можетъ отдать больше; такими побѣдителями будутъ, напр., многочисленные поставщики на армію; если, впрочемъ, непосредственные получатели бумажныхъ денегъ отъ казначейства и не приступятъ сами къ производству, то они путемъ кредита, который теперь дешевле, уступятъ свои денежные капиталы другимъ болѣе предприимчивымъ лицамъ. Побѣда однихъ владѣльцевъ большихъ суммъ надъ другими будетъ имѣть слѣдующія послѣдствія: реальные капиталы вздорожаютъ; производителями будутъ часто не тѣ лица, которыя вели промышленныя предпріятія до выпуска бумажныхъ денегъ; вѣроятно, возникнутъ новыя предпріятія; наблюденіе дѣйствительной жизни показываетъ, что послѣ большихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ возникаютъ новыя грандіозныя предпріятія: строятся желѣзныя дороги, основываются обширныя фабрики, создаются кредитныя учрежденія съ огромными капиталами и т. д.; вслѣдствіе обширности предпріятій большая часть капиталовъ ихъ дѣлается неподвижной въ видѣ постоянныхъ капиталовъ. Всѣ эти явленія поражаютъ глазъ наблюдателя; кажется, что въ производствѣ произошло большое и благодѣтельное оживленіе. Это „оживленіе“, произведенное обиліемъ свободныхъ денежныхъ капиталовъ, на первое время поддерживается и усиливается еще ненормально большимъ спросомъ на товары со стороны потребителей: послѣ выпуска бумажныхъ денегъ у весьма большого круга лицъ доходы увеличились; прежде всего увеличились доходы лицъ, непосредственно правительству доставляющихъ товары и оказывающихъ услуги; увеличеніе (денежное) доходовъ ведетъ къ усиленному спросу, товары дорожаютъ; производители получаютъ пока неожиданные барыши и думаютъ, что нужно расширить производство. Такимъ образомъ, два указанныхъ ряда причинъ ведутъ къ „оживленію“ промышленности, но одновременно съ оживленіемъ тѣ же причины ведутъ къ вздорожанію реальныхъ капиталовъ и предметовъ непосредственнаго потребленія.

Послѣ того какъ процессъ вздорожанія реальныхъ капиталовъ и предметовъ потребленія достаточно распространится, тогда наступятъ явленія, обратныя только что описаннымъ: ощущается недостатокъ свободныхъ денежныхъ капиталовъ и сокращается спросъ на товары со стороны потре-

бителей. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе обезцѣненія бумажныхъ денегъ предприниматели на ту же денежную сумму не въ состояніи купить прежняго количества реальныхъ капиталовъ; отсюда необходимость въ сокращеніи предпріятій, прежде широко поставленныхъ, или даже въ окончательномъ ихъ прекращеніи. Равнымъ образомъ и потребители въ силу того же обезцѣненія бумажныхъ денегъ не въ силахъ поддерживать прежній спросъ на товары; въ этомъ новая причина для сокращенія или прекращенія предпріятій. Послѣ производительнаго возбужденія начинается застой; обнаруживается денежный и промышленный кризисъ; начинаются банкротства различныхъ акціонерныхъ предпріятій и особенно кредитныхъ; кредитъ сокращается и дорожаетъ; всѣ ищутъ, но не всегда находятъ наличныхъ денегъ.

Какъ видно уже изъ самаго описанія періода „оживленія“, возбужденіе промышленной дѣятельности, обыкновенно наступающее послѣ выпуска бумажныхъ денегъ, съ народно-хозяйственной точки зрѣнія не имѣетъ никакой цѣны и даже должно считаться однимъ изъ невыгодныхъ послѣдствій бумажно-денежнаго обращенія. На самомъ дѣлѣ странно ожидать, что отъ одного выпуска бумажныхъ денегъ произойдетъ значительное и прочное усиленіе производительной дѣятельности. Усиленіе національнаго производства возможно только тогда, когда произойдетъ приростъ или улучшеніе въ основныхъ факторахъ его, т. е. въ трудѣ, капиталѣ или землѣ. Въ предыдущемъ изложеніи было показано, что отъ выпусковъ бумажныхъ денегъ народный капиталъ не увеличивается. Что касается другихъ факторовъ производства, то, конечно, очевидно, что они также не прирастаютъ и не улучшаются отъ того совершенно посторонняго для нихъ обстоятельства, что выпущена масса бумажныхъ денегъ: было бы совсѣмъ нелѣпо утверждать, что благодаря обильнымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ производительное населеніе страны увеличивается или становится сильнѣе; столь же нелѣпо было бы говорить, что то же обстоятельство можетъ повести къ приросту земельныхъ владѣній націи или къ усиленію ихъ плодородія. Если выпускъ бумажныхъ денегъ не можетъ увеличить или улучшить ни одного изъ факторовъ производства, то онъ не можетъ увеличить и самаго производства. То, что ощущается въ видѣ оживленія промышленности, есть не болѣе, какъ пертурбаціонный

процессъ въ производствѣ страны; онъ состоитъ въ томъ, что одни и тѣ же средства производства усиленно требуются многими предпринимателями, что эти средства переходятъ отъ однихъ лицъ къ другимъ, что побѣдители въ этомъ соперничествѣ вмѣсто старыхъ и прочныхъ предпріятій основываютъ новыя и часто рискованныя предпріятія; слѣдовательно, въ этомъ процессѣ оживленія въ сущности нѣтъ увеличенія національнаго производства, а есть только перемѣщеніе производительныхъ силъ отъ однихъ предпринимателей къ другимъ. Изъ всего предыдущаго видно также, что къ „оживленію промышленности“ отъ выпуска бумажныхъ денегъ нельзя относиться оптимистически, ибо оно часто ведетъ къ возникновенію такихъ предпріятій, которыя не имѣютъ подъ собой солидной почвы въ потребностяхъ общества и потому скоро лопаются¹⁾.

Только что описанное вліяніе бумажныхъ денегъ на національное производство относится къ ненормальнымъ періодамъ бумажно-денежнаго обращенія, т. е. къ тѣмъ періодамъ, когда вновь выпускаемыя бумажныя деньги еще не размѣстились по всѣмъ каналамъ обращенія. Но и въ болѣе спокойное время бумажныя деньги не остаются безъ неблагоприятнаго вліянія на производство. Въ спокойное время ихъ вліяніе на производство состоитъ въ томъ, что предпріятія должны нести особый рискъ, проистекающій отъ неустойчивости бумажно-денежной единицы; при господствѣ бумажныхъ денегъ предприниматели часто могутъ нести неожиданныя потери или получать барыши только отъ того, что возвысилась или пала цѣнность бумажныхъ денегъ. Этотъ особый рискъ предпринимателей общество должно оплачивать путемъ увеличенія страховой преміи въ составѣ предпринимательской прибыли. Кромѣ того, сильная рискованность предпріятій, граничащая иногда

¹⁾ Подобное же вліяніе на производство оказываютъ и металлическія деньги, если онѣ появляются вдругъ и въ большомъ количествѣ на денежномъ рынкѣ какой-нибудь страны; но металлическія деньги могутъ появляться въ чрезвычайномъ излітствѣ въ какомъ-нибудь народномъ хозяйствѣ только въ исключительныхъ случаяхъ; мы можемъ указать развѣ только на 5 миллиардовъ контрибуцій, уплаченной французами Германіи въ послѣднюю войну. См. о вліяніи этой контрибуціи на германское народное хозяйство у *Paasche*, Studien über die Natur der Geldentwerthung, S. 164.

съ игрой, оказываетъ подавляющее вліяніе на предпріимчивость и отвлекаетъ отъ предпринимательства солидные элементы.

4) Бумажныя деньги вносятъ значительныя затрудненія въ международный обмѣнъ. Когда шла рѣчь о цѣнности и цѣнѣ бумажныхъ денегъ, тогда было показано, что цѣнность и цѣна ихъ не всегда совпадаютъ между собой, что бываютъ перѣдкіе случаи, когда цѣна бумажныхъ денегъ стоитъ далеко ниже цѣнности ихъ. Это несовпаденіе между цѣнностью и цѣной бумажныхъ денегъ отражается на международномъ обмѣнѣ слѣдующимъ образомъ: а) предметы *вывоза* даютъ неожиданныя барыши, и потому высокой лажъ является для этихъ предметовъ какъ бы преміей за вывозъ ¹⁾; допустимъ, напр., что русскіе экспортеры хлѣба при курсѣ 3 фр. за рубль продавали во Франціи 100 пуд. хлѣба за 100 р. или за 300 фр.; если курсъ рубля палъ до 2 фр., то за тѣ же 100 пуд. хлѣба будутъ получены во Франціи по прежнему 300 фр.; но эти 300 фр. при новомъ курсѣ будутъ равны уже 150 руб.; такъ какъ, по нашему предположенію, цѣнность бумажныхъ денегъ не измѣнилась, то 50 р. будутъ для русскаго экспортера неожиданнымъ барышемъ, преміей за отпускъ. б) Предметы *ввоза* при несовпаденіи цѣнности и цѣны бумажныхъ денегъ даютъ импортерамъ неожиданныя убытки, и потому подъ вліяніемъ высокаго лажа ввозъ сокращается или же до уравненія между цѣнностью и цѣной бумажныхъ денегъ совсѣмъ прекращается ²⁾; такимъ образомъ, высокой лажъ имѣетъ дѣйствіе охранительной пошлины ³⁾. Поясимъ опять эти послѣднія положенія гипотетическимъ примѣромъ: при курсѣ 3 фр. за рубль французы продаютъ молотилку въ Россіи за 100 руб. или 300 фр.; если они продадутъ молотилку при курсѣ 2 фр. за рубль за тѣ же 100 руб., то получаютъ только уже 200 фр., которые не покроютъ издержекъ производства, и ввозъ въ Россію молотилокъ остановится. Указанное сейчасъ дѣйствіе лажа на ввозъ или вывозъ дѣлаетъ международную торговлю довольно рискованнымъ дѣломъ; эта рискованность уже сама по себѣ въ со-

¹⁾ Ср. А. Вагнеръ, Рус. бум. деньги, стр. 106.

²⁾ Леруа-Болье справедливо говоритъ, что «принудительный курсъ является для націи причиной экономическаго обособленія»; см. *Leroy-Beaulieu, Traité de la science des finances*, t. II, p. 689 (3 éd.).

³⁾ Ср. А. Вагнеръ, Рус. бум. деньги, стр. 102.

стояніи ослаблять международный обмѣнъ бумажно-денежной страны или, по крайней мѣрѣ, отвлекать отъ занятія международной торговлей солидные элементы. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что дѣйствіе лажа въ направленіи охранительной пошлны или преміи за отпускъ, способно отражаться невыгодно на всемъ производствѣ бумажно-денежной страны: производство такой страны подъ вліяніемъ лажа имѣетъ тенденцію отклоняться отъ своего естественнаго вида; народъ до известной степени перестаетъ производить то, что, сообразно съ благопріятными природными или общественными условіями, ему было бы естественнѣе всего производить; подъ вліяніемъ лажа, какъ покровительственной пошлны, въ странѣ возникаютъ производства, никогда не существовавшія или не могшія процвѣтать; ради этихъ искусственно возникшихъ производствъ отвлекаются капиталы и рабочая сила отъ тѣхъ занятій, которыя для этой страны являются самыми естественными; для потребителей все это имѣетъ значеніе дороговизны товаровъ.

5) Слѣдуетъ упомянуть еще о потеряхъ, доставляемыхъ бумажными деньгами тѣмъ лицамъ, доходы которыхъ опредѣляются контрактами на долгіе сроки. Среди этой группы первое мѣсто занимаетъ чиновничество; вознагражденіе за трудъ чиновниковъ устанавливается государствомъ не часто, и потому жалованье ихъ мѣняется въ своемъ реальномъ содержаніи съ каждымъ измѣненіемъ цѣнности бумажныхъ денегъ, и, такъ какъ цѣнность бумажныхъ денегъ чаще падаетъ, чѣмъ повышается, то чиновничество чаще теряетъ, чѣмъ выигрываетъ при господствѣ бумажныхъ денегъ. Хотя вознагражденіе за обыкновенный физическій трудъ не устанавливается на долгіе сроки, но тѣмъ не менѣе процессъ увеличенія номинальной заработной платы до уровня прежней реальной платы является процессомъ, тягостнымъ для рабочаго класса, и притомъ, какъ уже было отмѣчено, процессомъ, болѣе медленнымъ, чѣмъ возвышеніе цѣнъ на другіе товары. Несутъ потери и собственники средствъ производства, отдающіе ихъ въ чужое пользованіе на долгіе сроки; напр., собственникъ, отдавшій землю въ аренду на продолжительный срокъ, теряетъ въ реальномъ содержаніи арендной платы всякій разъ, какъ падаетъ цѣнность бумажныхъ денегъ.

6) Намъ осталось обратить вниманіе еще на одну сторону бумажно-денежнаго обращенія, именно намъ осталось охарактеризовать бумажныя деньги, какъ финансовый источникъ.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ ¹⁾ мы доказывали, что выпускъ бумажныхъ денегъ есть созданіе монопольной цѣнности, что доходъ отъ нихъ есть монопольный доходъ ²⁾. Но спрашивается теперь: кого поражаетъ этотъ оригинальный налогъ и отвѣчаетъ ли онъ требованіямъ раціональнаго обложенія? Подобно всѣмъ доходамъ отъ государственныхъ монополій, выпускъ бумажныхъ денегъ поражаетъ тоже потребителей и именно потребителей денегъ. Но для характеристика обложенія, налагаемаго на общество выпусками бумажныхъ денегъ, этого общаго положенія недостаточно: это положеніе не говорить, между прочимъ, о томъ, всѣхъ ли лицъ, пользующихся деньгами, поражаетъ выпускъ бумажныхъ денегъ и въ какомъ размѣрѣ ³⁾. Оказывается, что бумажныя деньги являются налогомъ не для всѣхъ потребителей ихъ. Для разъясненія этого положенія предположимъ, что сдѣланъ выпускъ въ Россіи на 300 мил. для военныхъ цѣлей; прежде всего ясно, что правительство, израсходовавши эти 300 мил., получить въ свое распоряженіе такое количество матеріальныхъ предметовъ и услугъ, которое будетъ соответствовать цѣнности только что названной суммы бумажныхъ денегъ. Но кто отдастъ эти

¹⁾ См. гл. III, стр. 135.

²⁾ Замѣтимъ здѣсь, что г. *Панавъ* въ своемъ сочиненіи, «Финансовыя и экономическія вопросы» (1878), также доказываетъ, что бумажныя деньги не есть государственный долгъ и что, если онѣ вынуждены въ излишество, то въ степени излишества являются налогомъ на современное поколѣніе (см. самимъ имъ сгруппированныя основныя положенія его книги на стр. VI предисловія). Мы должны здѣсь сдѣлать непріятное признаніе, что сочиненіе г. *Панавы* намъ стало извѣстнымъ уже только послѣ того, какъ большая часть этой работы была напечатана; этимъ объясняется, что въ той части нашей работы, въ которой устанавливались основныя пункты теоріи бумажныхъ денегъ, мы не ссылались на его книгу; хотя въ нашемъ сочиненіи оставлены безъ упоминанія по незначительности многія статьи и брошюры, касающіяся вопроса о бумажныхъ деньгахъ, но по отношенію къ книгѣ г. *Панавы* это было бы несправедливо. Впрочемъ, насъ до нѣкоторой степени успокоиваетъ то, что по главнѣйшимъ частямъ теоріи бумажныхъ денегъ намъ пришлось бы стать въ рѣзкую оппозицію къ воззрѣніямъ г. *Панавы*, являющимся страстнымъ защитникомъ бумажныхъ денегъ.

³⁾ Или денегъ металлическихъ, если онѣ во время выпуска бумажныхъ еще обращались.

предметы и услуги, на кого падетъ матеріальная потеря въ имуществѣ? Правительство, расходуя 300 милл., предъявитъ спросъ на товары и услуги, общая сумма которыхъ останея та же, что была до выпуска бумажныхъ денегъ; вслѣдствіе усилившагося спроса на не измѣнившееся количество благъ цѣны ихъ увеличатся, и цѣнность всѣхъ вообще денегъ падетъ; поэтому всѣ лица, которыя въ періодъ обезцѣненія денегъ должны дѣлать денежные расходы, лишатся нѣкоторой части цѣнности своего имущества, такъ какъ цѣнность ихъ денегъ уменьшилась, и они купятъ на нихъ меньше реальныхъ благъ; точнѣе говоря, всѣ лица, которыя вслѣдствіе выпуска бумажныхъ денегъ должны отдавать деньги по меньшей цѣнности, чѣмъ они сами прежде получали, несутъ на себѣ тяжесть выпуска бумажныхъ денегъ; потери этихъ лицъ и есть то, что для общества является налогомъ. Послѣ только что приведеннаго описанія дѣйствія бумажныхъ денегъ, какъ налога, ясно, что онѣ поражаютъ не всѣхъ лицъ, пользующихся деньгами: этому налогу подвержены только тѣ лица, которыя въ періодъ обезцѣненія должны расходовать свои деньги; а изъ этихъ послѣднихъ только тѣ, которыя сами получили ихъ съ болѣею цѣностью, чѣмъ должны расходовать. Что касается размѣра, въ которомъ бумажныя деньги поражаютъ отдѣльныя хозяйства, то ясно, что величина этого налога пропорціональна, во-первыхъ, суммѣ расходуемыхъ денегъ и, во-вторыхъ, степени паденія цѣнности денежной единицы съ момента пріобрѣтенія денегъ даннымъ хозяйствомъ до момента расходованія ихъ тѣмъ же хозяйствомъ.

Бумажно-денежный налогъ не удовлетворяетъ ни одному изъ требованій, предъявляемыхъ экономической и финансовой наукой къ рациональному обложенію. Примѣнимъ къ этому налогу, напр., тѣ требованія, которыя выставлены *А. Смитомъ* и которыя являются не болѣе, какъ скромными. 1) „Подданные всякаго государства“, говоритъ *А. Смитъ*: „обязаны принимать участіе въ поддержаніи правительства, каждый по мѣрѣ собственныхъ своихъ средствъ, то есть, въ размѣрахъ доходовъ, получаемыхъ ими подъ покровительствомъ государства“¹⁾. Бумажно-денежный налогъ не удовлетворяетъ только что указав-

¹⁾ *А. Смитъ*, Богатство народовъ, III, 185.

ному требованію въ слѣдующихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ поражаетъ не всѣхъ подданныхъ государства, а только нѣкоторую часть ихъ; сверхъ того лица, которыхъ онъ настигаетъ, случайно выхватываются изъ всей массы отдѣльныхъ самостоятельныхъ хозяевъ страны; какъ мы недавно видѣли, это тѣ лица, которыя въ періодъ обезцѣненія бумажныхъ денегъ, должны расходовать свои деньги; во-вторыхъ, этотъ налогъ поражаетъ не только доходъ, но часто и капиталъ отдѣльныхъ хозяйствъ; если, напр., какой-нибудь предприниматель вскорѣ послѣ выпуска бумажныхъ денегъ употребляетъ сто тысячъ руб. на закупку реальныхъ капиталовъ, то при обезцѣненіи бумажныхъ денегъ на 10% онъ теряетъ 10% своего капитала и можетъ купить реальныхъ капиталовъ для своего предпріятія уже на $\frac{1}{10}$ часть меньше, чѣмъ онъ покупалъ прежде; наконецъ, въ-третьихъ, бумажно-денежный налогъ не отличается пропорціональностью ни по отношенію къ доходамъ, ни по отношенію ко всему имуществу отдѣльныхъ лицъ; онъ пропорціоналенъ только суммѣ расхода¹⁾, дѣлаемаго лицомъ во время обезцѣненія бумажныхъ денегъ; но эта сумма, конечно, не выражаетъ ни всего дохода, ни всего имущества лица. 2) *А. Смитъ* выставляетъ еще такое требованіе по отношенію ко всѣмъ налогамъ: „налогъ, который обязано платить каждое лицо, долженъ быть точно опредѣленнымъ, а не произвольнымъ“²⁾. Этому требованію бумажно-денежный налогъ совсѣмъ не удовлетворяетъ: правительство, выпуская бумажныя деньги, никогда впередъ не можетъ опредѣлить, насколько онѣ обезцѣнятся; поэтому никогда оно не можетъ заранѣе сказать, сколько оно возметъ съ тѣхъ или иныхъ лицъ. 3) „Каждый налогъ“, говоритъ, далѣе *А. Смитъ*: „долженъ вѣдаться въ такое время и такимъ способомъ, какіе представляютъ наиболѣе удобствъ для

¹⁾ Слово «расходъ» понимается здѣсь въ самомъ широкомъ смыслѣ; подъ этимъ терминомъ мы подразумѣваемъ здѣсь всякое выступленіе денегъ изъ хозяйственной власти какого-нибудь лица, причемъ безразлично, дѣлается ли это для пріобрѣтенія предметовъ непосредственнаго употребленія или для пріобрѣтенія реальныхъ капиталовъ.

²⁾ Въ русскомъ переводѣ г. *Бибикова* это правило передано не совсѣмъ точно; здѣсь оно изложено по подлиннику. См. *А. Smith, An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*, III, 256 (3-е изд. 1784 г.).

плательщика“¹⁾; и это требованіе не осуществляется въ бумажно-денежномъ налогѣ; въ самомъ дѣлѣ, потери на цѣнности денегъ, которыя должно нести извѣстное лицо, нисколько не сообразуются съ удобствами этого лица; наоборотъ, онѣ могутъ поражать его въ самое неудобное время, напр., тогда, когда оно расходуетъ деньги на приобрѣтеніе реальныхъ капиталовъ для своего предпріятія или нанимаетъ рабочихъ. 4) Наконецъ, *А. Смитъ* установилъ еще одно (четвертое) правило для всѣхъ налоговъ; оно гласитъ: „налогъ долженъ взиматься такимъ образомъ, чтобы онъ извлекалъ изъ народа какъ можно менѣе денегъ сверхъ того, что поступаетъ въ государственное казначейство, и въ то же самое время чтобы собранныя деньги оставались возможно малое время въ рукахъ сборщиковъ“²⁾). Послѣдняя половина этого правила не применима къ бумажно-денежному налогу на томъ основаніи, что для взиманія этого оригинальнѣйшаго изъ налоговъ не требуются вовсе сборщики. Что же касается первой половины разсматриваемаго правила, то она осуществляется въ бумажно-денежномъ налогѣ самымъ неудовлетворительнымъ образомъ; дѣйствительно, не все, что теряется частными лицами на паденіи цѣнности денегъ, идетъ въ руки правительства; значительная часть этихъ потерь идетъ въ руки другихъ частныхъ лицъ; такъ, выше мы видѣли, что отъ паденія цѣнности бумажныхъ денегъ теряетъ классъ кредиторовъ и несправедливо выигрываетъ классъ должниковъ³⁾).

Изъ предложенной сейчасъ характеристики бумажно-денежнаго долга видно, что налогомъ при выпускѣ бумажныхъ денегъ слѣдуетъ считать только то, что теряется отдѣльными лицами при выпускѣ излишнихъ бумажекъ; та же часть цѣнности ихъ, которая сохраняется, не есть, конечно, налогъ. Кромѣ того, изъ этой же характеристики бумажно-денежнаго налога мы можемъ почерпнуть еще новый доводъ въ пользу того положенія, что бумажныя деньги матеріально не есть государственный долгъ. Въ самомъ дѣлѣ, то, что теряется частными лицами на цѣнности бумажныхъ денегъ и что

¹⁾ См. рус. пер., III, 186.

²⁾ Ib., 187.

³⁾ Ср. *Дж. Ст. Милль*, Основанія полит. экон., II, 75.

можно бы считать долгомъ правительства, никогда нельзя воз-
вратить тѣмъ лицамъ, которые эти потери понесли; нельзя
сдѣлать этой уплаты потому, что нѣтъ никакой возможности
привести въ извѣстность лицъ, потерявшихъ тѣ или иныя ча-
сти своего имущества, и нельзя равнымъ образомъ привести
въ извѣстность размѣры ихъ потерь; и ни въ одномъ изъ го-
сударствъ, имѣвшихъ дѣло съ бумажными деньгами, при воз-
становленіи металлическаго обращенія эти потери не возвра-
щались; какой же это долгъ, если онъ не можетъ быть упла-
ченъ и никогда не уплачивается? Что же касается той части
цѣнности, которая сохранилась въ бумажныхъ деньгахъ, то ее
нельзя считать долгомъ потому, что нельзя считать долгомъ
цѣнность, которая не была взята; если при восстановленіи ме-
таллическаго обращенія, владѣльцевъ бумажныхъ денегъ при-
глашаютъ обмѣнять бумажки на звонкія деньги, то это не бу-
детъ уплатой долга, а будетъ только замѣной одной цѣнности
другой.

До сихъ поръ мы разсматривали бумажно-денежный на-
логъ съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства; посмот-
римъ теперь на него съ точки зрѣнія специальныхъ интере-
совъ фиска. И съ этой точки зрѣнія выпуски бумажныхъ де-
негъ нельзя считать самымъ хорошимъ изъ экстраординарныхъ
способовъ добыванія средствъ для государствъ. Прежде всего
ясно, что разстройство денежной системы, вносимое бумаж-
ными деньгами, отразится и на государственномъ хозяйствѣ:
его доходы будутъ постоянно колебаться вмѣстѣ съ колебаніями
бумажно-денежной единицы; не будетъ возможности устано-
вить точное равновѣсіе въ доходахъ и расходахъ; дефициты
становятся обычнымъ явленіемъ и для устранения ихъ прави-
тельство очень часто возвышаетъ нормы старыхъ налоговъ и
выискиваетъ новые виды обложения. Эта беспорядочность въ фи-
ансовомъ хозяйствѣ сокращаетъ кредитъ государства или дѣ-
лаетъ его болѣе дорогимъ. Нельзя говорить далѣе, чтобы вы-
пуски бумажныхъ денегъ составляли для государства самый
дешевый способъ полученія средствъ; правда, многимъ можетъ
показаться, что безпроцентность этого такъ называемаго дол-
га есть показатель его дешевизны; на самомъ же дѣлѣ этой
дешевизны нѣтъ: долгъ или не долгъ бумажныя деньги, но во
всякомъ случаѣ рано или поздно государству придется изъять
ихъ изъ обращенія и замѣнить деньгами металлическими; при

Этомъ возстановленіи и обнаружится, что выпускъ бумажныхъ денегъ не есть дешевый финансовый источникъ; въ самомъ дѣлѣ, когда правительство выпускаетъ бумажныя деньги, тогда ихъ цѣнность стоитъ низко, и потому на нихъ государство пріобрѣтаетъ не особенно много предметовъ и услугъ; замѣнить же бумажныя деньги звонкими государство обязывается по цѣнѣ номинальной; поэтому степень обезцѣненія бумажныхъ денегъ по отношенію къ деньгамъ металлическимъ во время первоначальнаго ихъ выпуска и расходованія самимъ правительствомъ и есть цѣна, за которую правительство получаетъ средства изъ разсматриваемаго источника.

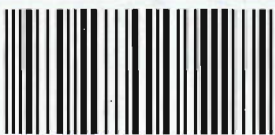
За бумажными деньгами, какъ экстраординарнымъ источникомъ, всегда останутся слѣдующія незамѣнимыя удобства: быстрота, съ которой чрезъ отпечатаніе бумажекъ получаютъ средства расплатъ, и независимость отъ вѣшняго или внутренняго кредита. Поэтому, по всей вѣроятности, выпуски бумажныхъ денегъ останутся еще на долгое время финансовымъ источникомъ въ критическія минуты государственной жизни. Какъ бы ни были велики неблагоприятныя послѣдствія бумажныхъ денегъ для народнаго и государственнаго хозяйства, все-таки нельзя не оправдывать ихъ выпускъ при одномъ условіи: средствомъ крайней нужды они могутъ и должны остаться; слѣдуетъ только пожелать, чтобы правительства не распространяли слишкомъ понятіе крайней нужды и чтобы они относились съ полной бережливостью къ этому источнику и не истощали его. Последнее правило заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться нѣсколько долѣе. Не истощать экстраординарный налогъ, состоящій въ выпускѣ бумажныхъ денегъ, значитъ слѣдующее: нужно, чтобы этимъ источникомъ пользовались только до тѣхъ поръ, пока необходимо, и нужно дѣлать его свободнымъ тотчасъ же, какъ только представляется къ тому какая-нибудь возможность. Наблюденіе показываетъ, что такое отношеніе къ бумажнымъ деньгамъ не представляетъ непреодолимыхъ препятствій; наблюденіе показываетъ, что вскорѣ послѣ выпуска бумажныя деньги не входятъ или почти не входятъ въ обращеніе; онѣ загромождаютъ кредитныя учрежденія или лежатъ праздными въ домашнихъ кассахъ; въ этотъ моментъ (напр., тотчасъ послѣ окончанія войны) ихъ весьма удобно захватить и превратить въ долгосрочныя иностранныя или внутренніе долги, — тѣмъ болѣе удобно, что по минованіи того

бурнаго времени, въ которое бумажныя деньги были выпущены, обыкновенно внутренней и ви́шній кредитъ государства повышается. Если не соблюдаютъ сейчасъ разъясненнаго правила, то народное и государственное хозяйства подвергаются большой опасности въ будущемъ, именно: если бумажныхъ денегъ выпущено уже много, если онѣ уже значительно обезцѣнились, то при новой необходимости въ финансовыхъ средствахъ пользоваться этимъ же источниковъ становится весьма затруднительно: во-первыхъ, новые массовые выпуски уже значительно обезцѣненныхъ бумажныхъ денегъ не дадутъ или дадутъ весьма мало крайне необходимыхъ правительству платежныхъ средствъ; во-вторыхъ, еще новое и сильное паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ поведетъ къ полной катастрофѣ внутри народнаго хозяйства.

Изъ всего сказаннаго въ этой главѣ ясно, что основные интересы народнаго и государственнаго хозяйства требуютъ, строго говоря, полнаго воздержанія отъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Но такъ какъ эти интересы должны будутъ всегда уступать еще болѣе высокому интересу государственнаго самосохраненія, то бумажныя деньги будутъ и впредь появляться въ томъ или иномъ государствѣ; но, надо надѣяться, что въ скоромъ времени правительства научатся пользоваться этимъ источникомъ наиболѣе удобно для себя и наиболѣе безвредно для частнаго оборота; равнымъ образомъ надо надѣяться, что тѣ правительства, которыя еще не успѣли освободиться отъ бумажныхъ денегъ, сдѣлаютъ это при первой возможности; быть можетъ, не далеко то время, когда и русское народное хозяйство будетъ освобождено отъ великаго бремени, налагаемаго на него бумажными деньгами.

ВАЖНѢЙШІЯ ИЗЪ ОПЕЧАТОКЪ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
27.	4 снизу.	или влости	(не читать эти два слова).
28.	12 сверху.	падала бы	возвышалась бы.
62.	12 —	билетомъ	билетами.
136.	12 —	многопольный	монопольный.
149.	15 —	монетою	монстою».
191.	7—8 —	ассигнаціи.	ассигнаціи.
216.	10 снизу	1½ рублевья ассиг- націи	1½ рубля ассигнаціями.
228.	15 —	платежа	платежа».
253.	20 сверху.	$\frac{400}{105}$	$\frac{400}{105} =$
281.	1 снизу.	1855 г.	1856 г.
297.	4 —	іюня	іюля.
298.	5 сверху.	іюня	іюля.
327.	4 —	85,5	88,5
354.	3 снизу.	было	было бы.

2007051530